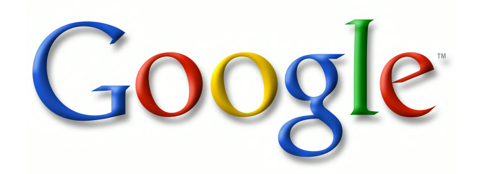
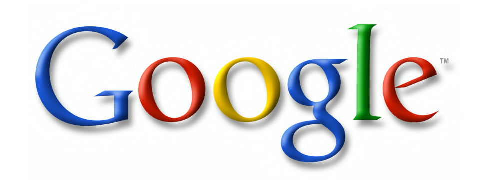

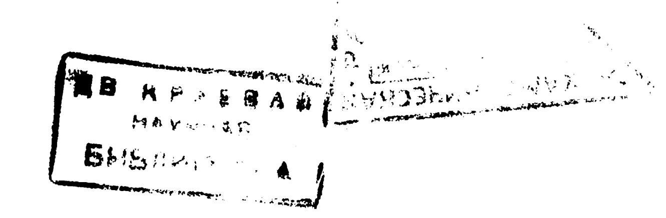

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Октябрь № 10.

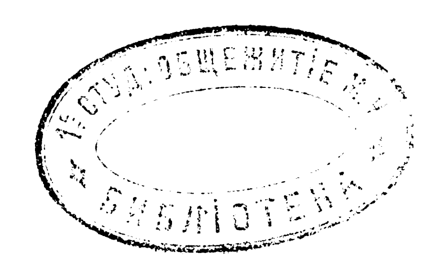
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1897.

Контора и редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ переведены на Б. Московскую, д. № 11.

СОДЕРЖАНІЕ
№ 10 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Порядокъ пріобрѣтенія ученыхъ степеней.

Профессоръ Г. Ф. Шершеневичъ въ началѣ текущаго года издалъ очень интересную брошюру по поводу существующаго порядка пріобрѣтенія ученыхъ степеней. Авторъ не доволенъ этимъ порядкомъ, онъ считаетъ его несостоятельнымъ и предлагаетъ замѣнить новымъ, «который вполнѣ надежно гарантировалъ-бы обществу и правительству наличность ученыхъ силъ, способныхъ принять на себя высшее научное образованіе юношества».

Порядковъ совершенныхъ и не подлежащихъ исправленію нигдѣ нѣтъ. Все въ мірѣ измѣняется то въ лучшую, то въ худшую сторону. Могутъ быть улучшены и правила о порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней. Вопросъ, возбужденный проф. Шершеневичемъ, имѣетъ несомнѣнную важность, какъ для молодыхъ людей, посвящающихъ себя ученой карьерѣ, такъ и для самихъ университетовъ, ученыя силы которыхъ пополняются новыми магистрами и докторами. Примѣненіе существующихъ правилъ не во всѣхъ университетахъ одинаково; еще болѣе разнообразія встрѣчаемъ въ пониманіи и оцѣнкѣ этихъ правилъ среди публики. Яркимъ отраженіемъ этой неустановившейся твердо практики служитъ брошюра проф. Шершеневича. Она написана съ большимъ мастерствомъ, но на основаніи тѣхъ только случаевъ, которые сдѣлались извѣстны ихъ автору, и далеко не исчерпываетъ всей университетской практики. Въ мою долгую университетскую службу я былъ свидѣтелемъ многихъ случаевъ примѣненія этихъ правилъ и долженъ сказать, что мои наблюденія привели меня къ иной ихъ оцѣнкѣ. Въ газетахъ и журналахъ появились уже отзывы о брошюрѣ проф. Шершеневича, то сочувственные, то проникнутые нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ цѣлесообразности предлагаемыхъ имъ нововведеній. Въ виду возникшаго уже въ печати обсужденія правилъ, считаю нелишнимъ сдѣлать попытку выяснить ихъ особенности съ точки зрѣнія мнѣ извѣстной практики.

Проф. Шершеневичъ останавливается только на двухъ послѣднихъ актахъ въ длинномъ процессѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней: на разсмотрѣніи диссертаціи факультетомъ и на публичномъ диспутѣ, но вовсе не касается магистерскаго экзамена. Экзаменъ этотъ—весьма существенный актъ на пути къ ученой степени и представляетъ свои трудности, а потому имѣетъ не меньшее право на наше вниманіе.

Трудность экзамена—и для экзаменующихся и для экзаменаторовъ—заключается въ совершенной его неопредѣленности. Не существуетъ ни установленныхъ программъ, ни руководствъ, ознакомленіе съ которыми могло-бы открыть магистранту двери въ храмъ науки. Онъ долженъ знать современное состояніе науки въ ея историческомъ развитіи, а это современное состояніе постоянно мѣняется и не можетъ быть закрѣплено никакой программой и никакимъ руководствомъ. На юридическомъ факультетѣ, практику котораго мы ближайшимъ образомъ и имѣемъ въ виду, экзаменующійся долженъ знать: теоретическія ученія, русскія и иностранныя, въ ихъ историческомъ развитіи, русское право съ его исторіей за два послѣднія столѣтія, по крайней мѣрѣ, и иностранныя законодательства также съ ихъ исторіей. По каждому предмету получится чрезвычайно обширная область требованій, гдѣ всегда найдутся вопросы, на которые и самый прилежный и добросовѣстный магистрантъ можетъ не дать отвѣта. И не рѣдко случается, что на предложенный вопросъ онъ отвѣчаетъ: я этого не знаю, этой книги я не читалъ. Такіе отвѣты не всегда мѣшаютъ, однако, признать экзаменъ удовлетворительнымъ. Ясно,—какую крупную роль играетъ въ этомъ дѣлѣ усмотрѣніе. Присоединимъ къ добытому результату различіе требованій по различію личныхъ особенностей экзаменаторовъ и различію состава факультетовъ въ разныхъ университетахъ и придемъ къ заключенію, что выдержавшій экзаменъ на ученую степень магистра не представляетъ совершенно опредѣленной научной величины. Это величины чрезвычайно разныя и уравнять ихъ нѣтъ никакой возможности. Достоинство ученой степени поддерживается не правилами, которыя могли-бы строго регулировать порядокъ ея пріобрѣтенія, а искусствомъ и тактомъ экзаменаторовъ, этой живой разумной силой, которая развивается опытомъ.

Кое что, однако, можетъ быть сдѣлано для борьбы съ главнымъ зломъ магистерскихъ экзаменовъ—неопредѣленностью требованій. Съ этою цѣлью съ давнихъ уже временъ существуетъ въ факультетахъ такая практика. Приступающій къ экзамену долженъ самъ составить программу своего предмета съ обозначеніемъ всѣхъ входящихъ въ него вопросовъ и литературы. Эта программа представляется на разсмотрѣніе профессора по спеціальности и исправляется и дополняется согласно его указаніямъ. Выработанная такимъ образомъ программа утверждается факультетомъ и составляетъ внѣшнюю границу экзаменныхъ требованій. На испытаніи

магистранту предлагаютъ только вопросы, внесенные въ его программу; онъ долженъ знать только сочиненія, въ его програмиѣ обозначенныя.

Есть факультеты, которыми сдѣланъ и еще шагъ въ этомъ направленіи. Профессоръ-экзаменаторъ разбиваетъ одобренную факультетомъ программу на произвольное число билетовъ и экзаменующемуся предоставляется вынуть билетъ, какой попадется, какъ это дѣлается на государственныхъ и всякихъ другихъ экзаменахъ. Господствующій-же порядокъ другой. Профессоръ-экзаменаторъ приноситъ въ факультетское засѣданіе, въ которомъ происходитъ экзаменъ, заготовленные имъ дома вопросы, читаетъ ихъ факультету и предлагаетъ ему выбрать изъ ихъ числа по своему усмотрѣнію столько, сколько слѣдуетъ предложить экзаменующемуся.

Полагаю, что первый порядокъ заслуживаетъ предпочтенія, и надо желать, чтобы онъ вошелъ во всеобщее употребленіе. Въ его пользу говоритъ его большая объективность. Въ самомъ дѣлѣ, какая надобность экзаменатору приносить въ карманѣ вопросы, которые онъ желаетъ предложить магистранту? Хотя эти вопросы и берутся изъ программы магистранта (тамъ, гдѣ существуетъ такой порядокъ), но въ ихъ келейномъ выборѣ есть какая-то предвзятость, которая говоритъ не въ пользу совершенной объективности требованій. Экзаменующійся, обыкновенно, бываетъ въ особомъ экзаменномъ настроеніи, которое состоитъ въ нарушеніи всякаго равновѣсія духа; онъ крайне нервенъ и, случается, принимаетъ одинъ вопросъ за другой—по созвучію, напримѣръ, а, увидавъ свою ошибку, крайне смущается и теряетъ всякое самообладаніе. Всѣмъ экзаменаторамъ извѣстно, что экзаменующійся на ученую степень почти всегда отвѣчаетъ хуже, чѣмъ онъ знаетъ. При такихъ условіяхъ надо тщательно избѣгать всего, что можетъ увеличить смущеніе и безпокойство магистранта. Съ этой точки зрѣнія представляется желательнымъ, чтобы у него въ рукахъ были имъ самимъ формулированные вопросы. Противъ такого нововведенія, однако, возражаютъ. Говорятъ, программа должна обнимать всю науку, а потому она будетъ содержать въ себѣ и много вопросовъ, не имѣющихъ большой важности, внесенныхъ только для полноты и связи; отвѣчая на такіе вопросы, магистрантъ не можетъ показать своего научнаго развитія. Этому легко помочь. Факультетъ, по предложенію экзаменатора, можетъ вычеркнуть изъ программы всѣ вопросы, на которые онъ не желалъ-бы слышать отвѣта, и только остальные разбить на билеты. Опредѣленность требованій, для достиженія которой введены программы, отъ этого только выиграетъ, а потому къ такому порядку и надо стремиться.

Такова внѣшняя сторона экзаменовъ; но для большинства ихъ существуетъ еще другая, внутренняя. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ экзамену допускаются лица, уже извѣстные факультету. До-

пускаются къ экзамену молодые люди, уже обратившіе на себя вниманіе того или другого профессора еще въ бытность свою студентами: они подавали ему сочиненія, дѣлали доклады на практическихъ занятіяхъ и т. п. Въ періодъ приготовленія ихъ къ экзамену профессоръ-спеціалистъ руководилъ ихъ занятіями, они подавали ему отчеты о прочтенныхъ книгахъ, обмѣнивались съ нимъ мнѣніями по научнымъ вопросамъ и пр. Въ факультетѣ въ большинствѣ случаевъ есть одинъ, два, а иногда и болѣе профессоровъ, которые являются адвокатами экзаменующихся, а иногда и ихъ обвинителями. Факультетъ, такимъ образомъ, не въ первый разъ на экзаменѣ знакомится съ магистрантомъ; онъ уже знаетъ его. Это въ значительной мѣрѣ облегчаетъ окончательное рѣшеніе его о результатахъ испытанія.

За экзаменомъ слѣдуетъ вторая стадія—разсмотрѣніе диссертаціи. Она складывается изъ двухъ актовъ: первый состоитъ въ разсмотрѣніи факультетомъ достоинствъ книги, второй—въ публичномъ диспутѣ. Второй, публичный актъ, имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если содержаніе книги одобрено въ предшествовавшемъ закрытомъ засѣданіи факультета. Въ закрытомъ засѣданіи книга разсматривается по существу и, если будетъ признана неудовлетворительной, авторъ ея къ диспуту не допускается и ученой степени не получаетъ. Этотъ существенный актъ на пути къ ученой степени понимается, однако, не всѣми факультетами одинаково, а потому и резолюція факультетская формулируется различно. Одни факультеты дѣлаютъ, въ случаѣ одобренія книги, такое опредѣленіе: разсмотрѣвъ такое-то сочиненіе, представленное такимъ-то для соисканія такой-то ученой степени, факультетъ находитъ, что оно удовлетворяетъ требованіямъ магистерской (или докторской) диссертаціи и опредѣляетъ допустить автора къ публичной его защитѣ. Другіе формулируютъ свое опредѣленіе иначе: разсмотрѣвъ такое-то сочиненіе, факультетъ опредѣляетъ допустить автора къ публичной его защитѣ. Между этими опредѣленіями существенная разница: первое рѣшаетъ вопросъ о достоинствахъ книги; второе вовсе этого вопроса не касается, отлагая его рѣшеніе до выясненія результатовъ диспута. Только первое опредѣленіе правильно; второе не соотвѣтствуетъ существу дѣла, и желательно, чтобы оно вышло изъ употребленія. Въ опредѣленіяхъ перваго рода раздѣляется сужденіе о достоинствахъ книги отъ сужденія объ умѣньѣ автора защищать свою книгу. Это два совершенно разныхъ достоинства, изъ которыхъ одно вовсе не обусловливаетъ наличность другого. Книга можетъ быть прекрасная, а защита ея—плохая; и наоборотъ, можно проявить поразительное искусство и находчивость въ защитѣ самой плохой книги. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ диспутовъ того и другого рода. Съ диспутовъ перваго рода публика выноситъ смутное впечатлѣніе и уходитъ недовольная и неудовлетворенная; диспутанты втораго рода имѣютъ свойство

нравиться большинству ея и, нерѣдко, рѣчи ихъ прерываются восторженными рукоплесканіями присутствующихъ, хотя между сдѣланными возраженіями на книгу и отвѣтами диспутантовъ, иногда, не бываетъ рѣшительно никакой связи: отвѣтъ представляетъ совершенно свободную импровизацію на темы книги. Достоинство книги и достоинство защиты различны по существу и ни въ какомъ случаѣ сужденіе о нихъ не должно быть сливаемо въ одинъ актъ. Рѣшающее значеніе принадлежитъ сужденію о книгѣ; оно опредѣляетъ участь магистранта. Защита книги—дѣло второстепенное; судьба магистранта предрѣшена въ закрытомъ засѣданіи факультета, за исключеніемъ того случая, когда на диспутѣ открылись-бы обстоятельства, не бывшія на разсмотрѣніи факультета. Такого раздѣленія двухъ сужденій требуютъ и правила, по которымъ аспирантъ на ученую степень допускается къ диспуту въ томъ только случаѣ, «если диссертація его будетъ признана удовлетворительною». Заключеніе факультета, слѣдовательно, должно содержать въ себѣ рѣшеніе о томъ, удовлетворительна диссертація или нѣтъ.

Опредѣленія второго рода грѣшатъ тѣмъ, что оставляютъ нерѣшеннымъ существеннѣйшій вопросъ о достоинствахъ книги и всю тяжесть рѣшенія ставятъ въ зависимость отъ исхода диспута. Факультеты, придерживающіеся этой практики, впадаютъ въ ту-же ошибку, въ какую впадаетъ и публика, въ правила не посвященная и думающая, что участь магистранта рѣшается на диспутѣ, и что его слѣдуетъ сводить съ каѳедры, если онъ плохо защищается. Такая перспектива придаетъ диспуту ненавистный характеръ. Автора плохой книги лучше совсѣмъ не доводить до диспута, чѣмъ предавать его публичному позору.

Итакъ, факультетъ въ закрытомъ засѣданіи рѣшаетъ вопросъ о достоинствѣ книги. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію, онъ поручаетъ, согласно правиламъ, одному изъ своихъ членовъ, обыкновенно, спеціалисту, составить письменный разборъ книги; остальные члены принимаютъ участіе въ разсмотрѣніи книги путемъ словесныхъ заявленій. По выслушаніи письменнаго разбора и словесныхъ заявленій, происходитъ сужденіе о книгѣ и вопросъ о достоинствахъ ея рѣшается большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ одобренія, назначается диспутъ.

Едва-ли существуетъ на землѣ такой порядокъ, который исключалъ-бы всякую возможность злоупотребленій. Возможны злоупотребленія и описаннымъ порядкомъ разсмотрѣнія диссертацій. Проф. Шершеневичъ взялъ на себя задачу описать не возможныя только злоупотребленія этимъ порядкомъ, а, по его мнѣнію, дѣйствительныя и постоянно встрѣчающіяся.

«Кто-же не знаетъ, говоритъ онъ, что на самомъ дѣлѣ диссертаціи читаются только лицами, которымъ поручается отзывъ, спеціалистами по данной наукѣ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ многими членами фа-

культета, когда затронутая тема имѣетъ общій для всѣхъ научный вопросъ или когда диссертація почему-либо поднимаетъ личные вопросы... Нерѣдко вмѣшательству въ оцѣнку препятствуютъ и чисто-личныя отношенія, нежеланіе ссориться съ товарищемъ, опасеніе, что впослѣдствіи, когда придется самому давать отзывъ, послѣдуютъ возраженія отъ другихъ и т. д. Ясно, что при такихъ условіяхъ, факультетъ (здѣсь совершенно неожиданно вмѣсто отдѣльныхъ членовъ является уже цѣлый факультетъ) отнесется пассивно къ представленному отзыву, довѣрится рецензенту, а слѣдовательно вопросъ о научной цѣнности диссертаціи будетъ рѣшаться единолично подъ прикрытіемъ коллективнаго начала. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ оно такъ и происходитъ. Разъ мы стали лицомъ къ лицу съ единоличной оцѣнкой диссертаціи, то можемъ-ли мы ожидать той объективности, которая въ данномъ случаѣ такъ необходима?» И за тѣмъ авторъ указываетъ цѣлый рядъ причинъ, устраняющихъ объективность сужденія: это симпатичность личности магистранта или отсутствіе ея, умѣнье его польстить профессорскимъ слабостямъ единство или разногласіе въ политическихъ мнѣніяхъ и ученомъ направленіи, опасеніе, что аспирантъ на ученую степень можетъ лишить профессора слушателей и мѣста и т. д., даже—надежда профессора, что магистрантъ женится на его дочери.

Вотъ по какимъ мотивамъ, думаетъ нашъ авторъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ профессора-спеціалисты рѣшаютъ участь диссертацій, а за ними вторятъ и цѣлые факультеты.

Такъ-ли это? Это дѣло личнаго опыта, а потому мы не будемъ спорить съ г. Шершеневичемъ. Если онъ утверждаетъ, что это такъ, надо думать, что онъ все это видѣлъ. Я не знаю, гдѣ онъ дѣлалъ свои наблюденія, и не могу не пожалѣть о той средѣ, гдѣ профессора дѣйствуютъ по указаннымъ имъ мотивамъ. Я счастливѣе проф. Шершеневича; я состою на службѣ въ университетѣ ровно 30 лѣтъ и за это время наблюдалъ много случаевъ пропуска диссертацій и нѣсколько случаевъ отказа; но профессора-спеціалисты, предлагавшіе пропустить или отказать, руководились совсѣмъ не тѣми мотивами, на которые онъ указываетъ и которые совершенно справедливо называетъ «личными и корыстными». Я знаю университеты, въ которыхъ большинство молодыхъ профессоровъ проведено на ихъ каѳедры старыми, прежде занимавшими эти каѳедры. И никто изъ этихъ молодыхъ профессоровъ не женился на дочери своего учителя и надеждъ даже никто никакихъ не подавалъ въ этомъ смыслѣ. Мнѣ извѣстны случаи утвержденія диссертацій, написанныхъ совершенно не въ духѣ пріемовъ и убѣжденій профессоровъ-учителей.

Г. Шершеневичъ очень рѣшительно утверждаетъ: «Если, какъ это несомнѣнно, пріобрѣтеніе ученой степени зависитъ почти всецѣло отъ одного лица, спеціалиста на факультетѣ, то мы непремѣнно и всегда должны

ожидать случайности въ успѣхѣ диссертацій». Полагаемъ, что для такого приговора въ его рукахъ и матеріала подходящаго не было. Намъ извѣстны приговоры факультета, состоявшіеся несогласно съ мнѣніемъ спеціалистовъ, которымъ поручено было составить письменный отзывъ. Можемъ указать ему на практику одного факультета, въ которомъ письменный отзывъ представляется за подписью не одного, а двухъ членовъ. Если они порознятъ, то представляютъ два отзыва. Можемъ указать ему на практику другого факультета, въ которомъ происходятъ цѣлыя сраженія по поводу диссертацій, продолжающіяся не одно засѣданіе, при чемъ выслушивается не одинъ письменный отзывъ, а два и даже три, составленныхъ по порученію факультета. Но не будемъ и по этому вопросу отвергать сдѣланныя г. Шершеневичемъ наблюденія; скажемъ только, что пассивное отношеніе къ диссертаціямъ далеко не составляетъ практики всѣхъ факультетовъ; намъ даже сомнительно, чтобы оно проявлялось въ большинствѣ случаевъ. Мы допускаемъ его въ случаяхъ безспорныхъ, гдѣ оно и вреда никакого не представляетъ.

Находя, что диссертаціи не пропускаются факультетами въ закрытыхъ засѣданіяхъ—келейно и по мотивамъ «обиднымъ для профессора такъ какъ они вытекаютъ изъ личныхъ и корыстныхъ соображеній», проф. Шершеневичъ говоритъ: «Несостоятельность существующаго порядка въ отношеніи гласности обнаруживается уже изъ того, что недопущеніе диссертацій къ диспуту производится именно келейно, тогда какъ здѣсь болѣе всего необходимъ былъ-бы глазъ общества». Это заключеніе опять свидѣтельствуетъ объ ограниченности среды, въ которой авторъ производилъ свои наблюденія. Мы знаемъ университетъ, въ совѣтѣ котораго состоялось постановленіе, предоставляющее магистрантамъ, диссертаціи которыхъ не одобрены, право требовать напечатанія письменнаго отзыва, на основаніи котораго трудъ ихъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ. Ничто не мѣшаетъ и другимъ университетамъ позаимствовать это прекрасное правило. Для этого не требуется никакихъ реформъ и предписаній свыше.

Сужденіе о достоинствахъ диссертаціи представляетъ своего рода трудности, какъ и сужденіе объ устномъ отвѣтѣ магистранта, и опять по неопредѣленности требованій. Существуютъ-ли какіе-либо объективные признаки, при наличности которыхъ сочиненіе должно быть одобрено или забраковано? Каждый изъ насъ легко различаетъ хорошую книгу отъ дурной и даже отъ книги средняго достоинства, но установить точные признаки ученаго труда, за который слѣдовало-бы давать ученую степень, не представляется никакой возможности. Совершенныхъ трудовъ, противъ которыхъ нельзя было-бы возражать, нѣтъ; но какъ опредѣлить тотъ минимумъ обмолвокъ и недомолвокъ, который допустимъ въ ученомъ трудѣ? Этого нельзя сдѣлать. Легко можетъ быть доказано, что книга, за

которую дана ученая степень, есть слабая и даже плохая книга, но не возможно доказать, что за нее нельзя было дать ученой степени, ибо это есть дѣло усмотрѣнія судей. Это ихъ мнѣніе и только. Какъ и на экзаменѣ, здѣсь все дѣло въ искусствѣ и тактѣ судей. Слишкомъ строгія требованія могутъ до крайности затруднить доступъ къ профессорской дѣятельности; слишкомъ слабыя могутъ уронить достоинство ученой степени. Надо умѣть найти середину, что не всегда удается. Случается, что одинъ и тотъ-же факультетъ мѣритъ разною мѣрою: то онъ строгъ не въ мѣру, то не въ мѣру снисходителенъ. Это недостатокъ всякого человѣческаго суда, избѣжать котораго еще не найдено средствъ. Удостоенные ученой степени магистра или доктора также между собою не равны, какъ и выдержавшіе экзаменъ на ученую степень магистра: есть получше, есть и похуже. И такъ, вѣдь, во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Да и бѣды большой въ этомъ нѣтъ. Получившій ученую степень магистра можетъ быть приватъ-доцентомъ, котораго никто не обязанъ слушать; права быть профессоромъ онъ не имѣетъ. Получившій степень доктора—можетъ быть профессоромъ, если ему дадутъ такое мѣсто, къ чему, однако, никто не обязанъ. Отъ нѣмецкихъ докторовъ, которымъ числа нѣтъ, требованія еще меньшія, чѣмъ отъ нашихъ магистровъ, а они тоже имѣютъ право быть профессорами.

Другое дѣло, если къ человѣку отнеслись не умѣренно строго и не дали заслуженной имъ степени. Но существующій порядокъ даетъ возможность исправить такую ошибку. Отвергнутый однимъ университетомъ можетъ обратиться въ другой и получить тамъ ученую степень. Всѣ такія ошибки легко исправляются. Положительно можно утверждать, что среди юридическихъ диссертацій не существуетъ ни одной книги средняго достоинства, которая, будучи отвергнута однимъ университетомъ, не была-бы одобрена другимъ. Практика университетовъ скорѣе склоняется къ одобренію слабыхъ трудовъ, чѣмъ къ непризнанію дѣйствительныхъ ученыхъ заслугъ. И это—правильно: нѣтъ никакого вреда отъ лишняго магистра или доктора, а недостатокъ въ нихъ можетъ быть вреденъ. Поэтому, мы имѣемъ гораздо болѣе магистровъ и докторовъ, чѣмъ хорошихъ ученыхъ сочиненій.

Этотъ всѣмъ доступный способъ исправленія ошибки одного факультета другимъ не нравится профессору Шершеневичу. «Молодой человѣкъ,—говоритъ онъ,—только что начинающій свою ученую карьеру, пробивавшійся три года жалкой профессорской стипендіей или уроками, не всегда обладаетъ необходимыми средствами, чтобы ѣхать въ другой городъ и тамъ проживаться. Это фактъ, взятый изъ дѣйствительной жизни, а не одно только предположеніе». Допускаемъ, что кто-нибудь напрасно проживался; но утверждаемъ, что въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Вовсе не требуется личнаго присутствія въ другомъ городѣ; до-

вольно послать свою книгу и дома ждать результатовъ. Можемъ засвидѣтельствовать, что это тоже фактъ, взятый изъ дѣйствительной жизни.

Кромѣ излишнихъ издержекъ, неудобства переноса суда о диссертаціи въ другой университетъ авторъ видитъ въ томъ, что «на непринятую диссертацію налагается пятно». Вотъ этого возраженія мы никакъ отъ него не ожидали. Если рѣшающій голосъ принадлежитъ одному члену факультета, а этотъ одинъ осуждаетъ автора подъ вліяніемъ весьма сомнительныхъ мотивовъ, то осужденный является жертвой «личныхъ и корыстныхъ соображеній», а не запятнаннымъ. Запятнанъ факультетъ. Только съ нашей точки зрѣнія противъ осужденнаго является презумція нѣкоторыхъ недостатковъ книги. Но наша точка зрѣнія не исключаетъ и достоинствъ въ забракованномъ сочиненіи; а если они дѣйствительно существуютъ, книга пройдетъ.

Описанный порядокъ разсмотрѣнія диссертацій проф. Шершеневичъ находитъ несостоятельнымъ и предлагаетъ слѣдующую реформу.

Диссертаціи представляются на разсмотрѣніе не университетовъ, а нѣкотораго центральнаго учрежденія, роль котораго, по мнѣнію автора, съ успѣхомъ могло-бы выполнить: министерство народнаго просвѣщенія, академія наукъ, или одинъ изъ столичныхъ университетовъ. Это центральное учрежденіе разсылаетъ полученныя диссертаціи въ соотвѣтствующіе факультеты, которые разсматриваютъ ихъ въ прежнемъ порядкѣ и представляютъ ему свои отзывы. Центральное учрежденіе рѣшаетъ участь аспиранта согласно большинству высказанныхъ мнѣній. Всѣ факультетскіе отзывы печатаются.

Предложенная реформа клонится ни болѣе, ни менѣе, какъ къ лишенію русскихъ университетовъ предоставленнаго имъ права присуждать ученыя степени. Это совершенно послѣдовательно съ точки зрѣнія автора, такъ какъ факультеты злоупотребляютъ своимъ правомъ и рѣшаютъ вопросъ объ ученыхъ степеняхъ, руководствуясь «личными и корыстными соображеніями старыхъ ученыхъ». Право это передается центральному учрежденію; оно возводитъ въ ученую степень, согласно заключенію большинства факультетовъ. Это совершенно непослѣдовательно съ точки зрѣнія автора. Факультетскіе отзывы, какъ онъ доказываетъ, въ большинствѣ случаевъ представляютъ мнѣніе одного только члена факультета, при томъ мнѣніе, высказанное по мотивамъ сомнительнаго качества. Въ большинствѣ случаевъ, значитъ, достоинство факультетскихъ мнѣній опредѣляется—нулемъ. Если это такъ, университеты должны быть лишены предоставленнаго имъ права. Но если это такъ, какое значеніе можетъ имѣть большинство такихъ нулевыхъ мнѣній? Сколько нулей мы ни складывали-бы, въ результатѣ получится тотъ-же нуль, не больше. Можетъ-ли центральное учрежденіе раздавать ученыя степени на основаніи такихъ мнѣній? Очевидно, г. Шершеневичъ стрѣльнулъ

далѣе цѣли. Факультетскія мнѣнія можно было-бы складывать въ томъ только случаѣ, если-бы хотя за большинствомъ ихъ было признано ученое значеніе. Авторъ складываетъ и, слѣдовательно, признаетъ ученое значеніе факультетскихъ мнѣній. Удовольствуемся этимъ чрезвычайно благопріятнымъ для достоинства русскихъ университетовъ результатомъ, не будемъ настаивать на логикѣ и послѣдовательности и разсмотримъ, на сколько цѣлесообразны реформаторскіе опыты автора.

У насъ восемь университетовъ, не считая томскаго, гдѣ только одинъ факультетъ. Проф. Шершеневичъ предлагаетъ рѣшать по большинству. Но мнѣнія могутъ раздѣлиться по ровну; что тогда дѣлать? Если центральнымъ учрежденіемъ будетъ столичный университетъ, онъ будетъ, конечно, имѣть свое мнѣніе, которое и перевѣситъ, въ качествѣ предсѣдательскаго голоса, четыре не согласныхъ съ нимъ мнѣнія. Дѣло рѣшится по мнѣнію столичнаго факультета, что онъ могъ-бы сдѣлать съ самаго начала, не собирая чужихъ. Но если центральнымъ учрежденіемъ будетъ министерство или академія? Въ академіи нѣтъ юридическаго отдѣленія, въ министерствѣ, которое, по мнѣнію автора, съ успѣхомъ могло-бы выполнить роль центральнаго учрежденія, нѣтъ ни юридическаго отдѣленія, ни какого другаго, которое могло-бы рѣшать ученые вопросы. Какъ-же они справятся съ своею задачею? Авторъ предусматриваетъ только одно возраженіе противъ своей реформы. «Я жду возраженій,—говоритъ онъ,—съ той стороны, что такой порядокъ будетъ чрезмѣрно обременителенъ для всѣхъ спеціалистовъ, которымъ придется изготовить не мало отзывовъ въ теченіи года», и предлагаетъ ограничить число отзывовъ шестью. То-же безвыходное положеніе остается и при шести отзывахъ. Поспѣшимъ на помощь почтенному профессору и предложимъ ему взять нечетное число университетовъ: 5 или 7. При этомъ условіи всегда получится большинство покрайней мѣрѣ одного мнѣнія. Это, конечно, выходъ изъ затрудненія; но онъ приводитъ къ тому-же результату, недовольство которымъ вызвало реформу. Участь магистранта рѣшается однимъ голосомъ, но при дѣйствіи чрезвычайно сложной машины. Это едва-ли успѣхъ.

Современный порядокъ надо предпочесть и по другой причинѣ. Теперь ошибку одного университета можетъ исправить другой. При реформѣ г. Шершеневича три отрицательныхъ отзыва противъ двухъ одобрительныхъ или, что еще хуже, четыре противъ трехъ, безапеляціонно рѣшаютъ участь аспиранта въ отрицательномъ смыслѣ. У него нѣтъ никакихъ средствъ исправленія, а между тѣмъ въ первомъ случаѣ два факультета, а во второмъ—три признали его работу удовлетворительной. Въ работѣ, значитъ, есть достоинства, а авторъ ея безповоротно осужденъ рѣшеніемъ одного факультета. Это великая несправедливость.

Предлагая рѣшать участь аспиранта по большинству отзывовъ, авторъ

совершенно упускаетъ изъ виду, что отзывы могутъ имѣть не равную цѣну, а это фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Отзывы могутъ быть несоизмѣримы по различію точекъ зрѣнія рецензентовъ. Никто не въ состояніи обнять все. Одинъ разберетъ книгу съ одной точки зрѣнія и не обратитъ вниманія на другія; другой поступитъ совершенно наоборотъ. Разсматривая книгу подъ разными углами зрѣнія, одинъ одобритъ ее, другой—осудитъ. Какъ привести такіе отзывы къ одному знаменателю? Еслибы свести этихъ рецензентовъ вмѣстѣ, они, можетъ быть, поспоривъ, пришли-бы къ общему мнѣнію въ пользу или во вредъ аспиранта, и вмѣсто двухъ мнѣній получилось-бы одно. Но что будетъ дѣлать съ такими мнѣніями центральное учрежденіе, если этимъ учрежденіемъ будетъ академія, или даже само министерство, которое, по мнѣнію автора, съ успѣхомъ могло-бы выполнять роль такого учрежденія? Учрежденіе это, не имѣя въ своей средѣ ученыхъ по данной спеціальности, не будетъ знать, что дѣлать съ такими мнѣніями. Столичный-же университетъ, если онъ будетъ играть роль центральнаго учежденія, поступитъ по своему мнѣнію, какъ поступилъ-бы онъ и не собирая чужихъ. Далѣе, отзывы могутъ быть разной цѣны по различію даровитости и учености рецензентовъ, по различію въ состояніи ихъ здоровья и т. д. Вслѣдствіе этихъ различій, въ центральномъ учрежденіи будутъ получаться мнѣнія разнаго качества. Приведемъ такой весьма возможный случай. Пять рецензентовъ изъ семи одобрятъ книгу, но сдѣлаютъ это, не входя въ большія детали и безъ тщательнаго разсмотрѣнія характерныхъ ея особенностей. Они укажутъ и на ея недостатки, но не очень на нихъ напирая. Изъ разбора ихъ будетъ видно, что они одобряютъ книгу скорѣе по снисходительности, чѣмъ на основаніи дѣйствительнаго ея достоинства. Книга одобрена, но это трудъ слабый. Двое остальныхъ представятъ исчерпывающій разборъ, приведутъ доказательства всѣхъ промаховъ автора и выскажутся противъ. Что дѣлать центральному учрежденію? Можетъ-ли оно войти въ оцѣнку отзывовъ и произнести приговоръ по существу дѣла? Оцѣнить отзывы можетъ только университетъ, но для сужденія о книгѣ ему и не нужны чужіе отзывы. Министерство-же и даже академія не могутъ войти въ разсмотрѣніе существа отзывовъ по неимѣнію спеціалистовъ. Да авторъ этого и не требуетъ. Онъ предлагаетъ только считать, складывать и вычитать. Полагаемъ, что въ министерствѣ и въ академіи отзывовъ и совсѣмъ не будутъ читать. Чтобы читать отзывы по всѣмъ спеціальностямъ, департаментъ министерства долженъ былъ-бы включить въ свой составъ цѣлый университетъ. Тамъ будутъ только сосчитывать: одобряетъ, неодобряетъ, одобряетъ и т. д. Въ приведенномъ нами случаѣ получится: 5 одобрительныхъ мнѣній и 2 неодобрительныхъ. Авторъ будетъ удостоенъ ученой степени, хотя и написалъ плохую книгу. Это и теперь дѣлается,

но съ гораздо меньшею затратою силъ и никто не называетъ настоящаго порядка совершеннымъ; г-нъ-же Шершеневичъ озабоченъ созданіемъ такого порядка, который «гарантировалъ-бы обществу и правительству наличность ученыхъ силъ, способныхъ принять на себя высшее научное образованіе юношества». Это большое заблужденіе. Наличность такихъ ученыхъ силъ никакъ не создается тѣми или другими правилами. Для этого нужна любовь къ наукамъ и отсутствіе правилъ, мѣшающихъ ихъ процвѣтанію.

Существо новаго столь много обѣщающаго порядка сводится къ слѣдующему. Университеты лишаются права возводить въ ученыя степени; но это право не передается и центральному учрежденію, которому авторъ предоставляетъ лишь производство двухъ первыхъ дѣйствій ариѳметики, сложенія и вычитанія, надъ факультетскими мнѣніями. Но могутъ быть случаи, когда оно и этихъ дѣйствій будетъ не въ состояніи произвести. Вотъ въ какое положеніе можетъ его реформа поставить наше министерство.

Къ преимуществамъ своей реформы г. Шершеневичъ относитъ, между прочимъ, сокращеніе расходовъ магистрантовъ. «Количество требуемыхъ экземпляровъ будетъ значительно меньше,—говоритъ онъ.—Теперь иногда требуется по 200 книгъ. Представимъ себѣ, что диссертація не прошла и необходимо подобное-же количество книгъ представить въ другой университетъ. А вѣдь диссертаціи иногда бываютъ очень дороги»... Это такое-же заблужденіе автора, какъ и всѣ предшествующія; оно вызвано какой-то мѣстной практикой, мнѣ совершенно неизвѣстной и вовсе не необходимой. При предъявленіи диссертаціи въ факультетъ требуется представить столько экземпляровъ, сколько въ немъ членовъ. Число членовъ юридическаго факультета едва-ли гдѣ превышаетъ 15. Только этими 15 экземплярами авторъ и рискуетъ, если книга его не будетъ одобрена. Въ случаѣ-же одобренія, онъ бываетъ обязанъ еще представить экземпляровъ 80, для раздачи членамъ совѣта, разсылки въ библіотеки университетскія и властямъ. Предлагаемая г-мъ Шершеневичемъ реформа этого числа не уменьшитъ, а увеличитъ. Онъ предлагаетъ посылать въ факультеты по 3—5 экземпляровъ. Но такимъ образомъ приговоръ о диссертаціи безъ знакомства съ ея содержаніемъ обратится въ правило. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, требовать, чтобы члены факультета читали книгу, когда у нихъ и книги нѣтъ. Придется, слѣдовательно, посылать въ каждый университетъ не отъ 3 до 5 книгъ, а около 15, на 8 университетовъ это составитъ до 120, а если прибавится томскій—до 135. Да еще надо будетъ раздать членамъ центральнаго учрежденія, послать въ университетскія библіотеки, властямъ. Вотъ и наберется гораздо болѣе 95, а книга, вѣдь, можетъ и не пройти. Очевидно, планъ реформы г. Шершеневича составленъ чрезвычайно поспѣшно и мало соображонъ въ своихъ подробностяхъ.

Второй актъ въ разсмотрѣніи факультетомъ диссертаціи есть публичный диспутъ. Если книга найдена факультетомъ удовлетворяющей требованіямъ диссертаціи и имъ одобрена, то диспутъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Участь аспиранта рѣшена уже, и къ диспуту онъ можетъ относиться спокойно. Самое тяжелое его послѣдствіе,—это уколъ самолюбію и только. Могутъ сказать, зачѣмъ-же устраивать диспутъ, если онъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Диспутъ не имѣетъ рѣшающаго значенія потому, что за единственнымъ исключеніемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, онъ и не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Диспутъ есть публичная защита ученаго труда, написаннаго съ цѣлью пріобрѣтенія ученой степени. Для публичной защиты чего-бы то ни было требуется искусство особаго рода, которымъ можетъ не обладать очень почтенный ученый и обладать человѣкъ, подбитый вѣтеркомъ. Есть люди, которымъ противно защищать самихъ себя. Другіе смущаются до такой степени, что не могутъ найти возраженій, хотя дѣло ихъ и правое. Если книга одобрена, нельзя лишать степени за плохую защиту. Тѣмъ не менѣе диспутъ не пустая формальность, съ которой надо покончить; онъ имѣетъ весьма важное значеніе.

Диспуты поддерживаютъ живую связь университета съ обществомъ. Оно знакомится на нихъ съ университетскими дѣятелями; а изъ вступительной рѣчи диспутанта и общей оцѣнки его труда, дѣлаемой офиціальными оппонентами, оно знакомится съ современнымъ состояніемъ научнаго вопроса, о которомъ идетъ рѣчь въ диссертаціи. Значительный приливъ посѣтителей, который мы весьма часто наблюдаемъ на нашихъ диспутахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что общество вовсе не равнодушно къ этому акту университетской жизни.—Диспутъ, далѣе, является необходимымъ дополненіемъ къ предшествовавшимъ актамъ возведенія извѣстнаго лица въ ученую степень. Мы уже знаемъ, что ни магистръ, ни докторъ не представляютъ опредѣленной научной величины, всегда себѣ равной. Одни аспиранты проходятъ въ факультетѣ съ большою похвалою; другіе получаютъ ученую степень только съ трудомъ, при наличности многихъ возраженій. Это отражается и на диспутѣ. Офиціальные оппоненты превозносятъ первыхъ и очень сдержанно относятся ко вторымъ, а случается, что и разносятъ ихъ. Благодаря этому, въ глазахъ публики получается не смутное представленіе, а опредѣленный образъ молодаго ученаго то первой, то второй величины. — Наконецъ, публичность диспута является средствомъ контроля общества за дѣятельностью университета въ той формѣ, въ какой единственно здѣсь возможенъ контроль. Прислушиваясь къ возраженіямъ офиціальныхъ оппонентовъ, публика можетъ судить, насколько факультетъ былъ снисходителенъ къ молодому ученому и на какой высотѣ стоятъ его требованія. Къ возраженіямъ офиціальныхъ оппонентовъ присоединяются, иногда, возраженія

частныхъ, что еще болѣе уясняетъ положеніе дѣла и можетъ имѣть даже практическія послѣдствія. Основательныя указанія на серьезныя недостатки книги, раздающіяся изъ среды публики и свидѣтельствующіе о научномъ подъемѣ общества, должны имѣть слѣдствіемъ и подъемъ уровня факультетскихъ требованій.

Со стороны ученыхъ изъ среды общества диспуты вызываютъ, нерѣдко, большое вниманіе. За долго до нихъ появляются статьи въ газетахъ и журналахъ то въ пользу, то противъ диспутанта. На самыхъ диспутахъ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ жестокихъ нападеній на диспутантовъ, которыя потомъ долго продолжались въ печати. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что диспуты вносятъ оживляющую струю въ нашу ученую жизнь. Нельзя не пожалѣть, однако, что участіе частныхъ оппонентовъ очень неравномѣрно распредѣляется между разными аспирантами на ученыя степени. Далеко не всѣ ученые вопросы одинаково останавливаютъ на себѣ взоры публики. Въ то время, какъ однѣ диссертаціи имѣютъ счастье вызывать къ себѣ захватывающее ея вниманіе и долго заставляютъ говорить о себѣ, другія, того же достоинства, проходятъ при совершенномъ ея молчаніи. Надо желать, чтобы частная оппозиція все болѣе и болѣе развивалась.

Въ частной оппозиціи, къ которой факультеты могутъ относиться только съ благодарностью, проскальзываетъ, иногда, нѣкоторое недоразумѣніе, нуждающееся въ разъясненіи. Очень понятно, что каждый оппонентъ находитъ свои возраженія важными. Но намъ случалось слышать порицанія факультету со стороны частныхъ оппонентовъ по поводу того, что факультетъ удостоилъ аспиранта ученой степени, несмотря на ихъ возраженія. Это очень неосновательно. Возраженія частныхъ оппонентовъ могутъ быть двоякаго рода. Они или указываютъ на недостатки, извѣстные уже факультету, или на такіе, которые не были ему извѣстны. Недостатки перваго рода никакъ не могутъ имѣть слѣдствіемъ отказъ диспутанту въ степени. Факультетъ зналъ эти недостатки и одобрилъ книгу при ихъ наличности. То, что эти недостатки извѣстны и частнымъ оппонентамъ, ничего не мѣняетъ. Факультетъ не дѣлаетъ тайнъ изъ этихъ недостатковъ. Объ нихъ была рѣчь при обсужденіи книги; они, по всей вѣроятности, указаны въ отзывѣ спеціалиста или въ его словесныхъ къ нему разъясненіяхъ; ими обусловлены, наконецъ, возраженія офиціальныхъ оппонентовъ на диспутѣ. Если они, можетъ быть, не всѣ были исчерпаны ими во время диспута, то, вѣдь, этого и сдѣлать бываетъ невозможно по ограниченности времени.—Остаются недостатки второго рода, недостатки неизвѣстные факультету и впервые указанные частными оппонентами. Можетъ быть, за нихъ слѣдуетъ диспутанту отказывать въ ученой степени? Еще менѣе. Какъ отказать молодому человѣку въ ученой степени за совершеніе ошибокъ, которыхъ

не видитъ и самъ факультетъ? Да и кто же это отказалъ бы ему? Но что это за недостатки, которыхъ не видитъ факультетъ? Недостатки эти могутъ быть двухъ родовъ. Во-первыхъ, это недостатки, свидѣтельствующіе о недостаткахъ факультетской критики; во-вторыхъ, недостатки, свидѣтельствующіе о принадлежности частныхъ оппонентовъ и факультетскихъ критиковъ къ разнымъ ученымъ школамъ. Что въ одной школѣ недостатокъ, то можетъ быть достоинствомъ въ другой. Молодые люди, въ большинствѣ случаевъ, выбираютъ темы для диссертацій и работаютъ надъ ними подъ руководствомъ профессоровъ и, стало быть, принадлежатъ къ факультетской школѣ, за принадлежность къ которой не могутъ подлежать осужденію. Несмотря на совершенную невозможность осудить диспутанта за недостатки, впервые открытые частными оппонентами, указаніе на нихъ во время диспута имѣетъ важное значеніе. Указаніе на недостатки факультетской критики должно повести къ усиленію средствъ этой критики. Указаніе на недостатки школы переходитъ въ состязаніе двухъ научныхъ школъ. Споръ научныхъ школъ изъ залы диспута переносится въ печать и рѣшается исторіей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ диспутахъ конца XIX вѣка возрождается ихъ прототипъ, средневѣковые диспуты, и съ тѣми же послѣдствіями. Въ средніе вѣка дѣло шло не о степени, а о торжествѣ ученія. Побитый на диспутѣ не степени не удостоивался, а терялъ славу и учениковъ. Это можетъ и у насъ случиться.

Гг. частные оппоненты, претендующіе перевершать факультетскія рѣшенія, очевидно, не въ состояніи доплести до конца нити своего разсужденія.

Сказаннымъ еще не исчерпывается польза диспутовъ. Возможенъ случай, когда диспутъ можетъ перевернуть все дѣло вверхъ дномъ, но это единственный случай, случай плагіата. Есть спеціальности, въ которыхъ ученые силы считаются сотнями, а ихъ труды десятками сотенъ. Нельзя услѣдить за всѣмъ вновь появляющимся въ такой области. Здѣсь можно допустить недосмотръ факультетомъ плагіата. Правда, у насъ, при существующемъ порядкѣ писанія диссертаціи подъ руководствомъ профессоровъ, такой плагіатъ почти невозможенъ. Но допустимъ, что онъ совершился; спеціалистъ не замѣтилъ и пропустилъ; не замѣтили и члены факультета и книгу одобрили. Плагіатъ можетъ быть указанъ на диспутѣ. Это—будетъ новое обстоятельство, не бывшее въ виду факультета, а потому ему придется, доведя диспутъ до конца, отложить окончательный приговоръ до пересмотра книги съ точки зрѣнія предъявленнаго обвиненія въ плагіатѣ. Это и есть тотъ, единственный случай, когда диспутъ можетъ окончиться отказомъ въ искомой степени.

Проф. Шершеневичъ, перенося рѣшеніе участи аспиранта на ученую степень въ центральное счетное учрежденіе, конечно, долженъ былъ

высказаться противъ диспутовъ. Онъ это и дѣлаетъ, начиная свою брошюру ѣдкой ихъ критикой. Возраженія его сводятся къ слѣдующему.

Диспутъ не нуженъ, такъ какъ факультетъ рѣшилъ уже участь аспиранта. Утверждая это, авторъ признаетъ, однако, что есть случаи, когда диспутантъ не получаетъ искомой степени. Авторъ не останавливается на анализѣ этихъ случаевъ, но это все равно; мы указали, что это за случаи. А если есть хотя одинъ случай, когда диспутъ можетъ поправить ошибку факультета, онъ долженъ быть удержанъ.

Второе возраженіе заключается въ указаніи на неудовлетворенность публики. Она видитъ въ диспутѣ рѣшающій моментъ, а потому, въ въ случаѣ слабой обороны диспутанта, ждетъ низведенія его съ каѳедры, а онъ удостоивается ученой степени. Это вовсе не возраженіе. Если публика неправильно представляетъ себѣ дѣло, нѣтъ никакой надобности становиться на ея точку зрѣнія: слѣдуетъ разъяснить дѣло и только.

Далѣе, авторъ живописуетъ страдательное положеніе диспутанта, который «въ случаѣ неудачи рискуетъ всѣмъ» (?), и язвительность и остроты оппонентовъ, которые ничѣмъ не рискуютъ. Мы уже знаемъ, что при правильной постановкѣ вопроса диспутантъ, если только онъ не совершилъ плагіата,—рѣшительно ничѣмъ не рискуетъ. На диспутѣ обѣ стороны равны. Но могутъ быть случаи, когда факультетъ проиграетъ болѣе магистранта.

Автору хорошо извѣстно, что въ пользу диспутовъ приводятъ необходимость гласности. Онъ согласенъ, что гласность великое дѣло и въ данномъ случаѣ особенно нужна. Но настоящимъ порядкомъ, думаетъ онъ, она мало обезпечивается, такъ какъ мотивы неодобренія диссертацій не оглашаются, а составляютъ факультетскую тайну; спеціалисты же, разсѣянные по всей Россіи, остаются въ совершенной неизвѣстности, какіе научные мотивы побудили факультетъ признать диссертацію удовлетворительною или неудовлетворительною. Онъ полагаетъ, что интересы гласности гораздо лучше будутъ обезпечены предлагаемымъ имъ печатаніемъ факультетскихъ отзывовъ. Мы уже имѣли случай указать на то, что печатаніе неодобрительныхъ отзывовъ уже практикуется по требованію заинтересованной стороны. Къ желанію проф. Шершеневича видѣть въ печати одобрительные отзывы мы вполнѣ присоединяемся. Но этого легко достигнуть безъ усвоенія его реформы: достаточно постановленія совѣта каждаго университета, въ которомъ, полагаю, совѣты не откажутъ. На ряду съ этими средствами гласности далеко не лишней будетъ и гласность путемъ диспутовъ.

«Научиться чему-нибудь на современныхъ диспутахъ,—продолжаетъ авторъ свои возраженія,—публика безусловно не можетъ». Объ этомъ очень трудно спорить: въ то время, какъ одинъ научается чему нибудь, другой выходитъ съ пустой головой.

«Наконецъ, говоритъ онъ, до сихъ поръ держится отвратительный обычай, напоминающій средневѣковые цеховые порядки,—угощать факультетъ послѣ диспута обѣдомъ или ужиномъ, что обходится отъ 100 до 300 рублей». Я пережилъ два собственныхъ диспута и ни разу не предлагалъ факультету ни обѣда, ни ужина. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи 30 лѣтъ службы, я былъ участникомъ многихъ диспутовъ и ни разу не получалъ приглашенія ни на обѣдъ, ни на ужинъ, и вовсе не потому, чтобы меня обходили, а потому, что за эти 30 лѣтъ тамъ, гдѣ я дѣйствовалъ, такихъ обѣдовъ факультету уже нѣтъ. Г. Шершеневичъ и я— мы наблюдаемъ въ совершенно разныхъ сферахъ. Ему приходится еще сражаться «съ отвратительными обломками» среднихъ вѣковъ, а я ихъ въ глаза не видалъ.

Передавая право не возводить, а присчитывать въ ученыя степени центральному счетному учрежденію, авторъ тѣмъ самымъ устраняетъ совѣты университетовъ отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Мы стоимъ за возведеніе въ ученыя степени учеными учрежденіями, а потому и не можемъ такъ легко покончить съ ролью совѣтовъ. По уставу Императорскихъ россійскихъ университетовъ, совѣтамъ принадлежитъ утвержденіе въ ученой степени. Кому предоставлено право утверждать, тотъ можетъ и не утвердить. Совѣту, слѣдовательно, принадлежитъ рѣшающій голосъ. Полагаемъ, что это совершенно правильная точка зрѣнія. Но есть противники такого взгляда. Они говорятъ: если совѣтъ можетъ перерѣшать факультетскія опредѣленія о признаніи ученой степени за извѣстнымъ лицомъ, это значитъ, что онъ компетентенъ перерѣшать вопросъ о достоинствѣ книги, вопросъ, подлежащій рѣшенію только спеціалистовъ, т. е. факультета. Отправляясь отъ такой точки зрѣнія, они стремятся ограничительнымъ толкованіемъ статьи устава съузить право совѣта. Совѣтъ, говорятъ они, можетъ не утверждать рѣшенія факультета только въ томъ случаѣ, когда нарушены формальныя условія присужденія степени. Но для такого ограниченія нѣтъ основанія въ текстѣ закона. Уставъ 1884 года различаетъ два случая: обыкновенный, когда аспирантъ возводится сперва въ степень магистра, а потомъ въ степень доктора, и чрезвычайный, когда магистрантъ прямо возводится въ степень доктора, и предоставляетъ окончательное разрѣшеніе этихъ случаевъ утвержденію совѣта. Право совѣта утверждать и не утверждать—безусловное, а не ограниченное только формальными нарушеніями порядка присужденія.

Законъ отправляется отъ той точки зрѣнія, что ученая степень дается не факультетомъ, а университетомъ: «отъ имени университета» даются степени. Таково выраженіе закона. И это такъ и должно быть. Опасеніе, что здравый смыслъ будетъ нарушенъ совѣтомъ, совершенно напрасно. Члены совѣта хорошо знаютъ, что для оцѣнки достоинствъ диссертаціи нужны спеціальныя знанія. Но каждое учрежденіе можетъ поступить

неправильно и нарушить свои обязанности по лицепріятію, напримѣръ, и по другимъ причинамъ, которыя такъ хорошо описаны проф. Шершеневичемъ. Вотъ въ этихъ-то чрезвычайныхъ и, конечно, рѣдкихъ случаяхъ, совѣтъ и воспользуется своимъ правомъ не утверждать факультетское рѣшеніе.

Совѣтъ, какъ болѣе широкая научная среда, свободенъ отъ всякаго лицепріятія, возможнаго, однако, въ болѣе тѣсномъ кружкѣ факультетскаго большинства, а потому и можетъ исправить его ошибку. Совѣтъ знаетъ людей и можетъ судить о мотивахъ ихъ дѣйствій. Многолѣтняя практика показала, что совѣты пользуются своимъ правомъ съ чрезвычайною осторожностью и осмотрительностью. Намъ извѣстны два случая ихъ вмѣшательства и оба раза правда была на сторонѣ совѣта.

Переходимъ къ послѣднему и труднѣйшему вопросу, это вопросъ о числѣ ученыхъ степеней. Въ Германіи, откуда мы заимствовали нашу университетскую организацію, существуетъ только одна ученая степень—доктора; у насъ двѣ: магистра и доктора. Профессоромъ можетъ быть и въ Германіи, и у насъ только докторъ. У насъ, слѣдовательно, отъ профессора требуется, какъ будто, болѣе чѣмъ въ Германіи. Въ дѣйствительности этого различія въ нашу пользу нѣтъ. Въ Германіи степень доктора давно потеряла строго ученое значеніе: экзаменныя требованія тамъ очень понижены, требованія отъ диссертацій—тоже. Мѣсто профессора получаетъ тамъ не докторъ вообще, которыхъ очень много, а докторъ, извѣстный своими учеными трудами; у насъ мѣсто профессора можетъ получить докторъ, хотя бы онъ и не былъ извѣстенъ своими учеными трудами; а иногда оно достается и магистру. Разница большихъ требованій скорѣе въ пользу Германіи. Объясняется это обиліемъ ученыхъ силъ тамъ и недостаткомъ ихъ у насъ. При чемъ тутъ одна или двѣ степени? Въ Германіи одна да и та не много значитъ въ вопросѣ о замѣщеніи каѳедръ.

Посмотримъ на дѣло съ другой стороны. Стоитъ-ли число ученыхъ степеней въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи къ научному уровню страны? Полагаемъ, ни въ какомъ. Германія не потому богата учеными силами, что тамъ только одна ученая степень; а мы не потому ими бѣдны, что у насъ двѣ степени. Двѣ степени не составляютъ ни малѣйшаго препятствія къ развитію научныхъ силъ страны; точно также, какъ одна степень нисколько тому не способствуетъ. Въ Германіи множество докторовъ, вся ученость которыхъ исчерпывается одной никому не извѣстной и не имѣющей никакого научнаго значенія диссертаціей. Человѣкъ-же, чувствующій призваніе къ ученой дѣятельности, если обладаетъ необходимыми для того данными, не затруднится написать двѣ диссертаціи, да напишетъ, пожалуй, что-нибудь и кромѣ того.

Итакъ, съ точки зрѣнія развитія отечественныхъ наукъ, двѣ степени

не представляютъ къ тому ни малѣйшаго препятствія. Переходъ къ одной явился бы у насъ пониженіемъ требованій и только. Но есть-ли основаніе для такого пониженія? Полагаемъ, мы очень обидѣли-бы аспирантовъ конца вѣка на ученую степень, еслибы сказали—да; а потому говоримъ—нѣтъ.

Но есть другая сторона дѣла. Ученый титулъ доктора самъ по себѣ мало представляетъ у насъ привлекательнаго. У насъ не замѣтно особаго стремленія къ этому званію, какъ это наблюдается въ Германіи, по отсутствію потребныхъ для того культурныхъ условій. Если у насъ ищутъ ученыхъ степеней, то въ надеждѣ сдѣлаться профессоромъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, научные вкусы идутъ у насъ рядомъ со стремленіемъ пріобрѣсти извѣстное служебное положеніе. Съ этой точки зрѣнія двѣ степени являются помѣхой и могутъ отклонить отъ ученой карьеры много полезныхъ силъ. Нужна большая затрата времени и труда для пріобрѣтенія одной первой ученой степени, а что-же можетъ получить магистръ въ смыслѣ обезпеченія своей судьбы на ученомъ поприщѣ, которому онъ себя посвящаетъ? Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ быть приватъ-доцентомъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ въ 1,200 р. бумажками. Такая перспектива можетъ отклонить отъ ученой дѣятельности и людей, имѣющихъ къ ней призваніе и одаренныхъ талантами. Придти къ нимъ на помощь должно государство, процвѣтаніе котораго стоитъ въ тѣсной связи съ процвѣтаніемъ наукъ. Но это должно быть сдѣлано не сокращеніемъ степеней, а лучшимъ обезпеченіемъ приватъ-доцентовъ, читающихъ по порученію факультета и, слѣдовательно, замѣняющихъ профессоровъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ это уже и сдѣлано. Надо думать, что правительство давно имѣетъ это въ виду, такъ какъ современные штаты университетовъ суть временные. Они признаны таковыми еще при послѣднемъ пересмотрѣ устава въ 1884 году.

Въ вопросѣ о числѣ степеней мы сходимся съ проф. Шершеневичемъ. Онъ также высказывается противъ пониженія требованій. Наше разногласіе съ нимъ по всѣмъ другимъ вопросамъ можетъ оказаться и не совсѣмъ безполезнымъ въ томъ случаѣ, если поведетъ къ выясненію наилучшей практики, которой слѣдуетъ держаться въ примѣненіи нынѣ дѣйствующихъ правилъ.

В. Сергѣевичъ.

Іюль, 1897 г.

Осенью.

Покосился заборъ обветшалый,
Желтый листъ въ паутинѣ дрожитъ.
Въ окнахъ гаснетъ закатъ ярко алый,
Какъ стыдливый румянецъ ланитъ.

На дворѣ, въ непросохнувшей лужѣ,
Ребятишки босые шалятъ.
Въ тускломъ воздухѣ нѣтъ еще стужи,
И не конченъ еще листопадъ,—

А ужъ вѣетъ осенней дремотой,
Безнадежнымъ уныньемъ зимы;
Лишь сосна, не плѣнясь позолотой,
Не мѣняетъ своей бахромы.

Гдѣ-то колоколъ дрогнулъ уныло,
Скрипъ несмазанныхъ слышенъ колёсъ...
Это было, не разъ это было,—
И щемило мнѣ сердце до слезъ!...

К. Фофановъ.

Слѣпыши.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ ночь на 12 февраля 1862 года, помѣщикъ Николай Львовичъ Лѣсницынъ, сидя въ кабинетѣ, вдругъ почувствовалъ себя дурно. Шатаясь поднялся онъ съ кресла и едва успѣлъ дотянуться до колокольчика. На звонъ вбѣжалъ казачекъ Никодимъ, тощій длинный парень лѣтъ восемнадцати, и еле успѣлъ подхватить грузное тѣло барина, колыхавшееся у края стола, съ лицомъ, налитымъ кровью. Съ трудомъ онъ дотащилъ его до широкаго турецкаго дивана, стоявшаго отъ стола въ двухъ шагахъ, подсунулъ подъ голову подушку, и сталъ осторожно, одну за другой, поднимать свѣсившіяся ноги. Потомъ, онъ наклонился надъ краснымъ лицомъ и спросилъ:

— Не желаете-ли чего, ваше превосходительство?

Но въ отвѣтъ послышался только хрипъ. Никодимъ повторилъ вопросъ, и вдругъ нижняя челюсть у него задрожала, онъ откинулся всѣмъ тѣломъ назадъ и понялъ, что баринъ умираетъ.

Нѣсколькими скачками онъ домчался до комнаты экономки Аделаиды Петровны и, не стуча въ двери, съ трескомъ растворилъ ихъ.

— Пожалуйте, — сдавленнымъ шепотомъ заговорилъ онъ: — несчастье случилось.

Аделаида Петровна стояла спиной къ двери и разбирала какіе-то лоскутки. Оглянувшись на казачка и увидавъ его искривленное лицо, съ трясущейся нижней челюстью, она схватилась за выдвинутый ящикъ комода въ какомъ-то смутномъ предчувствіи.

— Съ ихъ превосходительствомъ дурно,—продолжалъ шептать Никодимъ,—боюсь не конецъ ли.

— Что ты врешь!—воскликнула Аделаида Петровна и бросилась бѣгомъ по корридору, слегка приподнявъ подолъ своего розоваго ситцеваго платья, плотно прилегавшаго къ ея здоровой упругой груди и мягко обозначавшимся лопаткамъ.

Въ кабинетѣ, увидѣвъ хрипѣвшаго Лѣсницына, она кинулась къ нему и стала трясти за плечо:

— Николай Львовичъ, что съ вами? Колечка, очувствуйся! Что ты это? Воды, Никодимъ, давай, полотенце и уксуса...

Началà сбѣгаться прислуга. Прибѣжала Аѳимья, прибѣжала дѣвчонка Фроська. Уксусъ, вода, полотенце,—все сейчасъ явилось. На полу зачѣмъ-то оказалась оплывающая сальная свѣчка, а на письменномъ столѣ—рукомойникъ.

— Кровь-бы бросить,—посовѣтывала Аѳимья.

— Ты бросишь, что-ли!—огрызнулась Аделаида.

— Бабку позвать...—нерѣшительно настаивала старуха.

Но Аделаида разстегнула на Николаѣ Львовичѣ шлафрокъ и не могла рукой найти сердце на заплывшемъ жиромъ боку.

— Надо за Щепилинымъ съѣздить, за докторомъ,—рѣшила она.— Никодимъ, вели кучеру на лѣвой пристяжной скакать въ Хлобыстино,—сказать, чтобы сейчасъ-же онъ, какъ можно скорѣе...

— Я лучше самъ, Аделаида Петровна,—вызвался казачекъ.— Нашъ Евсѣй какъ начнетъ тихо торопиться, а я духомъ.

— Ну, скачи, Никодимушка. Скажи—ударный припадокъ у барина, такой какъ въ прошлое Успенье' былъ. И чтобъ сейчасъ,—понимаешь? Тутъ всего пять верстъ... И не отставай, покуда его не вытащишь. Слышишь?

Но Никодимъ не слышалъ. Съ той-же трясущейся челюстью, стуча сапогами, несся онъ по комнатамъ, схватилъ мимоходомъ въ сѣняхъ свою шапку, перелетѣлъ черезо всѣ ступени крыльца, пробѣжалъ черезъ слегка подтаивающій дворъ къ конюшнѣ, просунулся въ полуотворенную дверь и увидѣлъ, что Евсѣй жуетъ что-то, сидя на конникѣ, при тускломъ свѣтѣ загаженаго фонаря.

— Гдѣ у тебя потникъ-то?—спросилъ онъ, рванувъ фонарь и освѣщая имъ пустое стойло,—да уздечку давай скорѣе.

— Начто-тѣ потникъ, такъ и дамъ! Чего фонарь, собачій сынъ, сгробасталъ... Пошелъ прочь!

— Говорятъ тебѣ, потникъ и уздечку давай, рыжій ты чортъ!— вдругъ крикнулъ казачекъ во весь голосъ, трясясь и сжимая кулаки.

Это совсѣмъ было новостью для кучера. Никодимъ всегда былъ смиреннымъ тихоней и никогда не возвышалъ голоса. А тутъ какъ бѣшеный сталъ.

Евсей взялъ его за воротъ.

— Ты знаешь, какъ за дверь высаживаютъ, ежели кто...

— Баринъ помираетъ!—бросилъ ему прямо въ лицо Никодимъ.— Къ доктору скакать надо. Понялъ?

Евсей отпустилъ воротъ казачка.

— Помираетъ?—повторилъ онъ и обвелъ безсмысленно глазами конюшню.—Какъ-же теперь быть?

— Давай пристяжную лѣвую... Сама велѣла.

Евсей молча взнуздалъ крѣпкаго вороненькаго степнячка; Никодимъ набросилъ попонку, перетянулъ подпругой, сказавъ—«я и безъ сѣдла», перевалился животомъ черезъ лошадь и сѣлъ на нее.

— Смотри не загони, небось мнѣ отвѣчать,—пробурчалъ Евсей, отворяя дверь конюшни.

— Передъ кѣмъ отвѣчать-то?—крикнулъ ему Никодимъ, и здавивъ ногами лошадь, сейчасъ-же исчезъ въ сырой вечерней мглѣ февральскаго вечера.

Евсей остался на порогѣ, почесался, задулъ фонарь, надѣлъ картузъ и, медлительно шагая по снѣгу, пошелъ къ дому, чтобы предложить на всякій случай свои услуги, потому—все-таки мужикъ: ежели что перенести или поднять тяжелое.

Но пока ничего отъ него не было нужно. Николай Львовичъ лежалъ на диванѣ. Бѣлое полотенце на его лбу еще болѣе оттѣняло потемнѣвшее лицо. Аделаида, поблѣднѣвшая, коротко дышавшая, стояла надъ нимъ, и рядъ мыслей безпорядочно толокся въ ея головѣ. Она чувствовала, что, кажется, пришелъ конецъ, что третьяго удара не переживаютъ, и что вотъ долгая четырнадцати-лѣтняя ея жизнь въ этомъ домѣ сразу приходитъ къ концу и обрывается. Пять послѣднихъ лѣтъ она даже не получала жалованья и ничѣмъ доказать этого не можетъ. У нея нѣсколько десятковъ рублей въ комодѣ, салопъ на чернобуромъ мѣху, да нѣсколько шелковыхъ платьевъ, вотъ и все что собрала она. Завѣщанья нѣтъ у Николая Львовича. Сколько разъ она ни намекала ему о послѣдней волѣ, онъ только взглядывалъ на нее и отмалчивался. Родственниковъ и наслѣдниковъ у него нѣтъ—насколько она знаетъ, по крайней мѣрѣ. Кому-же пойдетъ это все, все что собралъ онъ за шестьдесятъ лѣтъ, все что онъ еще получилъ отъ своего отца? Растащутъ сосѣди и дворовые. А она, дѣлившая съ нимъ столько лѣтъ жизнь, со всѣми ея радостями и невзгодами, она заберетъ въ одинъ сундукъ свою рухлядь и потрясется на пошевняхъ въ сосѣдній городъ, искать мѣста гдѣ нибудь у тѣхъ, кто еще держитъ большое хозяйство. Да и то еще не всякій возьметъ, всѣ будутъ коситься: молъ, бывшая любовница Лѣсницына.

Есть одна наслѣдница, живетъ даже въ этомъ-же домѣ:—сумасшедшая его дочь, сороколѣтняя толстая дѣва, никогда не выходящая изъ бани, гдѣ она имѣетъ свое постоянное пребываніе. Но вѣдь ее теперь

надо сдать въ сумасшедшій домъ, или на попеченіе кому, потому-что придти въ себя она болѣе не можетъ.

Аделаида отослала прислугу и осталась въ комнатѣ одна съ умирающимъ. Слезы подступали къ горлу, но глаза были сухи. Она стояла посреди кабинета, машинально глядя вокругъ. Ей казалось, что она спитъ, что она заснула тамъ, стоя у комода и разбирая свои тряпки, что ея Количка бодрый, толстый, веселый сидитъ у стола и тянетъ свой «Жуковъ». Но брошенная, не поднятая съ пола трубка и хрипѣнье на диванѣ говорили ей, что это не сонъ, а дѣйствительность.

Взглядъ ея остановился на несгораемомъ шкапѣ, стоявшемъ у окна. Онъ былъ полуоткрытъ: связка ключей висѣла въ дверцѣ и обнаруживала металлическую внутренность таинственнаго хранилища.

Аделаида никогда не ходила въ этотъ шкапъ и не знала секретъ замка. Но она знала, что гдѣ лежитъ въ немъ,—ей не разъ Николай Львовичъ показывалъ, какъ у него разсортированы бумаги, гдѣ лежатъ именные билеты, гдѣ акціи, гдѣ пятипроцентные.

Она подошла. Тяжелая дверца плавно, беззвучно отворилась совсѣмъ настежъ. Налѣво лежатъ пятипроцентные билеты. Взять ихъ, или нѣтъ?

II.

Аделаида была плохо-грамотна, и природная смётка больше ей помогала, чѣмъ бѣглое чтеніе. Но билеты именные отъ неименныхъ она отличила сразу. Она протянула къ нимъ руку и остановилась.

— Скажутъ, воровка!—промелькнуло у ней въ головѣ.—А развѣ я не свое беру? Сколько разъ онъ говорилъ: все твое, Аделаида: бери сколько хочешь. Дура я, дура, что не брала, не была-бы я теперь нищей.

Она посмотрѣла на большую тушу лежавшаго на диванѣ человѣка, и вдругъ почувствовала озлобленіе.

— Заѣлъ ты меня, заѣлъ мою жизнь!—какъ-то прошипѣла она.— Дѣвочкой взялъ меня, свободной мѣщанкой. Женюсь, говоритъ, женюсь, погоди. Дождалась! Кому теперь нужна я?

Но и теперь Аделаида была красивой дебелой бабой. Кто любитъ въ женщинѣ красоту самки—бѣлую стройную гладкую шею, пышную грудь, молочное безъ одной отмѣтины тѣло, нѣсколько полное, — но крѣпкое и упругое, какъ резиновый мячъ,—тотъ и теперь-бы ей залюбовался. Правда, ея сѣрые глаза не горятъ тѣмъ тихимъ, кроткимъ огнемъ, какъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ, когда привезъ въ тарантасѣ къ себѣ изъ города тайный совѣтникъ Лѣсницинъ молоденькую мѣщанку; теперь въ глазахъ иногда есть что-то безстыжее, сладострастное, говоритъ женщина. Но темнозолотая коса ея густа какъ и прежде, и

сплошь, почти до колѣнъ закрываетъ спину. Зубы попрежнему бѣлы и сверкаютъ изъ за полныхъ чувствэнныхъ ярко-красныхъ маленькихъ губъ. Подбородокъ сталъ двойной и покрылся какимъ-то пушкомъ — мягкимъ, какъ кожица на персикѣ. Вся она свѣжая, чистая,—и пахнетъ отъ нея осенними яблоками—такимъ здоровымъ, живымъ ароматомъ.

Лѣсницына нельзя было назвать бабникомъ. Овдовѣлъ онъ давно, и года черезъ три послѣ смерти жены привезъ къ себѣ въ домъ Аделаиду. Онъ привязался къ ней,—и нигдѣ на сторонѣ иныхъ привязанностей не имѣлъ. Но держалъ ее въ черномъ тѣлѣ: не только не выучилъ ее ничему, но и читать-то она почти разучивалась. Впрочемъ, настолько писать, чтобы составить полный списокъ домашняго инвентаря, она умѣла, а больше ничего и не требовалось. Лѣсницынъ ее любилъ,—но не какъ подругу себѣ равную, а какъ хорошій кровяной кусокъ мяса, который всегда былъ подъ рукой и благоговѣйно смотрѣлъ ему въ глаза. Она говорила ему глазъ-на-глазъ «ты», звала Колечкой, но этимъ и кончалась ея фамильярность. Она ходила за нимъ, какъ нянька: надѣвала ему носки, причесывала голову, подавала туфли, обтирала губкой съ одеколономъ, поила чаемъ, набивала трубки, и каждую минуту готова была отдаваться его ласкамъ,—но сама никогда не рѣшалась первая о нихъ напомнить. Онъ любовался ей, какъ любуются хорошей лошадью. Иногда онъ заставлялъ ее поворачиваться передъ нимъ во всѣ стороны, поднимать руки, упираться въ боки, поводить бровью; смотрѣлъ онъ на нее внимательно, съ видомъ знатока, и потомъ замѣчалъ:

— Тебѣ кораллы на шею надо. Хорошо будетъ.

— Кораллы, Колечка, тѣмъ, которыя ежели чернявыя, — тѣмъ идутъ,—замѣчала она.—А я при своемъ среднемъ цвѣтѣ отъ кораловъ оттѣнка хорошаго не дамъ. Мнѣ гранатъ скорѣй пойдетъ, или жемчугъ.

Онъ пускалъ клубъ дыма и, помолчавъ, говорилъ:

— Что-жь, жемчуга у меня много. Поѣду въ городъ, велю перенизать три нитки.

Но такъ время шло, въ городъ онъ ѣздилъ, но ни ноколловъ не покупалъ, ни жемчуга не перенизывалъ. Да ей некуда было и надѣвать уборовъ, развѣ въ церковь, да и то рѣдко, потому что Николай Львовичъ ни самъ туда не ходилъ, ни ее не пускалъ.

При гостяхъ она почти никогда не садилась. Развѣ кто бывалъ изъ близкихъ знакомыхъ, такъ она присаживалась за самоваръ или за суповую чашку, чтобъ разлить гостямъ что надо.

Едва-ли есть православное имя Аделаида,—можетъ быть ее такъ величалъ только для благозвучія тайный совѣтникъ, а въ сущности она была Акулина, или что нибудь въ этомъ родѣ. Но такъ ее звали всѣ.—

При случаѣ она говорила, что родители ея старой вѣры и живутъ за Волгой, что мать ея и до сихъ поръ жива, но она съ ней не видится, потому что «отъ дома отбилась, и ужь нѣтъ никакой возможности въ прежнее положеніе войти».

Къ плодамъ цивилизаціи Аделаида относилась довольно небрежно. Несмотря на четырнадцатилѣтнее общеніе съ тайнымъ совѣтникомъ. она осталась той-же мѣщанкой, и если заимствовала въ свой лексиконъ рядъ болѣе утонченныхъ выраженій, то непремѣнно ихъ коверкала. Въ будни изъ ситцевыхъ платьевъ она не выходила и корсетовъ не признавала. Лѣтомъ, когда было жарко, она ходила въ татарскихъ туфляхъ безъ чулокъ, и никакіе уговоры Лѣсницына не могли въ этомъ отношеніи на нее повліять. Она только говорила:

— И что это, Колечка,—Богъ съ тобой,—нѣшто это возможное, чтобъ въ такую жарищу да еще чулки. Ужъ пусть это ваши бѣлокостныя носятъ, а мы къ тому не привыкли: ноги горятъ и стѣсненіе дѣлается въ икрахъ.

Хозяйка она была хорошая: маринады, соленья и печенья дѣлала такъ, что губернаторъ два раза къ ней присылалъ повара-француза учиться. Къ повару она отнеслась пренебрежительно и свысока, сказавъ:

— Ну, ты, тонконогій,—смотри.

Она стала показывать ему свои пріемы, и объясненія перепутывала вставными фразами:

— Понялъ ты, красный носъ? Видѣлъ ты это, стручекъ пустой?

Досталъ ее Лѣсницынъ отъ драгунскаго поручика, который привезъ ее съ Волги, и Лѣсницыну проигралъ въ карты. То-есть проигралъ онъ не ее, потому что она была мѣщанка, а проигралъ все, даже серебряныя шпоры, и кормить ее было нечѣмъ. Онъ посовѣтовалъ ей перейти къ генералу, сыгралъ на нее въ трехъ тысячахъ, проигралъ, и сдалъ съ рукъ на руки. Она не противилась, потому что поручика очень боялась,—особенно когда онъ стрѣлялъ изъ пистолета въ тройку, поперемѣнно забивая пулями червонныя сердца, а тайный совѣтникъ, несмотря на пятьдесятъ четыре года, былъ еще молодецъ. У драгуна она пробыла недолго—мѣсяца два, и все время тряслась отъ страха. У Лѣсницына она поправилась скоро и вошла въ тѣло. У поручика и хозяйства никакого почти не было, и смотрѣть было не зачѣмъ; а у Лѣсницына былъ цѣлый домъ, дворъ, садъ, — все, что должно быть въ большомъ барскомъ помѣстьѣ. Сперва Аделаида получила ключи, потомъ ей поручили садъ, потомъ всю дворню. Не отличаясь сентиментальными манерами, Аделаида собственною пухлой ручкой била дѣвокъ по щекамъ и таскала ихъ за косы,—и даже иногда распоряжалась выдрать того или другого мужика. Но при всемъ томъ ее не только терпѣли дворовые, но и любили. Крестьянамъ она всегда помогала чѣмъ можно,

дѣтишкамъ совала гостинцы и подарки. Съ прислугой была груба и требовательна,—но дарила къ праздникамъ широко, и была передъ бариномъ заступницей. «Волей» она не была довольна, и очень удивилась, что помѣщики всѣ остались цѣлы. Но обращенія съ людьми она не перемѣнила, только по щекамъ не била. «Деньги получаютъ за службу,—ну, и терпи,»—говорила она, когда кто жаловался на ея ругань.

Она какъ-то не загадывала о будущемъ, и ей казалось, что Колечка долженъ жить всегда, что строй привычной жизни не можетъ и не долженъ мѣняться. Даже когда его хватилъ первый и потомъ второй ударъ, — ей все-же казалось, что конецъ будетъ не скоро, — что думать о немъ нечего,—да и грѣхъ думать о смерти живого человѣка.

Но теперь, когда она увидѣла умирающаго старика и почувствовала, что онъ не поднимется уже больше,—вдругъ ей стала ясна та непроглядная яма, что открылась передъ ней. Чувство самосохраненія заговорило. Она машинально отворила несгораемый шкафъ, машинально вынула билеты и тутъ-же стала пересчитывать ихъ. Она не слышала, какъ подъ окномъ проскрипѣли полозья, не слышала тихихъ шаговъ, не замѣчала, какъ кто-то остановился возлѣ нея и смотритъ черезъ плечо на бумаги. Только когда она почувствовала прикосновеніе къ плечу,—тогда только вздрогнула и оглянулась.

III.

Передъ ней стоялъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, бѣлокурый, съ пробритымъ по тогдашней модѣ подбородкомъ, въ офицерскомъ черномъ сюртукѣ, и, потирая руки съ длинными тонкими пальцами, не то съ любопытствомъ, не то подозрительно смотрѣлъ на нее.

Она слегка поблѣднѣла, оставила бумаги и сдѣлала два шага по направленію дивана.

— А у насъ-то стряслось...—сказала она, показывая на диванъ.

— Да, я слышалъ,—заговорилъ вошедшій:—я встрѣтилъ за околицей вашего мальчика, онъ скакалъ къ доктору и сообщилъ мнѣ. Я потому и заѣхалъ.

Онъ подошелъ къ умирающему, посмотрѣлъ на него, тронулъ руку и лобъ, печально покачалъ головой и сказалъ:

— Ай-яй, какъ это грустно.

Потомъ онъ опять приблизился къ столу, поглядѣлъ на открытый шкапъ, на бумаги, на Аделаиду и сказалъ:

— Я счелъ своей обязанностью сейчасъ-же сюда заѣхать. Я зналъ, что при почтеннѣйшемъ Николаѣ Львовичѣ никого нѣтъ, и какъ дворянинъ счелъ долгомъ быть здѣсь. Я полагалъ, что можетъ быть они изъявятъ послѣднюю волю...

Она опять вздрогнула. Ее кольнуло выраженіе «никого нѣтъ», она ничего хорошаго отъ этого «дворянина» не ожидала.

— Что это вы говорите,—несмѣло начала она.—Я вѣдь, слава тебѣ, Господи, не первый годъ при нихъ. Вы, Александръ Георгіевичъ, если и не такъ давно въ нашемъ краѣ, а всетаки сами знаете.

Александръ Георгіевичъ отодвинулъ кресло, не торопясь сѣлъ въ него и сложилъ на колѣняхъ руки, палецъ въ палецъ.

— Знаю, все знаю, любезнѣйшая,—отвѣтилъ онъ.—Вотъ потому-то я и здѣсь.

Онъ въ упоръ посмотрѣлъ на нее, она на него. Оба глазъ не опустили, точно вызывали другъ друга на бой. Она хотѣла проникнуть, какія мысли проходятъ въ его гладко причесаной головѣ, и что сказывается подъ его размѣреннымъ тономъ. Онъ смотрѣлъ на нее, ожидая, что она скажетъ, что сдѣлаетъ, внимательно наблюдая за ея замѣшательствомъ.

— Не досмотри,—продолжалъ онъ.—все растащутъ, пожалуй... Тѣмъ болѣе, что наслѣдница Николая Львовича невмѣняема... Вы не смотрите, любезнѣйшая, на Николая Львовича: они не услышатъ. Они остываютъ. Повѣрьте мнѣ,—я много разъ видалъ отходящихъ... Это вѣрно. Жизнь еще быть можетъ теплится,—но душа его теперь уже предъ престоломъ Всевышняго.

Аделаида тронула руку Николая Львовича,—и ей, въ самомъ дѣлѣ, показалось, что онъ остываетъ. Она постояла надъ нимъ, спиною къ гостю, стараясь собрать разбѣгающіяся мысли и ища выхода. Знала она Александра Георгіевича мало, хотя въ послѣднее время онъ часто бывалъ у нихъ. Онъ получилъ маленькое имѣніе въ ихъ уѣздѣ отъ какой-то дальней тетки, и пользовался полугодовымъ отпускомъ. Фамилья его была Гетнеръ. Былъ-ли онъ полунѣмецъ, или русскій, этого никто не зналъ, но онъ бывалъ въ православной церкви, чисто говорилъ по русски и подходилъ даже къ кресту. Въ его узко-прорѣзанныхъ глазахъ свѣтилось много настойчивости, ума и хитрой проницательности. Въ движеніяхъ онъ былъ мягокъ, и только иногда хрустѣлъ пальцами, что, повидимому, доставляло ему большое удовольствіе. Его лобъ, уши, носъ были до того вычищены, точно все это было сдѣлано изъ воска, да еще покрыто сверху лакомъ.

Онъ, пока стояла къ нему Аделаида спиною, искоса, однимъ глазомъ смотрѣлъ на пачку процентныхъ билетовъ, соображая, сколько ихъ тутъ можетъ быть. Когда она къ нему повернулась, онъ смотрѣлъ уже прямо на нее.

— Николая Львовича,—началъ онъ,—смерть застала за житейской суетою: провѣрялъ свои капиталы.

Аделаида вдругъ набралась рѣшимости. Она смѣло подошла къ столу и, стараясь ронять небрежно слова, сказала:

— Нѣтъ, это мои деньги: Николай Львовичъ ихъ провѣрялъ.

Она хотѣла-было взять, но Гетнеръ мягко положилъ сверху свою руку и показалъ длинные ногти лодочками.

— Виноватъ,—сказалъ онъ,—билеты, если не ошибаюсь, не именные, вы можете доказать, что они ваши?

— Мнѣ ихъ Николай Львовичъ подарилъ,—сказала она, задыхаясь.

— При свидѣтеляхъ?

— Да.

— При какомъ именно?

— При Кашинцевѣ.

— Кто такой Кашинцевъ?

— Мировой посредникъ. Онъ года два какъ померъ.

Гетнеръ вдругъ показалъ превосходные маленькіе бѣлые зубы, что должно было изображать улыбку.

— Почтеннѣйшая,—вы меня смѣшите. Кто-же пойдетъ на тотъ свѣтъ справляться? Вы мнѣ укажите на живыхъ свидѣтелей.

— Я и укажу,—совсѣмъ теряясь возражала она,—а только вы не можете руку держать на чужихъ деньгахъ.

— Я не отойду отъ нихъ,—строго заговорилъ онъ,—пока не явятся въ комнату свидѣтели, не пересчитаютъ ихъ и не сдадутъ ихъ кому-либо на храненіе. Какъ дворянинъ, я не могу допустить, чтобъ совершилось расхищеніе.

— Глупыя все слова вы говорите,—сказала она.

— Я бы совѣтывалъ вамъ быть болѣе сдержанной въ выраженіяхъ,—замѣтилъ онъ, возвышая голосъ.—Я не могу не напомнить вамъ, что ограбленіе умершаго одно изъ уголовныхъ преступленій, которое преслѣдуется закономъ.

— Мои это деньги! —почти крикнула она,—пустите!

Она взялась обѣими руками за края бумагъ и сильно тянула ихъ къ себѣ изъ подъ крѣпко лежавшей сверху ладони Гетнера.

— Глупая ты баба, — вдругъ съ мягкой улыбкой заговорилъ онъ.—Ну, куда ты ихъ тянешь?—Спрячешь что-ли куда? Все равно, будетъ обыскъ, все у тебя отберутъ, да еще въ тюрьму за воровство посадятъ.

Лицо ея искривилось. Красныя пятна выступили на щекахъ и лбу.

— Что-же ты, доказывать, что-ли на меня будешь?—хрипло спросила она.

Онъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ-же доказывать? Я просто скажу, что видѣлъ, какъ ты изъ шкапа вынула деньги.

Она опустила голову на руки, оперлась руками о столъ, и вдругъ зарыдала горькими, накопившимися рыданіями. Она плакала слезами загнанной собаки, которой навязываютъ камень на шею.

Гетнеръ сидѣлъ неподвижно, покачивая ногой, и даже руку снялъ съ билетовъ.

— Александръ Георгіевичъ, голубчикъ!—заговорила она, открывая свое заплаканное лицо.—Что-же вы со мною дѣлаете? Вѣдь я четырнадцать лѣтъ здѣсь жила. Вѣдь нельзя же меня, какъ старую рогожку, отсюда выбросить. Имѣйте христіанское чувствованіе. Мнѣ Колечка сколько разъ говорилъ: «Я тебя, Адель, по самую смерть обезпечу».—Что-же коли онъ завѣщанія не успѣлъ написать?

Гетнеръ помолчалъ.

— То-есть,—заговорилъ онъ,—вы бы хотѣли, при моей помощи, скрыть эти деньги?

Ее передернуло.

— Да зачѣмъ-же скрыть? Вѣдь это мои деньги, вѣдь обѣщаны они мнѣ.

— Не знаю. Письменнаго документа нѣтъ.

— Словесное обѣщаніе было. При старухѣ сколько разъ говорилъ. Вотъ услужающая у насъ старуха.

— Жаль мнѣ васъ, почтеннѣйшая, но что-же дѣлать.

Онъ задумался и протянулъ руку къ пачкѣ.

— Сколько тутъ?—спросилъ онъ,—и зрачки его глазъ стали расширяться. Увидя пятитысячный билетъ, онъ какъ-то вздрогнулъ и быстро его перевернулъ.

— Шестнадцать тысячъ,—сказалъ онъ,—окончивъ счетъ.—Что-же «тамъ»,—онъ кивнулъ на шкапъ,—больше нѣтъ?

— Кажись нѣтъ,—сказала она.—Да посмотримъ вмѣстѣ.

Онъ не безъ любопытства подошелъ къ открытой двери шкапа. Все было въ порядкѣ. Лежали актовыя бумаги, гербовые листы, стояла склянка съ какой-то бѣлой жидкостью, гербовая печать, лежалъ въ футлярѣ дипломъ о дворянствѣ.

— Нѣтъ ли списка имѣющихся бумагъ?—спросилъ Гетнеръ.—Вы не помните, не было ли реестрика у него?

— Навѣрное даже не было. Потому когда онъ считалъ, то у него каждый разъ всегда все разное выходило: то на нѣсколько тысячъ больше, то меньше.

— Хорошее состояніе!—точно про себя сказалъ Гетнеръ, смотря на именные билеты.—Что-же, почтеннѣйшая, посмотримъ, нѣтъ-ли еще гдѣ наличныхъ?

Она вынула бумаги изъ шкапа, бросила ихъ на столъ и сказала:

— Смотрите, только скорѣе. А то войдетъ кто,—нехорошо, пожалуй, будетъ.

IV.

Скоро весь шкапъ былъ просмотрѣнъ. Денегъ еще было найдено тысячъ на семь. Остальное было—именные билеты и акціи.

— Я думаю, почтеннѣйшая, сказалъ Гетнеръ,—что всѣхъ денегъ брать вамъ нельзя. Надо для проформы кое-что оставить въ кассѣ, тысячи полторы—двѣ. А то при описи могутъ быть подозрѣнія!

Она стояла опершись руками на столъ, близко возлѣ него. Онъ чувствовалъ ея тепло, видѣлъ, какъ подъ тонкимъ розовымъ ситцемъ колышется ея грудь. Онъ смотрѣлъ снизу на ея круглый, мягкій подбородокъ, пушистыя рѣсницы,—и вдругъ почувствовалъ къ ней какую-то отеческую жалость.

— А остальныя деньги,—еще мягче заговорилъ онъ,—я возьму къ себѣ, на сохраненіе. У меня не найдутъ. Когда кончится опись, когда утвердятъ въ правахъ наслѣдниковъ, буде они найдутся, или имѣнье возьмутъ въ опеку,—тогда я вамъ все возвращу до копѣйки.

— Да вы вѣдь не отдадите обратно. Какъ-же безъ свидѣтелевъ. Вотъ я позову старуху,—возьмите при ней.

— Голубушка! Развѣ въ такихъ дѣлахъ свидѣтели мыслимы? Богъ съ вами! Вѣдь ужъ это все таки, какъ тамъ хотите, а воровство. Вѣдь ужъ нечего и говорить: грабимъ мы умирающаго...

— Не дамъ!—рѣзко крикнула она и, сразу выдернувъ бумаги, прижала ихъ къ груди.—Лучше сожгу, чѣмъ дамъ вамъ попользоваться.

Но въ это время на дворѣ послышались голоса и шумъ, кто-то подъѣхалъ къ крыльцу, и вдали заговорили колокольцы.

— Запирайте шкапъ, — торопливо сказалъ онъ, — скорѣе запирайте. Застанутъ еще, уголовщина подниметея.

И, видя что она стоитъ неподвижно, онъ самъ захлопнулъ дверцу, которая щелкнула замкомъ, вынулъ связку ключей и бросилъ на столъ. Потомъ онъ сильнымъ движеніемъ посадилъ Аделаиду въ кресла, разжалъ ей пальцы, сдавилъ до синяковъ руки и вынулъ бумаги. Свернуть ихъ—было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ,—и когда послышались торопливые шаги въ сосѣдней комнатѣ, онъ застегивалъ уже нижнюю пуговицу своего сюртука.

Вошелъ Никодимъ, тяжело дыша, красный отъ вѣтра и пота.

— Докторъ пріѣхали!—сказалъ онъ, и подойдя наципочкахъ къ дивану, посмотрѣлъ съ ужасомъ на барина.

Докторъ вошелъ почти вслѣдъ за нимъ. Это былъ еще молодой человѣкъ съ одутловатымъ лицомъ, съ небольшой бородкой и въ очкахъ, рѣзко выдававшихъ его близорукость. Волосы у него на головѣ

торчали во всѣ стороны вихрами, бровей не было совсѣмъ. Пожавъ руку Аделаидѣ и Гетнеру, онъ молча подошелъ къ дивану, сѣлъ на край, и приникъ ухомъ къ сердцу. Потомъ онъ велѣлъ Никодиму держать свѣчку передъ лицомъ барина и, поднявъ его верхнюю вѣку, посмотрѣлъ его глазъ.

Когда онъ поднялся съ дивана, Гетнеръ увѣреннымъ тономъ спросилъ:

— Кончено?

Докторъ посмотрѣлъ на него поверхъ очковъ.

— Нѣтъ.

Оба, и Аделаида и Гетнеръ, вздрогнули и невольно переглянулись.

— Но помощь моя тутъ не нужна,—продолжалъ докторъ.—Пошлите за попомъ, если считаете это нужнымъ.

Вдругъ у дивана послышались какіе-то страшные, дикіе звуки, не человѣческіе.

Это плакалъ Никодимъ, припавъ къ рукѣ барина. Онъ стоялъ на колѣняхъ, и спина его вся тряслась отъ конвульсій.

— Пошелъ,—ты безпокоишь больного,—сказалъ Гетнеръ, толкая его колѣномъ.

— Онъ ничего не слышитъ,—отозвался докторъ.

Никодимъ всталъ, отеръ глаза. Его худое, вытянутое лицо повернулось къ Гетнеру.

— Ежели онъ баринъ мой былъ,—всхлипывая началъ онъ.—Я какъ отца почиталъ ихъ,—потому что съ малолѣтства при комнатахъ. Я ни какъ другіе прочіе...

— Позови отца Ѳаддея,—сказала Аделаида.—И я-то тоже до сихъ поръ не послала.

— Отцу Ѳаддею уже сказано,—почти съ грубостью отвѣтилъ Никодимъ.—Онъ дары забираетъ и сейчасъ будетъ сюда.

Гетнеръ потрогалъ сквозь сукно форменнаго сюртука, тутъ-ли бумаги, и снова обратился къ доктору.

— А когда вы думаете конецъ?

Онъ кивнулъ головой на умирающаго.

— Скоро!—отвѣтилъ тотъ, и сѣлъ къ письменному столу.

Взявъ листъ чистой бумаги, онъ выбралъ гусиное перо, изъ пачки, лежавшей на чернильницѣ, попробовалъ раскепъ на ногтѣ, обмакнулъ перо въ домашнія рыжія чернила, и скрипя сталъ писать.

— Это что-же, рецептъ?—спросила Аделаида.

— Нѣтъ,—пробурчалъ онъ.

Въ комнатѣ наступила тишина. Часы пробили половину двѣнадцатаго. Гдѣ-то на дворѣ завыла собака.

— Почуяла,—замѣтилъ Никодимъ.

Докторъ все скрипѣлъ перомъ. Потомъ пододвинулъ къ себѣ свѣчку, взялъ со стола палку сюргуча, снялъ съ себя часы съ цѣпочкой, и сдѣ-

лавъ неровную красную лепешку въ лѣвомъ нижнемъ углу листа, припечаталъ ее продолговатымъ штемпелемъ, гдѣ криво и косо губернскимъ граверомъ было вырѣзано: «Врачь Щепилинъ». Потомъ онъ полюбовался оттискомъ и сказалъ:

— Это свидѣтельство о смерти.

— Да вѣдь онъ живъ?—спросилъ Гетнеръ.

— Ну, такъ что-жъ?—точно удивившись его вопросомъ,—возразилъ Щепилинъ.

— А вдругъ онъ оправится?

— Да, какъ-же!—насмѣшливо отвѣтилъ докторъ.—Кто изъ насъ лучше знаетъ медицину,—вы или я?

Гетнеръ нахмурился.

— Вы очень рѣзки, докторъ,—замѣтилъ онъ.

— Изъ семинаристовъ,—отвѣтилъ онъ, какъ-бы мимоходомъ,—и подалъ бумагу Аделаидѣ.

— Если по начальству спросятъ, вотъ вамъ,—сказалъ онъ.—А я засиживаться не буду,—не спалъ съ этой оспой проклятой двѣ ночи, рыскалъ по уѣзду.

Онъ сталъ прощаться.

— Я вамъ потомъ отдамъ,—сказала Аделаида,—щупая у себя карманы.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же,—возразилъ Гетнеръ,—и доставъ бумажникъ вынулъ двадцати-пятирублевку.

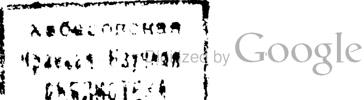
Щепилинъ посмотрѣлъ на него, какъ-то усмѣхнулся, и сунулъ бумажку въ карманъ.

— А ежели имъ въ самомъ дѣлѣ лучше будетъ?—спросила Аделаида, провожая врача до двери.

— Тогда разорвите бумагу,—есть о чемъ говорить,—морщась отвѣтилъ онъ.—Да не безпокойтесь,—онъ по всѣмъ правиламъ искусства отходитъ. Вотъ и духовный врачъ грядетъ.

Въ комнату входилъ черноволосый съ большой бородой и черными глазами лысый священникъ лѣтъ сорока, приземистый крѣпышъ,—отецъ Генниссаретскій. Онъ кивнулъ посторонившемуся лекарю, но руки ему не подалъ. Гетнеръ всталъ на встрѣчу священнику, подошелъ подъ благословеніе, и хотя священникъ отдернулъ руку, но все-же онъ успѣлъ поцѣловать кончики пальцевъ. Потомъ Гетнеръ проскользнулъ въ двери вслѣдъ за докторомъ, и пока тотъ надѣвалъ волчью шубу и огромныя калоши, распорядился, чтобъ его тройка была готова, потому что онъ тоже сейчасъ уѣзжаетъ.

Когда онъ воротился въ кабинетъ,—священникъ уже оканчивалъ глухую исповѣдь и держалъ крестъ у лица умирающаго. Онъ покрылъ воздухами его лобъ, и, тихо ступая, отошелъ къ Аделаидѣ.

— Укрѣпитесь, Аделаида Петровна, заговорилъ онъ, кладя ей руку на плечо.—Твердо выдержите ударъ, ниспосланный вамъ отъ Всевышняго. Пути промысла неисповѣдимы. Испытаніе вамъ ниспослано,—а послѣдствій его вы знать не можете.

Гетнеръ посмотрѣлъ на него подозрительно: ему показалась въ немъ излишняя предупредительность и даже искательство.—«Ужъ не думаетъ-ли онъ взять у нея деньги на сохраненіе?» подумалъ онъ и, взявъ фуражку, сталъ прощаться.

— Куда-жъ вы?—испуганно спросила она, переводя глаза на его карманъ.

— Надо ѣхать,—уклончиво отвѣтилъ онъ и опять подошелъ подъ благословенье священника.

— Послушайте, Александръ Георгіевичъ,—начала было она, идя за нимъ слѣдомъ къ двери.

— Нѣтъ, нѣтъ,—остановилъ онъ ее.—Вамъ мѣсто здѣсь, при умирающемъ,—а меня провожать не надо. Поговорите съ духовнымъ отцомъ,—онъ васъ утѣшитъ.

И повернувшись, онъ быстро пошелъ къ выходу.

V.

Тройка малорослыхъ лошадей вывезла его по расхлябанному снѣгу на большую дорогу, проходившую саженяхъ въ тридцати отъ усадьбы Лѣсницына. Онъ распахнулъ сѣрую енотовую шинель и жадно дышалъ теплымъ, сырымъ воздухомъ. Темными пятнами отошли назадъ и деревенскіе дома, и колокольня сельской церкви, и садикъ причта. Въ полѣ было смутно сѣро, но дорога была видна и тянулась грязной лентой, среди талаго снѣга. Темныя тучи неслись по небу и порою моросили мелкой холодной пылью. Подковы лошадей звучно хлябали по лужамъ, разбрызгивая во всѣ стороны грязь. Гетнеру было безотчетно весело и легко. Онъ даже улыбался. Точно что-то хорошее, давно жданное исполнилось, точно онъ вступилъ, наконецъ, на настоящую дорогу, которую тщетно и долго искалъ.

— Только надо быть послѣдовательнымъ, непремѣнно послѣдовательнымъ,—соображалъ онъ.—Надо дѣйствовать прямолинейно и всторону не сворачивать. Дѣйствовать тотчасъ-же, не откладывая того до завтра, что можно сдѣлать сегодня. Что-же можно сдѣлать сегодня? Теперь самое начало перваго часа. Еще не поздно, что-же можно предпринять?

— До Охлобыстина далеко?—спросилъ онъ внезапно кучера.

— Не далече,—отвѣчалъ онъ, нехотя и не оборачиваясь.

Гетнеръ протянулъ изъ подъ шубы руку, взялъ его за воротъ,

встряхнулъ и, больно защипнувъ вмѣстѣ съ воротникомъ волосы, повозилъ его изъ стороны въ сторону.

— Когда съ тобой говорятъ,—отвѣчай какъ слѣдуетъ!—крикнулъ онъ.

Кучеръ поправилъ шапку и сѣлъ прямѣе.

— Версты четыре, не больше,—отвѣтилъ онъ.

— Пошелъ туда скорѣе.

Тотъ вынулъ изъ передка кнутъ и началъ «оглаживать» тройку. Видно, что чувствительность въ затылкѣ еще не прошла, и онъ хотѣлъ вымѣстить на лошадяхъ свое непріятное ощущеніе, а баринъ завернулся въ шубу, привалился къ боку кибитки и предался радужнымъ мечтамъ.

Охлобыстевъ былъ предводитель. Пользовался онъ самой широкой популярностью въ губерніи, потому что, не жалѣя своихъ помѣстій, все проживалъ, желая поддержать умирающій блескъ помѣщичьяго престижа. Онъ шелъ прямой дорогой къ разоренію, но не сворачивалъ съ нея и говорилъ:

— Горбатаго могила исправитъ.

Вся жизнь его была—сплошной праздникъ. То онъ давалъ балы, то травилъ волковъ и зайцевъ, то ходилъ съ рогаткой на медвѣдя, то принималъ министровъ,—и все это съ одинаковымъ упоеніемъ, съ охотой, съ радушной улыбкой. Онъ за всѣхъ хлопоталъ, всѣмъ все устраивалъ, былъ общій любимецъ,—и отвернулись отъ него впослѣдствіи только тогда, когда все у него продали съ аукціона. Дворянство никогда не любило разоренныхъ дворянъ и всегда совѣтывало имъ переселяться въ Москву или Петербургъ и поступать на службу: терпѣть среди себя нищихъ было невозможно.

Уже весь домъ спалъ, когда подъѣзжалъ къ крыльцу Гетнеръ. Онъ добудился лакея и заявилъ, что ему необходимо сейчасъ-же видѣть предводителя.

— Они только-что легли, сегодня въ отъѣзжемъ полѣ были,—сумрачно заявлялъ лакей;—а завтра съ утра въ городъ ѣдутъ.

— Вотъ потому-то, что они съ утра въ городъ ѣдутъ, я и долженъ ихъ сейчасъ видѣть. Поди, разбуди. Скажи, дѣло спѣшное. Скажи, внезапно умеръ одинъ помѣщикъ.

Лакей зажегъ свѣчу, ввелъ его въ залу, а самъ пошелъ въ спальню предводителя. Оттуда долго раздавались какія-то восклицанія, гудѣлъ басъ, и какъ казалось Гетнеру, кто-то усиленно ругался. Потомъ лакей вышелъ, предложилъ пожаловать въ кабинетъ и оставилъ тамъ гостя одного.

Гетнеръ, не садясь, ходилъ по комнатѣ. Онъ старался придать своему лицу выраженіе разстройства и даже раза два посмотрѣлся въ зеркало. Онъ уже обдумалъ, чтó и какъ онъ скажетъ предводителю, и

теперь только хотѣлъ произвести чисто внѣшнее соотвѣтствующее обстоятельствамъ впечатлѣніе.

Наконецъ, послышались грузные шаги, и въ комнату вошелъ человѣкъ колоссальнаго роста, съ сѣдѣющими усами, въ бисерныхъ туфляхъ и бархатномъ халатѣ. Лицо его было устало, сердито, брови сдвинуты. Очевидно, онъ былъ очень недоволенъ, что его подняли съ постели.

— Что такое? Что случилось?—заговорилъ онъ глубокимъ басомъ, какъ архіерейскій протодіаконъ.—Умеръ кто-то. Садитесь.

— Умеръ вашъ сосѣдъ, помѣщикъ Лѣсницынъ,—печальнымъ голосомъ заговорилъ Гетнеръ.

— Ахъ, царство ему небесное!—сказалъ совершенно спокойно предводитель и широко перекрестился.

— Я сейчасъ только былъ тамъ: ему дана была глухая исповѣдь, лѣкарь засвидѣтельствовалъ смерть.—Какъ дворянинъ, я поспѣшилъ къ вамъ: слѣдуетъ непремѣнно принять мѣры. Наслѣдница его сумасшедшая...

— Ну, да, Анна Николавна въ банѣ живетъ. Да вѣдь тамъ есть эта, какъ ее? Пульхерія, Аделаида? Знаете—такая свѣжепропеченная. Она вѣдь очень покойника любила,—она пока все охранитъ.

Гетнеръ высоко поднялъ брови.

— Вотъ именно на ея-то счетъ я и пріѣхалъ съ вами говорить, Вячеславъ Дмитріевичъ.—Не имѣя еще чести принадлежать къ мѣстному дворянству, я тѣмъ не менѣе всегда и вездѣ готовъ охранять права русскаго дворянина. У меня есть данные, что эта женщина, Аделаида,—желаетъ скрыть капиталы покойнаго, находящіеся не въ именныхъ бумагахъ.

Предводитель громко зѣвнулъ, такъ что даже стекло слегка задребезжало въ старинной горкѣ краснаго дерева.

— Откуда-же вы это выводите? Я давно ее знаю, она хорошая баба.

— Я ничего не говорю о ней худого, Вячеславъ Дмитріевичъ, но во всякомъ случаѣ... во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется потворствовать расхищенію нельзя. Быть можетъ, найдутся родственники, которые потомъ заявятъ претензію къ тому, что мѣстныя власти не охранили ихъ правъ.

Вячеславъ Дмитріевичъ опять зѣвнулъ, еще громче.

— Вы что-же желаете, собственно отъ меня?—спросилъ онъ.

— Мнѣ-бы казалось необходимымъ завтра же опечатать имущество и приступить къ его описи, назначивъ соотвѣтствующаго хранителя.— Иначе все будетъ скрыто. Когда я вошелъ сегодня въ кабинетъ умирающаго, Аделаида держала въ рукахъ процентныя бумаги,—очевидно желая ихъ себѣ присвоить.

— Родной мой,—заговорилъ предводитель,—если даже она и позаимствуетъ нѣсколько тысченокъ,—я, ей-Богу, въ этомъ не вижу преступленія.

— То есть какъ-же это?—строго спросилъ Гетнеръ.

— Я смотрю по существу. Вѣдь слѣдуетъ-же ей что-нибудь получить? Была она много лѣтъ его любовницей,—онъ даже одно время жениться на ней хотѣлъ. Если завѣщанія нѣтъ, такъ вѣдь надо-же ее какъ-нибудь вознаградить.

— Мнѣ кажется, такое разсужденіе незаконно,—еще строже замѣтилъ гость.

— Ну, батюшка, что намъ все о законахъ говорить. Коли по закону всѣхъ судить, такъ я думаю и васъ въ Сибирь можно закатать. Вѣдь ужъ навѣрно вы, какъ и каждый человѣкъ, когда нибудь проврались. И меня, и васъ —и каждаго. Закатать можно,—была-бы охота.

Гетнеръ погладилъ себя по карману, ощупалъ свертокъ и сказалъ:

— Мнѣ кажутся очень странными ваши взгляды.

Онъ всталъ съ мѣста.

— Мнѣ остается только извиниться за то, что обезпокоилъ васъ ночью. Я обращусь непосредственно къ губернатору.

— Зачѣмъ эту балаболку тревожить!—воскликнулъ предводитель, который былъ, какъ всякій порядочный предводитель, съ губернаторомъ на ножахъ. — Вы не торопитесь, сядьте. Мы все это безъ губернатора сдѣлаемъ. Вы чего хотите?

— Я хочу наложенія печатей на имущество и обыска въ комнатѣ Аделаиды. Я убѣжденъ, что у нея найдется много похищенныхъ вещей. И я-бы просилъ взять меня непремѣнно понятымъ при описи. Все это надо дѣлать скоро, дабы пріостановить возможное расхищеніе.

Вячеславъ Дмитріевичъ зѣвнулъ еще разъ. Ему невыносимо хотѣлось спать.

— Хорошо, я распоряжусь завтра,—сказалъ онъ.

— Быть можетъ, вы дали-бы записочку?—спросилъ Гетнеръ,—я бы самъ сейчасъ увѣдомилъ чиновъ нашей полиціи, чѣмъ вамъ безпокоиться.

— Да что вы такъ берете все это къ сердцу?—удивленно спросилъ предводитель.—Извольте, я дамъ записку,—то есть не распоряженіе, а выражу мнѣніе о необходимости наложить арестъ на имущество.

— Больше ничего и не нужно,—подхватилъ гость.—Вы только черкните, ваше превосходительство, а ужъ я всѣмъ распоряжусь.

Предводитель взялъ большой почтовый листъ и крупнымъ почеркомъ, съ рѣзкими грамматическими ошибками, сталъ писать свое «мнѣніе», а Гетнеръ только похрустывалъ длинными пальцами и ласково смотрѣлъ на глупую морду борзой, растянувшейся между хозяиномъ и гостемъ.

VI.

Дочь Лѣсницына, Анна Николаевна,—какъ уже было упоминаемо объ этомъ выше, проживала въ банѣ, стоявшей тутъ-же, за березами, въ глубинѣ огромнаго помѣщичьяго двора. Помѣшалась она давно, когда еще была восьмнадцати-лѣтней дѣвушкой. Причина ея сумасшествія оставалась для всѣхъ неизвѣстной, такъ какъ началось оно въ Москвѣ, но говорили, что тутъ замѣшана была исторія съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который считался ея женихомъ, а потомъ отъ нея отказался. Въ деревню привезли ее уже совсѣмъ тронутой,—а въ виду ея привычки раздѣваться и ходить голой по комнатамъ, ей и предоставили баню. Предбанникъ въ этой банѣ былъ двойной,—и когда приходили туда мыться,—то барышню запирали въ отдѣльной комнатѣ съ дѣвкой. Обыкновенно-же ей предоставляли все помѣщеніе, и она могла совершенно спокойно въ своемъ обычномъ видѣ—въ длинной до пятъ рубашкѣ и босикомъ, цѣлый день ходить изъ комнаты въ комнату. Спала она на полу, на сѣнѣ.—Дѣвки дежурили при ней по очереди и терпѣть не могли этихъ дежурствъ, потому что барышня никогда ни о чемъ не говорила, а разсердившись кусалась и царапалась очень больно. У нея былъ огромный спеленутый ребенокъ, сдѣланный изъ картоннаго болвана, на которомъ въ тѣ времена расправляли чепчики.—Болваны эти бывали крайне безобразны, и безобразіе ихъ увеличивалось тѣмъ, что Анна Николаевна ежедневно ихъ мыла съ мыломъ и насухо вытирала полотенцемъ. Отъ этого они размякали, глаза, брови и ротъ размазывались, а носъ проваливался внутрь. Маляръ пробовалъ густо ихъ красить масляной краской,—такіе держались дольше, но Анна Николаевна ихъ не любила,—можетъ быть потому, что отъ нихъ пахло подсолнечнымъ масломъ, а она цѣловала ихъ постоянно. Болвана она аккуратно кормила кашей, пеленала, укладывала спать,—иногда била, но рѣдко. Хорошихъ куколъ она не любила и, когда однажды отецъ привезъ ей изъ заграницы огромнаго бебе, она ему оторвала голову, начинила ея кашей, обвернула сверху лопухомъ, обвязала тесемкой и кормила такимъ «капустникомъ» своего стараго болвана. Ноги-же и руки бебе она раздарила деревенскимъ ребятишкамъ, чѣмъ произвела не малый переполохъ по деревнѣ.

Маленькія окошечки, выходившія между березокъ во дворѣ, позволяли ей высовывать сквозь нихъ свое томное и круглое какъ луна лицо и подманивать ребятишекъ. Дѣтей она любила, ласково имъ улыбалась, давала имъ корочки хлѣба, пожевавъ ихъ предварительно, иногда дразнила. Если платье, сдѣланное къ празднику, по чему-нибудь ей не нравилось, она при помощи зубовъ и крѣпкихъ пальцевъ раздирала его на большіе куски и просовывала въ окна ребятишкамъ, бормоча:

— Богъ подастъ, Богъ подастъ!

Когда приходилъ къ ней отецъ, она улыбалась, присѣдала, опускала глаза внизъ и бормотала:

— Очень рада, очень рада. Садитесь.

Она садилась, брала на колѣни болвана и начинала его укачивать, или кормить кашей. Отецъ гладилъ ее по головѣ, спрашивалъ:

— Ну, какъ ты, Аннушка, а?

Она кивала головой и говорила въ носъ:

— Да, да, ничего, ничего.

Людей она сторонилась. Но однажды, когда Никодимъ, набожный и грамотный мальчикъ, присѣлъ на заваленку у ея окошечка и сказалъ:

— Хотите, барышня, я евангеліе вамъ почитаю? Какъ-же возможно, вы въ церковь совсѣмъ не ходите.

Она высунула свою голову и сказала:

— Ну! ну!

Онъ началъ читать исторію изгнанія бѣсовъ и потопленія свиней. Барышня слушала внимательно. Когда онъ кончилъ, она сказала, покачавъ головой:

— Свиньи! Да, да! Такъ всегда бываетъ! Да! Да! Еще. Ну еще.

Онъ опять началъ читать—о «Бракѣ въ Каннахъ». Она до конца не дослушала, показала ему кулакъ и сказала:

— Ахъ, ты холопъ! Какъ ты мнѣ это смѣешь...

Она опустила окно и долго ея глухіе возгласы слышались изъ бани.

Однако, дня черезъ два, когда Никодимъ шелъ мимо, она его поманила:

—Почитай,—ласково сказала она.

Онъ удивился.

— Теперь недосужно. А вотъ ввечеру удосужусь,—забѣгу.

И онъ забѣжалъ,—и началъ читать Апокалипсисъ. Барышня насторожилась, стала смотрѣть куда-то вдаль, и только когда онъ останавливался, ударяла его по плечу и говорила:

— Ну, ну!

И заставляла читать дальше.

Когда стемнѣло и крупныхъ славянскихъ буквъ стало не видно, она сказала:

— Погоди, я сейчасъ тебѣ... Я сейчасъ тебѣ...

Она скрылась въ темноту. Затѣмъ показалась опять въ окнѣ, протянула ему бѣлую полную руку, и сказала: «держи!»

Онъ почувствовалъ у себя на ладони что-то завернутое въ комочекъ въ бумажку. Придя въ сѣни и развернувъ ее, онъ увидѣлъ перламутровую пуговицу отъ ея кофты. Пуговицу онъ положилъ въ свой ящикъ, въ самую глубь, и сталъ бережно хранить ее.

Съ этихъ поръ начались ихъ постоянныя чтенія. Никодимъ каждый свободный часъ бѣгалъ съ евангеліемъ къ банѣ и садился на приступокъ подъ окно. Круглое бѣлое лицо сумасшедшей ничего не выражало, но глаза уставлялись неподвижно въ какую-нибудь отдаленную точку, и губы иногда шевелились. Никодимъ читалъ страстно, глаза его расширялись и сверкали; худощавое лицо дѣлалось красивымъ, озареннымъ какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, которымъ онъ проникался, несмотря на то, что, онъ съ трудомъ понималъ текстъ,—а текста апокалипсическаго и совсѣмъ не понималъ. Онъ читалъ громко, внятно, оттѣняя слова, стараясь съ какимъ-то страхомъ вникнуть въ смыслъ читаемаго. Иногда онъ поднималъ глаза на слушательницу, но она смотрѣла на плывущіе облака такъ-же безразлично и спокойно.

Когда онъ уставалъ читать, они подолгу молчали.

Порою Никодимъ говорилъ:

— А я, барышня, въ монахи пойду.

Она какъ попугай кивала головой и отвѣчала:

— Такъ, такъ!

— Что въ міру дѣлать?—говорилъ онъ. Одинъ соблазнъ. Испьянствуешься, измерзишься. А въ обители—тишь, звонъ, пища подобающая. Животныхъ не умерщвляютъ, многіе на сухоѣденіи живутъ. Славословятъ бога.

Она все качала головой и говорила:

— Вотъ, вотъ!

Свиданія ихъ бывали, когда ни барина, ни ключницы не было дома. Но всѣ знали про нихъ. Разъ даже Николай Львовичъ подстерегъ и послушалъ изъ за угла его чтеніе.

Онъ Никодима любилъ, Никодиму вѣрилъ. Въ тотъ же вечеръ онъ далъ ему три рубля и сказалъ:

— Читай ей, читай, Никодимушка. Слушаетъ она,—понимаетъ, нѣтъ-ли—и то хорошо. Ты славный парень. Вотъ тебѣ...

Анна Николаевна даже привязалась къ нему; она звала его «Дима», гладила изъ окна голой полной рукой по головѣ и приговаривала:

— Вотъ хорошій, вотъ хорошій. Да.

VII.

Когда умеръ Лѣсницынъ,—что произошло какъ-то незамѣтно, очень скоро по отъѣздѣ доктора,—Никодимъ заволновался тѣмъ, кто и какъ сообщитъ о смерти отца барышнѣ. Онъ выразилъ объ этомъ тревогу Аделаидѣ Петровнѣ.

— Дуракъ!—оборвала она его, сердито глядя изъ подъ напухшихъ отъ слезъ вѣкъ.—Что она пойметъ, когда у нея все въ помѣшательствѣ,—и говорить ей нечего.

Но Никодимъ пошелъ къ банѣ и постучалъ въ окно. Она обрадовалась, закивала и подняла раму,—въ банѣ рамы на зиму не забивались.

— Барышня,—заговорилъ онъ сухо и строго.—Баринъ Николай Львовичъ скончались.

Она выставила желтые зубы съ пустымъ мѣстомъ спереди и сказала:

— Да, да. Какъ-же.

— Нѣшто вамъ говорилъ кто?—усумнился онъ.—Откуда-жъ вы знаете?

— Знаю. Давно ужъ, давно,—залепетала она.

— Сегодня ночью,—вразумлялъ ее Никодимъ.—Вамъ бы одѣться, сударыня, да на панихидку выйти.

— Хорошо, хорошо. У меня есть синее платье.

— Черное надо.

Она засмѣялась.

— Охъ, ты все шутишь. Черное! Смѣшной ты!

Но къ ней пришли портнихи и стали мѣрить черное платье. Она спросила:

— А гдѣ бантъ будетъ?

— Какой бантъ, барышня?—недоумѣвали дѣвушки.

— Большой, желтый.

Когда она узнала, что желтаго банта нельзя надѣть, то сперва заплакала, потомъ вцѣпилась въ волосы мастерицѣ, такъ что ее еле отъ нея отняли.

На панихиду она пришла спокойно, со сдвинутыми бровями. Ее подвела къ тѣлу Аделаида.

— Поцѣлуйте покойничка, поцѣлуйте ручку,—сказала она.

Анна Николаевна посмотрѣла на отца равнодушно, поцѣловала ему руку и въ полголоса сказала:

— Не надо обманывать, не надо.

Съѣхалось на панихиду много сосѣдей. Всѣ здоровались съ ней и жали руку; она подавая руку улыбалась и говорила:

— Очень пріятно.

Во время службы она не молилась, а смотрѣла на пламя восковой свѣчки, которую ей дали въ руки, и что-то шепча покачивала головой. Послѣ панихиды подошелъ къ ней поздороваться Гетнеръ, поклонился и почтительно поцѣловалъ у нея руку. Она удивилась, посмотрѣла на руку и обтерла ее о перёдъ платья. Гости окружили ее. Она всѣмъ кивала и ласково говорила:

— Очень рада! Повѣрьте, очень рада!

Подошелъ къ ней батюшка и сказалъ:

— Крѣпитесь, крѣпитесь.

— Вы сами крѣпитесь!—вдругъ воскликнула она, повернулась, и отправилась въ свою баню.

— Богатая невѣста! — сказалъ прищелкивая языкомъ помѣщикъ Ивляковъ, чувствовавшій особое расположеніе къ богатымъ невѣстамъ вообще.

— Проку-то изъ того немного,—отвѣтилъ Гымзинъ,—старый холостякъ.—Если кто и охотой въ жены бы хотѣлъ ее взять—такъ не позволили бы.

Аделаида держала себя скромно, плакала, стоя не впереди, а въ уголку, молилась все время на колѣняхъ, къ гостямъ не подходила, а только издали кланялась. Большинство изъ тѣхъ, кто былъ съ нею ласковъ при жизни покойнаго, теперь не обращали даже вниманія на нее.

Наканунѣ похоронъ пріѣхалъ въ домъ полицейскій чиновникъ; онъ вызвалъ ее и заявилъ, что съ самаго дня похоронъ начнется опись имущества, что все здѣсь въ домѣ принадлежитъ покойному, и что она, какъ домоуправительница, подъ строжайшей отвѣтственностью должна хранить каждую пылинку. И чиновника она не узнала. Правда, онъ руку ей подалъ, но смотрѣлъ такъ величаво, точно онъ былъ по крайней мѣрѣ членъ палаты.

На одну изъ панихидъ пріѣхалъ Гетнеръ, — на ту самую, когда онъ поцѣловалъ руку у сумасшедшей. Онъ остался послѣ панихиды и уѣхалъ послѣднимъ.

— Вы деньги-то мнѣ отдадите? — спросила Аделаида, когда они вдвоемъ остались въ комнатѣ.

Онъ сдѣлалъ стеклянные глаза и посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ:

— Какія деньги?

Она позеленѣла.

— Что же вы, грабить меня хотите?

Онъ опять какъ будто не понялъ:

— Грабить?

— Да. Да и не меня, а покойника грабить! А только можетъ вы напрасный разсчетъ держите. Почемъ вы знаете, можетъ старуха въ дверную щелку все видѣла и присягнуть на налоѣ готова, что я изъ рукъ въ руки вамъ деньги передала.

Гетнеръ улыбнулся и взялъ ее за руку.

— Успокойтесь, родная, успокойтесь. Неужели вы думаете, что я осмѣлюсь удержать у себя ваши деньги? Какъ дали вы мнѣ эти восемь тысячъ, такъ я ихъ сполна вамъ изъ копѣйки въ копѣйку и отдамъ.

У нея даже дыханье прервалось.

— Какъ весемь тысячъ?

— А сколько же?

— Да тамъ больше двадцати было.

— Развѣ? Вотъ не помню. Я, кажется, и считалъ, да вотъ совсѣмъ вонъ изъ памяти. Про восемь тысячъ я помню отчетливо. Если даже, какъ говорите, старуха въ щелку видѣла, то и она подтвердитъ, что бумагъ было повидимому тысячъ на восемь.

— Что вы путаете,—какъ старуха это подтвердить можетъ.

— Родная моя,—но едва-ли она будетъ въ состояніи утверждать, что было больше. Да и наконецъ, кому она подтверждать будетъ? Кому вы пойдете жаловаться? Какъ вы жаловаться будете? Скажете: украла я у покойника деньги, передала ихъ такому-то безъ росписки, а онъ тоже укралъ. Вѣдь я, собственно говоря, по вашей просьбѣ могъ себѣ взять на храненіе,—и не думаю, чтобы тутъ было какое-нибудь преступленіе.

— Такъ вы что же: восемь тысячъ лишь только отдаете?

— Я пересчитаю. Можетъ быть вѣдь я ошибаюсь. Можетъ быть, тамъ десять или двѣнадцать.

Она нахально посмотрѣла на него.

— Откуда такіе жулики какъ вы на свѣтъ родятся?—спросила она.

Онъ вдругъ протянулъ руку и похлопалъ ее по мягкой спинѣ.

— Ничего, Аделаидушка, все обойдется. Замужъ выйдешь. Ты высоку женщина; десять тысячъ приданое хорошее, — много дворянъ на него польстятся, и будешь дворянкой.

Она еще циничнѣе посмотрѣла на него:

— Ужъ не хочешь-ли ты на мнѣ жениться?

Онъ отрицательно потрясъ головой.

— Нѣтъ, мой другъ, мнѣ этого мало. За десять тысячъ взять тебя въ жены?.. Если хочешь—въ ключницы ко мнѣ пойти,—пожалуй. Отдашь мнѣ свои десять тысячъ,—я тебѣ за нихъ проценты платить буду. Деньги подъ росписку сохранную,—безъ этого нельзя.

Она вдругъ размахнулась, но онъ схватилъ ее за руку и крѣпко стиснулъ.

— Цыцъ!—сказалъ онъ, злобно нахмурясь.—Захочу, такъ вѣдь не дамъ ни копѣйки. А вотъ что я тебѣ посовѣтую. Будетъ опись. Кромѣ носильнаго платья, ничего тебѣ не отдадутъ. Если деньжонки есть, или что такое, что припрятать можно,—зашей въ салопъ,—иначе все отберемъ. Ты не плюй въ колодезь. Я пригожусь тебѣ. Отъ тебя всѣ отвернулись,—а мнѣ тебя жалко.

— Жалко, какъ же!—проговорила она.

Онъ подошелъ къ ней; она сидѣла у стола, опершись на него локтями.

— Въ самой порѣ,—сказалъ онъ, взялъ ее за подбородокъ и поднялъ голову, чтобъ посмотрѣть ей въ лицо.—А чтобъ десять тысячъ съ меня получить, — сказалъ онъ почти шепотомъ,—ты пріѣдешь ко мнѣ, тамъ у меня и получишь.

Она оттолкнула его локтемъ.

— Еще что?—сказала она.

— Да ничего больше.

Она стукнула кулакомъ по столу.

— Уйди ты, бѣсъ! Дай хоть покойника въ землю зарыть.

— Зароемъ, зароемъ, Аделаидушка,—не безпокойся. Все, родная, сдѣлаемъ.

Онъ похлопалъ опять ее по спинѣ, прошелъ въ залу, гдѣ оставилъ фуражку, и гдѣ Никодимъ читалъ надъ тѣломъ псалтырь. Тамъ онъ перекрестился и сдѣлалъ земной поклонъ. Никодимъ оставилъ книгу и разчувствовавшись отогнулъ кисею.

— Можетъ проститься хотите?—спросилъ онъ.

— Да, Никодимушка, да,—сказалъ онъ,—и нагнувшись поцѣловалъ темный образокъ, лежавшій на груди покойнаго.

— Какой, Никодимушка, баринъ-то былъ, а?—спросилъ онъ.

— Что говорить! — махнувъ рукою, сказалъ Никодимъ. — Какъ оборвалось у меня внутри послѣ всего этого, такъ до сихъ поръ и оборвано. — Только когда псалтырь читаю, точно легкость какая на меня сходитъ. А какъ перестану—опять тягота.

— Тягота, Никодимушка, тягота!—подтвердилъ Гетнеръ и вздохнувъ уѣхалъ.

VIII.

Полиція и понятые въ день похоронъ приступили къ описи имущества. Въ понятые и оцѣнщики были приглашены—Гетнеръ, однодворецъ Скудельниковъ и уѣздный землемѣръ Кочерга.

Скудельниковъ былъ толстый, бритый человѣкъ въ фризовомъ сюртучкѣ, въ большихъ серебряныхъ очкахъ, съ крохотнымъ носомъ въ видѣ красной пуговки. Онъ былъ молчаливъ и все держалъ сложеныя ручки на брюшкѣ. Когда-же говорилъ, то сильно картавилъ, что выходило у него очень симпатично. Кочерга, оправдывая свою фамилью, былъ совершенно черный, заросшій волосами землемѣръ, съ напухшими отъ чертежей глазами и трясущимися отъ водки руками. Этотъ, напротивъ, былъ очень разговорчивъ, любилъ анекдоты, особенно съ фривольной подкладкой, и хотя былъ женатъ, но во всѣхъ деревняхъ имѣлъ, какъ онъ выражался, «филіальныя отдѣленія», — что онъ производилъ непосредственно отъ слова «la fille».

Когда всѣ они собрались въ залѣ, и письмоводитель сталъ раскладывать свои письменныя принадлежности, явился вопросъ, съ чего начинать опись.

— Обыкновенно, опись начинается съ такихъ продуктовъ, которые

могутъ портиться, заявилъ Кочерга.—То-есть,—съ съѣстныхъ припасовъ и погребовъ.

— Вы все о погребѣ,—замѣтилъ Скудельниковъ и засмѣялся раскатистымъ смѣхомъ—точно каленые орѣхи просыпалъ.

— Нѣтъ, господа, мое мнѣніе,—заговорилъ Гетнеръ, опираясь, по своей привычкѣ, о столъ,—надо начать опись съ имущества Аделаиды. Весьма возможно, что многое она захотѣла скрыть. Опись продолжится недѣлю, можетъ быть больше. За это время можно много концовъ схоронить.

— Прежде всего, — замѣтилъ представитель власти, — надлежитъ узнать, нѣтъ-ли духовнаго завѣщанія, — вскрыть столъ покойнаго и шкапъ съ бумагами.

Всѣ согласились, что это необходимо. Позвали Аделаиду. Она пришла въ черномъ платьѣ, съ растрепаными волосами и опухшимъ отъ слезъ лицомъ.

— Что надо?—грубо сказала она.

— Ключи отъ всѣхъ шкаповъ и столовъ кабинета, — сказалъ ей полицейскій.

Она швырнула передъ ними связку ключей и хотѣла идти.

— Нѣтъ, ужь вы останьтесь,—сказалъ полицейскій,—вы потрудитесь, по нашему указанію, отворять то, что надо, и давать нужныя объясненія.

Начали прямо съ несгораемаго шкапа. Но Аделаида отпирать его не умѣла, такъ какъ замокъ былъ съ секретомъ. И полиція, и Гетнеръ, и оцѣнщики, всѣ пыхтѣли,—но ничего не выходило.

— Надо за слесаремъ послать. У васъ кажется есть слесарь Червяковъ, — онъ мнѣ всѣ замки дѣлалъ, — кривой такой. Онъ долженъ умѣть открывать.

За слесаремъ послали. А пока принялись за письменный столъ. Но бумагъ тамъ никакихъ не было. Оказалось нѣсколько жестянокъ съ бульдегомомъ, пластырь для заклейки порѣзовъ, стереоскопныя карточки столь интереснаго содержанія, что Кочерга не могъ отлипнуть отъ нихъ и все просилъ дать ему ихъ на память о покойномъ; потомъ нашлись коробки съ двумя орденами, о которыхъ при похоронахъ забыли. Впрочемъ, это были мелкіе кресты изъ первыхъ наградъ. Валялось нѣсколько писемъ,—и ни одной собственноручной записки.

Кривой Червяковъ пришелъ съ инструментами и принесъ съ собой запахъ, который присущъ всѣмъ слесарямъ міра. Но тщетно онъ ковырялъ во всѣ стороны ключемъ и отмычками,—даже дверцу разцарапалъ, а ящикъ не открывался.

Тогда, по предложенію Гетнера, отправились въ комнату Аделаиды. Аделаида заявила, что все что имѣется въ ней составляетъ ея собственность и нажито четырнадцатилѣтней службой.

Начали съ комода. Нашли двѣ дешевыя броши, три браслета, цѣною не свыше тридцати рублей за каждый, нѣсколько кусковъ матерій и двѣнадцать собольихъ шкурокъ. На счетъ послѣднихъ Гетнеръ возбудилъ сомнѣніе.

— А чѣмъ вы можете, почтеннѣйшая, доказать,—спросилъ онъ,— что шкурки эти ваши и подарены вамъ, а не взяты вами изъ кладовой покойнаго?

— Да онѣ у меня ужь лѣтъ пять здѣсь лежатъ, — кусая губы отозвалась она.

— Свидѣтелей можете представить?—спросилъ онъ.

— Оставьте—остановилъ его Кочерга.—Ну, что вамъ эти шкурки! пусть себѣ владѣетъ.

Гетнеръ пожалъ плечами.

— Какъ хотите. Но по моему это не законно.

Еще болѣе сомнѣнія возбудили въ немъ серебряныя ложки, находившіяся въ нижнемъ комодѣ.

— А сіе?—спросилъ онъ.

— Это мнѣ подарокъ на рождество отъ Николая Львовича,— отвѣтила она.

— А вензельковъ вашихъ что-же нѣтъ?

— Не успѣла выставить.

— Такъ ихъ надо въ опись.

— Да и Николай Львовича вензелевъ тоже нѣтъ, — возразила она,—и доказать, что это его, разъ это въ моемъ камодѣ, нѣтъ никакой возможности.

— Оставьте!—повторилъ Кочерга.—Пусть хлебаетъ Аделаида Петровна собственными ложками.

Гернеръ сдѣлалъ строгое лицо.

— Какъ дворянинъ,—сказалъ онъ, — я считаю своей священной обязанностью охранять дворянское имущество.

— Что-же вы хотите сказать, — спросилъ Кочерга, — вы хотите сказать, что я не дворянинъ. Такъ извините, я не изъ выслужившихся: мой отецъ въ двѣнадцатомъ году подъ Бородинымъ прапорщикомъ былъ.

— Оставьте, господа, что за споры,—остановилъ ихъ Скудельниковъ.—Всѣмъ извѣстно, Петръ Анкудинычъ, что вы дворянинъ и это неотъемлемое за вами право.

— Вотъ эта вещь не моя,—сказала Аделаида и подала хрустальную кружку съ гербомъ Лѣсницына.—Оно точно, я по ночамъ квасъ изъ нея пила,—а только чужого мнѣ не надо.

— А я даже такъ полагаю,—подхватилъ Кочерга,—что кружку эту надо подарить Аделаидѣ Петровнѣ на память, и въ опись ее не заносить.

— Вы очень щедры на чужое добро,—замѣтилъ Гетнеръ.

— Я не изъ нѣмцевъ, чистокровный русакъ,—отрѣзалъ ему Кочерга.

— Милостивый государь,—заговорилъ, поднимаясь съ своего мѣста Гетнеръ.

Полицейскій началъ ихъ успокаивать. А Скудельниковъ пробормоталъ:

— Оно точно: слѣдовало-бы опись начать съ погреба.

Когда дошло дѣло до большого желтаго шкапа, гдѣ висѣли шубы Аделаиды, Гетнеръ встряхнулъ лисій салопъ съ куньимъ воротникомъ и взвѣсилъ въ рукѣ.

— Что-то тяжеловатъ?—сказалъ онъ, посматривая на Аделаиду.

Онъ прощупалъ мѣхъ по подолу.

— Что-то жесткое. Можетъ зашито что тамъ? Я-бы предложилъ взять ножницы и подпороть.

Аделаида схватилась за столъ руками.

— Вамъ-бы, Александръ Георгіевичъ, самое мѣсто въ сыщикахъ служить,—сказала она блѣднѣя.

— Нѣтъ, право, что-то зашито, похрустываетъ.

Кочерга тоже пощупалъ.

— Это мяздра лисья,—сказалъ онъ.—У нея мяздра сухая и ломкая, она всегда похрустываетъ.

Полицейскій вспарывать не согласился, находя это лишнимъ.

— Ну, Богъ съ вами,—согласился Гетнеръ, и взглянувъ на Аделаиду, прибавилъ. — Изъ любви и уваженія къ вамъ, Аделаида Петровна, — на все смотрю сквозь пальцы. Надѣюсь получить отъ васъ какую-нибудь награду.

— Знаю я ваше уваженіе,—пробормотала она, и стала не торопясь вѣшать салопъ въ шкапъ.

Пришелъ слесарь—сказать, что съ несгораемымъ шкапомъ ничего нельзя сдѣлать и что даже если механикъ изъ губерніи пріѣдетъ, и тотъ ничего не сможетъ.

— Пойдемте, господа, въ погребъ,—стоялъ на своемъ Кочерга.— Здѣсь дѣлать нечего, хозяюшку безпокоить больше не будемъ. Дастъ она намъ стаканчиковъ, мы выпьемъ бутылочку-другую винца и перепишемъ весь подвалъ. А въ подвалѣ удивительныя вещи есть. Тамъ такой икемецъ хранится, — ужъ лѣтъ двѣнадцать, — какого здѣсь на тысячу верстъ въ округѣ не найти.

— Ну, пойдемте, — сжалился представитель полиціи, и велѣлъ секретарю собрать всѣ бумаги въ портфель.

— Что, попугалъ?—шутливо шепнулъ Гетнеръ Аделаидѣ, выходя отъ нея послѣднимъ.

— Ну васъ къ черту!—оборвала она его.

IX.

Проходя мимо кабинета, приставъ еще разъ завернулъ въ него.

— Ну, Господи благослови, попробуемъ еще разъ отпереть, можетъ и отворимъ.

— Брось!—посовѣтовалъ Кочерга.

— Не говорите,—иногда случается такое чудо.

И чудо случилось. Вдругъ замокъ повернулся, щелкнулъ и дверца открылась.

Всѣ даже ахнули.

— Я говорю, что бываетъ,—подтвердилъ приставъ.—Замокъ—это прикапризная вещь. То его ничѣмъ не уломаешь, то щелкнетъ и самъ отопрется. Точно бѣсъ шутитъ.

— Да это счастье вамъ,—подтвердилъ однодворецъ.

— Ну, такъ приступимъ,—сказалъ приставъ, и сталъ вынимать съ средней полки вещи.

— Первое: носовой платокъ,—сказалъ онъ, и повернувъ раза два углами къ свѣту, нашелъ мѣтку. Вотъ и буквы А и Г... Это не покойнаго. Это вашъ платочекъ-то Аделаида Петровна? Ваша какъ фамилія будетъ?

Она взглянула на мѣтку.

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—это платокъ Александра Георгіевича.

Тотъ взглянулъ, узналъ свой платокъ, и слегка поблѣднѣлъ.

— Вотъ тебѣ разъ, — сказалъ Кочерга. — Да развѣ вы ходили когда въ шкапъ?

— Вы вздоръ говорите,—рѣзко отвѣтилъ Гетнеръ.—Какъ я могу попасть въ чужой шкапъ?

— Какъ-же вашъ платокъ-то попалъ?

— Вы не можете этого объяснить, Аделаида Петровна?—спросилъ приставъ.

Она сдѣлала паузу и посмотрѣла внимательно на Гетнера.

— Я даже очень удивлена, — сказала она, — какъ Александръ Георгіевичъ того не помнитъ, какъ платокъ его попалъ сюда.

— Да откуда-же мнѣ помнить,—пробормоталъ онъ.

— Ну, такъ я вамъ припомню. Были вы у насъ передъ масляной,—и сидѣли здѣсь въ кабинетѣ до пѣтуховъ и жульянъ пили. Вы вѣдь приняты были какъ родственный человѣкъ,—и всегда васъ покойникъ съ распростренными обнятіями принималъ. Ну, и послѣ четвертой бутылки жульяна вы уѣхали и платокъ оставили. А покойникъ спряталъ его въ шкапъ, и сказалъ еще мнѣ: напомни, Аделюшка, когда снова онъ пріѣдетъ отдать ему это. Еще я сказала,—начала она увле-

каться, входя въ роль поэта,—не отдать-ли его выстирать, а покойникъ отвѣтилъ: вотъ еще, чужія тряпки стирать, хорошо и такъ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Гетнеръ, весь сіяя,—я домой безъ платка пріѣхалъ.

И онъ потянулся за своей собственностью, посмотрѣлъ на мѣтку и спряталъ къ себѣ въ карманъ.

— А мнѣ вотъ все это какъ то сомнительно,—съ загадочнымъ видомъ сказалъ Кочерга.—Почему это платокъ не Аделаидѣ Петровнѣ былъ переданъ, а положенъ въ несгораемый шкапъ.

— Ну, господа, будетъ объ этомъ,—сказалъ приставъ,—давайте заниматься разборомъ бумагъ.

И они стали составлять опись именнымъ билетамъ и акціямъ.

Дѣло это требовало аккуратности. Всѣ внимательно слѣдили другъ за другомъ. Скудельниковъ очень заинтересовался двадцатитысячнымъ именнымъ билетомъ и просилъ дать ему его подержать. Ему дали. Онъ прочелъ его, взвѣсилъ на рукѣ, сложилъ, опять разложилъ и сказалъ:

— Тлѣнъ, бумага,—а между тѣмъ какая сила!

По описи оказалось всего денегъ на семьдесятъ тысячъ.

— Я думалъ у него больше,—сказалъ Кочерга.

— А имѣнье-то?—напомнилъ ему Скудельниковъ.—Имѣнье-то не заложено,—а вѣдь оно бѣдно-бѣдно шестьдесятъ тысячъ стоитъ.

— Все-таки я разсчитывалъ, что у него больше,—стоялъ на своемъ землемѣръ.

— Ну, что-же,—спросилъ приставъ,—такъ какъ завѣщанія нигдѣ нѣтъ, то, во всякомъ случаѣ придется продолжать опись. Пойти, въ самомъ дѣлѣ въ погребъ? Можетъ быть, съ общаго согласія, немного подкрѣпимся.

— Да, давно я объ этомъ говорю! — пѣвучимъ голосомъ сказалъ Кочерга.—Давайте, хозяюшка, намъ фонариковъ, свѣчей побольше,—и мы пойдемъ въ вашу преисподнюю.

— Толь ко ужъ вы тамъ не очень,—замѣтила она, давая Никодиму ключъ.

— Зачѣмъ очень! — успокоилъ ее землемѣръ, и прибавилъ: — А впрочемъ и то сказать: кому хранить это все. Вѣдь Анна Николаевна далека отъ всего этого.

На дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло. Никодимъ взялъ фонарь; другой фонарь взялъ Кочерга,—и всѣ гуськомъ тронулись черезъ грязь къ погребу. Аделаида Петровна не пошла и сказала:

— Смотрѣть противно, какъ они теперь насосутся.

— Я за ними присмотрю,—успокоилъ ее Гетнеръ.

Изъ погреба пахнуло сыростью и спертымъ воздухомъ. Но тамъ было теплѣе, чѣмъ на дворѣ: толстый слой земли и кирпичная кладка вокругъ толстой дубовой двери охраняли вина отъ промерзанія.

За этой дверью оказалась другая, такая-же массивная, и съ новымъ ключомъ. Никодимъ поставилъ фонарь на землю, отчего по стѣнѣ пошли узкія тѣни: точно огромное насѣкомое шевелило усиками. Дверь отворилась съ визгомъ, и по широкой дубовой лѣстницѣ безъ перилъ стали спускаться глубоко внизъ подъ землю.

Покойникъ былъ большой любитель хорошихъ винъ. Это явствовало изъ того, какъ онъ устроилъ погребъ. Вокругъ стѣнъ шли въ три яруса стойки съ гнѣздами для бутылокъ. На стѣнкахъ были приклеены ярлыки изъ синей сахарной бумаги, на которыхъ рыжими чернилами обозначался сортъ вина и годъ выписки.

— Красота, да и только!—умилялся Кочерга, оглядываясь вокругъ. Вотъ что, Никодимка, — принеси-ка ты намъ два стола, да нѣсколько табуретокъ, да захвати свѣчи подъ желѣзнымъ колпакомъ съ баринова стола, а то будетъ трудно господину письмоводителю писать здѣсь. Да рюмочекъ и стаканчиковъ захвати!—крикнулъ онъ ему уже вслѣдъ.

Вскорѣ явились и рюмочки и стаканчики, и столы и табуретки. Кочерга былъ здѣсь, какъ дома, и заявилъ, что онъ будетъ диктовать названіе винъ, а считать число бутылокъ предоставляетъ другимъ. При этомъ, по его мнѣнію, было слѣдующее затрудненіе: часть бутылокъ была безъ этикетовъ,—очевидно, то было вино выписанное бочками и разлитое домашними средствами. Надписей надъ этими отдѣленіями тоже не было. Слѣдовательно, необходимо было всѣ такіе сорта винъ перепробовать и опредѣлить ихъ цѣнность. Вотъ за эту-то трудную миссію и брался Кочерга.

— Но предварительно, господа,—сказалъ онъ,—я бы предложилъ вамъ выпить по рюмочкѣ старки. Старка вѣдь удивительная у покойника. Такую старку я пивалъ только въ Кременчугѣ.

И онъ вытащилъ откуда-то изъ дальняго угла бутылку съ желтой жидкостью.

— По рюмочкѣ, господа, больше нельзя,—предупредилъ онъ, наливая маслянистую густую водку.—Иначе ноги подкосятся; голова будетъ свѣжа какъ у младенца, а ноги, какъ у паралитика.

Гетнеръ отказался-было, но и его заставили выпить рюмку, которая такъ и обожгла его желудокъ.

— Не рюмками это надо было пить-то,—съ видомъ знатока сказалъ Кочерга,—а чарками, старыми дѣдовскими чарками.

Онъ отнесъ бутылку обратно и поставилъ на полку, тщательно закупоривъ. Потомъ онъ ее погладилъ по брюшку и сказалъ:

— Стой, голубушка, стой. Еще много тебѣ службы впереди будетъ.

Потомъ онъ досталъ бѣлаго стекла бутылку икема и осторожно, чтобъ не взболтать ее, понесъ къ столу. Тутъ, тихо поставивъ ее, онъ вынулъ изъ кармана ножъ со штопоромъ, аккуратно завинтилъ пробку, пока кончикъ винта не вышелъ съ нижняго конца, и осторожно раскачивая, потянулъ пробочникъ кверху. Долго пробка не поддавалась, наконецъ вышла—бѣлая, пухлая, безъ ноздрей. Кочерга наклонился и понюхалъ.

— Ароматъ-то какой, ароматъ!—воскликнулъ онъ, и зажмурился.

X.

Стаканы были наполнены икемомъ. Приставъ отглотнулъ полстакана сразу и утерся ладонью.

— Ну, батюшка,—сказалъ Кочерга,—вамъ нельзя нектара пить: какъ-же можно такой лошадиной порціей! Это пьютъ дамскими глотками.

Письмоводителю онъ совсѣмъ не далъ, сказавъ, что это не по его ноздрямъ. А откупорилъ онъ для него какого-то рислинга, который оказался такимъ страннымъ, что, несмотря на привычку, жрецъ Ѳемиды послѣ перваго-же стакана отплюнулся.

— Скуловоротно!—сказалъ онъ.

— Такъ не пей,—посовѣтывалъ Кочерга.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же.

И онъ подвинулъ къ себѣ бутылку поближе.

Началась опись. Кочерга восхищался многими сортами и, осторожно поднимая бутылки на огонь, говорилъ:

— Знатокъ, знатокъ былъ покойникъ.

Скудельникова развезло сразу отъ старки. Онъ блаженно улыбался и всѣмъ сообщилъ, что у него шумитъ въ ушахъ, и онъ ничего не слышитъ.

Опись подвигалась медленно, хотя выпита была только бутылка икема, да откупоренъ лафитъ. Гетнеръ торопилъ ихъ и напоминалъ о священныхъ обязанностяхъ. Ему было скучно въ этомъ погребѣ, и онъ совсѣмъ не того хотѣлъ. Выдержанный, строгій къ самому себѣ, онъ презиралъ пьяныхъ людей и относился къ нимъ брезгливо. Его подмывало пойти наверхъ въ домъ, въ комнату Аделаиды. Ея теплая упругая рука, которую онъ только что гладилъ, дразнила его воображеніе.—«Вѣдь у нашихъ барынь такого тѣла нѣтъ»—соображалъ онъ. «Интересный бабецъ. Что она за престаркомъ-то въ четырнадцать лѣтъ видѣла? Натура-то небось кипитъ. Это видно: дотронешься,—вздрогнетъ, точно иглой ее пронижетъ».

— Я пить больше не буду,—сказалъ онъ, и всталъ изъ за стола.

— Куда,—не пущу,—завопилъ Кочерга и вцѣпился въ его фалду. Коли назвался свѣдующимъ человѣкомъ, такъ сиди при описи.

Въ это время завизжала дверь, показался сперва фонарь, потомъ Никодимъ.

— Тамъ отецъ Ѳаддей васъ спрашиваетъ,—доложилъ онъ.

— Кого?—спросилъ Гетнеръ.

— Всѣхъ. Говоритъ, что по нужному дѣлу всѣхъ желаетъ видѣть.

— Скажи отцу Ѳаддею, что мы здѣсь при отправленіи служебныхъ обязанностей,—сказалъ Кочерга,—и выйти отсюда не можемъ, а просимъ его пожаловать сюда. Или постой, ты перепутаешь,—я самъ.

Онъ пошелъ къ выходу, оступился на первой-же ступенькѣ, но не смутился и бойко побѣжалъ дальше.

Минуты три спустя, послышались голоса, опять завизжала петля и явился фонарь, и Кочерга однимъ махомъ слетѣлъ внизъ.

— Господа, новость и очень крупная,—заговорилъ онъ.—Батюшка принесъ завѣщаніе.

Этого никто не ожидалъ. Отецъ Ѳаддей, подобравъ полы бѣличьей шубенки, спускался по лѣстницѣ, поддерживаемый Никодимомъ. Всѣ встали ему на встрѣчу.

— Что-же вы раньше, отецъ Ѳаддей, ничего намъ не сообщили?—спросилъ приставъ.

— Оттого, что воля покойнаго была вскрыть завѣщаніе его послѣ похоронъ.

Кочерга предложилъ лафитцу, но батюшка отказался, сказавъ, что прежде слѣдовало бы вскрыть завѣщаніе.

— И давно у васъ лежитъ оно?—спросилъ Гетнеръ.

— Да ужъ года два. Одинъ свидѣтель даже померъ.

— А вамъ содержаніе знакомо?—продолжалъ допросъ Александръ Георгіевичъ.

— Да вы сами сейчасъ изволите увидѣть,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Такъ можно вскрыть, господа?—спросилъ приставъ, осматривая печать.

— Я полагаю,—сказалъ отецъ Ѳаддей,—слѣдовало бы намъ позвать Аделаиду Петровну, такъ какъ о ней тутъ упоминается.

Кочерга хотѣлъ было распорядиться послать за ней, но Гетнеръ остановилъ его.

— Зачѣмъ, господа? Мы офиціальный органъ. Мы собрались здѣсь какъ представители закона. Прочтемъ, и потомъ передадимъ что слѣдуетъ ей.

— Какъ хотите,—сказалъ священникъ.

— Вотъ вы, батюшка, намъ и прочтите,—предложилъ приставъ, передавая ему пакетъ.

— Печать, господа, въ цѣлости,—сказалъ отецъ Ѳаддей, показывая всѣмъ конвертъ.—Два года пролежало у меня это завѣщаніе на престолѣ и освящено, такъ сказать, непрерывными таинствами.

— Не томите, батюшка,—сказалъ Кочерга,—читайте.

Священникъ подвинулъ къ себѣ свѣчи, откашлялся, взломилъ печать и раскрылъ желтоватую бумагу. Онъ перекрестился и началъ:

«Во имя Отца и Сына...

Перекрестился и Гетнеръ. Завѣщаніе было писано по формѣ. Упоминалось о здравомъ умѣ и полной памяти, говорилось о ниспосланной свыше карѣ: помѣшательствѣ единственной дочери Анны. Затѣмъ завѣщатель говорилъ, что у него нѣтъ болѣе родственниковъ, а что все имѣніе оставляетъ онъ Анфусѣ Порфирьевнѣ Будной»...

— Это кто-жъ такая?—изумились всѣ.

Отецъ Ѳаддей обвелъ всяхъ глазами.

— Это? Мѣщанская дѣвица, проживающая въ семъ домѣ подъ именемъ Аделаиды Петровны.

Письмоводитель даже опрокинулъ свой стаканъ на опись, Гетнеръ широко открылъ глаза и сдержаннымъ голосомъ проговорилъ:

— Продолжайте, батюшка.

Батюшка продолжалъ. Въ завѣщаніи восхвалялась кротость, незлобіе, честность и преданность Анфусы. Ей предоставлялись всѣ деньги и всѣ доходы съ имѣнія, но подъ непремѣннымъ условіемъ, содержанія дочери его Анны съ возможнымъ комфортомъ, и не иначе, какъ въ этомъ домѣ, а отнюдь не гдѣ-либо въ больницѣ. При этомъ наслѣдодатель просилъ въ отдѣльномъ, приложенномъ къ завѣщанію письмѣ, на имя предводителя, назначенія опекуна надъ Анной Лѣсницыной, на обязанности котораго лежалъ-бы строгій контроль надъ исполненіемъ воли завѣщателя со стороны дѣвицы Анфусы Будной...

По прочтеніи завѣщанія водворилось молчаніе. Письмоводитель сталъ складывать бумаги въ портфель.

— Ты что это?—нарушилъ молчаніе приставъ, обращаясь къ нему.

— Да развѣ опись будемъ продолжать?

— А отчего-же нѣтъ?

— Завѣщанье-то?

— Ну, такъ что-жъ. Намъ какое дѣло? Приказано дѣлать опись, и будемъ дѣлать, пока насъ не остановитъ начальство.

— Отчего-же, батюшка, вы насъ не предупредили, или хотя-бы госпожу Будную о томъ, что она назначена наслѣдницей?—спросилъ Гетнеръ.

— Потому, что считалъ это тайной, довѣренной мнѣ какъ-бы на духу. Ну-съ, а такъ-какъ мы покончили съ офиціозными обстоятель-

ствами, то не соблаговолите-ли теперь мнѣ стаканчикъ краснаго, господинъ архимагиръ-Кочерга.

— Да теперь-бы лучше аи дернуть, да поздравить хозяюшку,— отвѣтилъ землемѣръ.

Гетнеръ всталъ и, не говоря ни слова, торопливо пошелъ къ выходу.

Кочерга покрутилъ головой ему вслѣдъ.

— Хо-хо!—сказалъ онъ,—побѣжалъ поздравлять. Шельмецъ высокопробный, девяносто градусовъ. Ну, поискать, гдѣ это самая шампанея...

— А я не люблю ее,—замѣтилъ батюшка. Въ носъ очень бьетъ угольными кислотами. Красное вино всѣмъ инымъ предпочитаю, ужъ по сану моему что-ли, но съ малолѣтства чувствую особое пристрастіе къ кагору и рогому.

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очеркъ исторіи романа XIX ст. [1]).

Что наше столѣтіе получило въ наслѣдство отъ предшествующихъ: Романъ XVIII в.— Героическій романъ.—Комическій романъ.—Начало семейнаго романа въ Англіи и Франціи.—Робинзонады.—Нѣмецкій романтизмъ.—Возрожденіе рыцарскаго романа.—Историческій романъ.—В. Скоттъ и его подражатели.—Начало психологическаго романа во Франціи.—Шатобріанъ и м-мъ Сталь.—Романтизмъ во Франціи. — В. Гюго какъ романистъ.—Дюма отецъ, Сю, Жоржъ Сандъ.—Корифеи англійскаго романа: Диккенсъ, Теккерей, Бульверъ.—Сенсаціонный романъ въ Англіи и Франціи. — Натуральная школа во французскомъ романѣ и ея вліяніе.—Реакція противъ нея.— Нѣмецкій романъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. — Идейный романъ въ Германіи. — Ауербахъ.—Шпильгагенъ.—Нѣмецкій историческій романъ.—Эберсъ.—Современный нѣмецкій романъ.—Педагогическое значеніе романовъ.

Романъ, заполонившій теперь почти всю художественную словесность,—одинъ изъ самыхъ новыхъ видовъ поэзіи. Тѣмъ не менѣе и его исторія очень долгая и начинается чуть не до Р.-Х. Первые романы, т. е. длинные вымышленные разсказы, имѣющіе предметомъ своимъ любовь, появились на греческомъ языкѣ, въ періодъ процвѣтанія такъ называемой «младшей софистики», т. е. во II—III вѣкѣ нашей эры. Они произошли, главнымъ образомъ, изъ описаній вымышленныхъ путешествій, которыя были очень любимы публикой, произошли тогда, когда авторы придумали усилить интересъ этихъ путешествій любовною, всегда оканчивающеюся счастливо интригою, такъ называемой «новой комедіи». Въ IV—V столѣтіяхъ для такихъ произведеній вырабатывается уже опредѣленный шаблонъ: молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, оба необыкновенной красоты, влюбляются другъ въ друга съ перваго взгляда (обыкновенно на какомъ-нибудь религіозномъ празднествѣ), влюбляются съ непобѣдимою силою и стремятся немедленно соединиться бракомъ. Но люди и судьба долго препятствуютъ ихъ счастью; они попадаютъ въ отдаленныя

---

[1]) Публичная лекція, читанная 9 февраля 1897 г. въ пользу общества пособія окончившимъ курсъ на высшихъ женскихъ курсахъ.

страны, подвергаются кораблекрушеніямъ, нападеніямъ морскихъ и сухопутныхъ разбойниковъ, продаются въ рабство; при этомъ всѣ мужчины безумно влюбляются въ героиню; всѣ женщины — въ героя. Но вѣрность ихъ другъ другу непоколебима, и въ концѣ концовъ они достигаютъ полнаго счастія. Развѣ не видно уже изъ одной этой схемы, что и въ то время грамотное человѣчество имѣетъ романъ, какъ видъ литературы, способный занимать воображеніе и чувство? Но тогда для него еще не было выдумано названія. Слово, *романъ*, принадлежитъ среднимъ вѣкамъ и католическому западу Европы. Тамъ различались два языка: языкъ церкви и школы—*латинскій*, и языкъ народа, происшедшій отъ смѣшенія языка римлянъ съ языкомъ варваровъ — *романскій*; *романсомъ* или *романомъ* называлось всякое произведеніе, написанное по-романски; а такъ какъ лучшее, интереснѣйшее, что сочинялось на этомъ языкѣ, были поэмы о чудесныхъ подвигахъ рыцарей, сложившіяся преимущественно во Франціи, то имъ и было присвоено это названіе *по преимуществу*. Въ концѣ среднихъ вѣковъ эти поэмы перелагаются въ прозу и, конечно, удерживаютъ тоже имя. Въ эпоху возрожденія оно переходитъ на всякія вымышленныя повѣствованія, какъ старыя, такъ и вновь изобрѣтаемыя, но преимущественно на тѣ, въ которыхъ любовь и приключенія играютъ видную роль.

Въ XVI и въ началѣ XVII вѣка—одною изъ самыхъ интересныхъ и изъ самыхъ энергичныхъ въ умственномъ отношеніи странъ западной Европы была именно та, которая въ настоящее время стоитъ ниже всѣхъ другихъ—Испанія. Въ ней чуть ни сотнями сочиняются новые рыцарскіе романы съ самыми невѣроятными приключеніями и съ самой пылкой и идеальной любовью. Но въ ней же возникаетъ и крайне реальный, такъ называемый *плутовской* (picaresco) романъ, изображающій жизнь безсовѣстныхъ, но остроумныхъ проходимцевъ изъ низшаго класса. Въ ней-же развивается и повѣсть, изображающая то трогательное, то смѣшное событіе изъ жизни всѣхъ классовъ общества. Всѣ знаютъ имя геніальнаго поэта Испаніи, который далъ міру безсмертные образы и до сумасшествія идеальнаго рыцаря Донъ-Кихота, и плутоватаго, при видимой простотѣ, веселаго Санчо Пансы. Тотъ-же Сервантесъ написалъ рядъ превосходныхъ повѣстей и тотъ-же Сервантесъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни пишетъ романъ о приключеніяхъ Персилеса и Сигизмунды, двухъ вѣрныхъ любовниковъ, въ которомъ онъ явно подражаетъ греческому роману, украшая его шаблонъ возвышенными мыслями, длинными объясненіями въ любви, письмами и проч.

Персилесъ и Сигизмунда—одинъ изъ первыхъ представителей *героическаго* романа, который господствуетъ во всей западной Европѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка и самые характерные образцы котораго дали Франція и Германія. Въ этихъ романахъ дѣйствуютъ будто-бы исто-

рическія лица: Киры, Клеліи, Арминіи и пр. Они всѣ влюблены самой благородной любовью и выражаютъ ее въ самыхъ отборныхъ словахъ и устно, и въ длинныхъ письмахъ. Всѣ мужчины необыкновенно храбры и умны; всѣ женщины до-нельзя прекрасны, высокоразвиты и цѣломудренны. Романы эти ужасно длинны: рѣдкій изъ нихъ менѣе 10 томовъ; тонъ ихъ до крайности однообразенъ. Но эта длиннота и эт однообразіе никого въ то время не отвращали: ими зачитывались до помраченія ума, и молодежь по нимъ училась выражать свои чувства и мысли.

Во Франціи противовѣсъ героическому роману представляетъ романъ *комическій*, сынъ плутовского романа Испаніи съ одной стороны и насмѣшливаго генія французовъ, такъ грандіозно выразившагося еще въ Рабле, съ другой. Авторы этого романа (Сирано де Бержеракъ, Сорель, Фюретьеръ, Скарронъ)—люди умные, наблюдательные и передовые, но большіе пессимисты и рѣдко поэты; они ненавидятъ аффектацію и ложь и поклоняются правдѣ, какъ-бы ни была она печальна въ обществѣ, въ особенности въ буржуазіи, нравы которой они обыкновенно изображаютъ. Они видятъ почти исключительно отрицательные и низкіе типы; честные и неглупые люди у нихъ выводятся на сцену только мимоходомъ и оставляются почти безъ вниманія; и мужчины, и женщины у нихъ руководятся разсчетомъ или животными страстями; если у кого изъ ихъ дѣйствующихъ лицъ и есть добродѣтели, это добродѣтели отрицательныя, происходящія отъ неопытности и тупости или отъ скупости; совѣсть ихъ никогда не тревожитъ и они бываютъ несчастны только въ случаѣ неудачи своихъ подлыхъ или эгоистическихъ предпріятій. Общественное мнѣніе имѣетъ для нихъ силу по стольку, по скольку отъ него зависитъ ихъ благополучіе. Сама религія для нихъ — или орудіе для обмана простаковъ, или поводъ проявлять тщеславіе. Даже и теперь этимъ романамъ нельзя отказать въ остроуміи, въ нѣкоторой занимательности, но эта занимательность чисто внѣшняя: она обусловливается между прочимъ хорошо придуманными *вставными повѣстями* (пріемъ, идущій отъ Донъ-Кихота, и даже ранѣе, до первыхъ романовъ Диккенса и «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ») и оставляетъ въ душѣ тяжелый, непріятный осадокъ; успѣхи ихъ героевъ и героинь только потому не возмущаютъ насъ, что они успѣваютъ насчетъ эгоистичныхъ и злыхъ дураковъ или еще бо́льшихъ негодяевъ, нежели сами герои. Самый знаменитый изъ представителей такого романа, произведенія котораго читаются и до сихъ поръ, дѣйствовавшій уже въ первой половинѣ XVIII в., Лесажъ, авторъ «Хромого бѣса» и «Жиль Бляза»; у него уже замѣтно стремленіе пропитать ультра-реальный романъ нѣкоторой моралью, житейской философіей. Но эта философія не высокаго пошиба, нѣчто среднее между моралью булгаринскаго Ивана Выжигина и практической философіей басенъ Крылова.

Къ серединѣ XVIII вѣка обѣ эти крайности: черезъ-чуръ идеальный героическій романъ и черезъ-чуръ реальный комическій—въ одинаковой степени не удовлетворяютъ публику, какъ не удовлетворяетъ ее и романъ *пастушескій*, болѣе двухъ названныхъ мною родовъ занимающійся внутренней жизнью человѣка, его душою и чувствомъ. Она инстинктивно ищетъ новаго, болѣе живого, глубокаго и реальнаго, чѣмъ романъ героическій и пастушескій и въ то же время болѣе идеальнаго, поэтическаго и нравственнаго, чѣмъ романъ комическій. Это новое даетъ *семейный романъ*, возникающій въ Англіи. Основателемъ его считается Ричардсонъ (1689—1761). Исторія его перваго романа очень поучительна. Ричардсонъ никоимъ образомъ не готовился въ писатели: онъ былъ сынъ ремесленника—столяра и самъ въ молодости былъ простымъ наборщикомъ. Мало-по-малу прилежаніемъ и честностью онъ повышался по ступенямъ типографской карьеры и, наконецъ, самъ сдѣлался владѣльцемъ типографіи и подъ старость могъ жить въ полномъ достаткѣ, въ свое удовольствіе. Онъ еще въ дѣтствѣ искусно разсказывалъ товарищамъ выдуманныя имъ исторіи, всегда нравоучительнаго характера (слѣдовательно обладалъ воображеніемъ, направленнымъ въ особую сторону); въ то-же время онъ писалъ по заказу любовныя письма служанкамъ, которыя открывали передъ нимъ всю свою душу. Теперь подъ старость, при сравнительномъ досугѣ и бо́льшемъ знаніи жизни, онъ вернулся къ прежней забавѣ, но съ серьезной цѣлью. Одинъ пріятель разсказалъ ему, что во время путешествія онъ встрѣтилъ молодую богатую чету, которая благодѣтельствовала цѣлому краю. Къ своему удивленію, онъ узналъ, что молодая леди была прежде горничной въ домѣ матери своего теперешняго мужа. Баричъ преслѣдовалъ ее нечистой любовью съ такой настойчивостью, что она едва не рѣшилась на самоубійство. Наконецъ, ея добродѣтель обратила соблазнителя къ лучшимъ мыслямъ, и онъ женился на ней. Когда другіе два пріятеля стали уговаривать Ричардсона написать небольшую книгу въ письмахъ съ полезными размышленіями, онъ вспомнилъ этотъ разсказъ и передѣлалъ его въ романъ подъ названіемъ «Памела» или «Награжденная добродѣтель» (1740 г.). Этотъ скучноватый для современнаго читателя романъ произвелъ удивительно сильное впечатлѣніе, такъ какъ въ этой серьезной, трогательной и психологически-поучительной исторіи дѣйствовали не Артаксерксы и Арфаксады, а современные англичане, и представлены они были, какъ живые люди, съ обыкновенными страстями и слабостями, причины, проявленія и слѣдствія которыхъ были подмѣчены хорошимъ наблюдателемъ и добрымъ человѣкомъ. Черезъ 8 лѣтъ послѣ «Памелы» вышелъ второй романъ Ричардсона, имѣвшій еще бо́льшій успѣхъ. Вотъ его характерное заглавіе: «Кларисса Гарлоу или исторія молодой дѣвушки, заключающая въ себѣ важнѣйшія отношенія семейной жизни и въ особенности открывающая

несчастія, которыя происходятъ, когда родители и дѣти не предусмотрительны въ дѣлахъ брака».

Кто изъ васъ не слыхалъ слова *Ловеласъ?* Но не всякій знаетъ, что это собственное имя обворожительнаго и въ то же время безнравственнаго виновника гибели симпатичной при всѣхъ своихъ слабостяхъ Клариссы. Третій и послѣдній романъ Ричардсона несравненно слабѣе предыдущихъ. Онъ явился на свѣтъ вслѣдствіе того, что Ричардсонъ самъ испугался того дѣйствія, какое оказалъ на общество созданный имъ типъ Ловеласа. Онъ былъ такъ привлекателенъ, что дамы охотно прощали ему безнравственность, и молодые люди были не прочь походить на него. И вотъ Ричардсонъ, въ противовѣсъ Ловеласу, создаетъ истинный идеалъ мужчины — сэра Чарльза Грандисона. Вы видите, какъ рано именно семейный романъ беретъ на себя задачу руководить нравственными взглядами общества и давать ему идеалы, и не только беретъ, но и исполняетъ ее. Припомнимъ, что и у матери пушкинской Татьяны былъ свой Грандисонъ, хотя и очень мало похожій на настоящаго—

Московскій франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

Дорога была открыта, и множество талантовъ и талантиковъ устремились по ней. Скоро книжные рынки всей Европы оказались переполненными чувствительными романами, описывающими страданія и радости наслѣдницъ Кларисcъ, Памелъ, и пр. Такъ разсказываетъ о началѣ семейно-психологическаго романа анекдотическая или аристократическая исторія литературы, излагающая дѣянія такъ называемыхъ знаменитыхъ писателей. Такая исторія литературы, конечно, не наука уже по одному тому, что въ ней нѣтъ строгой причинной связи между предыдущимъ и послѣдующимъ, и историческіе факты являются въ ней какъ-бы результатомъ каприза судьбы. Но и такая исторія литературы не лишена, по моему мнѣнію, нѣкотораго хотя-бы пропедевтическаго значенія, какъ это можно видѣть и на данномъ примѣрѣ. Разсказанное мною не есть ложь, а только не полная правда и, согласитесь, что лучше знать о Ричардсонѣ, нежели предполагать, что современный психологическій романъ появился въ нашемъ столѣтіи, сразу во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера.

Всякій, кто не лишенъ исторической подготовки, и самъ догадается, что приведенный разсказъ объ основателѣ англійскаго семейнаго романа не можетъ заключать въ себѣ полной правды, что у Ричардсона должны были быть предшественники, подготовившіе и его романы, и публику для ихъ воспринятія; а главное, что и появленіе, и успѣхи «семейнаго» романа были обусловлены политическимъ и умственнымъ состояніемъ общества.

Извѣстно, что въ Западной Европѣ весь XVIII в. до великой революціи включительно занятъ побѣдоносной борьбою средняго сословія съ высшимъ; извѣстно, что вмѣстѣ съ появленіемъ этого сословія на авансцену исторіи, входятъ во всеобщее употребленіе буржуазная серьезность, скромность и простота въ противуположность притворно-аристократической напыщенности и «показности»—именно тѣ черты, которыя отличаютъ семейный романъ отъ героическаго. Въ томъ-же XVIII в. происходитъ столь-же глухая и въ концѣ-концовъ столь-же побѣдоносная борьба личности и общества, какъ конгломерата отдѣльныхъ личностей, противъ извнѣ наложеннаго авторитета—обстоятельство въ высшей степени благопріятное для развитія того вида эпоса, который изображаетъ не судьбу народовъ или героевъ, ихъ предводителей, а жизнь обыкновеннаго, средняго человѣка, которая въ предшествующемъ поколѣніи ни во что не ставилась.

Тотъ-же XVIII в., вѣкъ «просвѣщенія и разума», восторженно стремится къ низверженію условной лжи, къ изслѣдованію и возстановленію правды, какъ-бы ни казалась она опасна—необходимое условіе для развитія реальнаго искусства, не въ смыслѣ изображенія житейской грязи и низости, а въ смыслѣ художественнаго изслѣдованія или по крайней мѣрѣ постановки соціальныхъ и психологическихъ вопросовъ.

Ричардсонъ имѣлъ предшественниковъ и въ области романа, какъ Афра Бэнъ, миссъ Гейвудъ (Heywood) и др.; успѣхи его произведеній подготовила и нравоучительная трагедія, и такъ называемая «плачевная комедія», и нравственныя еженедѣльныя изданія, въ родѣ знаменитаго «Зрителя» Аддисона, и общее серьезное направленіе англійской литературы того времени. А что такое направленіе романа (какъ и поэзіи вообще) было обусловлено соціальнымъ и умственнымъ состояніемъ общества, воочію доказывается одновременнымъ появленіемъ семейно-психологическаго романа по ту сторону канала, во Франціи. Еще за десять лѣтъ до Памелы является романъ великаго «метафизика сердца» Мариво (1688—1763): «Жизнь Маріанны» [1]), а въ 1733 г. выходитъ мастерское произведеніе, до сихъ поръ читаемое и въ оригиналѣ, и въ переводахъ: «Исторія кавалера де Гріё и Манонъ Леско» аббата Прево (Prévost). Манонъ Леско только одной стороною примыкаетъ къ семейному роману, а другою въ тѣсной связи съ ультра-реальнымъ романомъ Лесажа и др., но Маріанна и др. романы Мариво и его послѣдователей столь-же нравоучительны, какъ и Памела; разница только въ томъ, что французскіе романы умѣютъ соединить прославленіе семейныхъ добродѣтелей съ внѣшнимъ интересомъ содержанія. Слѣдовало-бы ожидать, что эта драгоцѣнная для успѣха особенность поставитъ семейный фран-

[1]) Vie de Marianne ou les Aventures de la comtesse de... 1731, Paris 3 v. in 12⁰.

цузскій романъ выше англійскаго; но вышло какъ разъ наоборотъ, по причинѣ весьма понятной: во Франціи въ концѣ XVIII ст. среднее сословіе ожесточенно воюетъ за свои права, а въ Англіи, уже давно побѣдоносное, оно наслаждается покоемъ и досугомъ. Поэтому въ то время, какъ французскій семейный романъ, за немногими исключеніями, какъ Руссо и С. Пьеръ, замиралъ въ невыносимой скукѣ, такъ остроумно охарактеризованной Пушкинымъ [1]), въ Англіи появляется цѣлый рядъ даровитыхъ романистовъ, то остроумныхъ и тонкихъ наблюдателей, какъ Фильдингъ (1707—1754) и Смоллетъ (1721—1771), то глубоко вдумчивыхъ гуманистовъ-психологовъ, какъ Гольдсмитъ, авторъ незабвеннаго «Векфильдскаго священника», и Стернъ (1713—1768). Я не могу хоть мимоходомъ не указать на одну великую заслугу обѣихъ фракцій, особенно важную въ Англіи; они снимаютъ маску съ лицемѣрія и кажущейся порядочности, которая такъ часто прикрываетъ безсердечіе и грубый эгоизмъ, и подчеркиваютъ искры христіанской любви, душевной чистоты и правдолюбія въ легкомысленныхъ и увлекающихся «неудачникахъ», которые съ точки зрѣнія узко-самодовольной буржуазной морали считаются людьми негодными: такъ рано семейный романъ подставляетъ зеркало и тому сословію, которое его вызвало къ жизни.

Изъ Англіи-же и изъ того-же XVIII в. вышелъ особый видъ романа, которому предстояла долгая, хотя не особенно громкая карьера, и порожденія котораго существуютъ до сихъ поръ. Я разумѣю такъ называемыя Робинзонады; родоначальникъ ихъ всѣмъ извѣстный «Робинзонъ Крузо», изданный въ 1719 г. 60-лѣтнимъ политическимъ проходимцемъ, но очень даровитымъ литераторомъ Даніэлемъ Дефо (1659—1731). Теперь Робинзонъ только очень занимательная дѣтская книжка, а въ свое время это было особаго рода откровеніе, рѣзкій протестъ вѣры въ чистоту человѣческой природы противъ установившихся въ обществѣ взглядовъ и порядковъ, протестъ въ такой оригинальной формѣ, что его не могли не прочесть и не увлечься имъ. Это популярный и вліятельный предшественникъ Жанъ-Жака-Руссо, не даромъ считавшаго Робинзона книгой, которая должна быть первой въ библіотекѣ будущаго человѣка и гражданина. Припомнимъ, что представляетъ изъ себя герой романа, пока онъ живетъ среди общества. Сперва избалованный, самовольный подростокъ, огорчающій своимъ поведеніемъ любящихъ роди-

---

[1]) Въ графѣ Нулинѣ героиня читаетъ «Любовь Элизы и Армана Иль, переписка двухъ семей».

Романъ классическій старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Безъ романтическихъ затѣй.

телей, потомъ довольно ловкій и безсердечный, но при этомъ и безхарактерный авантюристъ, стремящійся всѣми средствами къ наживѣ, не изъ необходимости, а ради самой наживы, человѣкъ, плывущій всегда по вѣтру, плантаторъ, негроторговецъ, однимъ словомъ, чадо вѣка сего, безъ всякихъ нравственныхъ идеаловъ и безъ Бога въ душѣ. Но вотъ онъ оказался изолированнымъ отъ общества, лицомъ къ лицу съ природою... и онъ на нашихъ глазахъ крѣпнетъ умственно и нравственно и постепенно становится идеальнымъ человѣкомъ, благоразумнымъ, мужественнымъ и добрымъ, вѣнцемъ творенія, побѣдителемъ природы. И когда онъ снова сталкивается съ людьми, онъ оказывается превосходнымъ педагогомъ и мудрымъ законодателемъ и правителемъ идеальной общины. А какъ мастерски написана эта книга: день за днемъ, почти часъ за часомъ слѣдимъ мы за неудачами и успѣхами Робинзона, и вслѣдствіе детальной точности и серьезности повѣствованія вымыселъ обращается въ нѣчто болѣе дѣйствительное, нежели сама обыденная дѣйствительность. Эта удивительная, чисто англійская манера, такъ понравилась послѣдующимъ поколѣніямъ, что на материкѣ Европы, въ особенности въ Германіи, явилось огромное количество подражаній, брауншвейгскихъ, мекленбургскихъ и всякихъ другихъ Робинзоновъ, Робинзоновъ-мальчиковъ, женщинъ и пр. Нашъ научный вѣкъ привнесъ въ эту канву точное описаніе тропическихъ или полярныхъ растеній, животныхъ, и главное людей; а изобрѣтательные умы, въ родѣ Майнъ-Рида и Жюль-Верна, осложнили ее такими хитросплетеніями, что еслибъ Робинзонъ и Пятница встали изъ гроба, они ни за что не признали-бы своего родства съ остроумными Мишелями Строговъ и Пасспарту.

Возвращаюсь къ XVIII в. Въ послѣднія его десятилѣтія, подъ вліяніемъ выдвинутыхъ жизнью вопросовъ и моднаго сентиментализма, въ романѣ и повѣсти психологическая сторона до того усиливается, что сюжетъ играетъ самую незначительную роль, и весь интересъ сосредоточивается на изображеніи жизни душевной. Тогда появляется нѣсколько произведеній, имѣющихъ громадную важность въ исторіи человѣческой мысли вообще—самое важное изъ нихъ, безспорно, «Вертеръ» Гете (1774), но не способныхъ породить плодотворную школу въ исторіи романа, такъ какъ въ нихъ дѣло не въ манерѣ, не въ формѣ, а въ великой идеѣ, которая не передается подражателямъ, и такъ какъ масса публики отъ романа прежде всего требуетъ внѣшней занимательности. Тогда по реакціи, является романъ, слишкомъ богатый внѣшнимъ интересомъ, такъ называемый *романъ ужасовъ*. Уже самое названіе его достаточно характерно, да и кто не слыхалъ объ «Удольфскихъ Таинствахъ» миссъ Радклифъ (The Mysteries of Udolpho. Lond. 1794)? Полуразрушенные замки съ подземными ходами, стоящіе въ глубинѣ лѣсовъ, разбойники всѣхъ родовъ и видовъ, похищенія, дуэли, невѣроятныя злодѣйства, со-

вершители которыхъ, однакоже, пользуются всеобщимъ почетомъ, тайныя общества, часто привидѣнія, искусственныя или подлинныя,—вотъ что услаждало досугъ нашихъ прабабушекъ. Но было-бы несправедливо смѣяться надъ ними: развѣ «Похожденія Рокамболя», «Всадники безъ головы», «Сыновья дьявола», и уголовные романы, которыми и до сихъ поръ зачитывается не только русская, но и западно-европейская провинція, лучше «Удольфскихъ Таинствъ»? Во всякомъ случаѣ, у сказочниковъ конца прошлаго столѣтія было больше воображенія и меньше потворства низменнымъ страстямъ читателя. Романъ ужасовъ съ его богатой фантастикой и съ его болѣе или менѣе замѣтной враждебностью къ буржуазной нравственности—первый въ нашей области отзвукъ той великой литературной революціи, которая извѣстна подъ именемъ романтизма. Она подготовлялась и понемногу осуществлялась повсемѣстно; но горячо убѣжденныхъ проповѣдниковъ, законодателей, такъ-же какъ и самыхъ характерныхъ представителей, нашла она въ Германіи.

Если мы посмотримъ на основныя положенія этой школы съ точки зрѣнія ихъ пригодности для развитія романа и повѣсти, мы увидимъ, что ея наклонность къ фрагментарности, къ аллегоріи и символикѣ, ея презрѣніе ко всему реальному, которое, по мнѣнію крайнихъ романтиковъ, имѣетъ смыслъ только въ качествѣ символа сверхъестественнаго (Ахимъ ф. Арнимъ), есть условія, враждебныя не только для романа, но и для всякой творческой дѣятельности человѣка вообще. Но, съ другой стороны, мечта романтиковъ объединить поэзію и науку, отождествить искусство и жизнь, «чтобы искусство стало жизненнымъ и общественнымъ, а жизнь и общество—поэтически прекрасными» (Фр. Шлегель), безусловная свобода, которую предоставляли они творчеству, ихъ стремленіе изучить и изобразить самые сокровенные тайники души человѣческой до безсознательныхъ и психопатологическихъ ощущеній включительно, ихъ преклоненіе передъ свободой чувства и сердечностью, ихъ убѣжденіе, что истинная поэзія должна быть проникнута любовью, и исходящее отсюда ихъ сочувствіе къ обездоленнымъ и гонимымъ; ихъ готовность сопоставлять восокотрагическое съ обыденнымъ и комическимъ, наконецъ, ихъ антипатія къ формализму и прилизанности, какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни, -къ педантизму и самодовольной пошлости, къ утилитаризму и холодной разсудочности (къ покровительствуемому закономъ эгоизму), ихъ непримиримая война съ ограниченнымъ «филистерствомъ»,—все это дѣлаетъ романтическую школу въ высшей степени плодотворной для развитія новой поэзіи вообще и романа, какъ самой широкой и популярной ея формы, въ частности. Еслибъ основные принципы романтизма не оказались скоро общепризнанными, развѣ могло-бы, наприм., появиться такое безформенное съ точки зрѣнія псевдоклассической теоріи произведеніе, какъ «Мертвыя души» Гоголя, такія странные продукты трогательной

фантастики, какъ «Шинель» или «Записки сумасшедшаго?» Развѣ можно объяснить, напр., симпатію Диккенса или нашего Достоевскаго (который, какъ документально извѣстно, въ юности съ необыкновеннымъ усердіемъ изучалъ Гофмана) къ чистымъ сердцемъ чудакамъ, почти идіотамъ, безъ вліянія романтизма? Да и вообще развѣ какое-нибудь крупное произведеніе новаго времени мыслимо при господствѣ старой пiитики? Наконецъ, развѣ не безспорна тѣсная связь нѣмецкаго романтизма съ братьями Гриммами и ихъ безчисленными учениками, собирателями народныхъ пѣсенъ, сказокъ, преданій, обрядовъ и пр., отъ которыхъ идетъ вся народническая беллетристика нашего времени, не говоря уже о ихъ огромномъ и благотворномъ вліяніи на историческую науку и на отношенія интеллигенціи къ народу? Свѣтлыя идеи вѣчно юны и безсмертны. Но литературныя школы, какъ продуктъ извѣстныхъ поколѣній, старѣютъ, подобно отдѣльнымъ людямъ, и жизнь обгоняетъ ихъ. Оттого и основатели романтизма, пустившіе въ обращеніе серію свѣтлыхъ идей, къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ нашего столѣтія обратились во враговъ прогресса.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положеніе «школы» даже хуже положенія отдѣльнаго человѣка: я отвѣчаю только за то, что я самъ выдумываю; если другіе исказятъ мою мысль, они за это и расплачиваются. Не то съ вліятельной школой: успѣхъ немедленно привлекаетъ въ заднія ряды ея литературныхъ промышленниковъ, которые опошляютъ ея принципы. Такъ было и съ романтиками. Изъ антипатіи къ утилитаризму и холодной разсудочности своего времени они превозносили (безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ) вѣка наивной вѣры и энтузіазма—средніе вѣка. Ихъ заурядные приверженцы еще съ меньшимъ пониманіемъ исторіи принялись возстановлять рыцарство въ поэзіи. Тогда въ Германіи и отчасти во Франціи возрождается *рыцарскій романъ*, возрождается съ такимъ успѣхомъ, что даже слабѣйшіе его представители выдерживаютъ по нѣскольку изданій и переводятся на всѣ языки, не исключая и русскаго, а въ отечествѣ доживаютъ до 50-хъ годовъ и въ дешевыхъ библіотекахъ зачитываются буквально до клочковъ. Эти романы до-нельзя банальны и однообразны; даже въ лучшихъ изъ нихъ, по выраженію Гейне, «рыцари состоятъ только изъ желѣза и храбрости и лишены плоти и разсудка», а женщины—плохо сдѣланныя куклы съ золотыми кудрями и цвѣтущими личиками. Мало того, что они были безполезны, они принесли положительный вредъ, развивая въ молодежи тупой квіэтизмъ и слащавый невѣжественный патріотизмъ, и въ зрѣлыхъ людяхъ возбуждая презрѣніе къ роману, какъ къ глупой сказкѣ.

Трудно и представить себѣ, сколько зла надѣлало бы это несвоевременное «переживаніе» и какъ помѣшало бы оно правильному развитію литературы, еслибъ вліяніе этихъ рыцарскихъ и все еще популярныхъ

разбойническихъ романовъ съ сильной романтической окраской не было парализовано Вальтеромъ Скоттомъ и его послѣдователями.

В.-Скоттъ—такое крупное и знаменательное явленіе, что говорить о немъ мимоходомъ нѣтъ никакой возможности. Я и не буду говорить о немъ, а только постараюсь объяснить въ немногихъ словахъ его отношеніе къ предшествующимъ и послѣдующимъ фазисамъ въ развитіи романа. Въ 1814 г. почти одновременно съ побѣдой Англіи надъ Наполеономъ вышелъ его первый и далеко не лучшій романъ «Веверлей или 60 лѣтъ назадъ», и этотъ романъ самъ представляетъ великую побѣду англійской здоровой культуры и генія. Сила его—въ художественной уравновѣшенности, въ соединеніи внѣшняго интереса событій съ внутреннимъ, культурнымъ и психологическимъ, и въ широкой вѣрной и въ то-же время поэтически-изящной и живой передачѣ дѣйствительности. Поэтъ обильно воспользовался всѣмъ опытомъ предшествующихъ поколѣній, но прибавилъ къ нему много новаго: Веверлей и семейный романъ, и комическій и героическій вмѣстѣ; но онъ въ то-же время и реальный романъ, содержаніе котораго, по выраженію автора, взято изъ «великой книги природы», поучительный своей исторической и этнографической стороной. Міросозерцаніе автора, невольно передающееся читателю,—здоровое, бодрое и благодушное; самые ужасы междуусобной войны онъ съумѣлъ изобразить такъ, что они не внушаютъ отвращенія къ воюющимъ, а только жалость; положимъ, это благодушіе сытаго и довольнаго собою и окружающими англійскаго сквайра; но вѣдь не всякій сытый не разумѣетъ голоднаго, а только сытый бездѣльникъ и эгоистъ; добрый же человѣкъ, который честнымъ и энергичнымъ трудомъ достигъ благосостоянія, всегда готовъ пожалѣть несчастныхъ и помочь имъ стать на ноги. Во всякомъ случаѣ, если чтеніе В.-Скотта не успокоитъ человѣка, сильно угнетеннаго собственной или міровою скорбію, его смѣло можно рекомендовать всѣмъ среднимъ людямъ, слишкомъ поглощеннымъ мелочами жизни: ихъ В. Скоттъ возвратитъ хоть на время къ свѣтлому настроенію ихъ юности.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ передъ романомъ В. Скотта, превосходной амальгамой романтизма съ англійскимъ реализмомъ и практичностью, преклонилась вся Европа: и недавно загордившіеся своимъ успѣхомъ нѣмцы, и вѣчно гордые имъ французы. Но французы всегда остаются передовымъ народомъ именно потому, что при всемъ своемъ самомнѣніи они умѣютъ, когда нужно, убрать это самомнѣніе въ карманъ и начать учиться. И вотъ ихъ романисты принимаются учиться у Вальтеръ-Скоттаи учиться такъ усердно, что лучшіе историческіе романы «Cing Mars» Альфреда де Виньи (1826), «Соборъ Парижской Богоматери» Гюго (1830) обгоняютъ учителя и въ отношеніи вѣрности изображенія прошлаго, и въ отношеніи внѣшняго драматическаго интереса и разнообразія, и,

главное, въ отношеніи богатства и жизненности идей, выраженныхъ въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, въ особенности такъ называемыхъ героевъ, которые у Вальтеръ-Скотта такъ непростительно стереотипны и блѣдны.

Эта глубина и оригинальность характеровъ историческаго романа была подготовлена психологическимъ романомъ начала столѣтія, наиболѣе вліятельными представителями котораго были Шатобріанъ и m-me Сталь.

Я указывалъ психологическій элементъ и въ сантиментальномъ романѣ прошлаго вѣка, но то была психологія несложная, такъ сказать, элементарная, даже у Руссо и Гете. Сравните, напр., Гетескаго Вертера съ Шатобріановымъ Рене; оба они носители міровой скорби, но меланхолія Вертера коренится въ условіяхъ его личной жизни и въ положеніи общества, а меланхолія Рене въ глубинѣ его души; онъ не страдаетъ ни отъ оскорбленія чувства справедливости, ни отъ запретной любви; онъ считаетъ себя безконечно выше толпы и вѣритъ, что онъ можетъ управлять обстоятельствами. Но онъ не сталъ отъ этого счастливѣе, а напротивъ, потерялъ вѣру въ возможность счастья для человѣка съ живою душою. Онъ мученикъ рефлексіи и неопредѣленности своихъ страстей.

Еще замѣтнѣй крупный шагъ впередъ въ изображеніи женской души, шагъ, сдѣланный именно во французскомъ романѣ.

Еще въ отелѣ Рамбулье французская женщина стала претендовать на господство въ области мысли. Вѣкъ Людовика XIV нѣсколько отодвинулъ ее назадъ и цѣнилъ женскую красоту и грацію выше женскаго ума; но въ эпоху «просвѣщенія» женщина въ своей гостиной объединяетъ дѣятелей мысли и, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ, умнѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Во время революціи женщина играетъ видную роль и честно несетъ свою долю страданій и жертвъ. При консульствѣ и имперіи, когда господствуетъ солдатчина, женщина принижена; но она уже слишкомъ развита и самостоятельна, чтобы покориться внѣшней необходимости, и M-me Сталь выставляетъ знамя равноправности женщинъ не только въ сферѣ чувства, но и въ сферѣ убѣжденій: героиня второго ея романа «Коринна» [1]), всецѣло отдавъ свое сердце, не уступаетъ любимому человѣку свободы и остается вѣрна своей жизненной задачѣ. M-me Сталь открываетъ собою длинную процессію романистокъ, изъ середины которой высится изящно-величественная госпожа Ж. Сандъ.

Та-же M-me Сталь своей книгой «о Германіи» (1812), которую императорская цензура запретила за антипатріотическое направленіе, окончательно низвергла псевдоклассицизмъ и положила твердое и широкое основаніе для французскаго романтизма, нѣкоторыя положенія котораго только предчувствовали Шатобріанъ и др.

---

[1]) Corinne ou l'Italie. 1807 г. Въ 1834 г. вышло уже 15-ое изданіе.

Французскій романтизмъ, слагавшійся между 1815 и 1830 гг. подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій жизни общества, есть растеніе чужестранное, но пересаженное на почву богатую и подготовленную и принесшее плоды совсѣмъ иные, нежели на своей родинѣ. При первомъ своемъ появленіи онъ и здѣсь стоитъ за фантастическое и неправильное, за воображеніе и чувство противъ разума, за средніе вѣка, за тронъ и алтарь. Но французская фантастика процензурована умомъ, и чудесное находитъ себѣ натуральное объясненіе; неправильность здѣсь только кажущаяся, въ самыхъ эксцентричностяхъ есть всегда система и разсчетъ: для самыхъ крайнихъ французскихъ романтиковъ красивая статуя все же лучше ужаснаго привидѣнія, и солнечный полдень лучше туманныхъ сумерокъ; къ среднимъ вѣкамъ начинаютъ относиться съ разумной объективностью, и интересы современности опять оказываются на первомъ мѣстѣ; тронъ и алтарь восхваляютъ только до тѣхъ поръ, пока они имѣютъ прелесть новизны и не оскорбляютъ добытой съ такими жертвами свободы. Передъ 1830 г. большинство дѣятелей новой школы совершенно отказывается отъ идеаловъ реализма и отождествляетъ политическій консерватизмъ съ литературнымъ старовѣрствомъ. Но и буржуазная монархія не могла удовлетворить ихъ; она только предоставила имъ вліяніе и полную возможность развиваться и развивать общество въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Тогда литература пріобрѣтаетъ небывалую силу и значеніе. Она ведетъ своихъ талантливыхъ представителей въ палату, въ сенатъ и въ совѣтъ министровъ. Она доставляетъ независимость и богатство своимъ корифеямъ и даетъ средства къ жизни многимъ сотнямъ заурядныхъ работниковъ. Но съ этой свѣтлой стороной, по необходимости, соединяется и темная; литературный успѣхъ становится завиднымъ призомъ, стремленіе къ которому погубило много талантовъ и привлекло въ литературу промышленниковъ, породившихъ такъ назыв. индустріализмъ.

Общепризнаннымъ главою французскаго романтизма и самымъ крупнымъ и характернымъ выразителемъ его перерожденія въ гуманистически-соціальную поэзію новаго времени былъ Викторъ Гюго.

Первый его романъ «Ганъ Исландецъ» (1823 г.)—ультра-романтическое и при этомъ крайне незрѣлое произведеніе; но въ немъ уже чувствуется будущій создатель Квазимодо, проповѣдникъ идеи о нравственной красотѣ въ физическомъ безобразіи. О Парижской Богоматери я уже говорилъ мимоходомъ. 30 лѣтъ отдѣляютъ ее отъ величайшаго произведенія Гюго: «les Misèrables», и оказывается, что за эти 30 лѣтъ даже у одного и того же поэта, знаменитаго, захваленнаго современниками, но поэта живого, отзывчиваго, радикально измѣнился взглядъ на задачу творчества: общество требуетъ теперь отъ поэзіи возсозданія такъ недавно презираемой пользы; въ придисловіи къ «les Misèrables» поэтъ указываетъ на практическую полезность книгъ такого рода при существующемъ порядкѣ вещей.

«Les Misèrables», по моему убѣжденію, самое крупное и самое типичное произведеніе французскаго генія въ нашемъ столѣтіи.

Оно типично и своими недостатками: преувеличеніемъ, реторикой, позировкой, почти неизбежной для всякаго чистокровнаго романца, и своими великими достоинствами—рельефностью образовъ, силой мысли и чувства, глубокой вѣрою въ чистоту человѣческой природы и вдохновенной проповѣдью самой широкой гуманности и альтруизма, такъ необходимой именно въ нашъ вѣкъ, когда теоретически оправданная борьба за существованіе заставляетъ слишкомъ много думать о личномъ благосостояніи. Основная тема романа связываетъ Гюго 60-хъ годовъ съ романтической его юностью: борьба Вальжана съ Жаверомъ есть вѣковая борьба разума съ сердцемъ и въ то-же время историческая борьба римскаго права съ христіанствомъ. Поэтъ стоитъ всецѣло на сторонѣ сердца и христіанства, но теперь онъ смотритъ на дѣло глубже и гуманнѣе и относится не съ ненавистью, а съ почтительнымъ сожалѣніемъ къ представителю разума и законности.

Въ то время, какъ Гюго достигаетъ «Несчастными» высшей точки своего художественнаго развитія и знаменитости, его талантливый и когда то могучій соратникъ въ борьбѣ за новую поэзію—Дюма (отецъ, 1803—1870) становится самымъ яркимъ представителемъ литературнаго *индустріализма*, и его безчисленные романы читаются, какъ глупыя сказки только для того, чтобъ убить время. А вѣдь когда-то отъ него ожидали не меньше, чѣмъ отъ Гюго, и имѣли на это основаніе! Вотъ что значитъ гоняться исключительно за популярностью и работать на скоро! *Эженъ-Сю* (1804—1856), авторъ «Парижскихъ Тайнъ» и «Вѣчнаго Жида», обѣщалъ меньше, чѣмъ Дюма, а далъ больше, такъ какъ онъ, забавляя читателя, въ то-же время стремился учить его и проводить соціальную тенденцію и такъ какъ онъ больше вынашивалъ, обдумывалъ и планъ романа и подробности. Но онъ тоже типичный индустріалистъ: у него нѣтъ характеровъ, а только шаблоны, собственныя имена, къ каждому изъ которыхъ привязано одно свойство или одна страсть, доведенная до невѣроятныхъ размѣровъ. Это кукольный театръ, въ которомъ даже и неопытный глазъ различитъ проволоки, по мѣрѣ развитія сюжета страшно перепутывающіяся; но этими проволоками двигаетъ ловкій мастеръ, умѣющій увлечь даже предубѣжденнаго зрителя, и тотъ волей-неволей дополнитъ недостатокъ вѣроятности и будетъ съ интересомъ ждать развязки, хотя и предвидитъ заранѣе, что порокъ будетъ наказанъ, а добродѣтель восторжествуетъ. Секретъ мастера въ томъ, что масса читателей въ области вымысла желаетъ видѣть героизмъ и гармонію, не существующія въ чистомъ видѣ въ дѣйствительности, и за этотъ самообманъ, при условіи нѣкоторой внѣшней вѣроятности, готова простить недостатокъ вѣроятности внутренней. Сю печаталъ свои знаменитѣйшіе

романы въ фельетонахъ [1]) газетъ. Фельетонный романъ, вошедшій съ тѣхъ поръ въ моду, поднялъ газетное дѣло, но не могъ не отражаться вредно на внутреннемъ достоинствѣ произведенія: авторы растягиваютъ разсказъ изъ-за построчной платы и въ каждомъ нумерѣ принуждены вымучивать изъ сюжета эффекты. Противъ развитія этой литературной болѣзни что могъ сдѣлать В. Гюго съ своими 5-ю романами? Отъ ея *повсемѣстнаго* распространенія спасла современниковъ увлекательнѣйшая и плодовитѣйшая романистка нашего столѣтія, одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій французской литературы, Амантина Аврора Дюдеванъ (1804—1876), писавшая подъ псевдонимомъ Жоржъ Сандъ.

Уже первые ея романы (съ 1831 г.) поразили публику оригинальностью и богатствомъ идей и умѣньемъ автора затрогивать сердце человѣческое, и рѣзко раздѣлили читателей на двѣ партіи: молодежь, взволнованная революціей, горячо сочувствовала ея стремленію эмансипировать любовь и женщину и низвергнуть устарѣлыя понятія о домѣ и семьѣ; защитники существующаго порядка вещей возмущались дерзкой безнравственностью автора, хотя и должны были признать за нимъ талантъ и искренность. Но какъ поклонники, такъ и враги преувеличивали рѣзкость ея мнѣній и не хотѣли замѣтить того, что она вовсе не возводитъ въ апоѳеозъ такъ называемую свободную любовь и не возстаетъ противъ брака и семьи въ принципѣ. Изъ горькаго опыта собственной жизни она вынесла убѣжденіе, что несчастны браки, заключаемые по расчету или по легкомыслію, безъ истинной любви; несчастны браки, когда въ нихъ вступаютъ, точно отбывая какую-то повинность, изъ страха остаться старой дѣвой или старымъ холостякомъ, люди, въ темпераментахъ и взглядахъ которыхъ лежитъ зерно непримиримаго разлада. Она убѣждена, что лучше разбить тяжелыя цѣпи, нежели лицемѣрить и волочить ихъ всю жизнь. Но отъ признанія законности развода въ такихъ случаяхъ и равенства брачныхъ правъ еще далеко до разрушенія семьи.

Съ 1841 г. Ж.-Сандъ смѣняетъ идейно-семейный романъ на идейно-соціальный; она проводитъ тенденціи христіанскаго соціализма, подробности котораго ей самой очень неясны, вслѣдствіе чего ея идеальныя личности страдаютъ неопредѣленностью; но сила ея воображенія именно въ то время достигаетъ полнаго своего развитія, и тогда же появляются ея повѣсти изъ деревенской жизни, поражающія правдивостью, теплотой чувства и здоровой, чистой поэзіей. По ея убѣжденію, самое нравственное сословіе—крестьяне; имъ принадлежитъ будущее Франціи и всего міра. Послѣ крестьянъ она симпатизируетъ дворянству (преимущественно де-

[1]) «Пар. Тайны» въ газетѣ «Presse» въ 1841 г, «Вѣчнаго Жида» въ 1845 г. въ «Constitutionel».

ревенскому), которое уже давно перестало быть угнетающимъ и даже правящимъ классомъ, и съ своими дѣдами не имѣетъ ничего общаго, кромѣ аристократической деликатности и тонкости чувства. Врагъ ея— разбогатѣвшая буржуазія, изъ которой она беретъ всѣ свои отрицательные типы самодовольныхъ, ограниченныхъ и безсердечныхъ эгоистовъ. Въ послѣднихъ ея романахъ (съ 1849 г.), наиболѣе свободныхъ отъ тенденціи, поражаетъ энергія дѣйствія и разнообразіе типовъ и положеній. А страстная любовь къ свободѣ, поклоненіе честному труду, христіанская безграничная гуманность, горячая симпатія ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ проходятъ черезъ всю ея неустанную литературную дѣятельность, съ начала до конца.

А. Кирпичниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Всѣ въ одной.

Разсказъ **Rainer Maria Rilke.**

(Переводъ съ рукописи **С. Шпильбергъ**).

Каждый разъ, какъ Анна-Марія появлялась въ комнатѣ Вернера, блѣдный молодой человѣкъ откладывалъ въ сторону вырѣзываемую имъ маленькую деревянную фигурку, стряхивалъ съ своихъ колѣнъ мелкія стружки и останавливалъ на ней свой глубокій, полный сердечности взглядъ. Его темные глаза выражали при этомъ ту трогательную признательность, съ какой осиротѣвшія дѣти и покинутые больные встрѣчаютъ малѣйшее проявленіе къ нимъ доброты и сочувствія. Анна-Марія ничего не замѣчала,—она давно къ этому привыкла. Подаривъ его ласковой улыбкой, она съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривала его прерванную работу.

— Святая Дѣва Марія?—бывало спроситъ она, перебирая стружки своими тонкими, длинными пальцами.

И часто Вернеръ утвердительно кивалъ головой:—Да, Святая Дѣва.

Случалось иногда, что ему заказывали Св. Іоанна, или Св. Лоренца для перекрестка или для ниши въ воротахъ, а то еще Св. Николу Морскаго съ надписью: «отъ бурь и наводненій спаси насъ», или, наконецъ, Св. Игида для часовенъ при дорогахъ съ надписью: «помилуй и спаси насъ отъ проказы». Но такіе заказы бывали у больного Вернера очень рѣдко. Чаще же всего онъ отдавался свободному вдохновенію, и тогда создавалъ исключительно Мадоннъ.

Это были то величественныя, гордыя своимъ материнствомъ мадонны съ здоровымъ и крупнымъ Младенцемъ-Спасителемъ въ роскошныхъ объятіяхъ, то маленькія, безпомощныя, скорѣе изумленныя своимъ материнствомъ, казалось вотъ-вотъ готовыя отъ усталости уронить маленькаго благословляющаго Искупителя. Были также мадонны въ большихъ, ши-

рокихъ коронахъ съ простертыми впередъ руками, какъ-бы для изліянія безконечныхъ милостей; иныя, со скрещенными въ стыдливой робости на груди упругими руками, смотрѣли долу отяжелѣвшими вѣками. Наконецъ, попадались мадонны, блиставшія чисто земной красотой; этимъ придавался яркій румянецъ на щекахъ, еще болѣе яркій на губахъ и онѣ, дѣйствительно, казались гораздо здоровѣе и прекраснѣе всѣхъ остальныхъ.

Но всѣмъ мадоннамъ было присуще одно и тоже выраженіе: великая признательность Вернеру, ихъ творцу.

Жители мѣстечка удивлялись той неутомимости, съ какою Вернеръ вырѣзывалъ одну Божью Матерь за другою, а старики сердито и недоумѣвающе качали своими сѣдыми головами. Имъ это казалось святотатствомъ, такъ какъ никто вѣдь не могъ точно знать, какою должна выглядѣть Богоматерь, и меньше всѣхъ, конечно, могъ это знать Вернеръ, который, не владѣя ногами, и въ церковь то никогда не ходилъ.

Одна Анна-Марія, быть можетъ, единственная, не удивлялась этому. Ей казалось вполнѣ естественнымъ, что нѣжный, набожный Вернеръ, который еще ребенкомъ чуждался общества дѣтей и только съ ней одной бродилъ по мрачнымъ окрестностямъ своего городка,—теперь вырѣзываетъ мадоннъ. Уже тогда, до его болѣзни, въ его походкѣ замѣчалась боязливость и поспѣшность, вѣрнѣе скрытая безпомощность, что-то такое, что пугало и въ тоже время трогало и влекло къ нему Анну-Марію.

Во время прогулокъ, когда они молчали и не собирали цвѣтовъ, онъ часто напѣвалъ про себя какую-то тоскливую, душу надрывающую пѣсенку, и никто не зналъ, откуда она у него. Когда-же солнце яркимъ заревомъ склонялось къ закату и исчезало за вѣтвями ивъ, мальчикъ вдругъ начиналъ такъ рыдать, какъ если-бы въ эту минуту умиралъ близкій и любимый имъ человѣкъ.

Все это было тогда, когда они оба еще были дѣтьми. И Аннѣ-Маріи нисколько не казался рѣзкимъ переходъ отъ его тогдашнихъ дѣтскихъ слезъ къ вырѣзыванію всѣхъ этихъ мадоннъ теперь, когда онъ былъ боленъ. И теперь она время отъ времени такъ-же просто навѣщала прикованнаго къ креслу Вернера въ его комнатѣ, какъ бродила съ нимъ по полямъ и лугамъ тогда, когда онъ умѣлъ еще ходить, съ такимъ-же горячимъ участіемъ она разсматривала теперь вырѣзываемыя имъ образа, съ какимъ въ дѣтствѣ относилась къ его слезамъ.

Въ этомъ больномъ юношѣ она все еще продолжала видѣть страннаго товарища своихъ дѣтскихъ игръ, ребенка, одинаково нуждающагося и въ ея улыбкѣ, и въ ея сочувствіи. Порой она невольно вспоминала его глубокіе страдальческіе глаза, его исхудалыя, длинныя руки—мягкія, нѣжныя и бѣлыя, какъ у дѣвушки.

Такія мысли охватывали Анну-Марію обыкновенно, когда она сидѣла около больного. Откинувъ немного назадъ голову, обрамленную свѣтлыми тяжелыми косами, она скрещивала на груди руки и долгимъ, пристальнымъ взглядомъ всматривалась въ лицо Вернера, какъ-бы разглядывая далекій ландшафтъ.

— Что съ тобой, Анна-Марія?

Встрепенувшись, она просто отвѣчала:

— Я думаю.

— О чемъ ты думаешь, Анна-Марія?

— Я думаю о томъ, много-ли такихъ больныхъ, какъ ты?

— Боюсь, что такихъ людей слишкомъ много, Анна-Марія.

— И для нихъ весь свѣтъ могъ-бы не существовать! Ни лѣса, ни большіе города, въ которыхъ столько чудныхъ и великолѣпныхъ вещей. Вѣдь всего этого они никогда не могутъ увидѣть...

— Обо всемъ этомъ они только мечтаютъ, Анна-Марія.

Анна-Марія бывало замолчитъ. Ей дѣлалось стыдно.

Однажды Анна-Марія сказала ему:

— Знаешь, Вернеръ, я часто думаю о томъ, молишься-ли ты всѣмъ этимъ Святымъ Дѣвамъ, которыхъ ты вырѣзываешь изъ дерева?

Больной тонко усмѣхнулся.

— Я создаю ихъ, и въ этомъ моя молитва.

Анна-Марія на минуту задумалась и потомъ прибавила какъ-бы про себя:

— Какъ представляешь ты себѣ Св. Марію? Почему именно такъ? Видѣлъ-ли ты когда-нибудь хорошій образъ ея?

— Я не знаю. Не то это образъ, не то мечта, но я постоянно вижу ее передъ глазами.

Тутъ дѣвушка снова спросила.

— Которая изъ всѣхъ больше всего напоминаетъ ее?

Закрывъ глаза, Вернеръ отвѣтилъ:

— Всѣ вмѣстѣ взятыя — это она. Если все милосердіе, всю кротость, все могущество и доброту всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ отдать одной, то эта одна будетъ походить на нее. Я долженъ вырѣзывать постоянно все новые и новые образа,—такъ много въ ней доброты и благодати. Я такъ ее люблю!..

Онъ благоговѣйно протянулъ руки, какъ-бы передъ посѣтившимъ его видѣніемъ. Затѣмъ онъ быстро наклонился, схватилъ фигурку, надъ которой онъ только-что работалъ, и высоко поднявъ ее надъ головой, прошепталъ:

— Можетъ быть, мнѣ еще когда-нибудь удастся это сдѣлать: изъ всѣхъ создать одну.

Онъ глубоко вздохнулъ.

— И эту получишь ты, Анна Марія.

Лукавый огонекъ блеснулъ въ ея глазахъ и, засмѣявшись, она спросила:

— Ко дню моей свадьбы?

— Почему-же ко дню твоей свадьбы?

И голосъ его сталъ сразу и чуждъ и суровъ, какъ это бываетъ послѣ сильнаго испуга.

Анна-Марія замѣтила серьезно:

— Потому что это большое торжество.

Но при этомъ ей вдругъ сдѣлалось очень тоскливо.

И вотъ наступило время, когда для Анны-Маріи понадобилась мадонна. Каждое утро Вернеръ, на костыляхъ, съ трудомъ обшаривалъ углы своей комнаты въ надеждѣ найти подходящій кусокъ дерева для своей новой работы. Ни одинъ не удовлетворялъ его, и онъ, измученный непривычнымъ движеніемъ и безплоднымъ исканіемъ, садился гдѣнибудь въ углу своей прохладной комнаты и медленно обводилъ глазами произведенія своей руки. Мадонны стояли такія печальныя, какъ-будто отъ того, что ни одна изъ нихъ не слышала еще лепета дѣтской молитвы и ни передъ одной еще не теплилась лампада. Но Вернеръ совсѣмъ не думалъ объ этихъ, никому ненужныхъ запыленныхъ образахъ — всѣ его мысли были сосредоточены на томъ, что Анна-Марія выходитъ замужъ и что ему нужно подарить ей мадонну ко дню ея свадьбы.

Давно уже онъ не видѣлъ Анну-Марію. Казалось, она боится его съ того вечера. Время отъ времени она посылала къ нему маленькую Клару, свою 10-лѣтнюю сестренку. Больной очень полюбилъ эту дѣвочку, и за ея проворство, миловидность и любовь къ сластямъ онъ прозвалъ ее «мышкой». Мышка также почувствовала къ нему какую-то заботливую нѣжность и разъ даже довѣрчиво призналась Вернеру, что она смотритъ на него, какъ на своего очень неловкаго и совсѣмъ еще глупаго ребенка. Дѣвочка приходила къ нему каждый день и приносила то розу, то яблоко или просто протягивала ему свои дѣтскія свѣжія губки, что ему было милѣе всего.

Послѣ долгихъ поисковъ Вернеръ, наконецъ, нашелъ достаточно гибкій кусокъ дерева и, выбравъ за образецъ одну изъ мадоннъ, разложилъ все это передъ собой. Это была одна изъ большихъ великолѣпныхъ св. Дѣвъ, и мышка съ блестящими глазами и открытымъ ртомъ залюбовалась ея красотой. Вдругъ она произнесла:

— Знаешь, это вовсе не св. Марія.

Вернеръ, которому работа все не удавалась, посмотрѣлъ на нее вопросительно.

Мышка въ замѣшательствѣ молчала и сильно прижала губки своею пухлой, въ ямочкахъ ручкой.

— Почему?—спросилъ Вернеръ.

— Потому что... Я не могу этого сказать, прервала сама себя дѣвочка, причемъ приняла очень лукавый видъ.

— Скажи, скажи, моя умница,—льстиво произнесъ больной усталымъ голосомъ.—Кто-же это? Можетъ быть св. Агата,—допытывался молодой человѣкъ, нѣжно проводя рукой по ея волосамъ.

— Ахъ, нѣтъ.

— Ну, такъ св. Анна?

Мышка снова отрицательно покачала головой.

Вернеръ перебралъ всѣхъ святыхъ, случайно пришедшихъ ему на память. Но дѣвочка все рѣшительнѣе отрицала, и наконецъ, надувъ губки, нетерпѣливо вскрикнула:

— Ахъ, ты глупенькій, да это вообще не святая, а человѣкъ.

Вернеръ улыбнулся.

— Ну, теперь отгадай-ка самъ. А что, не можешь?—прибавила мышка нѣсколько жалобнымъ и вмѣстѣ презрительнымъ тономъ, глядя въ безпомощное лицо своего друга.

Она подсѣла къ нему и произнесла.

— Это—Анна-Марія.

Больной сильно поблѣднѣлъ. Его бѣлыя руки слегка затряслись. Онъ глубже усѣлся въ своемъ креслѣ и, казалось, старался уловить сходство между возставшимъ въ его душѣ образомъ Анны-Маріи и стоящей передъ нимъ великолѣпной, величественной мадонной.

Дѣвочка, сильно разочарованная и изумленная тѣмъ, что онъ остался такъ тихо и спокойно сидѣть въ своемъ креслѣ, очень испугалась, когда онъ вдругъ вскочилъ, потянулся къ своимъ костылямъ и суровымъ голосомъ сказалъ: «пойдемъ».

Ей хотѣлось спросить: «Что съ тобой»?—Но сердце такъ трепетно билось въ ея груди, что она не въ состояніи была произнести ни одного звука. Такъ слѣдовала она съ подгибающимися колѣнками за стучащими костылями больного до сосѣдняго съ комнатой чуланчика. Здѣсь, прежде чѣмъ она успѣла освоиться съ темнотой, онъ схватилъ ее за ручку и строго спросилъ: «Не правда-ли, это тоже Анна-Марія?»—Мышка ничего еще не могла разглядѣть. Ей больно было отъ его порывистаго прикосновенія. Собравшись съ силами и готовая заплакать, она отвѣтила: «Да».

— «А эта»?—Услышала она опять голосъ больного.

Теперь она съ широко открытыми глазами дѣйствительно улавливала сходство съ Анной-Маріей и въ этой Мадоннѣ. «Тоже». — Она почувствовала, что онъ тащитъ ее дальше.—«А вотъ эта?»—«Да, эта

тоже»,—поспѣшно подтвердила дѣвочка. Постепенно стала она различать въ темнотѣ множество большихъ и красивыхъ фигуръ Анны-Маріи. Ея страхъ понемногу утихалъ и, свободно озираясь кругомъ, она удивленно шептала: «всѣ, всѣ».—Наконецъ, Вернеръ освободилъ ея руку. Онъ дотащился до угла и, измученный, опустился на стулъ. Оба его костыля съ шумомъ упали на полъ. Дѣвочка робко и нехотя покосилась на него. Онъ казался очень печальнымъ. Она опять быстро обернулась ко всѣмъ этимъ кукламъ и съ пальчикомъ на губахъ, на цыпочкахъ, стала тихо ходить отъ одной деревянной Анны-Маріи къ другой.

Вернеръ окончательно заперся отъ всѣхъ. Только своей старой прислужницѣ онъ открывалъ двери, когда та приносила ему обѣдъ; но по вечерамъ она уносила обратно блюда—почти непронутыми. До поздней ночи больной неутомимо работалъ. Его руки горѣли, какъ въ лихорадкѣ и отъ сильнаго напряженія пальцы его совершенно одеревенѣли. Среди глубокой ночи, свѣча его, зашипѣвъ и вспыхнувъ, невѣрнымъ, колеблющимся свѣтомъ, вдругъ погасла. Темнота тяжело опустилась на его усталые глаза, но рука его продолжала производить конвульсивную работу ножомъ. Она сдѣлала наугадъ еще пару поспѣшныхъ надрѣзовъ. Въ душѣ Вернера зародилось такое чувство, словно Сама Богородица—его постоянная, завѣтная мечта,—должна снизойти и среди глубокаго мрака водить его ножомъ. Она сама должна придать его послушной рукѣ могучую силу, необходимую, чтобы создать тѣ черты, которыя онъ не могъ себѣ представить, но которыя должны были быть воплощеніемъ всего святого и возвышеннаго. Всю ночь онъ не выпускалъ ножа изъ рукъ, и съ открытыми, усталыми отъ бдѣнія, глазами встрѣтилъ утро. При едва зарождающемся свѣтѣ онъ поднялъ къ окну свою работу, и передъ его глазами опять предстала та же Анна-Марія, которая черезъ нѣсколько дней выходила замужъ. Едва онъ это увидѣлъ, какъ съ силой ударилъ фигурой о подоконникъ такъ, что головка съ трескомъ отскочила и, описавъ широкую дугу, упала въ дальній уголъ комнаты. Упалъ и весь корпусъ фигуры, а Вернеръ, глубоко запустивъ свои пальцы въ волосы, почувствовалъ, что ногти его, какъ острыя иглы, вонзились ему въ кожу.

Уже вставало раннее лѣтнее солнце. Туманъ на крышахъ разсѣивался, и въ сосѣднихъ садахъ уже раздавалось радостное чириканье множества птицъ. Утомленный Вернеръ, какъ очарованный, смотрѣлъ на восходящее солнце. Измученный грезами безсонной ночи, онъ сложилъ на груди руки и сталъ горячо молиться: — «Святая Богородица, вѣдь ты существуешь, и навѣрное ты не такая, какъ Анна-Марія. Вѣдь ты не можешь быть такой, какъ та, которая въ

эти дни справляетъ свою свадьбу. Тебя хочу я прославить. Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ лишилъ меня ногъ, я все создаю твой ликъ. Видишь-ли ты себя? Моими слабыми, безпомощными руками я творю тебѣ мои молитвы въ деревѣ. Радуешься-ли ты когда нибудь этому? Святая Богородица, изображенія твои очень плохи и твоя небесная доброта въ нихъ не отражается. Такъ дай же мнѣ хоть разъ создать одну, похожую на тебя, хотя бы настолько похожую, насколько маленькій раскаленный уголь напоминаетъ солнце. Но пусть эта одна будетъ свѣтомъ отъ твоего свѣта, любовью отъ твоей любви. Пусть только она не походитъ на ту, ибо ты не можешь быть, какъ Анна-Марія, которая на дняхъ справляетъ свою свадьбу»...

Голосъ его былъ беззвученъ, и руки въ полномъ изнеможеніи повисли, какъ плети. Онъ точно прислушивался къ словамъ своей молитвы. Но спустя нѣсколько минутъ, онъ внезапно спохватился, взялъ новое дерево въ руки, и быстро, съ неестественнымъ возбужденіемъ сталъ работать. Съ волненіемъ онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ оформлялось и опредѣлялось дерево подъ быстрымъ движеніемъ ножа въ его рукахъ. Онъ чувствовалъ теперь въ себѣ какую-то святую, побѣдоносную силу, и имъ овладѣла тайная и сладкая надежда, навѣянная страстной молитвой. При каждомъ новомъ надрѣзѣ ножомъ, онъ чувствовалъ, что на этотъ разъ было не такъ, какъ прежде. Должно было получиться что-то совсѣмъ новое и цѣломудренное, никогда еще не существовавшее. Не всѣ воплощенныя въ одной, а одна,—совсѣмъ не знавшая всѣхъ другихъ,—должна была появиться изъ подъ его рѣзца. Огромная внутренняя радость росла въ немъ и подкрѣпляла его. Ему казалось, что пальцы его дрожатъ больше отъ радости, чѣмъ отъ судорожной усталости. По истеченіи двухъ часовъ, показавшихся ему нѣсколькими минутами, онъ остановился, передохнулъ и, поставивъ свою работу на подъоконникъ, сталъ разсматривать, съ мечтательной улыбкой на устахъ, эти нѣжныя черты, выступавшія изъ свѣжаго дерева, какъ бы окруженныя легкой дымкой.

Вернеру вспомнилась его бѣдная больная мать, которую онъ едва зналъ, такъ какъ она умерла очень молодой. И пока онъ, совершенно механически, продолжалъ работать, умиленная душа его предалась воспоминаніямъ о первыхъ нѣжныхъ, полузабытыхъ материнскхиъ ласкахъ. Вдругъ, какъ бы отъ шума отворяемой двери, больной встрепенулся, помраченными и широко открытыми глазами сталъ всматриваться въ быстро надвигавшуюся темноту. Онъ былъ совсѣмъ одинъ.

Но когда онъ снова принялся за работу, онъ ясно почувствовалъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ нѣкто,—сидитъ и тоже вырѣзываетъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ нагнулся надъ своей работой, какъ бы защищая ее, но тотъ, кто сидѣлъ рядомъ съ нимъ, все-таки доставалъ до нея, и рѣзкими, острыми штрихами уничтожалъ нѣжныя страдальческія черты,

придавая имъ выраженіе чего-то обыденнаго, земного, — нѣчто, напоминавшее Анну-Марію. Вернеръ задрожалъ отъ ужаса. Онъ почувствовалъ, что наступила послѣдняя борьба. Инструментъ его съ бѣшенной поспѣшностью мелькалъ верхъ и внизъ и, какъ молнія, врѣзывался въ намѣченныя линіи, откуда быстро вылетали стружки. Онъ хотѣлъ опередить того. Но тотъ безжалостно и невозмутимо-спокойно продолжалъ свое дѣло, и съ каждымъ новымъ штрихомъ, какъ бы насмѣхаясь, разрушалъ безплотныя, неземныя черты.

Подъ конецъ больному уже казалось, что его неудержимая поспѣшность въ работѣ, подчинившись темной силѣ, служитъ только его врагу. Тогда несчастнымъ овладѣлъ безсильный гнѣвъ. Дрожащая рука его продолжала дѣлать безцѣльные и дикіе надрѣзы по дереву.

Но глаза его не слѣдили больше за работой. Онъ устремилъ свой блуждающій взоръ на заходящее солнце и бормоталъ:—«Ты или я».— При этомъ рука его, какъ будто освободившись отъ него самого, продолжала быстро работать. Но острый ножъ не вонзался больше въ твердое дерево. Безумецъ рѣзалъ имъ свои собственныя руки.

КОНЕЦЪ.

Чайковскій въ консерваторіи [1].

«Въ біографіи художника, на ряду съ развитіемъ его личности, одну изъ важнѣйшихъ задачъ составляетъ наблюденіе испытанныхъ имъ внѣшнихъ вліяній. Въ настоящемъ случаѣ я разумѣю внѣшнее вліяніе въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, а именно музыкальный репертуаръ, знакомый Петру Ильичу и почему-либо возбуждавшій его вниманіе или любовь. За все время пребыванія его въ петербургской консерваторіи, особенно же въ теченіи двухъ первыхъ годовъ, я съ нимъ видѣлся часто и правильно и въ разсказѣ моемъ о музыкальныхъ впечатлѣніяхъ, оставившихъ въ душѣ его болѣе или менѣе продолжительный слѣдъ, не будетъ существеннаго пробѣла. То же самое, замѣчу кстати, можно сказать и о ближайшемъ послѣдующемъ времени, когда мы съ нимъ жили въ Москвѣ и продолжали видѣться постоянно, тогда какъ въ позднѣйшіе періоды его жизни, особенно же въ восьмидесятыхъ годахъ, свѣдѣнія мои по этому предмету становятся незначительнѣе и отрывочнѣе. Вскорѣ послѣ нашего перваго знакомства Петръ Ильичъ пригласилъ меня къ себѣ въ технологическій институтъ. Я сталъ ходить къ нему по вечерамъ, приблизительно разъ въ недѣлю, при чемъ неизмѣнно таскалъ къ нему ноты въ четыре руки, каковыми, благодаря любезности тогдашняго главнаго приказчика магазина Бернара, О. И. Юргенсона, я пользовался въ неограниченномъ количествѣ. Могу въ точности сказать все, что мы съ нимъ проиграли въ первомъ году. Это были: девятая симфонія Бетховена, третья Шумана, «Океанъ» Рубинштейна, «Геновера» Шумана (не увертюра, а вся опера цѣликомъ) и затѣмъ, кажется, «Рай и Пери» и «Лоэнгринъ». Петръ Ильичъ слегка ворчалъ, когда я заставлялъ его играть съ собой длинныя вокальныя произведенія съ массой речитативовъ, на фортепіано выходившими безсмыслицей, но затѣмъ красоты связныхъ цѣльныхъ нумеровъ его обезоруживали. Менѣе всего нравился ему Рихардъ Вагнеръ. Знаменитую прелюдію къ «Лоэнгрину» онъ даже прямо

---

[1]) Продолженіе воспоминаній Г. А. Лароша.

бранилъ и со всею оперою примирился лишь много лѣтъ спустя. До сихъ поръ помню, какъ однажды, шлепая со мною по весенней грязи вдоль Фонтанки, онъ безстрашно произнесъ: «знаю только одно, что у Сѣрова гораздо больше композиторскаго таланта, чѣмъ у Вагнера». Разговоръ этотъ долженъ былъ происходить около великаго поста 1864 года, такъ какъ «Юдиѳь» впервые дали позднею весною предъидущаго. Но о «Юдиѳи» рѣчь впереди; теперь же, возвращаясь къ нашему четырехручному репертуару, я скажу, что изъ всего перечисленнаго мною самое сильное впечатлѣніе на него произвели третья симфонія Шумана и «Океанъ» Рубинштейна. Послѣдняго мы нѣсколько времени спустя сподобились услышать подъ дирижерствомъ самого автора въ собственномъ концертѣ, данномъ имъ въ Большомъ театрѣ и еще усилившемъ нашъ энтузіазмъ къ этому произведенію.

Концерты русскаго музыкальнаго общества въ то время давались по вторникамъ въ залѣ Городской Думы, съ оркестромъ сборнымъ отчасти изъ итальянской, отчасти изъ русской оперы. Вторникъ былъ избранъ, какъ одинъ изъ балетныхъ дней, въ который и та и другая оперы были свободны. Маленькая зала Думы была совершенно полна; звучность, сколько помню, была превосходная. По воскресеньямъ утромъ были генеральныя репетиціи, на которыя мы, ученики, имѣли свободный входъ и сажались гдѣ попало. Для концертовъ же намъ была отведена просторная галлерея; налѣво сидѣли ученицы, направо ученики. И на репетиціяхъ, и на концертахъ мы съ Петромъ Ильичемъ были неразлучны; изрѣдка мы впадали въ несогласія, большею же частью восхищались и негодовали вмѣстѣ. Многіе изъ читателей удивятся, когда узнаютъ, что однимъ изъ сильнѣйшихъ увлеченій Петра Ильича въ эти юношескіе годы былъ Генрихъ Литольфъ или, точнѣе сказать, его двѣ увертюры «Робеспьеръ» и «Жирондисты», особенно вторая. Можно безъ преувеличенія сказать, что именно съ этихъ увертюръ, а также съ мейерберовской къ «Струэнзе» началась у Чайковскаго преслѣдовавшая его цѣлую жизнь страсть къ програмной музыкѣ. Въ его раннихъ увертюрахъ, не исключая «Ромео и Джульетты», вліяніе Литольфа еще вполнѣ ощутительно, тогда какъ къ Листу, повидимому, имѣющему гораздо болѣе данныхъ увлечь молодого музыканта, Петръ Ильичъ подходилъ медленно, нерѣшительно, недовѣрчиво. Дѣйствительный энтузіазмъ въ консерваторское время изъ симфоническихъ поэмъ въ немъ возбуждалъ только «Орфей»; лишь гораздо позже онъ полюбилъ «Faust symphonie», и безпристрастіе требуетъ прибавить, что на стиль его собственныхъ сочиненій симфоническія поэмы Листа, поработившія цѣлое поколѣніе русскихъ музыкантовъ, имѣли лишь эфемерное и внѣшнее вліяніе.

Достойно вниманія, что въ описываемое мною время молодости Петръ Ильичъ имѣлъ множество болѣзненныхъ музыкальныхъ антипатій, отъ

которыхъ въ теченіи времени, иногда весьма продолжительнаго, совершенно отдѣлался. Антипатіи эти относились не къ композиторамъ, а къ цѣльнымъ родамъ сочиненія, вѣрнѣе сказать—звучности. Такъ, напримѣръ, ему не нравился звукъ фортепіано съ оркестромъ, звукъ смычковаго квартета или квинтета, а сильнѣе всего звукъ фортепіано въ сочетаніи съ однимъ или нѣсколькими смычковыми инструментами. Хотя онъ любознательно знакомился съ обширнымъ репертуаромъ фортепіанныхъ концертовъ и камерной музыки, хотя по музыкальному содержанію то и дѣло случалось, что тотъ или другой нумеръ приводилъ его въ восхищеніе, но затѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ бранилъ всю эту музыку за «безобразіе» тембра. Не разъ и не десять, а сотни разъ я слышалъ отъ него чуть не клятвы, что онъ никогда въ жизни не напишетъ ни одного фортепіаннаго концерта, ни одной сонаты для фортепіано со скрипкой, ни одного тріо, квартета и т. д. На счетъ сонаты со скрипкой онъ такъ и сдержалъ слово. Еще страннѣе, что около этого же времени онъ давалъ зарокъ никогда не писать ни мелкихъ фортепіанныхъ пьесъ, ни романсовъ. Къ романсамъ, какъ роду искусства, онъ высказывалъ глубочайшее презрѣніе. Ненависть эта была чисто платоническая, такъ какъ онъ тутъ же былъ готовъ вмѣстѣ со мной восхищаться Глинкой, Шуманомъ и Францемъ Шубертомъ.

У него въ это время была своего рода болѣзнь—считать себя органически, безповоротно неспособнымъ ко многимъ отраслямъ музыки, въ которыхъ онъ въ болѣе зрѣлые годы подвизался съ заслуженнымъ успѣхомъ. До сихъ поръ было упомянуто только о родахъ сочиненія, за которые онъ не хотѣлъ браться (излишне прибавлять, что въ видѣ принудительныхъ классныхъ работъ всѣ эти роды сочиненія были испробованы имъ именно въ то время, въ которое онъ давалъ зарокъ не возвращаться къ нимъ на свободѣ). Но этимъ еще не исчерпывается вся масса его тогдашнихъ антипатій или болѣзненныхъ опасеній за свою несостоятельность. Многократно и громко увѣрялъ онъ, что совершенно не способенъ дирижировать. Капельмейстерскій талантъ сплошь и рядомъ бываетъ соединенъ съ талантомъ къ аккомпанименту, а Петръ Ильичъ былъ прекрасный для пѣвцовъ акомпаньяторъ. Ужъ это обстоятельство должно было успокоить его самого и вызвать въ другихъ сомнѣніе въ основательности его жалобъ. Въ консерваторіи ученики старшихъ теоретическихъ курсовъ по-очередно должны были дирижировать ученическимъ-же оркестромъ, и Чайковскій, какъ лучшій ученикъ самаго старшаго курса, едвали не былъ первымъ, къ которому правило это было примѣнено. Не могу достовѣрно сказать, «отличился» ли онъ при этомъ въ глазахъ начальства, но положительно помню, что ничего особенно худого, никакого очевиднаго фіаско не произошло. Тѣмъ не менѣе Петръ Ильичъ ссылался и на этотъ опытъ, какъ на подтвержденіе его

мрачнаго на себя взгляда. Стояніе на эстрадѣ возбуждало въ немъ такой нервный страхъ, что ему, какъ онъ увѣрялъ, все время казалось *будто у него соскочитъ голова съ плечъ*. Въ предупрежденіе такой катастрофы онъ, держа палочку въ правой рукѣ, крѣпко придерживалъ подбородокъ лѣвою. Читатель, быть можетъ, съ трудомъ повѣрить, что этотъ пунктъ помѣшательства остался у него еще на нѣсколько лѣтъ. Въ 1868 году въ Москвѣ, въ концертѣ, данномъ театральной дирекціей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, Петръ Ильичъ, по просьбѣ устраивавшихъ концертъ, дирижировалъ балетнымъ нумеромъ изъ своей тогда новой оперы «Воевода», и я отчетливо помню его въ той-же, только однимъ посвященнымъ понятной, позѣ съ палочкой въ правой рукѣ и бѣлокурою, въ то время уже довольно густой бородой, крѣпко скомканной въ лѣвомъ кулакѣ.

О любви Чайковскаго къ Глинкѣ, преимущественно къ «Жизни за Царя», уже было говорено въ другомъ мѣстѣ настоящей книги. Къ произведеніямъ главы русской музыки, постоянно дорогимъ сердцу Чайковскаго, принадлежитъ и «Князь Холмскій». Что-же касается «Руслана и Людмилы», то въ Петрѣ Ильичѣ обнаруживаются колебанія, о которыхъ придется говорить, когда теченіе разсказа дойдетъ до его музыкально-критической дѣятельности. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ изъ второй оперы Глинки зналъ только немногіе нумера, которыми восхищался безъ всякой оговорки. Мнѣ особенно памятно исполненіе въ музыкальномъ обществѣ интродукціи къ первому дѣйствію, возбудившее въ насъ обоихъ безмѣрный энтузіазмъ. На сценѣ же Маріинскаго театра опера была возобновлена осенью 1864 года, по случаю приглашенія только что прибывшаго изъ Италіи Г. П. Кондратьева, очень намъ понравившагося. И остальные исполнители (Платонова, Леонова, Михайловская, Булаховъ, Петровъ 2-й, Саріотти) или были положительно хороши, или, по крайней мѣрѣ, не портили. Хоры и оркестръ, въ сравненіи съ нынѣшними, вѣроятно, показались бы очень жалкими, а обстановка нищенскою; но для насъ не было сравненія, и не прерывающаяся геніальность музыки потопляла собой отдѣльные, мелкіе и крупные недочеты исполненія. Мы бѣгали слушать «Руслана», когда могли, и въ скоромъ времени добрую половину его знали наизусть. Къ Сѣрову же, которому лавры Глинки не давали спать и который изъ нападокъ на «Руслана» сдѣлалъ себѣ спеціальность, мы относились съ ироніей и пренебреженіемъ. Кстати или не кстати скажу, что съ такой-же или большей ироніей мы относились къ теоріи «совокупнаго художественнаго произведенія будущности», начинавшей около того времени, благодаря пріѣзду Вагнера въ Россію и поѣздкамъ русскихъ туристовъ заграницу, находить поклонниковъ и на нашемъ Сѣверѣ, гдѣ Сѣровъ въ теченіи столькихъ лѣтъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. На зло Вагнеру и Сѣ-

фову, мы въ запуски восхищались Мейерберомъ, находя геніальными и «Гугеноты», и «Роберта», и «Динору», и въ особенности «Пророка» и «Струэнзе».

Весною 1863 года въ Маріинскомъ театрѣ начались репетиціи оперы Сѣрова «Юдиѳь». Посѣщеніе двухъ оперныхъ театровъ консерваторскимъ ученикамъ того времени весьма облегчалось слѣдующимъ обстоятельствомъ. Василій Алексѣевичъ Кологривовъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Рубинштейна и основателей русскаго музыкальнаго общества, одновременно занималъ должности инспектора оркестровъ императорскихъ театровъ и инспектора консерваторіи. Чрезвычайно добродушный, привѣтливый къ молодежи и горячо преданный дѣлу консерваторіи, онъ всякими путями доставлялъ намъ даровой входъ въ театръ; главнымъ образомъ онъ насъ посылалъ въ оркестръ, для чего мы облекались въ черные сюртуки, а у кого были и фраки, и бѣлые галстухи, сообщавшіе намъ обманчивое сходство съ музыкантами оркестра; затѣмъ, онъ давалъ намъ контрамарки на балконъ и въ партеръ (при тогдашнемъ, не рѣдко пустынномъ, состояніи театровъ это было вполнѣ въ его власти); наконецъ, въ экстренныхъ случаяхъ, для консерваторіи брались цѣлыя ложи, пѣвцамъ больше въ итальянскую оперу, теоретикамъ въ ту и другую въ случаѣ новинки. На репетиціи «Юдиѳи» мы ходили цѣлыми гурьбами; для нѣкоторыхъ избранныхъ была взята и ложа на первое представленіе. Мнѣ помнится, что я въ теченіе двухъ лѣтъ видѣлъ эту оперу восемь разъ; вѣроятно, столько же ее видѣлъ и Петръ Ильичъ. И сюжетъ, и музыка понравились ему чрезвычайно. Оригинальную параллель его между Сѣровымъ и Вагнеромъ я приводилъ выше. Конечно, это была только минутная бутада, отъ которой онъ не замедлилъ отказаться, но, во всякомъ случаѣ, восхищеніе его было искреннее и, что главное, продолжительное. Слѣдуетъ замѣтить, что если нѣкоторыя произведенія въ его музыкальномъ пантеонѣ стояли незыблемо, какъ, напримѣръ, «Донъ-Жуанъ», «Жизнь за царя», С-дурная симфонія Шуберта, то относительно многихъ другихъ явленій у него замѣчался сильный приливъ и отливъ; одинъ сезонъ онъ носился съ восьмой симфоніей Бетховена, другой — находилъ, что она «просто очень мила и больше ничего», нѣсколько лѣтъ утверждалъ, что музыка «Фауста» Пуньи (нѣкогда знаменитаго балетнаго композитора) неизмѣримо выше одноименной оперы Гуно, а позже называлъ «Фауста» Гуно шедевромъ. Тѣмъ замѣчательнѣе вѣрность, которую онъ сохранилъ къ «Юдиѳи» Сѣрова: за нѣсколько лѣтъ до его смерти вышелъ клавираусцугъ оперы, который онъ немедленно пріобрѣлъ и началъ играть съ увлеченіемъ юношескихъ лѣтъ, заставляя восхищаться и меня и уговаривая меня написать большую по этому поводу статью.

Нѣкоторую долю этой симпатіи онъ перенесъ и на вторую оперу

6*

Сѣрова, на столь знаменитую нѣкогда «Рогнѣду». Успѣхъ этого грубаго и пестраго произведенія, нынѣ кажущійся столь мало понятнымъ, былъ, какъ извѣстно, колоссальный. Многимъ показалось, что тайна русской музыки была внезапно открыта, что все предъидущее было только рядомъ подготовительныхъ ступеней. Самъ Сѣровъ потерялъ голову, началъ писать странныя статьи и нелѣпые романсы. Трезвый и ясный, какъ всегда, Чайковскій и тутъ не потерялъ равновѣсія, но нѣкоторая доля увлеченія все-таки на немъ отразилась. Сценическіе эффекты, которыхъ въ «Рогнѣдѣ» напихано много, видимо подкупали его, а къ тривіальности и плоскости музыки онъ отнесся съ необычайной для него снисходительностью. Въ скоромъ же времени онъ къ «Рогнѣдѣ» значительно охладѣлъ, сохранивъ прежнія чувства къ «Юдиѳи». Любовь его къ музыкѣ Сѣрова ни въ какое время не распространялась на его критическія писанія, а еще менѣе на его личность. Къ статьямъ его онъ относился съ недовѣріемъ и нерасположеніемъ; популярныя лекціи, которыя Сѣровъ весною 1864 года читалъ въ залѣ Антона Контскаго, онъ посѣщалъ вмѣстѣ со мной, но подсмѣивался надъ отчаянными усиліями лектора подорвать авторитетъ консерваторіи и заодно низвергнуть Глинку и возвеличить Верстовскаго. Ясно и то, что Сѣровъ уже однѣми своими нападками на Рубинштейна, къ которому, какъ сказано, Чайковскій былъ сильно привязанъ, повредилъ себѣ въ его глазахъ; но едва-ли не больше повредили ему излюбленныя имъ фразы «о духовномъ содержаніи музыки», объ «органически сложившейся музыкальной драмѣ» и т. п. премудростяхъ, за которыми у Сѣрова по большей части скрывалась шаткость взгляда и поразительное отсутствіе принциповъ.

Только для полноты упоминаю объ эпизодическомъ и не оставившемъ никакого прочнаго слѣда личномъ знакомствѣ Петра Ильича съ творцомъ «Юдиѳи». Произошло оно, если не ошибаюсь, осенью 1864 года. За годъ передъ симъ познакомился съ Сѣровымъ я. Въ одномъ классѣ съ Петромъ Ильичемъ былъ чиновникъ государственнаго банка Митрофанъ Евстафьевичъ Славинскій, пріѣхавшій изъ Керчи, гдѣ уже давно былъ знаменитостью, чтобы посвятить себя изученію композиціи въ консерваторіи. Это былъ блѣдный, бѣлокурый, чрезвычайно нѣжнаго тѣлосложенія молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, слѣдовательно—гораздо старше Чайковскаго и большинства своихъ товарищей. Онъ подавалъ прекрасныя композиторскія надежды, впослѣдствіи неоправдавшіяся. Онъ былъ знакомъ съ Сѣровымъ и постоянно ходилъ на его «вторники»—скромныя холостыя вечеринки отъ 8 до 12-ти, на которыхъ все угощеніе состояло изъ чая съ лимономъ и булками. Какъ угощеніе, такъ и составъ публики и времяпровожденіе сохранили совершенно тотъ-же характеръ и послѣ того, какъ въ 1863 году Сѣровъ женился на неподадившей съ консерваторіей ученицѣ Валентинѣ Семеновнѣ Бергманъ.

Посѣтители были почти исключительно литераторы: Апполонъ Майковъ, Страховъ, Аверкіевъ, Долгомостьевъ, рѣже Өедоръ Достоевскій, Званцевъ—больше не припомню. Славинскій предложилъ мнѣ свести меня на одинъ изъ этихъ вторниковъ. Мнѣ это показалось страшнымъ предательствомъ по отношенію къ Рубинштейну, въ домѣ котораго (онъ жилъ съ матерью и сестрой) я былъ принятъ; но любопытство превозмогло, и я отправился къ лютому врагу консерваторіи, оказавшемуся очень любезнымъ хозяиномъ и очаровательнымъ собесѣдникомъ. Я сталъ бывать у Сѣрова довольно часто, и только черезъ нѣсколько такихъ посѣщеній у меня хватило духу отправиться къ Рубинштейну и сознаться въ своемъ новомъ знакомствѣ, въ которомъ ребяческая моя совѣсть продолжала видѣть какое-то преступленіе. Со свойственнымъ ему тактомъ, Рубинштейнъ отвѣтилъ, что онъ не только не видитъ въ этомъ ничего дурного, но и самъ желаетъ, чтобы ученики имѣли случай слышать разныя мнѣнія и знакомиться съ разными направленіями. Приблизительно черезъ годъ послѣ моего перваго вечера у Сѣрова я уговорилъ и Чайковскаго пойти со мной къ нему. Помню, что въ этотъ разъ былъ въ числѣ гостей Өедоръ Достоевскій, много и безъ толку говорившій о музыкѣ, какъ истый литераторъ, не имѣющій ни музыкальнаго образованія, ни природнаго слуха. Не умѣю сказать, было-ли это посѣщеніе Чайковскаго единственнымъ или онъ еще возвращался въ домъ, гдѣ и его, конечно, приняли съ полнымъ радушіемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ больше двухъ-трехъ разъ у Сѣрова во всю свою жизнь не былъ. Хозяинъ дома продолжалъ не внушать ему симпатіи, да притомъ и свободныхъ вечеровъ почти не было у Чайковскаго, отказавшагося уже раньше этого времени отъ огромнаго круга знакомства. Если онъ въ Сѣровѣ восхищался композиторомъ и не долюбливалъ человѣка, то на творца «Юдиөи» произвелъ впечатлѣніе какъ разъ обратное. Лично онъ ему очень понравился, а когда черезъ полтора года Сѣровъ на консерваторскомъ актѣ въ Михайловскомъ дворцѣ прослушалъ выпускную кантату на оду Шиллера «Къ радости», закоренѣлый врагъ консерваторіи остался и тутъ вѣренъ себѣ и, какъ передавалъ мнѣ одинъ общій знакомый (И. А. Клименко, съ которымъ читатель настоящей біографіи неоднократно встрѣтится), отозвался такъ: «Нѣтъ, не хороша кантата; я отъ Чайковскаго ожидалъ гораздо большаго».

Въ заключеніе этихъ нѣсколько безсвязныхъ и во многихъ отношеніяхъ не полныхъ воспоминаній моихъ о консерваторскомъ періодѣ Петра Ильича, я позволю себѣ рзсказать одинъ случай, не имѣвшій прямого вліянія на его жизнь и несравненно болѣе важный въ моей, но, съ другой стороны, весьма интересный для его характеристики, какъ наблюдателя и судьи окружавшихъ его явленій. У него была пріятельница, жившая въ Глухомъ (нынѣ Максимиліановскомъ) переулкѣ, которой онъ да-

валъ уроки не то фортепіано, не то теоріи музыки. Съ этой госпожой (впослѣдствіи подарившей ему прекрасный портретъ Рубинштейна своей работы, тушью писанный и по нынѣ сохранившійся въ его вещахъ) я знакомъ не былъ, но иногда провожалъ его пѣшкомъ до ея подъѣзда. Однажды, дошедши до ея дома, мы оказались погруженными въ такой горячій и интересный разговоръ, что Чайковскому нельзя было прямо войти: мы усѣлись на двухъ тумбахъ и продолжали говорить, или вѣрнѣе, говорилъ я, а слушалъ онъ, какъ происходило большею частью, такъ какъ я былъ, по крайней мѣрѣ, въ четверо словоохотливѣе. Какъ теперь помню, я съ желчью и озлобленіемъ говорилъ о теоріи «совокупнаго художественнаго произведенія будущаго». Петръ Ильичъ сочувственно слушалъ и помалчивалъ, и вдругъ сказалъ: «Вмѣсто того, чтобы говорить все это, вы бы должны были это написать. У васъ несомнѣнное призваніе стать музыкальнымъ критикомъ». Хотя я Чайковскаго, какъ музыканта, считалъ гораздо моложе себя, ибо въ консерваторію поступилъ болѣе подготовленный, но въ вопросахъ общихъ и житейскихъ я, наоборотъ, его слушалъ и побаивался. Къ какой изъ двухъ категорій принадлежалъ вопросъ о моемъ будущемъ призваніи? Очень можетъ быть, что рѣшить его мнѣ помогло польщенное самолюбіе, этотъ великій рычагъ въ жизни всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе артиста. Не опасаясь выйти изъ рамокъ настоящей біографіи, скажу, что эти спокойныя слова, произнесенныя среди бѣлаго дня, въ прозаической обстановкѣ грязнаго отъ оттепели переулка, повергли меня въ совершенное опьяненіе. Какъ сумасшедшій, дѣлая промахъ за промахомъ и перенося щелчокъ за щелчкомъ, бросился я, девятнадцатилѣтній мальчишка, искать сотрудничества въ тогдашнихъ петербургскихъ журналахъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ эти поиски привели къ какому-нибудь результату, но для меня нѣтъ и не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что первоначальный толчокъ мнѣ былъ данъ Чайковскимъ. Я думаю, что могу видѣть въ себѣ прототипъ довольно большого числа молодыхъ людей, которые много лѣтъ спустя, когда Петръ Ильичъ сталъ на вершину славы и началъ обладать обширными связями и могущественнымъ вліяніемъ, притекли къ нему показывать свои таланты и спрашивать его совѣтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что то рѣшающее вліяніе, которое онъ въ молодости оказалъ на ровесника, онъ впослѣдствіи имѣлъ и на людей, годившихся ему въ сыновья и дочери. Нѣтъ сомнѣнія, что множество призваній было рѣшено имъ и что въ современныхъ оперныхъ труппахъ, въ концертныхъ учрежденіяхъ, среди композиторовъ, капельмейстеровъ, музыкальныхъ педагоговъ и писателей таится множество талантовъ, избравшихъ себѣ жизненный путь и получившихъ бодрость по нему ѣдти, благодаря зоркости и чуткости, съ которыми онъ съумѣлъ опредѣлить ихъ дарованья.

За исключеніемъ автора этихъ строкъ и Н. А. Губерта, о которомъ рѣчь впереди, я не могу указать ни одного ученика консерваторіи, съ которымъ у Петра Ильича завязались бы интимныя дружескія отношенія, сохранившіяся и впослѣдствіи. Онъ былъ, такъ сказать, хорошъ со всѣми и, какъ водится, со многими на «ты». Между этими болѣе или менѣе эфемерными пріятелями Чайковскаго я, однако, позволю себѣ посвятить по нѣскольку словъ тѣмъ, которые болѣе другихъ отличались знаніями и талантами.

Здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Густаву Густавовичу Кроссу. Онъ одновременно съ Петромъ Ильичемъ поступилъ въ музыкальные классы Зарембы, но былъ лѣтъ на десять старше его. Въ то время не носившій бороды, онъ поразительно походилъ на Наполеона I, что не мѣшало ему быть добрѣйшимъ малымъ и держать себя со всѣми нами мальчишками 16—17 лѣтъ на чисто товарищеской ногѣ. Но онъ не только отъ насъ, но также и отъ Петра Ильича отличался уже готовою въ нѣкоторомъ родѣ артистическою репутаціею. Одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гензельта, онъ уже тогда былъ прекрасный піанистъ, неоднократно игравшій публично, что не помѣшало ему, при основаніи консерваторіи, поступить въ фортепіанный классъ Рубинштейна, въ которомъ онъ высидѣлъ полные три года и по окончаніи котораго онъ на всю жизнь остался въ той же консерваторіи, сначала адъюнктомъ, потомъ профессоромъ фортепіано. Въ дальнѣйшемъ теченіи этой біографіи мы встрѣтимся съ Кроссомъ, какъ первымъ исполнителемъ въ Петербургѣ знаменитаго впослѣдствіи перваго концерта.

Въ одномъ классѣ съ Кроссомъ и Чайковскимъ находился другой піанистъ, также впослѣдствіи стяжавшій извѣстность, главнымъ образомъ на поприщѣ фортепіаннаго преподаванія, а въ то время нашедшій энергію спеціально изучать теорію музыки (которую, впрочемъ, черезъ два года бросилъ). Это былъ Карлъ Карловичъ Фанъ-Аркъ.

Между учениками перваго года консерваторіи самый многосторонній и самый зрѣлый музыкантъ былъ несомнѣнно Рихардъ Мецдорфъ, рослый и стройный брюнетъ съ длинными кудрями, сильно картавившій и носившій пенснэ. Сынъ извѣстнаго петербургскаго волторниста, Германа Мецдорфа, и племянникъ не менѣе извѣстнаго віолончелиста, Рихарда Мецдорфа, почти ровесникъ Петра Ильича, онъ только что пріѣхалъ изъ Германіи, гдѣ довольно долго учился. При поступленіи въ нашу консерваторію, онъ бойко и бѣгло игралъ на фортепіано и на скрипкѣ, сочинялъ какія-то оркестровыя пьесы, имѣлъ въ портфелѣ готовую сонату для фортепіано и скрипки и, вообще, во многихъ отношеніяхъ могъ сравнительно съ нами считать себя профессоромъ. Въ душѣ онъ былъ добрый и простой малый, изъ котораго съ теченіемъ времени вышелъ весьма основательный капельмейстеръ; но тогда онъ находился въ какой-то Sturm und Drang-periode,

былъ страшно самоувѣренъ, все твердилъ о Рихардѣ Вагнерѣ, мѣтилъ въ геніи и въ контрапунктическомъ классѣ, гдѣ сидѣлъ вмѣстѣ съ Чайковскимъ, на зло Зарембѣ, писалъ разные музыкальные солицизмы, якобы превышавшіе низменное пониманіе преподавателя-рутинера. Въ консерваторіи онъ пробылъ не больше двухъ лѣтъ и затѣмъ навсегда уѣхалъ въ Германію, гдѣ вскорѣ остепенился, а современемъ пріобрѣлъ нѣкоторую почетную извѣстность.

Упомянутые до сихъ поръ ученики были товарищами по классу Чайковскаго, т. е. въ 1862—63 году находились въ контрапунктѣ (изъ нихъ только Кроссъ дотянулъ до окончанія полнаго курса); нѣкоторые изъ нихъ, какъ Кроссъ и Славинскій, были годами гораздо старше Чайковскаго. Тотъ, о которомъ я теперь поведу рѣчь, въ 1862 году былъ мальчикомъ шестнадцати лѣтъ, только что поступившимъ въ классъ элементарной теоріи и, слѣдовательно, на два курса ниже Петра Ильича. Какая-то талантливая импровизація на фортепіано обратила на него вниманіе старшихъ учениковъ, такъ что мы съ отверстыми объятіями приняли его въ нашъ кружокъ. Это былъ ученикъ Дрейшока, полу-нѣмецъ, полу-англичанинъ, сынъ переводчика въ адмиралтействѣ — Іосифъ Лёджеръ. Небольшого роста, тоненькій, бѣлокурый и блѣдный, съ безумно-восторженными голубыми глазами, какіе не рѣдко бываютъ у англичанъ, онъ бросался въ глаза своею нѣсколько эксцентрическою наружностью. Сравнительно съ большинствомъ учениковъ, это былъ образованный молодой человѣкъ съ литературными наклонностями, свободно говорившій по-англійски, по-нѣмецки и по-французски и, хотя не безъ ошибокъ, по-русски. Какая-то болѣзнь въ мышцахъ руки или обѣихъ рукъ заставила его вскорѣ послѣ поступленія въ консерваторію оставить классъ Дрейшока; онъ посвятилъ себя спеціально теоріи музыки, поощренный къ этому товарищами, видѣвшими въ немъ будущаго композитора. Несомнѣнно способный, чуткій и восторженный, онъ, вопреки нашимъ ожиданіямъ, въ этомъ новомъ классѣ началъ учиться туже и туже, то лѣнясь, то хворая, а окончилъ курсъ и написалъ свою выпускную кантату лишь черезъ много лѣтъ, въ 1871 году. Впослѣдствіи жизнь его приняла характеръ какого-то романическаго скитанія: живя то въ Россіи, то заграницей, онъ перепробовалъ множество занятій, побывалъ домашнимъ секретаремъ у какого-то финансоваго туза, дарившаго ему дорогія оперныя партитуры въ прекрасныхъ переплетахъ, прикащикомъ въ какихъ-то коммерческихъ домахъ, иногда прозябалъ безъ мѣста и жестоко бѣдствовалъ, а въ послѣднее время завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ въ нѣсколькихъ парижскихъ газетахъ, политическихъ и финансовыхъ. Смерть его (лѣтомъ 1889 года) была необычайная. Онъ, между прочимъ, кичился ловкостью и любилъ, при случаѣ, показывать свое гимнастическое искусство. Возвращаясь въ Парижъ съ компаніей туристовъ въ огромномъ

открытомъ экипажѣ, запряженномъ восьмеркой лошадей, онъ на какомъ-то поворотѣ около Трокадеро на всемъ ходу соскочилъ съ имперіалки на шоссе, при чемъ упалъ и громадное колесо прошло по немъ. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ, послѣ жестокихъ мученій, черезъ полъ-сутокъ скончался.

Осенью 1863 года въ классъ гармоніи (слѣдовательно--вмѣстѣ съ Лёджеромъ) поступилъ молодой человѣкъ, которому предстояло впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ, сдѣлаться однимъ изъ самыхъ дорогихъ и близкихъ друзей Петра Ильича. Это былъ сынъ фортепіаннаго учителя, молодой піанистъ, неоднократно, съ отроческихъ лѣтъ, хотя и безъ особеннаго блеска, игравшій публично и съ отроческихъ-же лѣтъ содержавшій себя и жившій совершенно самостоятельно фортепіанными уроками, Николай Альбертовичъ Губертъ. Фамилія и отчество у него были иностранныя и двоюродныя сестры его, также обучавшіяся въ консерваторіи, даже исповѣдывали католическую вѣру, но самъ Николай Альбертовичъ былъ православный и такъ радикально обрусѣлъ, что нѣмца въ немъ не оставалось и слѣда. Съ дѣтства жившій музыкой и въ музыкѣ, онъ, при всей слабости своей теоретической подготовки, обладалъ обширнымъ практическимъ опытомъ и далеко превосходилъ насъ знаніемъ репертуара, особенно по части камерной музыки. Не окончивши курса гимназіи, онъ, какъ многіе русскіе люди, не имѣлъ систематическаго школьнаго образованія и пополнялъ этотъ пробѣлъ чтеніемъ, до котораго былъ большой охотникъ. У Зарембы онъ шелъ какъ-то ровно и безцвѣтно: множество уроковъ, которые онъ продолжалъ давать, въ соединеніи съ довольно слабымъ и капризнымъ здоровьемъ, не позволяли ему работать сверхъ необходимой мѣры, и хотя онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе способнаго музыканта и умнаго человѣка, никто какъ-то не видѣлъ въ немъ будущаго великаго композитора, да и самъ онъ на этотъ счетъ едва-ли питалъ особенное честолюбіе. Лично онъ намъ понравился чрезвычайно. Онъ равно плѣнялъ и благородствомъ души, и теплотой сердца, и оригинальнымъ юморомъ ума, соединеннымъ, между прочимъ, съ талантомъ разсказчика. Жившій, какъ настоящій богемный человѣкъ, въ просторной и мало меблированной комнатѣ, которую нанималъ у нѣкоего кухмистера на Загородномъ простектѣ, онъ, уже въ студенческіе годы, былъ хлѣбосоломъ и любилъ видѣть у себя товарищей, проводившихъ у него нескончаемые веселые вечера за самоваромъ, игрою въ четыре руки и музыкальными преніями. Главными посѣтителями этихъ вечеровъ были Чайковскій, Лёджеръ и я. Но настоящая интимная дружба между Чайковскимъ и Губертомъ началась гораздо позже, послѣ оставленія Губертомъ поста директора московской консерваторіи, приблизительно со средины восьмидесятыхъ годовъ.»

На этомъ, собственно, заканчиваются воспоминанія Г. А. Лароша

о Чайковскомъ въ консерваторіи и о тѣхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, которыя, возникнувъ тамъ, имѣли, въ различной степени, въ послѣдующей жизни его значеніе. Но прежде чѣмъ перейти къ разсказу о существованіи Петра Ильича въ этотъ же періодъ времени внѣ стѣнъ консерваторіи, я считаю не безъинтереснымъ привести, со словъ Ларошаже, одну изъ подробностей бытія консерваторскихъ учениковъ того времени, которая, не имѣя прямого отношенія къ музыкальному развитію композитора нашего, дополняетъ, съ чисто внѣшней стороны, картину его пребыванія въ консерваторіи.

«Около 1863 года въ Петербургѣ одновременно открылось около полдюжины маленькихъ кофейныхъ или кухмистерскихъ, исключительно въ подвальныхъ этажахъ (въ томъ числѣ одна изъ наиболѣе извѣстныхъ въ домѣ голландской церкви, на Невскомъ), съ вывѣсками, на которыхъ неизмѣнно стояло: «стаканъ чаю 5 к. Стаканъ кофе—5 к. Стаканъ шоколаду 10 коп.». Вся аристократія учениковъ консерваторіи, всѣ будущіе композиторы, капельмейстеры, хормейстеры и профессора теоріи сразу повалили въ эти подвалы, манившіе къ себѣ дешевизной, сносной опрятностью и, что для насъ было очень важно, центральнымъ положеніемъ въ городѣ, при не слишкомъ большомъ отдаленіи отъ консерваторіи. Проводя время между репетиціями, лекціями, собственными уроками, концертами и спектаклями, многіе изъ насъ попадали домой только для того, чтобы работать или спать; оттого, при всей скудости нашихъ средствъ, мы, говоря сравнительно, вели болѣе трактирную жизнь тогда, чѣмъ впослѣдствіи. Новый типъ кафе мы окрестили названіемъ «пятикопѣечной» (въ женскомъ родѣ, потому что подразумѣвалось слово *кондитерская*). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ—такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, тогда казалось — въ извѣстные часы дня положительно преобладалъ элементъ музыкальный и почти за каждымъ столомъ можно было слышать спеціальные термины, употребительные въ нашемъ искусствѣ. Нужно прибавить, что мы, вообще, вели себя очень смирно; отчаянныхъ кутилъ между нами было мало, что совсѣмъ не зависѣло отъ большихъ или меньшихъ средствъ, ибо кутилы, какъ вездѣ, встрѣчались и между бѣдными. Петръ Ильичъ съ самаго учрежденія «пятикопѣечныхъ» принадлежалъ къ самымъ постояннымъ ихъ посѣтителямъ.»

М. Чайковскій.

Астра.

Ты отцвѣтала въ часъ вечерній,
Въ лучахъ заката отцвѣла,
Когда проснулась въ иглахъ терній
Сѣдая мгла.

Колеблясь дымной полосою,
Осенній мракъ къ тебѣ приникъ
И плакалъ свѣтлою росою
На твой цвѣтникъ.

Стыдливой жалостью волнуемъ,
Щадя предсмертную тоску,
Ронялъ онъ съ каждымъ поцѣлуемъ
По лепестку.

Такъ я рыдаю надъ тобою,
Касаясь блѣднаго чела,
Такъ—вмѣстѣ съ астрой голубою—
Ты отцвѣла.

К. Льдовъ.

Крестоносцы.

Историческая повѣсть **Генрика Сенкевича.**

Переводъ съ польскаго **Нат. Арабажиной.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

У купца Амылея Мацько и Збышко совѣщались о томъ, что имъ дѣлать. Старый рыцарь чувствовалъ приближеніе смерти, предсказанной ему отцомъ Цыбекомъ, францисканцемъ, знающимъ толкъ въ ранахъ, а поэтому Мацько хотѣлъ возвратиться въ Богданецъ, чтобы быть похороненнымъ рядомъ со своими праотцами на кладбищѣ въ Островѣ.

Однако, не всѣ «праотцы» лежали тамъ. Это былъ нѣкогда многочисленный владѣтельный родъ. Во время войны они созывались возгласомъ «грады»; а въ отличіе отъ другихъ дворянъ, пользовавшихся правомъ герба, въ своемъ гербѣ носили тупую подкову. Въ 1331 году, въ битвѣ подъ Пловцами, на болотѣ, нѣмецкіе стрѣльцы убили семьдесять четыре воина изъ Богданца, уцѣлѣлъ только одинъ Войцѣхъ, подъ названіемъ Туръ, за которымъ король Владиславъ Локетокъ послѣ побѣды нѣмцевъ особой грамотой утвердилъ гербъ и земли богданецкіе. И вотъ, въ то время, когда кости убитыхъ тлѣли на поляхъ пловецкихъ, Войцѣхъ возвратился домой только затѣмъ, чтобы увидѣть полную гибель всего своего рода, потому что въ то время, какъ воины изъ Богданца гибли подъ стрѣлами нѣмцевъ, рыцари-разбойники изъ находящейся по близости Силезіи напали на ихъ гнѣздо, сожгли до основанія поселенія, а народъ перерубили или забрали въ неволю, чтобы продать въ отдаленные нѣмецкіе края. Войцѣхъ остался одинъ владѣтелемъ обширныхъ, но совершенно опустошенныхъ земель, раньше при-

надлежавшихъ цѣлому роду его. Спустя пять лѣтъ, онъ женился и, приживъ двухъ сыновей, Ясько и Мацько, умеръ въ лѣсу, отъ тура.

Сыновья росли подъ надзоромъ матери Кахны изъ Спаленицы, которая дважды отомстила силезскимъ нѣмцамъ за ихъ прежнюю побѣду, и, не докончивъ третьяго похода, тоже умерла. Еще раньше, однако, она выстроила руками военноплѣнныхъ замокъ въ Богданцѣ, почему Ясько и Мацько, хотя и съ давнихъ временъ именуемые владыками, теперь стали знатными людьми. Ясько, выросши, взялъ въ жены Ягенку изъ Моцажева, которая родила Збышка, а Мацько остался холостымъ, управлялъ имѣніемъ и ухаживалъ за племянникомъ по стольку, по скольку ему позволяли это его военные походы.

Но, когда во время междуусобія Гржималитовъ и Наленчанъ еще разъ былъ сожженъ замокъ въ Богданцѣ и разогнаны кметы, одинокій Мацько напрасно старался заново выстроить его. Набѣдовавшись вдоволь не мало лѣтъ, онъ, наконецъ, передалъ землю одному родственнику аббату, а самъ съ маленькимъ Збышко отправился на Литву противъ нѣмцевъ.

Но онъ никогда не терялъ изъ виду Богданецъ. На Литву отправился онъ собственно для того, чтобы разбогатѣть грабежемъ, возвратиться современемъ на родину, выкупить землю, населить ее плѣнными, отстроить замокъ и посадить тамъ Збышко. И вотъ теперь, послѣ счастливаго спасенія юноши, онъ снова вспомнилъ все, и это-то и было предметомъ ихъ совѣщанія у купца Амылея. Денегъ у нихъ было достаточно для выкупа земли. Изъ грабежей, изъ выкуповъ, которые давали имъ взятые ими въ плѣнъ рыцари, и изъ даровъ Витольда они собрали довольно значительное состояніе. Въ особенности большую выгоду принесла борьба на смерть съ двумя фризскими рыцарями. Одни вооруженія, которыя они получили послѣ нихъ, въ тѣ времена составляли цѣлое состояніе, а вѣдь, кромѣ вооруженія имъ достались повозки, лошади, люди, одежда, деньги и богатый военный уборъ. Большую часть этой добычи пріобрѣлъ теперь купецъ Амылей — между прочимъ, два куска чудеснаго фландрскаго сукна, которые предусмотрительные и зажиточные Фризы имѣли у себя на повозкахъ. Мацько продалъ также дорогое вооруженіе, думая, что, въ виду близкой смерти, оно ему ужъ не пригодится. А тотъ, который его купилъ, на другой же день перепродалъ его Мартину изъ Вроцимовичъ, герба Полу-козы, съ большой выгодой, такъ какъ панцыри медіоланскіе въ то время цѣнились дороже другихъ.

Збышко отъ всей души жалѣлъ объ этомъ вооруженіи.

— Если Господь возвратитъ вамъ здоровье, — говорилъ онъ дядѣ, — гдѣ вы найдете другое такое?

— Тамъ же, гдѣ и это нашелъ, на какомъ-нибудь другомъ нѣмцѣ. Но я ужъ отъ смерти не уйду, — отвѣчалъ Мацько. — Копье раскололось

у меня между реберъ и осколокъ остался во мнѣ. Чѣмъ больше я старался вытащить его, тѣмъ только глубже запихивалъ его. Теперь спасенья нѣтъ.

— Вамъ бы надо было выпить медвѣжьяго сала—котелка два.

— Эхъ! Отецъ Цибекъ тоже говоритъ, что хорошо было бы, потому что можетъ быть оно какъ заноза и выскользнетъ. Но откуда его тутъ достать? Въ Богданцѣ стоило бы только топоръ взять да засѣсть на ночь подъ ульемъ!..

— Такъ и надо въ Богда́нецъ! Только вы мнѣ—смотрите, гдѣ-нибудь по дорогѣ не умрите.

Старый Мацько съ умиленіемъ взглянулъ на племянника.

— Знаю я куда бы тебѣ хотѣлось: на дворъ князя Януша, или къ Юранду изъ Сныхова, на хелминскихъ нѣмцевъ напасть.

— Не отпираюсь. Я охотно поѣхалъ бы въ Варшаву или въ Цеханово, вмѣстѣ съ дворомъ княгини, для того, чтобы какъ можно дольше быть съ Данусей. Не по себѣ мнѣ теперь безъ нея, потому что она не только моя госпожа, но и моя любовь, я такъ радъ видѣть ее, что какъ только о ней подумаю, меня охватываетъ тоска. Пойду я за ней хоть на край свѣта, но теперь первый долгъ—это вы. Не оставили вы меня и я не оставлю васъ. Въ Богданецъ, такъ въ Богданецъ.

— Добрый ты малый!—сказалъ Мацько.

— Богъ бы меня покаралъ, если-бы я былъ для васъ другимъ. Посмотрите, ужъ повозки укладываютъ, а одну изъ нихъ я велѣлъ сѣномъ для васъ выложить. Жена Амылея подарила хорошую перину, только не знаю, вылежите ли вы на ней отъ жары. Мы поѣдемъ медленно, вмѣстѣ съ княгиней и съ дворомъ, чтобы у васъ не было недостатка въ уходѣ. Потомъ они повернутъ къ Мазовшу, а мы къ себѣ—и помогай Боже!

— Только бы мнѣ дожить до того, чтобы замокъ наново выстроить, потому что я хорошо знаю, что послѣ моей смерти немного будешь ты думать о Богданцѣ.

— Почему-бы мнѣ не думать о немъ?

— Потому что у тебя на умѣ будутъ только битвы да любовь.

— А у васъ на умѣ не было войны? Я ужъ совершенно порѣшилъ, что я долженъ дѣлать. Но прежде всего мы должны замокъ крѣпкій отстроить изъ дуба; мы велимъ окопать его рвомъ.

— Ты думаешь?—спросилъ съ любопытствомъ Мацько.—Ну, а когда замокъ выстроишь? Говори!

— Когда замокъ выстрою, тогда я поѣду ко двору княжескому въ Варшаву, или въ Цеханово.

— Послѣ моей смерти?

— Если вы скоро помрете, то послѣ вашей смерти, но прежде я васъ достойно похороню; а если Господь Богъ пошлетъ вамъ здоровья, такъ вы въ Богданцѣ останетесь. Мнѣ княгиня обѣщала, что она добудетъ намъ рыцарскій поясъ отъ князя. Иначе Лихтенштейнъ не захочетъ со мной драться.

— Такъ ты потомъ отправишься въ Мальборгъ?

— Въ Мальборгъ, или хоть на край свѣта, лишь-бы только Лихтенштейна поймать.

— Я за это тебя не упрекаю: его смерть или твоя.

— Ужъ привезу я вамъ въ Богданецъ его перчатки и поясъ, не бойтесь.

— Ты только берегись измѣны! У нихъ это легко дѣлается.

— Я поклонюсь князю Янушу, чтобы онъ послалъ за охранной грамотой къ магистру. Теперь тихо, я поѣду съ ней въ Мальборгъ, а тамъ всегда цѣлая куча рыцарей гостей. Знаете?—прежде Лихтенштейнъ, а потомъ я высмотрю, у кого есть на шлемѣ павлиные перья, и буду ихъ вызывать по очереди. Ей-Богу, если Христосъ пошлетъ мнѣ побѣду, то я вмѣстѣ съ тѣмъ и обѣтъ выполню.

— Эхъ!—сказалъ Мацько, качая головой, если-бы ты побѣдилъ трехъ рыцарей знатныхъ родовъ, ты не только исполнилъ-бы обѣтъ, но и какую добычу ты взялъ-бы у нихъ! Боже мой!

— Зачѣмъ трехъ!—закричалъ Збышко.—Я ужъ въ темницѣ говорилъ себѣ, что я не поскуплюсь для Дануси. Столько, сколько пальцевъ на рукахъ, а не трехъ.

Мацько пожалъ плечами.

— Удивляйтесь себѣ и не вѣрьте,—сказалъ Збышко,—а я только изъ Мальборга поѣду къ Юранду изъ Спыхова. Какъ-же мнѣ не поклониться ему, если это отецъ Дануси? И съ нимъ вмѣстѣ мы будемъ нападать на хелминскихъ нѣмцевъ. Вѣдь вы сами говорили, что большаго ненавистника нѣмцевъ не найти во всемъ Мазовшѣ.

— А если онъ тебѣ не дастъ Данусю?

— Какъ-же не дастъ! Онъ ищетъ мщенія, я тоже! Гдѣ же ему найти лучшаго помощника? И наконецъ, если княгиня разрѣшила обрученіе, такъ и онъ не воспротивится.

— Да я ужъ вижу,—сказалъ Мацько,—что ты всѣхъ людей изъ Богданца заберешь, чтобы у тебя была свита, какая надлежитъ рыцарю, а земля останется безъ рукъ. Пока я буду живъ,—я не дамъ, но послѣ моей смерти, я ужъ знаю, что возьмешь.

— За меня Господь Богъ позаботится о свитѣ, а кромѣ того и Янко изъ Тульчи родственникъ мнѣ, а потому не поскупится.

Въ эту минуту отворились двери и какъ-бы въ подтвержденіе того, что Господь Богъ позаботится о свитѣ Збышко, вошли двое людей, смуг-

лыхъ, коренастыхъ, въ желтыхъ кафтанахъ, подобныхъ еврейскимъ, въ красныхъ ермолкахъ и въ широчайшихъ шароварахъ. Остановившись въ дверяхъ, они стали прикладывать пальцы ко лбу, къ устамъ, къ груди и вмѣстѣ съ тѣмъ кланялись до земли.

— Это что за черти?—спросилъ Мацько.—Кто вы?

— Мы ваши рабы,—отвѣчали прибывшіе на ломаномъ польскомъ языкѣ.

— Какъ? откуда? кто васъ сюда прислалъ?

— Прислалъ насъ Завиша въ подарокъ молодому рыцарю, чтобы мы были его рабами.

— О! двумя молодцами больше!—закричалъ съ радостью Мацько.— А изъ какого вы народа?

— Мы турки.

— Турки?—повторилъ Збышко.—У меня будетъ двое турокъ въ свитѣ. Видѣли вы когда-нибудь турокъ?

И подскочивъ къ нимъ, онъ сталъ ихъ поворачивать и оглядывать, какъ особенныхъ заморскихъ чудовищъ. А Мацько сказалъ:

— Видѣть не видалъ, а слыхать слыхалъ, что у Завиши изъ Гарбова есть въ услуженіи турки, которыхъ онъ забралъ въ плѣнъ, воюя подъ Дунаемъ у римскаго цезаря Сигизмунда. Какъ-же это? такъ вы, песье отродье, язычники?

— Господинъ велѣлъ намъ окреститься,—сказалъ одинъ изъ плѣнниковъ.

— А выкупить себя вамъ не на что было?

— Мы издалека, съ Азіятскаго берега, изъ Друссы.

Збышко, который всегда охотно слушалъ всякіе военные разсказы, въ особенности, когда рѣчь шла о дѣлахъ славнаго Завиши изъ Гарбова, сталъ спрашивать ихъ, какъ они попали въ неволю. Но въ разсказахъ плѣнныхъ не было ничего необыкновеннаго. Завиша напалъ на нихъ три года тому назадъ въ ущельѣ, часть убилъ, часть захватилъ и многихъ изъ нихъ раздарилъ потомъ. У Збышко и у Мацько сердца переполнялись радостью при видѣ столь знатнаго подарка, въ особенности въ виду того, что въ тѣ времена было мало людей и что владѣніе ими составляло настоящее состояніе.

Тѣмъ временемъ пришелъ и самъ Завиша, вмѣстѣ съ Повалой и Пашкой Злодѣемъ изъ Бискупицъ. А такъ какъ они всѣ принимали участіе въ спасеніи Збышко и рады были, что имъ удалось это устроить, то каждый дѣлалъ ему какой-нибудь подарокъ на прощаніе и на память. Щедрый Повала изъ Тачева далъ ему чепракъ на лошадь, широкій, богато обшитый на груди золотой бахромой, а Пашко—мечъ венгерскій, цѣной гривенъ въ десять. Потомъ пришли и Лисъ изъ Тарговиска, Фарурей и Кронъ изъ Козихъ-Головъ съ Мартиномъ изъ Вро-

цимовичъ, а послѣднимъ пришелъ Жиндрамъ изъ Машковицъ—и всѣ съ полными руками.

Збышко привѣтствовалъ ихъ отъ всего сердца, вдвойнѣ счастливый—дарами и тѣмъ, что наиславнѣйшіе въ королевствѣ рыцари выказывали ему дружбу. Они разспрашивали его объ отъѣздѣ и о здоровьѣ Мацько, совѣтуя, какъ люди опытные, хоть и молодые, различныя мази, чудесно залечивающія раны.

Но Мацько поручалъ имъ только Збышко, а самъ собирался на тотъ свѣтъ. Трудно жить съ желѣзной занозой въ груди. Онъ жаловался, что постоянно плюетъ кровью и не можетъ ѣсть. Кварта вылущенныхъ орѣховъ, двѣ пяди колбасы, миска яичницы—вотъ и вся его ѣда. Отецъ Цибекъ нѣсколько разъ пускалъ ему кровь, думая, что такимъ образомъ отвлечетъ у него жаръ отъ сердца и возбудитъ охоту къ ѣдѣ, но и это не помогало. Однако, онъ былъ такъ доволенъ подарками, сдѣланными племяннику, что въ эту минуту чувствовалъ себя здоровѣе и, когда купецъ Амылей велѣлъ принести боченокъ вина, для угощенія столь знатныхъ гостей—онъ вмѣстѣ со всѣми другими взялся за чарку. Рѣчь зашла о спасеніи Збышко и объ его обрученіи съ Данусей. Рыцари не сомнѣвались въ томъ, что Юрандъ изъ Спыхова не воспротивится волѣ княгини, въ особенности, если Збышко отомститъ за ея мать и добудетъ обѣщанные шлемы съ павлиньими перьями.

— Только, что касается Лихтенштейна,—сказалъ Завиша,—не знаю, захочетъ-ли онъ съ тобой драться, такъ какъ онъ монахъ, а кромѣ того еще и одинъ изъ старостъ въ Орденѣ. Люди изъ его свиты говорили, что онъ и великимъ магистромъ со временемъ будетъ.

— Если онъ откажется отъ поединка, такъ онъ потеряетъ честь,—отозвался Лисъ изъ Тарговискъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Завиша, онъ не свѣтскій рыцарь, а монахамъ нельзя выступать въ поединкѣ.

— А тѣмъ не менѣе, они весьма часто выступаютъ.

— Потому что законъ въ орденѣ нарушается. Даютъ они различные обѣты и извѣстны тѣмъ, что на соблазнъ всего христіанскаго міра постоянно нарушаютъ ихъ. Но на смертельный бой крестоносецъ, а въ особенности комтуръ, можетъ быть и не выйдетъ.

— Развѣ только на войнѣ въ него попадешь.

— Говорятъ-же, что войны не будетъ,—сказалъ Збышко,—такъ-какъ крестоносцы боятся теперь нашего народа.

На это Жиндрамъ изъ Машковицъ возразилъ:

— Этотъ миръ не долго продлится. Съ волкомъ не можетъ быть соглашенія, потому что онъ долженъ жить чужимъ добромъ.

— А тѣмъ временемъ намъ, можетъ быть, придется сразиться съ

Тимуремъ Хромымъ,—сказалъ Повала.—Князь Витольдъ понесъ пораженіе отъ Эдигея, это ужъ вѣрно.

— Вѣрно. И воевода Спырко не возвратился,—повторилъ Пашка Злодѣй изъ Бискупицъ.

— И много литовскихъ князей осталось на полѣ.

— Покойная королева предсказала, что такъ будетъ,—сказалъ Повала изъ Тачева.

— Такъ можетъ быть намъ и придется двинуться противъ Тимура.

Тутъ бесѣда перешла на литовскія дѣла съ татарами. Не было ужъ никакого сомнѣнія, что князь Витольдъ, вождь болѣе рѣшительный, чѣмъ искусный, потерпѣлъ страшное пораженіе подъ Ворсклой, гдѣ легла масса литовскихъ бояръ, а съ ними вмѣстѣ кучка прибывшихъ для подкрѣпленія польскихъ рыцарей и даже крестоносцевъ. Всѣ собравшіеся у Амылея особенно горевали надъ судьбой молодого Спытка изъ Мельштина, самаго выдающагося владѣльца въ королевствѣ, который отправился въ походъ, какъ доброволецъ, и послѣ битвы пропалъ безъ вѣсти. Всѣ превозносили до небесъ его истинно-рыцарскій поступокъ: получивъ отъ непріятельскаго вождя охранную шапку, онъ не захотѣлъ надѣть ее во время битвы, предпочитая славную смерть—жизни по милости языческаго владыки. Однако, никто еще не былъ увѣренъ, погибъ-ли онъ, или попалъ въ неволю. Изъ неволи онъ имѣлъ возможность выкупить себя, такъ-какъ богатства его были неисчислимы, а кромѣ того король Владиславъ далъ ему въ ленное владѣніе всю Подолію.

Но пораженіе литовцевъ могло быть пагубнымъ и для всего королевства Ягелло, такъ-какъ никто не зналъ навѣрное, не бросятся-ли татары, поощренные побѣдой надъ Витольдомъ, на города и страны, принадлежащіе къ великому княжеству. Въ такомъ случаѣ и королевство оказалось-бы вовлеченнымъ въ войну. Многіе изъ тѣхъ рыцарей, которые какъ Завиша, Фарурей, Добко и даже Повала, привыкли искать приключеній и поединковъ при заграничныхъ дворахъ, нарочно не покидали Кракова, не зная, что принесетъ имъ ближайшее будущее. Еслибы Тамерланъ, владыка двадцати-семи королевствъ, возбудилъ весь монгольскій міръ, опасность была-бы большая. Были люди, которые предвидѣли возможность этого.

— Если будетъ необходимость, то мы и съ самимъ Хромоногимъ помѣряемся. Не такъ-то легко будетъ ему съ нашимъ народомъ справиться, какъ было съ тѣми, которыхъ онъ разбилъ и уничтожилъ. Да кромѣ того, и другіе князья христіанскіе придутъ къ намъ на помощь.

На это Жиндрамъ изъ Машковицъ, который пламенѣлъ страшной ненавистью къ ордену, съ горечью отвѣтилъ:

— Что касается князей—я не знаю, но крестоносцы готовы покумиться съ татарами и ударить на насъ съ другой стороны.

— Тогда будетъ война!—закричалъ Збышко,—я противъ крестоносцевъ!

Но другіе князья стали опровергать это. Не знаютъ крестоносцы страха Божьяго и только думаютъ о своей пользѣ, но язычникамъ они не станутъ помогать противъ христіанскаго народа. Да, наконецъ, Тимуръ воюетъ гдѣ-то далеко, въ Азіи, а вождь татарскій Эдигей потерялъ столько людей въ битвѣ, что испугался собственной побѣды. Князь Витольдъ—изворотливый и навѣрно позаботился о безопасности городовъ, а кромѣ того, если на этотъ разъ литовцевъ и постигла неудача, то все-таки для нихъ не новость побѣждать татаръ.

— Не съ татарами воевать намъ, а съ нѣмцами, не на жизнь, а на смерть,—сказалъ Жиндрамъ изъ Машковицъ,—и если мы не сотремъ ихъ, то намъ отъ нихъ погибель придетъ.

Потомъ онъ обратился къ Збышко:

— А прежде всего погибнетъ Мазовія. Ты тамъ всегда работу найдешь, не бойся.

— Эхъ! еслибы дядя былъ здоровъ, я-бы сейчасъ-же отправился.

— Да поможетъ тебѣ Богъ,—сказалъ Повала, подымая чарку.

— За Данусино и твое здоровье.

— И за погибель нѣмцевъ!—прибавилъ Жиндрамъ изъ Машковицъ.

И они стали благословлять его. А тѣмъ временемъ вошелъ придворный княгини съ соколомъ въ рукѣ, и поклонившись всѣмъ рыцарямъ, съ какой-то странной улыбкой обратился къ Збышко:

— Княгиня, господинъ, велѣла вамъ сказать, что она переночуетъ еще въ Краковѣ, а въ путь двинется завтра утромъ.

— Это и хорошо,—сказалъ Збышко,—но отчего? не заболѣлъ-ли кто-нибудь?

— Нѣтъ, только у княгини гость изъ Мазовіи.

— Не самъ-ли князь пріѣхалъ?

— Не князь, а Юрандъ изъ Спыхова,—отвѣчалъ дворянинъ.

Услыхавъ это, Збышко страшно смутился и у него такъ-же забилось сердце, какъ тогда, когда ему читали смертный приговоръ.

II.

Княгиня Анна Данура не слишкомъ была изумлена пріѣздомъ Юранда изъ Спыхова, такъ-какъ случалось довольно часто, что среди преслѣдованій, нападеній и стычекъ съ сосѣдними и нѣмецкими рыцарями, его вдругъ охватывала тоска по Данусѣ. Тогда онъ неожиданно появлялся въ Варшавѣ, въ Цѣхановѣ, гдѣ-бы ни находился въ это время дворъ князя Януша. При видѣ ребенка его всякій разъ охватывала страшная грусть: съ теченіемъ лѣтъ Дануся стано-

вилась до такой степени похожей на мать, что ему каждый разъ казалось, что онъ видитъ покойницу такой, какой онъ нѣкогда узналъ ее у княгини Анны въ Варшавѣ. Люди не разъ думали, что отъ этой печали разорвется его желѣзное сердце, которое онъ отдалъ одной мести. Княгиня часто уговаривала его, чтобы онъ бросилъ свой кровавый Спыховъ и остался при дворѣ и при Данусѣ. Самъ князь, цѣня его мужество и его значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая избѣжать непріятностей, которыя обыкновенно навлекали на него столкновенія на границахъ, предлагалъ ему мѣсто меченосца. Но всегда напрасно. Видъ Дануси растравлялъ ему его старыя раны. Черезъ нѣсколько дней онъ утрачивалъ охоту къ ѣдѣ, терялъ сонъ, переставалъ говорить. Сердце его сжималось и обливалось кровью, и наконецъ, онъ исчезалъ и возвращался къ своимъ спыховскимъ болотамъ, чтобы въ крови затопить свой гнѣвъ и свое горе. Тогда люди говорили: «горе нѣмцамъ! Не овцы они, а для Юранда овцы, потому что онъ для нихъ волкъ лютый».

И дѣйствительно, по прошествіи извѣстнаго времени, распространялся слухъ то о захваченныхъ рыцаряхъ, которые пограничной дорогой пробирались къ крестоносцамъ, то о сожженныхъ замкахъ, то о захваченныхъ крестьянахъ или битвахъ на смерть, изъ которыхъ страшный Юрандъ всегда выходилъ побѣдителемъ. При хищныхъ наклонностяхъ мазуровъ и нѣмецкихъ рыцарей, которые отъ имени ордена владѣли землями и замками, прилегающими къ Мазовіи, даже во время наибольшаго мира между князьями мазовецкими и орденомъ,—на границѣ никогда не прекращалась боевая суматоха. Даже на рубку лѣса и на жатву жители выходили не иначе, какъ съ луками или вооруженные пиками. Народъ жилъ ожесточенный, неувѣренный въ завтрашнемъ днѣ, постоянно готовый къ бою. Никто не довольствовался одной защитой, но за грабежъ платилъ грабежомъ, за поджогъ—поджогомъ, за нападеніе—нападеніемъ. И случалось, что тогда, когда нѣмцы прокрадывались тихонько лѣсными опушками, чтобы сдѣлать набѣгъ на какой-нибудь замокъ, захватить въ плѣнъ крестьянъ или стада, мазуры одновременно дѣлали то-же самое по отношенію къ нѣмцамъ. Часто они неожиданно встрѣчались и дрались до смерти, или-же вожди вызывали другъ-друга на смертельный поединокъ, послѣ котораго побѣдитель захватывалъ свиту побѣжденнаго противника. Вотъ почему, когда ко двору варшавскому приходили жалобы на Юранда, князь отвѣчалъ жалобами на нападенія, сдѣланныя нѣмецкими рыцарями въ другихъ мѣстахъ; обѣ стороны ожидали суда, и ни одна изъ нихъ не могла и не хотѣла его сдѣлать. Такимъ образомъ всѣ грабежи, поджоги, нападенія оставались совершенно безнаказанными.

Но Юрандъ, сидя въ своемъ болотистомъ Спыховѣ, поросшемъ тростникомъ, и пламенѣя неугасимой жаждой мести, сдѣлался такимъ

невыносимымъ для своихъ заграничныхъ сосѣдей, что въ концѣ концовъ страхъ ихъ сдѣлался сильнѣе ихъ задора. Поля, граничащія со Спыховымъ, стояли необработанныя, лѣса заростали дикимъ хмелемъ и кустарникомъ, луга—плевелами. Не одинъ нѣмецкій рыцарь, привыкши на своей родинѣ къ кулачному праву, пробовалъ поселиться въ сосѣдствѣ Спыхова, но каждый изъ нихъ черезъ нѣкоторое время предпочиталъ покинуть ленъ, стада и крестьянъ, лишь-бы только не жить рядомъ съ неумолимымъ мужемъ. Часто также рыцари уговаривались сдѣлать соединенные набѣги на Спыхово, но каждый изъ нихъ кончался пораженіемъ. Пробовали различные способы. Однажды подговорили извѣстнаго своей силой и жестокостью рыцаря, который во всѣхъ поединкахъ бывалъ побѣдителемъ, чтобы онъ вызвалъ Юранда. Но когда они выступили на арену, у нѣмца при видѣ страшнаго мазура сердце упало, какъ отъ колдовства, и онъ повернулъ коня, чтобы бѣжать, но Юрандъ копьемъ пронзилъ ему невооруженный тылъ и такимъ образомъ лишилъ его чести и дневного свѣта. Съ той поры страхъ еще больше охватилъ сосѣдей, и если какой нибудь нѣмецъ издалека замѣчалъ дымъ спыховскихъ трубъ, онъ сейчасъ-же крестился и начиналъ молиться своему патрону, такъ какъ укоренилась вѣра, что Юрандъ продалъ свою душу нечистымъ силамъ ради мести.

Разсказывали страшныя вещи о Спыховѣ: говорили, что черезъ топь, среди дремучихъ, поросшихъ водяной чечевицей и водянымъ поростомъ болотъ, ведетъ къ нему такая узкая дорога, что по ней рядомъ не могутъ ѣхать двое людей, что по обѣ стороны ея валяются кости нѣмецкія, а ночью бродятъ на пауковыхъ ногахъ головы потопленныхъ, что онѣ стонутъ, воютъ и втаскиваютъ людей вмѣстѣ съ лошадьми въ пучину. Передавали, что въ самомъ замкѣ частоколъ былъ украшенъ человѣческими черепами. Правдою во всемъ этомъ было то, что въ ямахъ, выкопанныхъ подъ усадьбой въ Спыховѣ, всегда стонало нѣсколько человѣкъ или нѣсколько десятковъ человѣкъ плѣнныхъ, и что имя Юранда было страшнѣе всѣхъ этихъ вымысловъ о скелетахъ и утопленникахъ.

Збышко, узнавъ о прибытіи Юранда, сейчасъ-же поспѣшилъ къ нему, но шелъ съ тревогой въ сердцѣ, какъ къ отцу Дануси. То, что онъ выбралъ себѣ Данусю дамой своего сердца и что поклялся ей въ вѣрности, этого никто не могъ запретить ему, но княгиня устроила его обрученіе съ Данусей. Что на это скажетъ Юрандъ? Согласится или не согласится? И что будетъ, если онъ какъ отецъ крикнетъ, что никогда этого не будетъ? Этотъ вопросъ подымалъ тревогу въ душѣ Збышко, такъ какъ для него Дануся была дороже всего въ свѣтѣ. Придавала ему мужество только мысль о томъ, что Юрандъ сочтетъ заслугой, а не поставитъ ему въ вину его нападеніе на Лихтенштейна:

онъ вѣдь сдѣлалъ это изъ мести за Данусину мать—и едва не поплатился за это жизнью.

А тѣмъ временемъ онъ сталъ разспрашивать придворнаго, который пришелъ за нимъ къ Амылею.

— Куда вы ведете меня?—спрашивалъ—въ замокъ?

— Въ замокъ. Юрандъ остановился вмѣстѣ съ дворомъ княгини.

— Разскажите мнѣ, что это за человѣкъ, чтобы я зналъ, какъ съ нимъ разговарить...

— Что я вамъ скажу! Это человѣкъ совершенно непохожій на другихъ людей. Говорятъ, что онъ прежде былъ веселъ, до тѣхъ поръ, пока у него кровь въ печенкахъ не запеклась.

— А уменъ онъ?

— Хитеръ, потому что онъ другихъ обдираетъ, а самъ не поддается. У него только одинъ глазъ, другой ему нѣмцы изъ лука подстрѣлили, но и однимъ онъ человѣка до самого дна видитъ. Никто съ нимъ не поставитъ на своемъ... Только княгиню, нашу госпожу, онъ любитъ, потому что ея придворную взялъ онъ себѣ въ жены, а теперь его дочь у насъ воспитывается.

Збышко вздохнулъ свободнѣе.

— Такъ вы говорите, что онъ не воспротивится волѣ княгини?

— Я знаю, что хотѣлось бы вамъ узнать, и что слышалъ, разскажу вамъ. Говорила ему княгиня о вашемъ обрученіи,—нехорошо было-бы скрывать это; но, что онъ ей отвѣтилъ на это—неизвѣстно.

Такъ бесѣдуя, дошли они до воротъ. Капитанъ королевскихъ стрѣльцовъ. тотъ самый, который недавно сопровождалъ Збышко на плаху, теперь дружески кивнулъ ему головой; минуя стражу, они очутились на дворѣ, а потомъ вошли направо во флигель, который занимала княгиня.

Придворный, встрѣтивъ какого-то мальчика, спросилъ:

— А гдѣ Юрандъ изъ Спыхова?

— Въ кривой комнатѣ, съ дочкой.

— Это тамъ,—сказалъ придворный, указывая на дверь.

Збышко перекрестился, поднялъ занавѣси въ открытыхъ дверяхъ и вошелъ съ бьющимся сердцемъ. Но онъ не сразу увидѣлъ Юранда съ Данусей, такъ какъ комната была не только «кривая», но и темная. Только по прошествіи нѣкотораго времени разглядѣлъ онъ свѣтлую головку дѣвочки, сидѣвшей на колѣняхъ отца. Они тоже не слышали, когда онъ вошелъ. Онъ остановился у двери, и, наконецъ, проговорилъ:

— Слава Отцу и Сыну...

— Во вѣки вѣковъ... отвѣчалъ Юрандъ, вставая.

Въ ту-же минуту Дануся подскочила къ молодому рыцарю и, схвативъ его за руку, стала кричать:

— Збышко! Отецъ пріѣхалъ!

Збышко поцѣловалъ ей руку, потомъ всталъ и сказалъ:

— Я пришелъ поклониться вамъ: вы знаете, кто я?

И онъ склонился слегка и сдѣлалъ движеніе, какъ будто желая встать на колѣни. Но Юрандъ схватилъ его за руку, повернулъ къ свѣту и сталъ молча вглядываться въ него.

Збышко ужъ, было, нѣсколько успокоился и поднявши глаза на Юранда увидѣлъ передъ собой человѣка огромнаго, бѣлокураго, съ такими же усами, съ рябымъ лицомъ и однимъ глазомъ стальнаго цвѣта. Ему казалось, что этотъ глазъ хочетъ просверлить его насквозь. Смущеніе снова стало овладѣвать имъ, и наконецъ, не зная, что говорить, но желая во что-бы то ни стало сказать что нибудь, чтобы прервать неловкое молчаніе, онъ спросилъ:

— Такъ вы Юрандъ изъ Спыхова, Данусинъ отецъ?

Но этотъ послѣдній указалъ ему только на дубовую скамью, на которой онъ самъ сидѣлъ, и не отвѣтивъ ни слова, продолжалъ вглядываться въ него.

Наконецъ, Збышко потерялъ терпѣніе.

— Знаете,—сказалъ онъ,—не годится мнѣ такъ сидѣть, какъ-бы на судѣ.

Тутъ только заговорилъ Юрандъ:

— Ты хотѣлъ напасть на Лихтенштейна?

— Ну да!—отвѣчалъ Збышко.

Въ единственномъ глазу рыцаря изъ Спыхова сверкнулъ какой-то странный огонекъ, и его грозное лицо нѣсколько прояснилось. Онъ взглянулъ на Данусю и снова спросилъ:

— И это ради нея?

— А ради кого-же? Дядя, должно быть, разсказывалъ вамъ, какъ я поклялся ей собрать павлиньи перья съ нѣмецкихъ шлемовъ. Но трехъ мало: надо по крайней мѣрѣ столько, сколько пальцевъ на рукахъ. Этимъ самымъ я помогу вамъ отомстить, потому что вѣдь это Данусина мать.

— Горе имъ!—отвѣчалъ Юрандъ.

И снова наступило молчаніе. Збышко, однако, сообразивъ, что высказывая свою нелюбовь къ нѣмцамъ, онъ угождаетъ Юранду, сказалъ:

— Я не прощу имъ и за себя. Изъ за нихъ мнѣ чуть не отрубили головы.

Тутъ онъобратился къ Данусѣ и прибавилъ:

— Она спасла меня!

— Я знаю,—сказалъ Юрандъ.

— А вы не сердитесь на это?

— Если ты поклялся ей въ вѣрности, такъ служи ей—потому что таковъ рыцарскій обычай.

Збышко сталъ нѣсколько колебаться и черезъ минуту заговорилъ съ очевиднымъ безпокойствомъ:

— Потому что, подумайте... Она полотенцемъ покрыла мнѣ голову... Всѣ рыцари слышали, и францисканецъ, который былъ при мнѣ съ крестомъ, слышалъ, какъ она сказала: «ты мой!» И вѣрно, я ничьимъ не буду до самой смерти, если мнѣ поможетъ Богъ!

Сказавъ это, онъ снова преклонилъ колѣно и желая показать, что знаетъ рыцарскіе обычаи, почтительно поцѣловалъ обѣ туфельки Дануси, сидѣвшей на ручкѣ скамьи, потомъ всталъ и, обратившись къ Юранду, спросилъ:

— Скажите, есть-ли на свѣтѣ другая такая, а?..

Юрандъ схватился вдругъ за голову своими страшными руками убійцы и, закрывъ глаза, глухо проговорилъ:

— Была, но нѣмцы убили ее.

— Такъ слушайте,—съ жаромъ заговорилъ Збышко:—одна у насъ обида и одно мщеніе. Цѣлую кучу и нашихъ изъ Богданца это песье отродье убило изъ луковъ, пользуясь тѣмъ, что кони ихъ увязли въ болотѣ... Ужъ не найти вамъ никого болѣе меня подходящаго для вашей работы... Для меня это не новость! Спросите дядю. Копьями или топорами, длинными или короткими мечами—мнѣ все равно! А разсказывалъ вамъ дядя о Фризахъ?.. Нарѣжу я вамъ нѣмцевъ, какъ барановъ, а что касается дѣвушки, то я на колѣняхъ клянусь вамъ, что буду драться за нее съ самимъ владыкой преисподней и не уступлю ее ни за землю, ни за стадо, ни за какіе доспѣхи. Если мнѣ за нее предложатъ замокъ со стеклянными окнами, такъ я и замокъ брошу, а пойду за ней на край свѣта.

Юрандъ долго сидѣлъ, опустивъ голову на руки, но наконецъ очнулся какъ-бы отъ сна и съ грустью сказалъ:

— Нравишься ты мнѣ, молодецъ, но я не дамъ тебѣ ее, потому что—не про тебя она писана, бѣдняжка!

Збышко, услыхавъ это, какъ-бы онѣмѣлъ и сталъ глядѣть на Юранда широко раскрытыми глазами, не въ силахъ промолвить ни слова.

Но Дануся пришла ему на помощь. Очень ужъ любъ былъ ей Збышко и любо ей было считаться «взрослой дѣвицей». Понравились ей также обрученія и лакомства, которыя ей рыцарь ежедневно носилъ, и потому теперь, когда она поняла, что у нея все это хотятъ отнять, она соскочила съ поручень скамьи и, спрятавъ голову на колѣняхъ отца, стала кричать:

— Тата, тата! Я буду плакать!

Онъ, очевидно, любилъ ее болѣе всего на свѣтѣ и ласково положилъ руку на ея головку. Въ лицѣ его не было ни лютости, ни гнѣва, а только одна печаль.

А тѣмъ временемъ Збышко собрался съ мыслями и сказалъ:

— Какъ-же? Вы хотите воспротивиться Божьей волѣ?

— Если на то будетъ воля Божія,—отвѣчалъ Юрандъ,—такъ ты получишь ее, но только по своей волѣ я не могу отдать тебѣ ее. Эхъ! радъ бы я былъ дать согласіе, но нельзя...

Сказавъ это, онъ поднялъ Данусю и, взявъ ее на руки, пошелъ къ дверямъ, а когда Збышко хотѣлъ заступить ему дорогу, онъ еще разъ остановился на мгновеніе и сказалъ:

— Я не буду на тебя сердиться за рыцарское служеніе, но не спрашивай меня больше, я ничего не могу сказать тебѣ...

И онъ вышелъ.

III.

На слѣдующій день Юрандъ не избѣгалъ Збышко и не воспрещалъ ему оказывать Данусѣ услуги, которыя онъ, какъ рыцарь, долженъ былъ оказывать ей. Напротивъ того, Збышко, хотя и пораженный въ самое сердце, успѣлъ замѣтить, что мрачный рыцарь изъ Спыхова ничего не имѣетъ противъ него, ему даже какъ будто тяжело было то, что онъ принужденъ былъ дать Збышко такой жестокій отвѣтъ. Молодой человѣкъ пробовалъ нѣсколько разъ приблизиться къ нему и начать съ нимъ бесѣду. Послѣ выхода изъ Кракова, во время пути, легко было найти случай для этого, такъ какъ оба они сопровождали княгиню верхомъ. Юрандъ, обыкновенно молчаливый, теперь разговаривалъ довольно охотно, но какъ только Збышко пытался развѣдать что-нибудь о таинственныхъ препятствіяхъ, стоящихъ между нимъ и Данусей, бесѣда внезапно прекращалась, лицо Юранда дѣлалось хмурымъ, а онъ самъ начиналъ съ безпокойствомъ посматривать на Збышко, какъ бы въ страхѣ, чтобы въ чемъ-нибудь не проговориться. Збышко думалъ, что княгиня знаетъ больше его, а потому, улучивъ удобную минуту, онъ попробовалъ и у нея узнать что-нибудь, но и она не много могла ему сообщить:

— Есть какая-то тайна,—сказала она.—Сказалъ мнѣ объ этомъ самъ Юрандъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобы я не разспрашивала его, потому что онъ не только не хочетъ разсказать ее, но и не можетъ этого сдѣлать. Онъ навѣрно связанъ клятвой, какъ это часто бываетъ между людьми. Дастъ Богъ, все это выйдетъ наружу.

— Безъ Дануси мнѣ на свѣтѣ было бы все равно, что собакѣ на цѣпи, или медвѣдю въ ямѣ, — отвѣчалъ Збышко. — Ни радости, ни утѣхи. Ничего, кромѣ горя и вздоховъ. Пошелъ бы я ужъ въ Тавань съ княземъ Витольдомъ, пусть бы меня тамъ татары убили. Но я сначала долженъ дядю отвести, а потомъ эти павлиньи перья у нѣм-

цевъ съ шлемовъ содрать, какъ я поклялся. Можетъ быть, они меня и убьютъ, лучше это, чѣмъ видѣть, какъ Данусю другой возьметъ.

Княгиня подняла на него свои добрые, голубые глаза, и съ удивленіемъ спросила:

— А ты-бы допустилъ это?

— Я? пока я дышу этого не будетъ. Развѣ если мои руки отсохнутъ и не смогутъ топора держать.

— Ну, вотъ видишь!

— Да! но какъ же мнѣ взять ее противъ воли отца?

На это княгиня отвѣтила, какъ-бы про себя:

— Всемогущій Боже! какъ будто и этого не бываетъ?—И обратившись къ Збышко, сказала:

— Развѣ воля Божія не сильнѣе воли отца? А Юрандъ сказалъ: «Если, — говоритъ — будетъ на то воля Божія, такъ и возьметъ ее!».

— Онъ тоже самое сказалъ и мнѣ!—воскликнулъ Збышко:—«Если, говоритъ, будетъ на то воля Божья, такъ ты возьмешь ее!»

— Вотъ видишь!

— Эти слова, всемилостивѣйшая государыня, да еще вашей милости, единственное утѣшеніе мое.

— Мои милости всегда при тебѣ будутъ, а Дануся дождется тебя. Еще вчера я говорю ей: «Дануся, а дождешься-ли ты Збышко?» А она отвѣчаетъ: «Буду женой Збышко, или ничьей»! Это еще зеленая ягодка, но если она что скажетъ, то такъ и будетъ, потому что она дворянское дитя, а не какого-нибудь проходимца. И мать ея была такая же.

— Далъ-бы Богъ!

— Только, смотри, и ты дожидайся,—потому что мужчины часто бываютъ невѣрны! Обѣщаютъ вѣрно любить, а потомъ сейчасъ же бѣгутъ къ другой, такъ что его и на веревкѣ не удержишь. Я вѣрно говорю! Бываетъ такъ, что молодецъ ржетъ передъ каждой дѣвушкой, какъ кормовой конь!

— Да накажи меня Богъ!—съ жаромъ воскликнулъ Збышко.

— Ну, такъ помни-же! А когда дядю отвезешь, такъ пріѣзжай на нашъ дворъ. Можетъ быть, будетъ тебѣ возможность получить шпоры, а потомъ посмотримъ, что Богъ дастъ! Дануся за это время дозрѣетъ и сознаетъ волю Божью, потому что хоть теперь она и дѣйствительно любитъ тебя, нечего говорить,—но не такъ еще, какъ любятъ взрослыя дѣвушки. Можетъ быть, и Юрандъ душой склонится къ тебѣ, потому что, сколько я понимаю,—онъ бы и самъ радъ. Поѣдешь и въ Спыхово, и вмѣстѣ съ Юрандомъ на нѣмцевъ; можетъ случиться, когда ты послужишь ему, онъ совсѣмъ полюбитъ тебя.

— Я, милостивая княгиня, такъ-же думалъ поступить, но съ вашимъ разрѣшеніемъ мнѣ будетъ еще легче.

Эта бесѣда придала Збышко много бодрости. А тѣмъ временемъ на первой же стоянкѣ старый Мацько такъ заболѣлъ, что пришлось остаться и ждать, пока къ нему не возвратится хоть немного силы для дальнѣйшаго путешествія. Добрая княгиня Анна Данута оставила ему всѣ лѣкарства и мази, какія она при себѣ имѣла, но сама она должна была ѣхать дальше, такъ что обоимъ владѣльцамъ Богданца пришлось разстаться съ дворомъ мазовецкимъ. Упалъ Збышко въ ноги сначала княгинѣ, потомъ Данусѣ, поклялся ей еще разъ въ вѣрности рыцарской, обѣщалъ скоро пріѣхать въ Цѣханово или въ Варшаву и наконецъ, схватилъ ее въ свои сильныя объятія и, поднявъ вверхъ, сталъ повторять взволнованнымъ голосомъ:

— Не забывай меня, цвѣточекъ ты мой дорогой, не забывай, рыбка моя золотая!

А Дануся, обнявъ его руками, такъ, какъ младшая сестра обнимаетъ старшаго брата, прижала свой вздернутый носикъ къ его щекѣ и плакала крупными какъ горошины слезами, повторяя:

— Я не хочу въ Цѣханово безъ Збышко, не хочу въ Цѣханово!

Видѣлъ это Юрандъ, и не только не разразился гнѣвомъ, но даже очень охотно благословилъ молодого человѣка, а когда сидѣлъ ужъ на лошади, еще разъ обратился къ нему и сказалъ:

— Оставайся съ Богомъ и не сердись на меня!

— Какъ-же мнѣ сердиться на васъ, если вы отецъ Данусинъ!— искренно отвѣтилъ Збышко.

И онъ нагнулся къ его стремени, а Юрандъ крѣпко сжалъ ему руку и сказалъ:

— Пошли тебѣ Богъ счастья во всемъ!.. Понимаешь?..

Онъ отъѣхалъ. Но Збышко понялъ, сколько дружбы звучало въ его послѣднихъ словахъ и, возвратившись къ повозкѣ, на которой лежалъ Мацько, сказалъ:

— Знаете, онъ тоже хотѣлъ-бы, но ему что-то мѣшаетъ. Вы были въ Спыховѣ и умъ у васъ сообразительный, постарайтесь сообразить, въ чемъ дѣло?

Но Мацько былъ слишкомъ боленъ. Жаръ отъ раны увеличился къ вечеру до того, что онъ началъ терять сознаніе, а потому вмѣсто того, чтобы отвѣтить Збышко, онъ взглянулъ на него какъ бы съ изумленіемъ и потомъ спросилъ:

— А гдѣ это звонятъ?

Збышко испугался, потому что ему пришло въ голову, что если больной слышитъ колокола, то значитъ, смерть приближается къ нему. Онъ подумалъ также, что старикъ можетъ умереть безъ ксендза, безъ

исповѣди, и попадетъ, если не въ адъ, то, по крайней мѣрѣ, на долгія времена въ чистилище, — а потому онъ рѣшилъ везти его дальше, чтобы какъ можно скорѣе добраться до какого-нибудь костела, гдѣ бы Мацько могъ причаститься Св. Таинъ.

Они ѣхали всю ночь. Збышко сѣлъ въ повозку съ сѣномъ, на которой лежалъ больной, и просидѣлъ такъ до самаго свѣта. Отъ времени до времени онъ поилъ его виномъ, которымъ снабдилъ ихъ на дорогу купецъ Амылей и которое измученный Мацько жадно пилъ, потому что оно приносило ему очевидное облегченіе. Послѣ второй кружки къ нему возвратилось сознаніе, а послѣ третьей онъ заснулъ такъ крѣпко, что Збышко по временамъ наклонялся надъ нимъ, чтобы убѣдиться, живъ-ли онъ.

И при мысли о смерти дяди онъ испытывалъ глубокую печаль. До своего тюремнаго заключенія въ Краковѣ, онъ не сознавалъ, какъ сильно любитъ своего дядю, который былъ для него и отцомъ, и матерью. Но теперь онъ хорошо зналъ это, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что послѣ его смерти онъ будетъ совершенно одинокъ на свѣтѣ,— безъ родственниковъ, за исключеніемъ аббата, у котораго былъ въ залогѣ Богданецъ, безъ пріятелей и безъ поддержки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему приходило въ голову, что если Мацько умретъ, то по милости нѣмцевъ, изъ за которыхъ и самъ онъ чуть не сложилъ головы, по милости которыхъ погибли всѣ его предки и Данусина мать, и много, много неповинныхъ людей, которыхъ онъ зналъ, или о которыхъ онъ слышалъ отъ знакомыхъ—и имъ стало овладѣвать изумленіе. «Есть-ли — говорилъ онъ себѣ,—во всемъ королевствѣ хоть одинъ человѣкъ, который не потерпѣлъ бы изъ-за нихъ и не жаждалъ бы мести?» Онъ вспомнилъ нѣмцевъ, съ которыми воевалъ подъ Вильно, и подумалъ, что навѣрно и татары воюютъ не болѣе жестоко чѣмъ они, и что другого такого народа и на свѣтѣ нѣтъ.

Разсвѣтъ прервалъ его размышленія. День вставалъ ясный, но холодный. Мацько очевидно чувствовалъ себя лучше, потому что дышалъ ровнѣе и спокойнѣе. Онъ проснулся только тогда, когда солнце пригрѣло его, открылъ глаза и сказалъ:

— Мнѣ легче. Гдѣ мы?

— Мы подъѣзжаемъ къ Олькушу. Знаете?.. гдѣ серебро копаютъ и все добытое въ казну отдаютъ.

— Ахъ! если бы у насъ было столько, сколько въ землѣ есть! Вотъ бы можно Богданецъ отстроить.

— Я вижу, что вамъ лучше—отвѣчалъ Збышко, смѣясь. — Эхъ! хватило бы и на каменный замокъ! Но заѣдемъ въ приходъ, тамъ намъ и ночлегъ дадутъ и вамъ можно будетъ исповѣдаться. Все въ рукахъ Божіихъ, но всетаки лучше быть осмотрительнымъ—для порядка.

— Я человѣкъ грѣшный и радъ буду покаяться, — отвѣчалъ Мацько. — Мнѣ снилось сегодня, что черти у меня башмаки съ ногъ тащатъ... И говорили они между собой по нѣмецки... Слава Богу, что мнѣ легче стало. А ты спалъ?

— Какъ-же я могъ спать, если я съ вами сидѣлъ?

— Такъ прилягъ немного. Когда мы доѣдемъ, я разбужу тебя.

— Мнѣ не до сна!

— А что тебѣ мѣшаетъ?

Збышко взглянулъ на дядю какимъ-то чисто дѣтскимъ взглядомъ.

— А что-жъ другое, какъ не любовь? У меня даже отъ вздоховъ въ груди колики сдѣлались. Присяду-ка я немного на коня, тогда мнѣ легче будетъ.

Онъ слѣзъ съ повозки, и сѣлъ на лошадь, которую ему ловко подалъ турокъ, подаренный Завишей. А тѣмъ временемъ Мацько хотя и схватывался за бокъ отъ боли, но очевидно думалъ о чемъ-то другомъ, а не о собственной болѣзни, потому что качалъ головой, чмокалъ губами и наконецъ проговорилъ:

— Дивлюсь я, дивлюсь и не могу вдоволь надивиться, отчего ты въ этой любви такой горячій: ни родители твои, ни я не были такими.

Но Збышко вмѣсто отвѣта выпрямился вдругъ въ своемъ контушѣ, подбоченился, поднялъ голову и запѣлъ полной грудью:

Płakałem—ci bez noc, płakałem i zrana
Gdzieś mi się podziala, dziewucho kochana!
Nic mi nie pomoże, choć oczy wypłaczę,
Bo ciebie, dziewczyno, nigdy nie zobaczę,
Hej!.. [1]).

И это «hej!» загремѣло по лѣсу, ударилось о придорожные пни, наконецъ, отозвалось далекимъ эхомъ и смолкло въ чащѣ. А Мацько пощупалъ снова бокъ, въ которомъ засѣло нѣмецкое копье, и сказалъ, слегка застонавъ:

— Прежде люди были умнѣе — понимаешь?

И онъ задумался, какъ-бы вспоминая что-то давно минувшее, а потомъ прибавилъ:

— Впрочемъ, и прежде попадались дураки.

Тѣмъ временемъ они выѣхали изъ лѣсу, за которымъ увидѣли сараи, а дальше зубчатыя стѣны Олькуша, выстроенные королемъ Казиміромъ, и колокольню костела, выстроеннаго Владиславомъ Локеткомъ.

---

[1]) Плакалъ я цѣлую ночь, плакалъ и утро.
Гдѣ-же ты дѣлась, возлюбленная дѣвушка,
Ничто мнѣ не поможетъ, хоть я выплачу глаза.
Потому что тебя, дѣвушка, нигдѣ не увижу!
Эхъ!

IV.

Каноникъ костела исповѣдалъ Мацько и оставилъ гостей переночевать, такъ что они выѣхали только на другой день утромъ. За Олькушемъ они повернули къ Силезіи, по границѣ которой должны были ѣхать до самой Великой Польши. Дорога шла большей частью вдоль густого лѣса, въ которомъ передъ заходомъ солнца не рѣдко слышалось рычанье зубровъ, подобное подземному грому, а ночью въ чащѣ лещины то и дѣло блестѣли волчьи глаза. Однако, гораздо большую опасность для путешественниковъ и купцовъ представляли нѣмецкіе или онѣмеченные рыцари Силезіи, небольшіе замки которыхъ возвышались тамъ и сямъ на границѣ ея. Правда, во время войны съ Опольчикомъ Надерспавомъ, которому противъ короля Владислава помогали сыны Силезіи, большая часть этихъ замковъ была разрушена польскими руками, однако, надо было всегда быть на сторожѣ, и, въ особенности послѣ захода солнца, не выпускать оружія изъ рукъ.

Но Збышко и Мацько ѣхали спокойно, такъ что Збышку начинала уже надоѣдать дорога и только за день ѣзды отъ Богданца они ночью услышали за собой фырканье и топотъ лошадей.

— Какіе-то люди ѣдутъ за нами—сказалъ Збышко.

Мацько, который не спалъ, взглянулъ на звѣзды и какъ человѣкъ опытный отвѣчалъ:

— День недалеко. Разбойники не стали-бы нападать въ исходѣ ночи, потому что передъ разсвѣтомъ имъ надо ѣхать домой.

Однако, Збышко пріостановилъ повозку, уставилъ людей поперекъ дороги, лицомъ къ подъѣзжающимъ, а самъ выдвинулся впередъ и ждалъ.

И вотъ по прошествіи нѣкотораго времени онъ разглядѣлъ во мракѣ нѣсколько десятковъ верховыхъ. Одинъ изъ нихъ ѣхалъ впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другихъ, но, по всѣмъ признакамъ, не имѣлъ намѣренія скрываться, такъ какъ громко пѣлъ. Збышко не могъ разслышать словъ, но до слуха его достигало веселое «гопъ! гопъ! гопъ!», которымъ незнакомецъ кончалъ каждый куплетъ пѣсни.

— Это наши! сказалъ онъ себѣ.

Но черезъ минуту закричалъ:

— Стой!

— А ты сиди себѣ!—отвѣчалъ шутливый голосъ.

— Кто вы такіе?

— А вы что за этакіе?

— Чего вы на насъ наѣзжаете?

— А зачѣмъ дорогу намъ загораживаешь?

— Отвѣчай, потому тетива натянута.

— А у насъ вытянута—стрѣляй!

— Отвѣчай-же по-людски, нето горе тебѣ!

На это Збышку отвѣчала веселая пѣснь:

— Jedna bieda, z drugą biedą
Na rozstaju w taniec idą...
Hoc! hoc! hoc!
Na cóż im się taniec przyda
Dobry taniec, chociaż bieda
Hoc! hoc! hoc! [1]).

Задумался Збышко, услыхавъ такой отвѣтъ, а тѣмъ временемъ пѣснь прекратилась, но тотъ-же голосъ спросилъ:

— А какъ себя чувствуетъ старый Мацько? Дышетъ еще?

Мацько приподнялся на возкѣ и сказалъ:

— Ей-Богу! это одинъ изъ нашихъ?

Збышко проѣхалъ впередъ:

— Кто спрашиваетъ о Мацько?

— А сосѣдъ, Зыхъ изъ Згоржелицъ. Ужъ около недѣли ѣду я за вами и разспрашиваю по дорогѣ народъ.

— Дядя! Зыхъ изъ Згоржелицъ тутъ!—закричалъ Збышко.

И они стали радостно здороваться, такъ какъ Зыхъ былъ ихъ сосѣдомъ и, кромѣ того, человѣкомъ добрымъ и всеобщимъ любимцемъ за веселый нравъ.

— Ну! какъ вы себя чувствуете?—спрашивалъ онъ, пожимая руку Мацько.—«Гопъ»! еще—или ужъ не гопъ!

— Эхъ! Ужъ не гопъ!—отвѣчалъ Мацько.—Но какъ я радъ васъ видѣть. Господи! какъ-будто я уже въ Богданцѣ.

— Что съ вами, я слышалъ, что васъ нѣмцы подпортили?

— Подпортили, собаки! Копье осталось у меня въ ребрахъ...

— Богъ съ вами? А пробовали вы медвѣжьяго сала напиться?

— Вотъ видите!—отвѣчалъ Збышко,—всѣ совѣтуютъ медвѣжье сало. Скорѣе-бы въ Богданецъ! Сейчасъ-же пойду на ночь подъ улья съ топоромъ.

— Можетъ быть у Ягенки есть, а не то пошлю поискать!

— Какая Ягенка? прежде была Малгохна?—спросилъ Мацько.

---

[1]) Одна бѣда съ другой бѣдой
На распутьѣ въ пляску идутъ—
Гопъ! гопъ! гопъ!
На что имъ танецъ
Хорошій танецъ, хотя бѣда..
Гопъ! гопъ! гопъ!

— Оо! что Малгохна? На святого Михаила ужъ третья осень пойдетъ, что Малгохна на церковной землѣ лежитъ; задорная была баба,—миръ душѣ ея! Но Ягенка въ нее пошла, только молода...

Za dołami świeci górka
Jaka mać, taka i córka...
Hoc! hoc! [1])

Я говорилъ Малгохнѣ: не лѣзь на сосну, коли тебѣ пятьдесятъ лѣтъ. Не послушалась, полѣзла! А тутъ вѣтвь подломилась—и бухъ! Такъ, я вамъ скажу,—даже яму въ землѣ выдавила и черезъ три дня испустила послѣдній вздохъ.

— Царство ей небесное!—сказалъ Мацько.—Помню, помню... бывало возьметъ себя въ боки да начнетъ чудесить такъ, что парни въ сѣно прятались... Но по хозяйству она была ловкая! Такъ она слетѣла съ сосны?.. Вотъ дѣло какое!..

— Слетѣла, какъ шишка къ зимѣ... Ой, какое это было горе. Знаете, послѣ похоронъ я съ тоски такъ напился, что три дня не могли меня разбудить. Думали, что и мнѣ тоже конецъ пришелъ. А сколько я потомъ наплакался, такъ и ведромъ не вынести! Но по хозяйству и Ягенка ловка. Теперь все на ея попеченіи.

— Я ее еле-еле припоминаю. Когда я выѣзжалъ, она была не больше, чѣмъ топорище, и могла свободно пройти подъ лошадью, не задѣвъ головой за брюхо. Да! это ужъ давно было, а теперь она ужъ, поди, выросла.

— На святую Агнесу ей кончилось пятнадцать лѣтъ; но вотъ ужъ скоро годъ, что я тоже не видѣлъ ее.

— А что жъ вы дѣлали? Откуда возвращаетесь?

— Съ войны. Развѣ—когда у меня Ягенка есть—я обязанъ дома сидѣть?

Мацько, хотя и больной, при упоминаніи о войнѣ насторожилъ уши и спросилъ:

— Вы, можетъ быть, съ княземъ Витольдомъ подъ Ворсклой были?

— Былъ,—весело отвѣчалъ Зыхъ.—Но Господь Богъ не далъ ему счастья: мы потерпѣли страшное пораженіе отъ Эдигея. Прежде всего, у насъ поубивали лошадей. Татаринъ вѣдь не ударитъ напрямикъ, какъ христіанскій рыцарь, а пускаетъ стрѣлы издалека. Ты на него кинешься, а онъ отступитъ и снова пускаетъ стрѣлы. Дѣлай съ нимъ, что знаешь! Видите, въ нашемъ войскѣ рыцари хвастались безсовѣстно и такъ говорили: «Мы даже копей не склонимъ и не вынемъ,

---

[1]) За долами стоитъ горка,
Какова мать такова и дочка.
Гопъ! гопъ!

а просто копытами раздавимъ этихъ червей. Такъ-то они хвастались, а тутъ, какъ стали они стрѣлы пускать, такъ даже темно сдѣлалось, а послѣ битвы—едва одинъ изъ десяти въ живыхъ остался. Вѣрите-ли? Больше, чѣмъ половина войска, семьдесять литовскихъ и русскихъ князей осталось на полѣ, а что касается бояръ и различныхъ тамъ дворянъ, или, какъ они тамъ называютъ, отроковъ, такъ тѣхъ и въ двѣ недѣли не пересчитать.

— Слышалъ,—прервалъ Мацько.—И нашихъ рыцарей, прибывшихъ на подмогу, тоже много полегло.

— Да, даже и тѣ девять крестоносцевъ, которые должны были служить Витольду. А нашихъ тоже много. Вѣдь вы знаете, тамъ, гдѣ другой осмотрится, тамъ нашъ прямо идетъ. Великій князь полагался на нашихъ рыцарей и не захотѣлъ имѣть во время битвы другой стражи около себя, кромѣ поляковъ. Всѣ они пали вокругъ него, а ему ничего. Палъ Спышко изъ Мельштина и меченосецъ Бернатъ, и виночерпій Николай, и Прокопъ, и Переславъ, и Доброгостъ, и Ясько изъ Лазевицъ, и Пиликъ Мазуръ, иВаршъ изъ Михова, и Воевода Соха, Ясько изъ Домбровы, и Петро изъ Милослава, и Щепецкій, и Одерскій, и Томка Лагода. Да кто ихъ всѣхъ можетъ перечислить. А въ нѣкоторыхъ было столько стрѣлъ, что они походили на ежиковъ, смѣхъ разбиралъ глядя на нихъ!

Тутъ онъ дѣйствительно разсмѣялся, какъ будто разсказывая что-нибудь очень веселое, и вдругъ запѣлъ,

Oj poznałeś, co to Tatar
Kiedy dobrze skóry natarł [1]).

. . . .

— Ну, а потомъ что?—спросилъ Збышко.

— Потомъ великій князь бѣжалъ, но сразу храбрости набрался, по своему обыкновенію. Чѣмъ сильнѣе его пригнешь, тѣмъ лучше отскочитъ, какъ ивовый прутъ. Полетѣли мы тогда къ Тованскому броду, защищать переправу. Въ это время пришла горсть новыхъ рыцарей изъ Польши. Ну, и ничего! Хорошо! На другой день приблизился Эдигей съ тьмой татаръ, но ужъ ничего не получилъ. Эхъ! какъ было весело! Они хотятъ черезъ бродъ, а мы ихъ въ морду. Никакъ не могли перебраться. Мы ихъ еще и поубивали, и переловили не мало. Я самъ словилъ пять, и везу съ собой въ Згоржелицы. Днемъ увидите, какія у нихъ собачьи морды.

— Въ Краковѣ говорили, что война можетъ быть и до королевства дойдетъ.

---

[1]) Ой узналъ ты, каковъ татаринъ,
Когда онъ тебѣ хорошо шкуру надралъ.

— Эдигей не такъ глупъ! Онъ увидѣлъ, что у насъ за рыцарство, а кромѣ того, лучшіе-то рыцари дома остались, потому что королева была недовольна, что Витольдъ на свою отвѣтственность войну начинаетъ. Эхъ! и хитеръ онъ, этотъ старый Эдигей! Сразу понялъ. Пронюхалъ, что у князя прибавилось силы и пошелъ себѣ прочь за тридевять земель.

— А вы возвратились?

— Возвратился. Тамъ ужъ вѣдь нечего дѣлать. А въ Краковѣ я узналъ, что вы недавно передо мною выѣхали.

— Такъ потому-то вы и знали, что это мы?

— Зналъ, что это вы, потому что я повсюду на стоянкахъ справлялся.

Тутъ онъ обратился къ Збышко.

— Эхъ! Боже мой, я тебя въ послѣдній разъ видѣлъ маленькимъ, а теперь, хоть и темно, а я вижу, что ты парень, ровно туръ. Сейчасъ-же готовъ былъ стрѣлять изъ лука!.. Видно, что на войнѣ побывалъ.

— Я съ малолѣтства съ войной знакомъ. Пусть дядя скажетъ, есть-ли у меня недостатокъ въ опытѣ.

— Не нужно, чтобы дядя что-нибудь говорилъ мнѣ. Я видѣлъ въ Краковѣ рыцаря изъ Тачева, который мнѣ разсказывалъ о тебѣ... Но, кажется, этотъ Мазуръ не хочетъ отдать за тебя дѣвку, я я-бы на его мѣстѣ не упрямился-бы, потому что ты мнѣ нравишься. Забудешь ту, когда увидишь мою Ягенку. Дѣвка, что рѣпа!..

— И неправда! Не забуду, даже если-бы я увидалъ десять такихъ, какъ ваша Ягна.

— За ней я дамъ Мочидолы, а тамъ мельница. На лугахъ, когда я выѣзжалъ, было десять добрыхъ кобылъ съ жеребятами... Еще не одинъ мнѣ въ ноги поклонится за Ягну—не бойся!

Збышко хотѣлъ отвѣчать:

«Но только не я!» но Зыхъ сталъ скова напѣвать:

Ja wam się do kolan nagnę
A wy za to dajcie Jagnę
Bogdaj was! [1]).

— У васъ вѣчно пѣсни на умѣ!—замѣтилъ Мацько.

— Эхъ, а что-же праведныя души дѣлаютъ на небѣ?

— Поютъ.

— Ну, вотъ видите! А грѣшныя плачутъ. Я лучше пойду къ поющимъ, чѣмъ къ плачущимъ. Святой Петръ тоже скажетъ: «Надо

---

[1]) Я вамъ въ ноги поклонюсь,
А вы за то дайте мнѣ Ягну!

его пустить въ рай потому, что иначе бездѣльникъ и въ пеклѣ пѣть будетъ, а это не годится». Посмотрите—ужъ свѣтаетъ.

И дѣйствительно, день приближался. Черезъ минуту они выѣхали на широкую поляну, на которой было ужъ совсѣмъ свѣтло. На небольшомъ озерѣ, занимавшемъ большую часть поляны, какіе-то люди ловили рыбу, но при видѣ вооруженныхъ людей бросили неводъ и, выскочивъ изъ воды, схватились скорѣе за багры и колья и стали въ угрожающей позѣ, готовые къ битвѣ.

— Они приняли насъ за разбойниковъ,—сказалъ, улыбаясь, Зыхъ.—Эй! рыбаки! а чьи вы?

А тѣ еще нѣкоторое время стояли молча, недовѣрчиво поглядывая, но, наконецъ, старшій изъ нихъ, узнавъ рыцарей, отвѣчалъ:

— Мы принадлежимъ аббату изъ Тульчи.

— Нашему родственнику,—отвѣчалъ Мацько,—это тотъ, у котораго Богданецъ въ залогѣ. Это, должно быть, его лѣса. Онъ, кажется, недавно ихъ купилъ.

— Какое купилъ,—отвѣчалъ Зыхъ.—Онъ воевалъ за нее съ Волкомъ изъ Бржозовей и очевидно отвоевалъ. Еще годъ тому назадъ они должны были драться на копьяхъ и на длинныхъ мечахъ за всю эту землю, но я не знаю, чѣмъ это кончилось, потому что я выѣхалъ.

— Ну, мы свояки,—сказалъ Мацько, — съ нами онъ не будетъ драться и, можетъ быть, еще и за залогъ меньше возьметъ.

— Можетъ быть. Съ нимъ если по добру, такъ онъ еще и своего прибавитъ. Этотъ аббатъ настоящій рыцарь, которому не новость рыцарскій шлемъ на головѣ носить. И кромѣ того, онъ очень набожный и очень хорошо служитъ въ костелѣ. Вы, впрочемъ, должны помнить... Бывало, какъ крикнетъ онъ во время обѣдни, такъ даже ласточки изъ-подъ крыши изъ гнѣздъ вылетаютъ. Ну, и слава Божія растетъ.

— Какъ не помнить! Онъ за десять шаговъ свѣчи въ алтарѣ гасилъ своимъ дуновеніемъ. Заѣзжалъ онъ хоть разъ въ Богданецъ?

— А какъ-же. Заѣзжалъ. Пять новыхъ крестьянъ съ женами поселилъ на выкорчеванномъ мѣстѣ. И у насъ въ Згоржелицахъ также бывалъ, потому что, знаете, онъ у меня крестилъ Ягенку, которую онъ очень любитъ и называетъ дочуркой.

— Ахъ, еслибы далъ Богъ, чтобы онъ согласился оставить мнѣ крестьянъ,—сказалъ Мацько.

— О-о! что для такого богача пять крестьянъ! И, наконецъ, если Ягенка попроситъ его, такъ онъ оставитъ.

Тутъ бесѣда прекратилась на нѣкоторое время, такъ какъ изъ-за темнаго лѣса, да изъ-за румяной зари показалось яркое солнце и освѣтило окрестности. Рыцари привѣтствовали его обычнымъ «Хвала Господу нашему!» а потомъ, перекрестившись, начали читать «Отче нашъ».

Зыхъ первый окончилъ молитву и, ударивъ себя нѣсколько разъ въ грудь, обратился къ товарищамъ:

— Ну, теперь я хорошенько посмотрю на васъ. Эхъ! и измѣнились-же вы оба... Вы, Мацько, должны прежде всего выздоровѣть... Ягенка будетъ ухаживать за вами, потому что на вашемъ дворѣ вы бабы не увидите. Ну, видно, что у васъ тамъ въ ребрахъ осколокъ засѣлъ. Не очень-то это хорошо...

Тутъ онъ обратился къ Збышко.

— Покажись-ка и ты!.. О, всемогущій Боже! Я тебя помню маленькимъ, какъ ты по хвосту жеребенку на спину лазилъ, а теперь, что за рыцарь!.. По виду настоящій барченокъ; но парень плечистый. Такому хоть и съ медвѣдемъ связаться...

— Что ему медвѣдь!—сказалъ на это Мацько.—Онъ былъ моложе, когда его одинъ Фризъ назвалъ безусымъ, а такъ какъ это не слишкомъ понравилось ему, онъ ему сейчасъ-же рукой усы вырвалъ.

— Знаю,—прервалъ его Зыхъ.—И вы потомъ дрались и забрали ихъ свиту. Все мнѣ разсказалъ рыцарь изъ Тачева.

Wyszedł Niemiec z wielkim zyskiem
Pogrzebli go z gołym pyskiem.
Hoc! Hoc! [1]).

И онъ весело взглянулъ на Збышко и тотъ съ любопытствомъ окинулъ его тонкую, какъ тычинка, фигуру, худощавое лицо съ огромнымъ носомъ и круглые улыбающіеся глаза.

— О!—сказалъ Збышко,—съ такимъ сосѣдомъ лишь-бы Господь Богъ возвратилъ дядѣ здоровье, такъ и безпорядковъ не будетъ.

— Лучше имѣть веселаго сосѣда, потому что съ веселымъ не можетъ быть ссоры,—отвѣчалъ Зыхъ.—А теперь послушайте, что я вамъ скажу по доброму и по христіанскому. Вы давно дома не были и никакого порядка въ Богданцѣ не застанете. Я не говорю о хозяйствѣ, потому что аббатъ хорошо хозяйничалъ... кусокъ лѣса выкорчевалъ и крестьянъ поселилъ. Но онъ самъ только временами наѣзжалъ, а потому въ кладовой пустота, да и въ домѣ едва-ли скамья какая-нибудь найдется, или связка соломы для спанья, а больному нужны удобства. А потому знаете что? поѣзжайте со мной въ Згоржелицы. Вы погостите съ мѣсяцъ или два, мнѣ это будетъ пріятно, а въ это время Ягенка позаботится о Богданцѣ. Только положитесь на нее и не заботьтесь ни о чемъ. Збышко будетъ время отъ времени пріѣзжать присматривать за хозяйствомъ, а ксендза аббата я тоже позову вамъ въ Згоржелицы,

---

[1]) Вышелъ нѣмецъ разодѣтый,
А погребли его голымъ.

такъ вы тамъ съ нимъ и посчитаетесь. О васъ, Мацько, дѣвка будетъ такъ заботиться, какъ объ отцѣ, — а въ болѣзняхъ бабій присмотръ лучше другого. Ну! сдѣлайте такъ, какъ я васъ прошу.

— Извѣстное дѣло, что вы добрый человѣкъ и всегда такимъ были,— отвѣтилъ тронутый Манько,—но видите, если я долженъ умереть изъ-за этой проклятой занозы, которая у меня подъ ребрами сидитъ, такъ пусть это будетъ въ собственномъ углу. При томъ въ домѣ, хоть-бы человѣкъ и боленъ былъ, но все-таки онъ о многомъ разспроситъ, много примѣтитъ и многое сдѣлаетъ. Если Богъ велитъ идти на тотъ свѣтъ,— ну, такъ спасенья нѣтъ! При большемъ-ли уходѣ, или при меньшемъ, все равно не выкрутишься. Къ неудобствамъ мы на войнѣ привыкли. Хороша и вязанка соломы тому, кто въ продолженіи многихъ лѣтъ на голой землѣ спалъ. Но за ваше доброе сердце, я отъ всей души благодарю васъ, и если я самъ не отплачу вамъ за это, такъ дастъ Богъ Збышко отплатитъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Молитва.

Тѣни луны неподвижныя...
Небо серебряно-черное...
Тѣни, какъ смерть, неподвижныя...,
Живо ли сердце покорное?

Кто-то изъ мрака молчанія
Вызвалъ на землю холодную,
Вызвалъ отъ сна и молчанія
Душу мою несвободную.

Жизни мнѣ далъ униженіе,
Боль мнѣ послалъ непонятную...
Къ давшему мнѣ униженіе
Шлю я молитву невнятную.

Сжалься, о Боже, надъ слабостью
Сердца, Тобой сотвореннаго,
Надъ безконечною слабостью
Сердца, стыдомъ утомленнаго.

Я—это Ты, о Невѣдомый.
Ты—въ моемъ сердцѣ Обиженный,
Такъ подними-же, Невѣдомый,
Духъ Твой, Тобою униженный,

Прежнее дай мнѣ безмолвіе,
О, возврати меня вѣчности!
Дай погрузиться въ безмолвіе,
Дай отдохнуть въ безконечности.

З. Гиппіусъ.

Аграрный кризисъ на западѣ и у насъ.

(экономическія параллели).

Кому случалось слѣдить за колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ и движеніемъ хлѣбной торговли на всемірномъ рынкѣ, тотъ знаетъ, какъ легко и быстро приспособляется рынокъ къ условіямъ производства. По самой натурѣ своей сельско-хозяйственное производство не поддается предварительному учету. Но благодаря тому, что поставщиками являются страны съ чрезвычайно разнообразными климатическими условіями и разновременной жатвой, колебанія урожая въ отдѣльныхъ странахъ взаимно уравновѣшиваются. Снабженіе главнѣйшихъ рынковъ хлѣбомъ продолжается безпрерывно цѣлый годъ, нѣсколько замирая только передъ сборомъ новаго урожая въ странахъ съ осенней жатвой, какими являются главнѣйшіе хлѣбные поставщики на европейскомъ рынкѣ: Соединенные Штаты и экспортирующія страны Европы, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Россія. И каждая вывозящая страна оказываетъ на рынокъ вполнѣ опредѣленное давленіе. Такъ Соединенные Штаты съ особеннымъ искусствомъ утилизируютъ повышательныя тенденціи, направляя въ благопріятные моменты массы своего хлѣба на рынки. Повышательныя движенія обыкновенно и начинаются въ Америкѣ. Иную роль играютъ Россія и ея антиподъ Аргентина, являющіяся обыкновенно иниціаторами пониженія, благодаря обычному лихорадочному стремленію къ спѣшной и неразборчивой реализаціи своего урожая. Значительное, хотя менѣе постоянное и не столь опредѣленное вліяніе на хлѣбныя цѣны оказываютъ также Остъ-Индія и Австралія. Остальныя-же экспортирующія страны фигурируютъ, такъ сказать, en masse, рельефнѣе характеризуя статистическую обрисовку мірового урожая.

Что касается до странъ потребленія, то онѣ играютъ на рынкѣ лишь пассивную роль. Развитіе иностраннаго импорта поставило хлѣбныя цѣны

внѣ непосредственной зависимости не только отъ мѣстныхъ колебаній урожая, но и отъ условій сельско-хозяйственнаго производства въ странахъ потребленія вообще, и это обстоятельство произвело въ условіяхъ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ цѣлую революцію, съ которой прежде всего пришлось считаться именно потребляющимъ странамъ. Имъ пришлось вынести на своихъ плечахъ во всемъ его объемѣ неудержимое паденіе цѣнъ, вызванное усилившейся конкурренціей производящихъ странъ. Позднѣе паденіе цѣнъ достигло такой степени, что оно стало чувствоваться и въ цѣломъ рядѣ экспортирующихъ странъ. Но нигдѣ оно не могло оказать столь сильнаго давленія на сельско-хозяйственную дѣятельность и нигдѣ, поэтому, вызванный паденіемъ цѣнъ сельско-хозяйственный кризисъ не выражался въ столь яркой формѣ, какъ въ странахъ потребленія.

На первый взглядъ сельско-хозяйственный кризисъ представляетъ чрезвычайно простое явленіе. Появленіе на міровомъ рынкѣ совершенно новыхъ, только что завоеванныхъ европейскою культурою и богато одаренныхъ природой странъ, въ родѣ Аргентины и Австраліи, и усиленная сельско-хозяйственная дѣятельность такихъ земледѣльческихъ колоссовъ, какъ Соединенные Штаты или Россія, особенно развившаяся благодаря распространенію улучшенныхъ путей сообщенія и утилизаціи пара, не могли не создать совершенно своеобразныхъ условій сбыта. Дѣйствительно, въ аграрномъ кризисѣ нѣтъ ничего случайнаго, ничего судорожнаго. Онъ надвигался постепенно съ какою-то стихійной, непреодолимою силой. И тѣмъ не менѣе стоитъ только присмотрѣться къ дѣлу внимательнѣе, чтобы убѣдиться, что удешевленный транспортъ и вызванное имъ расширеніе рынка объясняютъ еще далеко не все. Будь дѣло въ одной только конкурренціи, то вѣдь на ряду съ пострадавшими странами мы нашли-бы, разумѣется, и такія, которыя только выиграли отъ расширенія рынка; въ противномъ случаѣ намъ пришлось-бы придти къ заключенію, что черезъ-чуръ обострившаяся конкурренція и привела къ *перепроизводству* хлѣба. Однако, дѣйствительность не оправдываетъ ни того, ни другого предположенія. Достаточно поверхностнаго знакомства съ состояніемъ хлѣбнаго рынка, чтобы увидѣть, что о перепроизводствѣ тутъ, въ сущности, нѣтъ и помину и что, если и существуютъ различія въ степени интенсивности кризиса въ экспортирующихъ и импортирующихъ странахъ, то они все-же далеко не оправдываютъ совершившагося паденія цѣнъ и никоимъ образомъ не раздѣляютъ причастныя къ рынку страны на лагерь ликующихъ и лагерь угнетенныхъ [1]).

---

[1]) Вотъ данныя о хлѣбныхъ цѣнахъ и положеніи земледѣльческаго промысла въ Сѣверной Америкѣ: анкета 1870 г. опредѣлила цѣнность всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ въ 2.500 милліоновъ долларовъ. По вычисленію-же анкеты 1880 г., къ

По обширности охваченнаго имъ района и по обилію послѣдствій, сельско-хозяйственный кризисъ превзошелъ самые грозные кризисы промышленности. Правда, онъ почти нигдѣ не имѣлъ того остраго характера, какимъ отличались промышленные кризисы былого времени съ ихъ театральными паниками и банкротствами, но онъ захватилъ цѣлый рядъ странъ, знавшихъ до тѣхъ поръ о кризисахъ больше по наслышкѣ, взволновалъ обширные слои общества, до тѣхъ поръ еще совершенно незатронутые экономическими потрясеніями. Это—болѣзнь хроническая и, какъ таковая, трудно поддающаяся излеченію. Возникновеніе аграрнаго кризиса явилось результатомъ міровой организаціи торговли и коммерческаго транспорта. Его конецъ совпадетъ, по всей вѣроятности, лишь съ раціональной организаціей міроваго производства.

Аграрный кризисъ вводитъ насъ въ новый періодъ экономической исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тѣсно связанъ и съ прошлымъ, представляя прямое наслѣдіе промышленной суприматіи Англіи, теперь уже отживающей свой вѣкъ. Связь его съ англійскимъ преобладаніемъ на всеміриомъ рынкѣ несомнѣнна. Преобладаніе это создало въ лицѣ Англіи искусственный промышленный центръ и центральный фокусъ коммерческихъ сношеній міра. Сюда и направился главнымъ образомъ потокъ земледѣльческихъ продуктовъ, привлеченныхъ на рынокъ дешевымъ транспортомъ. И странное дѣло! Тогда какъ въ теченіе всей первой половины нашего столѣтія Англія заботливо охраняла сельское хозяйство страны отъ иноземнаго вторженія путемъ высокихъ хлѣбныхъ тарифовъ, сельско-хозяйственный кризисъ засталъ ее совершенно безоружной. Несмотря на сильное пониженіе доходности имѣній, вслѣдствіе массоваго появленія на англійскомъ рынкѣ иностраннаго хлѣба, Англія ни разу не попыталась вернуться къ прежней системѣ. Это объясняется, конечно, прежде всего опасеніемъ нарушить интересы промышленности, процвѣтаніемъ которой Англія имѣетъ всѣ основанія дорожить. Дѣйствительно, промышленное процвѣтаніе для нея неизбѣжно сопряжено съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ, представляющимъ своеобразное conditio sine qua non всемірнаго сбыта. Возстановленіе хлѣбныхъ пошлинъ поставило бы Англію въ гораздо менѣе выгодныя условія, чѣмъ другія страны, гдѣ еще нѣтъ такого несоотвѣтствія между размѣрами земледѣльческой и обработывающей промышленности, гдѣ хлѣбныя цѣны ниже и потребности по отношенію къ иностранному рынку разностороннѣе. И потому мысль о покровительствѣ могла возникнуть, пожалуй,

этому времени Соединенные Штаты производили на 235 милліоновъ долларовъ менѣе, несмотря на то, что *всѣ* отрасли сельскаго хозяйства за 10 лѣтъ получили значительное расширеніе (такъ, пшеницы было собрано на $60^1/_2$ милліоновъ гектолитровъ болѣе, чѣмъ въ 1870 г., овса на 57 милліоновъ, маиса на 350 милліоновъ etc.).

въ цѣляхъ поощренія промышленности, но не въ цѣляхъ огражденія сельско-хозяйственнаго производства.

Но есть-ли кризисъ въ данномъ случаѣ зло? Можетъ быть въ этомъ явленіи нѣтъ ничего нежелательнаго. Принимая во вниманіе незначительное число лицъ, благосостояніе которыхъ затронуто низкими цѣнами на сельско-хозяйственные продукты и огромныя массы населенія, покупающаго хлѣбъ, можно сказать, что въ общемъ Англія выигрываетъ отъ низкихъ цѣнъ. Если вычислить хотя бы количество производимаго въ самой Англіи и импортируемаго въ страну хлѣба, можно-бъ было опредѣлить, какъ велика выгода, получаемая ею, даже при томъ неблагопріятномъ для нея предположеніи, что весь произведенный въ Англіи хлѣбъ поступаетъ на рынокъ и продается по низкой цѣнѣ, хотя это и будетъ явнымъ преувеличеніемъ, такъ какъ значительная часть хлѣба потребляется на мѣстѣ. Произвести подобное вычисленіе было-бы нетрудно, и результаты получились бы весьма внушительные. Однако, строить какіе-либо выводы на абсолютной высотѣ хлѣбныхъ цѣнъ — по нашему мнѣнію совершенно ненаучный пріемъ. Конечно, дешевый хлѣбъ— благо для страны; но сельско-хозяйственный кризисъ во всякомъ случаѣ зло, къ устраненію котораго необходимо приложить всѣ усилія. Онъ ведетъ къ дезорганизаціи производства, безцѣльному расточенію производительныхъ силъ, одностороннему приложенію капитала къ обрабатывающей промышленности. Однимъ словомъ, кризисъ остается кризисомъ, какъ бы ни были велики преимущества потребителей пищевыхъ продуктовъ, происходящія вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, и разъ есть средства для возстановленія равновѣсія, ими не слѣдуетъ пренебрегать. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что для его устраненія всѣ средства хороши. Если бы, напримѣръ, та же Англія для ослабленія кризиса прибѣгла къ возстановленію хлѣбныхъ пошлинъ, то это едва-ли можно бы было считать удачнымъ рѣшеніемъ вопроса. Но у государства и общества есть цѣлый рядъ другихъ средствъ, какъ напримѣръ, облегченіе и урегулированіе податнаго бремени, улучшеніе сельско-хозяйственной техники, путемъ распространенія сельско-хозяйственнаго образованія, устраненіе административныхъ и юридическихъ стѣсненій и т. п. [1]). Такія мѣры государство всегда могло-бы примѣнить.

Но для того, чтобы сколько-нибудь успѣшно бороться съ кризисомъ, нужно знать его дѣйствительные размѣры, его экономическое и соціальное значеніе, а для этого необходимо, въ свою очередь, изучить не только непосредственныя причины кризиса, а нужно знать также и условія, подготовившія его и благопріятствующія ему; нужно знать не-

[1]) Cp. Lorenz v. Stein. Die 3 Fragen des Grundbesitzes. 1881.

только, какъ все это произошло, но точно также и почему все это произошло.

Въ этой статьѣ мы будемъ имѣть въ виду одну только Англію.

Какими же условіями опредѣлялись въ Англіи цѣны на сельско-хозяйственные продукты въ эпоху, предшествовавшую кризису? Хлѣбныя пошлины, о которыхъ мы говорили выше, создавая искусственно повышенныя цѣны на хлѣбъ, тѣмъ самымъ давали землевладѣльцу извѣстную долю въ прибыляхъ промышленности. Густое населеніе и развитая промышленность обезпечивали высокую цѣну сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которая побуждала къ тщательной обработкѣ земли и введенію интенсивной системы хозяйства. Едва ли нужно прибавлять, что въ то время сельское хозяйство въ Англіи имѣло точно также, какъ и теперь, совершенно капиталистическій характеръ. Земля принадлежала обыкновенно одному лицу, а хозяйство велось другими. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ хозяйственная единица была въ Англіи значительно меньше единицы землевладѣнія. Помѣщикъ сдавалъ свое имѣніе въ аренду по частямъ. Онъ выговаривалъ съ арендатора извѣстную ренту и затѣмъ уже не входилъ въ хозяйство. По сравненію съ цѣнностью земли, рента составляетъ ничтожный процентъ, такъ что капиталъ, потраченный на покупку земли, давалъ въ сущности ничтожный процентъ, немногимъ выше того, чѣмъ выплачиваетъ Англія по своимъ государственнымъ бумагамъ. Но это, конечно, не значитъ, чтобы рента была низка: напротивъ, въ тѣ времена она росла изъ году въ годъ, доставляя землевладѣльцамъ огромные доходы, давшіе помѣщикамъ прочное мѣсто въ рядахъ аристократіи. Что касается арендатора, то это обыкновенно довольно состоятельный человѣкъ, могущій вести хозяйство за свой рискъ и страхъ. На вложенный имъ въ хозяйство капиталъ, онъ получалъ и получаетъ обыкновенно сравнительно весьма высокій доходъ, но за то на арендаторѣ лежитъ рискъ и организаціонная дѣятельность. Отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ арендаторъ выигрывалъ только въ томъ смыслѣ, что онѣ открывали обширное поле для приложенія въ земледѣліи труда и капитала; весь же излишекъ противъ издержекъ производства (включая сюда и прибыль на капиталъ фермера) шелъ на уплату ренты. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что фермеру больше всего приходится считаться съ условіями сбыта, и колебанія цѣнъ прежде всего отражались на его карманѣ, первыми пострадавшими отъ наступленія кризиса оказались именно фермеры. Но послѣдніе, конечно, не долго могли нести на своихъ плечахъ тягость кризиса. Они начали оставлять землю. Въ 1881 г. въ одной только Англіи и Уэльсѣ изъ 26,9 мил. акровъ пахотной земли 43.717 акровъ остались невоздѣланными. Землевладѣльцы не могли остаться равнодушными къ подобному явленію. Они принуждены были понизить ренту и предоставить

вмѣстѣ съ тѣмъ фермеру достаточныя льготы, чтобы сдѣлать возможнымъ веденіе хозяйства. Какую бы ренту ни платилъ фермеръ, сдать землю для землевладѣльца было всетаки выгоднѣе, чѣмъ оставлять ее пустовать. Къ тому же землевладѣльцы могли предполагать, что подобное критическое состояніе имѣетъ лишь временный характеръ. И дѣйствительно, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ періодъ 79—81 года землевладѣльцы поступились ни болѣе, ни менѣе, какъ *двумя третями* выговореннаго дохода съ земли, при чемъ самая рента была условлена на 10—30% ниже прежнихъ нормъ. Что жертвы ихъ не остались безрезультатны, несмотря на дальнѣйшее паденіе цѣнъ, можно видѣть изъ того, что въ 1888 г. англійское сельское хозяйство не только оправилось отъ перваго потрясенія и успѣло залѣчить свои раны, но даже увеличило площадь посѣвовъ съ 11.267,187 акровъ до 11.659,679, т. е. на 3,48%. Конечно, это увеличеніе весьма и весьма скромное, но нужно помнить, что оно произошло при совершенно исключительныхъ условіяхъ, при которыхъ даже сохраненіе status quo является нелегкой задачей. Уменьшились только посѣвы пшеницы (приблизительно на 30%). Но это уменьшеніе съ избыткомъ вознаграждается увеличившимися посѣвами яровыхъ хлѣбовъ (на 18%), въ числѣ которыхъ особенно видную роль играютъ бобовыя растенія, и еще сильнѣе возросло количество воздѣлываемыхъ корнеплодовъ и овощей (36%). Такимъ образомъ главнѣйшимъ слѣдствіемъ кризиса было не уменьшеніе культуры земли, а измѣненіе ея въ цѣляхъ приспособленія къ измѣнившимся условіямъ сбыта.

Къ этому нужно прибавить, что тогда какъ въ 1868 году количество пахатной земли составляло 73% всей утилизируемой площади земли, въ 1888 году оно упало на 68%, что объясняется возросшимъ количествомъ луговъ, которые при малыхъ затратахъ даютъ въ настоящее время болѣе надежный доходъ.

Вотъ къ какимъ результатамъ пришло англійское землевладѣніе въ своей борьбѣ съ кризисомъ! Эти результаты покажутся намъ еще поразительнѣе, если мы сравнимъ ихъ съ движеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, представлявшимъ непрерывное паденіе. Мы возьмемъ только нѣсколько характерныхъ цифръ. Съ 1801 г. по 1870 г. цѣна на пшеницу составляла въ среднемъ 289,4 шиллинговъ; между 71 и 80 годами она упала до 228, съ 1881 по 1885 гг. до 180,4, въ 86 г. цѣна пшеницы была 145, въ 1887 — 147,6 шиллинговъ за тонну. Такимъ образомъ цѣны упали въ среднемъ почти ровно вдвое. И всетаки же воздѣлываніе земли, хотя и при понизившемся поземельномъ доходѣ, остается возможнымъ. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что въ концѣ концовъ кризисъ понижаетъ лишь доходъ землевладѣльца, но отнюдь не создаетъ на продолжительное время явленія несоотвѣтствія между издержками сельско-хозяйственнаго производства и рыночными цѣнами. Но, конечно,

такіе результаты оказались возможными только благодаря образцовой организаціи англійскаго сельскаго хозяйства и высокому имущественному положенію землевладѣльца. Едва ли какая-нибудь другая страна Европы могла бы выйти столь же благополучно изъ подобныхъ испытаній.

Всѣ эти факты бросаютъ, какъ намъ кажется, довольно яркій свѣтъ на выводы изслѣдованія московскихъ ученыхъ, относительно вліянія хлѣбныхъ цѣнъ и неурожаевъ на положеніе мелкаго и крупнаго землевладѣнія. Мы не будемъ спорить, что низкія цѣны для крестьянина имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ для крупнаго помѣщика. Но примѣръ Англіи со всей желательной очевидностью показываетъ, что болѣе стойкимъ и выносливымъ по отношенію ко всякаго рода потрясеніямъ является не стоящее въ сторонѣ отъ рынка и работающее главнымъ образомъ для собственнаго потребленія мелкое хозяйство крестьянина, а интенсивное и снабженное достаточными экономическими средствами, технически объединенное хозяйство фермера, посвящающаго всѣ свои силы земледѣльческому хозяйству.

Однако, вернемся къ Англіи. Мы уже видѣли, какъ она справилась со своимъ критическимъ положеніемъ. Она съумѣла найти культуры, болѣе или менѣе незатронутыя иностранной конкурренціей. Но особенно замѣчательно то, что, несмотря даже на увеличеніе относительно количества луговъ, перемѣна въ условіяхъ сбыта не повлекла за собою значительныхъ соціальныхъ потрясеній. Англійское землевладѣніе и землепользованіе сохранило вполнѣ свою прежнюю организацію. Только въ одномъ отношеніи замѣтна нѣкоторая перемѣна: на мѣсто крупныхъ фермеровъ все чаще стали появляться мелкіе, которые, очевидно, легче справлялись съ паденіемъ цѣнъ.

Это явленіе приписываютъ исключительно той причинѣ, что мелкій арендаторъ менѣе зависитъ отъ рынка; потребляя бо̀льшую часть своего продукта самъ. Но по отношенію къ Англіи это, какъ намъ кажется, не совсѣмъ такъ. Для того, чтобы найти хозяйства, подходящія подъ эту категорію, намъ пришлось бы обратиться къ Ирландіи 40-хъ годовъ. Ея исторія показываетъ, что надъ этой страной виситъ тотъ-же дамокловъ мечъ, какъ и надъ Россіей—голодъ. Но въ противоположность къ Россіи объ Ирландіи можно сказать, что самое страшное уже позади и будущее для нея свѣтлѣе прошлаго. Кризисъ обезцѣненія, переживаемый Англіей, въ Ирландіи отразился гораздо слабѣе. Но за то еще задолго до его наступленія, въ началѣ 40-хъ годовъ, надъ Ирландіей разразился болѣе ужасный кризисъ голода. Непосредственной причиной этого кризиса былъ неурожай картофеля, давно уже, какъ извѣстно, сдѣлавшагося преобладающимъ пищевымъ веществомъ ирландцевъ. Ирландскій арендаторъ былъ въ то время безправнымъ существомъ, идеаломъ котораго было

просуществовать хотя бы впроголодь втеченіе цѣлаго года. Неудивительно, что голодъ безпощадно децимировалъ ряды ирландскихъ фермеровъ и что результатомъ его было обезлюденіе страны, вслѣдствіе массоваго выселенія въ Америку и другія заокеанскія страны.

Нашъ русскій крестьянинъ походитъ на ирландца тѣмъ, что онъ добываетъ себѣ изъ земли только пищу. «Не на хлѣбѣ построены денежныя отношенія крестьянина»—говорятъ намъ авторы изслѣдованія о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ. Эта непритязательная фраза въ ушахъ внимательнаго наблюдателя экономической жизни народа звучитъ глубокимъ трагизмомъ. Вѣдь это значитъ, что если и можно вообще говорить въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ о крестьянскомъ благосостояніи, то это благосостояніе основано не на земледѣліи [1]).

Бѣда мужика заключается именно въ томъ, что въ неурожайные годы онъ становится жертвой голода, а въ урожайные обезцѣненіе продуктовъ не даетъ ему возможности подняться на ноги. Какъ въ урожайный годъ, такъ и въ неурожайный онъ одинаково не можетъ просуществовать продуктомъ земли, а долженъ искать заработка на сторонѣ. Вслѣдствіе этого, онъ не можетъ обращать достаточнаго вниманія на обработку своей земли, земледѣльческая культура падаетъ, крестьянинъ теряетъ свой живой инвентарь. «Денежными отношеніями» крестьянинъ пренебречь не можетъ, хотя-бы онъ и желалъ этого. Ему приходится позаботиться объ уплатѣ податей и, сверхъ того, по большей части долговъ. Вынужденный добыть для этого необходимыя деньги, онъ забра-

---

[1]) Собственно говоря, положеніе это, даже допуская всѣ посылки авторовъ изслѣдованія о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ, представляется нѣсколько преувеличеннымъ. Нельзя согласиться съ тою аргументаціей, при помощи которой проф. Чупровъ пытался, какъ въ засѣданіи вольно-экономическаго общества, такъ и въ статьѣ, напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» (апрѣль), опровергнуть значеніе мѣстныхъ оборотовъ. Аргументація эта такова: подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ крестьянинъ нерѣдко продаетъ больше хлѣба, чѣмъ слѣдуетъ, принимая во вниманіе его собственныя потребности. Но потомъ тотъ же крестьянинъ принужденъ, вслѣдствіе такой вынужденной продажи своего хлѣба, покупать хлѣбъ на рынкѣ. Слѣдовательно цѣна хлѣба не имѣетъ для него значенія: то, что онъ выигралъ осенью, онъ теряетъ весной и наоборотъ. Однако этотъ доводъ не выдерживаетъ критики и вотъ почему. Для того, чтобы добыть осенью нужную сумму денегъ, крестьянинъ при низкихъ цѣнахъ долженъ продать болѣе хлѣба, чѣмъ при высокихъ. Слѣдовательно въ случаѣ недостатка хлѣба весной ему больше придется и купить. А кто же не знаетъ, какой огромный коммиссіонный процентъ уплачиваетъ крестьянинъ при такой сдѣлкѣ торговцу? Прибавьте къ этому, что каждое денежное замѣшательство крестьянина представляетъ благодарную почву для кулака и что необходимость добывать деньги послѣ продажи урожая уводитъ крестьянина изъ деревни въ городъ въ поискахъ за заработкомъ. Поэтому, насколько крестьянинъ является хлѣбопашцемъ на своей надѣльной землѣ, выгоды отъ низкихъ цѣнъ онъ имѣть не можетъ, а часто проигрываетъ.

-сываетъ хозяйство и уходитъ на заработки. Едва-ли послѣ этого нужно пояснять, *почему* сопровождающее обильные урожаи крайнее обезцѣненіе хлѣба и вызванное неустройствомъ нашей хлѣбной торговли несоотвѣтствіе деревенскихъ цѣнъ съ цѣнами крупныхъ рынковъ, способствуя усиленію кулачества, тяжело ложатся на крестьянскомъ населеніи. Отсутствіе всякихъ указаній на только что упомянутыя обстоятельства составляетъ, по нашему убѣжденію, далеко не послѣдній недостатокъ изданнаго подъ редакціею гг. Чупрова и Посникова изслѣдованія.

Англійскіе мелкіе фермеры, о которыхъ была рѣчь выше, принадлежатъ къ совершенно иному типу. Они добываютъ изъ почвы вовсе не одну только пищу, а сбываютъ не малую часть своихъ продуктовъ на рынокъ. Причина ихъ большей стойкости по отношенію къ низкимъ цѣнамъ совсѣмъ другая. Правда, они потребляютъ относительно большее количество произведеннаго ими хлѣба, чѣмъ крупный фермеръ. Но въ то-же время они вкладываютъ въ хозяйство свой собственный безплатный трудъ, сокращая такимъ образомъ весьма значительно издержки производства, чего крупный фермеръ по легко понятнымъ причинамъ сдѣлать не въ состояніи. Но этимъ еще не исчерпываются преимущества мелкаго хозяйства. Обработка почвы при небольшихъ размѣрахъ хозяйственныхъ единицъ можетъ производиться гораздо равномѣрнѣе и интенсивнѣе; сберегается масса труда на перевозку орудій и удобренія; наблюденіе за хозяйствомъ гораздо тщательнѣе. Что бы ни говорили о преимуществахъ гигантскихъ фермъ, какія встрѣчаются иногда въ Америкѣ (такъ называемыя Bonanza Farms), при настоящихъ условіяхъ европейскаго хозяйства и въ особенности при интенсивномъ землепользованіи мелкое земледѣльческое хозяйство,—разъ оно достигаетъ необходимыхъ для самостоятельнаго и многосторонняго пользованія земли размѣровъ,—безусловно выгоднѣе и выносливѣе крупнаго. Крупное хозяйство разсчитано главнымъ образомъ на экономизацію силы, потребной для производства распашки и уборки урожая. Но при интенсивномъ хозяйствѣ и въ особенности при наличности разнообразныхъ культуръ запашка и уборка представляются лишь частичными, разновременными и при томъ вовсе не наиболѣе дорогими процессами, такъ что главную роль въ хозяйствѣ играютъ не они. Вотъ почему въ культурныхъ странахъ не только не замѣтно стремленія къ централизаціи производства, но, наоборотъ, крупныя единицы разбиваются, и размѣръ вновь сознаваемыхъ такимъ образомъ хозяйственныхъ единицъ принаравливается къ требованіямъ земледѣльческой техники.

Но не слѣдуетъ смѣшивать мелкое хозяйство съ натуральнымъ. Преимущество перваго состоитъ въ томъ, что при современныхъ условіяхъ оно представляетъ бóльшія гарантіи раціональной утилизаціи земледѣльческаго труда. Хозяйство же, имѣющее односторонне-натуральный

характеръ, совершенно не можетъ претендовать на это, такъ какъ, во-первыхъ, оно не даетъ достаточнаго приложенія трудовой энергіи земледѣльца и такъ какъ, во-вторыхъ, оно ставитъ послѣдняго далеко не въ наиболѣе выгодныя условія производства.

Такова мораль, которую мы должны вывести при разсмотрѣніи такъ называемаго сельско-хозяйственнаго кризиса и новѣйшихъ условій земледѣльческаго производства.

П. Шеленъ.

Мятежъ.

Драма въ одномъ дѣйствіи Вилье де-Лиль Адана.

Пореводъ съ французскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая драма Вилье де-Лиль Адана была поставлена на сценѣ парижскаго театра Vaudeville въ маѣ 1870 г. Восторженно встрѣченная молодежью и лучшей частью французской печати, она была снята, послѣ четвертаго представленія, со сцены, какъ «оскорбляющая достоинство и нравственность биржевого міра». Осенью прошедшаго 1896 г. драма эта была съ большимъ успѣхомъ возобновлена на сценѣ театра Odéon. Считаемъ не лишнимъ предпослать ей небольшое, написанное самимъ Вилье де-Лиль Аданъ предисловіе. Въ немъ характерно выступаютъ и отношеніе французской критики 70-хъ годовъ къ этому произведенію, и взглядъ Вилье де-Лиль Адана на современный театръ.

Genus irritabile vatum.

Да будетъ мнѣ на мигъ дозволено сложить съ себя вѣнецъ скромности, который такъ любятъ видѣть на челѣ мудрыхъ. Я обнаружу на этихъ страницахъ—въ глубокомъ презрѣніи къ пошлому лицемѣрію,—гордость, почти равную тщеславію всѣхъ тѣхъ, которые поставятъ мнѣ ее въ упрекъ. Вѣдь касаться злобы дня—вещь для поэтовъ не совсѣмъ обычная и мнѣ дадутъ, пожалуй, отпущеніе грѣховъ, если я снизойду до нея на этотъ разъ. Къ тому-же—потомство всегда было немножко кумушкой—и будущіе комментаторы не побранятъ меня за то, что я избавлю ихъ отъ труда разыскивать имена (которыя къ тому времени, увы!—вѣроятно будутъ позабыты) нѣкоторыхъ критиковъ, сентенціонный гнѣвъ которыхъ покрылъ меня презрѣніемъ въ лѣто отъ 1870 года.

Выпуская въ свѣтъ тѣ три несложныя сценки, которыя такъ взволновали французскихъ критиковъ и исполненіе которыхъ въ театрѣ Vaudeville было запрещено послѣ четвертаго представленія, какъ оскорбляющее достоинство и нравственность посѣтителей биржи и бульваровъ, я предпочелъ-бы молчаніе всѣмъ тѣмъ многословнымъ статьямъ, которыя бросили на мое произведеніе нѣкоторое подобіе славы. Выражаю, во всякомъ случаѣ, глубокую и сердечную благодарность всѣмъ художникамъ мысли и слова, привѣтствовавшимъ, объяснявшимъ и защищавшимъ мое дѣтище: Рихарду Вагнеру, Теодору де-Банвиль, Теофилю Готье, Францу Листу, Леконтъ де-Лилю, Александру Дюма сыну, безъ вліятельнаго вмѣшательства котораго драма эта не увидѣла-бы свѣта. Спасибо всѣмъ, писавшимъ въ защиту «Мятежа» прекрасныя, гордыя страницы: Катуллу Мендесу, Анатолю Франсу, Камиллу Пелетану. Спасибо восторженной молодежи, которая аплодировала «Мятежу», мужественно выражая свое мнѣніе, какъ мужественно передъ лицомъ «бычачьей глупости» высказалъ я свое. Принимая теперь во вниманіе тотъ особенный образъ дѣйствія, какой нѣкоторые писатели приняли относительно меня, мнѣ приличествовало-бы, пожалуй, ощутить долю горечи, которую я могъ-бы, впрочемъ, заставить ихъ раздѣлить со мной. Но коснувшееся чела моего вѣяніе славы разсѣяло во мнѣ желаніе отвѣчать этого рода врагамъ. Я не дорожу ихъ уваженіемъ и не добиваюсь уваженія тѣхъ, которые могли хоть на минуту повѣрить имъ. Пусть они почиваютъ спокойно: безмятеженъ и крѣпокъ да будетъ ихъ сонъ. Что касается до критиковъ, осыпавшихъ меня оскорбленіями, на подобіе того, какъ кричатъ въ фехтовальныхъ залахъ—«touche!»—моя побѣда надъ ними заключается уже въ томъ, что мнѣ удалось возбудить ихъ негодованіе, тогда какъ имъ никогда не вызвать во мнѣ ничего, кромѣ равнодушія. Они воскликнутъ завтра—и съ нѣкоторымъ, пожалуй, основаніемъ: «Бѣдный юнецъ! онъ разсердился на насъ! Послѣ всего, что мы ему высказали, это вполнѣ естественно!.. Мы всетаки увѣрены, что онъ станетъ писать лучше, когда *гнѣвъ* его пройдетъ»—и имъ, пожалуй, повѣрятъ—чтожъ, пусть такъ!

Жалко, что всѣ эти умные люди не знаютъ, до какой степени ихъ порицанія, ихъ «похвалы», ихъ энтузіазмъ, ихъ индифферентизмъ и всѣ ихъ душевныя состоянія не заставятъ насъ отступить ни на шагъ отъ предначерченнаго нами плана. Они, быть можетъ, перестали бы тогда заниматься нами, такъ какъ мы отнюдь не стремимся къ извѣстности. Мы предоставляемъ это имъ—вѣдь они добиваются этого. Мы стремимся къ другому. И это «другое» придетъ къ намъ само собою и въ свое время,—намъ не придется сдѣлать ему навстрѣчу ни шагу, если мы дѣйствительно достойны его,—если же мы недостойны, то стоитъ ли заниматься нами? Одинъ изъ критиковъ, г. Барбэ д'Оревильи, поставилъ въ упрекъ

моей драмѣ, что она подписана *именемъ, которое я ношу*. Извольте провозглашать равенство!

Что можетъ отнять или прибавить мое имя къ литературной цѣнности моихъ произведеній? Рыцарь д'Оревильи желаетъ, быть можетъ, чтобы я воскресилъ императора Салимана и заставилъ его снова осаждать Родосъ? Смѣю ли я, принадлежа къ знати, брать героями простыхъ людей? Этотъ дворянинъ долженъ считать себя обезчещеннымъ—вѣдь онъ занимается литературнымъ трудомъ! Грустно, по истинѣ, видѣть, какъ волкъ старается ревѣть по ослиному. Одинъ изъ его собратьевъ, г. де Сенъ-Викторъ, не мало удивилъ меня. Онъ задался вопросомъ, почему *Елизавета* не имѣла любовниковъ. Но при этомъ ходѣ мыслей оригинальнѣе было-бы спросить, почему *не имѣлъ любовницъ Феликсъ*? Введя эту маленькую деталь, которая сдѣлала бы Елизавету симпатичной всѣмъ женщиной,—я добился бы, пожалуй нѣкотораго успѣха. Господинъ де Сенъ-Викторъ слишкомъ любопытенъ, его вопросъ напоминаетъ мнѣ, по аналогіи, забавное словечко одного изъ бывшихъ министровъ народнаго просвѣщенія во Франціи. Надо было сдѣлать выборъ между Аполлономъ и Венерой Милосской. — «Милостивые государи, согласенъ, что они равны по красотѣ, но...—тутъ онъ простеръ руки, галантно улыбнулся и, понизивъ голосъ, прибавилъ... ноВенера была женщиной!..»

Забавнѣе всего, что насъ называютъ *молодыми*. Пусть такъ,—но какъ же слѣдуетъ назвать *стариковъ*, пишущихъ подобныя вещи и претендующихъ поучать насъ и поучать толпу, не будучи даже въ состояніи понять того, что мы говоримъ имъ? Нѣтъ, думается мнѣ, ни *стариковъ*, ни *молодыхъ*. Есть лишь умы невозмутимые, жаждущіе свѣта, движенія впередъ, красоты! Они чувствуютъ въ себѣ творческія силы и не возмущаются ни несправедливостью, ни глупостью; они ихъ жалѣютъ—и только; они вѣрятъ въ себя и довольствуются этимъ.—Что же касается до возбуждаемыхъ ими въ окружающей средѣ враждебныхъ имъ идей—нечего удивляться тому, что порывъ вѣтра подымаетъ пыль. Всѣ посылаемые по моему адресу упреки сводились всегда къ одному, автора котораго я даже не назову: «Еслибы весь міръ принялся мечтать, человѣчеству пришелъ бы конецъ: и потому несравненно полезнѣе точать сапоги». Добрый человѣкъ, да еслибы весь міръ сталъ точать сапоги, человѣчеству тоже пришелъ бы конецъ. Правда, что преемники наши на землѣ могли бы, глядя на наши произведенія, съ гордостью воскликнуть: «Какъ хорошо обувались наши предшественники»! Я имѣлъ счастье оказаться *непонятнымъ* нѣкоторымъ критикамъ, мудрость, глубина и правдивость которыхъ вошли въ нашей странѣ въ пословицу—(читатель называетъ про себя цѣлый рядъ именъ), но я простодушно радуюсь этому больше, чѣмъ еслибы случилось противное. Вѣдь трудно понимать

другъ друга, говоря на разныхъ языкахъ, и могъ ли я разсчитывать на то, что господа эти съ тонко развитымъ вкусомъ найдутъ въ «Мятежѣ» свой путь въ Дамаскъ?—Издаю «Мятежъ» такимъ, каковъ онъ есть. И такъ какъ драматическія произведенія оцѣниваются теперь по объему, возстановляю всѣ его длинноты, не принадлежа къ числу тѣхъ, которые стремятся уменьшить свою вину. Нашлись люди, пожелавшіе узнать, что собственно хотѣлъ я доказать «Мятежомъ»? Этимъ безпокойнымъ душамъ я отвѣчу, что просто хотѣлъ изобразить въ «Мятежѣ» достойнаго человѣка въ когтяхъ экзальтированной женщины, что *нѣмая сцена*—дѣло моей «неопытности», отъ которой я постараюсь избавиться въ моихъ послѣдующихъ драмахъ и что, отнюдь не скрывая какого-либо глубокаго смысла подъ цвѣтистымъ покровомъ моей пьесы, я просто заставилъ бесѣдовать подъ стѣнными часами господина и даму, не совсѣмъ впрочемъ другъ къ другу подходящихъ... Покончивъ со всѣми этими возраженіями, я желаю выяснить еще одинъ пунктъ—вотъ онъ: завѣщанный намъ Мольеромъ и Корнелемъ театръ сдѣлался безславьемъ современнаго искусства. Всякая безпристрастная мысль, брошенная съ трепетомъ въ толпу, становится источникомъ гнѣва, если она выходитъ не изъ патентованной печи. Презрѣніе къ устарѣлымъ пріемамъ, къ жестикуляціи, къ показной сторонѣ считается модными критиками самымъ сильнымъ доказательствомъ сценической неопытности. Всякое выходящее изъ «рамокъ» произведеніе, будь оно грандіозно, какъ «Les Burgraves» или величественно, какъ «Les Funerailles de l'Honneur» встрѣчается извѣстными политическими дѣятелями шиканьемъ. И они властвуютъ надъ толпой. Это нужно признать безъ всякой боли. Такъ было всегда—вѣдь эти улыбающіеся люди (а мы знаемъ цѣну ихъ улыбкамъ) — симпатичные апостолы здраваго смысла! Того достопочтеннаго здраваго смысла, который мѣняетъ убѣжденія съ каждымъ новымъ вѣкомъ, служитъ игрушкой общественнаго или просто моднаго мнѣнія, судитъ наудачу, «не любитъ высокихъ вершинъ» и замедляетъ своими насмѣшками развитіе человѣческаго духа, готовый всегда присвоить себѣ результаты и славу распространенія энергіи и иниціативы! Вѣдь онъ опирается на низшія сферы безсознательныхъ чувствъ и ощущеній. Онъ оружіе всѣхъ тѣхъ, кто не способенъ пользоваться мыслью! Онъ апогей инстинкта, вогнаннаго Богъ вѣсть какой странной болѣзнью земли въ человѣческую форму и слѣпо оскорбляющаго человѣческій разумъ. Но человѣческій разумъ не считается съ сарказмами здраваго смысла, какъ не считается пастухъ съ мычаніемъ гонимаго имъ къ мирной области смерти и сна стада! Пусть же апостолы здраваго смысла критикуютъ насъ!

Въ настоящее время театръ съ разъ навсегда установленными правилами (подавляющій насъ своей лавочной моралью, своими «*пружинами*», своими «*подмостками*»—пользуюсь выраженіемъ его мастеровъ) приходитъ самъ собою въ упадокъ и намъ не придется, къ счастью, прибѣ-

тать къ большимъ усиліямъ, чтобъ закончить его мирное и спокойное паденіе. Его дѣтищамъ даютъ теперь имя *успѣхъ!* Слово *слава* больше не произносится!

О, еслибъ я могъ сохранить пріятную иллюзію, что «Мятежъ» (какъ ни малы размѣры этой драмы)—первая попытка, первый опытъ на французской сценѣ разбить эти позорныя правила. Въ этомъ для меня его единственная заслуга, и я откровенно высказываю это. Еще нѣсколько такихъ вещей, и толпа рѣшится жить своимъ умомъ, а не умомъ двухъ или трехъ человѣкъ, духовныя силы которыхъ утратили всякую способность улавливать форму и духъ какого-нибудь произведенія, если оно находится внѣ тѣхъ рутинерскихъ усложненій, въ которыхъ витаетъ ихъ воображеніе.

Да, толпа—судья поздній, но единственный—пойметъ, наконецъ, цѣль обманывающихъ, осмѣивающихъ и презирающихъ ее ничтожествъ. Они говорятъ намъ, увѣренные въ томъ, что одурачили ее: «Публика васъ не понимаетъ»!.. и потираютъ въ восторгѣ руки. Но освободившись отъ навязываемыхъ ей сужденій, толпа покажетъ скоро свою силу, и тогда ничтожествамъ труднѣе будетъ парализовать попытки тѣхъ, которые во всякое время умѣли быть творцами искусства, а не рабами его. Тогда настанетъ царство правосудія.

Вилье де-Лиль Аданъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Елизавета—25 лѣтъ.
Феликсъ—35 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ въ 70-хъ годахъ.

Гостиная банкира. Мебель чернаго дерева съ золотомъ, крытая краснымъ. Коверъ. Люстра. Дверь въ глубинѣ. Направо, у камина, козетка. Въ каминѣ догораетъ огонь. Налѣво, на аванъ-сценѣ, письменный столъ, заваленный кассовыми книгами и бумагами. Лампа подъ абажуромъ освѣщаетъ столъ. Остальная часть аванъ-сцены въ тѣни. Надъ дверью въ глубинѣ—часы, часовая стрѣлка приближается къ полуночи. Комната очень глубока. При поднятіи занавѣса Елизавета сидитъ, облокотившись задумчиво у стола. Одѣта просто, въ черное. Феликсъ противъ нея, разбираетъ письма и банковые билеты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Елизавета, Феликсъ.

Феликсъ (послѣ долгаго молчанія). Который часъ?

Елизавета. Очень поздно.

Феликсъ (холодно). Полночь? (поправляетъ, щуря глаза, лампу). Проклятая лампа! что это сегодня съ ней? Совсѣмъ не горитъ!.. Батистъ! Франсуа! Франсуа!

Елизавета (беря перо въ руку). Они сегодня очень устали, и я позволила имъ лечь спать.

Феликсъ (сквозь зубы). Устали! Устали!.. А мы-то? Ты рѣшительно позволяешь морочить себя, милый другъ. Эти люди не стоютъ и добраго слова. Они злоупотребляютъ. (Онъ поднимается, зажигаетъ о стоящій на каминѣ канделябръ сигару и спиною къ огню, подвернувъ полы сюртука, куритъ). Злоупотребляютъ... Однако, — будетъ на сегодня—ты утомишься.

Елизавета (съ улыбкой). О, ты слишкомъ заботливъ.

Феликсъ (медленно, съ ледяной холодностью). Передала-ли ты квитанціи Фарраль, Винтеръ и Kº?

Елизавета (продолжая писать). Росписки въ полученіи лежатъ сошпиленныя во второмъ ящикѣ, въ кассѣ.

Феликсъ. А взысканіе съ Леліевръ?

Елизавета. Несостоятельны. Это бѣдные, очень бѣдные люди.

Феликсъ (стряхивая съ сигары пепелъ). Недвижимое имущество всегда чего-нибудь да стоитъ.

Елизавета (послѣ минутнаго молчанія). Въ такомъ случаѣ, представьте ко взысканію сами.

Феликсъ (какъ-бы не придавая значенія ея словамъ). Что?.. (Въ сторону). Ага!.. Мягкосердіе!.. Прочь его! (Вслухъ). Послушай, у дѣловыхъ людей глаза не должны быть на мокромъ мѣстѣ. Если мы станемъ дожидаться отчужденія имущества, намъ уплатятъ не сполна.

Елизевета (съ мягкой насмѣшкой). И это будетъ по истинѣ ужасно!

Феликсъ. Да, не сполна, а лишь соотвѣтственно вложенному капиталу! и по утвержденію конкурснаго правленія! и такъ далѣе!.. и такъ далѣе!.. и такъ далѣе!.. Пойми-же, дитя мое, я безжалостно притягиваю къ суду этихъ несчастныхъ бѣдняковъ Леліевръ только по принципу. Я, можетъ быть, оплакиваю ихъ судьбу, но, чортъ возьми! въ дѣловыхъ отношеніяхъ слезамъ и сожалѣнію нѣтъ мѣста!.. (Обдергиваетъ кончики своего жилета). Кстати,—сегодняшніе расходы?..

Елизавета. Я подписалась на 25 акцій силезскихъ каменоугольныхъ копей. Ящикъ С.

Феликсъ (сухо). Рискованны... н-да-а... нѣсколько рискованны эти акціи!.. Н-да, чортъ возьми!.. Блистательный совѣтъ администраціи!.. Разноцвѣтныя афиши... Трубный гласъ биржевой прессы!.. Я еще допускаю, что люди невѣжественные стремятся вложить свои послѣднія крохи, но отказываюсь рѣшительно понять, какъ ты, столь осторожная, столь прозорливая въ дѣлахъ, рѣшилась на операцію, повѣривъ...

Елизавета (мягко и продолжая писать). Я знаю цѣнность этихъ бумагъ. Я покрыла ихъ векселями Гидро, Гудронъ и К° и пополнила недостающую сумму наличными.

Феликсъ. А-а!.. это другое дѣло. Ты, во всякомъ случаѣ, поступила прекрасно, отдѣлавшись отъ этихъ подозрительныхъ...

Елизавета. Прости, другъ мой, — векселя эти вполнѣ надежны. Я даже поставила на нихъ подпись нашей фирмы. Мнѣ удалось, такимъ образомъ, съэкономить учетъ и коммиссію.

Феликсъ (послѣ нѣкотораго размышленія). Вотъ какъ!.. Что-жъ, если ты такъ увѣрена въ главной операціи, ты поступила въ концѣ-концовъ какъ слѣдуетъ!. Съ коммерческой точки зрѣнія осторожность не безполезна... А приходъ?..

Елизавета (смотритъ въ реестръ). Двѣ тысячи шестьсотъ четыре франка, двадцать два сантима.

Феликсъ. Прекрасно. (Слышенъ бой церковныхъ часовъ).

Елизавета (закрывая счетныя книги, въ сторону). Полночь. (Она облокачивается снова и, устремивъ глаза въ неопредѣленную даль, опускаетъ рѣсницы и склоняетъ голову на руку).

Феликсъ (глядя на нее съ благоговѣніемъ). Да-а!.. Такъ-то, ты у меня женщина славная, а главное — женщина съ толкомъ. Четыре съ половиною года прошло со дня нашей свадьбы, а я еще ни разу не раскаялся, что на тебѣ женился. Право!.. Въ веденіи книгъ — ты превосходный счетчикъ. Какъ женщина ты, говорятъ, не дурна собой и совсѣмъ не глупа, а это чего-нибудь да стоитъ. Твое трудолюбіе превышаетъ всѣ мои надежды. Кромѣ того, ты—олицетворенная кротость. Я не могу сдѣлать тебѣ ни единаго упрека!.. И если мнѣ удалось утроить мое состояніе, то опять-таки благодаря тебѣ. (Куритъ и ходитъ взадъ и впередъ).

Елизавета (мягко и съ улыбкой). Какая женщина не возгордилась-бы отъ такихъ похвалъ!

Феликсъ (галантно). Да, благодаря тебѣ! И я не стыжусь въ этомъ сознаться. Безъ твоихъ совѣтовъ, я сдѣлалъ-бы не одинъ промахъ, не одну ошибку, попросту говоря—тысячу глупостей. При всей твоей женственности, ты обладаешь почти мужской проницательностью!.. У тебя какой-то врожденный дѣловой тактъ. А это большое достоинство... Затѣмъ, наконецъ, твои серьезные вкусы... Да, ты можно сказать, не разоришь меня нарядами... Я даже нахожу, что ты слишкомъ мало выѣзжаешь. Ты ведешь затворническій, почти монашескій образъ жизни... Отчего это ты раззнакомилась со своими пансіонскими подругами съ тѣхъ поръ, какъ онѣ повыходили замужъ?

Елизавета. Я, знаешь-ли, имѣю слабость уважать только тѣхъ женщинъ, которыя, не взирая на моду, не нарушаютъ своихъ обязанностей.

Феликсъ (усаживаясь). И я могу только сочувствовать этому! Но, чортъ возьми, дѣла—на первомъ планѣ! Надо встрѣчаться съ людьми хотя-бы изъ разсчета! Ни въ чемъ не слѣдуетъ доходить до крайности, не то впадешь въ утопію.

Елизавета (весело). Мнѣ думается все-же, что хоть я и лишила себя добровольно такого блестящаго общества,—довѣріе къ нашей фирмѣ отъ этого ничуть не подорвалось.

Феликсъ (развязно). Ахъ ты этакая упрямица!.. Послушай, брось ты донъ-кихотство!.. Что касается до довѣрія къ нашей фирмѣ,— всѣмъ, чортъ возьми, извѣстно, что я не способенъ, подобно нѣкоторымъ, внезапно исчезнуть, захвативъ съ собой кассу и восклицая: «я правъ!..» Нѣтъ, я не желаю казаться лучше, чѣмъ я есть... Я даже, собственно говоря, по натурѣ человѣкъ, можетъ быть, и не слишкомъ совѣстливый. (Елизавета смотритъ на него). Это между нами. Воспитаніе научило меня понимать мои истинные интересы и я сталъ честенъ... какъ честны теперь всѣ...

Елизавета (шутливо). Изъ вѣжливости. (Феликсъ кашляетъ).

Феликсъ (грѣя у камина ноги). Ты-бы приготовила мнѣ липоваго цвѣта. Я боюсь схватить простуду. Несмотря на солидную внѣшность, я человѣкъ слабой комплекціи: при малѣйшемъ сквознякѣ у меня начинаетъ ломить въ поясницѣ!.. Прибавь немного волосатика—это, говорятъ, помогаетъ...

Елизавета (съ оттѣнкомъ безпокойства). Въ самомъ дѣлѣ, другъ мой, какой ты некрѣпкій... Я тысячу разъ въ этомъ убѣждалась.

Феликсъ (растягивзясь на диванѣ). Кстати, вотъ что... Я не хочу, чтобы ты утомлялась!.. Я этого больше не желаю!.. Слышишь?.. Видишь, какъ легко схватить какую-нибудь болѣзнь!.. Ты знаешь, я вѣдь очень люблю тебя и не хочу тебя видѣть больной... Да и кому мнѣ довѣрить веденіе книгъ, если ты вздумаешь вдругъ захворать серьезно?.. Кончено. Съ сегодняшняго дня, мы станемъ два раза въ недѣлю въ солнечные дни, разумѣется, и кромѣ дней платежа—набирать силъ на лонѣ природы. Къ тому-же и весна не за горами, а это меня молодитъ (съ хитрой улыбкой). Увидишь. Я вѣдь не прочь побывать въ деревнѣ, когда располагаю временемъ. Деревня даетъ намъ часто новыя, полезныя идеи. Какъ и театръ. Мы живемъ слишкомъ уединенно. Отчего-бы намъ не бывать изрѣдка въ театрѣ? Тамъ можно иногда встрѣтить полезныхъ людей... И потомъ—вѣдь театръ развлекаетъ... д а-а, развлекаетъ... Рѣшено. Я смогу безъ труда получать даровые билеты... И знаешь черезъ кого?—черезъ Водрана! Онъ вѣдь усердно за тобой ухаживаетъ въ наши пріемные дни?—Ну, такъ это и будетъ моей маленькой местью, кстати— связанной съ экономіей... Какъ ты находишь?

Елизавета (послѣ нѣкотораго молчанія, разсѣянно у окна). Какая сегодня темная ночь!

Феликсъ. А намъ-то что до этого! У меня нѣтъ корабля на морѣ, а крыша этого стараго дома очень прочна. Наши добрые предки знали толкъ въ постройкахъ. (Возвращаясь къ прежнему). Такъ вотъ, когда мы станемъ бывать въ театрѣ, постараемся, знаешь, избѣгать этихъ пьесъ дурного тона... Газеты говорятъ, что театръ теперь—сборище новаторовъ... Они пытаются все усложнить, всѣхъ превзойти—и ни къ чему, рѣшительно ни къ чему они не приходятъ, только успѣваютъ породить, въ концѣ концовъ, безпокойство въ порядочныхъ людяхъ, доставляя имъ Богъ вѣсть какія опасныя ощущенія... Возмутительно! Право слѣдовало бы запретить имъ это. Я хожу въ театръ, чтобы посмѣяться... Я люблю вещи простыя, простыя, какъ природа... Развѣ природа сложна? Развѣ сложна жизнь? Развѣ что-нибудь сложно? Не люблю я высокихъ вершинъ ни въ природѣ, ни въ людяхъ, предпочитаю во всемъ—честную умѣренность. Если люди стремятся къ величію, пусть умѣютъ, по крайней мѣрѣ, достигать его со скромностью!.. Къ чорту новаторство! Я люблю старыя пьесы. Онѣ хороши, а если вещь хороша надо *под-ра-жать* ей—и только (перемѣшивая въ каминѣ угли). Изъ этого, однако-жъ, не слѣдуетъ, чтобъ иногда... въ извѣстныхъ случаяхъ... не было-бы умѣстно слегка коснуться... ввернуть...

Елизавета (прислушиваясь). Прости!.. (Слышенъ стукъ, останавливающейся передъ крыльцомъ кареты). (Въ сторону). Карета, прекрасно... (направляется къ окну и смотритъ сквозь стекло).

Феликсъ (оборачиваясь къ ней). Что это?.. Слышишь?.. Кто могъ бы къ намъ въ эту пору пріѣхать? А Батистъ-то?.. А... (Встаетъ). Я прогоню ихъ! Какъ!.. Некому и доложить!.. Мнѣ приходится самому... (Беретъ канделябръ).

Елизавета (быстро обернувшись, съ гордымъ, мертвенно блѣднымъ лицомъ и ледяной улыбкой, прерывающимся голосомъ). Безполезно. Въ только что остановившейся предъ крыльцомъ каретѣ никого нѣтъ и вамъ тѣмъ менѣе умѣстно безпокоить себя, что я должна... сдѣлать вамъ... маленькое признаніе... Я полагаю, что въ вашихъ интересахъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ... Но я васъ къ этому не вынуждаю.

Феликсъ (нѣсколько взволнованный, останавливаясь съ канделябромъ въ рукѣ). Что? Какъ? Ты шутишь?..

Елизавета (садясь). Я дамъ вамъ сейчасъ возможность судить объ этомъ самому.

Феликсъ (глядя ей прямо въ лицо). Вотъ какъ!.. Но ты такъ блѣдна!.. Ты нездорова?.. Зачѣмъ ты говоришь мнѣ *вы*?..

Елизавета. Я не стала бы злоупотреблять въ такую пору вашимъ временемъ, если бы дѣло касалось меня одной.

Феликсъ (ставя канделябръ, въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ). Этотъ тонъ... Эти колебанія... (вскакиваетъ вдругъ и почти задыхаясь): Фарраль и Винтеръ обанкрутились?..

Елизавета (доставая изъ ящика портфель). Нисколько.

Феликсъ (запинаясь, хотя видимо успокоенный). Но право же, мой добрый другъ, я никогда не замѣчалъ у тебя такого вида!.. (Молчаніе. Феликсъ опускается въ кресло у стола, противъ Елизаветы).

Елизавета (перелистывая въ портфелѣ бумаги). О! мой видъ никогда ничего не значитъ! (Послѣ короткаго молчанія, рѣшительно и твердо). Вотъ итоги вашего состоянія, дѣйствительно утроеннаго за четыре съ половиной года. Въ общемъ—милліонъ двѣсти семьдесятъ тысячъ франковъ. На всей этой суммѣ я заработала лично пятьдесятъ тысячъ двѣсти восемьдесятъ франковъ коммиссіонныхъ, помимо предназначающагося мнѣ за ежедневную, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, десяти-часовую работу въ теченіи четырехъ лѣтъ и десяти дней... Вотъ общій счетъ и... безъ процентовъ. Законъ даетъ вамъ право на двѣ трети этихъ барышей, за вычетомъ которыхъ мнѣ остается ровно тридцать двѣ тысячи франковъ безъ шестнадцати франковъ тридцати сантимовъ,—вотъ они (кладетъ деньги на столъ) Въ этомъ портмонэ находится около двухсотъ франковъ. Это мои давнишнія деньги.—Я имѣла ихъ до замужества. Въ мое приданое онѣ не вошли: сводъ законовъ даетъ мнѣ право распоряжаться ими самовольно. И я могу, такимъ образомъ, пополнить недостающую до тридцати тысячъ сумму.

Феликсъ. Что все это значитъ?.. Ты сходишь съ ума?..

Елизавета (быстро и рѣзко). Вотъ точный счетъ истраченнымъ мною за четыре года и пять мѣсяцевъ деньгамъ на одежду: ровно тысяча восемьсотъ семнадцать франковъ. Деньги эти уже вычтены и уплачены мною. Я позволю себѣ замѣтить вамъ, что законъ обязалъ васъ давать мнѣ содержаніе и кровъ съ минуты, какъ вы надѣли мнѣ на палецъ вотъ это кольцо (снимаетъ съ пальца обручальное кольцо и кладетъ его на столъ). Кружева, брилліанты моей свадебной корзины и всѣ прочія драгоцѣнности вы найдете въ моемъ письменномъ столѣ. Вотъ списокъ всего, вмѣстѣ съ ключомъ отъ моей комнаты (Кладетъ ключъ на столъ). Мое приданое—принадлежитъ вамъ по праву... Эти двѣсти тысячъ франковъ пойдутъ, надѣюсь, на воспитаніе и приданое вашей дочери, ребенка, котораго я родила вамъ и котораго всепредвидящій законъ не даетъ мнѣ права увести съ собой. Я поцѣловала ее въ послѣдній разъ, укладывая ее спать сегодня.

Феликсъ. Елизавета!..

Елизавета (просто). Вы увидите, что изъ общаго счета вычтено жалованье за четыре мѣсяца и двадцать два дня, въ теченіи которыхъ я была лишена возможности работать изъ-за моего, какъ вы говорили

вашимъ пріятелямъ, «интереснаго положенія». Если я какъ-нибудь впослѣдствіи вспомню, что позабыла возвратить вамъ что-нибудь еще, по закону вамъ должное, я поспѣшу немедленно исправить свою оплошность и возвратить вамъ должную сумму съ процентами, вплоть до дня полученія... И я желала бы чтобы сумма эта, если таковая окажется, перешла бы, въ случаѣ вашей смерти, къ вашей дочери или была-бы употреблена на благотворительныя учрежденія. Соблаговолите упомянуть объ этомъ въ вашемъ завѣщаніи.

Феликсъ. (Въ сторону). Милость Господня!.. Что это? — приступъ помѣшательства?..

Елизавета (натягивая перчатки). Составляющіе все мое состояніе тридцать двѣ тысячи франковъ помѣщены мною такъ, что при полнѣйшей независимости я буду, во имя моего труда въ прошломъ, имѣть право на кусокъ хлѣба до конца моихъ дней. Словомъ—я уплатила свой соціальный долгъ. (Молчаніе. Она вынимаетъ изъ корсажа бумагу и кладетъ ее на столъ рядомъ съ кольцомъ и ключомъ). Вотъ довѣренность на веденіе дѣлъ вашей фирмы. Вы сдѣлали мнѣ честь вручить ее мнѣ и я вамъ ее возвращаю въ томъ же видѣ, въ какомъ получила. А теперь, (поднимается) полагаю, что объясненія между нами—по меньшей мѣрѣ безполезны и потому... (беретъ со стула шляпу и плащъ).

Феликсъ. А, вотъ оно что!.. Не соблаговолишь-ли ты объяснить мнѣ свое поведеніе? Что съ тобой?.. Да или нѣтъ?..—Это ты изъ-за взысканія съ Леліевръ?—Боже милостивый! Да я съ радостью отказываюсь отъ этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ шестнадцати франковъ и даже отъ судебныхъ издержекъ!.. Да говори же, наконецъ!..

Елизавета. Я сказала все. (Направляется спокойно къ двери). Прощайте!.. Постарайтесь забыть все... все... вплоть до звука моего голоса.

Феликсъ (загораживаетъ ей дверь, скрестивъ на груди руки,—и грубо:) Не завела-ли ты себѣ любовника?..

Елизавета (вдругъ останавливаясь и вся поблѣднѣвъ). А-а!.. Оскорбленіе!.. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ хотите заставить меня сказать вамъ?.. Что-жъ, вы имѣете на это *право:* я повинуюсь. (Она проходитъ черезъ всю сцену и останавливается у камина; лицо ея освѣщено стоящимъ на немъ канделябромъ. Говоритъ холоднымъ спокойнымъ тономъ). Это... не особенно пріятно. Но вы ставите свои вопросы такъ, что, право, заслуживаете все выслушать... (Смотритъ ему прямо въ лицо). Вы, должно быть, не совсѣмъ близко меня знаете?.. Да, я полагаю, что у васъ имѣются кой-какія иллюзіи на мой счетъ... (улыбается странной улыбкой, на лицѣ Феликса выражается глубокое изумленіе). Это—не подлежащій сомнѣнію фактъ. Вы припоминаете, конечно, семью мою и всю мою жизнь въ то время, какъ вы явились съ цѣлью жениться на мнѣ,

въ нашъ домъ? Припоминаете нашъ магазинъ стариннаго хрусталя, оружія и всякихъ рѣдкостей?.. Родители мои были люди положительные. Съ раннихъ лѣтъ научили они меня знать цѣну деньгамъ. Вотъ почему я умѣю ихъ считать и отчего, быть можетъ, заслужила вашу благодарность.

Феликсъ. Что это, сонъ?.. Увѣряю тебя, мой добрый другъ... Ты почти пугаешь меня!..

Елизавета (съ горечью). О! успокойтесь... Несмотря на данное мнѣ воспитаніе и окружавшую меня среду, я не придавала, можетъ быть, такого абсолютнаго значенія тому, что принято считать «положительной» стороной жизни. Но, изъ присущей дѣтямъ скромности, я старалась понимать вещи такъ, какъ понимала ихъ моя семья. Я говорила себѣ: «Они должно быть правы, вѣдь они старше меня и они—мои родные...» Понимаете-ли вы отчетливо все это?..

Феликсъ (запинаясь). Но, я... да послушай, присядь же!..

Елизавета. Я помню, что отецъ мой часто разговаривалъ со мной, какъ со взрослой. Человѣкъ онъ былъ не глупый. «Смотри дитя»,—говаривалъ онъ во время прогулки, указывая мнѣ на вагоны, на электрическія проволоки, на паръ, на газъ — «вокругъ тебя движется дѣло рукъ человѣческихъ, предъ тобой разстилается освободительница-наука! Прошлое — лишь дѣтство человѣчества. Вѣдь едва сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, отрекшись отъ предразсудковъ и грезъ, смѣло подымаетъ голову къ небу! Будь же женщиной положительной, будь честна и богата; все прочее—лишь суета!»

Феликсъ (приближаясь къ Елизаветѣ). Ну, что-жъ, да вѣдь это совсѣмъ не глупо сказано, въ особенности послѣднее!

Елизавета. Я внимательно выслушивала его рѣчи, но, несмотря на дочернее уваженіе, находила, что въ сравненіи съ этимъ прочимъ... которому родители мои давали имя «суеты», все то, что сами они считали «положительнымъ и существеннымъ,»—имѣло только второстепенное значеніе.

Феликсъ. Второстепенное!..

Елизавета. Да, второстепенное!.. И въ силу моей, къ несчастью можетъ быть и исключительной, но все же присущей мнѣ натуры, считаться съ которой никто, однако, не давалъ себѣ труда, я испытывала къ тому, что большинствомъ людей зовется «реальной» — понимаете-ли... «практической жизнью» — такое ужасное отвращеніе, что только опускала молча голову. Видите-ли,—какъ существуютъ люди, которыхъ не убѣдишь словами, такъ и меня не убѣдишь фактами. И всякій разъ, когда какой-нибудь образъ, какая нибудь мысль кажутся мнѣ прекрасными, подымаютъ меня надъ землей, давая возможность забыть мои будничныя заботы, мое повседневное рабство, я всегда сочту невѣрнымъ тотъ фактъ, который осмѣлится опровергать

ихъ реальность,—какимъ бы правдоподобнымъ ни казался онъ самъ по себѣ. И это только потому, что въ этомъ мірѣ, въ этой доброй трехсотъ-шестидесяти-пяти-дневной дѣйствительности, лучше, мнѣ думается, парить въ облакахъ, чѣмъ пресмыкаться въ грязи, какова бы ни была толщина и плотность этой грязи! (Молчаніе).

Феликсъ (какъ бы ошеломленный, про себя). Да что это она говоритъ?.. Что?..

Елизавета (съ простотой). Но явились вы. Изъ благодарности и чувства долга я послушалась совѣтовъ моей семьи. Я согласилась на бракъ съ вами... (съ улыбкой) и... вы врядъ-ли съумѣете себѣ представить то... глубокое равнодушіе, которое вы мнѣ постоянно внушали.

Феликсъ (холодно и приходя въ себя). Послушай, Елизавета! Я требую, чтобы ты прекратила, чортъ возьми, наконецъ свои шутки!

Елизавета. И когда, не отдавая себѣ почти отчета, къ чему я обязуюсь, я клялась вамъ передъ господиномъ въ яркомъ трехцвѣтномъ шарфѣ въ вѣрности до гроба, я говорила самой себѣ: «человѣкъ этотъ, въ рукѣ котораго лежитъ твоя рука, твой мужъ! Въ немъ должна ты искать опору! Онъ имѣетъ видъ существа здравомыслящаго, и всѣ его сужденія, должно быть, разумнѣе, вѣрнѣе, просвѣщеннѣе твоихъ!.. Ты должна открыть ему всю твою душу, отдать все довѣріе—возложить всѣ надежды!—вѣдь и это, говорятъ, твой долгъ».

Феликсъ (нѣсколько успокоенный, шутливо). Прекрасно!.. очень хорошо!.. Вотъ видишь, когда ты говоришь сколько-нибудь разумныя вещи, я готовъ тотчасъ же согласиться съ тобой.

Елизавета. Три дня спустя, я имѣла глупость, не понявъ какъ слѣдуетъ вашего молчанія, предложить вамъ жить со мной предназначенной намъ жизнью. Я говоряла вамъ обо всемъ, что есть лучшаго на землѣ, объ истинной реальности, той, которую слѣдуетъ предпочесть. Я кидала къ ногамъ вашимъ всѣ сокровища моего ума и сердца. Я говорила вамъ о жизни, полной умственныхъ интересовъ и мирной. Я сознавала себя достойной быть любимымъ существомъ, вѣрнымъ другомъ, любящей матерью!

Феликсъ (гладя себя по подбородку) Но... я припоминаю... только...

Елизавета. Да... вашу позу въ то время, какъ вы слушали меня, не такъ-ли?.. И, впрямь, она незабвенна... Это было въ такой же поздній часъ, на этомъ же самомъ мѣстѣ, четыре съ половиной года тому назадъ... Вы приблизились ко мнѣ съ ласковой, снисходительной, почти отеческой улыбкой и, потрепавъ меня дружески двумя пальцами по щекѣ, сказали тономъ старшаго—этимъ, знаете-ли, столь свойственнымъ вамъ снисходительнымъ тономъ:—«Сумасбродная головка! Да полно же, полно, постараемся успокоить наше разстроенное воображеніе»! Вотъ чѣмъ отвѣтили вы на всѣ мои рѣчи. И я тутъ же поняла, что хотя насъ и об-

вѣнчали,—истиннаго брака, духовнаго единенія между нами заключено не было. Поняла, что мы съ вами—люди различныхъ лагерей и что я погибла... И я рѣшила вырваться изъ оковъ и доказать вамъ, поступая такимъ образомъ, что кругъ моихъ интересовъ лежитъ за предѣлами вашего. Я постаралась быстрыми и выгодными операціями вознаградить васъ, по возможности, за ущербъ, который можетъ причинить вамъ мой уходъ. Вотъ причина моего трудолюбія, моей усидчивости... и вашего утроеннаго состоянія,—это мой выкупъ!..

Феликсъ (начиная сердиться). Та! та! та! Ты говоришь глупости! Я разсержусь, наконецъ! Я знаю женщинъ... и умѣю прощать ихъ вспышки... Но чего ты, собственно говоря, хочешь?.. Чего ты добиваешься, въ концѣ концовъ,?..

Елизавета. Жить я хочу! Понимаете-ли вы это, безразсудный человѣкъ! Вамъ недоступно, что можно желать только жить?.. Да вѣдь я-же здѣсь задыхаюсь! Заживо умираю! Я хочу жить! Видѣть небо! Дышать свободно и глубоко! Развѣ я унесу ваши банковые билеты съ собой въ могилу? Сколько полагаете вы, можно прожить? (умолкаетъ, затѣмъ снова задумчиво) жить?.. То ли это, чего я желаю?.. способна-ли я желать еще?.. Любовникъ, сказали вы!.. Увы, нѣтъ! У меня его нѣтъ и никогда не будетъ!—Я была создана, чтобы любить, слышите-ли?—своего мужа... Я ждала только проблеска человѣчности отъ него!..—Развѣ вы не видите, что все для меня теперь кончено, что гордая жажда любви во мнѣ погасла, что къ прошлому нѣтъ возврата, что вы, какъ бездѣлицу, взяли у меня боязливой и глупой, все что я хотѣла отдать самовольно...—о! и безумно, и страстно, и безъ сожалѣнья... и на вѣки!... Я не желаю вамъ—понять когда-нибудь, что вы утратили... Вы какъ слѣпой растеряли драгоцѣнные камни по дорогѣ!..

Феликсъ (глядя на нее съ безпокойствомъ, въ сторону). Она сходитъ съ ума!.. (Вслухъ медленно и ледянымъ тономъ). Да полно-же, полно, успокойся!.. Вѣдь все это одни слова. Не слѣдуетъ такъ себя взвинчивать фразами... Что если-бы ты пошла спать?.. Право же, это было бы совсѣмъ не дурно!..

Елизавета (не слушая). Слова?.. Чѣмъ же какъ не словами отвѣчать мнѣ вамъ?.. Чѣмъ задаете вы мнѣ вопросы?.. Въ словахъ вашихъ мнѣ слышится только звукъ золота. Если мои—прекраснѣе, лучше вашихъ, пожалѣйте меня! Это зло непоправимое, но что дѣлать?—я не умѣю говорить иначе... Да и не все-ли равно!.. Оба мы, говорю я вамъ, правы. Только дѣло здѣсь не въ правотѣ!.. Но, какъ глубоко я знаю, что для васъ лишь пустые звуки—безпредѣльная жажда любить свѣтъ и красоту міра, если другая любовь невозможна, если не умѣешь любить даже прибыль! Я знаю, что слова «надежда, вечеръ и уединеніе подлѣ прекрасной, молодой, молчаливой женщины»—заставятъ васъ лишь пожать

презрительно плечами!.. Знаю, что слова «таинственность вселенной» вызываютъ на устахъ вашихъ лишь самодовольную улыбку... Вѣдь вамъ никогда ничто не казалось ни печальнымъ, ни таинственнымъ, даже наука!.. Знаю, что, въ качествѣ человѣка просвѣщеннаго, вы благоволите, «если располагаете временемъ», обратить благосклонное вниманіе на природу, море, деревья, скалы и горы, на солнце, на ночь и на зиму—и даже... на звѣздное небо, если и существуютъ для васъ небеса. Вы находите это «поэтичнымъ»—называете это «деревней». Я смотрю на вещи иначе. И такъ какъ внѣшній міръ имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку онъ отражается въ словахъ, которыя мы къ нему примѣняемъ, и въ глазахъ, которыми мы на него смотримъ, слѣдуетъ, думается мнѣ, цѣнить вещи выше, чѣмъ они стоятъ. Въ этомъ—вся наука жизни, все величіе, все счастье людское!..

Феликсъ (съ оттѣнкомъ нетерпѣливаго сожалѣнія). Наука жизни состоитъ въ томъ, чтобы не предаваться безплоднымъ мечтаньямъ. Да и что, скажи на милость, понимаешь ты подъ словомъ «мечтать»?..

Елизавета (печально). Вы обѣщаете понять это?..

Феликсъ (вспыхивая). Елизавета!.. Нѣтъ, я далъ себѣ слово выслушать до конца. Я хочу знать, что ты думаешь...

Елизавета (спокойно). Что-жъ, мечтать—значитъ забыть, прежде всего, могущество низменныхъ умовъ, въ тысячу разъ болѣе гнусныхъ чѣмъ глупость! Это значитъ—не слышать непрестанные крики неутомимыхъ хищниковъ. Забыть униженія, которымъ всякій подвергается, которыя всѣ неизмѣнно налагаютъ другъ на друга и которымъ вы даете имя «общественной жизни». Это значитъ — забыть такъ называемыя «обязанности», которыя лишь коробятъ совѣсть и представляютъ, на самомъ дѣлѣ, только жажду низменныхъ, личныхъ интересовъ, во имя которыхъ можно оставаться безучастнымъ къ горю обездоленныхъ судьбой!.. Мечтать—значитъ созерцать въ себѣ сокровенный міръ, внѣшнія проявленія котораго служатъ лишь слабымъ его отраженіемъ!.. Это значитъ—укрѣпляться въ непобѣдимой надеждѣ на близкую уже смерть! Ощущать себя въ безпредѣльномъ! Сознавать себя одинокимъ, но вѣчнымъ! Любить идеальную красоту, любить ее свободно, какъ свободно текутъ въ морѣ рѣки!.. И остальное все, всѣ эти «обязанности» не стоятъ и того, что-бы на нихъ падали лучи солнца въ это проклятое время, въ которое я осуждена жить. Мечтать—значитъ умирать, но умирать, по крайней мѣрѣ, молчаливо и съ солнечнымъ свѣтомъ въ глазахъ. Ничего другого я ужъ не желаю!.. Я не способна ни на восторги, ни на любовь!.. Все умерло во мнѣ.

Феликсъ (дерзко). Знаешь, что я скажу тебѣ?—Ты просто начиталась скверныхъ романовъ и они кружатъ тебѣ голову!

Елизавета (не придавая его словамъ значенья). Но если-бъ

мечты сводились лишь къ безплодному созерцанію собственнаго одиночества, не полезнѣе было-бъ и въ такомъ случаѣ мечтать, чѣмъ тратить время на игру въ раззореніе другихъ, на тысячи ежедневно совершаемыхъ неизбѣжныхъ подлостей и низостей?.. Вызывать отвращеніе къ работѣ у тружениковъ зрѣлищемъ дозволенныхъ, обогащающихъ въ какой нибудь часъ операцій!.. Взамѣнъ грезъ—вы можете предложить мнѣ лишь небытіе!..

Феликсъ (разражаясь смѣхомъ). И ты хочешь заставить меня думать, что ты женщина безъ принциповъ?.. Ты?.. Честное слово ты витаешь сегодня въ царствѣ фантазій!.. И подумать только, что сейчасъ ты была здѣсь, со мной, такъ спокойна и разсудительна!.. Просто не вѣрится!.. Ты ставишь мнѣ въ упрекъ мои заботы о приданомъ нашей дѣвочки?..

Елизавета. Если бы я могла хоть жалѣть васъ!.. Но эти жалкія бумаги, эти цифры, эта полная денегъ касса, процессы, ликвидаціи, сутяжничество — ваша стихія. Вы живете въ ней, какъ рыба въ водѣ! И ловите, какъ мотыльковъ на лету, банковые билеты!.. Словомъ, солнце сіяетъ, вѣтеръ шумитъ, человѣкъ терпѣливо грезитъ и страдаетъ, небеса простираются надъ гробницами—и вся жизнь предназначается лишь на непрерывное увеличеніе капитала, съ преміями, дивидендами и процентами... по возможности сложными! И это не полное безуміе?.. Обирать другихъ и убивать въ себѣ жизнь изъ-за маніи къ дѣламъ!.. изъ-за почти машинальной, неутомимой жажды къ деньгамъ?..

Феликсъ (постукивая ногой). Деньги — это почетъ и уваженіе въ карманѣ!.. Ты сама отлично это знаешь.

Елизавета. Пусть такъ. Но ваши радости не могутъ быть моими. Я считаю вещи, которыя вы находите пустыми и вздорными, единственной дѣйствительностью, за которую стоитъ умереть. И что для васъ лишь развлеченіе, для меня — вещи истинно полезныя, необходимыя, прежде всего, для поддержанія самой жизни. А ваши «дѣла», на которыя вы убиваете лучшіе дни своей жизни, нахожу я ребяческими и вредными!.. Даже думать о нихъ—хотя-бы затѣмъ, чтобы признать ихъ ничтожество, я считаю униженіемъ и безплодной тратой времени. Этой цѣной платятъ за насущный хлѣбъ только люди, способные ѣсть его.

Феликсъ (въ бѣшенствѣ). Положительно... я...

Елизавета (садясь, съ неподвижно-устремленнымъ взоромъ, тихо, почти про себя). Да!.. Дочернее уваженіе и супружеская вѣрность не оправдали моего слѣпого довѣрія!.. Совѣсть моя ужасается результатовъ исполненнаго долга! Эти громкія слова загубили, во имя того-же призрачнаго долга, мою молодость, мою красоту, заставили меня просидѣть лучшіе дни надъ счетными книгами, дали мнѣ ребенка, котораго я не смѣю воспитывать, мужа, одно присутствіе котораго и нѣкоторыя

связанныя съ нимъ воспоминанія вызываютъ на глаза мои... о, глядите!.. слезы стыда... Будущность—безъ семьи, безъ друзей!.. О, эти громкія слова!.. Они погубили все, что я хотѣла любить, исказили, извратили всѣ лучшія стороны моей души!.. И сквозь эти развалины, если-бъ я вздумала обнажить ихъ, я могла-бы услышать, вмѣсто утѣшенія, только грубое гоготаніе людей, которые окрестили-бы меня «непонятой», «сантиментальной» женщиной, во имя своей чисто внѣшней «солидности». Вѣдь безучастіе къ горю ближняго и извѣстная, презрительная манера произносить слова «мечты», «поэзія», «облака» придаютъ немедленно положительность жалкимъ, тупымъ людишкамъ, которые не были-бъ въ состояніи выдержать и пяти-минутнаго дѣлового спора со мной!.. А свою дѣловитость я, мнѣ думается, доказала!.. Да!.. Вотъ что я утратила во имя того, что дважды два четыре (что я знаю также какъ и вы, а можетъ быть даже и лучше). И все, что на вѣкъ утрачено мною — весь вашъ хваленый здравый смыслъ не возвратитъ мнѣ никогда, никогда!. Вотъ гдѣ мой пассивъ!.. Вотъ итогъ моей жизни! И вотъ отчего я передаю его въ эту ночь въ ваши руки!..

Феликсъ (пожимая плечами). Право, твоя смѣшная экзальтація истощаетъ, въ концѣ концовъ, мое терпѣніе. Перестань, наконецъ, обвинять!.. Скажи, чего ты хочешь?..

Елизавета (подымаясь). Видите — объясненія между нами невозможны. Еслибы вы могли хоть на мигъ понять, что вы мнѣ причинили, угрызенія совѣсти отравили-бы навсегда ваше безсознательное спокойствіе. Но вы не можете ни знать, ни понять этого, такъ что мнѣ даже незачто ненавидѣть васъ. О! душа моя — украденный акробатами ребенокъ! и мое сердце—полная желчи золотая чаша!.. Я жажду хоть проблеска свободы!.. И если долгъ мой велитъ мнѣ остаться съ вами, я больше не въ силахъ подчиняться ему!.. И я покидаю васъ!.. И я ухожу!.. И благодаря вамъ, я не смѣю терять ни минуты, если хочу сохранить въ себѣ способность и силу насладиться хоть послѣдними остающимися мнѣ лучами солнца.

Феликсъ (глубоко изумленный). Да вѣдь я же тебѣ предлагаю проводить по два дня въ недѣлю въ деревнѣ?..

Елизавета (не слушая его). Далеко отсюда—въ Исландіи, Сициліи или Норвегіи, безразлично—въ одной изъ тѣхъ мѣстностей, которыя я такъ люблю, стоитъ маленькій, одинокій домъ; я пріобрѣла, я купила его на заработанные мною деньги... Вмѣсто того, чтобы сидѣть за рѣшеткой этой конторки, я замкнусь въ этомъ далекомъ убѣжищѣ; я хочу увидѣть снова широкій горизонтъ. Это приноситъ пользу. Что до общества, которое вы принимаете у себя по средамъ, я предпочитаю ему общество деревьевъ. И я готова охотнѣе слушать завываніе зимняго вѣтра, чѣмъ мадригалы господина Водрана. Вотъ моя манія.

Феликсъ (въ изумленіи). Какъ!.. Водранъ сочиняетъ тебѣ мадригалы?..

Елизавета (продолжая). Я вновь открою мои старыя книги, вѣрные спутники длинныхъ вечеровъ! Возобновлю связь со старымъ другомъ—молчаніемъ. Не бойтесь-же за ваше имя, которое я не могу сорвать съ себя. Я считаю честность — вы должны знать это—самымъ дорогимъ и цѣннымъ изъ всего, что существуетъ на свѣтѣ, что бы ни говорили и ни дѣлали люди, и въ тотъ день, когда я перестану считать себя безукоризненно честной, я угасну, какъ угасаетъ лампа. Я существо такимъ образомъ созданное и цѣню въ себѣ это. Я женщина, которая не хочетъ лгать!..

Феликсъ (въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, но насмѣшливо и холодно). А-а... такъ ты пріобрѣла помѣстье?

Елизавета (разсѣянно играя маленькимъ, дорожнымъ револьверомъ). Никто не отыщетъ меня въ странѣ, гдѣ я скоро буду. А страсть, которую я питаю къ водовороту свѣтской жизни, нарядамъ, удовольствіямъ, ухаживаніямъ, баламъ, заставитъ меня покинуть мое уединеніе только одинъ разъ: это, должно быть, случится какимъ-нибудь декабрьскимъ утромъ, по грустной дорогѣ, подъ свинцовымъ небомъ и холоднымъ дождемъ, въ сопровожденіи старой служанки и человѣка съ заступомъ...

Феликсъ. Сомнѣній нѣтъ! Доктора! Она сошла съума!.. Да вѣдь ты мнѣ разсказываешь Робинзона!.. (Елизавета окутывается спокойно плащемъ, надѣваетъ перчатки и шляпу. — Феликсъ, прерывая самого себя) А-а! такъ ты уходишь? Куда же ты идешь?—Надѣюсь, ты прекратишь эту нелѣпую сцену и отправишься, какъ благоразумная женщина, спать?.. Деревня, деревня, чортъ возьми!.. Это хорошо для птичекъ... Я горячился сейчасъ: я былъ не правъ, принимая въ серьезъ... Послушай! Отбросимъ эту жалкую комедію отъѣзда, о которой ты также мало думаешь, какъ и я, и несуразность которой не поддается даже обсужденію. Я докажу тебѣ это однимъ, единственнымъ словомъ.— Ты покидаешь меня?—Пусть такъ! А твои материнскія обязанности?.. Ты говоришь мнѣ о деревьяхъ, — спутникахъ твоей жизни. А твоя дочь?.. Вотъ истинный спутникъ твоей жизни! Ты обязана воспитать ее, внушить ей любовь къ родителямъ, обучить всему, что слѣдуетъ знать женщинѣ: веденію книгъ, здравымъ понятіямъ, полезной и дѣятельной жизни! Ты можешь даже обучать ее и молитвамъ: я тебѣ это позволяю. Да, да. Я ужъ давно замѣчаю, что ты впадаешь въ мистицизмъ и начинаешь пѣть Лазаря! Ни слова больше, и изволь идти спать!.. Завтра утромъ, когда мысли твои будутъ въ порядкѣ... ты сознаешься первая...

Елизавета (останавливаясь и сдвинувъ брови). Милостивый государь,—вѣдь я васъ прекрасно знаю. Вы пытаетесь разбудить во мнѣ

материнскія чувства только съ тѣмъ, чтобъ удержать хоть цѣпью надежнаго и вѣрнаго кассира. Я, знаете-ли, вижу всю вашу тактику: у меня зрѣніе острое.—Не далѣе, какъ вчера, вы изъявляли желаніе, чтобъ дочь ваша воспитывалась «какъ всѣ барышни» до своего замужества въ монастырѣ и была бы отдана туда какъ можно раньше!

Феликсъ (замахиваясь на нее и тутъ же опуская руку). Несчастная! Да, сохранила-ли ты хоть каплю разсудка! Ты собираешься бросить бремя твоего вымышленнаго горя на жизнь маленькаго, невиннаго существа! Ты не имѣешь на это права! Я не считаю тебя ни извращенной, ни подлой!

Елизавета (разгораясь гнѣвомъ и принимая почти угрожающій тонъ). Моя дочь!.. О! сколько разъ по ночамъ брала я ее въ мои объятія, стараясь ласками пересоздать ее, воплотиться въ ней, вдохнуть ей мою душу!.. Поздно!.. Я не чувствую, не нахожу себя въ этомъ ребенкѣ, который смотритъ на меня, какъ на чужую! Васъ, одного васъ, вижу я въ глубинѣ ея глазъ. Вы преслѣдуете меня даже въ ней!.. Будь это иначе, нежели вы допускаете, что я не украла бы ее у васъ? Хотя бы только для того, чтобъ убѣдиться, что она—моя!.. И вы полагаете, что я побоялась бы сдѣлать ее спутникомъ моего несчастья? Но если и существуютъ несчастья, несущія въ себѣ долю величія и красоты, мое несчастье, упавъ на почву, подобную вашей дочери, могло бы стать въ ней лишь ядомъ!.. Глядите,—капля по каплѣ вытекла любовь изъ моего сердца! Я—живой мертвецъ: я заморозила-бы дочь мою поцѣлуемъ! И я покидаю ее, какъ покидаю вашъ домъ, пожертвовавъ всѣмъ, всѣмъ, находя себя ненужной и вредной!.. И потомъ... у меня вѣдь съ этихъ поръ имѣются и другія обязанности, да и дѣло теперь не въ томъ. Прощайте, очагъ погасъ, пепелъ остылъ. (Окутывается наскоро плащемъ и направляется къ выходу).

Феликсъ (становясь предъ нею со скрещенными на груди руками). Елизавета! Ты отсюда не выйдешь! Развѣ я не хозяинъ въ этомъ домѣ? Ты хочешь бросить мужа и дочь, ты честная, уважаемая женщина!.. Да полно же!.. Ты бредишь: это невозможно!..

Елизавета (оборачивается и указываетъ ему на лежащее на письменномъ столѣ хрустальное прессъ-папье). Оставляю вамъ на память о себѣ этотъ кусокъ хрусталя. Тѣнь отъ вашихъ бумагъ не заставила потускнѣть его... Всякій свѣтъ, даже свѣтъ вашей свѣчи, отражается въ глубинѣ его тысячью чудныхъ огней! Отражать свѣтъ—вотъ въ чемъ вся его жизнь! У него твердые, острые углы; онъ гладокъ, прозраченъ, онъ словно застылъ!.. Если вамъ случится вспомнить обо мнѣ—взгляните на него (опускаетъ вуалетку и, широко распахнувъ предъ собой двери, исчезаетъ во мракѣ, оставляя Феликса въ остолбѣненіи).

Феликсъ (бросаясь за нею). О, чортъ!.. (Останавливается на порогѣ, какъ бы вдругъ одумавшись. Глубокое молчаніе).

ЯВЛЕНІЕ II.

Феликсъ (съ холоднымъ и презрительнымъ гнѣвомъ). Это чтобъ напугать меня. Она не оставила бы мнѣ своей дочери!.. Я былъ слишкомъ терпѣливъ: я долженъ былъ... Да. Долженъ бы взять... Она думаетъ, что я побѣгу за нею...—не такъ простъ! Она слишкомъ начиталась судебныхъ процессовъ въ эти послѣдніе дни, во время моего послѣобѣденнаго отдыха; стала какой-то странной съ нѣкоторыхъ поръ. О! я знаю женщинъ. Это нервный припадокъ; нервный припадокъ, не больше!.. Хоть бы я что-нибудь понялъ изъ ея упрековъ... Да что-же я ей сдѣлалъ, я?.. Ничего, рѣшительно ничего!.. Все равно, нельзя пропустить безнаказанно эту первую вспышку... она, навѣрно поднялась къ себѣ и я сейчасъ... (раздается стукъ отъѣзжающей кареты). Что это?.. (Бросается къ окну и открываетъ его). Какъ!.. нѣтъ, это невозможно!.. Она не покинула бы ребенка. эта женщина!.. Батистъ!.. запрягать!.. лошадей!.. Бат... (ударяетъ себя по лбу и останавливается). Господи!.. Слишкомъ поздно!.. А такъ это она отправила ихъ спать сегодня! Она приказала пріѣхать каретѣ. Несчастная!.. Она... попосмѣла!.. Я... задыхаюсь (срываетъ съ себя галстухъ). Отчего у меня такое стѣсненіе въ груди! Я сорвалъ галстухъ и не могу дышать свободно! Голова моя горитъ!—Я не считалъ себя такимъ впечатлительнымъ!.. Уѣхала!.. Кинула!.. (бросается въ кресло у стола). Какъ!.. такъ можно безнаказанно бросить дочь и мужа для какихъ-то химеръ!.. (Молчаніе). О! эта мебель... перо, которое она держала... оставленныя ею часы... кольцо!.. Въ головѣ моей не вяжется мысль, что она бросила меня съ дѣвочкой.—Да неужто-жъ она уѣхала?.. Это немыслимо, невозможно!.. (подымается и ходитъ большими шагами). Нѣтъ! не вернется она, не вернется! Я начинаю теперь понимать ее! Я знаю ее... и я одинокъ. Она все предвидѣла... я... (испускаетъ крикъ и садится въ углу гостиной въ кресло). Ахъ, эти стѣны! Какъ здѣсь все пусто! Я не замѣчалъ этого раньше... (какъ помѣшанный, тихо, прерываясь) Маленькій домикъ, зимній вѣтеръ, вѣчное молчаніе, одиночество.—Одиночество!.. а я то?.. (Вскакивая). На помощь!.. не знаю, что со мной... я здоровъ... но это адъ! Мнѣ кажется, что я тону, что изъ меня тянутъ жилы!.. Елизавета! Ели... (дѣлаетъ, шатаясь, нѣсколько шаговъ, вытянувъ какъ безумный руки и падаетъ въ кресло у двери), не знаю... но, право, я такъ ужасно страдаю!.. (теряетъ сознаніе).

ЯВЛЕНІЕ III.

Нѣмая сцена. Часы надъ дверью бьютъ часъ, затѣмъ, черезъ довольно продолжительные промежутки, половина перваго, два часа, половина третьяго, три часа, половина четвертаго и четыре часа. Феликсъ въ обморокѣ. Сквозь стекла проникаетъ разсвѣтъ, свѣчи потухаютъ, розетка на подсвѣчникѣ лопается, огонь въ каминѣ гаснетъ. Дверь въ глубинѣ вдругъ открывается, входитъ Елизавета; лицо ея смертельно блѣдно, она вся дрожитъ и закрываетъ носовымъ платкомъ ротъ. Не видя мужа, она медленно направляется къ креслу у камина.

Она сбрасываетъ съ себя шляпу и закрывъ лицо руками, кидается въ кресло и начинаетъ говорить тихо.—Ей холодно, дрожь пробѣгаетъ у нея по тѣлу и зубы стучатъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Елизавета и Феликсъ.

Елизавета (какъ-бы застывъ, про себя). Поздно: у меня нѣтъ души. Когда я вздумала взглянуть сквозь стекла кареты на ночь, когда моя жаждущая свободы и стѣсненная тоскою грудь широко вдохнула ночной воздухъ, — холодная дрожь изгнанія пробѣжала по мнѣ. Я чувствовала на себѣ какіе-то свинцовыя оковы. Одно мгновенье мнѣ казалось, что я преувеличила очарованіе желанной страны... Стукъ колесъ причинялъ мнѣ страданія. Мнѣ казалось, что я хотѣла скрыть что-то отъ самой себя. Даже гордость покинула меня, и одиночество—лишь удивляло. «Я, должно быть, больна»—говорила я самой себѣ. Разрывъ этотъ слишкомъ взволновалъ меня. Но вѣдь прежде болѣзненное состояніе не отражалось на моихъ убѣжденіяхъ! Нѣтъ! это было нѣчто иное! Я чувствовала себя подавленной и безсильной. Слабость и отчаяніе овладѣли мной. Я находила себя такой-же, какъ и всѣ!.. Я глубоко сознавала, что случилось нѣчто роковое, непоправимое. Минуты казались вѣками. Я видѣла себя завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю, черезъ три мѣсяца—грустной, одинокой, сожалѣющей, быть можетъ, въ тиши столь желаннаго одиночества, о моей прежней, неподвижной жизни (облокачивается, задумчиво). Вѣтви терна стучали по стекламъ кареты, сквозь деревья свѣтились небеса, да небеса. Они казались мнѣ запретными, я чувствовала, что не умѣю смотрѣть на нихъ, какъ прежде! О, ужасъ! Я сознавала, что вокругъ меня струится священное дуновенье жизни, и безучастно прислушивалась къ нему! Оно не проникало меня больше. Я потеряла способность чувствовать жгучую жажду забвенія, сосредоточиваться въ созерцаніи. Потеряла способность смотрѣть какъ прежде на вещи. Все было кончено!.. (Молчитъ). О, Господи, я сознаю, я чувствую, что поздно, поздно!.. Нельзя

безнаказанно спускаться на землю, хотя-бы для того, чтобы выкупить себя!.. Я преувеличила — какъ столько другихъ — цѣнность насущнаго хлѣба (вытираетъ платкомъ глаза). Нѣтъ у меня глазъ моей юности— эта гробница погребла ихъ! Я недостойна прежнихъ радостей! Я не могу восторгаться искусствомъ, находить отраду въ тишинѣ!.. Человѣкъ этотъ выпилъ, какъ воду, все что было во мнѣ прекраснаго. Вся моя энергія изсякла. Уступки, которыя я непрестанно дѣлала за четыре года моей короткой жизни, подавляя мои душевныя силы, надломили ихъ! Ничто не проходитъ безслѣдно. Я безумно хвалилась, говоря, что хочу жить.. Я не могу жить... И мужъ мой не тяготитъ ужъ меня! Его жизнь или смерть ничѣмъ не измѣнятъ моего одиночества! Ядомъ и мракомъ наполнила мнѣ душу его вѣчная улыбка, а цифры—притупили умъ!.. Умретъ-ли онъ, будетъ-ли жить—я ужъ не стану иной... Міръ для меня опустѣлъ... Я не безумна и не больна, а поражена, кажется, той непреходящей скукой, которая часто выпадаетъ на долю такихъ женщинъ, какъ я, и которая—неизлѣчима.

Все кончено, вотъ и все. Зачѣмъ уходить? Не все-ли равно подъ какимъ кровомъ спать?.. Знаю-ли я, что побудило меня вернуться?. Ахъ, да! вспоминаю... Я не знала куда идти. Утренній холодъ захватилъ меня и я вернулась. (Долгое молчаніе). Есть еще одинъ выходъ. Унести съ собой дочь! Ухватиться за нее, какъ утопающій—за соломенку. Сдѣлать изъ нея женщину сильную, способную противостоять всѣмъ жизненнымъ невзгодамъ! Для этого надо бѣжать съ ней и съ высоко поднятой головой встрѣчать... (горько улыбается). Что?.. Имѣю-ли я право налагать на дочь тяжелое бремя моего будущаго?.. (Молчитъ). Нѣтъ! не хочу, не могу сдѣлать это!.. Можно царить надъ закономъ только подъ условіемъ подчиненія ему. Пусть въ минуту смерти я не смогу упрекнуть себя въ романтическихъ поступкахъ. Я отдана погубившему меня ничтожному существу. Смерть захватила въ свои когти живое существо!.. Мое мѣсто здѣсь! Мнѣ нѣтъ выхода! Я должна остаться. Бѣжать въ безсиліи для малодушнаго одиночества было-бы обыденной подлостью. Я займусь воспитаніемъ дочери. Начну завтра свою повседневную жизнь. Все изжито. Испытаніе кончено. Я побѣждена. (Молчаніе). А теперь — ни волненій, ни стыда. Закройся разбитая грудь! Ты была создана, чтобы рождать мужественныхъ освободителей, покоить великодушныхъ друзей свободы!.. Говорятъ, это не нужно... Говорятъ, что жить подъ этой кровлей— долгъ, честь, достоинство всей твоей жизни (минуту спустя). И все-же, и все-жъ, все это такъ странно!.. (Встаетъ). Кончено. (Оправляетъ предъ зеркаломъ платье, бросаетъ въ сторону дорожный плащъ и становится токою, какой была въ началѣ перваго дѣйствія). О, этотъ блѣдный, холодный разсвѣтъ! (Осматривается). Мнѣ кажется, что годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ я покинула эту гостиную!.. (подхо-

дитъ медленно къ столу, подымаетъ фитиль въ лампѣ, открываетъ кассовую книгу и надѣваетъ люстриновые манжеты). Бываютъ въ жизни минуты, въ которыя рѣшается вся жизнь и звучитъ послѣднее прости!.. А теперь, за работу!.. (Она садится, беретъ въ руки перо и принимаетъ ту-же позу, что при поднятіи занавѣса).

Феликсъ (приходя вдругъ въ себя и глядя на нее съ изумленіемъ). Вы! Вы! Здѣсь!.. — И я не брежу?.. Такъ ты отослала карету? Ты не уходила?.. А вѣдь я... чуть было не умеръ!.. (взглядъ его падаетъ вдругъ на часы) четыре часа! четыре!.. (смотритъ на Елизавету.—Молчаніе). А! понимаю! (съ насмѣшкой) однѣ безумныя не возвращаются!.. (скрещиваетъ на груди руки). Ну, что новенькаго въ Сициліи, Норвегіи, Венгріи?.. Въ самомъ дѣлѣ! ты полагала, что можно бѣжать отъ обязанностей въ страну химеръ?.. что грезы твоего воображенія осуществимы?. Какъ глупо было съ моей стороны портить себѣ кровь, вмѣсто того, чтобы сказать тебѣ просто: «Милый другъ, дверь предъ тобою открыта:—съ Богомъ»!.. (Елизавета дѣлаетъ движеніе) Ни слова, я тебя прощаю... и знаю, что теперь ты не уйдешь больше... Я даже не сожалѣю о страданіи, которое ты мнѣ причинила: опытъ принесъ пользу. Мой гнѣвъ показалъ мнѣ, что ты мнѣ дороже, чѣмъ я это думалъ, онъ показалъ тебѣ, что ты не только мой спутникъ, но жена моя—слышишь?... и онъ показалъ намъ обоимъ, что пока жива будетъ на землѣ «поэзія»—спокойствіе порядочныхъ людей ничѣмъ не застраховано.

Елизавета (съ кроткой улыбкой). И подумать только, другъ мой, что я собиралась васъ оставить какъ разъ во время трехмѣсячнаго баланса?.. Да вѣдь это было чистое безуміе!..

Феликсъ (въ восторгѣ). Что ты!.. Видишь! Вотъ слова, убѣждающія меня въ томъ, что ты здорова. Дай руку. Помиримся. Эхъ! что значатъ грезы передъ этой доброй дѣйствительностью? Мечты... Поэзія... Да, припадокъ... приступъ!.. И я извѣдалъ когда-то это!.. (беретъ ея руку. Елизавета шатается отъ утомленія. Феликсъ глядитъ на нее съ глубокой любовью. Елизавета, не переставая улыбаться, принимаетъ какой-то смущенный и вмѣстѣ счастливый видъ.—Феликсъ подноситъ руку жены къ своимъ губамъ, и—въ сторону, подмигивая). Все таки я не особенно огорченъ ея маленькимъ униженіемъ... (вслухъ). Видишь!.. Я не злопамятенъ?.. (цѣлуетъ ей руку. Молчаніе.—Елизавета стоитъ у кресла—она молчитъ.—Феликсъ не видитъ ее. Она какъ бы вся уходитъ въ тяжелыя думы).

Елизавета (склонившись надъ Феликсомъ медленно и серьозно) Бѣдный!.. (смотритъ на него съ состраданіемъ и глубокой грустью).

(Занавѣсъ падаетъ).

Дневникъ братьевъ Гонкуръ.

Записки литературной жизни. Переводъ Е. К.

(*Продолженіе* [1]).

1883.

Вторникъ, 20-го февраля. Сегодня вечеромъ, послѣ обѣда, Золя началъ говорить о смерти, неотступное представленіе которой все больше водворяется въ его умѣ съ тѣхъ поръ, какъ скончалась его мать. Послѣ небольшого молчанія, онъ говоритъ, что эта смерть нарушила цѣльность его религіознаго нигилизма,—до того ужасно ему вѣрить въ вѣчную разлуку. Онъ говоритъ, что хочетъ эту мысль о смерти, а можетъ быть и эволюцію философскихъ воззрѣній, произведенную смертью любимаго существа, ввести въ новый романъ подъ такимъ заглавіемъ, какъ «Скорбь».

Онъ теперь ищетъ этотъ романъ, ищетъ, гуляя по улицамъ Парижа, но не нашелъ еще дѣйствія, а дѣйствіе ему необходимо, такъ какъ онъ, по его словамъ, вовсе не человѣкъ анализа.

Воскресенье, 4-го марта. Я ищу для романа «Chérie» нѣчто, совсѣмъ не похожее на романъ. Мнѣ мало того, что интриги не будетъ. Я хотѣлъ-бы, чтобы выдѣлка была иная, чтобы книга носила характеръ записокъ. Слово «романъ» рѣшительно не подходитъ больше къ нашимъ книгамъ. Нужно-бы другое названіе, я ищу его и не нахожу. Слѣдовало-бы, пожалуй, употребить слово «исторіи» въ множественномъ числѣ, съ какимъ-нибудь эпитетомъ ad hoc, но въ томъ-то и штука! эпитетъ!.. Нѣтъ, для романа, каковъ онъ теперь, нуженъ былъ-бы терминъ въ одно слово.

---

[1]) См. «Сѣв. Вѣстн», 1897 г. № 9.

Понедѣльникъ, 2-го апрѣля. Я потратилъ цѣлый день, день, когда нужно было работать, на «первое представленіе весны», на смѣющуюся радость перваго веселаго дня.

Вторникъ, 3-го апрѣля. Сегодня утромъ, когда я всталъ, мнѣ сдѣлалось дурно, я долженъ былъ цѣпляться за мебель, чтобы не упасть. Я былъ-бы счастливъ, однако, кончить начатый романъ... А тамъ пусть возьметъ меня смерть,—если захочетъ, довольно съ меня жизни.

Пятница, 20-го апрѣля. Обѣдъ у Шарпантье.

Говоримъ о «молодыхъ». Оплакиваемъ въ нихъ недостатокъ живости, веселости, молодости. Приходится констатировать грусть всего современнаго молодого поколѣнія. Я говорю, что это очень просто: молодежь не можетъ не тосковать въ странѣ, гдѣ нѣтъ славы и гдѣ жизнь чрезвычайно дорога̀.

Тутъ Золя выѣзжаетъ на своемъ конькѣ. «Виновата наука!» Онъ отчасти правъ, но это не все.

— Настоящій литераторъ, нашъ старикъ Тургеневъ. Ему только что вынули изъ живота кисту, и онъ говорилъ Додэ, который его на-дняхъ навѣщалъ: «Во время операціи я думалъ о нашихъ обѣдахъ,—искалъ слова, которыми могъ-бы точно передать вамъ ощущеніе отъ стали, прорѣзающей мнѣ кожу и проникающей въ мясо...: какъ-будто вотъ бананъ, который разрѣзаютъ ножомъ».

Среда, 6-го іюня. Сегодня у меня былъ воспитанникъ коллежа, одинъ изъ тѣхъ большихъ бородатыхъ учениковъ, у которыхъ на лицѣ что ни волосъ, то прыщъ. Онъ приподноситъ мнѣ свои восторги и сообщаетъ, что въ настоящую минуту интеллигентные воспитанники, зубрилы и любители литературы въ коллежѣ дѣлятся на два лагеря: будущіе воспитанники Ecole Normale, поклонники Абу и Сарсэ,—и другіе, на которыхъ, будто-бы, изъ всѣхъ современныхъ писателей самое сильное вліяніе имѣютъ Боделэръ и я.

Суббота, 7-го іюня. Во мнѣ постоянная забота о томъ, чтобы продолжить себя послѣ смерти, пережить самого себя, оставить изображеніе себя, своего дома. Къ чему?

Пятница, 7-го сентября. Сегодня церковный обрядъ у гроба Тургенева вызвалъ изъ домовъ Парижа цѣлую толпу людей гигантскаго роста, съ приплюснутыми чертами, съ бородой, какъ у Бога Отца,—цѣлую Россію, о существованіи которой въ столицѣ міра нельзя было и заподозрить. Было также много женщинъ, русскихъ, нѣмокъ и англичанокъ, благоговѣйныхъ и вѣрныхъ читательницъ, пришедшихъ поклониться великому и нѣжному романисту.

Понедѣльникъ, 31-го декабря. Отечествомъ моего духа за весь конецъ этого года были столовая и рабочій кабинетъ Додэ. Тамъ я нахожу быстрое и сочувственное пониманіе моей мысли—у него самого;

у жены—нѣжное уваженіе къ старому писателю; у обоихъ—дружбу, ровную, постоянную дружбу, привязанность безъ капризовъ и скачковъ.

1884.

Вторникъ, 5-го февраля. Сегодня за обѣдомъ Бребанъ говорили о томъ, какъ нынче подавляется умъ ребенка, умъ юноши громадностью преподаваемыхъ предметовъ. Говорили, что надъ новымъ поколѣніемъ производятъ опытъ, результатъ котораго пока трудно предвидѣть. И среди спора одинъ изъ собесѣдниковъ иронически проводитъ мысль, что, пожалуй, всеобщее обязательное образованіе лишитъ будущее общество образованнаго мужчины и подаритъ его образованною женщиною: утѣшительная перспектива для будущихъ мужей!

Воскресенье, 10-го февраля. Авторъ шедёвра подъ названіемъ «Женитьба Лоти», г. Віо, морякъ въ штатскомъ платьѣ, маленькій господинъ, жидкій, худой, съ глубокими глазами, съ чувственнымъ носомъ, съ голосомъ, въ которомъ звучитъ что-то умирающее, какъ въ голосѣ больного.

Онъ молчаливъ, какъ страшно застѣнчивый человѣкъ. Надо вырывать у него слова. Во время разговора онъ, какъ-то случайно, вскользь, въ нѣсколькихъ словахъ, какъ самую обыкновенную вещь, описываетъ бурю, паденіе одного матроса въ море и отходную, прочитанную священникомъ съ палубы.

Додэ спросилъ его, не изъ семьи ли онъ моряковъ. Онъ отвѣчаетъ очень просто, своимъ тихимъ голоскомъ: да, у меня былъ дядя, котораго съѣли на плоту Медузы.

Суббота, 20-го апрѣля. Этого предисловія къ «Шери» я разумѣется не написалъ-бы, если-бы у меня не было брата. Меня-то теперь болѣе или менѣе признаютъ; книги мои продаются: да, я удовлетворяю этимъ двумъ условіямъ успѣха въ нынѣшней его формѣ. Это безспорно. Но я чувствую потребность въ горькой и мучительной жалобѣ на ту несправедливость, которую встрѣчалъ до самой смерти братъ мой, послѣ всего, что онъ сдѣлалъ со мною вмѣстѣ. Въ сущности, въ озлобленіи на мое предисловіе, меня больше всего удивляетъ, какъ мало понимаютъ эти самые критики, которые то и дѣло нападаютъ на буржуа за недостатокъ художественнаго чутья.

Говорю, напримѣръ, объ японскомъ направленіи въ искусствѣ, а они думаютъ, что это искусство создало только тѣ немногія смѣшныя бездѣлушки, про которыя имъ сказали, что это—верхъ безвкусицы и отсутствія рисунка. Несчастные! они до сихъ поръ даже не замѣтили, что весь нашъ нынѣшній «импрессіонизмъ» рожденъ созерцаніемъ свѣтлыхъ отпечатковъ Японіи и подражаніемъ имъ. Они не наблюдали, что мозгъ западнаго художника признаетъ въ орнаментаціи лишь украшеніе, помѣ-

щенное на срединѣ предмета, или же состоящее изъ нѣсколькихъ частей, изъ которыхъ всегда двѣ подъ пару другъ другу, взаимно уравновѣшиваются; а что подражаніе украшенію, брошенному на вещь сбоку, украшенію несиметричному, подрываетъ культъ греческаго искусства, по крайней мѣрѣ въ орнаментаціи.

Есть у меня пуговица, желѣзная пуговица, которою японецъ прикрѣпляетъ къ поясу свой кисетъ. На этой пуговицѣ, пониже лапки невидимаго журавля, летающаго внѣ гравированнаго медальона — видно только отраженіе этого журавля въ рѣкѣ, освѣщенной луною. Неужели народъ, въ которомъ ремесленникъ-поэтъ способенъ на подобные вымыслы, не годится въ учителя искусства другимъ народамъ?

Говоря, что Японія производитъ въ настоящее время переворотъ въ оптическихъ пріемахъ западныхъ народовъ, я утверждалъ, что Японія внесла новыя краски, новую декоративную систему, если хотите, наконецъ, новую поэтическую фантазію въ произведеніе предметовъ искусства, фантазію, которой вы не встрѣтите въ самыхъ совершенныхъ бездѣлушкахъ среднихъ вѣковъ.

Суббота, 24-го мая. Любопытно, какъ въ настоящую минуту по всѣмъ газетамъ съ любовью проходитъ и повторяется одно и то же отрицаніе всего самобытнаго въ литературѣ. Всѣ рѣшительно утверждаютъ, что все въ литературѣ уже было сказано другими, что нѣтъ ничего новаго, что нѣтъ «изобрѣтателей». Они не хотятъ, эти добрые критики, съ ребяческимъ гнѣвомъ не хотятъ генія, оригинальнаго ума. Они готовы утверждать, что комедія Бальзака—подражаніе Одиссеѣ и что всѣ остроты Шамфора были сказаны еще Адамомъ въ земномъ раю.

Вторникъ, 20-го авуста. — Ну, что де-Ниттисъ?

— Очень плохъ!

Такъ отвѣчаетъ мнѣ Луиза, кухарка, въ прихожей его дома, въ С.-Жерменѣ.

Почти тотчасъ-же я слышу на лѣстницѣ задыхающійся голосъ: «а, это вы, иду...»—и вижу бѣднаго моего де-Ниттиса, съ подозрительной желтизной въ лицѣ, съ угрюмымъ безпокойствомъ въ глазахъ, отъ которыхъ мнѣ дѣлается жутко.

Мы садимся на диванъ въ гостиной и онъ разсказываетъ мнѣ о своемъ разстройствѣ зрѣнія. «Да,—говоритъ онъ голосомъ жалобнымъ, какъ у людей очень слабыхъ,—когда я читалъ, мнѣ казалось, будто кое-гдѣ вырвано,—знаете, будто дыры такія, какъ отъ выстрѣла дробью въ бумагу... Предупредилъ врача... вѣдь это могло быть и дѣйствіе дигиталиса... онъ далъ другое лѣкарство... стало лучше... Но однажды мнѣ нужно было писать этюдъ, здѣсь, близко... погода была, какъ сегодня... Вдругъ мнѣ показалось, что я вижу тучи мухъ... но вы бывали въ Англіи, вы видали, какой бываетъ тамъ «черный туманъ...» Ну вотъ,

то-же самое было у меня въ глазахъ... Ахъ, я испугался... Вѣдь, знаете, одно время здѣшній докторъ не зналъ, что думать—какія у меня болѣзни, думалъ, что есть болѣзнь спинного мозга, по глазамъ... Наконецъ, на дняхъ, онъ меня успокоилъ: думаетъ, что вся штука въ сердцѣ...

— А я всегда завидовалъ вашему здоровью,—сказалъ я черезъ нѣсколько минутъ.—Вѣдь началось съ того бронхита, два года тому назадъ, не такъ-ли?

— Съ бронхита?.. Нѣтъ, — отвѣтилъ де-Ниттисъ.—Это—утомленіе всей жизни, молодость, проведенная за работой, въ полѣ, когда некогда бывало поѣсть, въ Англіи, гдѣ я по цѣлымъ днямъ писалъ среди тумана... да мало-ли что...

За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ намъ разстаться, весь осунувшись, онъ роняетъ тихимъ голосомъ:

— Видите, разъ вы такъ повреждены, какъ я, ужъ не поправиться!

Я ухожу убитый горемъ, унося отъ бѣднаго моего друга впечатлѣніе существа, пораженнаго на смерть.

Четвергъ, 21-го августа. Не прошло и нѣсколькихъ часовъ послѣ того, какъ я записалъ эти грустныя впечатлѣнія, какъ получилъ депешу: «Пріѣзжайте скорѣе. Г. де-Ниттисъ внезапно скончался».

На станціи С. Жерменъ я встрѣчаю Дину, которая ѣдетъ въ Парижъ покупать готовый трауръ для своей госпожи. Бѣдная дѣвушка разсказываетъ мнѣ на своемъ жаргонѣ, прерываемомъ рыданіями, о внезапной смерти де-Ниттиса. Онъ проснулся въ семь часовъ, она поставила ему на затылокъ тѣ четыре банки, которыя ему предписалъ тамошній врачъ, но на этотъ разъ банки плохо принимались, и больной нервничалъ. Однако, онъ заснулъ, проснулся въ половинѣ девятаго, одѣлся совершенно, но вдругъ сталъ жаловаться, что у него въ головѣ какія-то вещи, отъ которыхъ больно. Горничная, чесавшая ему волосы частымъ гребнемъ, вдругъ замѣтила, что онъ не можетъ уже держать голову, что она у него опускается, падаетъ, и спросила, что съ нимъ. Де-Ниттисъ сначала отвѣчалъ только стонами, болѣзненными вздохами, потомъ вдругъ, трогая себѣ лобъ, воскликнулъ: «Ахъ, ахъ, у меня здѣсь пустота, умираю»... Дина снесла умирающаго на постель. Онъ уже не говорилъ, не открывалъ глазъ, и только судорожно сжималъ руки. Такъ-какъ докторъ медлилъ, то позвали студента изъ больницы, который и объявилъ, что у моего друга параличъ всей лѣвой половины. Приливъ крови къ мозгу.

Прихожу въ этотъ грустный домъ, въ этотъ домъ, всегда казавшійся мнѣ жилищемъ счастья. М-мъ де-Ниттисъ, растрепанная, въ растегнутомъ лифѣ, изъ-подъ котораго выглядываетъ ночная кофта, въ криво сидящей юбкѣ, съ блуждающими глазами, безпрерывно ходитъ взадъ и впередъ по длинной гостиной, иногда опускаясь въ кресло или на диванъ, но сейчасъ-же вставая опять и продолжая свою безконечную про-

гулку, съ трудомъ волоча усталыя ноги и не въ силахъ остановиться. Такъ ходитъ она безъ остановки, безъ отдыха, вздыхая: «о, Боже мой!»—вопль, отъ котораго у нея какъ будто разрывается грудь,—и приподнимая обѣ руки надъ головою, въ жестѣ отчаянія, говоритъ скорбныя слова тѣмъ страннымъ, какъ-бы замогильнымъ голосомъ, какимъ женщины говорятъ во снѣ.

И внезапно, каждое мгновеніе, она исчезаетъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ слышится сухой стукъ ея колѣнъ, ударяющихся о полъ, и потомъ звукъ поцѣлуя.

Она ведетъ меня въ эту комнату, небольшую бѣлую комнатку, убранную японскими вѣерами, въ которой двѣ зажженныя свѣчи въ сумеркахъ распространяютъ розовый свѣтъ. Тогда я увидалъ его, бѣднаго, дорогого друга. Никогда еще не видалъ я смерти, столь похожей на сонъ, и на такой улыбающійся сонъ; сонъ, въ которомъ не доставало, для полнаго обмана, только тихаго волненія груди подъ простынею.

— Это слишкомъ, слишкомъ жестоко!—восклицаетъ несчастная женщина, останавливаясь противъ васъ, съ безумнымъ вопросомъ во взглядѣ и губахъ. Вы молчите, а она продолжаетъ ходить взадъ и впередъ, согнувъ спину. Черезъ длинные промежутки вылетаютъ у нея фразы: «Любовь другихъ... нѣтъ, нѣтъ, не похожа на нашу... Никто не можетъ знать... А вѣдь такъ просто: у меня родныхъ нѣтъ... у него тоже... Мы другъ-другу были все...» И черезъ нѣсколько минутъ: «Да, вся моя жизнь, все, что я думала, что дѣлала, все было только ради него, все, чтобы угодить ему, нравиться ему, если я покупала ленточку... И такъ будетъ всегда, до послѣдняго часа, до послѣдняго часа...» И еще какія-то фразы, Богъ знаетъ, къ чему относящіяся: «Онъ вѣдь говорилъ, что у него горько во рту!» Затѣмъ старыя воспоминанія, подробности путешествія на Везувій, смѣшанныя съ безсвязными, безсмысленными рѣчами. И постоянно, какъ въ молитвахъ, повторялась одна и та-же фраза: «Ахъ, какъ мы несчастны!» и эту фразу она все твердитъ подъ-рядъ, и подъ конецъ шепчетъ ее, едва внятно, какъ вздохъ.

Наконецъ, мы уговариваемъ несчастную женщину лечь около ея ребенка, который провелъ весь день въ этой грустной обстановкѣ, чтобы ему не было страшно, если онъ проснется.

А я остаюсь сидѣть ночь у покойника, вмѣстѣ съ м-мъ Тешнеръ, родственницей м-мъ де-Ниттисъ.

Пятница, 22-го августа. Въ часъ дня вваливается въ домъ приказчикъ бюро похоронныхъ процессій.

Удручающее впечатлѣніе производитъ утро, среди яснаго равнодушія природы и веселаго пробужденія всѣхъ тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыхъ онъ такъ любилъ,—гусей, утокъ, куръ, козы. Выхожу въ столовую—выпить чашку кофе, и сейчасъ-же его хорошенькая бѣлая

кошка взбирается ко мнѣ на плечо и садится на воротъ моей куртки, какъ привыкла дѣлать съ хозяиномъ, во время его завтрака.

М-мъ де-Ниттисъ, которая ночью пять или шесть разъ проходила мимо насъ, какъ привидѣніе, является опять въ гостиную и снова принимается за свое неутомимое скитаніе. Послѣ двухъ-трехъ круговъ, она вдругъ останавливается и говоритъ медленно, а въ глазахъ у нея надежда, какъ-будто улыбается сквозь слезы. «Утромъ я подумала, что это не правда!» И не переставая бродить, она шепчетъ: «Сегодня утромъ,—странно, я не могла собраться съ мыслями... но теперь онѣ возвращаются, да, опять приходятъ на мѣсто...» И вдругъ, будто увидѣвъ у себя подъ ногами яму, пропасть, она начинаетъ кричать: «А! я погибла! Что будетъ со мною?» Ей говорятъ, что надо думать о ребенкѣ, жить для него. «Ахъ, да», говоритъ она, «а то-бы легла на землю, какъ паршивая собака... пусть придетъ болѣзнь, смерть, я-бы рада»...

Въ половинѣ десятаго приходитъ А. Дюма; сговариваемся насчетъ того, сколько будутъ стоить похороны и отправляемся подписать свидѣтельство о смерти. Выходя отъ мера, А. Дюма предлагаетъ мнѣ довольно любезно зайти съ нимъ поѣсть чего-нибудь. Мы завтракаемъ въ какомъ-то кафе и все время за завтракомъ Дюма очень любопытно говоритъ о Жирарденѣ...

Дома работаютъ уже бальзамировщикъ съ помощниками, и я, сидя въ углу гостиной, откуда ничего не видно, такъ замѣтно блѣднѣю, что меня просятъ выйти въ садъ. И я иду, сажусь въ уголокъ сада, любимый покойнымъ, гдѣ парусинная палатка, садовая кушетка, гамакъ,—уголокъ, изъ котораго онъ устроилъ себѣ нѣчто вродѣ мастерской подъ открытымъ небомъ.

Переѣхавъ въ С. Жерменъ, онъ тутъ писалъ свою послѣднюю картину, или скорѣе послѣдній свой эскизъ, задуманный, какъ pendant къ «Завтраку въ саду», писанному въ прошломъ году. Онъ мнѣ показывалъ этотъ эскизъ, который онъ бросилъ писать, когда у него начало портиться зрѣніе, въ прошлый вторникъ, среди банокъ варенья и пикуль, приготовленныхъ его женою; дѣтски веселый, онъ заставлялъ меня любоваться красивыми оттѣнками ягодъ, вдыхать острый ароматъ овощей. Этотъ туманный эскизъ изображаетъ его жену, въ бѣломъ платьѣ, лежащую въ гамакѣ, но почти перпендикулярно, скорѣе стоя. Въ такой оригинальной позѣ она разсказываетъ маленькому Жаку, который сидитъ рядомъ съ нею въ соломенномъ креслецѣ, одну изъ тѣхъ чудныхъ сказокъ, которыя она такъ мило придумываетъ.

Сегодня вечеромъ я возвращаюсь въ Парижъ, посѣщаю редакціи газетъ и прошу хоть немного пошумѣть о знаменитомъ покойникѣ.

Суббота, 23-го августа. Въ одной изъ редакцій, гдѣ я вчера былъ и гдѣ я, еле оправившись отъ впечатлѣнія бальзамированія, сказалъ,

что не чувствую себя въ силахъ составить замѣтку, меня спросили: «Былъ-ли онъ высокаго или низкаго роста? Брюнетъ или блондинъ? Грустенъ или веселъ?» Я имѣлъ наивность отвѣтить редактору, задававшему мнѣ эти вопросы: «Это была натура веселая, въ веселости его было нѣчто особенно привлекательное, нѣчто, напоминающее остроумную и бойкую веселость итальянской комедіи». Сегодня утромъ я развертываю газету и читаю, что m-r де-Гонкуръ смотритъ на де-Ниттиса, какъ на лицо изъ итальянской комедіи. Ахъ, какъ больно отъ этого непостижимаго толкованія моихъ словъ!

Пріѣхавъ въ С.-Жерменъ, я сегодня нахожу несчастную женщину какъ будто успокоенной, утихшей, умиротворенной. Съ почти сухими глазами, гладко причесанная, она по прежнему ходитъ по длинной гостиной, но медленно, правильно, почти такъ какъ въ процессіяхъ, какъ ходятъ по храмъ пѣвчіе, которыхъ она и напоминаетъ сзади, въ своей черной косынкѣ, сложенной на подобіе монашескаго капюшона. Ходитъ она, сложивъ руки и пальцами поддерживая локти, отъ времени до времени безпомощнымъ движеніемъ опуская руки. Она продолжаетъ говорить, ходя взадъ и впередъ, но угасшимъ голосомъ, съ промежутками, голосомъ, все болѣе и болѣе похожимъ на голосъ человѣка, который говоритъ во снѣ: «Мнѣ плакать нельзя...» и почти тотчасъ: «нѣтъ, видите-ли, какъ только я сяду, я думаю о такихъ вещахъ, о которыхъ не надо думать, а когда хожу, когда разговариваю, я ничего не думаю...»

Она долго молчитъ, а затѣмъ, оглядываясь въ сторону гроба, который завтра увезутъ, повторяетъ съ невыразимою грустью: «А когда его здѣсь не будетъ... когда его не будетъ...»

Воскресенье, 24-го августа. Въ маленькой гостиной, гдѣ она принимала по вторникамъ, сидитъ м-мъ де-Ниттисъ. Глаза у нея, какъ стеклянные, губы бѣлыя, она неподвижна, какъ автоматъ, и когда ей нужно сдѣлать движеніе, сказать слово, движенія ея кажутся усиліемъ и голосъ такъ тихъ, что надо приблизить ухо, чтобы понять. Но она хочетъ присутствовать при всемъ, при всемъ.

Смерть 38 лѣтняго мужчины, такого любезнаго, такого изобрѣтательнаго въ придумываніи удовольствій и наслажденій для своихъ гостей, этого живописца, истиннаго «живописца», возбудила очень естественное сочувствіе, которое сказалось въ изумительной и трогательной роскоши цвѣтовъ, положенныхъ на его гробъ.

Вотъ она въ церкви. Она просила, чтобы пѣнія не было; но пѣвцы все-таки явились, благодаря, кажется, любезности итальянскаго посланника. И вотъ я чувствую, какъ чудный дребезжащій старческій голосъ— не Тамберликъ-ли?—пронизываетъ ее тоскою, безпокойствомъ, страхомъ упасть въ обморокъ, не быть въ состояніи дойти до конца. Я прошу отворить дверь рѣшетки—и, торопливо окропивъ гробъ святой водою, она

выходитъ и садится съ м-мъ Клярти въ траурную карету, куда сажаютъ и маленькаго Жака.

Мы у двери временнаго склепа; она словно застыла, запрокинувъ назадъ голову, съ закрытыми глазами, съ шопотомъ молитвы на губахъ. Она протянула руки впередъ, какъ слѣпая, и судорожно шевелитъ этими руками, въ черныхъ шерстяныхъ перчаткахъ: есть нѣчто трагическое въ этихъ рукахъ.

При послѣднихъ словахъ священника, она боится, что съ ней сдѣлается дурно, и не поворачиваясь, тянетъ за собой маленькаго Жака, сложивъ руки вокругъ его шеи и опираясь ему на плечи; вдова съ сиротою— передъ нашими глазами граціознѣйшая и трогательнѣйшая скульптурная группа.

Вторникъ, 14-го октября. Получаю сегодня письмо изъ Одеона, извѣщающее меня, что вскорѣ возобновятъ у нихъ «Генріетту Марешаль». Дай Богъ! Я дѣйствительно начинаю безпокоиться на счетъ будущаго. Если я заболѣю, или если придется потратить сразу сумму покрупнѣе для дома. Отъ моихъ 10,000 франковъ годового дохода, благодаря налогамъ, остается не болѣе 9,000; при нынѣшнихъ цѣнахъ и при томъ, какъ поставленъ у меня домъ, этого, право, очень мало. Ну да, люди благоразумные скажутъ: напрасно вы не купили себѣ процентныхъ бумагъ на тѣ 20,000 франковъ, которые вы, въ теченіе десяти лѣтъ, потратили на рѣдкости... Но, спрашивается, еслибъ я былъ благоразумнымъ на ихъ образецъ, имѣлъ-ли бы я тогда тотъ талантъ, благодаря которому я заработалъ эти деньги?

Понедѣльникъ, 8-го ноября. На дняхъ я поистинѣ наслаждался умомъ и сердцемъ, углубляясь въ связку писемъ моего брата, найденную у Луи Насси; письма изъ поры его молодости, которыя рисуютъ мнѣ вновь, въ новомъ освѣщеніи, отрывки нашей жизни, уже на половину изгладившіеся изъ памяти и какъ будто выступающіе вдругъ изъ тумана, въ который годы облекаютъ воспоминанія далекаго прошлаго.

Эти старыя письма отбросили мою мысль, не знаю какимъ образомъ, даже дальше, къ годамъ еще болѣе далекимъ, чѣмъ тѣ, про которые они разсказываютъ. Они воскресили во мнѣ полное жизни и реальности воспоминаніе о моей бѣлокурой маленькой сестрицѣ Лили. Вижу ее передъ собою, какъ она въ 1832 году пріѣзжала съ кормилицей въ пансіонъ Губо, чтобы увести меня отъ холеры. Вижу ее передъ собою, дорогую малютку, синеглазую, бѣлокурую, вижу, какъ она не хотѣла сѣсть рядомъ со мною, а усѣлась на подножку экипажа, чтобы лучше видѣть меня, пожирать меня глазами въ любящемъ созерцаніи, почти колѣнопреклоненномъ, какъ смотрятъ только дѣти на того, кого обожаютъ. Бѣдное дитя! Въ слѣдующую ночь, дорогой, въ дилижансѣ, она заболѣла холерой. Подумать только объ этомъ путешествіи, съ умирающимъ ребенкомъ на

рукахъ: отецъ съ матерью не хотѣли остановиться въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, которыми мы проѣзжали, боясь не найти тамъ хорошаго доктора. Въ Шомонъ мы довезли ее уже полумертвою.

Вторникъ, 18-го ноября. Я передѣлываю верхъ своего дома, снимаю перегородки и стараюсь сдѣлать изъ трехъ небольшихъ комнатъ, выходящихъ въ садъ, нѣчто вродѣ мастерской, гдѣ я устрою, по просьбѣ моихъ друзей изъ литературнаго міра, литературную «говорильню» по воскресеньямъ.

1885.

Воскресенье, 25-го января. Сегодня Додэ съ женою у меня на новосельѣ, на моемъ «чердакѣ». Они остаются долго, очень долго, до сумерекъ; наединѣ, въ полумракѣ, мы разговариваемъ съ нѣжною экспансивностью. Додэ говоритъ о первыхъ годахъ своей семейной жизни; говоритъ, что жена его не знала о существованіи ссудныхъ кассъ, а когда узнала, то изъ стыдливости никогда ихъ не называла, а говорила ему: «Вы были *тамъ*?» Но прелестно то, что молодая дѣвушка, буржуазно-воспитанная, нисколько не смущалась своей новой жизнью—среди этихъ бѣдняковъ, вѣчно ищущихъ гдѣ-бы пообѣдать, откуда-бы достать двадцать франковъ, у кого-бы занять панталоны.—Ну, а она,—восклицаетъ Додэ,—а она, милая моя женушка, ровно ничего не тратила на себя... У насъ еще сохранились расходныя книжки того времени, гдѣ записано, рядомъ съ золотымъ, взятымъ мною или еще кѣмъ нибудь—30 сантимовъ для нея на омнибусъ.

М-мъ Додэ прерываетъ его, простодушно вставляя: «Я думаю, что въ то время я была еще не вполнѣ развита, я не давала себѣ отчета»... Я бы скорѣе подумалъ, что у нея была вѣра счастливыхъ и влюбленныхъ людей, надежда, что все уладится впослѣдствіи. Додэ говоритъ, что всѣ тѣ годы онъ ничего не дѣлалъ, что въ немъ была только потребность жить, жить, дѣятельно, сильно, шумно, потребность пѣть, заниматься музыкой, бѣгать по лѣсамъ, чуть-чуть «навеселѣ», искать, съ кѣмъ-бы повздорить. Онъ сознается, что въ то время у него не было ни малѣйшаго литературнаго честолюбія; но у него былъ какой-то инстинктъ, ему доставляло удовольствіе все записывать, даже сны.

Онъ увѣряетъ, что его передѣлала война, вызвавъ изъ глубины его сознанія мысль, что онъ можетъ умереть, ничего прочнаго не оставивъ... Тогда онъ взялся за работу, а вмѣстѣ съ работой зародилось у него и честолюбіе.

Четвергъ, 23-го апрѣля. Въ прошломъ году у меня просила совѣта м-мъ де-Команвиль, по поводу изданія писемъ Флобера: кому-бы поручить написать предисловіе? Я ей отвѣтилъ, что она напрасно заботится искать біографа для ея дяди, она сама воспитывалась въ его домѣ и про-

вела, такъ сказать, всю жизнь около него. Сегодня она мнѣ читаетъ свою замѣтку, и біографія Флобера, дѣйствительно, вышла прелестной по своему интимному характеру, по подробностямъ о вліяніи старой служанки, о разсказчикѣ Минью, о нѣсколько мрачной домашней жизни при Руанскомъ госпиталѣ, о пребываніи въ Кроассе, гдѣ они проводили вечера въ бесѣдкѣ въ глубинѣ сада и гдѣ Флоберъ, на прощаніе, говаривалъ: «Теперь пора вернуться къ Бовари»,—фраза, которая въ умѣ ребенка вызывала представленіе о какомъ-то мѣстѣ, куда дядя уходилъ на ночь.

Конецъ замѣтки нѣсколько окороченъ. Чувствуется утомленіе непривычнаго пера: исписано извѣстное число страницъ, и дальше дѣло не идетъ. Я уговорилъ ее снова приняться за этотъ конецъ, дополнить его, особенно тѣ несчастные годы, когда жизнь писателя опять совершенно слилась съ ея жизнью.

Повѣсть Додэ о своихъ книгахъ наводитъ меня на мысль, что наши будущіе поклонники найдутъ современемъ интересную и поучительную исторію нашихъ романовъ, отъ перваго зачатка до появленія въ свѣтъ, если собрать изъ нашего дневника все то, что относится къ сочиненію каждой нашей книжки.

Вечеромъ я обѣдаю съ Дрюмонъ, который счелъ долгомъ по поводу писемъ моего брата выставить меня въ одной своей статьѣ, какъ развратителя новаго поколѣнія. М-мъ Додэ мило ему выговариваетъ, а онъ остроумно защищается, во имя своихъ принциповъ, принуждающихъ его по временамъ вынимать клеймо и мѣтить имъ, къ великому его сожалѣнію, человѣка ему очень симпатичнаго.

Воскресенье, 17-го мая. Берендсенъ, будто-бы, говорилъ Гюисмансу о томъ литературномъ обожаніи, которое, яко-бы, питаютъ ко мнѣ въ Даніи и другихъ странахъ, окружающихъ Балтійское море; тамъ, говорятъ, ни одинъ человѣкъ, мало-мальски интересующійся литературой, не засыпаетъ—это все Берендсенъ говоритъ—не прочитавъ страничку изъ «Фостенъ» или «Шери».

Пятница, 22-го мая. Забавный народъ французы! Не хотятъ болѣе ни Бога, ни религіи, Христу уже не молятся, а Виктору Гюго молятся и провозглашаютъ новую религію и дѣлаютъ Гюго своимъ кумиромъ.

Понедѣльникъ, 1-го іюня. Мнѣ тошно смотрѣть на этотъ глупый праздникъ, и я благодаренъ болѣзни, которая не позволяетъ мнѣ въ немъ участвовать. Мнѣ кажется, что населеніе Парижа, лишенное при республикѣ любимыхъ своихъ торжествъ, замѣнило шествіе Жирнаго Быка похоронами Виктора Гюго.

Понедѣльникъ, 15-го іюня. Воля моя теперь похожа на старую извощичью клячу: чтобы ее разогнать, заставить исполнить то, что рѣшено, надо возбуждать ее, кричать ей: «ну, пошла!» и стегать хлыстомъ.

Воскресенье, 27-го сентября. Душа женщины похожа на тѣ бездны морскія, скрытыя глубоко подъ волненіемъ бурь, изъ которыхъ изрѣдка только лотъ приноситъ наукѣ ничтожный обломокъ существа или неизвѣстной вещи. Такъ уголовное или гражданское дѣло иногда извлекаетъ изъ женщины и подвергаетъ изученію психолога крошечный обломокъ неизвѣстнаго.

1886.

Воскресенье, 28-го февраля. Любопытны эти чисто свѣтскія женщины,—женщины остроумныя или скорѣе пикантныя. Если поживешь съ ними извѣстное время, то чувствуешь, что онѣ совершенно безсодержательны, пусты и не могутъ составить вамъ осмысленной компаніи. Просто у нихъ на минутку шумно зазвенитъ бубенчикъ, а тамъ—ничего. И мысль ихъ, неспособная серьезно и продолжительно остановиться около васъ, безпрестанно убѣгаетъ къ какой-нибудь внѣшней ничтожности, къ вчерашнему туалету, къ вечеру, куда нужно поѣхать завтра, или просто за дверь гостиной,—въ надеждѣ, что вотъ сейчасъ эту дверь отворитъ какой-нибудь господинъ и подаритъ, взамѣнъ скуки, овладѣвшей ими, развлеченіе новаго дѣйствующаго лица.

Пятница, 12-го марта. Любовница изъ народа никогда не станетъ вполнѣ товарищемъ тому, съ кѣмъ она живетъ. Она окажетъ ему преданность въ бѣдствіяхъ, болѣзняхъ, драматическихъ происшествіяхъ; но пока жизнь течетъ тихо и плоско, любовникъ изъ другого общественнаго слоя, чѣмъ она, всегда встрѣтитъ въ ней скрытность и даже непріязнь народа къ аристократіи.

Четвергъ, 10-го марта. Тѣ немногія женщины, которыхъ я любилъ, любилъ не только сердцемъ, но и частицею моего мозга, не были моими— и все-таки я увѣренъ, что если-бъ я захотѣлъ, онѣ сдались бы. Но я наслаждался этимъ чувствомъ, этимъ невыразимымъ обаяніемъ честной женщины, доведенной до края паденія, которую вы держите въ соблазнѣ и страхѣ этого паденія.

Суббота, 2-го апрѣля. Даю здѣсь выписку изъ газеты «Français», какъ образецъ критики моего дневника. Такія статейки теряются, забываются, а когда ихъ цитируешь на память, то вамъ не вѣрятъ. Хорошо, когда сохраняется нѣчто изъ подлиннаго текста, чтобы впослѣдствіи можно было судить о тонкости пониманія брата или меня въ консервативной и католической партіи.

«Шедевръ самомнѣнія въ этомъ родѣ, это Дневникъ братьевъ де-Гонкуръ. Вышелъ первый томъ, онъ содержитъ не менѣе четырехъ-сотъ страницъ, за которыми послѣдуетъ еще восемьсотъ. Найти въ немъ хоть одну главу интересную, хоть одну строчку, изъ которой вы узнали бы что-либо—невозможно... Хотите сдѣлаться авторомъ? Хотите черезъ нѣ-

сколько лѣтъ увидѣть ваше имя на свѣтло-желтой обложкѣ, съ обозначеніемъ числа экземпляровъ? Начинайте съ сегодняшняго дня, засядьте смѣло за дневникъ въ такомъ родѣ:

«27-го марта. — Завтракъ сегодня въ восемь часовъ. Просмотрѣлъ газеты... Дождь, солнце, ливень... Обѣдъ у N... Насъ было за столомъ двѣнадцать человѣкъ; у шестерыхъ мужчинъ были бородки клиномъ, у шестерыхъ дамъ—рыжіе волосы.

«Озаглавьте: Дневникъ моей жизни или Документы о Парижѣ, или какъ вамъ угодно. Прибавьте: третья тысяча. Я вамъ ручаюсь, что сорокъ штукъ будетъ продано» [1]).

Свѣтлое Воскресенье, 10-го апрѣля. Въ сущности очень тяжело не имѣть подлѣ себя женскаго сердца, сердца умной женщины, съ которой можно было бы дѣлиться страданіями гордости и писательскаго тщеславія...

Воскресенье, 17-го апрѣля. Сегодня, не знаю почему, меня преслѣдуетъ воспоминаніе о моей кормилицѣ, въ Лотарингіи, чернобровой и черноволосой женщинѣ, въ которой безъ сомнѣнія текла испанская кровь и которая меня обожала съ какимъ-то безуміемъ. Вижу, какъ въ день большого званаго обѣда въ Бреванъ, когда я только-что съѣлъ на деревцѣ, росшемъ у насъ на дворѣ, единственный спѣлый абрикосъ, предназначенный моимъ отцомъ, какъ рѣдкость, для угощенія гостей—вижу, какъ она, съ прекраснымъ безстыдствомъ утверждаетъ, что абрикосъ съѣла она, и подставляетъ плечи подъ удары хлыста, которымъ отецъ наказываетъ, все-таки, меня, не вѣря словамъ милой женщины!

Вижу ее, за нѣсколько часовъ до ея смерти, въ больницѣ Дюбуа; зная, что умираетъ, она безпокоится только о томъ, что моя мать, пришедшая ее навѣстить, можетъ на полчаса задержать обѣдъ. Эта смерть—самое простое отреченіе отъ жизни, которое я когда-либо видѣлъ: да, она «уходила» изъ жизни, будто перебиралась на новую квартиру.

Четвергъ, 29-го сентября. По поводу романа Поль Маргерита «Паскаль Жефосъ» Додэ говоритъ,—не какъ критикъ этой книги, а вообще, теоретически,—что послѣ Бурже появилась цѣлая серія психологическихъ романовъ, авторы которыхъ, по примѣру Стендаля, хотятъ изображать не то, что ихъ герои дѣлаютъ, а то, что они думаютъ. Къ несчастью, мысли, если онѣ не очень высоки или не очень оригинальны, наводятъ скуку, тогда какъ дѣйствіе, хотя и посредственное, можетъ еще увлекать своимъ движеніемъ.

Онъ прибавилъ, что эти психологи болѣе способны описывать внѣшнія, чѣмъ внутреннія явленія, что, благодаря воспитанію даннаго момента,

---

[1]) Разумѣется, число напечатанныхъ экземпляровъ не есть въ моихъ глазахъ достоинство книги, но тѣмъ не менѣе та самая книга, которой критикъ газеты «Français» пророчилъ, что она разойдется въ числѣ 40 экземпляровъ, дошла до восьмой тысячи.

они въ состояніи прекрасно описать жестъ, но движеніе души—довольно плохо.

Понедѣльникъ, 10-го октября. Мнѣ попалась статья газеты «Liberté» и въ ней отчетъ о книгѣ Павловскаго и объ его разговорахъ съ Тургеневымъ.

Нашъ покойный другъ оказывается очень свирѣпымъ въ своихъ сужденіяхъ о насъ: нападаетъ на нашу изысканность, отрицаетъ нашу наблюдательность—и все это въ замѣчаніяхъ легко опровержимыхъ.

Напримѣръ, по поводу ужина цыганъ, ночью, на берегу Сены (введеніе Братьевъ Земганно), гдѣ встрѣчается описаніе ивы, которую я называю сѣрою, по наблюденію, записанному на мѣстѣ, онъ говоритъ: «Извѣстно, что ночью зеленое становится чернымъ». Да не прогнѣвается тѣнь русскаго писателя.—Мы съ братомъ были болѣе живописцы, чѣмъ онъ, о чемъ свидѣтельствуютъ посредственныя картины и отвратительные предметы искусства, которыми онъ былъ окруженъ. Я утверждаю, что ива, видѣнная мною, была сѣрая, а вовсе не черная. И въ томъ-же описаніи эпитетъ «сѣро-зеленый» «glauque», сказанный про воду, старый эпитетъ, такъ часто употребляющійся, заставляетъ его восклицать: «Какъ изысканно!»

По поводу «Faustin», Тургеневъ прячется за м-мъ Віардо, говоря, что наши наблюденія надъ чувствами женщинъ-актрисъ въ высшей степени невѣрны. А то, что онъ находитъ невѣрнымъ, записано по наблюденіямъ, частью сообщеннымъ сестрами Рашель, частью по драматической исповѣди Фаргейль, въ длинномъ письмѣ, хранящемся у меня.

Тургеневъ—и это неоспоримо—говорилъ превосходно, но какъ писатель онъ ниже своей репутаціи. Я не стану оскорблять его, предлагая судить о немъ по его роману «Вешнія воды». Да, онъ пейзажистъ, замѣчательный живописецъ лѣсной глуши—но какъ живописецъ человѣчности онъ мелокъ. Въ немъ не хватаетъ смѣлости, необходимой наблюдателю. Дѣйствительно, въ его книгахъ нѣтъ суровости его родины, суровости московской, казацкой, и соотечественники Тургенева по его книгамъ кажутся мнѣ такими русскими, какими описалъ-бы ихъ русскій, доживающій вѣкъ свой при дворѣ Людовика XIV. Помимо отвращенія его темперамента ко всему рѣзкому, къ безпощадно-правдивому слову, къ грубому колориту, у него была еще прискорбная покорность требованіямъ издателя: объ этомъ свидѣтельствуетъ «Русскій Гамлетъ» — онъ самъ признавался при мнѣ, что вслѣдствіе замѣчаній Бюлоза (Buloz, редактора Revue des deux Mondes) онъ урѣзалъ оттуда четыре или пять весьма характерныхъ фразъ. По поводу смягченія Тургеневымъ человѣческихъ характеровъ его страны у насъ съ Флоберомъ однажды завязался самый горячій споръ, какой мы когда-либо имѣли: онъ утверждалъ, что эта суровость — потребность лишь моей фантазіи, что русскіе

должны быть именно такими, какими ихъ рисуетъ Тургеневъ. Впослѣдствіи романы Толстого, Достоевскаго и другихъ, кажется, оправдали мое мнѣніе.

Вечеромъ, у принцессы, капитанъ Риффо, часто видавшій, какъ разстрѣливаютъ людей у различныхъ націй, говорилъ, что самое ошеломляющее презрѣніе къ жизни, передъ взводомъ, выказываютъ мексиканцы. А рабы, приговоренные къ смерти, въ его присутствіи не выдавали страха ни выраженіемъ глазъ, ни осанкой, ни тѣлодвиженіями, но попристальнѣе вглядываясь въ нихъ, можно было замѣтить у нихъ трепетаніе шейной артеріи, нервное біеніе въ Адамовомъ яблокѣ. У мексиканцевъ-же невозможно замѣтить ни малѣйшаго проявленія человѣческой слабости.

Среда, 12-го октября. Вспоминая про непріязнь, — можно сказать, про писательскую несправедливость Тургенева по отношенію къ Додэ и ко мнѣ, я нахожу причину этой несправедливости въ одномъ качествѣ, одинаковомъ у Додэ, у моего брата и у меня: въ ироніи. Замѣчательно, какъ иностранцы и провинціалы робѣютъ передъ этимъ чисто парижскимъ свойствомъ ума и часто питаютъ антипатію къ людямъ, рѣчь которыхъ какъ будто скрываетъ тайныя и секретныя насмѣшки, имъ недоступныя.

1888.

Пятница, 7-го сентября. Успѣхъ русскаго романа въ настоящую минуту вызванъ, главнымъ образомъ, раздраженіемъ нашихъ писателей-метафизиковъ на популярность натуралистическаго французскаго романа и желаніемъ затормозить эту популярность. Неоспоримо одно: литература у нихъ теперь та же, что у насъ: реальность видѣнныхъ вещей—съ грустной, но не съ лирической стороны, со стороны человѣческой, но не съ поэтической, фантастической, полярной точки зрѣнія, — какъ напр. у Гоголя, самаго типичнаго представителя русской литературы.

Ни Толстой, ни Достоевскій, ни другіе не выдумали эту русскую литературу; они заимствовали у насъ, прививъ многіе элементы де Поэ. Тотъ, кто лучше всѣхъ поддержалъ этотъ споръ классицизма съ романтизмомъ, это—де Вогюэ; онъ приписалъ чужой литературѣ оригинальность, которой у ней не было, и подарилъ ее славой, принадлежащей, по закону, намъ.

За это и заслужилъ онъ расположеніе академіи, которая, навѣрное, по старинной формулѣ скоро приметъ его «въ свое лоно» [1]).

---

[1]) Предсказаніе, правда, было недурно сдѣлано. Три мѣсяца спустя, 22-го ноября 1888 г., Де Вогюэ сдѣлался членомъ академіи.

1889.

Суббота, 11-го февраля. Въ сущности, у Шекспира, несмотря на все «человѣческое», собранное имъ въ окружающей его средѣ и налѣпленное, въ его пьесахъ, на существа другихъ вѣковъ, человѣчество его кажется мнѣ очень химерическимъ. Къ тому-же его людишки иногда страшно придирчивы, страшные они спорщики и страдаютъ въ острой формѣ болѣзнью англо-саксонского племени—страстью къ преніямъ, къ схоластическимъ преніямъ.

Наконецъ, противно мнѣ въ этомъ безспорно величайшемъ писателѣ прошлаго отсутствіе воображенія. Да, да, это неопровержимо, драматическіе писатели всѣхъ странъ, начиная съ самыхъ знаменитыхъ изъ древнихъ и кончая нашимъ Сарду, всѣ они лишены воображенія и пишутъ съ другихъ. Такъ и нашъ несравненный Мольеръ. Извѣстно, что почти всѣ его пьесы, его знаменитыя сцены—тѣ словечки, которыя каждый знаетъ наизусть, всѣ, почти всѣ краденыя, за что критики его и одобряютъ, но я—нѣтъ. Ну, и Шекспиръ такой-же господинъ, онъ тоже—увы!—выкапываетъ свои типы изъ старыхъ книжекъ, и несмотря на всѣ соусы геніальности, подъ которыми онъ ихъ подаетъ, повторяю, онъ мнѣ противенъ. Великимъ человѣкомъ я называю только того, кто извлекаетъ свои творенія изъ собственнаго мозга. Вотъ почему Бальзакъ для меня величайшій изъ великихъ.

Короче говоря, я признаю въ четырехъ или пяти высшихъ пьесахъ Шекспира только превосходную сцену сомнамбулизма Леди Макбетъ, гдѣ она пытается стереть кровавое пятно на рукѣ, и сцену Гамлета на кладбищѣ, въ которой онъ достигаетъ высшей точки прекраснаго.

Четвергъ, 21-го февраля. Большой обѣдъ у Додэ. Говорятъ о рѣчи Ренана въ академіи, а такъ какъ я позволяю себѣ признаться, что правдивость моего ума и моего характера возмущается на извивы противорѣчій въ его мысли, на «да» и «нѣтъ», содержащіеся въ каждой его фразѣ, устной или письменной, то мадамъ Додэ, съ той милой непосредственностью, которую она иногда выказываетъ, роняетъ, какъ-будто говоря сама съ собою: «Да, правда, у него нѣтъ чувства утвержденія».

Четвергъ, 28-го февраля. Читаю сегодня вечеромъ въ «Temps» фразу, съ которой президентъ Карно обратился къ рабочимъ, во время посѣщенія имъ табачныхъ фабрикъ: «Глубоко благодаренъ вамъ за оказанный мнѣ пріемъ, дорогіе мои друзья: вѣдь вы мои друзья, потому что вы рабочіе». Спрашивается: существуетъ-ли фраза, когда-либо сказанная какимъ-нибудь льстецомъ королю или императору, болѣе смиренная, чѣмъ эта фраза льстеца народу?

Понедѣльникъ, 1-го апрѣля. Это неоспоримо, и я долженъ въ этомъ сознаться: въ моментъ возобновленія «Генріэтты Марешаль» за меня

была вся молодежь, а теперь уже не вся. Декаденты, хотя они болѣе или менѣе произошли изъ моего слога, обратились противъ меня. Къ тому-же нынѣшняя молодежь представляетъ одну любопытную черту, отличающую ее отъ молодыхъ поколѣній другихъ эпохъ: молодые люди не хотятъ признавать отцовъ, прародителей и воображаютъ себя, въ двадцать лѣтъ, при дѣтскомъ лепетѣ таланта, изобрѣтателями, которые умѣютъ все находить сами.

Вторникъ, 2-го апрѣля. Разговоръ съ Додэ о французской женщинѣ, названной Мольеромъ, въ одномъ изъ его предисловій, «болѣе умственною, чѣмъ чувственною». Додэ возстаетъ противъ невѣрнаго изображенія женщинъ въ современномъ французскомъ романѣ, гдѣ онѣ всѣ одержимы «безмѣрностью»; возстаетъ противъ французскихъ женщинъ, невѣрно описанныхъ романтизмомъ, женщинъ, обезумѣвшихъ отъ трагическихъ страстей—и мы говоримъ, что хорошо-бы написать разумную и остроумную статью, которая поставила-бы французскую женщину въ литературѣ на настоящую точку.

Пятница, 12-го апрѣля. Сегодня вечеромъ я сжегъ сѣдые волосы моей матери, бѣлокурые волосы моей маленькой сестры Лили, бѣлокурые, какъ у ангеловъ... Да, надо предупредить ту профанацію, которая ожидаетъ послѣ смерти стараго холостяка дорогую ему святыню.

Вторникъ, 16-го апрѣля. Сегодня вечеромъ обѣдъ у Маржи, данный друзьями «Чердака» и другихъ мѣстъ автору «Жермини Ласерте» и «Отечества въ опасности». Этотъ обѣдъ служитъ предлогомъ хозяину ресторана для открытія залы съ обоями, какъ-бы покрытыми ослѣпительнымъ стразомъ, съ средневѣковыми скульптурами, т. е. во вкусѣ условнаго средневѣковья: ужасная декорація, которая, будто-бы, стоила 100.000 франковъ и которая весь вечеръ служитъ предметомъ художническаго негодованія Гюисманса. За обѣдомъ—тридцать пять человѣкъ, тридцать пять гонкуристовъ, оказывающихъ мнѣ открытое сочувствіе.

Налѣво отъ меня сидитъ Ропсъ, говорунъ съ яркой хлесткой фразой. Онъ описываетъ мнѣ заразъ и драматическія стороны кампаніи 1870 года и свою безумную страсть къ розамъ своего сада, въ Корбейль. Онъ набрасываетъ словами эскизъ живописца, рисуетъ силуэтъ Мольтке, совершающаго всю кампанію въ туфляхъ. Потомъ вводитъ меня, въ сумерки, въ хижину, гдѣ—въ тотъ самый моментъ, какъ онъ беретъ картофелину изъ чугуннаго котелка—онъ вдругъ замираетъ при видѣ женщины, лежащей навзничь на землѣ, съ волосами разметанными, какъ лошадиный хвостъ, въ лужѣ крови. Выходя со двора, онъ натыкается на человѣка, прислоненнаго къ боронѣ, умирающаго, съ остаткомъ жизни въ глазахъ,—ужаснаго.

Это зрѣлище вызвало въ немъ нервный страхъ, подобнаго которому онъ никогда не испытывалъ. Онъ долженъ былъ позвать товарища, взять

женщину и перевести ее на перевязочный пунктъ... Среди этого разсказа встаетъ Рони, мой сосѣдъ справа, и предлагаетъ въ честь меня самый милый, дружественный тостъ, въ которомъ онъ бранитъ, чуть ни ругаетъ критиковъ моихъ пьесъ: авторъ «Bilateral» говоритъ нѣжно, растроганнымъ голосомъ.

Въ сущности, дѣйствительно дружескій обѣдъ, на которомъ я узнаю отъ Антуана, что городское управленіе Реймса проситъ его пріѣхать играть 14-го іюля «Отечество въ опасности», и что для открытія слѣдующаго сезона онъ хочетъ поставить «Братьевъ Земганно».

Въ заключеніе всѣ мы заходимъ въ кафе Ришъ и разстаемся, очень нѣжно простившись, въ часъ ночи.

Пятница, 19-го апрѣля. Я хотѣлъ сегодня работать, но трели птицъ, безумное плаваніе рыбъ, пробуждающихся послѣ зимней спячки, шорохъ насѣкомыхъ, появленіе въ травѣ бѣлыхъ звѣздъ маргаритокъ, блескъ солнца, наводящаго глянецъ на гіацинты и анемоны, кроткая синева неба, веселье въ воздухѣ перваго весенняго дня... все это распалагаетъ къ лѣни, и весь день держитъ меня въ саду.

Воскресенье, 22-го апрѣля. Я положительно вѣрю, что умственная жизнь, ежедневное живое столкновеніе вашего ума съ чужими умами— все это противодѣйствуетъ старости и замедляетъ ея приходъ. Замѣчаю это, когда сравниваю себя съ буржуа моего возраста, которыхъ я знаю. Ужъ, конечно, они старше меня.

Понедѣльникъ, 22-го апрѣля. Вотъ до чего я дожилъ: такая книга, какъ вторая часть переписки Флобера, занимаетъ меня гораздо больше, чѣмъ созданіе воображенія.

1890.

Среда, 1-го января. Въ первый день новаго года больному старику, какъ я, только и можно, что вертѣть въ рукахъ новый календарь и думать, что 365 дней—это еще много, и поочереди вопрошать каждый мѣсяцъ, просить его, чтобы онъ далъ знать какимъ нибудь знакомъ, какимъ нибудь маленькимъ таинственнымъ откровеніемъ, не онъ ли тотъ мѣсяцъ, когда придется умереть.

Пятница, 10-го января. Въ этомъ проклятомъ домѣ позади моего сада день и ночь, ночь и день, раздается лай двухъ дворовыхъ собакъ, который разстраиваетъ мнѣ нервы, по цѣлымъ ночамъ не даетъ мнѣ спать. Если бы я не отыскалъ тѣхъ внутреннихъ ставень, которыя я заказалъ для брата во время его болѣзни, пришлось бы мнѣ ночевать гдѣ-нибудь внѣ дома. Ахъ! неужели шумъ будетъ раздражительнымъ мученіемъ моихъ послѣднихъ лѣтъ! Ахъ, шумъ! шумъ! это отчаяніе всѣхъ нервныхъ людей въ современныхъ центрахъ! Прошлую среду Мопассанъ, который только что нанялъ квартиру въ улицѣ Викторъ Гюго, говорилъ

мнѣ, что ищетъ отдѣльную комнату, гдѣ ночевать,—изъ за проѣзжающихъ мимо дома омнибусовъ и ломовыхъ.

За обѣдомъ толковали о литературѣ, и одна говорунья наивно проронила:

— А почему же вы хотите создать новое?

Я отвѣчалъ:

— Потому что литература обновляется, какъ все земное... и переживаютъ свой вѣкъ только стоящіе во главѣ этого обновленія... Потому что и вы сами, не подозрѣвая того, восторгаетесь только революціонерами литературы въ прошломъ... Потому что... возьмемъ примѣръ,— потому что Расинъ, великій, знаменитый Расинъ былъ ошиканъ, освистанъ поклонниками Прадона, покровителями стараго театра, и этотъ самый Расинъ, во имя котораго громятъ современныхъ драматическихъ авторовъ, въ то время былъ революціонеръ, точно такой же, какъ нѣкоторые изъ нашихъ нынѣшнихъ.

Суббота, 1-го февраля. Провелъ день у Тиссо, вмѣстѣ съ супругами Додэ.

При входѣ раздаются по земному небесные звуки органа-мелодіума, на которомъ играетъ художникъ, и въ то время, какъ онъ идетъ намъ на встрѣчу, взгляды вдругъ привлекаются ярко освященной дырою, за которой стоитъ начатся акварель—дыра сдѣлана въ кускѣ матеріи, представляющей собою какъ бы поднятый занавѣсъ дѣтскаго театра, на которомъ маленькія выпуклыя фигуры изображаютъ одно изъ событій Страстей Господнихъ. Оно освѣщено красноватымъ мерцаніемъ, какъ освѣщается Плащаница въ Великую Пятницу.

Затѣмъ передъ нами проходятъ сто двадцать пять картинъ гуашью, которыя Тиссо поясняетъ намъ вполголоса,—точно въ церкви. Иногда, сбиваясь съ тона своей набожной рѣчи, онъ пропускаетъ словечко парижскаго жаргона: такъ по поводу этюда Магдалины-грѣшницы онъ замѣчаетъ: «видите, она не первой свѣжести!»

Рисунокъ его очень точенъ, онъ строгъ; онъ передаетъ и кремнистую поверхность гористой страны, и неровность почвы, истоптанной стадами барановъ, и изумрудно-зеленый блескъ травы весною, и фіолетовую сухость русла потоковъ, и силуэты маслинъ, напоминающихъ церковные подсвѣчники. Есть и красивыя картины внутренности домовъ съ большими стеклянными просвѣтами въ частыхъ свинцовыхъ рамахъ,—между прочимъ домъ Ирода съ женою. Рисунокъ величественнаго характера служитъ толкованіемъ стиха: «вы пойдете за человѣкомъ, который несетъ кувшинъ». Мужчина въ желтой одеждѣ поднимается въ вечернемъ сумракѣ по дорогѣ, вьющейся вдоль городской стѣны; а внизу одинъ изъ учениковъ указываетъ на него другому. Есть и рисунки сверхъестест-

венныхъ явленій, въ необыкновенныхъ, фантастическихъ «сіяніяхъ», сіяніяхъ, которыя могли представиться только живописцу-спириту.

Но истинно прекрасны, волнующи и трогательны рисунки Крестной Смерти, очень многочисленные, которые передаютъ часъ за часомъ всѣ страданія Распятаго на вершинѣ Голгофы, и изнеможеніе святыхъ женъ, и любовное объятіе Магдалины, обвивающей руками древо креста.

И по мѣрѣ того, какъ развертывается драма, Тиссо оживляется, экзальтируется, говоритъ все болѣе тихимъ, болѣе глубокимъ, болѣе набожнымъ шопотомъ. Онъ придаетъ изображаемому такія чувства, мысли и восклицанія, которыя могли бы составить любопытное добавленіе къ апокрифическимъ евангеліямъ.

Безспорно: эта жизнь Христа въ ста слишкомъ картинахъ, гдѣ умѣлое воспроизведеніе реальной среды, мѣстностей, расъ, костюмовъ соединяется съ мистицизмомъ художника, это изображеніе постепенно вызываетъ, многочисленностью и непрерывнымъ рядомъ картинъ, великую жалость и грусть при этихъ воспоминаніяхъ,—ту умиленную грусть, которую не дастъ вамъ ни одна книга.

Входимъ на минутку на верхъ мастерской, красиво убранной въ англійскомъ вкусѣ. И въ полумракѣ голосъ художника становится совсѣмъ таинственнымъ, глаза блуждаютъ. Онъ показываетъ намъ шаръ изъ горнаго хрусталя, и финифтяное блюдо, служащее для заклинаній,—въ нихъ слышны, какъ онъ увѣряетъ, спорящіе голоса. Потомъ онъ вынимаетъ изъ комода тетради, въ которыхъ онъ намъ показываетъ множество страницъ, содержащихъ исторію этихъ заклинаній, и, наконецъ, картину, изображающую женщину съ свѣтящимися руками, про которую говоритъ, что она приходила и цѣловала его, и что онъ чувствовалъ на щекѣ, на губахъ прикосновеніе какъ бы огненныхъ губъ.

Воскресенье, 23-го марта. Этотъ юный германскій императоръ, этотъ невропатъ-мистикъ, этотъ страстный любитель «воинственно-религіозныхъ» драмъ Вагнера, который мечтаетъ облечься въ бѣлыя латы Парсиваля, съ своими безсонными ночами, со своей болѣзненной дѣятельностью и мозговой лихорадкой представляется мнѣ въ будущемъ очень опаснымъ государемъ.

Четвергъ, 10-го августа. Раньше живописцы пастели усиливались передать прелесть, остроуміе, улыбку женской головки; нынче можно подумать, что наши модные пастелисты своими розовыми оттѣнками будто отмороженныхъ лицъ, своими свинцово-фіолетовыми оттѣнками хотятъ выразить въ физіономіи женщины только ея утомленіе, одурѣніе, сердечную путаницу, однимъ словомъ, всѣ физическія и нравственныя ея недомоганія.

Воскресенье, 4-го мая. Додэ очень вѣрно говоритъ, что литература, послѣ того, какъ она послѣдніе годы находилась подъ вліяніемъ живо-

писи, начинаетъ, въ настоящее время, переходить подъ вліяніе музыки и становится такою же звучною и вмѣстѣ съ тѣмъ такою же неопредѣленною, безформенною, какъ и сама музыка. Эредіа, говоря о поэтахъ настоящей минуты, подтверждаетъ, что ихъ стихотворенія не болѣе, какъ модуляціи, почти безъ опредѣленнаго смысла, что сами они называютъ «уродами» (monstres) эти безформенные наброски стиховъ, гдѣ пробѣлы заполняются—до подправки и полной законченности,—словами безо всякаго значенія.

Пятница, 9-го мая. Чѣмъ дольше я живу, тѣмъ больше я прихожу къ убѣжденію, что нервный мужчина гораздо утонченнѣе, гораздо чувствительнѣе и гораздо брезгливѣе при соприкосновеніи съ вещами и съ существами низшаго свойства, чѣмъ женщины, у которыхъ, въ сущности, утонченность—только поза.

Вторникъ, 20-го мая. Думаю о несправедливости судьбы—счастливой и несчастной—у лошадей, собакъ, кошекъ и нахожу, что у животныхъ то же, что и у людей.

Четвергъ, 12-го іюня. Когда любишь кого-нибудь, какъ я любилъ брата, то всегда какъ будто заново хоронишь его каждый разъ, когда бываешь на похоронахъ, и все время такъ и звучитъ въ головѣ безнадежный вопросъ: «Неужели эта разлука будетъ вѣчная, вѣчная, вѣчная»?

Вторникъ, 8-го іюня. Шанродэ. Весь вечеръ прошелъ въ разсказахъ то отца, то матери, про женитьбу Леона (Додэ), уже нѣсколько лѣтъ безумно влюбленнаго въ Жанну Гюго.

Среда, 9-го іюля. Разговариваемъ на террасѣ. Вспоминаемъ Гюго, и м-мъ Локруа сообщаетъ подробности о его житьѣ на островѣ Гер니. Гюго вставалъ на зарѣ, лѣтомъ въ три часа утра, и работалъ до двѣнадцати дня. Послѣ двѣнадцати ничего: чтеніе газетъ, переписка, которой онъ всегда занимался самъ—у него не было секретаря—и прогулки. Замѣчательная черта—необыкновенная правильность этой жизни: каждый день 2-хъ часовая прогулка, но каждый день по одной и той же дорогѣ, чтобы не опоздать ни на одну минуту; м-мъ Локруа, выведенная изъ терпѣнія этимъ однообразіемъ, получаетъ въ отвѣтъ: «если пойдешь другой дорогою, не знаешь, что можетъ случиться, пожалуй еще опоздаешь!» Всѣ ложились ровно въ половинѣ девятаго, хозяинъ требовалъ, чтобы въ это время всѣ были въ постели и раздражался, зная, что м-мъ Локруа еще сидитъ въ своей комнатѣ. Желѣзный организмъ, какъ извѣстно. Зубы у него всѣ сохранились до самой его смерти, и за нѣсколько мѣсяцевъ до нея онъ этими старыми зубами разгрызалъ еще абрикосовую косточку. А глаза! Онъ работалъ на Герниси въ стеклянномъ фонарѣ, безъ шторъ, подъ такимъ отраженіемъ лучей, отъ котораго у всякаго другого ослѣпли бы глаза и растаялъ въ черепѣ мозгъ.

Четвергъ, 31-го іюня. По поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мною за обѣдомъ, Жефруа говорилъ: «Я катался со смѣху! Самое забавное у васъ, пессимиста, это то, что у васъ есть словечки свирѣпо-веселыя».

Пятница, 3-го октября. Гюго въ распредѣленіи жизни былъ методиченъ до невѣроятія. Когда начинало темнѣть, онъ съ огнемъ уже не читалъ—ни одной строчки изъ газеты, ни строчки письма. Онъ и письмо клалъ въ карманъ, говоря, что прочтетъ завтра. М-мъ Локруа разсказывала намъ сегодня, что въ началѣ войны, когда всѣ задыхались отъ нетерпѣнія, жаждали извѣстій,—въ одинъ туманный день, когда газеты пришли только къ вечеру, и всѣ рвались къ нимъ, онъ не дотронулся ни до одного изъ разбросанныхъ передъ нимъ листовъ, а только просилъ сказать ему, что въ нихъ.

Вторникъ, 7-го октября. Обѣдъ съ русскимъ камергеромъ, который утверждаетъ, что Тургеневъ не искренній русскій, что онъ разыгрывалъ въ Парижѣ нигилиста, а тамъ у себя былъ отъявленнымъ аристократомъ. Мнѣніе этого русскаго то, что только первыя произведенія Тургенева имѣютъ значеніе,—это настоящія фотографіи съ натуры. По словамъ сотрапезника, мнѣ кажется, что за послѣдніе годы изъ всѣхъ русскихъ писателей—самый русскій, который всего вѣрнѣе передаетъ душу своихъ соотечественниковъ—Достоевскій.

Понедѣльникъ. 27-го октября. Я провелъ сегодня весь день у Ленуаръ, отыскивая и улавливая черты въ эскизѣ медальона моего брата, который онъ вырѣзаетъ для его могилы. Мнѣ удалось, руководя скульпторомъ, устранить грубую, широкую матеріальность, которую онъ придалъ его лицу, съ красивымъ маленькимъ ртомъ,—его подбородку, который всѣ рисовальщики удлиняли въ ущербъ верхней части головы. Мнѣ удалось возстановить совершенно правильно и линію носа. И я чувствую внутри себя нѣкоторую радость, вглядываясь въ лживыя фотографіи и разложенные на диванѣ недоконченные рисунки, когда понемногу, понемногу мнѣ удается, насколько позволяетъ память, придать этому маленькому комку глины черты любимаго профиля...

Вторникъ, 28-го октября. Удивительно, что я всю жизнь занимался спеціально той литературой, какая порождаетъ непріятности. Сначала были мои романы съ натуры, потомъ революціонныя пьесы, которыя я ставилъ, наконецъ—мой дневникъ. А мало-ли людей, которымъ писательство только ласкаетъ нервы.

Сегодня, по моей просьбѣ, мнѣ посылаютъ изъ газеты «Echo de Paris» репортера, которому я поручаю отвѣтить на нападки Ренана. Канву для отвѣта даю я самъ.

Вотъ тотъ прозаическій отрывокъ, который онъ долженъ превратить въ разговоръ, ничего не измѣняя, ничего не прибавляя:

«— Вы читали интервью газеты «La France» по поводу вашего дневника объ осадѣ Парижа и коммунѣ?

«— Да, я читалъ ее съ нѣкоторымъ удивленіемъ, ибо вотъ портретъ Ренана, сдѣланный мною въ предпослѣдней изъ моихъ вышедшихъ книгъ: «человѣкъ становится все болѣе милымъ и дружески-любезнымъ, по мѣрѣ того, какъ вы ближе узнаете его и сходитесь съ нимъ. Это типъ душевной граціи при внѣшней неуклюжести. Апостолъ сомнѣнія, онъ обладаетъ высокою и разумною привѣтливостью жреца науки». Да, я его другъ, или, по крайней мѣрѣ, я былъ другомъ его, какъ человѣка, но иногда я врагъ его мысли, какъ я это и написалъ въ посвященіи посланнаго ему экземпляра.

«Дѣйствительно, всѣ знаютъ, что Ренанъ принадлежитъ къ семьѣ великихъ мыслителей, презирающихъ многія изъ человѣческихъ убѣжденій, передъ которыми еще благоговѣютъ люди болѣе скромные, какъ я. Имъ не совсѣмъ пріятно слышать, какъ мыслитель одной съ ними семьи провозглашаетъ, что культъ отечества въ настоящую минуту такъ же устарѣлъ, какъ при старомъ режимѣ культъ короля. Я не хочу здѣсь пускаться въ подробности по поводу разговоровъ, приведенныхъ въ послѣднемъ томѣ, о которомъ, впрочемъ, г-нъ Ренанъ утверждаетъ, что онъ его не читалъ, равно какъ и прежніе, но даю честное слово,—а люди, которые меня знаютъ, могли-бы засвидѣтельствовать, что никогда не слыхали отъ меня лжи,—даю честное слово, что разговоры, записанные мною въ четырехъ томахъ, такъ сказать—стенографія, передающая не только мысли разговаривавшихъ, но большею частью и ихъ выраженія. Я вѣрю, что читатель умный и не предубѣжденный согласится, что мое желаніе, мое честолюбіе было—представить настоящими тѣхъ людей, портреты которыхъ я писалъ, и что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ-бы приписать имъ слова, какихъ они не говорили.

«Ренанъ называетъ меня «нескромнымъ господиномъ». Принимаю его упрекъ и нисколько не стыжусь—тѣмъ болѣе, что мои нескромности не разоблаченія частной жизни, а только разоблаченія мысли и идеи моихъ современниковъ—документы для умственной исторіи вѣка. Да, повторяю, нисколько не стыжусь, ибо съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, интересные мемуары всегда писались людьми не особенно скромными, и все мое преступленіе въ томъ, что я еще живъ, спустя двадцать лѣтъ послѣ того, какъ написалъ ихъ—а ужь въ этомъ, говоря по человѣчески, каяться не приходится».

Воскресенье, 9-го ноября. Благоговѣніе молодыхъ писателей передъ тѣми произведеніями литературы, которыя берутъ дѣйствующихъ лицъ и обстановку изъ прошлаго, благоговѣніе, заставляющее ихъ предпочитать «г-жѣ Бовари»—«Саламбо»—напоминаетъ мнѣ почтительное изумленіе зрителей райка на представленіяхъ съ дѣйствующими лицами и обстановкою нашей дореволюціонной монархіи.

1891.

Пятница, 27-го марта. Ахъ, какое несчастье быть такимъ, какъ я, имѣть нервы, которые такъ-же чувствуютъ все, что происходитъ внутри людей, меня окружающихъ, какъ болѣзненное тѣло безсознательно воспринимаетъ впечатлѣнія окружающей его температуры, въ малѣйшихъ ея измѣненіяхъ. Такъ, напримѣръ, я легко различаю, по звуку голоса моихъ друзей, что ими сказано, чтобы сообщить мнѣ настоящія, вѣрныя добрыя извѣстія, и что—для того, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное, смягчить мою боль.

Четвергъ, 2-го апрѣля. Обѣдъ у Золя, данный имъ въ день его рожденія. Ему сегодня 51 годъ. Одно мгновеніе, Додэ былъ мило задорнымъ. Онъ говорилъ, какой хорошій «торговецъ счастьемъ» могъ-бы изъ него выйти: онъ увѣряетъ, что, разспросивъ человѣка объ его темпераментѣ, его вкусахъ, его средѣ, онъ прекрасно знаетъ, какое счастье ему нужно.

Вторникъ, 7-го апрѣля. Да, она продолжается и у стариковъ, эта внутренняя радость, которую испытываешь, когда ложишься спать послѣ хорошаго рабочаго дня.

Суббота, 11-го апрѣля. Свобода и дешевизна жизни—вотъ что должно было дать намъ республиканское правительство. А между тѣмъ республиканское правительство нашего времени принимаетъ тѣ-же свободоубійственныя мѣры, что и прежде. Приведу, какъ примѣръ, хотя бы театральную цензуру... Что же касается дешевизны жизни, то жизнь въ Парижѣ, да и въ провинціи даже, стоитъ почти въ десять разъ дороже, чѣмъ при Людовикѣ Филиппѣ.

Воскресенье, 19-го апрѣля. По поводу книги Рони о «добротѣ», Додэ говорилъ мнѣ сегодня вечеромъ о крупномъ лишеніи, которое онъ терпитъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ не ходитъ пѣшкомъ и не можетъ помогать бѣднымъ. «Да», отвѣчаетъ онъ женѣ, напоминающей ему о тѣхъ добрыхъ дѣлахъ, которыя они попрежнему дѣлаютъ вмѣстѣ, «да, правда, но это не то, въ этихъ добрыхъ дѣлахъ я уже не играю роль Провидѣнія, сверхъестественнаго существа, если хочешь, являющагося бѣдняку, бродягѣ, нищему, встрѣченному на дорогѣ». И онъ разсказываетъ, необыкновенно мило и съ тѣмъ остроуміемъ, которое идетъ отъ сердца, какъ однажды, въ темную ночь, измученный бродяга свалился у фонтана противъ дома его тестя, въ Шанрозэ, какъ этотъ бѣднякъ, въ тоскливой неувѣренности вопросительно смотрѣлъ на перекресткѣ то на одну, то на другую дорогу, сомнѣваясь, въ концѣ которой изъ нихъ больше надежды на ужинъ и ночлегъ; какъ онъ, наконецъ, отважился выбрать одну, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и вернулся—обезкураженный... Тогда,

именно въ ту минуту, Додэ завернулъ въ бумажку пятифранковую монету и бросилъ ему изъ-за притворенныхъ жалюзи. Представьте себѣ ошеломленіе несчастнаго при видѣ крупной монеты, найденной въ бумажкѣ, и вопросительные взгляды на темный безмолвный домъ, и поклоны на удачу въ окна, и мгновенное исчезновеніе по первой попавшейся дорогѣ, изъ боязни, что то была ошибка и его вернутъ назадъ.

Вторникъ, 19-го мая. У человѣка, обладающаго артистическимъ вкусомъ, вкусъ этотъ не ограничивается картинами; у него есть вкусъ и въ фарфорѣ, въ чеканкѣ, въ переплетѣ, — во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ искусству. Скажу больше, вкусъ сказывается даже въ оттѣнкѣ панталонъ, и господинъ, считающій себя любителемъ картинъ, единственно картинъ, и понимающій искусство только въ живописи—просто благеръ, безъ врожденной любви къ искусству, напустившій на себя, для шику, фиктивный вкусъ.

Воскресенье, 31-го мая. На «Чердакѣ» разговоръ опять возращается къ завоеванію французской литературы иностранною. Констатируемъ у современной молодежи наклонность ко всему облачному, туманному, таинственному и презрѣніе къ ясности. По поводу этого переворота, совершившагося въ умахъ, Додэ дѣлаетъ любопытное сообщеніе, что раньше, въ французскихъ коллежахъ, самый «шикарный» курсъ былъ курсъ риторики; тутъ были и профессора на виду, и воспитанники, предназначавшіеся для великаго будущаго; послѣ же войны съ Германіею философскій курсъ сталъ пользоваться и симпатіями, и популярными профессорами.

Мы съ Додэ чувствуемъ себя униженными, глядя на нашу литературу — онѣмеченную, обрусѣвшую, обамериканившуюся; но Роденбахъ возражаетъ намъ той теоріей, что, въ сущности, займы полезны, и что они то и питаютъ литературу, что черезъ нѣкоторое время, когда эта пища переварится, чужія вещества, увеличивъ нашу мысль, исчезнутъ въ общемъ организмѣ.

Отъ этихъ заимствованій мы переходимъ къ изворотливости нашей современной молодежи, которая, въ «нашъ вѣкъ подражанія», не занимаетъ, какъ дѣлали невинные ея предшественники, у своихъ старыхъ согражданъ, а потихоньку грабитъ поэтовъ голландскихъ, американскихъ, неизвѣстныхъ, неизслѣдованныхъ, и выдаетъ свои подражанія за оригинальное творчество, при полномъ отсутствіи серьезной, ученой, начитанной критики.

Передъ обѣдомъ, когда мы остаемся наединѣ съ Додэ, у него вырывается восторженное изумленіе передъ тремя философскими діалогами, издаваемыми его сыномъ. Онъ находитъ въ нихъ внѣшніе пріемы отца и интуитивность матери. И это правда, у Леона Додэ сливаются двѣ натуры: сѣверянина и южанина. Да и самъ по себѣ онъ любопытный

малый: въ житейскихъ дѣлахъ ребенокъ, а въ умственныхъ—его мозгъ оказывается мозгомъ зрѣлаго мужчины. Додэ въ особенности пораженъ въ книгѣ сына многочисленностью и кипѣніемъ мыслей.

Воскресенье, 21-го іюня. Эрманъ, возвращающійся изъ Москвы, говорилъ—довольно остроумно и, пожалуй, вѣрно,—про русскихъ: «Да, они очень милы, но немного удивлены нашей чрезвычайной симпатіей къ нимъ, такъ какъ они сами ея къ намъ не чувствуютъ!»

Четвергъ, 16-го іюля. Гальперинъ-Каминскій, русскій переводчикъ своихъ соотечественниковъ, сообщаетъ намъ, что Достоевскій былъ эпилептикъ, эпилептикъ, какъ нашъ Флоберъ. А такъ какъ я говорю съ нимъ про культъ, который русскіе питаютъ къ своимъ писателямъ, онъ намъ разсказываетъ, что на похоронахъ Достоевскаго, при видѣ стеченія и набожнаго настроенія народа, одинъ мужикъ спросилъ:

— Кто онъ, святой?

Пятница, 17-го іюля. Во время прогулки, сегодня утромъ, Додэ спросилъ меня, мучился-ли мой братъ вопросами загробной жизни. Я отвѣчалъ, что нѣтъ, что во время болѣзни, въ разговорѣ, онъ ни разу не сдѣлалъ ни одного намека на это будущее.

Тогда Додэ спросилъ, каковы мои убѣжденія на этотъ счетъ, и я отвѣчалъ, что, несмотря на сильное мое желаніе увидѣть опять брата, я вѣрю въ полное уничтоженіе личности послѣ смерти, вѣрю, что мы существа самыя ничтожныя, эфемериды, хотя и живемъ нѣсколько дней вмѣсто одного, и что если есть Богъ, то ожидать второго существованія для каждаго изъ насъ значило бы возлагать на него слишкомъ большое счетоводство. Додэ говоритъ, что онъ записалъ однажды приснившійся ему сонъ: онъ ходилъ по терновому полю, и созрѣвшіе стручья лопались съ легкимъ, чуть слышнымъ трескомъ; это поминутное растрескиваніе онъ сравнивалъ съ нашей жизнью.

Суббота, 1-го августа. Завтра именины Додэ, но ихъ празднуютъ сегодня; пришли обѣдать и молодые. Только-что вышли изъ-за стола, въ литературной атмосферѣ этого дома всѣ заговорили о старой поэзіи, и благодаря чудной памяти Леона, мы услыхали любопытное стихотвореніе Вильона:

Бѣдняжка я и ужъ старушка;
Не знаю ничего...

Затѣмъ меланхолическіе стихи Ронсара «Старой любовницѣ»:

Когда состаритесь и ночью, за свѣчею,
За прялкой, у огня, былое вспоминать
Вы будете...

И славную оду Малерба, гдѣ онъ самъ вьетъ себѣ вѣнки.

Я думаю, что въ настоящую минуту мало бываетъ писательскихъ пирушекъ, гдѣ-бы прославлялся такой высокій родъ литературы. А какъ прелестно было то поэтическое упоеніе, которое охватило насъ всѣхъ, мужчинъ и женщинъ.

Суббота, 15-го августа. Сегодня, у Целлера, старый докторъ Бланшъ говорилъ любопытныя вещи о культѣ Богородицы у дѣвушекъ рабочаго класса. Онъ разсказывалъ, какъ былъ однажды въ улицѣ Бакъ у одной бѣдной горбатой швеи, страдавшей тяжелой болѣзнью сердца; около постели, гдѣ она лежала, плясала сумасшедшая старуха, мать больной. У бѣдняжки на комодѣ стояла статуйка Богоматери, передъ которой горѣлъ старый ночникъ. Увидѣвъ, какъ глаза доктора одно мгновеніе остановились на гипсовомъ изображеніи, она повела рукой и проговорила: «Вотъ это только и помогаетъ мнѣ переносить жизнь, такую жизнь, какъ моя».

Другой разъ онъ видѣлъ еще бѣдную работницу, тоже горбатую, тоже съ болѣзнью сердца. Ея маленькая мадонна была вся въ цвѣтахъ, и она сказала ему съ какой-то страстью: «Да, она моя помощь, моя защита въ этомъ грустномъ мірѣ».

О, не свиньи-ли тѣ, кто управляетъ страною и старается убить вѣру у этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ! Они вѣдь не обезпечиваютъ имъ рай на землѣ и преспокойно издѣваются надъ ними, со всѣмъ ихъ «братствомъ», крупными буквами выставленнымъ на камняхъ ихъ министерствъ!

Четвергъ, 15-го октября. Молодая румынка приходила ко мнѣ, желала меня видѣть. На отвѣтъ, что меня нѣтъ дома, у ней навернулись слезы на глазахъ: придти еще разъ, въ среду, она не можетъ. Черезъ нѣсколько минутъ она возвращается и говоритъ Пелажи: «не можете-ли вы дать мнѣ что-нибудь, что принадлежало-бы г-ну де-Гонкуръ?» И Пелажи, не желая меня безпокоить, даетъ ей карандашъ, которымъ она записываетъ кухонный расходъ.

Суббота, 31-го октября. Мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ уже межреберный ревматизмъ жжетъ меня какъ огнемъ и каждую ночь лишаетъ меня сна. А днемъ я чувствую себя до того усталымъ, утомленнымъ, что долженъ лечь, и хотя не сплю, но по крайней мѣрѣ немного успокоиваюсь въ горизонтальномъ положеніи. И все мое развлеченіе въ моей комнатѣ, съ закрытыми ставнями, гдѣ обои какъ будто затянуты тѣнью,—состоитъ въ изученіи свѣтовыхъ эффектовъ на единственномъ панно, на который падаетъ капелька свѣту. Это медальонъ, гдѣ пастушка, въ томъ полуиспанскомъ костюмѣ, который ввелъ въ моду Vanloo, наливаетъ стаканъ вина пастуху въ короткихъ штанахъ цвѣта сѣры или желтой розы, въ ландшафтѣ съ голубоватыми деревьями и блѣдно желтой далью. Сцена эта выступаетъ въ узкой полосѣ свѣта, освѣщается какою-то

молочною зарею, въ волшебно-мягкомъ сіяніи, въ полуденныхъ лучахъ, имѣющихъ что-то фантастическое.

Воскресенье, *1-го ноября.* Додэ говоритъ объ интересѣ, какой могла-бы представить книга, описывающая дѣтство и молодость самостоятельно пробившихся людей, ставшихъ извѣстными. Онъ выражаетъ свое удивленіе по поводу сходства своего бурнаго дѣтства съ дѣтствомъ Байрона, о которомъ онъ прочелъ у Тэна. Затѣмъ онъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что «Маленькаго человѣчка» (Le petit chose) онъ написалъ въ такое время, когда онъ еще не умѣлъ «видѣть». Я ему совѣтую снова сдѣлать книгу, будто первой и не бывало; въ самомъ дѣлѣ сравненіе между обѣими книгами было-бы любопытно: одна изъ того періода, когда у писателя не было еще наблюдательности; другая—написанная въ ту минуту, когда эта наблюдательность дошла до степени острой проницательности.

Среда, 9-го декабря. Говорятъ, что Мопассанъ пораженъ маніей величія. Онъ думаетъ, что получилъ графскій титулъ, требуетъ, чтобы его называли графомъ.

Д-ръ Попеленъ, котораго предупредили, что Мопассанъ начинаетъ заикаться, лѣтомъ не замѣчалъ еще у него этого заиканія, но его поражало невѣроятное преувеличеніе въ его разсказахъ. Дѣйствительно, Мопассанъ разсказывалъ, какъ онъ отдавалъ визитъ адмиралу Дюперэ на средиземной эскадрѣ и какимъ громаднымъ числомъ пушечныхъ выстрѣловъ онъ былъ привѣтствованъ—выстрѣлы эти стоили, будто-бы, нѣсколько сотъ тысячъ франковъ. Попеленъ не могъ удержаться, чтобы не указать ему на громадность этой суммы.

Четверг, 17-го декабря. Сегодня утромъ мнѣ не хорошо, совсѣмъ не хорошо. Я попросилъ Додэ устроить мнѣ консультацію съ докторомъ Потэнъ и зайти ко мнѣ на минутку, поговорить о серьезныхъ дѣлахъ.

Ночью, въ лихорадкѣ, я видѣлъ уморительный кошмаръ. Одна дѣвица, за которою я въ былое время ухаживалъ, являлась въ длинной траурной мантіи; изъ ея шлейфа внезапно выскочилъ, съ бумагой въ рукахъ, маленькій священникъ, похожій на чертенка, выскакивающаго изъ коробочки, и разложивъ бумагу на моей постели, заставлялъ меня подписать брачный договоръ «in extremis».

(Окончаніе слѣдуетъ).

З. Д. З—ной

(послѣ ея пѣнія).

Спасибо вамъ за нѣсколько минутъ
Волненья сладкаго и ядовитой муки.
Когда такіе звуки
Могучею волной внезапно набѣгутъ
На душу, гдѣ давно всѣ жизненныя силы
Окованы ужаснымъ сномъ могилы,
Гдѣ нѣтъ ни бурно жгучихъ слезъ,
Ни тихо плачущей печали,
Ни въ будущемъ надеждъ, ни о прошедшемъ грезъ,
Гдѣ всѣ желанья замолчали,
И жизнь идетъ къ концу пустынною тропой,
Съ покорностью холодной и тупой,—
Тогда на нѣсколько мгновеній
Какой-то благодатный геній
Слетаетъ свыше, чтобъ разбить
Оцѣпенѣніе могилы
И въ духъ воскреснувшій внести сознанье силы
Блаженствовать, страдать, и вѣрить, и любить...

П. Вейнбергъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

У Палкина.

Я сидѣлъ въ ресторанѣ Палкина за ужиномъ. Недалеко отъ меня вели бесѣду два незнакомыхъ человѣка за столикомъ, который былъ уставленъ опорожненными бутылками. Ужинъ ихъ былъ конченъ, и клубы бѣлесоватаго сигарнаго дыма расплывались надъ собесѣдниками. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ средняго возраста, бѣлокурый съ просѣдью, съ густою круглою бородою и усами, пожелтѣвшими отъ куренья. Глаза его разсѣянно бѣгали по сторонамъ, иногда онъ нервно подергивался на стулѣ и, возражая своему собесѣднику, пригибался грудью къ столу. Другой былъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, въ аккуратномъ черномъ сюртукѣ, нѣсколько на распашку, съ разсыпающимися темными волосами, которые онъ часто закидывалъ рукою назадъ. Давая реплику, онъ какъ-то любезно улыбался и съ легкимъ, привычнымъ самолюбованіемъ подчеркивалъ отдѣльныя слова. Онъ прибѣгалъ къ иностраннымъ терминамъ, которые произносилъ съ едва уловимымъ наивнымъ удовольствіемъ. Я подумалъ, что, вѣроятно, это былъ какой-нибудь начинающій привать-доцентъ петербургскаго университета. Когда затихъ долго гудѣвшій органъ, я услышалъ упоминаніе о маленькомъ очеркѣ «Въ купэ», напечатанномъ мною въ послѣдней книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Я естественно насторожился.

— Мнѣ кажется, что и нѣмецъ, и русскій ошиблись, фактически ошиблись,—говорилъ молодой человѣкъ.—Раскольниковъ совсѣмъ не покаялся. Онъ просто былъ выбитъ изъ колеи и все, что онъ дѣлаетъ подъ конецъ романа, до эпилога, не больше, какъ пожертвованіе собственными идеями окружающей его, довольно-таки пошлой средѣ. Онъ оправдалъ свои убѣжденія яркимъ поступкомъ, и затѣмъ—онъ падаетъ, какъ человѣкъ, не имѣющій нервныхъ силъ остаться ратоборцемъ. Въ мысляхъ онъ себѣ не измѣняетъ.

Онъ затянулся дымомъ, бросилъ бѣглый взглядъ на сосѣдніе столики и затѣмъ продолжалъ, нѣсколько повысивъ голосъ:

— Я могу говорить объ этомъ предметѣ, какъ на экзаменѣ. Я нарочно просмотрѣлъ всѣ сцены романа, относящіяся къ такъ называемому покаянію Раскольникова. И вотъ, повторяю вамъ: авторъ очерка глубоко ошибся. Раскольниковъ до конца твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. За минуту передъ покаяніемъ онъ говоритъ Сонѣ: «Я сейчасъ иду предавать себя. Но я не знаю, для чего я иду предавать себя». Вы видите, онъ не знаетъ, для чего ему предавать себя полиціи. То-ли это настроеніе, въ какомъ человѣкъ можетъ искренно покаяться? Теперь, смотрите дальше. Соня говоритъ Раскольникову, что покаяніемъ онъ смоетъ половину своего преступленія. И вотъ Раскольниковъ, почти взбѣсившись отъ этого слова, восклицаетъ: «Преступленіе? Какое преступленіе? То, что я убилъ гадкую, зловредную вошь, старушонку-процентщицу, никому не нужную, которую убить—сорокъ грѣховъ простятъ, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, и это преступленіе?» Какъ вы это поймете? Онъ убилъ—по своему неизмѣнному убѣжденію—какую-то вошь, которую надо убить. Онъ заступился за бѣдняковъ противъ вампира, противъ соціальнаго эксплоататора. Я такъ понимаю Раскольникова и думаю, что иначе его понять нельзя. Это — протестантъ, непреклонный, хотя и падающій отъ натиска грубыхъ факторовъ общественнаго регресса. И онъ самъ на этотъ счетъ не обманывается. Онъ говоритъ о своемъ злосчастномъ покаяніи, какъ о малодушіи, какъ о поступкѣ, который можно объяснить только его бездарностью. Вотъ, что я думаю объ этомъ предметѣ, Василій Михайловичъ.

Василій Михайловичъ довольно долго посматривалъ на молодого говоруна, съ лукавымъ выраженіемъ въ прищуренныхъ глазахъ. Онъ, повидимому, не торопился со своимъ возраженіемъ и ждалъ, пока собесѣдникъ не выскажется до конца. Теперь настала его очередь.

— Такъ, по вашему, Раскольниковъ—это типъ протестанта, изъ новыхъ въ свое время теченій и, говоря вашими словами, убѣжденный ратоборецъ общественнаго прогресса? Вотъ какъ вы его понимаете. Достоевскій представилъ либеральнаго героя, который отъ начала до конца находится въ разладѣ съ косною толпою? Ничего другого вы не отыскали въ романѣ относительно Раскольникова. Извините-съ, я съ вами не согласенъ. Раскольниковъ — человѣкъ, который мечталъ сдѣлаться Наполеономъ, хотя, конечно, не могъ имъ сдѣлаться. Вы забыли статью Раскольникова о томъ, что великимъ людямъ все позволено. Вы не замѣтили одного очень важнаго словца: Раскольниковъ хотѣлъ *осмѣлиться, озлиться*. Чувствуете вы, какія тутъ открываются глубины? Онъ искалъ въ себѣ гордости, права на власть, былъ нетерпѣливъ—вотъ какія въ немъ черточки. Онъ героемъ хотѣлъ сдѣлаться, — понимаете, не подвижникомъ-

протестантомъ, а героемъ, въ самоновѣйшемъ смыслѣ этого слова. Тутъ, за много лѣтъ, теоріями Ницше вѣетъ, а не тургеневскою Новью. Достоевскій, какъ никто другой, опередилъ свою эпоху и далъ образчикъ чистѣйшаго русскаго демонизма, который онъ измѣрилъ до глубины.

— Ну, все равно,—перебилъ молодой человѣкъ.—Пусть Раскольниковъ хоть демонистъ, объ этомъ не будемъ спорить. Все-таки, я правъ, говоря, что Раскольниковъ вовсе и не покаялся. Согласитесь, вѣдь не важно для такой натуры, пошелъ онъ или не пошелъ признаваться въ полицію. Главное—это то, что онъ думаетъ, говоритъ: «я не знаю, для чего я иду предавать себя».

— Извините-съ, для меня въ этихъ словахъ Раскольникова заключается великій смыслъ. Онъ не знаетъ, зачѣмъ идетъ предавать себя— да, да! Онъ *самъ* не знаетъ. Онъ, какъ невольникъ, идетъ на свое покаяніе. Но въ какомъ смыслѣ невольникъ? Подумать только, какъ глубоко проникъ въ душу человѣческую Достоевскій. Человѣкъ съ яркими убѣжденіями, почти фанатикъ, молодой писатель съ талантомъ, Раскольниковъ кончаетъ одну полосу своей жизни поступкомъ, котораго самъ не можетъ понять. Онъ не властенъ надъ собою. Сознаніемъ онъ презираетъ свое малодушіе, свою бездарность, какъ онъ выражается, — а что-то, болѣе сильное, чѣмъ сознаніе, непобѣдимо толкаетъ его къ самообличенію и страданію. Онъ убилъ вошь никуда негодную, и все-таки онъ долженъ искупить страданіемъ какую-то великую ошибку. Ему никогда не сдѣлаться Наполеономъ—не потому, чтобы Наполеонъ былъ слишкомъ великъ, а онъ слишкомъ малъ—правду сказать, все-то солдатское величіе Наполеона мнѣ кажется грошовымъ, — а потому, что въ душѣ Раскольникова жила добрая божественная стихія, которая борется противъ всякой злости, противъ убійства. Величіе Наполеона пройдетъ, какъ дымъ, потому что можно было-бы доказать, что этотъ корсиканецъ не проявилъ въ своей дѣятельности высшаго экстаза, что мечты его были суетой. А Раскольниковъ великъ и силенъ въ своей слабости. Онъ, дѣйствительно, покаялся, хотя и самъ не зналъ, для чего. Именно въ такомъ покаяніи разрѣшена художникомъ глубокая задача. Онъ покаялся невольно, безсознательно, по наитію внутреннихъ импульсовъ, которые отчетливо воплощены въ словахъ Сони. Это настоящее важное покаяніе: сознаніе могло-бы опять измѣниться, ухватиться за какую-нибудь новую ошибочную идею, но безсознательная душа его, оставаясь все время неизмѣнною, не могла иначе излѣчить Раскольникова. Она знала, для чего и почему ему нужно было принять на себя страданіе. Она толкала его, противъ его сознательной воли, къ освобожденію и возрожденію.

— Позвольте, Василій Михайловичъ,—вы сказали, что безсознательная душа неизмѣнно управляла Раскольниковымъ, ведя его къ освобож-

днію. Это, по вашему, есть прогрессивное начало въ его жизни. А моментъ убійства? Вѣдь безсознательная душа и тогда была въ немъ. Выходитъ какъ-то, что Богъ заодно съ убійцею...

Дальнѣйшія слова его заглушились бравурными звуками органа, который былъ заведенъ лакеемъ на увертюру изъ «Карменъ». Разговоръ моихъ сосѣдей на время для меня пропалъ. Я сталъ смотрѣть въ публику. Нѣкоторые уже уходили. Навстрѣчу уходящимъ прошли черезъ залу нѣсколько извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей. Судьба сводила и разводила меня съ ними въ случайныхъ журнальныхъ встрѣчахъ, которыя въ Россіи разрѣшаются, почему-то, во-первыхъ, тѣмъ, что по-человѣчески знакомые полемисты перестаютъ кланяться другъ другу, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что самая полемика, утеривая всякіе идейные корни, становится какою-то «вселенскою смазью» по открытымъ лицамъ противниковъ передъ оторопѣвшею публикою. Мелькнула фигура критика-философа, съ побѣлѣвшей волнистой шевелюрой, съ выразительнымъ лицомъ—что-то вспомнилось, давнишнее, человѣчное, вспомнилось безъ малѣйшей внутренней горечи и протеста,—и тутъ же затуманилось. Прошелъ газетный критикъ, который наивно считаетъ себя опаснымъ крокодиломъ въ мутномъ озерѣ современной россійской словесности, но который, въ дѣйствительности, будучи отъ природы неглупымъ, не имѣетъ на своей совѣсти ни одной серьезной литературной работы—ничего, кромѣ поверхностно-хлесткихъ фельетоновъ и стиховъ средняго достоинства. Темно рыжая бородка, тараканьи усы, которые онъ разглаживаетъ и вытягиваетъ двумя пальцами, небольшіе тусклые глаза—внѣшній видъ, не обличающій настоящей, внутренней злобы,—что-то даже довольно добродушное. Въ эту минуту, подъ бравурный напѣвъ «Карменъ», самые его фельетоны показались мнѣ забавными и водевильно-веселыми. Затѣмъ проплыла вялая фигура съ жидкими локончиками еще одного извѣстнаго критика, а за нимъ, догоняя его, прошелъ молодой журналистъ, съ приподнятыми плечами и замашками расторопнаго банковскаго чиновника. Вѣроятно, всѣ эти люди пришли изъ театра или какого-нибудь общаго литературнаго собранія. Я подумалъ,—вотъ представители петербургской журнальной интеллигенціи, живой матеріалъ для скорбной и мучительно вдохновенной сатиры Достоевскаго. Мнѣ показалось, что эти люди, съ разными дарованіями, съ большими и мелкими страстями, съ идейными намѣреніями, но безъ фанатически-честной логики, не должны ни въ комъ возбуждать никакого озлобленія. Подъ мутною пѣною журнальныхъ распрей и газетныхъ перебранокъ, не переставая, струится чистый, хотя и скудный, въ послѣднее время, потокъ художественной русской литературы.

Органъ смолкъ. Мои сосѣди оживленнѣе прежняго продолжали бесѣду. Василій Михайловичъ говорилъ, сильно разгорячаясь, взволнованно, смотря въ лицо молодому оппоненту нѣсколько покраснѣвшими глазами.

— ...Да, безсознательная душа не бездѣйствовала, когда Раскольниковъ совершалъ убійство. Оно намѣчено у Достоевскаго съ поразительною геніальностью,—помнится, въ какихъ-то нѣсколькихъ строкахъ. Раскольниковъ вынимаетъ топоръ, взмахиваетъ имъ обѣими руками и почти машинально, безъ усилія, опускаетъ его на голову старухѣ обухомъ. Помните, Достоевскій говоритъ: силы его тутъ какъ-бы не было. Это чрезвычайно важно. Раскольниковъ убиваетъ эту несчастную легистраторшу, опираясь только на свое сознаніе—во имя сознательной мысли. Весь его духъ въ этомъ не участвуетъ, и вотъ почему въ дѣйствіяхъ его нѣтъ ни силъ, ни увѣренности. Онъ ударяетъ старуху обухомъ машинально—именно такъ, какъ это бываетъ въ гипнозѣ, когда сознаніе сосредоточено на одномъ предметѣ, а душа бездѣйствуетъ. Но какъ только онъ разъ опустилъ топоръ, говоритъ Достоевскій,—тутъ и родилась въ немъ сила. Совершенно понятно,—удивительная точность въ изображеніи именно такого, идейнаго убійства, при бездѣйствіи безсознательныхъ инстинктовъ и препятствіяхъ христіански-настроеннаго сердца. За первымъ ударомъ въ тѣлѣ его развивается физическая сила — рядъ рефлексовъ, которые заставляютъ его докончить начатое дѣло. Духа въ этой работѣ нѣтъ,—и она совершается по механическимъ законамъ. Инстинкты не помогаютъ Раскольникову, потому что этихъ, разрушительныхъ, инстинктовъ нѣтъ въ его натурѣ. Дальнѣйшія его дѣйствія становятся безтолковыми, безпорядочными. Имъ овладѣваетъ разсѣянность и задумчивость. Онъ забываетъ о главномъ и прилѣпляется къ мелочамъ. Иногда ему кажется, что онъ сходитъ съ ума. Все это страшно понятно, и никто лучше Достоевскаго не могъ показать намъ, какъ безсильно сознаніе, когда ему не помогаетъ безсознательная душа, когда ему сопротивляются нравственные инстинкты... Замѣтьте, какъ онъ неисчерпаемъ въ пониманіи сложной человѣческой натуры. Когда въ комнату неожиданно вошла Лизавета, Раскольниковъ *бросился* на нее съ топоромъ—онъ дѣйствуетъ теперь съ силою, порывисто и энергично, потому что ему стала угрожать опасность. Теперь ему помогаютъ самооборонительные инстинкты, которые изъ другихъ темныхъ инстинктовъ наиболѣе живучи въ человѣкѣ. Когда, послѣ двухъ убійствъ, Раскольниковъ видитъ новую опасность—поднимающагося по лѣстницѣ человѣка, онъ быстро и ловко хватаетъ запоръ и тихо, неслышно, насаживаетъ его на петлю. Достоевскій такъ и говоритъ: ему помогалъ инстинктъ. Видите, въ дѣйствіяхъ Раскольникова можно замѣтить постоянную борьбу безсильнаго сознанія съ всесильною безсознательною душою. Эта душа и не позволяетъ ему сдѣлаться Наполеономъ, не позволяетъ ему *озлиться* до конца, какъ онъ самъ великолѣпно выражается, дѣлаетъ ничтожными всѣ его демоническія мечты и его презрѣніе къ человѣческому обществу. Въ минуты просвѣтлѣнія Раскольниковъ понимаетъ, что своимъ не-

удачнымъ наполеоновскимъ героизмомъ онъ убилъ самого себя, свою душу, и что потребуются какія-то дѣйствія, которыя освободятъ его отъ непосильной тяжести. Онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлается, постоянно путается въ своихъ понятіяхъ, но надъ нимъ тяготѣютъ чары неискоренимаго внутренняго благородства. Онъ не убилъ, а оскорбилъ свою душу, и оскорбленная душа проложитъ себѣ дорогу, въ концѣ концовъ, сквозь мишуру его случайныхъ сознательныхъ ошибокъ. Когда Соня, въ огневомъ восторгѣ, говоритъ ему: «пойди сейчасъ, сію же минуту, стань на перекресткѣ, поклонись, поцѣлуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всему свѣту, на всѣ четыре стороны и скажи всѣмъ, вслухъ: я убилъ!»,—Раскольниковъ хотя и отвѣчаетъ, что онъ не пойдетъ, но читатель чувствуетъ, что онъ измѣнитъ этому рѣшенію, что поверхностное сознаніе не выдержитъ борьбы съ страстотерпческими потребностями души. Не человѣческія теоріи, которыя вошли въ его сознаніе, а самъ Богъ, черезъ его душу, оскорбленную и униженную его безуміемъ, управляетъ отнынѣ его жизнью. Онъ смирится, онъ пойдетъ и покается, станетъ на колѣни, поцѣлуетъ грязную землю Сѣнной площади *съ наслажденіемъ и счастіемъ* и отдастъ себя въ руки грубыхъ людей только для того, чтобы принять очистительное страданіе. Достоевскій показываетъ намъ въ этомъ человѣкѣ не смѣну однѣхъ теорій другими, а откровеніе совѣсти въ томъ движеніи, широкомъ и звучномъ, которое называется покаяніемъ. Онъ покаялся, Раскольниковъ, хотя видѣнія ошибочно настроеннаго сознанія и горделивыя, по-человѣчески заносчивыя теоріи преслѣдуютъ его до конца... Вотъ видите,—вамъ показалось, что и нѣмецъ и русскій журнальнаго очерка оба ошиблись, что Раскольниковъ вовсе и не покаялся. Нѣтъ-съ, покаяніе было, особенное покаяніе, вдохновенное, съ кровавыми слезами, при конвульсивномъ сопротивленіи того чорта, который сидѣлъ въ сознаніи Раскольникова и который, по его-же собственнымъ словамъ, былъ убійцей несчастной легистраторши... Ну, кажется, очень поздно, пора домой.

Въ самомъ дѣлѣ, было уже около трехъ часовъ. Газъ былъ погашенъ. На немногихъ занятыхъ столахъ зажигали новыя свѣчи. Мои сосѣди поднялись. Я всталъ вмѣстѣ съ ними. На улицѣ меня охватила пронизывающая сырость петербургской осени, съ ея мелкимъ, вялымъ, утомительнымъ дождемъ, съ ея сѣрыми туманами, которые никогда не оживляются пестрыми красками меланхолическаго листопада.

А. Волынскій.

Новая біологическая теорія.

Prof. Wilhelm Roux (Halle). Gesammelte Abhandlungen über Entwickelungsmechanik der Organismen B. 1. 2. $189^5/_6$.

Почва Германіи оказалась одной изъ самыхъ плодотворныхъ для воспріятія и развитія ученія объ эволюціи. Мысль Дарвина, высказанная имъ твердо и рѣшительно, какъ символъ новаго міросозерцанія, хранила въ себѣ непредвидѣнную силу не только освѣщать старые и новые вопросы органической жизни, но и привлекать и подчинять себѣ выдающіеся умы вѣка. Старыя научныя традиціи оказались безсильными бороться съ новыми вѣяніями науки, и въ этой побѣдѣ Германіи принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ, несмотря на то, что умственный починъ въ этомъ движеніи принадлежитъ, на этотъ разъ, не ей.

Среди дѣятелей новой науки одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Э. Геккель. Трудъ его жизни слишкомъ великъ, чтобы опредѣлить его въ двухъ словахъ. Въ данномъ случаѣ важно указать на то, что онъ создалъ цѣлую школу. Изъ нея вышли братья Гертвиги, Лангъ, В. Ру. Имя послѣдняго извѣстно — особенно въ Россіи—лишь спеціалистамъ, между тѣмъ это одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ натуралистовъ-мыслителей нашего времени. Онъ создалъ новое теченіе въ біологіи, выработалъ новые методы, внесъ въ естествознаніе идеи, если не новыя въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то имъ впервые продуманныя до конца, до предѣловъ логически вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій.

Книга, заглавіе которой выше выписано, есть результатъ 17 лѣтъ труда. Вся научная дѣятельность В. Ру распадается на два періода: первый былъ посвященъ разработкѣ Дарвиновской теоріи съ того пункта, гдѣ самъ Дарвинъ остановился; во второмъ—Ру выдѣляетъ новую главу біологіи, «механику развитія».

Только въ послѣднее время создалась вокругъ него школа, имѣющая свой органъ «Archiv für Entwickelungsmechanik». Недавно появился сводъ добытыхъ на новомъ пути данныхъ—въ книгѣ W. Haake, Grundriss der Entwickelungsmechanik. Въ предисловіи къ 1 тому авторъ говоритъ: «17 лѣтъ тому назадъ я началъ изслѣдованія объ образованіи человѣческихъ и животныхъ формъ и долго работалъ одинъ. Вопросъ о причинахъ, опредѣляющихъ животныя формы, занимаетъ чрезвычайно сложную область проблемъ, тѣсно переплетающихся между собою, частью кажущихся неразрѣшимыми. Раньше всего нуженъ былъ *методъ*, который далъ-бы возможность расчленить матерьялъ до простоты отдѣльныхъ задачъ; затѣмъ—нужна была руководящая нить въ видѣ *гипотезы*, нужны были *факты*. Еще недавно для насъ былъ закрытъ весь комплексъ неизвѣстныхъ «формулирующихъ вліяній», подъ общимъ дѣйствіемъ которыхъ осуществляется онтогенезъ [1]). Теперь всѣ вопросы поставлены на очередь, многіе разъяснены». И далѣе: Дарвинъ и Уолессъ открыли принципъ борьбы, какъ причину механическаго происхожденія цѣлесообразнаго, но только относительно *внѣшнихъ* условій и цѣлыхъ индивидуумовъ, а не *внутри* организма для самыхъ малыхъ его частей, для элементарныхъ организмовъ, для клѣтокъ. Здѣсь, кромѣ указанныхъ Дарвиномъ, вліяютъ еще *другіе принципы* для созданія цѣлесообразности». Этому вопросу, «другимъ принципамъ», посвященъ весь первый томъ. Всѣ эти принципы онъ объединяетъ подъ названіемъ «физіологическаго приспособленія» или въ другомъ мѣстѣ «морфологическаго функціональнаго приспособленія», понимая подъ этимъ цѣлесообразно-приспособляющее вліяніе функціи на выполняющую ее матерію.

Вопросъ о генетической связи формъ тѣла и главнымъ образомъ мельчайшихъ частей его съ работой, функціей, могъ лишь недавно сдѣлаться предметомъ точнаго изслѣдованія. Ученіе о клѣткѣ возникло въ 40-хъ годахъ, и пока оно успѣло сдѣлать первыя крупныя завоеванія, Дарвинъ уже слишкомъ далеко ушелъ въ свою работу, чтобы ставить ее на новую почву. Перенести его ученіе на клѣтки выпало на долю Ру. Онъ сдѣлалъ это въ своей книгѣ съ сложнымъ заглавіемъ «Борьба частей въ организмѣ, какъ причина, культивирующая и совершенствующая эти части. Матерьялы для дальнѣйшаго развитія ученія о механическомъ происхожденіи цѣлесообразнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ теорія функціональнаго приспособленія». Эта книга, по мнѣнію самого Дарвина и Геккеля, имѣетъ такое-же значеніе для онтогенеза, какъ «Происхожденіе видовъ» для филогенеза.

---

[1]) Онтогенезъ—развитіе отдѣльнаго животнаго индивидуума изъ зародышевой клѣтки въ организмъ; филогенезъ—развитіе рода, т.-е. вся исторія даннаго вида отъ простѣйшей формы до настоящаго его состоянія.

Всѣмъ натуралистамъ извѣстно явленіе такъ называемаго функціональнаго приспособленія во всѣхъ его варіаціяхъ. Основа этого явленія заключается въ присущей матеріи силѣ ассимиляціи: при помощи послѣдней не только пополняются траты циркулирующаго матеріала, но и всякія нарушенія резервнаго фонда рабочей силы. Отсюда увеличеніе количественное, а въ результатѣ и качественное, т.-е. повышеніе функціональной силы. Раздраженіе, ведущее къ указаннымъ послѣдствіямъ, идетъ отъ функціи къ организованной матеріи. Функція есть трофическій (питательный) раздражитель. Въ своемъ постоянномъ стремленіи къ функціональному приспособленію, т.-е. къ улавливанію характера функціи и выполненію ея требованій, матерія то увеличивается, то уменьшается и находится въ вѣчномъ движеніи. Это относится раньше всего къ клѣткамъ, наименьшимъ организованнымъ изъ матеріи единицамъ. Такъ какъ въ организмѣ не все—до послѣднихъ молекулъ—строго опредѣлено, какъ это иначе и быть не можетъ при колебаніяхъ обмѣна веществъ и непостоянствѣ внѣшнихъ условій, то отдѣльныя части организма, клѣтки прежде всего, представляютъ постоянныя колебанія въ степени приспособленности къ борьбѣ за пищу. По случайнымъ условіямъ мѣста и времени, однѣ клѣтки оказываются приспособленными, «избранными», и остаются; другія исчезаютъ. Здѣсь начало подбора, и эту часть его Ру называетъ «подборомъ частей». Клѣтки, оказавшіяся устойчивыми, группируются въ ткани, которымъ передаютъ свою приспособленность; ткань, какъ говорятъ, совершенствуется, хотя-бы и въ одностороннемъ направленіи. Сохраняя и укрѣпляя свои новыя свойства, она получаетъ новый морфологическій и химическій характеръ или типъ.

Борьба клѣтокъ между собою ведется главнымъ образомъ за *пищу*; мѣсто на этой ступени развитія матеріи еще не играетъ той роли, какъ для тканей, гдѣ борьба ведетъ къ *гармоніи формъ*, къ выработкѣ морфологическаго равновѣсія, соотвѣтствующаго физіологическому значенію частей въ цѣломъ организмѣ. Когда ткани объединяются въ органы, жизненные процессы становятся еще сложнѣе; борьба идетъ не только за пищу и мѣсто, но и за выработку такого соотношенія съ другими органами и общей опредѣленной формой тѣла, при которомъ возможно лучшее выполненіе функціи. Послѣдняя выступаетъ уже во всей своей силѣ, *она создаетъ органы*, говоритъ Ру словами одного французскаго изслѣдователя. Для доказательства такого доминирующаго значенія функціи Ру произвелъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій. Первое и главное—«О развѣтвленіи сосудовъ въ организмѣ человѣка». Путемъ тщательныхъ и чрезвычайно сложныхъ изслѣдованій Ру пришелъ къ заключенію, что форма сосудовъ, какъ въ ихъ развитомъ, такъ и въ раннемъ зародышевомъ состояніи вполнѣ соотвѣтствуетъ той формѣ кровяного столба, которая получилась бы, еслибы кровь свободно вытекала изъ главнаго со-

суда въ мѣстѣ развѣтвленія его, т.-е. *кровеносный сосудъ приспособляется къ кровяному току, получаетъ отъ него свою форму, а не наоборотъ.* Стѣнка сосуда развивается и укрѣпляется на мѣстѣ наименьшаго сопротивленія тренія; это есть приспособленіе живой матеріи къ гидравлическимъ условіямъ. Польза такого подчиненія формы сосудовъ гидродинамическимъ условіямъ заключается въ томъ, что «кровь распредѣляется по организму съ наименьшей потерей живой силы. Безъ строгаго подчиненія этому закону сопротивленіе было бы такъ велико, что сердце не выдержало бы своей работы нагнетательно-присасывающей машины».

Помимо сосудовъ, Ру изслѣдовалъ структуру костей (по этому вопросу и до него существовали важныя работы), мышцъ и весьма подробно изучилъ строеніе хвоста дельфина. «Во всемъ мірѣ животныхъ нѣтъ другого примѣра такой функціональной структуры, гдѣ самое многостороннее и цѣлесообразное приспособленіе достигалось бы такими простыми средствами». Такъ шагъ за шагомъ Ру находитъ всюду функцію, какъ живое начало всякой жизни и первое объясненіе всего многообразія видимыхъ фирмъ. Только теперь, когда такая роль функціи начинаетъ входить въ сознаніе натуралистовъ, анатомія животныхъ можетъ получить разумное философское объясненіе. «Анатомія не закончена, говоритъ Ру, какъ многіе думаютъ, а только начинается».

Заканчивая свои біологическія изслѣдованія, Ру касается вопроса, какъ могла развиться первая, самая примитивная ступень жизни, и говоритъ: «это могло случиться путемъ ряда послѣдовательныхъ и постепенныхъ актовъ «самоподбора», т.-е. культивированія самыхъ примитивныхъ жизненныхъ способностей (ассимиляція, способность восполнять потраченное, рефлексъ) въ случайные моменты ихъ наилучшей приспособленности къ требованіямъ органической жизни. Такъ жизнь могла рости, укрѣпляться, останавливаясь втеченіи долгихъ вѣковъ именно на моментахъ самой удачной комбинаціи лучшихъ условій существованія».

Любопытны заключительныя слова Ру, такъ напоминающія знаменитую рѣчь Дюбуа-Раймона «О предѣлахъ естествознанія»: «въ концѣ концовъ морфологическая проблема остается теперь, какъ и раньше, безъ объясненія: образованіе опредѣленныхъ направленій развитія изъ того, что само не имѣетъ направленія, образованіе формъ изъ безформеннаго, типичнаго и сложнаго изъ простого—мы не знаемъ дифференцирующей причины и все еще стоимъ предъ ежедневными явленіями, какъ предъ неуловимымъ и непонятнымъ чудомъ».

Второй томъ заключаетъ въ себѣ 20 отдѣльныхъ работъ Ру, сдѣланныхъ въ послѣднія 10 лѣтъ, подъ общимъ названіемъ: «Механика развитія зародыша». Мы изложимъ здѣсь только содержаніе общей части, въ которой обосновано самое понятіе о «механикѣ развитія». Ру передаетъ весь ходъ мыслей, который привелъ его къ этому новому поня-

тію и, какъ настоящій ученикъ Геккеля, онъ исходитъ изъ того положенія, что работа имѣетъ только тогда универсальную научную цѣнность, когда изслѣдователь ни на мгновеніе не теряетъ изъ виду всей цѣлостности и связи жизненныхъ явленій, какъ одного огромнаго процесса.

Эмбріологія или наука о зародышевомъ развитіи получила возможность широкаго и точнаго изслѣдованія лишь въ послѣднія десятилѣтія, по мѣрѣ улучшенія оптическихъ и химическихъ вспомогательныхъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ росли и ея задачи. Сначала она описывала лишь самые простые процессы превращенія зародыша въ законченный организмъ, потомъ была разработана теорія зародышевыхъ листовъ—больше всего Геккелемъ и его учениками. Однако, эмбріологія оставалась все еще *описательной* наукой. Ру первый ясно развилъ новую механико-математическую точку зрѣнія и выдвинулъ новыя задачи—«каузальныя» или исканіе причинности въ описанныхъ явленіяхъ. Ростъ есть движеніе, говоритъ онъ. Самое полное описаніе всѣхъ процессовъ развитія есть только одна сторона этого вопроса; это, говоря языкомъ механики, можно назвать «кинематикой развитія», т. е. ученіемъ о движеніи мельчайшихъ частей организма. Для описанія есть одинъ лишь источникъ—наблюденіе; однако, очевидно, что въ такомъ случаѣ многое неизбѣжно должно оставаться недоступнымъ,—а именно судьба отдѣльныхъ клѣтокъ и клѣточныхъ группъ въ теченіи всего хода развитія. Къ наблюденію мы должны присоединить и даже поставить на первое мѣсто экспериментъ. *Экспериментъ* и индуктивное и дедуктивное заключеніе — вотъ пути, которыми другія науки пришли къ точности и раскрыли причинность изслѣдуемыхъ явленій, невидимыхъ глазу. Такое исканіе причинности есть настоящая цѣль науки. Какъ легко увидѣть, эти стремленія Ру находятся въ органической связи съ вышеизложеннымъ стремленіемъ и способомъ объясненія происхожденія животныхъ формъ.

Очевидно, говоритъ Ру, что только въ самые первые моменты зародышевой жизни движенія яйца, начинающаго свое развитіе, *самостоятельны*, т. е. слѣдуютъ своему внутреннему указанію. Но уже съ ближайшаго момента начинается взаимовліяніе клѣтокъ, вслѣдствіе дѣленія ихъ и измѣненія внѣшнихъ условій. Если-бы мы знали расположеніе всѣхъ частей яйца и отношеніе другъ къ другу въ моментъ начала развитія, а также скорость движенія каждой части, т. е. всѣ *внутреннія* механическія причины развитія съ самаго начала, и далѣе—всѣ приходящія *извнѣ* условія втеченіе всего хода роста, то мы могли-бы вывести всѣ будущія зародышевыя движенія частичекъ тѣла. Такимъ образомъ намъ стала-бы доступна область, не открытая прямому наблюденію; и это «причинное» ученіе о развитіи можетъ быть названо, съ точки зрѣнія механики, «кинетикой развитія». Соединенныя вмѣстѣ, обѣ отрасли эмбріологіи составляютъ то, что Ру назвалъ «механикой развитія заро-

дыша». Возвращаясь къ основному положенію, что ростъ есть движеніе, Ру опредѣляетъ механику развитія, какъ науку о свойствахъ и вліяніяхъ тѣхъ комбинацій энергіи, которыя вызываютъ развитіе». Конечная цѣль этой науки — прослѣдить путь каждой частицы, входящей въ составъ организма, и силы, движущія ее.

Въ спеціальной части книги описаны всѣ опыты Ру для изученія развитія всего яйца, отдѣльныхъ частей его, для опредѣленія времени, когда развитіе перестаетъ быть индифферентнымъ и клѣтки вступаютъ на путь, съ котораго онѣ не могутъ уже вернуться; опыты развитія половины яйца и мн. др.

Въ концѣ книги авторъ сдѣлалъ всѣ тѣ выводы, которые онъ считалъ себя вправѣ уже теперь установить, но они имѣютъ спеціальный характеръ и не могутъ быть здѣсь изложены.

Е.

Въ поискахъ за Леонардо-да-Винчи.

Набросокъ второй.

Мы вернулись со станціи втроемъ. Юноша, котораго ожидалъ старый энтузіастъ, дѣйствительно, пріѣхалъ. Въ суетѣ вокзала и по пути въ гостинницу, при темнотѣ вечера, я не разглядѣлъ его физіономіи. Какой-то худенькій мальчикъ въ дорожной вязаной шапочкѣ, изъ-подъ которой ниспадали длинные волосы, шелъ рядомъ съ старикомъ, неспѣшною, неувѣренною, чуть слышною походкою. Кромѣ двухъ трехъ незначительныхъ словъ, онъ ничего не сказалъ. Старикъ велъ его подъ руку и, казалось, ожидалъ минуты, когда они останутся наединѣ. Я пробовалъ отставать отъ нихъ, но старикъ любезно протестовалъ, говоря, что я ихъ не стѣсняю, что черезъ короткое время мы всѣ трое будемъ какъ одна душа.

— Завтра, завтра,—сказалъ онъ,—мы проведемъ прекрасный день. Мы поговоримъ еще о Леонардо-да-Винчи, котораго мы только коснулись въ нашей бесѣдѣ. Будетъ пиръ, настоящій пиръ для насъ.

Въ номерѣ гостинницы, куда мы пришли черезъ нѣсколько минутъ, я тотчасъ-же простился съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, который втеченіе нѣсколькихъ часовъ волновалъ и увлекалъ меня неожиданными разсужденіями. Глаза его теперь горѣли молодымъ огнемъ, и мнѣ казалось, что въ душѣ онъ былъ преувеличенно тронутъ моимъ молчаливымъ сочувствіемъ къ ихъ свиданію,—свиданію двухъ беззавѣтно любящихъ другъ друга людей. Онъ не сказалъ ни слова и только слѣдилъ благодарными глазами, какъ я подходилъ, прощаясь, къ стоявшему возлѣ лампы юношѣ. Я протянулъ ему руку и ощутилъ легкій лихорадочный холодъ его тонкихъ костлявыхъ пальцевъ. Предо мною было болѣзненное лицо съ нѣжными очертаніями, съ большими глазами, въ которыхъ меня сейчасъ же поразило выраженіе задумчивой тоски. Онъ взглянулъ на меня какъ-то робко, и мнѣ подумалось, что онъ боится моего види-

маго интереса къ нему. Когда я отходилъ отъ него по направленію къ двери, я слышалъ, какъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ томъ-же направленіи и сейчасъ-же остановился. Притворяя за собою дверь, я еще разъ мелькомъ видѣлъ его почти дѣтское лицо, въ профиль, съ длинными бѣлокурыми волосами, закрывающими уши. Не знаю почему, мнѣ почудилось, что онъ смущенъ, почти растерянъ, что встрѣча его со старикомъ, при радости восторженной любви, чѣмъ-то отравлена, что свиданіе—это возвращеніе молодого голубя въ теплое гнѣздо—не оправдало ожиданій старика. Я ушелъ въ сосѣдній номеръ съ чувствомъ непонятнаго для меня соболѣзнованія, страха, неясной, но глубокой тревоги. Эти два человѣка волновали меня такъ, какъ никогда еще не волновала меня чужая жизнь. Все забылось, впечатлѣнія долгаго и разнообразнаго путешествія съ интересными встрѣчами, бесѣдами и занятіями въ лучшихъ художественныхъ галлереяхъ Европы, стали расплываться, уступая мѣсто новымъ ощущеніямъ. Я зналъ, что въ это самое время за моею стѣною совершается нѣчто важное, раскрывается многозначительная драма, хотя не имѣлъ при этомъ никакихъ доказательствъ, никакихъ данныхъ для правильной догадки. Душа моя волновалась, замирала въ тревожной тишинѣ, наполнялась чуть слышными отраженіями далекихъ, чужихъ бурь и страстей. Старикъ и юноша овладѣли всѣмъ моимъ сознаніемъ. Мнѣ было жутко за нихъ, за этихъ людей, которые вели за стѣною величественную бесѣду объ искусствѣ, навѣрное, перемѣшанную съ печальными признаніями безсильнаго человѣческаго сердца. Вокругъ меня, въ маленькой гостинницѣ, все уже спало глубокимъ сномъ. Я открылъ окно. Ночь была теплая, нѣсколько душная, полная неразрядившагося электричества. Въ отдаленіи черныя горы на темно-синемъ небѣ казались фантастическими чудовищами, а близкіе дома и деревья, окутанные ночными тѣнями, какъ будто шевелились и двигались навстрѣчу темнымъ призракамъ моей души. Вдругъ мнѣ подумалось, что я могъ-бы просто войти къ старику и по-человѣчески принять участіе въ ихъ бесѣдѣ. Почему бы не открыть передъ ними всѣхъ моихъ невольныхъ сомнѣній и дружескихъ тревогъ, чтобы въ отвѣтъ на безкорыстное участіе услышать откровенную, можетъ быть, успокоительную правду. Постучаться, войти къ нимъ въ комнату—и конецъ этимъ смутнымъ догадкамъ, этой тяжелой внутренней духотѣ. Я вглядывался въ темноту ночи, чуткимъ ухомъ ловилъ каждый звукъ, каждый шорохъ, быстрое мельканье тѣней въ отдаленіи. Все кругомъ казалось тяжелою загадкою, нѣмымъ откровеніемъ божественнаго творчества, для котораго человѣкъ самъ долженъ находить точныя слова и точныя наименованія. Ничто само себѣ не даетъ никакихъ опредѣленій,—все молчитъ и ждетъ, пока человѣкъ дастъ ему новую жизнь, уловивъ въ словѣ его внутреннее идейное содержаніе. Самому понять до глубины явленія жизни, внутреннимъ чутьемъ, не-

незримо соприкасаясь душою съ душою цѣлаго міра—такова задача, которая неизбѣжно становится на пути мыслящихъ людей. Эти два человѣка, глухо разговаривающихъ за стѣной, въ ихъ свободномъ отъ чужаго любопытства уединеніи, должны быть поняты мною безъ ихъ прямого содѣйствія—точно такъ-же, какъ понимается молчаливая природа и нѣмая поэзія изобразительнаго искусства. Самъ пойми ихъ, сказалъ я себѣ,—не вторгаясь никакими безтактными разспросами въ ихъ интимную жизнь, уважь ихъ душевную тайну, нѣжнымъ словомъ коснись только того, что, не трогая чужихъ ранъ, обвѣваетъ человѣческія страданія слабыми, минутными, но цѣлительными утѣшеніями.

Я закрылъ окно и легъ въ постель...

Мнѣ представилось, что я стою у небольшого стола въ мюнхенскомъ Kupferstichkabinet и разсматриваю принесенный сторожемъ рисунокъ Содомы, сдѣланный тушью,—«апоѳеозъ Св. Маріи Магдалины Египетской». Воскресаютъ ощущенія, пережитыя въ тотъ день, когда намѣтилась возможность знакомства съ интереснымъ старикомъ, который уже успѣлъ такъ близко подойти къ моей душѣ. Я вижу этотъ рисунокъ, который произвелъ на меня странное дѣйствіе. Сторожъ долго не отходитъ отъ меня, ожидая новыхъ порученій, но мнѣ хочется какъ можно скорѣе остаться одному, и я говорю ему разсѣянно, чтобы онъ принесъ мнѣ карандашъ и бумагу. Странный рисунокъ—сухой, непріятно симметричный, съ выраженіемъ напряженной реторики и приподнятаго паѳоса. Плоское, вульгарное старческое лицо, на фонѣ лучистаго вѣнца, съ широкимъ ртомъ, жидкими бровями, съ закатывающимися къ небу глазами, длинныя космы мертвенныхъ волосъ, прикрывающихъ изсохшее тѣло, воздѣтыя руки, поддерживаемыя подъ локти двумя ангелами. Два другихъ ангела, въ одинаково развѣвающихся одеждахъ, держатъ Магдалину за поясъ и еще два ангела обнимаютъ, неся, ея ноги. Эта группа въ общемъ кажется тяжелою и не производитъ впечатлѣнія воздушнаго полета къ небу. Но что мнѣ становится все болѣе и болѣе непріятно, это—тлѣнный характеръ кающейся и восхищенной Магдалины, отсутствіе свѣжести душевнаго перерожденія и благородной мягкости въ ея образѣ. Она не плачетъ. Кажется, она и не умѣетъ плакать, потому что душа ея, истощенная тупою чувственностью, не можетъ открыться для новаго свѣта и радостныхъ настроеній. Вся она, кажется, пропитана земнымъ прахомъ и пылью, обвѣяна изсушающимъ вѣтромъ. Это та степень психическаго паденія и распаденія, при которой уже начинается безславная смерть человѣческаго существа. Эта Магдалина не можетъ возродиться—ей предстоитъ только разложеніе...

Смотрю и съ тоскою думаю о художникѣ, обладавшемъ великолѣпнымъ талантомъ, но не ровномъ, шаткомъ въ своемъ творчествѣ. Этотъ рисунокъ рядомъ съ его-же Діаною—какой контрастъ! Я продолжаю

всматриваться и невольно вспоминаю родственный ему рисунокъ въ Вѣнской Альбертинѣ, который почему-то приписывается Леонардо-да-Винчи. Здѣсь Магдалина, съ такимъ-же вульгарнымъ лицомъ и толстымъ тѣломъ, съ поясомъ поверхъ длинныхъ волосъ, съ молитвенно-сложенными руками, кажется еще болѣе непріятной, отталкивающей: на лицѣ странная, льстивая улыбка, глаза не молящіе, а заискивающіе, искательные. Тѣ-же шесть ангеловъ, сопровождающіе ея полетъ, въ томъ-же симметрическомъ расположеніи, хотя съ иными подробностями. Рисунокъ, конечно, не достоинъ великаго таланта Леонардо-да-Винчи, но скрытый чувственный демонизмъ школы Веррокkio, углубившійся въ произведеніяхъ Леонардо-да-Винчи, даетъ себя знать не только въ общей композиціи, но и въ отдѣльныхъ штрихахъ. Эти два рисунка навѣяны именно опустошительнымъ геніемъ Веррокkio. Можно сказать съ увѣренностію, что Содома, набрасывая рисунокъ возносящейся Магдалины, зналъ глиняную модель Веррокkio на ту же тему, сохраняемую теперь подъ стекломъ въ берлинскомъ королевскомъ музеѣ. Вотъ гдѣ Магдалина показана во всей безнадежности душевнаго растлѣнія и непоправимаго тѣлеснаго уродства. Эта совершенная, по работѣ, модель, которую я замѣчаю тутъ-же рядомъ, вмѣстѣ съ другими изображеніями Магдалины, передаетъ всѣ черты гнилостнаго распаденія человѣческаго тѣла, при видѣ котораго мысль испуганно убѣгаетъ въ сторону, обезсиленная безобразнымъ зрѣлищемъ. Ядъ, которымъ пропитаны работы Веррокkio, здѣсь обнаружился въ своемъ сгущенномъ грубомъ видѣ. Какъ физическая наслѣдственная зараза, онъ передавался его ученикамъ, просочился, при сродствѣ обѣихъ натуръ, въ произведенія Леонардо-да-Винчи, отравилъ нѣжный и разнообразный талантъ Содомы, проникъ въ творчество Лоренцо ди-Креди. Вотъ черноволосая, нестарая, но пожилая Магдалина этого художника. Какъ живо стоитъ она передъ моими глазами въ своей колѣнопреклоненной позѣ, съ манерно-сложенными длинными безжизненными пальцами, съ ханжески воздѣтыми глазами. Уродливо оттопыренный большой палецъ ноги, не прикрытый темнымъ плащомъ волосъ, непріятно раздражаетъ глазъ, какъ ненужная реалистическая подробность. Я видѣлъ эту картину вслѣдъ за моделью Веррокkio, въ томъ-же Берлинскомъ музеѣ, но теперь странные образы, созданные школою Веррокkio, собрались почему-то вмѣстѣ, обступили меня, какъ душный, раздражающій, тяжело волнующій кошмаръ. Этимъ уродливымъ кающимся женамъ нужны слезы. Имъ нужно выплакать горе, залить въ душѣ новыми настроеніями грубое, скверное прошлое. Онѣ ищутъ спасительной опоры, утѣшающаго Бога, но слезъ нѣтъ, душа не оживаетъ,—ихъ творцы не нашли для нихъ въ своемъ сердцѣ смиреннаго и освободительнаго экстаза.

Кошмарныя видѣнія блѣднѣютъ, отодвигаются въ темную даль, въ душѣ шевелится тревожная скорбь. Что-то тихо плачетъ — не

то во мнѣ самомъ, не то гдѣ-то близко, по-дѣтски всхлипывая и замирая въ жуткомъ безмолвіи. Я не могу проснуться, хотя сонъ мой уже нарушенъ трепетомъ благостныхъ крылъ, словно надо мною проносится въ темнотѣ ночи легкая стая бдящихъ ангеловъ. Я открываю глаза, вслушиваюсь, но въ первую минуту слышу только удары моего болѣзненно-бьющагося сердца. Въ моей маленькой комнатѣ ничего не видно. Я приподнимаю голову и опять вслушиваюсь: теперь для меня несомнѣнно, что, въ самомъ дѣлѣ, кто-то плачетъ. За моею стѣною, тамъ, гдѣ я оставилъ стараго энтузіаста съ бѣлокурымъ мальчикомъ, слышны тяжелые, медленные шаги и тонкій нервный плачъ.

Отяжелѣвшая голова падаетъ на подушку. Я стараюсь не думать о томъ, во что еще не могу проникнуть собственнымъ разумѣніемъ, и вокругъ меня опять начинается игра фантастическихъ образовъ, видѣнныхъ въ разныхъ галлереяхъ. Вотъ блѣдный профиль молодой дѣвушки со вздернутымъ носомъ, длиннымъ острымъ подбородкомъ и тонкими растянутыми губами. Маленькій выпуклый лобъ, свѣтлые глаза, глядящіе съ веселымъ, неопытнымъ цинизмомъ, жидкіе, словно обдерганные волосы, распущенные по спинѣ — это типъ заурядной итальянской субретки, въ ея первыхъ, но безнадежныхъ паденіяхъ. Леонардо-да-Винчи, который любилъ смѣшиваться съ базарною толпою, изучать уличную жизнь, имѣлъ всегда при себѣ небольшую тетрадку, куда заносилъ свои моментальные карандашные снимки, геніальные по виртуозности и сознательно утрированные до безобразнаго шаржа. За субреткою, представленной по поясъ, въ другомъ сосѣднемъ рисункѣ, изображенъ старикъ въ чудовищно нелѣпой шапкѣ, похожей на птичій хохолъ, съ длиннымъ хищнымъ носомъ, какъ у коршуна, съ выпятившейся нижней частью лица. Онъ осанисто выставилъ грудь и смотритъ впередъ, какъ бы направляясь за субреткой. Невинная уличная сценка, въ двухъ отдѣльныхъ портретахъ,—но я чувствую, что художникъ нарушилъ какую-то правду, что юморъ его, несмотря на остроту, не одухотворенъ настоящимъ поэтическимъ мотивомъ. Эти два лица безпросвѣтно уродливы, и можно подумать, что самая сила, ихъ создавшая, таила въ себѣ рѣзкій диссонансъ, разлагавшій органическую работу художественнаго таланта. Уличная сцена не скрываетъ за своимъ уродствомъ никакой красоты внутренняго замысла. Самый этотъ замыселъ пропитанъ ѣдкой уличной пылью. Еще два уродливыхъ лица, отвращенныхъ другъ отъ друга— одно совсѣмъ стертое, старушечье, другое—съ горбатымъ, точно переломленнымъ носомъ на одномъ уровнѣ съ огромной нижней губой, выпяченной надъ подбородкомъ. Широкая шея съ торчащимъ зобомъ, гладко облипающіе голову распущенные волосы—все это создаетъ впечатлѣніе невыносимаго кретинизма. И опять—ни проблеска красиваго внутренняго замысла, который просвѣчивалъ бы сквозь маску человѣческой физіо-

номіи. Я спрашиваю себя, каково было настроеніе Леонардо-да-Винчи, когда онъ набрасывалъ этотъ отвратительный профиль? Было-ли это минутнымъ облегченіемъ отъ собственныхъ внутреннихъ кошмаровъ, которые застилали его загадочную душу, или это злой, сухой смѣхъ надъ людьми при бездушно-скептическомъ взглядѣ на ихъ природу? Какія задачи для разрѣшенія! Въ эту минуту я безсиленъ сосредоточиться надъ ними, но я знаю, что эти фигуры, мелькающія передо мною, находятся въ связи съ исчезнувшими образами безнадежно-растлѣнныхъ Магдалинъ. Все идетъ изъ одного источника, измѣняясь въ подробностяхъ, во внѣшнихъ формахъ, но неизмѣнно сохраняя разъѣдающій ядъ чувственнаго демонизма и холоднаго сладострастія. Эти люди всѣ стремятся къ печальному концу, не сознавая трагедіи жизни, не извѣдавъ въ себѣ борьбы безплотной красоты съ земною ограниченностью. Направляемые рукою великихъ виртуозовъ съ недобрымъ, хищнымъ геніемъ, они пугаютъ, волнуютъ и раздражаютъ воображеніе, не давая никакихъ освободительныхъ настроеній. Меня охватываетъ глубокая тоска, а дикіе чудовищные образы кружатся одинъ за другимъ въ кошмарномъ вихрѣ: человѣческія головы, похожія на головы бульдоговъ, обезьянъ, лягушекъ, птицъ, съ приплюснутыми или крючковатыми носами, съ непомѣрно вздутыми, растянутыми или обвислыми губами, съ откинутыми лбами и остроконечными черепами, съ торчащими клыками. Между ними мелькаютъ и красивыя женскія лица, съ неизмѣнною загадочною улыбкою, нѣжныя головки, склоненныя или запрокинутыя назадъ, съ распущенными волнистыми волосами,—и тутъ же, въ ихъ толпѣ, жирное лицо заливающагося сквернымъ смѣхомъ патера. Я не знаю, какъ прорваться сквозь тьму обступающихъ меня образовъ. Хочется остановить мятущійся міръ этого демоническаго искусства, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ какой-нибудь новой, скромной и смиренной красоты, дать исходъ душѣ, жаждущей чистаго восторга. Хочется коснуться нетлѣнной правды, позабывъ все уродство этого циническаго хохота, этихъ соблазнительныхъ, двусмысленныхъ улыбокъ, съ ихъ незавидною привлекательностью для ограниченныхъ умовъ, этого паѳоса старыхъ растлѣнныхъ Магдалинъ, съ ихъ жалкими грѣхами и безсильнымъ покаяніемъ. Забыть, забыть все это, потому что хочется простой, теплой красоты. Я чувствую, что душа опять наполняется слезами. Я уже почти не сплю, и вновь надо мною проносится легкое вѣяніе, отъ котораго я открываю глаза. Въ комнатѣ тихо, но уже не такъ темно. Шаги за стѣною смолкли, но я слышу ровный, успокаивающій голосъ старика, добрый и сострадательный, въ которомъ мнѣ чудятся скрытыя слезы. Что-то случилось у нихъ. Я приподнимаюсь, и невольно предо мною возникаютъ болѣзненныя черты бѣлокураго юноши, которому старикъ передаетъ свою свѣтлую мудрость, пріобрѣтенную долгими годами опыта и глубокой умственной работы.

Но вотъ эти черты уже покрываются легкимъ дымомъ, теряютъ краски, юноша пріобрѣтаетъ подвижность и оживленіе, какъ въ горячей бесѣдѣ. Онъ повернулъ голову и, убѣждая стоящаго рядомъ съ нимъ старика, мечтательно простеръ и раскрылъ правую руку, а лѣвою поддерживаетъ мягкія складки верхняго плаща. Онъ стоитъ въ группѣ молодыхъ людей, но лицо его, тихое и покорное, обращено только къ старику, который слушаетъ его съ довѣріемъ, въ устойчивой позѣ, передающей сильную, энергическую натуру. Кажется, что они думаютъ различно, но старикъ постигаетъ душевную правоту и красоту своего собесѣдника. Онъ не остановитъ его, хотя его слова, всѣ его доводы и, можетъ быть, вся его одухотворенная жизнь похожа въ его глазахъ на призрачное сновидѣніе. Я всматриваюсь, мучительно стараюсь уловить какое-нибудь слово изъ ихъ разговора, но предо мною глубокая тишина картины, даже не картины, а знакомаго рисунка: это поблѣднѣвшій, нѣсколько туманный рисунокъ Перуджино—«Шесть апостоловъ»,—нѣжное созданіе, проникнутое тонкими, мечтательными настроеніями. Я видѣлъ его недавно, но только теперь я понялъ его настоящее содержаніе. Юноша и старикъ ведутъ разговоръ духомъ, и каждый изъ нихъ, по своему, оправдаетъ свои слова цѣною всей жизни. И при этомъ никакого кричащаго контраста или банально-изступленнаго вдохновенія. Благородная скромность въ каждой чертѣ, деликатность и самообладаніе въ фигурахъ, придающія рисунку идейную трогательность. Но этотъ юноша Перуджино, котораго я вижу глазами моей души, живое изліяніе нѣжныхъ настроеній великаго художника, тонкій и чистый, почти прозрачный, тутъ же возбуждаетъ во мнѣ мысль объ еще болѣе совершенномъ воплощеніи человѣческой скорби и человѣческой красоты. Онъ издали касается моей души, настраиваетъ ее въ трепетномъ ожиданіи чего-то лучшаго, безмѣрно плѣнительнаго. Новая эпоха, явившаяся на смѣну старому богопониманію, дана здѣсь только въ намекѣ, который волнуетъ, но не разрѣшаетъ еще задачи жизни. Но гдѣ же образъ того существа, того человѣка, котораго я не хочу назвать его историческимъ именемъ, потому что его историческое имя смѣшалось съ чуждыми ему представленіями и, можно сказать, обросло пластами мертвящихъ предразсудковъ и житейскихъ измышленій? Онъ потерялъ свое имя,—онъ терялъ его по мѣрѣ того, какъ оно, распространяясь, зажигало въ разныхъ концахъ міра человѣческія распри, давало поводъ къ враждѣ и ненависти, къ преслѣдованіямъ, къ проклятіямъ, которыя безсмысленно произносились именемъ Бога. Великое существо, явившееся на смѣну старому, классическому Прометею, пусть называется здѣсь такъ, какъ называетъ его моя душа, утомленная мутною и несвободною рѣчью современнаго человѣка. Гдѣ въ искусствѣ цѣлаго міра образъ этого новаго Прометея, сотворившаго слабыми человѣческими средствами сверхъ-человѣческое дѣло? Гдѣ въ созданіяхъ ве-

ликихъ художниковъ та красота, которая была бы осуществленіемъ всѣхъ мечтаній сердца, всѣхъ стремленій ума, пережившаго глубокій внутренній переворотъ? Нужно показать въ живомъ человѣческомъ обликѣ идеальную новую красоту, столь же цѣльную, гармоничную, ненарушенную никакими противорѣчіями, какою была для стараго міра холодная греко-римская красота. Богопониманіе, идейно отрѣшенное отъ древняго, жестокаго культа, должно и можетъ показать себя въ небывалыхъ творческихъ образахъ—лучезарно теплыхъ, деликатныхъ и правдивыхъ, но оно еще не проявило себя, потому что оно остается до сихъ поръ только отвлеченной системой, не проникшей въ человѣческую жизнь. Оно не одухотворяетъ мелкихъ фактовъ повседневнаго существованія, не соединилось еще съ міромъ въ его пестрыхъ, обыденныхъ событіяхъ, не создало для человѣка новыхъ, по новому понимаемыхъ явленій. Вотъ почему его нѣтъ въ искусствѣ ни стараго, ни новѣйшаго времени, и всѣ великія работы мастеровъ ренессанса, не исключая Рафаэля, только до нѣкоторой степени предвосхищавшаго будущія гармоніи, не исключая Микель-Анджело, съ его титаническими порывами, и ужъ, конечно, не исключая Леонардо-да-Винчи, съ его научною сухою остротою,—нигдѣ не приблизились къ нетлѣннымъ формамъ чистой духовной красоты. Художники возрожденія творили въ умственной атмосферѣ, которая мѣшала сліянію разъединенныхъ, еще неокрѣпшихъ силъ идеализма. Сознательно они даже готовы были принести свои нѣжнѣйшія чувства и художественныя предвосхищенія на алтарь устарѣвшихъ боговъ. Вотъ почему они не могли создать настоящій, цѣльный и совершенный образъ новаго Прометея. Они сбивались въ своихъ настроеніяхъ, путались въ понятіяхъ, не постигая новыхъ движеній религіознаго духа. Не обладая простотою созерцанія, невольно слѣдуя за веселою суетою окружающаго міра, они даже Іоанну Крестителю придавали кокетливо-граціозный, возбуждающій образъ опьянѣвшаго Вакха. Въ ихъ картинахъ нѣтъ того чудеснаго, спасительнаго образа, который рисуется въ поэтической словесной легендѣ...

Видится мнѣ печально наклоненная голова въ терновомъ вѣнцѣ, съ вьющимися волосами, съ тщательно проведеннымъ посрединѣ проборомъ. На лицѣ съ тонкими заостренными чертами и стыдливо опущенными вѣками, съ мягкими, полными губами — выраженіе какого-то незначительнаго покоя: кажется, что это лицо принадлежитъ человѣку, заснувшему въ полудѣтскихъ грезахъ. Ничего, что возбуждало бы мысль о міровой трагедіи, сосредоточенной въ одномъ существѣ. Рисунокъ находится въ Альбертинѣ, среди другихъ рисунковъ, приписываемыхъ Леонардо-да-Винчи, но опытный глазъ Морелли уловилъ въ немъ пріемы и художественную натуру Содомы. Онъ внушенъ геніемъ Леонардо-да-Винчи, какъ и двѣ картины на ту же тему въ Вѣнскихъ галлереяхъ:

одна изъ этихъ картинъ приписывается Андреа Соларіо, другая—въ чудномъ дворцѣ Лихтенштейна—отмѣчена только подписью: «изъ школы Леонардо-да-Винчи». Дѣйствительно, Леонардо-да-Винчи, — его всесторонней умственной діалектики, его пронизывающаго глаза, его виртуознаго вдохновенія—нѣтъ ни въ этихъ картинахъ, ни въ рисункѣ Содомы, и стоитъ только положить рядомъ сдѣланный имъ рисунокъ головы въ терновомъ вѣнцѣ, изъ Венеціанской академіи, чтобы обнаружилась вся разница въ темпераментѣ и въ характерѣ творца цѣлой школы и его учениковъ. Въ рисункѣ Леонардо-да-Винчи есть сила, и страдальческая маска полна художественной экспрессіи. Изъязвленный лобъ, глаза, глядящіе съ трагическимъ отчаяніемъ, змѣистыя волны безпорядочно разсыпавшихся волосъ, цѣлая стихія мукъ, истребившихъ нѣжныя черты индивидуальности—вотъ гдѣ видѣнъ настоящій Леонардо-да-Винчи. Въ небольшомъ наброскѣ—законченное міропониманіе, утонченно натуралистическое, недоступное его ученикамъ, таланты которыхъ меркли въ холодномъ блескѣ его генія и потому часто вызывали о себѣ рѣзкіе, даже несправедливые отзывы, какъ, напримѣръ, отзывъ Паоло Джіовіо. А вотъ набросокъ Леонардо-да-Винчи къ «Тайной вечерѣ». Это молодое безбородое лицо еврейскаго типа, съ чуть замѣтной горбинкой на носу, съ мягкимъ лбомъ, окруженнымъ пушистыми волосами, съ почти закрытыми глазами—оно едва дышетъ, спокойно, какъ во снѣ. Можетъ быть, Леонардо-да-Винчи никогда еще не былъ такъ близокъ къ той красотѣ, которая овладѣваетъ міромъ, побѣждая всякія суетныя ухищренія разсудка. Правда почти коснулась его, когда онъ создавалъ свой великолѣпный эскизъ, передавая отвлеченную мысль кроткаго страданія за людей. Онъ уже улавливалъ ея скорбныя и смиренныя проявленія, почти подошелъ къ индивидуальному облику, достойно ее воплощающему. Въ этомъ эскизѣ скрытъ какой-то мечтательный напѣвъ, съ тонкимъ отраженіемъ невидимой стихіи божества. Среди безчисленныхъ рисунковъ, лишенныхъ души, и картинъ, выражающихъ убійственныя сомнѣнія отравленнаго духа, этотъ образъ кажется свѣтлымъ исключеніемъ и, можно сказать, великимъ вознагражденіемъ таланту за безрадостную и безкорыстную работу его пытливаго духа въ области знанія. Это спокойное лицо съ закрытыми глазами кажется созданнымъ изъ новыхъ художественныхъ элементовъ и выражаетъ настроеніе, чуждое всякаго разлада. Почти такимъ же является лицо новаго Прометея въ полномъ первоначальномъ эскизѣ «Тайной вечери», который сохраняется среди другихъ рисунковъ Леонардо-да-Винчи въ Венеціанской академіи. Рисунокъ сдѣланъ краснымъ карандашомъ, и это случайное обстоятельство придаетъ ему оживленіе и солнечную теплоту, съ которою такъ рѣдко встрѣчаешься въ произведеніяхъ Леонардо-да-Винчи. Но и тутъ лицо великаго страдальца изображено съ опущенными глазами—черта, возбуж-

дающая тревожную мысль, какимъ показалось бы это лицо, если-бы художникъ открылъ ему глаза: онъ точно нарочно упростилъ свою задачу, прибѣгнувъ, по обыкновенію, къ завлекательной красотѣ недомолвокъ—тамъ, гдѣ нужно показать красоту ясную, свѣтлую и прозрачную.

Я спалъ и не спалъ, думалъ сквозь сонъ, перерабатывая густо столпившіяся впечатлѣнія предыдущихъ дней. Что-то шевелилось вокругъ меня, слышались сквозь сонъ какіе-то шорохи, но возбужденное воображеніе по инерціи продолжало томиться образами волнующаго, но не успокаивающаго искусства. Молодое нѣжное лицо опять обступили противные уроды—изъ семьи демоническихъ чудовищъ Леонардо-да-Винчи. Мелькали руки въ странной гимнастикѣ. Непріятно видѣть, какъ этотъ мальчикъ, съ круглымъ нѣмецкимъ лицомъ, съ выраженіемъ кротости и доброты, что-то отсчитываетъ по пальцамъ, среди безобразныхъ стариковъ съ хищными носами и плотоядными зубами, которые тоже жестикулируютъ руками, поднимая пальцы. Это—Дюреръ, который воспринялъ въ душу одну каплю яда изъ разрушительнаго искусства Леонардо-да-Винчи...

Нѣтъ силъ выносить дольше болѣзненный кошмаръ. Я сдѣлалъ усиліе и открылъ глаза.

Разгоралось лѣтнее утро. Я быстро одѣлся и спустился на улицу. Моихъ сосѣдей не было видно, и я воспользовался досугомъ, чтобъ погулять на свѣжемъ воздухѣ. Чистое лазурное небо, казалось, не предвѣщало ни дождя, ни грозы, хотя воздухъ былъ тяжелый, спертый. Горы въ отдаленіи туманились, точно въ дыму. Я пошелъ по дорогѣ, выпилъ молока у крестьянки изъ массивнаго высокаго стакана и затѣмъ, обогнувъ желѣзнодорожную станцію, возвратился домой черезъ горы. Въ гостинницѣ все уже двигалось, шумѣло, начиналась дневная работа. Проходя по корридору, я встрѣтилъ у открытой двери стараго энтузіаста. На лицѣ его не было замѣтно слѣдовъ ночныхъ тревогъ и огорченій. Онъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ и, увидѣвъ меня, привѣтливо заговорилъ:

— Вы знаете, что я придумалъ? Мы совершимъ прогулку на пароходѣ по Штарнбергскому озеру. Кстати, заглянемъ въ хорошенькій дворецъ Людовика Баварскаго. Освѣжимся новыми впечатлѣніями. Мой мальчикъ... не любитъ сидѣть на одномъ мѣстѣ.

Я выразилъ сочувствіе его плану и черезъ часъ мы уже катились въ небольшой коляскѣ къ Штарнбергскому озеру, дорогою, которая все время шла лѣсомъ. Попадавшіеся навстрѣчу крестьяне вѣжливо приподнимали шляпы. Мелькнула ветхая, старинная католическая церковь съ скульптурнымъ распятіемъ на стѣнѣ, а на поворотѣ къ деревнѣ мимо насъ прошла веселая толпа дѣтей, направляющаяся, какъ объяснилъ намъ кучеръ, на какой-то школьный праздникъ. Мы почти не говорили.

Мальчикъ сидѣлъ напротивъ старика, прижавшись къ нему своими худенькими колѣнками. Прояснившимися большими глазами онъ смотрѣлъ ему въ лицо. Повидимому, ему стало легче и спокойнѣе на душѣ. Я видѣлъ его нѣсколько сбоку: откинутые волосы открывали маленькое, тонко очерченное ухо, нѣжную кожу съ просвѣчивающими голубыми жилками на вискахъ. Его костлявыя руки свободно лежали у него на колѣняхъ, купаясь въ солнечномъ теплѣ. Иногда онъ дѣлалъ краткія замѣчанія о деревьяхъ, о переливахъ красокъ въ ихъ листвѣ, оживленно вспыхивалъ, когда, вылетая изъ кустовъ, надъ нами поднимались лѣсныя птицы. Слова, которыя онъ произносилъ, передавали не какія-нибудь мысли, а отдѣльныя мимолетныя ощущенія, похожія на внезапный всплескъ волны въ ясный, безвѣтренный день. Онъ ни къ кому въ частности не обращался, хотя глаза его постоянно останавливались на старикѣ. Я думалъ о немъ, не рѣшаясь въ душѣ опредѣлить какимъ-нибудь словомъ этотъ неуловимый характеръ, эту свѣтящуюся красоту въ хрупкомъ, неокрѣпшемъ молодомъ тѣлѣ. Кто знаетъ, можетъ быть, его жизнь не больше, какъ мечта: онъ ѣздитъ по Европѣ, наслаждается произведеніями искусства и нигдѣ никогда не соприкасается съ мірскою суетою. Онъ не участвуетъ ни въ какихъ житейскихъ буряхъ, и даже трудно себѣ представить, что сталось-бы съ этою невинною красотою, если-бы ее захватила и понесла настоящая жизненная стихія. Въ этомъ мальчикѣ не должно быть никакихъ силъ для разлада съ самимъ собою и нетолько съ самимъ собою, что всего тяжелѣе, но и съ внѣшними обстоятельствами и силами. Это—душа безъ діалектики. Безпорочная и ясная, какъ звукъ свирѣли въ горахъ, она не можетъ бороться и должна растаять, когда передъ нею предстанутъ сложныя испытанія. Но о чемъ-же плакалъ этотъ худенькій мальчикъ сегодня ночью? Неужели меня обмануло воображеніе, утомленное слишкомъ пестрыми впечатлѣніями и занятіями? Неужели я ошибся—въ ту минуту, когда собственная моя душа плакала о чужомъ, невѣдомомъ горѣ? Такая ошибка была-бы обиднѣе всякаго умственнаго заблужденія, потому что, когда душа плачетъ о чужомъ невѣдомомъ горѣ, то это значитъ—самъ Богъ хочетъ человѣческихъ слезъ. Я всматриваюсь осторожно ему въ лицо, и вдругъ мнѣ кажется, что я вижу на немъ тонкое волненіе туманныхъ слѣдовъ, какіе стелются надъ ложбинами въ свѣтлое раннее утро послѣ ночной грозы. Я начинаю что-то чувствовать и постигать, мнѣ хочется взять его руку и нѣжно, молча, ее поцѣловать, какъ ребенку. Конечно, я не коснусь его тайны ни однимъ словомъ. Я буду остороженъ, потому что, какова-бы ни была его тайна, она неприкосновенна для меня въ своемъ безмолвіи. Если ей суждено открыться передо мною, она откроется...

Наконецъ, мы подъѣхали къ Штарнбергскому озеру. Поднявшись на

просторную палубу парохода, мы сѣли всѣ трое рядомъ. Солнце пекло еще жарче, и было душно, несмотря на то, что отъ воды струилась влажная свѣжесть. По берегамъ были разсыпаны красивыя виллы, видны были копошащіеся люди, а вдали, на горизонтѣ, вставали снѣжныя Альпійскія горы. На пароходѣ было весело и парадно. Машина ревѣла и пыхтѣла. Расходящіеся мохнатые пѣнистые валы бѣжали отъ колесъ въ прозрачной голубоватой водѣ. Дамы въ нарядныхъ туалетахъ, съ разноцвѣтными зонтиками, мужчины въ аккуратно сшитыхъ сюртукахъ—болтали, спускались въ каюту, поднимались, требовали чернаго кофе съ маленькими рюмочками коньяку. Другіе пили пиво изъ толстыхъ стеклянныхъ кружекъ съ откинутыми металлическими крышками. Было душно. Вдругъ мальчикъ замѣтилъ въ отдаленіи поднимавшееся изъ-за горъ бѣлое облачко.

— Гроза будетъ,—сказалъ онъ тихо.

Старикъ посмотрѣлъ въ бинокль, забезпокоился и предложилъ сойти на ближайшей станціи—у дворца Людовика Баварскаго. Мы такъ и сдѣлали. Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли за столикомъ на большой открытой верандѣ, въ прекрасномъ мѣстномъ ресторанѣ, готовясь къ завтраку. Молодая нѣмка, прислуживавшая за нашимъ столомъ, разставила приборы, принесла бутылку бѣлаго вина. Мы незамѣтно вовлеклись въ легкую, безпредметную бесѣду. Озеро шумнѣе плескалось внизу. Бѣлое облачко теперь уже разрослось, потемнѣло, раскинулось на полнеба. Пробѣжалъ тревожный вѣтеръ. Старикъ опять забезпокоился, заботливо застегнулъ на своемъ мальчикѣ легкое лѣтнее пальто и предложилъ перейти въ кабинетъ ресторана. Дѣвушка, которая прислуживала за нашимъ столомъ, замѣтила, что на озерѣ нерѣдко разыгрываются опасныя бури. Въ это время надъ горами прокатился сухимъ разсыпчатымъ грохотомъ первый громъ. Мы поспѣшили въ комнату. Юноша, едва притронувшись къ пищѣ, всталъ и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ подошелъ къ окну. Гроза разыгрывалась. Озеро потемнѣло, покрылось трепетной мутной зыбью. Вѣтеръ вылъ, визжалъ и свисталъ, опрокидывая легкіе стулья на верандѣ. Длинныя молніи пролетали въ громѣ надъ кипящимъ озеромъ. Съ каждымъ мгновеніемъ кругомъ становилось темнѣе. Хлынулъ дождь, смѣшавшійся съ озеромъ въ одну водную стихію. Я сталъ возлѣ юноши, любуясь разъяренной природой, съ чувствомъ облегченія, послѣ кошмарной ночи и душнаго дня, и невольно замѣчалъ, какъ лицо его вздрагивало при каждомъ раскатѣ грома, а глаза нервно жмурились отъ молній. Онъ казался мнѣ безпомощнымъ, подавленнымъ внѣшними силами, для которыхъ въ душѣ его не было ни созвучій, ни равнодѣйствующихъ инстинктовъ. Когда старикъ, подойдя, обнялъ его рукою за плечи, онъ напомнилъ мнѣ птенца, прикрытаго заботливымъ крыломъ птицы. Старикъ заговорилъ повеселѣвшимъ голосомъ:

— Не надо бояться грозы,—вѣдь это все только на поверхности: внутри тихо. Впрочемъ, это трудно, именно потому трудно, что видишь яркій контрастъ въ этомъ возмущеніи природы къ внутренней тишинѣ. Вотъ кто не долженъ былъ бояться грозы—это Леонардо-да-Винчи. Мнѣ кажется даже, что она была его великой страстью: онъ всю жизнь изучалъ природу, а воду понималъ, какъ великій гидравликъ. Благодаря ему, Ломбардія пріобрѣла превосходную систему ирригаціи и вся она, до сихъ поръ, когда ѣдешь изъ Павіи въ Миланъ, напоминаетъ своею системою орошенія объ изобрѣтательномъ геніи Леонардо-да-Винчи. Ея поля купаются въ водѣ, разливающейся изъ искусственно проведенныхъ каналовъ. Леонардо-да-Винчи любилъ воду. Цѣлыми часами онъ наблюдалъ въ Піомбино движеніе пѣнистыхъ волнъ и думалъ объ его физическихъ законахъ. «Морскія волны у Піомбино, писалъ онъ въ своей карманной тетрадкѣ, всѣ покрыты пѣной»—одна строка, а между тѣмъ въ ней передается научно художественный экстазъ этого человѣка... Знаете,—продолжалъ старикъ, обращаясь ко мнѣ,—я сдѣлалъ случайно маленькое открытіе: читая трактатъ «Leonardo da Vinci, als Ingenieur und Philosoph» извѣстнаго нѣмецкаго изслѣдователя Германа Гроте, я наткнулся на удивившія меня слова. Гроте пишетъ: «Леонардо-да-Винчи пугался звона колоколовъ, пѣнія монаховъ и дѣтскаго крика,—во время грозы онъ по-дѣтски прятался подъ одѣяло, только плескъ дождя доставлялъ ему удовольствіе, и онъ любилъ смотрѣть на паденіе дождевыхъ капель». Это говорится о Леонардо-да-Винчи—о человѣкѣ, который былъ при Цезарѣ Борджіа военнымъ инженеромъ, всегда возился съ громоздкими машинами, мялъ конскую подкову въ рукѣ, устраивалъ разныя тріумфальныя встрѣчи и процессіи, неизбѣжно связанныя съ трезвономъ, шумомъ и пальбою. Какое тонкое пониманіе его натуры и всей его души! Прочитавъ у Гроте эти поразительныя строки, вѣроятно, вызванныя ему какою-нибудь книжною перетасовкою, я бросился къ моему любимому Вазари, этой богатой современной хроникѣ цѣлой эпохи. Мнѣ мерещилось, что я читалъ эти строки въ его «Жизнеописаніяхъ», но по отношенію къ другому художнику. И, дѣйствительно, я нашелъ ихъ—почти слово въ слово, но подумайте—гдѣ? въ превосходной біографіи Піеро-ди-Козимо. Вазари говоритъ, что этотъ художникъ, болѣзненный по натурѣ, боялся дѣтскаго плача, кашля, звона колоколовъ, пѣнія монаховъ. Во время дождя онъ любилъ смотрѣть, какъ вода стекаетъ съ крышъ, но очень пугался молній и, когда гремѣлъ сильный громъ, онъ завертывался въ плащъ и уходилъ въ дальній уголъ комнаты, закрывъ окна и двери. Вы понимаете,—эти черты естественны для нервно разстроеннаго Піеро-ди-Козимо, но были бы совершенно непонятны въ мощной, вѣчно дѣятельной натурѣ Леонардо-да-Винчи. Устраняясь отъ участія въ политическихъ буряхъ, въ отличіе отъ человѣчески мятежнаго

Микель-Анджело, онъ долженъ былъ съ удовольствіемъ созерцать бури въ воздухѣ и на водѣ—въ этихъ стихіяхъ, которыя онъ постоянно изучалъ во всѣхъ ихъ проявленіяхъ.

— Да, правда,—замѣтилъ я,—Леонардо-да-Винчи особенно любилъ воздухъ, съ его пыльными вихрями, и воду, эту неустойчивую, зыбкую, предательскую стихію, съ ея пѣнистыми волнами. Его великолѣпныя литературныя описанія бури и потопа бросаютъ свѣтъ на его характеръ и представляютъ апоѳеозъ его наблюденій въ Піомбино, одновременно тонко-научныхъ и потребныхъ его непостоянной художественной натурѣ. Эти описанія еще не оцѣнены, какъ слѣдуетъ, въ европейской литературѣ. Я встрѣчался только съ неразумными восторгами по ихъ поводу.

Старикъ отошелъ къ столу, глотнулъ вина и заговорилъ:

— Именно, именно! Пыль, пѣна, точность и симметрія—вотъ особенности его художественныхъ описаній, поражающихъ великими достоинствами, но не заключающихъ въ себѣ тѣхъ внезапныхъ откровеній, которыя и создаютъ поэтическую красоту. Они, эти описанія, въ самой высокой степени раціональны. Это, можно сказать, верхъ научнаго изящества, но, читая ихъ, я позволяю себѣ нѣкоторый скептицизмъ въ смыслѣ эстетическомъ. Я ихъ помню очень хорошо—ихъ не трудно запомнить при строго-симметрическомъ расположеніи и логической связности отдѣльныхъ частей. Правда, кодификаторы его рукописей часто разъединяютъ слитныя по смыслу тирады и соединяютъ, на основаніи внѣшнихъ признаковъ, описанія, относящіяся къ разнымъ предметамъ, но, занимаясь манускриптами Леонардо-да-Винчи, я никогда особенно не затруднялся этимъ обстоятельствомъ: разрозненныя части имѣютъ непреоборимую силу логическаго тяготѣнія другъ къ другу. Какъ все это характерно для Леонардо-да-Винчи. И вотъ вспомните его описаніе бури. Въ немногихъ словахъ, на двухъ страницахъ Рихтера, вы имѣете въ строгомъ порядкѣ всѣ естественныя черты бури. Надъ моремъ проносится сильный вѣтеръ. Разорванныя и разсѣянныя тучи несутся по вѣтру, который вздымаетъ съ морскихъ береговъ облака пыли. Въ воздухѣ мечутся листья, оторванныя вѣтки. Деревья гнутся къ землѣ. Изъ людей—одни повалены вѣтромъ и засыпаны пылью, другіе хватаются за деревья, стараясь удержаться на ногахъ. Многіе, пригнувшись къ землѣ, закрываютъ глаза отъ пыли, а ихъ одежды и волоса развѣваются вѣтромъ. Море полно брызжущей пѣны, которую вѣтеръ разбиваетъ въ туманъ, стелющійся надъ морскою поверхностью. Судна съ порванными снастями. Тучи бьются о вершины горъ, а буйныя воды ударяются о прибрежныя скалы. Пыль, туманъ и густыя облака... Вотъ его описаніе! Оно начинается облаками и кончается облаками. На картинѣ, которую онъ предлагаетъ написать—облака, бьющіяся о скалы, и волны, ударяющія о берега, симметрично заключаютъ въ себѣ, какъ въ рамѣ,

пыльную и туманную воздушною стихію, а люди должны быть представлены, какъ ничтожная, безсильная жертва природы. Они засыпаны опять-таки сухою, ѣдкою пылью. Да, вы правы: пыль и пѣна, изображенныя съ почти классическою симметріею—вотъ постоянный матеріалъ его описаній, въ которыхъ фатально отразился его разъѣдающій умъ, его всеразлагающая натура. Но внезапныхъ, ирраціональныхъ откровеній въ нихъ нѣтъ...

Я прибавилъ отъ себя то, что не разъ приходило мнѣ на мысль при чтеніи Леонардо-да-Винчи:

— Откровеній нѣтъ—потому, что въ этихъ описаніяхъ все правильно и разсчитано до чрезмѣрности. Все слитно, неразъединимо, заключено въ неподвижную раму, такъ что негдѣ пробиться этому ирраціональному свѣту поэзіи, которая проста и не выражается никакими механическими распредѣленіями въ описаніяхъ. Явленія не живутъ индивидуальною жизнью у него: они соединяются въ одно цѣлое, какъ механическія части, а при этомъ самая точность и совершенство научной обработки только мѣшаютъ поэтическому впечатлѣнію, которое всегда связано съ индивидуальными предметами. Его описанія производятъ на меня общее слитное впечатлѣніе, впечатлѣніе почти отвлеченное, потому что въ нихъ мы имѣемъ метафизику природы, а не поэзію...

— А вы помните описанія потопа,—перебилъ меня старикъ.—Леонардо-да-Винчи нѣсколько разъ возвращается къ мысли о потопѣ и каждый разъ старается переработать описаніе этого хаотическаго волненія, которое занимало его воображеніе, склонное къ необъятному, безформенному и, стало быть, не поэтическому,—какъ вы замѣтили. Сперва мы находимъ у него небольшой отрывокъ подъ названіемъ «Представленіе потопа». Это—летучій набросокъ, напоминающій описаніе бури: опять—пыльные вихри, клокочущія пѣнныя воды,—прибавлены только молніеносныя стрѣлы въ тучахъ, неожиданно-классическіе образы Нептуна приподнявшагося изъ воды, и Эола, люди и птицы, укрывающіеся на высокихъ деревьяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ довольно большое описаніе, подъ названіемъ: «Потопъ и его изображеніе въ живописи». Тутъ сосредоточено все главное въ смыслѣ художественной изобразительности. Краски сгущены, картина дышитъ научнымъ экстазомъ художника. Люди и животныя показаны въ моментъ трагической гибели, и Леонардо-да-Винчи хотѣлъ-бы вызвать къ нимъ чисто человѣческое состраданіе. Я много разъ перечитывалъ это геніальное, въ своемъ родѣ, описаніе, провѣряя свои сомнѣнія относительно его характера, но я не вынесъ того, чего искалъ и ищу. Леонардо-да-Винчи, который не боялся громовъ и молній и относился къ нимъ съ научною мудростью, къ смерти не умѣлъ относиться съ сердечною простотою. Описывая человѣческую гибель, онъ оттѣняетъ свои чувства только реторическими восклицаніями. О, какіе

ужасные крики оглашаютъ воздухъ! О, сколько людей, которые закрываютъ руками уши! О, какіе вопли! О, сколько матерей плачутъ надъ своими захлебнувшимися дѣтьми! Вотъ какъ выражаетъ свои настроенія Леонардо-да-Винчи. Вамъ можетъ показаться это страннымъ, но я уже слышу въ этомъ описаніи того человѣка, который, три года спустя, диктовалъ нотаріусу свое пышное духовное завѣщаніе. И тутъ, и тамъ—передъ нами Леонардо-да-Винчи, обезсиленный собственнымъ скептицизмомъ и, можетъ быть, пугающійся при мысли о смерти, безпомощно прибѣгающій къ традиціонному краснорѣчію и традиціоннымъ обрядамъ. Въ этомъ умирающемъ львѣ возрождался, но не возродился человѣкъ... За этимъ описаніемъ слѣдуетъ конспектный отрывокъ, подъ названіемъ «Раздѣленія», и, наконецъ,—еще обширный отрывокъ, подъ названіемъ «Описаніе потопа». Это послѣднее есть собственно научное разсужденіе, поразительное по своей точности. Это—изысканіе законовъ въ области водныхъ волненій. Каждая фраза представляетъ тонкое наблюденіе, на какое былъ способенъ экспериментальный геній Леонардо-да-Винчи. Какъ великолѣпно звучатъ, напримѣръ, его слова о круговыхъ волнахъ, которыя бѣгутъ отъ мѣста своего удара и, при встрѣчѣ съ противоположными волнами, всплескиваются въ воздухъ, не отрываясь отъ своего основанія! Горные обвалы рушатся на широкую поверхность воды, которая взлетаетъ въ воздухъ, образуя уголъ отраженія, равный углу паденія. Великолѣпно въ смыслѣ научномъ, но о поэзіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Конечно, во всѣхъ описаніяхъ видна необъятная фантазія,—но фантазія холодная, неспособная нѣжно сосредоточиться на маленькихъ индивидуальныхъ предметахъ, которыми дышитъ всякая поэзія. Сеайль былъ совершенно правъ, называя Леонардо-да-Винчи «Прометеемъ съ холодною кровью», хотя, по обыкновенію современной банальной критики, онъ тутъ-же наговорилъ много общихъ словъ о великой поэтичности правильныхъ и точныхъ Леонардовскихъ описаній.

Мы не замѣтили за разговоромъ, какъ прошла гроза. Небо очистилось. Озеро посинѣло. Юноша, который съ восхищеніемъ смотрѣлъ на старика, безпокойно оглядываясь при каждой вспышкѣ молніи, самъ прояснился. Лицо его было теперь спокойно и свѣжо. Старикъ посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ:

— Мы еще успѣемъ побывать во дворцѣ Людовика Баварскаго. Есть еще часъ времени. Пойдемте поскорѣе.

Мы направились по аллеѣ и скоро уже осматривали, въ сопровожденіи сторожа, небольшія, чистенькія, совсѣмъ простыя комнаты покойнаго молодого, болѣзненно-загадочнаго короля. Особенно понравился мнѣ его уютный кабинетъ, съ высокою рабочею конторкою и окномъ, выходящимъ прямо на озеро. Внизу большой тѣнистый садъ, въ отдаленіи ровная, спокойная поверхность Штарнбергскаго озера. Повсюду по стѣ-

намъ висятъ изображенія различныхъ сценъ изъ Вагнеровскихъ оперъ. Есть, конечно, и бюстъ Вагнера. Странное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ дворецъ. Я ходилъ по комнатамъ, почти не обращая вниманія на фотографіи, думая не о Вагнерѣ и загадочномъ королѣ, а о другомъ несчастномъ и несомнѣнно замѣчательномъ человѣкѣ, жизнь котораго тоже закончилась сумасшествіемъ. Въ моихъ странствіяхъ по Германіи я имѣлъ случай познакомиться съ людьми, которые лично знали его, и даже внимательно прочесть довольно большую переписку его съ двумя нынѣ живущими литераторами—переписку еще не опубликованную. Я думалъ о Ницше. Каждый разъ, когда я слышу имя Вагнера, я невольно думаю о немъ, объ этомъ странномъ человѣкѣ, въ жизни котораго Вагнеръ игралъ большую роль и имя котораго уже окружено легендою. Онъ создалъ на своей родинѣ цѣлую школу, которая свято чтитъ его имя. Я встрѣчался съ убѣжденными ницшеанцами, которые неохотно выслушиваютъ какія-бы то ни было возраженія противъ системы учителя. Когда о Ницше съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ говорятъ, что болѣзнь остановила развитіе его умственной дѣятельности, ученики волнуются и готовы назвать преступленіемъ всякое упоминаніе объ этомъ обстоятельствѣ. А между тѣмъ, теперь, пока еще сохраняются живые слѣды его личныхъ знакомствъ и отношеній, можно освободить его настоящій образъ отъ ненужныхъ преувеличеній въ ту или другую сторону. Это былъ болѣзненный человѣкъ, близорукій, съ нѣжно очерченными губами, тонкими женственными пальцами и маленькими красивыми ушами. Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, но рѣчь его, полная образовъ и внезапныхъ вспышекъ геніальнаго ума, производила неизгладимое впечатлѣніе. Съ нимъ было трудно спорить. Способный быстро раздражаться до степени злой нетерпимости, Ницше не любилъ, когда ему возражали. Онъ довольно долго писалъ, не умѣя еще открыть въ самомъ себѣ тѣ настроенія, которыя потомъ овладѣли всѣмъ его существомъ. Когда, наконецъ, въ немъ зашевелились первыя черты его демонической философіи, онъ сталъ говорить своимъ друзьямъ, что у него есть великая тайна. Онъ вообще любилъ придавать таинственность своимъ словамъ и дѣйствіямъ. Безуміе надвигалось на него все ближе и ближе, и Ницше, чувствуя неминуемую катастрофу, изобрѣталъ фантастическія оправданія для своего нервнаго недуга. Онъ говорилъ, что этотъ настоящій болѣзненный Ницше есть только распадающееся зерно, изъ котораго должно выйти новое существо, Сверхъ-Ницше, Ueber-Nietzsche. Этотъ Сверхъ-Ницше освобождался изъ тумановъ его духовной жизни. Передавая отдѣльныя мысли изъ своего будущаго «Заратустры», онъ принималъ видъ разсказчика, изумленнаго собственными сновидѣніями. Ему снились странные, вѣщіе сны, гораздо болѣе значительные, чѣмъ его прозаическая жизнь, съ болѣзнями, съ путешествіями по курортамъ. Однажды, подъ самый конецъ его ли-

тературной дѣятельности, онъ сталъ, въ Ниццѣ, плясать на многолюдной площади. Ему казалось, что это пляшетъ вышедшій на свободу Сверхъ-Ницше... Объ этомъ человѣкѣ я думалъ теперь, переходя изъ комнаты въ комнату, спускаясь затѣмъ по маленькой лѣстницѣ въ садъ. Я передалъ свои настроенія старику. Онъ замѣтно измѣнился въ лицѣ и, остановившись, сказалъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Не говорите, не говорите мнѣ о Ницше. Онъ меня волнуетъ, я еще не вполнѣ разгадалъ его натуру. Это самый больной вопросъ въ современной культурѣ.

Пора было возвращаться домой. Было уже четыре часа дня и мы, переѣхавъ опять на пароходѣ Штарнбергское озеро, сѣли въ ожидавшую насъ коляску. Къ шести часамъ мы подъѣзжали къ нашей гостинницѣ. Выходя изъ коляски, я замѣтилъ волненіе на лицѣ юноши. Онъ смотрѣлъ испуганно-остановившимися глазами на крестьянина, который велъ на веревкѣ молодого бычка. Бычокъ какъ-то неестественно подпрыгивалъ, не то веселился, не то старался оборвать веревку, на которой его тянули. Когда крестьянинъ, подойдя къ дому, недалеко отъ нашей гостинницы, повернулъ къ калиткѣ, бычокъ передними ногами изо всѣхъ силъ уперся въ землю, дрожалъ и отбивался. Онъ чуялъ готовившуюся ему смерть. Мы вздрогнули и стали быстро подниматься по лѣстницѣ гостинницы. Въ комнатѣ мы просидѣли нѣсколько минутъ молча. Послѣ разнообразныхъ дневныхъ впечатлѣній и тихаго переѣзда среди освѣженныхъ грозою лѣсовъ, это грубое впечатлѣніе человѣческаго насилія надъ безсловеснымъ животнымъ дохнуло на насъ ужасомъ. Умъ оцѣпенѣлъ при видѣ этой наглядной обыденной жестокости, идущей въ разрѣзъ со всѣми лучшими требованіями человѣческой души. Каждому изъ насъ подумалось, что полная побѣда надъ этой жестокостью есть только вопросъ времени, но никто не высказалъ вслухъ этой черезчуръ очевидной истины. Въ комнатѣ сгущались сумерки. Старикъ ходилъ изъ угла въ уголъ медленнымъ тяжелымъ шагомъ. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Вотъ какая странность: Леонардо-да-Винчи любилъ животныхъ. Онъ покупалъ на базарахъ птицъ въ клѣткахъ и потомъ, выйдя за городъ, выпускалъ ихъ на свободу. Но онъ-же описывалъ кровавую бойню войны съ такою точностью, съ такимъ застывшимъ реализмомъ, который смущаетъ читателя. Правда, онъ называлъ войну грубѣйшимъ животнымъ безуміемъ, pazzia bestialissima, но картина войны остается все-таки выраженіемъ хищной и холодной души. Я имѣю въ виду не рисунки его знаменитой «Битвы при Ангіари», т. е. оставшіеся немногіе частичные наброски этой картины, и не копію Рубенса, а литературное описаніе войны въ «Трактатѣ о живописи». Какъ и описанія бури и потопа, это въ своемъ родѣ великое художественное произведеніе,

достойное таланта Леонардо-да-Винчи. Но отъ него вѣетъ ужасомъ односторонней, я бы сказалъ—физіологической правды. Если при описаніи бури и потопа Леонардо-да-Винчи не нашелъ ни одной теплой, истинно-человѣчной краски, и это составляетъ недостатокъ его описанія, то здѣсь отсутствіе художественно воплощенной жалости, святого состраданія людей къ живымъ существамъ, является доказательствомъ коренныхъ недочетовъ его духа. Предъ нами настоящая кровавая бойня. Пыль, дымъ, красный огонь выстрѣловъ, цѣлые потоки крови—въ строго обдуманномъ, симметричномъ расположеніи. Побѣдители бѣгутъ съ развѣвающимися по вѣтру волосами, съ насупленными бровями. Побѣжденные—съ поднятыми бровями, съ страдальческими морщинами на лбу и раздутыми ноздрями. Нѣкотрые убѣгаютъ съ крикомъ—у нихъ широко открытъ ротъ. Мертвыя тѣла лежатъ, покрытыя пылью, сброшенные съ коней всадники волочатся по кровянымъ лужамъ. На картинѣ, говоритъ Леонардо-да-Винчи, не должно быть ни одного ровнаго мѣста безъ кровавыхъ слѣдовъ! Всѣ эти ужасы представлены какъ-бы застывшими въ театрально-условныхъ позахъ, съ однообразною научною твердостью и правильностью. Леонардо-да-Винчи не забываетъ напомнить, что у бѣгущихъ побѣдителей должны быть выставлены впередъ ихъ противоположные члены, т. е. если выставлена впередъ правая нога, то должна быть выставлена впередъ лѣвая рука. Это очень вѣрно, точно также, какъ и замѣчанія о бровяхъ, морщинахъ, расходящихся отъ раздутыхъ ноздрей къ глазамъ. Но, мнѣ думается,—эти тонкія подробности производятъ впечатлѣніе чего-то научно-педантическаго въ картинѣ битвы. Битва можетъ быть наблюдаема на извѣстномъ разстояніи—тогда она должна представляться суетливою борьбою маленькихъ существъ, или даже вблизи, но тогда эти физіологическія подробности воспринимаются безъ холодной отчетливости, и невольно выступаетъ на первый планъ все ничтожество, все безсиліе человѣка даже въ его жестокости, вся святость человѣческой слабости. Этой несомнѣнной правды о человѣческой слабости, которая должна незамѣтно проникать всю картину битвы—въ живыхъ индивидуальныхъ образахъ—Леонардо-да-Винчи не преподалъ своимъ ученикамъ. Онъ обучаетъ ихъ только внѣшней опытной правдѣ, обучаетъ ихъ, надо сказать, съ виртуознымъ совершенствомъ научнаго генія. Если ты представишь лошадей, бѣгущихъ отъ битвы, говоритъ онъ,—сдѣлай пыльныя облачка, отстоящія другъ отъ друга на разстояніе лошадиныхъ скачковъ. Великолѣпно въ смыслѣ живописной техники! Но боюсь,—это сухо, какъ пыль. Движеніе пыли, поднятой бѣгомъ лошади,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, которое, очевидно, только случайно оторвалось отъ описанія битвы,—совершается какъ разъ съ такою быстротою, чтобы наполнить пустоту, оставляемую тѣломъ лошади,—съ тою именно быстротою, съ какою убѣгаетъ лошадь. Опять-таки великолѣпно

въ смыслѣ тонкости опредѣленія, но я боюсь, что на эту научную тонкость Леонардо-да-Винчи потратилъ всѣ силы своего духа. Точныя раціональныя опредѣленія вытѣснили все ирраціональное.

Старикъ остановился, прошелся по потемнѣвшей комнатѣ и, подумавъ, прибавилъ:

— Да, всѣ эти батальныя картины, въ краскахъ или словахъ, не больше, какъ суета. Суета, суета,— если только за ними не свѣтится святая жалость. Вѣдь рѣчь идетъ о смерти. Если есть на свѣтѣ нѣчто, несоединимое ни съ какою суетою, такъ это именно смерть. И кому-же, какъ не великому художнику, понимать это! Насъ на каждомъ шагу ожидаетъ вѣчность, въ которую мы входимъ путемъ смерти. Тамъ, за смертью, покой, тишина, неслышная и невидная побѣда надъ индивидуальными разграниченіями и распрями страстей. Понять ограниченность этого міра и, готовясь къ смерти, освободить свою мысль отъ всякой суеты, значитъ показать настоящее, достойное человѣка величіе. Какъ я люблю смерть Сократа. И какъ я не люблю смерти Леонардо-да-Винчи, съ его пышнымъ и суетнымъ духовнымъ завѣщаніемъ и съ глупой, опровергнутой, но характерной легендой, что онъ умеръ на рукахъ короля Франциска I-го. И жизнь его мнѣ не очень нравится, — вѣроятно, она не удовлетворяла его самого. Это видно изъ двухъ записанныхъ имъ басенъ—о бритвѣ и о камнѣ. Онъ то ищетъ одиночества, подобно высокомѣрной бритвѣ, которой надоѣло обчищать намыленныя мужицкія морды, то стремится на проѣзжую дорогу, подобно камню, который не захотѣлъ остаться на вершинѣ горы. Жизнь его не связана съ смертью единствомъ общаго настроенія. Ученикъ его, Франческо Мельци, писалъ его братьямъ, что онъ скончался въ примиреніи съ церковью и въ полномъ благомысліи — Леонардо-да-Винчи, который всю жизнь предпочиталъ, чтобы его считали болѣе философомъ, чѣмъ христіаниномъ. Онъ хотѣлъ, чтобы тѣло его было перенесено въ придворную церковь, въ Амбуазѣ, въ сопровожденіи всего причта, — ректора, настоятеля, капеллановъ и викаріевъ. Три большія мессы въ этой церкви и по тридцати малыхъ мессъ въ трехъ другихъ церквахъ Амбуаза и Клу должны быть отслужены въ день его похоронъ. Въ погребальномъ кортежѣ — шестьдесятъ бѣдныхъ, несущихъ шестьдесятъ восковыхъ свѣчей. Каждой изъ четырехъ церквей Леонардо-да-Винчи даруетъ по 10 ф. воску, въ видѣ толстыхъ свѣчей, которыя должны горѣть на похоронныхъ мессахъ. Какой пышный и суетный ритуалъ! Какой неожиданный и мало поучительный переворотъ для человѣка, который написалъ Джіоконду, съ тонкою презрительною улыбкою, и придалъ Іоанну Крестителю выраженіе вакхическаго экстаза. Я не люблю его духовнаго завѣщанія, хотя оно достойно кончаетъ эту жизнь, шумную, несмотря на научную сосредоточенность, съ неутомимою работою на иждивеніи грубыхъ итальянскихъ кондотье-

ровъ или французскихъ королей. Какъ проста и хороша смерть Микель-Анджело. Онъ умеръ безъ духовнаго завѣщанія, словесно отдавая душу—Богу, тѣло—землѣ, а имущество—друзьямъ...

Въ комнатѣ было уже совершенно темно. Старикъ говорилъ громко, патетически, повидимому развивая свою любимую мысль. Онъ остановился. Въ наступившей тишинѣ раздался мечтательный голосъ юноши, темный силуэтъ котораго выступалъ у окна:

— Я думаю, что лучше всего умереть одному, вдали отъ людей, гдѣ-нибудь въ полѣ, подъ открытымъ небомъ.

Старикъ встрепенулся, подошелъ къ нему и положилъ ему руку на голову.

— Полно, полно, что ты говоришь!.. — пробормоталъ онъ смущенно и разстроенно.—Пора зажечь огонь...

Мнѣ показалось, что старикъ своими разговорами неосторожно коснулся тайны, которая омрачала теперь ихъ взаимную любовь и ихъ общую любовь къ искусству.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Какъ и въ предыдущей статьѣ, я приведу, въ видѣ иллюстраціи къ словамъ стараго энтузіаста, подлинные литературные документы, необходимые для пониманія дѣятельности Леонардо-да-Винчи. На этотъ разъ я предлагаю читателямъ нѣсколько небольшихъ переводовъ съ итальянскаго оригинала его произведеній: переводъ описаній бури, потопа, битвы, затѣмъ его духовнаго завѣщанія и, наконецъ, двухъ басенъ, записанныхъ Леонардо-да-Винчи. Я пользуюсь при этомъ слѣдующими источниками: «Trattato della pittura»—изданія 1804 г., съ приложеніемъ біографіи Аморетти—«Memorie storiche su la vita, gli studi e le opere di Lionardo da Vinci», тѣмъ же трактатомъ въ новомъ римскомъ изданіи 1890 г., двумя томами извѣстнаго итальянско-англійскаго изданія Рихтера: «The Literary Works of Leonardo da Vinci, compiled and edited from the original Manuscripts», London 1883 и, кромѣ того—при переводѣ духовнаго завѣщанія—брошюрою «Clos-Lucé, séjour et mort de Léonard de Vinci,» Bosseboeuf, Tours 1893. Письмо Франческо Мельци, о которомъ вскользь упоминается въ словахъ стараго энтузіаста, цѣликомъ напечатано въ упомянутомъ изданіи «Трактата о живописи» 1804 г., страницы 127, 128. Кстати, укажу страницы въ изслѣдованіи Гроте и Вазари, сличеніемъ которыхъ можно установить ошибку нѣмецкаго писателя въ характеристикѣ Леонардо-да-Винчи относительно его страха передъ грозой: Гроте—«Leonardo da Vinci, als Ingenieur und

Philosoph», Берлинъ 1874 г., стр. 15—16, Вазари—«Le Vite dei piu celebri pittori, scultori e architetti,» Firenze 1889 г., стр. 513—514. Коротенькая біографія Леонардо-да-Винчи, написанная Паоло Джіовіо, перепечатана цѣликомъ у Босси: «Del Cenacolo di Leonardo da Vinci,» Milano, 1810 г. Въ послѣднихъ строкахъ этой біографіи Джіовіо рѣзко отзывается объ ученикахъ Леонардо-да-Винчи, стр. 20. Книга Сеайля «Léonard de Vinci, L'artiste et le savant»—издана въ Парижѣ въ 1892 г.

Само собою ясно, что этими краткими указаніями я хочу обозначить только тѣ матеріалы, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ настоящему моему наброску.

Какъ представить бурю.

Если ты хочешь представить бурю, обдумай и распредѣли, какъ слѣдуетъ, ея проявленія, когда вѣтеръ, проносясь надъ поверхностью моря и земли, приводитъ въ движеніе и увлекаетъ тѣ вещи, которыя не прикрѣплены къ общей массѣ. Чтобы хорошо представить такую бурю, изобрази прежде всего разорванныя и разсѣянныя тучи, которыя несутся по вѣтру, сопровождаемыя песчаною пылью, вздымающейся съ морскихъ береговъ. Вѣтки и листья, подхваченные яростнымъ вѣтромъ, мечутся въ воздухѣ вмѣстѣ съ другими легкими предметами. Деревья и травы гнутся къ землѣ, какъ бы повинуясь направленію вѣтра, вмѣстѣ съ вѣтвями, отклоненными отъ своего естественнаго состоянія, и дрожащими, трепещущими листьями. Представленные на картинѣ люди частью упали и, запутанные въ свои одежды, засыпанные пылью, едва различимы для глаза, а удержавшіеся на ногахъ должны быть изображены за деревомъ, которое они обхватили руками, чтобы ихъ не унесло вѣтромъ. Другіе, закрывая глаза рукою отъ пыли, пригнулись къ землѣ, а ихъ одежды и волоса развѣваются по вѣтру. Море, кипящее и вздуваемое, должно быть полно брызжущей пѣны между всплесками волнъ, и вихрь, проносясь въ потрясенномъ воздухѣ, взметаетъ тончайшую пѣну на подобіе густого, непроницаемаго тумана. Нѣкоторыя судна, виднѣющіяся въ этомъ туманѣ, должны быть представлены съ порванными парусами, при чемъ обрывки ихъ крутятся въ воздухѣ вмѣстѣ съ веревками. У нѣкоторыхъ сломались мачты и опрокинулись въ бурныя волны, вмѣстѣ съ самимъ кораблемъ. Люди кричатъ, хватаясь за остатки судна. Представь тучи, гонимыя вѣтромъ и бьющіяся о вершины горъ, и воды, плотныя и буйныя, ударяющія волнами о скалы. Воздухъ ужасенъ въ своемъ непроницаемомъ мракѣ—отъ пыли, тумана и густыхъ облаковъ.

Richter, т. I, стр. 305. 606.

Представленіе потопа.

Воздухъ затемненъ частымъ дождемъ, который, при своемъ наклонномъ паденіи—отъ горизонтальнаго вѣтра—разсыпался брызгами, подобно пыли, но съ тѣмъ отличіемъ, что атмосфера, насыщенная брызгами, пересѣкается линіями дождевыхъ капель. Но все это окрашено огневымъ свѣтомъ отъ молніеносныхъ стрѣлъ, пронзающихъ и разсѣкающихъ тучи. Вспышки молній озаряли и открывали широкія воды затопленныхъ долинъ. При этомъ свѣтѣ надъ поверхностью воды виднѣлись наклоненныя верхушки деревьевъ. Нептунъ съ своимъ трезубцемъ наполовину поднимается изъ воды. Эолъ своими вѣтрами вырываетъ деревья, которыя плывутъ въ громадныхъ волнахъ. Горизонтъ и все небо покрыты мракомъ и дышутъ огнемъ отъ постоянныхъ вспышекъ молніеносныхъ стрѣлъ. Люди и птицы укрываются на высокихъ деревьяхъ, еще не покрытыхъ разливающимися водами,—на этихъ созданіяхъ холмовъ, которые окружены глубокими пучинами.

Richter, т. I, стр. 306. 607.

Потопъ и его изображеніе въ живописи.

Пусть будетъ видно, какъ темный и туманный воздухъ потрясается дуновеніемъ различныхъ вѣтровъ, пронизанныхъ постояннымъ дождемъ и градомъ и несущихъ то здѣсь, то тамъ безчисленное множество вѣтвей, которыя сорваны съ деревьевъ вмѣстѣ съ безчисленными листьями. Кругомъ—старинныя деревья, вырванныя съ корнемъ и разбитыя яростью вѣтровъ. Виднѣются остатки горъ, размытыхъ потоками,—остатки, которые обрушиваются на нихъ и загромождаютъ ихъ долины. Эти потоки съ шумнымъ клокотаніемъ разливаются и затопляютъ обширныя пространства съ ихъ населеніемъ. На вершинахъ многихъ горъ могутъ быть замѣтны различные виды собравшихся вмѣстѣ животныхъ, испуганныхъ и укрощенныхъ въ обществѣ сбѣжавшихся людей, мужчинъ и женщинъ съ дѣтьми. По полямъ, покрытымъ водою, носятся въ волнахъ столы, кровати, лодки и разныя приспособленія, сдѣланныя въ минуту нужды и страха смерти. На всѣхъ этихъ вещахъ — женщины, мужчины, дѣти съ воплемъ и плачемъ, обезумѣвшіе отъ неистоваго вѣтра, который своими бурными порывами вздуваетъ и волнуетъ воды вмѣстѣ съ тѣлами утопленниковъ. И нѣтъ предмета, болѣе легкаго, чѣмъ вода, на которомъ не собрались бы различныя животныя, примиренныя между собой и стоящія вмѣстѣ испуганною толпою — волки, лисицы, змѣи и другія породы, спасающіяся отъ смерти. Волны, ударяясь о края плывущихъ предметовъ, бьютъ ихъ ударами различныхъ утонувшихъ тѣлъ,—ударами,

которые убиваютъ тѣхъ, въ комъ еще оставалась какая-либо жизнь. Можно видѣть толпы людей, которые, съ оружіемъ въ рукахъ, защищаютъ маленькіе оставшіеся имъ клочки земли отъ львовъ, волковъ и хищныхъ животныхъ, ищущихъ здѣсь спасенія. О, какіе ужасающіе крики оглашаютъ темный воздухъ, раздираемый яростью громовъ и молній, высылаемыхъ громами, которые разрушительно устремляются на все, что попадается на ихъ пути! О, сколько можно видѣть людей, которые закрываютъ руками уши, чтобы не слышать страшныхъ звуковъ, производимыхъ въ темномъ воздухѣ ревомъ вѣтровъ и дождя, грохотаніемъ неба и разрушительнымъ полетомъ молній! Другіе не только закрываютъ глаза рукою, но кладутъ руку на руку, чтобы плотнѣе закрыться отъ зрѣлища жестокаго избіенія человѣческаго рода разгнѣваннымъ Богомъ. О, какіе вопли! О, сколько людей, обезумѣвшихъ отъ страха, бросаются со скалъ! Большія вѣтви большихъ дубовъ, вмѣстѣ съ уцѣпившимися за нихъ людьми, несутся въ воздухѣ, подхваченныя изступленнымъ вѣтромъ. Сколько лодокъ, опрокинутыхъ вверхъ дномъ—однѣ цѣликомъ, другія въ обломкахъ, а изъ подъ нихъ выбиваются люди отчаянными средствами и тѣлодвиженіями, свидѣтельствующими о близости смерти. Нѣкоторые, потерявъ надежду на спасеніе, лишаютъ себя жизни, не имѣя силъ перенести такого ужаса: одни бросаются съ высокихъ скалъ, другіе удушаютъ себя за горло собственными руками, третьи хватаютъ своихъ дѣтей и съ необычайной быстротой поражаютъ ихъ однимъ ударомъ. Нѣкоторые наносятъ себѣ смертельныя раны собственнымъ оружіемъ, а другіе, бросившись на колѣни, отдаютъ себя на волю Бога. О, сколько матерей плачутъ надъ своими захлебнувшимися дѣтьми, держа ихъ на колѣняхъ, поднимая къ небу распростертыя руки, и голосомъ, въ которомъ сливаются вопли всѣхъ родовъ, ропщутъ на Божій гнѣвъ! Нѣкоторые, стиснувъ руки съ скрещенными пальцами, кусаютъ ихъ до крови и пожираютъ ихъ, припавъ грудью къ колѣнямъ отъ безмѣрнаго, нестерпимаго страданія. Видны стада животныхъ, — лошадей, быковъ, козъ, овецъ, уже окруженныхъ водою, оставшихся, какъ на островкѣ, на вершинахъ высокихъ горъ и жмущихся другъ къ другу. Тѣ изъ нихъ, которыя находятся посрединѣ, карабкаются наверхъ другъ черезъ друга, вступая въ ожесточенную борьбу. Многія умираютъ отъ недостатка пищи. И уже птицы стали садиться на людей и другихъ животныхъ, не находя болѣе открытаго мѣста, которое не было бы занято живыми существами. И уже голодъ, орудіе смерти, отнялъ жизнь у многихъ животныхъ и въ то же время мертвыя тѣла, подвергшись броженію, поднимаются изъ глубины водныхъ пучинъ на поверхность, ударяясь другъ о друга между бьющимися волнами, подобно наполненнымъ воздухомъ шарамъ, отскакиваютъ отъ мѣста своего удара и ложатся на трупы только что умершихъ. И надъ этими проклятіями—воздухъ, покрытый темными ту-

чами, которыя раздираются змѣевиднымъ полетомъ неистовыхъ небесныхъ стрѣлъ, сверкающихъ то здѣсь, то тамъ въ глубинахъ мрака.

Видно движеніе воздуха по движенію пыли, поднятой бѣгомъ лошади. Движеніе это совершается какъ разъ съ такою быстротою, чтобы наполнить пустоту, оставляемую въ воздухѣ на томъ мѣстѣ, которое занимала лошадь, — съ тою именно быстротою, съ какою убѣгаетъ лошадь. Если тебѣ покажется, будто меня можно упрекнуть въ томъ, что я изобразилъ воздушные пути вѣтра, между тѣмъ какъ само по себѣ теченіе вѣтра въ воздухѣ вовсе не видно, на это можно отвѣтить, что не движеніе вѣтра, но движеніе уносимыхъ имъ предметовъ есть то единственное, что можно видѣть въ воздухѣ.

Richter, т. I, стр. 306—309. 608.

Раздѣленія.

Мракъ, вѣтеръ, буря на морѣ, разлитіе водъ, горящіе лѣса, дождь, небесныя стрѣлы, землетрясенія и низверженія горъ, разрушеніе городовъ.

Вихри, которые крутятъ воды, вѣтви деревьевъ и людей въ воздухѣ.

Сучья, сорванные вѣтрами вмѣстѣ съ сидящими на нихъ людьми.

Вырванныя деревья, отягченныя людьми.

Разбитые въ щепки корабли, бьющіеся о скалы.

Стада, градъ, стрѣлы, вихри.

Люди на деревьяхъ, которыя не могутъ устоять подъ ними. Деревья и скалы, башни, холмы, покрытые людьми, лодки, столы, корыта и другія приспособленія для плаванія. Холмы, покрытые мужчинами, женщинами и животными, и стрѣлы, сыплющіяся изъ тучъ и освѣщающія предметы.

Richter, т. I, стр. 309—310.

Описаніе потопа.

Пусть будетъ прежде всего представлена вершина остроконечной горы съ долиною, окружающею ея подножіе. По бокамъ горы виденъ земной пластъ, сползающій вмѣстѣ съ корешками маленькихъ кустарниковъ и обнажающій большую часть ея скалистой окружности. Это разрушительное низверженіе обвала на своемъ стремительномъ бѣгу опрокидываетъ и вырываетъ перевитые и сплетенные корни большихъ деревьевъ, выворачивая ихъ основаніями вверхъ. Пусть горы, обнажаясь отъ земляныхъ пластовъ, откроютъ глубокія трещины, образовавшіяся при прежнихъ землетрясеніяхъ. Подножія горъ пусть будутъ окружены кустарниками, обвалившимися со склоновъ горныхъ вершинъ, вмѣстѣ съ грязью, корнями, сучьями и различными листьями, перемѣшанными съ рыхлой зем-

лей и камнями. Обломки нѣкоторыхъ горъ, упавшіе въ глубину долинъ, пусть образуютъ плотину по берегамъ вздувающагося потока. Эта плотина уже размыта и затоплена безконечными волнами, изъ которыхъ наиболѣе бурныя пусть бьютъ и разрушаютъ стѣны городовъ и усадьбы долины. Обломки высокихъ городскихъ сооруженій пусть поднимаютъ густую пыль, которая несется вверхъ на подобіе дыма или безформенныхъ облаковъ,—вверхъ, навстрѣчу падающему дождю. Но клокочущія волны бьются о берега пруда, въ которыхъ онѣ заключены, и мощными приливами ударяются о различные предметы, взлетая на воздухъ грязною пѣною и, при обратномъ паденіи, заставляя потрясенную воду вззметаться кверху. Круговыя волны, которыя бѣгутъ обратно отъ мѣста своего удара, прорываются своимъ напоромъ черезъ прибой встрѣчныхъ круговыхъ волнъ и при встрѣчѣ всплескиваются въ воздухъ, не отрываясь отъ своего основанія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода выходитъ изъ береговъ пруда, видно, какъ разлившіяся волны низвергаются назадъ, причемъ, падая или опускаясь въ воздухѣ, пріобрѣтаютъ тяжесть и стремительное движеніе, которымъ проникаютъ черезъ смятенную воду, яростно разверзая ее до глубины. Оттуда волны опять отражаются къ поверхности озера съ воздухомъ, который тоже погрузился въ глубину. Этотъ воздухъ, поднимаясь, остается въ пѣнѣ вмѣстѣ съ щепками и другими предметами, болѣе легкими, чѣмъ вода. Вокругъ всего этого тоже зарождается волнистое движеніе, которое тѣмъ шире въ окружности, чѣмъ оно сильнѣе. Это волненіе воды тѣмъ ниже, чѣмъ шире его основаніе и почти совсѣмъ незамѣтно на границѣ своей площади. Но если эти волны ударяются о различные предметы, тогда онѣ отскакиваютъ назадъ поверхъ встрѣчныхъ волнъ, сохраняя ту-же кривую, какую онѣ пріобрѣли-бы, слѣдуя первоначальному движенію. Дождь, который льется изъ облаковъ, имѣетъ одинаковый съ ними цвѣтъ,—а именно въ его тѣневой части, если только солнечные лучи не просвѣчиваютъ черезъ тучи. Въ противномъ случаѣ, дождь долженъ казаться свѣтлѣе тучъ. Если большія массы горныхъ обваловъ или другихъ большихъ сооруженій рушатся на широкую поверхность воды, тогда значительная часть ея взлетаетъ въ воздухъ въ направленіи, противоположномъ паденію обвала, иначе говоря уголъ отраженія равенъ углу паденія. Изъ предметовъ, уносимыхъ отливомъ воды, всего дальше отойдетъ отъ противоположныхъ береговъ тотъ, который всего тяжелѣе или больше по объему. Вода прилива движется тѣмъ быстрѣе, чѣмъ она ближе къ своему центру. Вершины морскихъ валовъ опускаются къ ихъ основанію, разливаясь съ треніемъ по вспѣненнымъ бокамъ. Это треніе дробитъ стекающую воду въ мельчайшія брызги, которыя, при дуновеніи вѣтра, свиваются густымъ туманомъ на подобіе волнующагося дымка или отдѣльныхъ облачковъ, потомъ поднимаются въ воздухъ и, наконецъ, превра-

щаются въ тучи. Но дождь, падающій въ воздухѣ, ударяемый и потрясаемый порывами вѣтровъ, дѣлается рѣдкимъ или частымъ соотвѣтственно тому, насколько рѣдки или часты эти вѣтры. Такимъ образомъ, въ атмосферѣ возникаетъ влажность отъ испареній упавшихъ дождевыхъ капель, близкихъ къ глазамъ наблюдателя. Морскія волны, ударяясь о склоны окружающихъ море горъ, вспѣниваются отъ быстроты, съ которою онѣ взбѣгаютъ на горы. Отливая назадъ, онѣ встрѣчаются съ подъемомъ ближайшей волны и съ большимъ шумомъ возвращаются широкимъ теченіемъ въ море, изъ котораго онѣ вышли. Пусть будетъ видно множество людей и разнородныхъ животныхъ, загоняемыхъ возростающимъ потопомъ на вершины горъ, смежныхъ съ описанными водами.

Морскія волны у Піомбино всѣ покрыты пѣною.

О водѣ, взлетающей въ воздухъ. О вѣтрахъ, которые дуютъ изъ Піомбино, къ Піомбино. Порывы вѣтра и дождь вмѣстѣ съ сучьями и деревьями, смѣшанными въ воздухѣ. Выкачиваніе изъ лодокъ дождевой воды.

Richter, т. I. 310—312. 609.

Какъ должно изображать битву.

Изобрази прежде всего дымъ артиллеріи, который смѣшивается въ воздухѣ съ пылью, поднятой движеніемъ конницы. Смѣшеніе это представь нижеслѣдующимъ образомъ. Пыль, какъ вещь земная, имѣющая вѣсъ, хотя по тонкости своей легко поднимается и разсѣивается въ воздухѣ, однако, обнаруживаетъ склонность возвращаться къ землѣ, и наивысшаго подъема достигаютъ только ея тончайшія частицы. Вотъ почему она едва видна и будетъ казаться одного цвѣта съ воздухомъ. Дымъ, который смѣшивается съ пыльнымъ воздухомъ, поднявшись на извѣстную высоту, приметъ видъ темныхъ облаковъ и будетъ болѣе замѣтенъ, чѣмъ пыль. Дымъ будетъ впадать въ синеватый цвѣтъ, а пыль тяготѣть къ своему обычному цвѣту. Съ той стороны, откуда идетъ освѣщеніе, это смѣшеніе воздуха, дыма и пыли будетъ казаться свѣтлѣе, чѣмъ въ противоположной сторонѣ. Тамъ, гдѣ кипитъ наиболѣе горячая схватка, менѣе всего видны фигуры сражающихся, и различіе между ихъ свѣтовыми и тѣневыми очертаніями почти утеривается. Лицамъ и фигурамъ стрѣлковъ, воздуху, ихъ окружающему, а также всѣмъ тѣмъ, которые находятся подлѣ нихъ, придай красноватый оттѣнокъ. Этотъ красноватый оттѣнокъ теряется по мѣрѣ того, какъ удаляется отъ своего источника. Фигуры, стоящія въ отдаленіи между тобою и огнемъ, будутъ казаться темными на свѣтломъ полѣ, а ноги ихъ, чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ менѣе видны, потому что здѣсь всего тяжелѣе и гуще пыль. Если ты представишь лошадей, бѣгущихъ

отъ битвы, сдѣлай пыльныя облачка, отстающія другъ отъ друга на разстояніе лошадиныхъ скачковъ. И то облачко, которое всего дальше отъ убѣгающей лошади, всего блѣднѣе—оно выше, разсѣяннѣе, рѣже, а то, которое всего ближе, наиболѣе замѣтно: оно меньше и гуще. Воздухъ полонъ множествомъ стрѣлъ, летящихъ въ разныхъ направленіяхъ: однѣ несутся вверхъ, другія опускаются, нѣкоторыя пущены по горизонтальной линіи. Пули стрѣлковъ сопровождаются въ своемъ полетѣ дымкомъ. Фигуры, стоящія на первомъ планѣ, сдѣлай запыленными: пылью покрыты ихъ волоса, брови и всѣ другія мѣста, на какія можетъ осѣсть пыль. Изобрази побѣдителей бѣгущими съ развѣвающимися по вѣтру волосами и другими легкими предметами, съ опущенными бровями,—и пусть впередъ устремляются ихъ противоположные члены, т. е. если впередъ выставлена правая нога, то и лѣвая рука должна быть выставлена впередъ. Если ты представишь кого-нибудь упавшимъ, дай понять, что онъ поскользнулся на пыли, превратившейся въ кровяную лужу, а тамъ, гдѣ земля не столь мокра, покажи слѣды людей и лошадей, прошедшихъ здѣсь. Изобрази нѣкоторыхъ лошадей влекущими мертвое тѣло своего всадника, а позади—на пыли и грязи—слѣдъ волочащагося тѣла. Побѣжденные и побитые должны быть блѣдными, съ поднятыми и сдвинутыми бровями, съ многочисленными страдальческими морщинами на лбу. По сторонамъ носа—морщины, расходящіяся дугами отъ ноздрей къ глазамъ: раздутыя ноздри—причина этихъ морщинъ. Приподнятая губа открываетъ верхніе зубы. Зубы разжаты, какъ бы показывая крикъ и вопль. Одна рука, обращенная ладонью къ врагу, заслоняетъ отъ него испуганные глаза, другая же, опираясь о землю, поддерживаетъ раненое тѣло. Нѣкоторые кричатъ, широко раскрывъ ротъ, и убѣгаютъ. Между ногами сражающихся изобрази разнаго рода оружіе, какъ, напримѣръ, разбитые щиты, копья, поломанныя шпаги и тому подобное. Изобрази мертвыя тѣла,—одни на половину покрытыя пылью, другія — сплошь. Пыль, которая смѣшивается съ истекающей кровью, превращается въ красную грязь, и пусть будетъ видно, какъ кровь своего настоящаго цвѣта стекаетъ неправильною струею съ тѣла на пыльную землю. Нѣкоторые, умирая, скрежещутъ зубами, выкатываютъ глаза, прижимаютъ къ тѣлу кулаки, съ судорожно сведенными ногами. Можно было бы изобразить одного, обезоруженнаго и поверженнаго, который, обернувшись къ врагу, вцѣпился въ него зубами и ногтями, чтобы совершить жестокую злобную месть. Можно изобразить лошадь, налегкѣ, безъ всадника, бѣгущую между врагами, съ развѣвающейся по вѣтру гривою, и причиняющую копытами много вреда. На землю падаетъ одинъ изуродованный, прикрываясь щитомъ, а врагъ, склонившись надъ нимъ, дѣлаетъ усиліе, чтобы его прикончить. Можно изобразить людей, свалившихся въ одну кучу и лежащихъ подъ мертвою лошадью. Нѣкото-

рые изъ побѣдителей оставляютъ сраженіе и выходятъ изъ толпы, вытирая руками щеки и глаза, слезящіеся отъ пыли. Виднѣются кадры запаснаго войска, которое стоитъ наготовѣ, полное надеждъ и опасеній, съ сдвинутыми бровями, прикрытыми отъ солнца рукою. Оно всматривается въ густой и смутный туманъ, ожидая команды капитана. Его ты можешь представить съ поднятымъ жезломъ, обѣгающимъ ряды и указывающимъ части войскъ, которыя нуждаются въ помощи. Можно изобразить рѣчку,— черезъ нее несутся кони, поднимая волнистую зыбь и пѣну, мутя воду, которая брызжетъ вверхъ, между ихъ ногами и тѣлами. На картинѣ не должно быть ни одного ровнаго мѣста безъ кровавыхъ слѣдовъ.

Trattato della pittura, Milano, 1804, Cap. LXVII, стр. 35—39.—Trattato della pittura di Leonardo da Vinci, condotto sul Cod. Vaticano Urbinate 1270. Con nuove note e Commentario di G. Milanesi. Roma MDCCCXC стр. 63—64.—Richter, T. I, стр. 301—303. 601—602.

Басня.

Однажды бритва, выйдя изъ ручки, которая служитъ ей футляромъ, и помѣстившись на солнцѣ, увидѣла отраженіе солнца въ своемъ тѣлѣ и преисполнилась великою гордостью. Призадумавшись по этому поводу, она сказала себѣ самой: «неужели я опять вернусь въ лавку, изъ которой я только что ушла? Конечно, нѣтъ. Столь блестящая красота, видитъ Богъ, не должна идти на такое грубое употребленіе. Что за безуміе было брить намыленныя мужицкія бороды и, вообще, исполнять лакейскую работу. Развѣ это тѣлю предназначено для такой работы! Конечно, нѣтъ. Я спрячусь въ какомъ-нибудь потаенномъ мѣстѣ и проведу тамъ жизнь въ спокойномъ отдохновеніи». Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ уединенной жизни, бритва вышла однажды на чистый воздухъ и выглянула изъ своего футляра. Она была похожа теперь на ржавую пилу: ея поверхность уже не отражала больше блестящаго солнца. Въ безплодномъ раскаяніи, она тщетно оплакивала непоправимую ошибку: «О, насколько лучше было упражнять съ цирульникомъ мою погибшую необычайно тонкую остроту, говорила она себѣ. Гдѣ блескъ моей поверхности? Его заѣла несносная, безобразная ржавчина».

То-же самое бываетъ съ умами, которые, вмѣсто упражненія, предаются праздности. Подобно бритвѣ, о которой разсказано выше, они теряютъ свою рѣжущую остроту—и ржавчина невѣжества обезображиваетъ ихъ способности.

Richter, II, стр. 338. 1272.

Басня.

Довольно большой камень, съ котораго только что стекла вода, лежалъ на возвышенномъ мѣстѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ прелестная роща заканчивалась каменистою дорогою. Онъ находился здѣсь среди травъ, пестрѣющихъ различными цвѣтами, и видѣлъ множество камней, которые лежали внизу на дорогѣ. Разсуждая съ самимъ собою, онъ рѣшилъ броситься внизъ. «Что мнѣ тутъ дѣлать въ компаніи съ этими травами? сказалъ онъ себѣ. Я хочу жить одною жизнью съ моими братьями». Свергнувшись внизъ, онъ очутился—въ концѣ своего стремительнаго бѣга—въ желанномъ обществѣ. Проведя здѣсь нѣкоторое время, камень оказался обреченнымъ на безпрерывную тревогу—то отъ колесъ экипажа, то отъ лошадиныхъ подковъ, то отъ пѣшеходовъ. По немъ катились, его топтали. Иногда онъ взлеталъ кверху, въ другой разъ покрывался грязью или пометомъ какого-нибудь животнаго. Напрасно взиралъ онъ на покинутое мѣсто своего одиночества и безмятежнаго мира.

Такъ бываетъ съ людьми, которые покидаютъ жизнь уединеннаго созерцанія и приходятъ въ города, чтобы жить съ толпою, подверженною безчисленнымъ бѣдствіямъ.

Richter, II, стр. 339. 1272.

Завѣщаніе.

Да будетъ извѣстно всякому человѣку, живущему нынѣ, и всякому, кто будетъ жить, что въ судѣ короля, нашего господина, въ Амбуазѣ, въ нашемъ присутствіи, мессеръ Леонардо-да-Винчи, живописецъ короля, проживающій въ настоящее время въ мѣстѣ, именуемомъ Клу, вблизи Амбуаза, сознавая неизбѣжность смерти и неопредѣленность часа ея, призналъ и исповѣдалъ передъ означеннымъ судомъ, передъ нами, что онъ подчинился и подчиняется всему, совершаемому согласно смыслу настоящаго его завѣщанія и выраженію его послѣдней воли, а именно:

Во-первыхъ, онъ вручаетъ душу свою Господу Богу нашему, преславной Дѣвѣ Маріи, святому Михаилу и всѣмъ блаженнымъ ангеламъ и всѣмъ святымъ мужамъ и женамъ рая. Item, означенный завѣщатель хочетъ быть погребеннымъ въ церкви св. Флорентина въ Амбуазѣ и чтобы тѣло его перенесено было туда капелланами этой церкви. Item, чтобы тѣло его было сопровождаемо отъ означеннаго мѣста до означенной церкви св. Флорентина всѣмъ причтомъ означенной церкви, а именно—ректоромъ и настоятелемъ, или ихъ викаріями, и капелланами церкви св. Дениса въ Амбуазѣ, а также меньшею братьею означеннаго мѣста. И прежде, чѣмъ тѣло его будетъ перенесено въ означенную церковь,

завѣщатель желаетъ, чтобы въ означенной церкви св. Флорентина были отслужены три большія мессы съ дьякономъ и дьячкомъ и чтобы въ тотъ же день, когда будутъ отслужены три большія мессы, были также отслужены тридцать малыхъ мессъ въ церкви св. Григорія. Item, чтобы въ названной церкви св. Дениса была совершена подобная же служба. Item, чтобы въ церкви названныхъ братей-иноковъ была совершена такая же служба.

Item, названный завѣщатель даруетъ и оставляетъ мессеру Франческо Мельци, миланскому дворянину, въ благодарность за услуги и расположеніе, оказанныя ему донынѣ, всѣ и каждую изъ его книгъ, которыя находятся теперь въ его собственности, и другія принадлежности и рисунки, относящіеся къ его искусству и занятіямъ въ качествѣ художника. Item, онъ, завѣщатель, даруетъ и оставляетъ, отнынѣ и навсегда, Баттисту де Виланисъ, слугѣ своему, половину, а именно середину своего сада, который находится за стѣнами Милана, а другую половину этого сада—Салаи, своему слугѣ, построившему и возведшему въ этомъ саду домъ, который долженъ быть и оставаться отнынѣ и навсегда собственностью названнаго Салаи, его наслѣдниковъ и преемниковъ, и все это въ награду за добрыя и пріятныя услуги, оказанныя ему до настоящаго дня названными Виланисъ и Салаи, его слугами. Item, онъ, завѣщатель, даруетъ Матуринѣ, своей служанкѣ, одежду хорошаго чернаго сукна, подбитую кожей, суконный головной уборъ и два дуката, которые должны быть выданы ей въ одинъ пріемъ, и это также въ награду за добрыя услуги, оказанныя ему названною Матуриною до настоящаго дня. Item, онъ желаетъ, чтобы на похоронахъ его было шестьдесятъ восковыхъ свѣчей, несомыхъ шестьюдесятью бѣдными, которымъ должно быть заплочено за трудъ по усмотрѣнію названнаго Мельци, при чемъ свѣчи эти должны быть раздѣлены между четырьмя названными церквями. Item, названный завѣщатель даруетъ каждой изъ означенныхъ церквей десять фунтовъ воска въ видѣ толстыхъ свѣчей, которыя должны быть зажжены тамъ въ день, когда будутъ совершены названныя службы. Item, чтобы роздана была милостыня бѣднымъ богадѣльни и бѣднымъ св. Лазаря въ Амбуазѣ, и для этого должно быть выдано и выплачено казначеямъ каждаго изъ братствъ сумма въ размѣрѣ семидесяти турскихъ су. Item, онъ, завѣщатель, даруетъ и оставляетъ названному мессеру Франческо Мельци, въ его присутствіи и съ его согласія, остатокъ своей пенсіи и ту сумму денегъ, которую ему должны выплатить къ настоящему времени и по день его смерти черезъ главнаго казначея Жана Сапена, всѣ и каждую сумму, которую онъ получилъ отъ названнаго Сапена изъ указанной пенсіи,—въ томъ случаѣ, если онъ умретъ раньше названнаго Мельци и ни въ какомъ другомъ случаѣ. Эти деньги находятся въ настоящее время при немъ, завѣщателѣ, въ названномъ мѣстѣ Клу, какъ онъ говоритъ. Точно также онъ даруетъ и оставляетъ названному

Мельци всѣ и каждую изъ своихъ одеждъ, которыя находятся въ настоящее время при немъ, въ названномъ мѣстѣ Клу, какъ въ благодарность за добрыя и пріятныя услуги, оказанныя ему донынѣ, такъ и въ возмѣщеніе его затратъ и трудовъ, которые онъ понесетъ при исполненіи настоящаго духовнаго завѣщанія,—чтобы все это было совершено на средства завѣщателя.

Онъ повелѣваетъ и хочетъ, чтобы сумма въ четыреста скуди del Sole, которую онъ оставилъ на храненіе камерлингу церкви Santa Maria Nuova, въ городѣ Флоренціи, была отдана его кровнымъ братьямъ, живущимъ во Флоренціи, вмѣстѣ съ прибылью и доходами, которые могли нарости у названнаго камерлинга для названнаго завѣщателя на означенные четыреста скуди съ того дня, когда они были вручены названнымъ завѣщателемъ названному камерлингу. Item, желаетъ и повелѣваетъ названный завѣщатель, чтобы названный мессеръ Франческо Мельци былъ и оставался единственнымъ во всемъ и для всего исполнителемъ завѣщанія названнаго завѣщателя и чтобы это завѣщаніе возъимѣло свое полное и ненарушимое дѣйствіе. И все изложенное и сказанное должно блюсти, исполнять и неизмѣнно сохранять, ради чего онъ, мессеръ Леонардо-да-Винчи, признанный закономъ завѣщатель, обязалъ и обязуетъ настоящимъ документомъ своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ всѣмъ своимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, настоящимъ и имѣющимъ поступить, и отказался и отказывается, настоящимъ документомъ, въ точномъ смыслѣ, отъ всего, въ общемъ и въ частностяхъ, что противно этому завѣщанію.

Дано въ названномъ мѣстѣ Клу, въ присутствіи магистра Эспри Флери, викарія въ церкви св. Дениса въ Амбуазѣ, Вильгельма Круазана, священника и капелана, магистра Кипріана Фулькена, брата Франциска де Кортона и Франциска изъ Милана, инока изъ монастыря младшихъ братій въ Амбуазѣ,—свидѣтелей, для этого приглашенныхъ и призванныхъ постансвленіемъ означеннаго суда,—въ присутствіи названнаго Франческо Мельци, который выразилъ свое согласіе, обѣщалъ вѣрою и лично поклялся собственною жизнію, при нашей законной гарантіи, никогда не допускать ни словомъ, ни дѣломъ нарушить это завѣщаніе.

Запечатано, согласно его желанію, королевской печатью, установленною для законныхъ актовъ въ Амбуазѣ и въ знакъ подлинности.

Дано апрѣля 23 дня 1518 года передъ Пасхою.

И дня 23 того-же мѣсяца апрѣля 1518 года въ присутствіи Вильгельма Буро, королевскаго нотаріуса окружнаго суда въ Амбуазѣ, названный Леонардо-да-Винчи даровалъ и оставилъ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ и выраженіемъ послѣдней воли названному Баттисту де Виланисъ, въ его присутствіи и съ его согласія, право надъ водою, которое блаженной памяти король Людовикъ XII, послѣдній изъ почив-

шихъ королей, даровалъ нѣкогда означенному да-Винчи, по теченію канала св. Христофора въ герцогствѣ Миланскомъ,—для пользованія де-Виланису отнынѣ и навсегда, въ такомъ именно видѣ и смыслѣ, въ какомъ означенный государь сдѣлалъ ему этотъ даръ,—въ присутствіи Франческо Мельци, миланскаго дворянина и моемъ. И въ тотъ-же день апрѣля, того-же года 1518, онъ, Леонардо-да-Винчи, своимъ завѣщаніемъ и выраженіемъ послѣдней воли даровалъ означенному Баттисту де Виланисъ въ его присутствіи и съ его согласія, всю мебель, въ цѣломъ и въ частяхъ, и утварь его дома, находящагося въ названномъ мѣстѣ Клу. Все это только въ томъ случаѣ, если названный де Виланисъ переживетъ названнаго Леонардо-да-Винчи. Въ присутствіи названнаго Франческо Мельци и моемъ—нотаріуса.

Буро (Borean).

Amoretti, «Memorie storiche», стр. 121—126.—*Bosseboeuf*, Clos-Lucé, стр. 68—71.—Richter, т. II, стр. 468—471. 1566.

Настоящее духовное завѣщаніе было первоначально, какъ предполагается, продиктовано на французскомъ языкѣ. Затѣмъ оно было переведено на итальянскій языкъ, можетъ быть, самимъ Франческо Мельци. Подлинный французскій текстъ утерянъ, а тотъ, который помѣщенъ въ названной книжкѣ Bosseboeuf, «Clos-Lucé», представляетъ не совсѣмъ точный переводъ съ итальянскаго. При переводѣ духовнаго завѣщанія на русскій языкъ, мнѣ пришлось пользоваться итальянскимъ текстомъ, какъ онъ напечатанъ у Аморетти и Рихтера и, для провѣрки отдѣльныхъ выраженій, англійскимъ переводомъ того-же Рихтера. Замѣчу, кстати, что несмотря на нѣкоторыя погрѣшности, вызвавшія злую, острую, но въ общемъ черезчуръ суровую критику нѣмецкаго знатока и переводчика Леонардо-да-Винчи—Генриха Людвига (Lionardo da Vinci, das Buch von der Malerei, neues Material aus den originalmanuscripten, gesichtet und dem Cod. Vatic. 1270 eingeordnet, Stuttgart 1885 г.), двухтомное изданіе Рихтера представляетъ необходимое пособіе при изученіи біографіи и научно-литературныхъ произведеній Леонардо-да-Винчи. О двухъ другихъ превосходныхъ изданіяхъ манускриптовъ Леонардо-да-Винчи—Парижскаго: Равессонъ-Молліена «Les manuscrits de L. de Vinci, publiés intègralement», Paris, 1881—1891 и Миланскаго «Leonardo da Vinci. Il Codice Atlantico nella Biblioteca Ambrosiana di Milano, riprodotto e pubblicato dalla Regia Academia dei Lincei, sotto gli auspici e col sussidio del Re e del governo, 1894—1895 г.»—мы будемъ еще имѣть случай говорить.

А. Волынскій.

Красная лилія.

Романъ **Анатоля Франса**.

Переводъ съ французскаго **Л. Г.**

XI.

Съ ранняго утра Тереза одѣлась съ особеннымъ удовольствіемъ и тонкою незамѣтною тщательностью. Ея туалетная комната, обставленная съ художественною фантастичностью во вкусѣ miss Белль, со своей грубой глазированной посудой, большими мѣдными кувшинами, изразцовымъ поломъ и стѣнами, была похожа на кухню, на сказочную кухню. И графиня Мартенъ съ пріятнымъ удивленіемъ чувствовала себя здѣсь какой-то Золушкой. Пока горничная причесывала ее, она прислушивалась къ голосамъ Дешартра и Шулета, разговаривавшихъ подъ ея окнами. Она сама передѣлала прическу, надъ которой старалась Полина, и вдругъ ей бросилась въ глаза линія ея затылка—тонкая и чистая. Она еще разъ взглянула на себя въ зеркало и спустилась въ садъ.

Въ саду, усаженномъ тисовыми деревьями и похожемъ на цвѣтущее кладбище, Дешартръ, обратившись лицомъ къ Флоренціи, декламировалъ стихъ Данте: «Въ тотъ часъ, когда духъ нашъ, свободный отъ плоти»...

Подлѣ него Шулетъ, сидя свѣсивъ ноги на балюстрадѣ террасы и уткнувъ носъ въ бороду, рѣзалъ фигуру Нищеты на своей страннической палкѣ.

Дешартръ продолжалъ декламировать поэтическія строфы: «Въ тотъ часъ, когда духъ нашъ, свободный отъ плоти и не обремененный мыслями, становится почти божественнымъ въ своихъ видѣніяхъ»...

Она подходила по дорожкѣ, между подстриженными кустами буксовъ, раскрывъ надъ головой зонтикъ. На ней было платье цвѣта

маисовой соломы, и нѣжное зимнее солнце озаряло ее блѣднымъ золотомъ своихъ лучей.

Дешартръ радостно поздоровался съ нею.

Она сказала ему:

— Вы декламируете какіе-то незнакомые мнѣ стихи. Я знаю только Метастазіо. Мой учитель итальянскаго языка очень любилъ Метастазіо, его одного и любилъ. Что это за часъ, когда духъ нашъ становится божественнымъ въ своихъ видѣніяхъ?

— Это утренняя заря. Это, можетъ быть, также заря новой вѣры и любви,—отвѣтилъ онъ.

Шулетъ сомнѣвался, чтобы поэтъ имѣлъ въ виду утренніе сны, которые оставляютъ, по пробужденіи, столь яркое и часто тягостное впечатлѣніе и которые не чужды плоти. Но Дешартръ вспомнилъ этотъ стихъ подъ впечатлѣніемъ очаровательной золотой зари, которая занималась сегодня утромъ надъ бѣлокурыми холмами Флоренціи. Онъ уже давно интересовался образами, которые слагаются въ нашихъ снахъ, и полагалъ, что эти образы не имѣютъ прямой связи съ тѣмъ, что занимаетъ насъ втеченіе дня, а наоборотъ, являются выраженіемъ мыслей, которыя втеченіе дня были далеки отъ насъ.

Тогда Тереза вспомнила свой утренній сонъ—охотника, удаляющагося по лѣсной дорожкѣ.

— Да, — говорилъ Дешартръ, — то, что мы видимъ ночью, это несчастные обломки того, чѣмъ мы пренебрегли наканунѣ. Сны часто являются какъ-бы местью за пренебреженіе, упрекомъ покинутыхъ нами существъ. Вотъ почему они кажутся столь неожиданными, иногда грустными.

Она задумалась на минуту и сказала:

— Можетъ быть, это вѣрно.

Потомъ она съ живостью обратилась къ Шулету, спрашивая его, кончилъ-ли онъ изображеніе Нищеты на своей палкѣ. Оказалось, что Нищета незамѣтно превратилась въ Pietà: Шулетъ узнавалъ въ ней черты Богоматери. Онъ сочинилъ даже поучительное моралистическое четверостишіе, чтобы сдѣлать спиральную надпись подъ изображеніемъ головы. Онъ имѣлъ намѣреніе писать отнынѣ стихи только въ духѣ заповѣдей Господнихъ. Четверостишіе было именно этого рода—простое и удачное. Онъ согласился сообщить его:

Je pleure au pied de la Croix
Avec moi pleure, aime et crois
Sous cet arbre salutaire
Qui doit ombrager la terre [1]).

---

[1]) Я плачу у подножія креста
Со мною плачь, люби и вѣрь
Подъ этимъ спасительнымъ древомъ,
Которое должно осѣнить собою землю.

Какъ и въ день своего пріѣзда, Тереза, стоя на террасѣ, облокотилась о балюстраду и искала глазами въ отдаленіи, въ глубинѣ свѣтлаго воздушнаго моря, вершины Валломброзо, почти столь-же прозрачныя, какъ небо. Жанъ Дешартръ смотрѣлъ на нее. Ему казалось, что онъ видитъ ее впервые,—столько неожиданной прелести представляло ея лицо, въ которомъ свѣтилась внутренняя работа жизни и души, не нарушившая, однако, его юной свѣжести. Солнечный свѣтъ, который она такъ любила, былъ снисходителенъ къ ея красотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, она была прекрасна въ легкомъ свѣтломъ воздухѣ Флоренціи, который ласкаетъ изящныя формы и питаетъ собою благородныя мысли. Тонкій румянецъ оттѣнялъ ея округленныя щеки. Сѣро-голубые глаза ея смѣялись, а когда она говорила, зубы ея сверкали съ нѣжнымъ и жгучимъ блескомъ. Онъ охватывалъ однимъ взглядомъ ея стройный бюстъ, крутые бока и узкій изгибъ таліи. Одною рукою она держала зонтикъ, а другою перебирала букетикъ фіалокъ. Прекрасныя руки представляли для Дешартра предметъ влеченія, любви, безумной страсти. Они имѣли въ его глазахъ такую-же отчетливую физіономію, какъ лицо, выражали для него характеръ, душу. Руки, на которыя онъ теперь смотрѣлъ, приводили его въ восторгъ. Онѣ выражали натуру чувственную и духовно-богатую. Они казались ему сладострастно обнаженными. Онъ съ обожаніемъ вглядывался въ эти точеные пальцы съ розовыми ногтями, въ нѣжную мягкую ладонь, испещренную какъ арабесками, изящными сплетеніями линій, съ небольшими возвышеніями у основанія пальцевъ. Онъ разсматривалъ ихъ съ очарованнымъ вниманіемъ, пока она не сжала ихъ на ручкѣ зонтика. Тогда, стоя нѣсколько позади, онъ еще разъ взглянулъ на нее. Тонкая цѣломудренная округлость груди и плечъ, пышные бока, маленькія, тонкія ноги—вся она, похожая на живую амфору, плѣняла его.

— M-eur Дешартръ, это черное пятнышко, тамъ,—вѣдь это сады Боболи, не правда-ли? Я ихъ видѣла три года тому назадъ. Тамъ было немного цвѣтовъ, но они понравились мнѣ со своими большими грустными деревьями.

Онъ почти удивился тому, что она говоритъ, думаетъ. Ясный звукъ этого голоса поразилъ, его, какъ-будто онъ никогда раньше его не слышалъ.

Онъ отвѣтилъ что-то и съ усиліемъ улыбнулся, чтобы скрыть поднимавшееся изъ глубины грубо-чувственное, вполнѣ опредѣленное желаніе. Онъ вдругъ сдѣлался натянутымъ, неловкимъ. Она, повидимому, не замѣтила этого, казалась довольною. Этотъ глубокій голосъ, становившійся глуше, замирающій, безсознательно ласкалъ ее. Она говорила какъ и онъ, незначительныя фразы:

— Какой чудесный видъ. Погода такая мягкая.

XII.

Утромъ, закинувъ руку за голову, покоившуюся на подушкѣ съ вышитымъ гербомъ въ видѣ колокола, Тереза думала о вчерашнихъ прогулкахъ, объ этихъ нѣжныхъ мадоннахъ въ кругу ангеловъ, о безчисленныхъ дѣтяхъ—въ картинахъ и статуяхъ—прекрасныхъ, счастливыхъ дѣтяхъ, поющихъ хвалу благости и красотѣ. Въ знаменитой капеллѣ Бронкаччи, остановившись передъ фресками, блѣдными и лучезарными, какъ небесная заря, онъ говорилъ ей о Мазаччіо—говорилъ такъ живо и ярко, что ей казалось,—она видѣла передъ собою этого юнаго наставника великихъ мастеровъ—разсѣяннаго, томнаго, восхищеннаго, съ полуоткрытыми губами, съ потемнѣвшимъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Она уже подпала очарованію этихъ чудесныхъ произведеній, этихъ созданій резсвѣта, утра, болѣе прекраснаго, чѣмъ день. Дешартръ былъ для нея душою этихъ великолѣпныхъ формъ, разумомъ этихъ благородныхъ вещей. Черезъ него, въ немъ самомъ она научалась цѣнить искусство и жизнь...

Какимъ образомъ возникла въ ней эта симпатія? Она не могла отдать себѣ яснаго отчета. Сначала, когда Поль Вансъ хотѣлъ ей представить его, она не имѣла никакого желанія знакомиться съ нимъ, никакого предчувствія, что онъ ей понравится. Она вспоминала изящныя бронзы, тонкія работы изъ воску, подписанныя его именемъ, которыя она видѣла въ салонѣ Champ-de-Mars и у Дюранъ-Рюэлля. Но она не представляла себѣ, что самъ онъ можетъ быть ей пріятенъ, что онъ можетъ быть привлекательнѣе, чѣмъ всѣ тѣ художники и любители искусства, общество которыхъ составляло для нея нѣкоторое развлеченіе на ея интимныхъ завтракахъ. Когда она его увидѣла, онъ ей понравился, и у нея явилось спокойное желаніе привлечь его, видѣть его чаще. Но скоро онъ сталъ нѣсколько сердить ее: ей непріятно было видѣть его такимъ замкнутымъ, погруженнымъ въ свой внутренній міръ, удѣляющимъ ей такъ мало вниманія. Ей хотѣлось какъ-нибудь нарушить его спокойствіе. Въ этомъ именно нетерпѣливомъ настроеніи, и при томъ—въ минуту нервнаго упадка, съ чувствомъ своего глубокаго одиночества, она встрѣтилась съ нимъ однажды передъ рѣшеткой музея Религій. Онъ говорилъ ей о Равеннѣ, объ императрицѣ, сидящей въ гробницѣ на золотомъ тронѣ. Она нашла его значительнымъ и привлекательнымъ—съ его теплымъ голосомъ, съ нѣжнымъ взглядомъ, свѣтящимся въ сумракѣ вечера, но всетаки онъ казался ей слишкомъ чуждымъ, слишкомъ далекимъ, слишкомъ незнакомымъ. Ей было не по себѣ, и она не умѣла опредѣлить, — хотѣлось-ли ей видѣть его ежедневно или же, напротивъ, никогда болѣе съ нимъ не встрѣчаться.

Со времени его пріѣзда во Флоренцію, она чувствовала себя хорошо только тогда, когда чувствовала его подлѣ себя, когда могла слышать его. Онъ дѣлалъ ея жизнь отрадной, разнообразной и новой, совсѣмъ новой. Онъ открывалъ передъ нею свѣтлыя радости и плѣнительную грусть мысли, будилъ спавшія въ ней желанія. Теперь, для нея было рѣшено, что она должна удержать его подлѣ себя. Но какъ? Она предвидѣла затрудненія: они отчетливо представлялись ея ясному уму, она ощущала ихъ своимъ темпераментомъ. На минуту она попробовала обмануть самое себя: она сказала себѣ, что, быть можетъ, при его мечтательной, экзальтированной, разсѣянной натурѣ, при его занятіяхъ искусствомъ, онъ окажется постояннымъ по отношенію къ ней — безъ всякихъ исключительныхъ требованій. Но сейчасъ же, встряхнувъ на подушкѣ своей прелестной головой, съ распустившимися темными волнами волосъ, она должна была отказаться отъ этой мысли. Если Дешартръ не могъ полюбить ее, онъ терялъ для нея все свое обаяніе. Она не рѣшалась больше заглядывать въ будущее и жила только настоящимъ— съ счастьемъ и тревогой въ душѣ, съ закрытыми глазами.

Такъ мечтала она во миракѣ комнаты, прорѣзанной золотыми стрѣлами солнечнаго свѣта, когда Полина принесла ей вмѣстѣ съ утреннимъ чаемъ нѣсколько писемъ. На одномъ изъ конвертовъ, со штемпелемъ клуба улицы Рояль, она узнала быстрый и простой почеркъ Ле-Мениля. Она знала, что получитъ это письмо и всетаки была поражена, когда то, что должно было случиться, дѣйствительно случилось, — какъ въ дѣтствѣ, когда часы возвѣщали своимъ боемъ роковое время урока музыки.

Робертъ обращался къ ней въ письмѣ съ разсудительными упреками. Почему она уѣхала, не сказавъ ни слова, не оставивъ ни одного прощальнаго слова въ запискѣ? Со времени своего возвращенія въ Парижъ, онъ каждое утро ждалъ отъ нея письма, котораго такъ и не получилъ. Крайне встревоженный, онъ побѣжалъ къ ней. «Я былъ ошеломленъ, узнавъ о вашемъ отъѣздѣ. Вашъ мужъ принялъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что, уступая его совѣтамъ, вы отправились провести конецъ зимы во Флоренцію, къ miss Белль. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ находилъ, что вы поблѣднѣли, похудѣли. Онъ полагалъ, что перемѣна воздуха будетъ для васъ полезна. Вы не хотѣли уѣзжать, но такъ какъ вамъ становилось все хуже и хуже, ему удалось убѣдить васъ. Я со своей стороны не замѣтилъ, чтобъ вы похудѣли. Мнѣ, напротивъ, казалось, что ваше здоровье не оставляло желать ничего лучшаго. И потомъ, Флоренція не можетъ считаться подходящимъ мѣстопребываніемъ для зимы. Я ничего не понимаю въ вашемъ отъѣздѣ и мучусь этимъ. Успокойте меня какъ можно скорѣе, прошу васъ. Подумайте сами о томъ, насколько мнѣ пріятно получать извѣстія о васъ черезъ вашего мужа и выслуши-

вать его признанія! Онъ разстроенъ вашимъ отъѣздомъ и въ отчаяніи отъ того, что общественныя обязанности удерживаютъ его въ настоящее время въ Парижѣ. Я слышалъ въ клубѣ, что онъ имѣетъ шансы сдѣлаться министромъ. Это удивляетъ меня, потому что у насъ не имѣютъ обыкновенія избирать министровъ изъ высшаго круга». Затѣмъ онъ разсказывалъ свои охотничьи исторіи. Онъ привезъ для нея три лисьи шкуры,—одна изъ нихъ превосходна... Въ Парижѣ его ожидали непріятности. Его двоюродный племянникъ поставилъ свою кандидатуру въ клубѣ. Онъ опасался, какъ бы его не забалотировали. Это было бы крайне непріятно... Онъ кончалъ мольбами немедленно написать ему и поскорѣе возвратиться.

Прочитавъ это письмо, она потихоньку разорвала его, бросила въ огонь и съ сухою грустью, въ горькой задумчивости смотрѣла, какъ оно горитъ... Конечно, онъ былъ правъ. Онъ говорилъ именно то, что долженъ былъ сказать, огорчался тѣмъ, что не могло не огорчить его. Что же отвѣчать ему? Продолжать ссору съ нимъ, дуться? Поводъ ихъ ссоры такъ мало задѣвалъ ее теперь за живое, что она не безъ усилія припомнила его. О, нѣтъ, ей не хотѣлось больше мучить его. Напротивъ, она была теперь такъ мягко настроена по отношенію къ нему! Видя, какъ довѣрчиво, съ какимъ непоколебимымъ спокойствіемъ онъ ее любитъ, она страдала и пугалась. Онъ былъ такимъ же точно, какъ раньше. Но она не была уже прежнею...

Спустившись въ залу, убранную колоколами, она нашла тамъ Вивіанъ Белль, которая сидѣла, склонившись надъ письменнымъ столомъ.

— Хотите знать, darling,—заговорила она,—что я дѣлала, поджидая васъ? Ничего и все. Стихи.

Тереза обняла miss Белль и, склонивъ голову къ плечу своего друга, спросила:

— Можно взглянуть?

— О, конечно, darling. Это стихи въ духѣ народныхъ пѣсенъ вашей родины.

И Тереза прочла:

Elle jeta la pierre blanche
A l'eau du lac bleu.
La pierre dans l'onde tranquille
Sombra peu à peu.
Alors la jeteuse de pierres
Eut honte et douleur
D'avoir mis dans le lac perfide
Le poids de son coeur [1]).

---

[1]) Бѣлый камень она бросила
Въ воду озера синяго,

— Это символъ, Вивіанъ? Объясните мнѣ его.

— О, darling, зачѣмъ объяснять, зачѣмъ? Поэтическій образъ долженъ имѣть нѣсколько значеній. То, которое вы усмотрите въ немъ, и будетъ для васъ истиннымъ. Но въ этомъ образѣ, во всякомъ случаѣ, есть одинъ несомнѣнный смыслъ, my love [1]),—что не слѣдуетъ легко отдѣлываться отъ того, что лежитъ въ нашемъ сердцѣ.

Лошади были запряжены. Они ѣхали, какъ это было условлено, осматривать галлерею Альбертинелли, via del Moro. Князь ожидалъ ихъ, а Дешартръ долженъ былъ встрѣтиться съ ними въ его палаццо. Дорогою, въ то время, какъ экипажъ катился по широкимъ плитамъ мостовой, Вивіанъ Белль изливала въ маленькихъ пѣвучихъ словахъ свою тонкую, рѣдкостную веселость. Когда онѣ опускались между рядами бѣлыхъ и розовыхъ домовъ, съ садами, расположенными по склону горъ террасами, со статуями и фонтанами, она обратила вниманіе Терезы на виллу, скрытую голубоватыми соснами: здѣсь дамы и ковалеры Декамерона, спасаясь отъ чумы, которая опустошала Флоренцію, развлекались шуточными, любовными и трагическими новеллами.

M-me Мартенъ была не въ духѣ. Небо казалось ей хмурымъ, улицы—безобразными, прохожіе—вульгарными.

— О, darling, князь будетъ такъ радъ видѣть васъ въ своемъ палаццо.

— Не думаю.

— Почему, darling, почему?

— Потому что я не особенно нравлюсь ему.

Вивіанъ Белль стала увѣрять, что князь, напротивъ, былъ большимъ почитателемъ графини Мартенъ.

Лошади остановились предъ палаццо Альбертинелли. На мрачномъ фасадѣ, въ простомъ, деревенскомъ стилѣ, виднѣлись большія бронзовыя кольца, въ которыя вставлялись въ былое время при ночныхъ празднествахъ смоляные факелы. Эти кольца отмѣчаютъ собою, во Флоренціи, жилища наиболѣе знатныхъ фамилій. Такимъ образомъ, палаццо имѣлъ снаружи сумрачно-горделивый видъ. Но внутри онъ предсталъ во всемъ своемъ тоскливомъ запустѣніи. Князь поспѣшилъ на встрѣчу гостьямъ и провелъ ихъ черезъ рядъ почти пустыхъ комнатъ въ галлерею. Онъ извинился въ томъ, что показывалъ имъ произведенія, не слишкомъ

И въ ту воду спокойную
    Погрузился онъ медленно.
Тогда той, что камень бросила,
    Стало больно такъ и совѣстно,
Что бремя сердца она ввѣрила
    Тому озеру коварному.

[1]) Моя любовь.

привлекательныя съ виду. Галлерея была собрана кардиналомъ Джуліо Альбертинелли, въ ту эпоху, когда преобладалъ вкусъ, нынѣ утраченный, къ Гвидо и Караччи. Предокъ князя съ особенной любовью собиралъ произведенія болонской школы. Но онъ покажетъ графинѣ Мартенъ нѣсколько картинъ, къ которымъ miss Белль отнеслась не безъ одобренія,—между прочимъ одного Мантенья.

Лакей подалъ визитную карточку.

Князь прочелъ вслухъ имя Жана Дешартра. Въ эту минуту онъ стоялъ спиною къ дамамъ. Лицо его приняло выраженіе того жестокаго неудовольствія, которое можно видѣть на статуяхъ римскихъ императоровъ. Дешартръ былъ уже на площадкѣ парадной лѣстницы. Князь пошелъ ему навстрѣчу съ томной улыбкой. Теперь это уже не былъ Неронъ,—это былъ Антиной

— Я сама просила вчера m-eur Дешартра,—сказала miss Белль,—пріѣхать въ палаццо Альбертинелли. Я знала, что это будетъ вамъ пріятно. Онъ хотѣлъ видѣть вашу галлерею.

Дѣйствительно, Дешартру хотѣлось поѣхать сюда вмѣстѣ съ m-me Мартенъ. Теперь всѣ четверо ходили между картинами Гвидо и Альбани. Miss Белль щебетала князю разныя милыя вещи про всѣхъ этихъ стариковъ и людей, голубыя одежды которыхъ какъ бы развивались невидимымъ вѣтромъ. Дешартръ, блѣдный, разстроенный, приблизился къ Терезѣ и сказалъ ей потихоньку:

— Эта галлерея служитъ складомъ разнаго хлама для торговцевъ картинами изъ всѣхъ странъ Европы. Князь продаетъ здѣсь то, что не удалось сбыть евреямъ.

Онъ подвелъ ее къ «Святому Семейству», которое стояло на мольбертѣ, задрапированномъ зеленымъ бархатомъ, и подъ которымъ значилась имя Микель Анджело.

— Я видѣлъ это Святое Семейство у торговцевъ Лондона, Базеля и Парижа. Такъ какъ имъ не удалось сбыть его за двадцать пять луидоровъ—красная цѣна этой картинѣ, то они возложили миссію на послѣдняго изъ Альбертинелли продать ее за пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Князь, замѣтивъ это перешептываніе и догадавшись, о чемъ идетъ рѣчь, подошелъ съ выраженіемъ особенной любезности.

— Эта картина вызвала кое-какія сомнѣнія,—они даже довольны распространены. Я не утверждаю, что это оригиналъ. Но картина не выходила изъ нашей семьи и въ старыхъ инвентаряхъ она обозначена, какъ произведеніе Микель Анджело. Это все, что я могу о ней сказать.

И князь обратился къ miss Белль, которая искала Примитивовъ.

Дешартру было не по себѣ. Со вчерашняго дня онъ не переставалъ думать о Терезѣ. Образъ ея не покидалъ его всю ночь—онъ видѣлъ ее во снѣ. Она представлялась ему плѣнительной, по иному плѣни-

тельной и еще болѣе желанной, чѣмъ въ грезахъ безсонницы, не столь легкой и прозрачной, болѣе тѣлесной, живой, яркой, дразнящей,—съ непроницаемой, таинственной душой. Она была грустна. Ему показалось, что она холодна и разсѣянна. Онъ сказалъ себѣ, что онъ ничего для нея не составляетъ, что онъ становится въ ея глазахъ навязчивымъ и смѣшнымъ. Имъ овладѣло мрачное раздраженіе. Онъ прошепталъ ей съ горечью:

— Я обдумывалъ,—я не хотѣлъ ѣхать сюда. Зачѣмъ я пріѣхалъ!

Она сейчасъ же поняла, что онъ хотѣлъ сказать, поняла что онъ боялся ее, что онъ полонъ нетерпѣнія и потому застѣнчивъ, неловокъ. Онъ нравился ей такимъ, и она съ благодарностью ощущала въ немъ то волненіе, тѣ желанія, которыя она въ немъ вызывала.

Сердце забилось у нея. Но она сдѣлала видъ, будто поняла его слова въ томъ смыслѣ, что не стоило пріѣзжать для осмотра такой дрянной живописи, и отвѣтила, что въ самомъ дѣлѣ галерея не представляетъ изъ себя ничего интереснаго. Онъ увидѣлъ въ этомъ подтвержденіе того, что онъ не нравится ей,—подумалъ, что въ своемъ равнодушіи и разсѣянности она въ самомъ дѣлѣ не уловила выраженія и смысла сорвавшихся у него словъ.

— Ничего интереснаго,—отозвался онъ.

Князь, который удерживалъ обѣихъ дамъ къ завтраку, попросилъ ихъ друга остаться вмѣстѣ съ ними. Дешартръ отговорился. Онъ уже направлялся къ выходу, когда, проходя по большой пустынной залѣ, украшеніемъ которой служили бонбоньерки, разставленныя на консоляхъ, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ m-me Мартенъ. За минуту передъ тѣмъ онъ хотѣлъ бѣжать отъ нея, теперь онъ думалъ только о томъ какъ бы вновь увидать ее. Онъ напомнилъ ей, что на слѣдующій день она собиралась посѣтить Барджелло.

— Вы позволили мнѣ сопровождать васъ.

Она спросила его, не находитъ ли онъ ее сегодня хмурой и скучной! О нѣтъ, онъ не находилъ ее скучной, но ему показалось, что она немножко грустна.

— Увы,—прибавилъ онъ,—ваша грусть, ваши радости...—я не имѣю даже права знать о нихъ.

Она бросила на него быстрый, почти жесткій взглядъ.

— Вы, конечно, не думаете, что я изберу васъ своимъ повѣреннымъ!

И она рѣшительно удалилась.

XIII.

Послѣ обѣда въ салонѣ, наполненномъ колоколами и колокольчиками, при свѣтѣ лампъ, бросавшихъ изъ-подъ огромныхъ абажуровъ

слабый свѣтъ на изображенія Сіенскихъ Мадоннъ, сидѣла m-me Марме и, держа на колѣняхъ бѣлую кошку, грѣлась у камина. М-me Мартенъ, сохраняя въ глазахъ еще недавнее впечатлѣніе о горныхъ фіалкахъ и столѣтнихъ дубахъ, простирающихъ свои огромныя вѣтви по краямъ дороги, улыбалась какой-то томной улыбкой. Она только что осматривала картезіанскій монастырь Эма, вмѣстѣ съ miss Белль, Дешартромъ и m-me Марме. И теперь, подъ вліяніемъ дивныхъ видѣній, она забывала всѣ свои недавнія тревоги—докучливыя письма и отдаленные упреки. Ей казалось, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ разрисованныхъ, высѣченныхъ изъ камня монастырей съ колодцемъ посрединѣ двора, деревень съ ихъ красными крышами и дорогъ, гдѣ, подъ аккомпаниментъ жаркихъ словъ, она наблюдала приближеніе весны. Дешартръ только что слѣпилъ изъ воска для miss Белль модель маленькой Беатриче. Вивіанъ рисовала ангеловъ. Граціозно наклонившись надъ нею, князь Альбертинелли гладилъ рукой свою бороду и, подобно куртизанкѣ, бросалъ кругомъ себя вызывающіе взгляды.

— Нужно, чтобы сама женщина дѣлала выборъ, — сказалъ онъ, отвѣчая на какое-то замѣчаніе, сдѣланное miss Белль по поводу любви и брака.—Съ мужчиной, который нравится женщинамъ, она не можетъ быть спокойна, а съ такимъ, который имъ не нравится, она не можетъ быть счастлива.

— Darling,—спросила miss Белль,—что выбрали бы вы для подруги, которая была бы дорога вашему сердцу?

— Я бы хотѣла, чтобы она была счастлива и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойна.

— Но, милый другъ, вѣдь князь только что сказалъ вамъ, что женщина не можетъ одновременно быть счастливой и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойной. Скажите, что выбрали-бы вы для своего друга, скажите, darling.

— Выбирать не надо, Вивіанъ, не надо! Не заставляйте меня высказывать то, что я думаю о бракѣ.

Въ эту самую минуту появился Шулетъ,—появился въ великолѣпномъ образѣ тѣхъ нищихъ, которыхъ обыкновенно встрѣчаешь при въѣздѣ во всѣ маленькіе городишки. Онъ только что окончилъ игру въ briscola вмѣстѣ съ поселянами въ одномъ изъ кабаковъ Фіезоле.

— Вотъ и m-eur Шулетъ!—воскликнула miss Белль.—Пускай онъ научитъ насъ, какъ относиться къ браку. Я буду слушать его, какъ оракула. Вѣдь онъ обыкновенно не видитъ того, что мы видимъ, а видитъ только то, чего мы не видимъ. М-eur Шулетъ, что думаете вы о бракѣ?

— Если вы говорите, сударыня, о торжественномъ союзѣ мужчины и женщины, то въ такомъ случаѣ бракъ есть, безъ сомнѣнія, таинство.

Отсюда слѣдуетъ, что именно вслѣдствіе этого онъ почти всегда является и святотатствомъ. Что же касается до гражданскаго брака, то это одна только формальность. Та важность, которую придаютъ ему въ нашемъ обществѣ,—просто глупость, надъ которой посмѣялись бы женщины прошедшихъ временъ. Въ сущности, гражданскій бракъ есть ничто иное, какъ простая помѣтка, необходимая государству, какъ наилучшій способъ ознакомленія съ различными положеніями людей. Вѣдь во всякомъ просвѣщенномъ государствѣ каждый человѣкъ долженъ имѣть свою марку. Въ глазахъ же Сына Божьяго всѣ они имѣютъ одинаковую цѣнность. Съ нравственной точки зрѣнія—подобная помѣтка въ книгѣ не можетъ даже вовлечь женщину въ адюльтеръ. Измѣнить клятвѣ, данной только передъ лицомъ господина міра — да стоитъ-ли и говорить объ этомъ... Чтобы наслаждаться измѣной, нужно быть вѣрующей.

— Но мы всѣ вѣнчались въ церкви, m-eur Шулетъ,—возразила Тереза и тотчасъ же прибавила тономъ полнѣйшей искренности.—Я не понимаю, зачѣмъ мужчина женится. Не понимаю, чтобы и женщина, достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, могла сдѣлать такую глупость!

Князь посмотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ. Обладая вообще прозорливостью, онъ тѣмъ не менѣе былъ совершенно неспособенъ представить себѣ, чтобы кто-нибудь могъ говорить безъ предвзятой мысли, т.-е. совершенно безкорыстно, съ единственной цѣлью выражать однѣ только общія идеи. Ему показалось, что графиня Мартенъ-Беллемъ въ данномъ случаѣ указывала ему на тѣ намѣренія, которыя предполагала въ немъ. И такъ какъ онъ подумывалъ уже о защитѣ и о мести, то поспѣшилъ придать своимъ глазамъ вкрадчивое выраженіе и заговорилъ нѣжнымъ голосомъ:

— Вы выказываете гордость, графиня, присущую красивымъ и умнымъ француженкамъ, которыя возмущаются всякимъ ярмомъ. Француженки вообще любятъ свободу, и ни одна изъ нихъ не достойна ея такъ, какъ именно вы. Я самъ жилъ немного во Франціи. Я имѣлъ много знакомствъ и восхищался парижскимъ обществомъ, его салонами, празднествами, разговорами и забавами. Но среди нашихъ горъ, подъ сѣнью нашихъ оливковыхъ деревьевъ, мы снова дѣлаемся дикарями, возвращаемся къ нашимъ сельскимъ обычаямъ—и тогда бракъ является для насъ чѣмъ-то въ родѣ прелестной идиліи.

Вивіанъ Белль разсматривала модель, которую Дешартръ оставилъ на столѣ.

— О, я увѣренъ, что Беатриче была именно такою! А знаете, m-eur Дешартръ, есть такіе злые люди, которые увѣряютъ, будто Беатриче вовсе не существовала?

Шулетъ объявилъ, что онъ принадлежитъ къ числу этихъ злыхъ людей. Онъ не вѣрилъ въ существованіе Беатриче, равно какъ и въ

существованіе всѣхъ прочихъ дамъ, которыя служили древнимъ поэтамъ лишь воплощеніемъ какой-нибудь схоластической идеи, совершенно невозможной по своей вычурности.

Недовольный всякой похвалой, которая не относилась прямо къ нему, завидуя Данте и всей вселенной, но отличаясь тѣмъ не менѣе большими познаніями, онъ сообразилъ, что напалъ на слабую сторону вопроса и воскликнулъ:

— Я подозрѣваю, что младшая сестра ангеловъ существовала только въ воображеніи поэта. Но даже и въ этомъ случаѣ она является лишь чистой аллегоріей, или, лучше сказать, математической выкладкой, астрологической задачей. Данте вѣрилъ въ добродѣтель чиселъ. Этотъ страстный геометръ мечталъ о цифрахъ, и его Беатриче есть ничто иное, какъ арифметическій цвѣтокъ! Вотъ и все!

И онъ зажегъ свою трубку.

Вивіанъ Белль воскликнула:

— О, не говорите такъ, m-eur Шулетъ! Мнѣ это непріятно! Если-бы нашъ другъ, m-eur Жебаръ, слышалъ это, то навѣрное разсердился бы на васъ. Въ наказаніе князь Альбертинелли прочтетъ намъ кантикъ, въ которомъ Беатриче объясняетъ происхожденіе пятенъ на лунѣ. Возьмите «Божественную комедію», Эзебіо. Это вотъ та бѣлая книга, которая лежитъ на столѣ. Откройте ее и читайте.

Во время чтенія, при свѣтѣ лампы, Дешартръ, сидя на диванѣ подлѣ графини Мартенъ, съ энтузіазмомъ говорилъ ей вполголоса о Данте, какъ о наиболѣе рельефномъ изъ всѣхъ поэтовъ. Онъ напомнилъ Терезѣ о той живописи на дверяхъ Серви, которую они наканунѣ видѣли въ Santa-Maria—живописи, уже сильно попорченной временемъ, гдѣ съ трудомъ можно было различить обликъ поэта въ шляпѣ, обвитой лаврами. Но и этого было достаточно, чтобы возбудить энтузіазмъ артиста. За то она ничего не поняла и не почувствовала ни малѣйшаго волненія, откровенно сознаваясь, что Данте слишкомъ мраченъ, а потому не способенъ привлекать ее. Дешартръ, привыкшій находить въ ней отголосокъ всѣмъ своимъ идеямъ объ искусствѣ и поэзіи, почувствовалъ нѣкоторое удивленіе и даже неудовольствіе. Онъ сказалъ громко:

— Есть на свѣтѣ великія и сильныя вещи, которыхъ вы не понимаете.

Miss Белль подняла голову и спросила, какія это вещи, которыя не поддаются пониманію ея darling? Узнавъ, что дѣло идетъ о геніи Данте, она воскликнула съ притворнымъ негодованіемъ:

— Какъ, вы не преклоняетесь передъ этимъ учителемъ, достойнымъ всѣхъ похвалъ, передъ этимъ богомъ поэзіи! Я не люблю васъ больше, darling! Я васъ ненавижу!

И, какъ-бы въ упрекъ Шулетту и графинѣ Мартенъ, она напомнила о благочестіи того флорентійскаго гражданина, который, взявъ съ алтаря свѣчи, горѣвшія въ честь Іисуса Христа, поставилъ ихъ передъ бюстомъ Данте.

Князь снова принялся за чтеніе:

Au dedans d'elle nous reçut la perle éternelle...

Дешартръ продолжалъ упорствовать въ своемъ желаніи заставить Терезу восхищаться тѣмъ, чего она не понимала. Положимъ, онъ съ радостью пожертвовалъ бы ей и Дантомъ, и всѣми поэтами, включая и всю вселенную, но она безсознательно раздражала его — раздражала своей прелестной смѣющейся красотой. Онъ во что-бы то ни стало хотѣлъ внушить ей свои идеи, свои страсти, даже свои фантазіи и капризы. Наконецъ, она сказала ему:

— Боже мой, какой вы требовательный.

Тогда онъ наклонился къ ея уху и прошепталъ съ едва сдерживаемой страстью:

— Я хочу, чтобы вы взяли меня, съ моей душою. Что для меня за радость, если я овладѣю вами посредствомъ вашего ложнаго мнѣнія обо мнѣ!

При этихъ словахъ Тереза почувствовала легкую дрожь удовольствія и страха.

XIV.

Проснувшись на другое утро, Тереза сказала себѣ, что нужно-же отвѣтить Роберту. Шелъ дождь. Тереза съ утомленіемъ прислушивалась къ шуму падающихъ на терассу капель. Она съ трудомъ написала первыя фразы письма, зато конецъ дался ей гораздо скорѣе. Она говорила много о Вивіанъ Белль, немного о Шулеттѣ, разсказала, что мелькомъ видѣла Дешартра во Флоренціи; расхвалила нѣсколько картинъ, видѣнныхъ ею въ музеяхъ, но ихъ безъ всякаго энтузіазма, только для того, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить страницы. Она знала, что Робертъ ничего не понимаетъ въ живописи, что онъ восхищается однимъ только кирасиромъ Детайля, купленнымъ имъ у Гупиля. И въ эту минуту она видѣла передъ собою этого маленькаго кирасира, котораго онъ съ гордостью показывалъ ей въ своей спальнѣ, подлѣ зеркала, какъ разъ надъ фамильными портретами. Издали все это казалось ей теперь скучнымъ, мѣщанскимъ и даже грустнымъ. Она окончила письмо словами самой искренней дружбы. И дѣйствительно, никогда не чувствовала она въ себѣ столько миролюбія, столько снисходительности по отношенію къ своему другу. Въ четырехъ страницахъ она умудрилась написать очень мало, и объяснить еще меньше. Она объявила ему только, что намѣрена остаться еще мѣсяцъ во Флоренціи, такъ какъ воздухъ этого

города ей очень полезенъ. Потомъ она написала мужу, отцу и княгинѣ Сенявиной, а затѣмъ, взявъ съ собою письма, спустилась внизъ. Въ передней она бросила три письма на серебряное блюдо, куда обыкновенно складывались всѣ бумаги, предназначавшіяся для отправки на почту. Не довѣряя зоркимъ глазамъ m-me Марме, она сунула письмо Ле-Мениля въ карманъ, въ разсчетѣ, что во время прогулки ей удастся опустить его въ какой-нибудь ящикъ.

Почти вслѣдъ за этимъ явился Дешартръ съ тѣмъ, чтобы сопровождать трехъ пріятельницъ по городу. Ожидая ихъ нѣсколько минутъ въ передней, онъ увидѣлъ лежавшія на блюдѣ письма.

Не вѣря, конечно, въ возможность опредѣленія характера посредствомъ изученія почерковъ, онъ тѣмъ не менѣе интересовался самой формой буквъ, какъ извѣстнымъ рисункомъ, могущимъ имѣть свою особенную красоту. Писанье-же Терезы восхищало его, какъ воспоминаніе о ней, и онъ любовался теперь этимъ смѣлымъ и четкимъ почеркомъ. Не читая, онъ смотрѣлъ на адреса писемъ съ какимъ-то чувственнымъ восхищеніемъ.

Въ это утро они посѣтили Santa-Maria-Novella, гдѣ графиня Мартенъ была уже прежде вмѣстѣ съ m-me Марме, но miss Белль пристыдила ихъ, говоря, что онѣ не видѣли еще прекрасной Джиневры Бенчи, изображенной на фрескахъ хора—«Ее нужно посмотрѣть при утреннемъ освѣщеніи»,—сказала Вивіанъ.

Въ то время, какъ поэтесса и Тереза разговаривали между собою, Дешартръ, сопровождая m-me Марме, терпѣливо выслушивалъ анекдоты объ академикахъ, бывавшихъ на обѣдахъ у свѣтскихъ женщинъ. Онъ старался раздѣлить тревогу своей дамы, весьма озабоченной эти дни пріобрѣтеніемъ тюлевой вуалетки. Во всѣхъ магазинахъ Флоренціи она ничего не находила себѣ по вкусу и сожалѣла объ улицѣ du-Bac.

Выходя изъ церкви, они прошли мимо лавочки башмачника, котораго Шулеттъ взялъ себѣ за образецъ. Онъ сидѣлъ и чинилъ чью-то грубую обувь. Подлѣ него возвышался зеленый кустикъ бальзамина, тутъ-же чирикалъ воробей со своей деревянной ножкой.

M-me Мартенъ спросила старика, какъ онъ себя чувствуетъ, достаточно ли у него работы и доволенъ ли онъ вообще?

На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ «да», этимъ очаровательнымъ итальянскимъ «si». Она заставила его разсказать исторію воробья. Бѣдная птичка попала лапкой въ горячую смолу.

— Я сдѣлалъ моему товарищу ногу изъ деревянной спички, и съ тѣхъ поръ онъ, какъ прежде, садится на мое плечо.

Уходя, Тереза оставила на столѣ немного денегъ.

Дешартръ очутился подлѣ нея. Серьезно, почти строго онъ спросилъ ее.

— Вы это знали?..

Она глядѣла на него и ждала.

Онъ окончилъ... что я васъ люблю.

Она смотрѣла на него молча, своими ясными глазами, и вѣки ея слегка вздрагивали. Потомъ она утвердительно кивнула головой. Онъ не старался удерживать ее, и она поспѣшила присоединиться къ miss Белль и m-me Марме, которыя ожидали ее въ концѣ улицы.

XV.

Оставивъ Дешартра, Тереза вмѣстѣ съ своей подругой и m-me Марме отправились завтракать къ одной старой флорентійской дамѣ, которую когда-то любилъ Викторъ Эммануилъ, будучи еще герцогомъ Савойскимъ. Впродолженіе тридцати лѣтъ она ни разу не выходила изъ своего дворца на Арно. Здѣсь, накрашенная, разрисованная, въ парикѣ лиловаго цвѣта, она играла на гитарѣ среди своихъ огромныхъ бѣлыхъ залъ. Она принимала у себя лучшее общество Флоренціи и miss Белль часто навѣщала ее. За столомъ эта отшельница 87-ми лѣтъ разспрашивала графиню Мартенъ о свѣтскомъ обществѣ Парижа; она слѣдила за нимъ во всѣхъ журналахъ и разговорахъ съ тѣмъ суетнымъ легкомысліемъ, которое, благодаря давности, превращалось во что-то величественное. Одинокая, она попрежнему преклонялась передъ культомъ удовольствія.

По выходѣ изъ дворца, чтобы избѣжать вѣтра, дувшаго съ рѣки, miss Белль повела своихъ друзей по старымъ и узкимъ улицамъ, которыя обрамлялись домами изъ чернаго камня. Онѣ шли, и Вивіанъ указывала имъ на потемнѣвшіе фасады съ висѣвшими на нихъ красными тряпками, на которыхъ виднѣлись мраморныя украшенія въ видѣ Мадонны, лиліи и Святой Екатерины въ рамкѣ изъ листьевъ. Онѣ все шли по этимъ переулкамъ древняго города вплоть до самой церкви Or-San-Michele, гдѣ долженъ былъ ожидать ихъ Дешартръ. Тереза думала теперь о немъ съ какимъ-то напряженнымъ вниманіемъ. M-me Марме попрежнему продолжала думать о своей вуалеткѣ. Ей сказали, что, можетъ быть, она найдетъ вуалетку на Корсо. Это обстоятельство напомнило ей анекдотъ о разсѣянности m-eur Лагранжа, который, во время своей-же собственной лекціи, вытащилъ изъ кармана вуалетку съ золотыми блестками и, вообразивъ, что это носовой платокъ, вытеръ имъ свой лобъ. Удивленные слушатели стали перешептываться. Оказалось, что это была та самая вуалетка, которую дала ему наканунѣ его племяница, m-lle Жанна Мишо, въ то время, какъ онъ провожалъ ее въ театръ. M-me Марме принялась разсказывать, какъ онъ, найдя эту вуалетку въ карманѣ своего пальто, думалъ, что отдалъ ее обратно и какъ потомъ, по ошибкѣ, развернулъ ее передъ глазами улыбающейся аудиторіи.

При имени Лагранжа, Тереза вспомнила о предсказанной имъ комет, и съ невольной грустью подумала, что, появившись и положивъ конецъ міру, она этимъ самымъ выпутала-бы ее изъ бѣды. Miss Белль указала ей на одну изъ бронзовыхъ статуй въ рѣзныхъ нишахъ, которыя украшали фасадъ церкви.

— Посмотрите, darling, какъ молодъ и величественъ этотъ св. Георгій. Когда-то его считали рыцаремъ, о которомъ мечтали молодыя дѣвушки. Вы вѣдь знаете, что Жуліетта воскликнула при видѣ Ромео: «право, какой онъ красивый, Св. Георгій!»

Но «darling» нашла выраженіе его лица слишкомъ мертвымъ и скучнымъ. Въ эту самую минуту она вспомнила о письмѣ, которое лежало у нея въ карманѣ.

— Вотъ, кажется, и m-eur Дешартръ! — воскликнула добрѣйшая m-me Марме.

Онъ искалъ уже ихъ въ церкви, у дарохранительницы Орканьи, вѣроятно вспомнивъ о томъ неотразимомъ влеченіи, которое miss Белль чувствовала къ Св. Георгію, работы Донателло. Онъ самъ восхищался этимъ знаменитымъ изображеніемъ, но сохранялъ при этомъ чувство особенной дружбы къ св. Марку, простому и откровенному, котораго онъ могъ видѣть въ нишѣ, налѣво отъ маленькаго переулка.

Подойдя къ статуѣ, о которой говорилъ Дешартръ, Тереза замѣтила почтовый ящикъ, придѣланный къ стѣнѣ дома, какъ разъ напротивъ святого. Между тѣмъ Дешартръ, выбравъ наиболѣе удобное мѣсто, чтобы лучше лицезрѣть своего добраго Марка, распространялся о немъ въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ.

— Пріѣзжая во Флоренцію, я сейчасъ-же отправляюсь къ нему. Я измѣнилъ ему всего только одинъ разъ. Но, какъ добрый человѣкъ, онъ, навѣрно, проститъ меня. Вообще онъ не пользуется извѣстностью и не привлекаетъ къ себѣ вниманія толпы. Зато я очень люблю его общество. Онъ совсѣмъ живой. Я понимаю, что Донателло, вдунувъ въ него душу, воскликнулъ:—«Маркъ, почему-же ты не говоришь?»

M-me Марме, наскучивъ восхищаться св. Маркомъ и къ тому-же желая избавиться отъ вѣтра, потащила съ собой miss Белль въ улицу Кальцайоли, въ надеждѣ найти тамъ вуалетку.

Онѣ удалились, оставивъ Терезу и Дешартра восхищаться св. Маркомъ и предварительно рѣшивъ встрѣтиться у модистки.

— Я любилъ его, продолжалъ скульпторъ,—любилъ этого св. Марка, потому что чувствовалъ въ немъ болѣе, чѣмъ въ св. Георгіи, руку и душу Донателло, который всю свою жизнь остался простымъ и бѣднымъ работникомъ. Я люблю его теперь еще сильнѣе, потому что онъ своею трогательной наивностью напоминаетъ мнѣ того стараго башмачника, съ которымъ вы такъ тепло разговаривали сегодня утромъ.

— Ахъ, а я даже забыла его имя, сказала Тереза.—Вмѣстѣ съ Шулеттомъ мы называемъ его Квентинъ Матсисъ, такъ какъ онъ очень напоминаетъ стариковъ этого художника.

Огибая уголъ церкви, чтобы посмотрѣть на фасадъ, Тереза вдругъ увидала почтовый ящикъ, но до такой степени пыльный и ржавый, что казалось, будто почтальонъ никогда даже и не подходилъ къ нему. Она опустила письмо какъ разъ передъ цѣломудренными глазами св. Марка.

Но Дешартръ замѣтилъ, и сразу почувствовалъ какъ-бы глухой ударъ въ сердце. Онъ старался говорить, улыбаться, но передъ нимъ то и дѣло рисовалась затянутая въ перчатку ручка, которая бросала въ ящикъ письмо. Онъ вспомнилъ, что еще сегодня утромъ видѣлъ письма Терезы, лежавшія въ передней на серебряномъ блюдѣ. Почему она не присоединила это письмо къ другимъ? Догадаться было не трудно.

И онъ стоялъ задумчивый, неподвижный, ничего не видя передъ собою. Ему захотѣлось успокоить себя: кто знаетъ, можетъ быть это было просто незначительное письмо, которое она хотѣла скрыть отъ слишкомъ назойливаго любопытства m-me Марме?

— M-eur Дешатръ, пора отправляться на Корсо къ модисткѣ и присоединиться къ нашимъ друзьямъ.

«Можетъ быть она писала m-me Шмоль, съ которой m-me Марме была въ ссорѣ?» подумалъ онъ, но сразу почувствовалъ всю глупость подобнаго предположенія.

Въ сущности, все было ясно. У нея былъ любовникъ. Она писала ему и, можетъ быть, говорила ему: «я видѣла сегодня Дешартра—бѣдняга совсѣмъ влюбленъ въ меня». Но такъ или иначе,—у нея все-таки былъ любовникъ. Объ этомъ онъ еще никогда не думалъ. И теперь сознаніе, что она принадлежитъ другому, причиняло ему страшную боль—боль физическую и нравственную. Ему все мерещилась эта маленькая ручка, бросающая письмо, которая доставила ему такое ужасное страданіе.

Она не понимала, почему онъ сдѣлался вдругъ такимъ мрачнымъ и молчаливымъ. Но уловивъ боязливый взглядъ, брошенный имъ на почтовый ящикъ, она сразу сообразила въ чемъ дѣло. Ей показалось страннымъ, что онъ ревнуетъ ее, не имѣя на это права, но она не разсердилась.

Придя на Корсо, они уже издали увидали miss Белль и m-me Марме, выходящихъ изъ моднаго магазина.

Вдругъ Дешартръ сказалъ Терезѣ повелительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ молящимъ голосомъ:

— Мнѣ надо съ вами поговорить. Я хочу видѣть васъ одну. Будьте завтра въ шесть часовъ вечера въ Лунгарно Ачіаоли.

Она ничего не отвѣтила.

XVI.

Когда Тереза въ своемъ кармелитскомъ плащѣ пришла въ половинѣ седьмого на Лунгарно Ачіаоли, Дешартръ встрѣтилъ ее такимъ смиреннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ радостнымъ взглядомъ, который невольно тронулъ ее. Заходящее солнце озаряло краснымъ свѣтомъ воды Арно. Съ минуту они молчали. Въ то время какъ, проходя мимо однообразной линіи дворцовъ, они направлялись къ Ponte Vechio, Тереза заговорила первая:

— Вы видите, я пришла. Мнѣ казалось, что я должна была придти. Я чувствую себя виноватой въ томъ, что произошло. Я сдѣлала все, чтобы вы относились ко мнѣ именно такъ, какъ вы относитесь теперь. Мое поведеніе породило въ васъ надежды, которыхъ у васъ бы не было...

Онъ, казалось, не понималъ. Она продолжала:

— Я была эгоистична и неосторожна. Вы нравились мнѣ. Я полюбила вашъ умъ и уже не могла обойтись безъ васъ. Я сдѣлала все, чтобы привлечь, сохранить васъ для себя. Я кокетничала... положимъ безъ всякаго разсчета... но все-таки кокетничала...

Онъ покачалъ головою, отрицая, что когда-либо замѣчалъ это.

— Да, да, я кокетничала, хотя это и не въ моихъ привычкахъ. Я не говорю, что вы старались воспользоваться моимъ поведеніемъ, хотя имѣли-бы на это право, я не говорю, чтобы вы когда-либо хвастались, нѣтъ, вы не фатъ! Можетъ быть вы даже ничего и не замѣчали. Выдающіеся люди иногда не отличаются тонкостью пониманія. Во всякомъ случаѣ я знаю, что вела себя не такъ, какъ слѣдуетъ — простите меня! Вотъ зачѣмъ я и пришла сюда. Останемся добрыми друзьями, благо время еще не ушло!

Но онъ отвѣтилъ, что любитъ ее. Первыя минуты казались ему очаровательными, легкими. Онъ не чувствовалъ еще потребности постоянно видѣть ее. Но вскорѣ она уже начала волновать и мучить его. Однажды на терассѣ въ Фіезоле эта страсть охватила его внезапно и бурно. И теперь онъ не имѣлъ уже мужества страдать и молчать. Онъ пришелъ сюда безъ всякой опредѣленной цѣли. Если-же онъ говоритъ теперь о своей страсти, то совсѣмъ помимо воли, движимый однимъ только непреодолимымъ желаніемъ говорить съ ней о ней самой. Вѣдь для него въ цѣломъ свѣтѣ существуетъ только она одна!

И потомъ ему казалось, что, принадлежа другъ-другу, они познаютъ такія радости, которыя докажутъ имъ, что жизнь дѣйствительно имѣетъ цѣну. Они станутъ вмѣстѣ и думать, и чувствовать, и понимать. Это будетъ чудесный міръ душевныхъ волненій и идей.

— Мы превратимъ жизнь въ очаровательный садъ!

Она сдѣлала видъ, что вѣритъ въ невинность этихъ мечтаній.

— Вы знаете, что я люблю вашъ умъ и всегда чувствую потребность видѣть и слушать васъ. Впрочемъ, я не скрывала этого. Разсчитывайте на мою дружбу и не мучьтесь больше.

Она протянула ему руку. Но онъ не взялъ ее и грубо отвѣтилъ:

— Я не хочу вашей дружбы, не хочу! Я хочу или обладать вами или совсѣмъ не видѣть васъ! Вы это знаете. Зачѣмъ же вы протягиваете мнѣ руку съ такими ненужными словами? Вотъ именно теперь вы говорите, какъ кокетка! Если вы не можете меня любить, то дайте мнѣ уйти. Я убѣгу куда-нибудь, чтобы позабыть, чтобы возненавидѣть васъ! Я чувствую, какъ въ душѣ моей накипаетъ безумная ненависть и злоба. О, я люблю, я люблю васъ!

Она повѣрила его словамъ и боялась, что онъ уйдетъ. Жизнь безъ него показалась ей вдругъ ужасной и невозможной. Она сказала:

— Я не хочу терять васъ, не хочу!

Застѣнчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ страстно, онъ бормоталъ какія-то непонятныя слова. Съ отдаленныхъ горъ спускались уже сумерки, и послѣдніе отблески заходящаго солнца потухали на вершинѣ Санъ-Миніатскаго холма. Она прибавила:

— Если-бы вы знали мою жизнь, если-бы вы знали, какъ пуста, какъ безсодержательна она была безъ васъ, вы поняли-бы, что̀ вы для меня составляете и не захотѣли-бы бѣжать...

Но его раздражало и спокойствіе ея голоса, и даже мѣрный шумъ ея шаговъ по каменнымъ плитамъ тротуара. Онъ говорилъ ей о своей страсти, о безумной жаждѣ обладанія, о мукахъ вѣчно гнетущей мысли, говорилъ, какъ всегда, въ каждую минуту дня и ночи онъ повсюду видитъ ее, зоветъ и протягиваетъ къ ней руки. Да, онъ позналъ ее теперь, эту страшную болѣзнь.

Она нѣжно посмотрѣла на него, но ничего не отвѣтила. Въ эту самую минуту, среди надвигающейся ночи, промелькнулъ издали свѣтъ и послышалось заунывное пѣнье. Вслѣдъ за этимъ, точно привидѣнія, гонимыя вѣтромъ, показалась цѣлая вереница кающихся братьевъ. Передъ ними несли распятіе. Это были братья Милосердія, съ закрытыми лицами, которые, держа въ рукахъ факелы и распѣвая псалмы, несли на кладбище покойника. Согласно итальянскимъ обычаямъ, кортежъ шелъ быстрымъ шагомъ. Жакъ и Тереза прижались къ стѣнѣ, чтобы пропустить эту похоронную процессію—всѣхъ этихъ священниковъ, мальчиковъ, братьевъ съ завѣшанными лицами и среди нихъ самую Смерть, которой вообще не считаютъ нужнымъ поклоняться на нашей чувственной планетѣ.

Процессія скрылась. Женщины плакали, слѣдуя за гробомъ, несомымъ черными привидѣніями въ грубыхъ, обитыхъ желѣзомъ сапогахъ.

Тереза вздохнула:

— Что мы заслужимъ за всѣ наши земныя страданія?

Казалось, онъ даже и не разслышалъ ее—и заговорилъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Прежде чѣмъ познакомиться съ вами, я не считалъ себя несчастнымъ. Я любилъ жизнь, наслаждался формою, самой душой формы. Я радовался, что могъ видѣть и мечтать. Я наслаждался всѣмъ и ничему не подчинялся. Мои желанія, многочисленныя, но не глубокія, увлекали меня, не производя никакого утомленія. Я интересовался всѣмъ и ничего не желалъ. Вѣдь только воля порождаетъ страданія — я теперь убѣдился въ этомъ. Моя-же воля не отличалась мрачностью. Самъ того не подозрѣвая, я былъ счастливъ. О, это, конечно, не много, ровно столько, чтобы жить, но теперь у меня даже и этого нѣтъ. Мои удовольствія, интересъ, съ которымъ я относился къ явленіямъ жизни и искусства, горячее желаніе создать своими руками нѣчто идеальное—все это вы отняли у меня, не оставивъ мнѣ даже сожалѣнія. Я не хотѣлъ-бы больше ни прежней свободы, ни прежняго спокойствія. Мнѣ кажется, что до васъ я совсѣмъ не существовалъ. А теперь, когда я чувствую, что живу — я не могу жить ни вдалекѣ отъ васъ, ни подлѣ васъ. Я гораздо несчастнѣе тѣхъ нищихъ, которыхъ мы видѣли на дорогѣ Эма. Тѣ по крайней мѣрѣ могутъ дышать—я-же дышу только вами и... не имѣю васъ. А всетаки я счастливъ, что встрѣтился съ вами. Одно только это имѣетъ теперь значеніе во всей моей жизни. Минуту тому назадъ я воображалъ, что ненавижу васъ. Я ошибался. Я васъ обожаю и благословляю за все то зло, которое вы мнѣ причинили. Я люблю все, что исходитъ отъ васъ.

Они подходили къ деревьямъ, возвышавшимся у самаго моста Санъ-Никкола. Видя его такимъ спокойнымъ и мягкимъ, она подумала, что его любовь, создавшаяся только въ его воображеніи, отлетала вмѣстѣ со словами и что всѣ его страстныя желанія испарялись въ однѣхъ только мечтахъ. Она не ожидала такого скораго отреченія и почувствовала даже легкое неудовольствіе при мысли, что избѣжитъ опасности, которой боялась.

Она протянула ему руку гораздо самоувѣреннее, чѣмъ въ первый разъ.

— Ну, будемъ друзьями. Теперь поздно. Повернемъ назадъ, вы проводите меня до экипажа, который я оставила на площади Сеньоріи. Я останусь для васъ тѣмъ, чѣмъ была прежде—то есть добрымъ другомъ. Я не сержусь на васъ.

Но онъ увлекалъ ее по направленію къ деревнѣ, въ глубь все болѣе увеличивающейся тишины берега.

— Нѣтъ, я не пущу васъ до тѣхъ поръ, пока не скажу того, что хотѣлъ сказать. Но я не могу говорить, не нахожу словъ... Я

васъ люблю и хочу обладать вами. Я долженъ знать, что вы принадлежите мнѣ. Клянусь, что не проведу больше ночи среди этихъ ужасныхъ сомнѣній!

Онъ схватилъ ее и сжалъ въ своихъ объятіяхъ, и съ лицомъ, близко наклоненнымъ къ ея лицу, слѣдя за взглядомъ ея глазъ, блестѣвшихъ изъ подъ темной вуалетки, проговорилъ:

— Вы должны любить меня. Я этого хочу, вѣдь вы сами этого хотѣли. Скажите, что вы моя! Скажите!

Мягко освободившись изъ его объятій, она отвѣтила тихимъ и слабымъ голосомъ:

— Я не могу, я не могу. Вы видите, я дѣйствую съ вами совершенно открыто. Я говорила уже вамъ, что не сержусь на васъ. Но я не могу сдѣлать того, что вы хотите.

И, вспомнивъ объ отсутствующемъ, который ждалъ ее, она повторила:

— Я не могу.

Наклонившись надъ нею, онъ боязливо глядѣлъ въ ея глаза.

— Почему? Вы любите меня, я это чувствую, я это вижу. Почему-же вы не хотите быть моею?

Онъ притянулъ ее къ себѣ на грудь, желая въ поцѣлуѣ отдать ей всю свою душу. Но на этотъ разъ она быстро высвободилась изъ его рукъ и сказала:

— Я не могу... Не спрашивайте меня больше. Я не могу принадлежать вамъ.

Губы его задрожали, по лицу пробѣжала судорога. Онъ воскликнулъ:

— У васъ есть любовникъ, и вы его любите. Зачѣмъ-же вы смѣялись надо мною?

— Клянусь, я не хотѣла смѣяться надъ вами, и если-бы полюбила кого-нибудь, то, конечно, васъ.

Но онъ уже не слушалъ ее.

— Оставьте меня, оставьте!

И онъ побѣжалъ по направленію къ деревнѣ. Арно, разлившись теперь по берегу, образовала на землѣ маленькія озера, въ которыхъ зашедшая за облака луна отражала свои матово-блѣдные лучи... Ничего не замѣчая, съ какой-то ужасной быстротой онъ шелъ по лужамъ грязи и воды.

Она испугалась, закричала и стала звать его. Но онъ не поворачивалъ головы и не отвѣчалъ, а все бѣжалъ съ какимъ-то ужасающимъ спокойствіемъ. Она побѣжала за нимъ. Спотыкаясь о камни, съ промокшимъ платьемъ, она, наконецъ, настигла его и притянула къ себѣ.

— Что вы хотѣли дѣлать?

Тогда, взглянувъ на нее и замѣтивъ въ ея глазахъ страхъ, онъ сказалъ:

— Не бойтесь. Я шелъ не зная куда. Увѣряю васъ, что я не искалъ смерти. О, будьте спокойны. Я глубоко несчастенъ, но спокоенъ. Я бѣжалъ отъ васъ—простите меня! Но я не могъ, не могъ васъ больше видѣть. Оставьте меня, умоляю васъ! Прощайте!

Она отвѣтила, взволнованная и ослабѣвшая:

— Пойдемте! Я сдѣлаю, что могу.

Но онъ былъ мраченъ и не говорилъ.

Она повторила:

— Пойдемте-же!—и взяла его подъ руку.

Живительная теплота этой руки отрезвила его. Онъ сказалъ:

— Вы согласны?

— Я не хочу терять васъ!

— Итакъ, вы обѣщаете?

— Если это нужно...

Несмотря на страхъ и безпокойство, она невольно улыбнулась, при мысли, что порывъ его сумасшествія такъ скоро доставилъ ему побѣду.

Онъ сказалъ ей:

— До завтра.

Ее охватилъ страхъ, она быстро отвѣтила:

— Ахъ, нѣтъ, не завтра!

— Вы меня не любите и уже сожалѣете, что обѣщали!

— Нѣтъ, не сожалѣю, но...

Онъ сталъ настаивать, умолять. Съ минуту она глядѣла на него, потомъ повернула голову, подумала и тихо сказала:

— Въ субботу.

XVII.

Послѣ обѣда миссъ Белль рисовала въ гостиной. Она чертила на канвѣ профили бородатыхъ этрусковъ для подушки, которую должна была вышивать m-me Марме. Князь Альбертинелли выбиралъ шерсти съ чисто женскимъ пониманіемъ оттѣнковъ. Было уже довольно поздно, когда Шулетъ, игравшій по обыкновенію въ бриско̀лу съ поваромъ въ какомъ-то кабакѣ, явился веселый и радостный, полный божественнаго огня. Онъ сѣлъ на диванъ подлѣ m-me Мартенъ и съ нѣжностью смотрѣлъ на нее. Его зеленые глаза свѣтились сладострастіемъ, которымъ онъ, такъ сказать, окутывалъ ее, разражаясь самыми поэтическими и выразительными похвалами. Это было нѣчто въ родѣ эскиза любовной пѣсни, которую онъ импровизировалъ въ честь ея. Въ оригинальныхъ, краткихъ и мѣткихъ выраженіяхъ, онъ воспѣвалъ ея прелесть и очарованіе.

Она подумала:

— Какъ, и онъ тоже?

И сейчасъ-же принялась дразнить его. Она спросила, ужъ не нашелъ-ли онъ гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ Флоренціи одну изъ тѣхъ особъ, къ которымъ онъ всегда такъ любилъ обращаться. Кто-же не былъ знакомъ съ его вкусами? Несмотря на его протесты, всякій зналъ, у какой двери онъ нашелъ ленту своего ордена. Его друзья не разъ встрѣчали его на бульварѣ Сенъ-Мишель въ обществѣ барышенъ извѣстнаго рода. Склонность его къ этимъ несчастнымъ существамъ проявлялась во всѣхъ его лучшихъ поэмахъ.

— О, m-eur Шулетъ, насколько я могу судить, ваши протеже очень плохи!

Онъ отвѣтилъ торжественно:

— Сударыня, вы можете собрать въ одно цѣлое всѣ клеветы, распространяемыя обо мнѣ Полемъ Вансомъ, и бросить ихъ мнѣ въ лицо. Я не стану защищаться. Вамъ вовсе не нужно знать, что я отличаюсь цѣломудріемъ и обладаю чистой душой. Но не судите съ легкостью тѣхъ, которыхъ вы называете «несчастными существами» и которыя должны быть для всѣхъ священны, именно потому, что онѣ несчастны. Падшая женщина—это послушная глина въ рукахъ божественнаго горшечника; это жертва искупленія, алтарь всесожженія. Проститутки ближе къ Богу, чѣмъ порядочныя женщины, потому что онѣ отрѣшились отъ высокомѣрія и гордости. Онѣ обладаютъ тѣмъ смиреніемъ, которое является краеугольнымъ камнемъ всѣхъ добродѣтелей, угодныхъ небу. Имъ понадобится только краткое покаяніе, чтобы быть первыми, такъ-какъ всѣ ихъ грѣхи, совершенные безъ злобы и радости, носятъ въ самихъ себѣ источникъ искупленія и прощенія. Знакомыя только съ животной страстью, онѣ отказались отъ всякаго наслажденія и этимъ самымъ напоминаютъ тѣхъ людей, которые сдѣлались евнухами въ виду Царства Божьяго. Онѣ также грѣшны, какъ и мы, но страданье очищаетъ ихъ, подобно горящему углю. Вотъ почему Богъ увидитъ ихъ молящій взглядъ. Имъ приготовленъ тронъ по правую сторону Небеснаго Отца. Въ Царствѣ Божіемъ королевы и императрицы почтутъ за счастіе сидѣть у ногъ этихъ бродягъ. Ибо не думайте, чтобы небесное жилище было построено по плану земного.

Впрочемъ, онъ согласился, что существуетъ не мало путей, ведущихъ насъ къ блаженству. Можно избрать путеводительницей и любовь.

— Положимъ любовь человѣческая очень низменна, но идя иногда тернистымъ путемъ, она возвышается и приводитъ насъ къ Богу.

Князь всталъ и, поцѣловавъ руку miss Белль, сказалъ:

— До субботы.

— Да, до послѣ завтра, т.-е. до субботы,—отвѣтила Вивіанъ.

Тереза вздрогнула. Суббота! Они говорили о субботѣ, какъ объ

обыденномъ днѣ. До сихъ поръ она не хотѣла думать, что этотъ день настанетъ такъ скоро и такъ естественно.

Прошло уже полчаса, какъ всѣ разошлись. Взволнованная и усталая Тереза лежала въ постели и думала, какъ вдругъ кто-то постучался въ дверь и вслѣдъ за этимъ показалась маленькая головка Вивіанъ.

— Я вамъ не мѣшаю, darling? Вы не хотите еще спать?

Но «darling» спать еще не хотѣла. Она оперлась на локоть, а Вивіанъ сѣла на кровать и, благодаря своей воздушности, даже не примяла ее.

— Darling, я знаю, что вы очень умная женщина. Я это знаю и потому пришла къ вамъ за совѣтомъ.

Нѣсколько смущенная и удивленная, Тереза принялась отрицать въ себѣ это качество и отрицала съ полной искренностью. Но Вивіанъ не слушала ее.

— Я много читала Франсуа Рабелэ, my love, я даже выучилась по-французски, благодаря ему и Виллону. Но я знаю, что француженки не читаютъ Пантагрюэля. Вы его тоже не знаете? Нѣтъ? О, это совсѣмъ не нужно! Въ Пантагрюэлѣ Панургъ спрашиваетъ, долженъ-ли онъ жениться и возбуждать этимъ всеобщія насмѣшки. Я такъ-же смѣшна, какъ и онъ, потому что обращаюсь къ вамъ съ такимъ-же вопросомъ.

Тереза отвѣтила съ замѣтной неловкостью, которую она не старалась скрыть:

— О, дорогая, не спрашивайте меня объ этомъ. Я уже вамъ сказала свое мнѣніе.

— Darling, вы говорили только, что мужчины поступаютъ очень глупо, когда женятся. Но вѣдь это не можете относиться ко мнѣ!

Графиня Мартенъ посмотрѣла на маленькую головку мисъ Белль, очень напоминавшую голову мальчика.

Она поцѣловала ее и сказала:

— На свѣтѣ нѣтъ такого чуднаго и деликатнаго человѣка, который стоилъ бы васъ.

И потомъ прибавила съ выраженіемъ дружеской ласки:

— Вы уже больше не ребенокъ. Если васъ полюбятъ и вы сами полюбите кого-нибудь, то поступайте, какъ вы найдете нужнымъ, не примѣшивая къ любви ни разсчетовъ, ни комбинацій, которые не имѣютъ ничего общаго съ этимъ чувствомъ. Вотъ вамъ совѣтъ друга.

Miss Белль какъ будто сразу не поняла. Потомъ покраснѣла и встала со своего мѣста. Она была шокирована.

XVIII.

Въ субботу, ровно въ четыре часа, Тереза пришла, какъ обѣщала, къ воротамъ англійскаго кладбища. Она нашла Дешартра у рѣшетки. Онъ былъ серьезенъ, взволнованъ и почти не говорилъ. Она была довольна, что онъ не выражаетъ ей своей радости. Онъ повелъ ее вдоль стѣнъ, пустынныхъ садовъ, вплоть до узкой улицы, которую она не знала. Она прочитала надпись: «Via Alfieri». Сдѣлавъ шаговъ пятьдесятъ, онъ остановился передъ темной аллей:

— Вотъ тамъ, сказалъ онъ.

Тереза посмотрѣла на него съ безконечной тоской.

— Вы хотите, чтобы я взошла?

Она замѣтила его рѣшительный видъ и, не говоря ни слова, послѣдовала за нимъ въ темную аллею. Онъ прошелъ черезъ дворъ, гдѣ между камней пробивалась трава. Въ самомъ концѣ возвышался павильонъ съ тремя окнами, колоннами и фронтономъ, украшеннымъ козами и нимфами. Поднявшись на поросшее мохомъ крыльцо, онъ вставилъ въ замокъ ключъ, который скрипѣлъ и не входилъ въ скважину. Онъ прошепталъ:

— Онъ заржавленъ.

Она отвѣтила машинально:

— Здѣсь всѣ ключи покрыты ржавчиной.

Они поднялись по лѣстницѣ, до такой степени спокойной подъ своимъ греческимъ навѣсомъ, что казалось, будто она давно позабыла звукъ человѣческихъ шаговъ. Онъ отворилъ дверь и ввелъ Терезу въ комнату. Даже не осмотрѣвшись, она прямо подошла къ открытому окну, которое выходило на кладбище. Надъ стѣнами возвышались верхушки сосенъ, которыя не казались мрачными въ этой странѣ, гдѣ самая смерть сливается съ радостью; гдѣ сладость жизни распространяется даже на траву, растущую на могилахъ. Онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ креслу. Она стояла и оглядывала комнату, приготовленную для нея такъ, чтобы она не чувствовала себѣ здѣсь чужой.

Онъ закрылъ окно и зажегъ свѣчи. Тереза сѣла въ кресло, а онъ, ставъ на колѣни и цѣлуя ея руки, смотрѣлъ на нее съ какимъ то боязливымъ и гордымъ восхищеніемъ. Потомъ, простершись на полу, онъ прижался губами къ кончику ея ботинки.

— Что вы дѣлаете?

— Цѣлую ваши ноги, которыя пришли ко мнѣ.

Онъ поднялся, привлекъ ее къ себѣ и, найдя ея губы, впился въ нихъ долгимъ поцѣлуемъ. Она не шевелилась, голова ея запрокинулась

назадъ, вѣки сомкнулись. Ея шапочка свалилась на полъ, волоса распустились, и она отдалась ему, не защищаясь...

Спустя два часа, когда заходящее солнце бросало уже свои безконечно длинныя тѣни на камни мостовой, Тереза, пожелавшая вернуться одна, очутилась, сама не зная какъ, передъ двумя обелисками Santa Maria Novella. Она увидала на углу площади стараго башмачника, который попрежнему точалъ сапоги съ воробьемъ на плечѣ. Онъ спокойно улыбался.

Она взошла въ лавченку, сѣла на скамейку и сказала ему по-французски:

— Квинтинъ Матсисъ, что я сдѣлала и что со мной теперь будетъ?

Ничего не понимая и ни о чемъ не безпокоясь, онъ посмотрѣлъ на нее со своей обычной добротой. Онъ ничѣмъ ужъ больше не удивлялся. Она покачала головой.

— Я это сдѣлала, мой добрый Квентинъ, потому что онъ очень страдалъ, а я люблю его. Я ни о чемъ не сожалѣю.

По обыкновенію онъ отвѣтилъ ей своимъ пѣвучимъ «да».

— Si, si!

— Вѣдь, неправда-ли, Квентинъ, я не поступила дурно? Но, Боже мой, что теперь будетъ?

Она собиралась уходить. Онъ сдѣлалъ ей знакъ подождать, сорвалъ вѣтку бальзамина и подалъ ее Терезѣ.

— Для запаха, сеньора!

XIX.

Это было на другой день.

Заботливо положивъ на столъ свою узловатую палку, трубку и ковровый мѣшокъ, Шулеттъ поклонился m-me Мартенъ, которая читала у окна. Онъ отправлялся въ Ассизи и для этой цѣли нарядился въ куртку изъ козловой кожи, напоминая въ этомъ костюмѣ старыхъ пастуховъ.

— Прощайте, сударыня. Я оставляю Фіезоле, васъ, Дешартра, слишкомъ ужъ красиваго князя Альбертинелли и эту миленькую людоѣдку—miss Белль. Я хочу посѣтить гору Ассизи, которую, по словамъ поэта, нужно называть теперь не Ассизи, а востокомъ, потому что тамъ именно взошло солнце любви. Я преклоню колѣна передъ пещерой, гдѣ почиваетъ св. Францискъ, совершенно нагой на своемъ каменномъ ложѣ и съ такимъ-же камнемъ вмѣсто подушки. Онъ не хотѣлъ взять даже савана изъ этого міра, которому открылъ источникъ всѣхъ радостей и добродѣтелей.

— Прощайте, m-eur Шулетъ. Привезите мнѣ изображеніе св. Клары—я ее очень люблю.

— И вы совершенно правы. Это была женщина сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожная. Когда св. Францискъ, больной и почти слѣпой, пришелъ въ Сенъ-Дамьенъ, чтобы повидаться съ ней, св. Клара собственноручно выстроила ему хижину въ саду. Онъ былъ очень доволенъ. Болѣзненная слабость и сильное воспаленіе вѣкъ мѣшали ему спать. Цѣлое полчище огромныхъ крысъ напало на него ночью. Тогда онъ сочинилъ кантикъ, полный радости и веселья въ честь нашего чуднаго брата—солнца, и нашей сестры—воды—вещь цѣломудренную, полезную и чистую. Мои лучшіе стихи, даже «Огороженный Садъ», не имѣютъ столько прелести и столько естественной красоты. И это вполнѣ справедливо, такъ какъ душа св. Франциска гораздо возвышеннѣе моей. Я лучше, чѣмъ всѣ мои современники, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, и тѣмъ не менѣе ровно ничего не стою. Когда св. Францискъ сочинилъ свою пѣснь къ солнцу, онъ почувствовалъ себя очень счастливымъ и подумалъ: Теперь я и мои собратья отправимся по городамъ и съ лютней въ рукахъ будемъ останавливаться въ день базара на всѣхъ многолюдныхъ мѣстахъ. Къ намъ станутъ подходить добрые люди, а мы имъ скажемъ: «мы жонглеры Господа Бога, а потому споемъ вамъ пѣсню. Если она вамъ понравится, вы дадите намъ вознагражденіе». Они согласятся. Мы пропоемъ и тогда напомнимъ имъ объ обѣщаніи, сказавъ: «теперь вы должны вознаградить насъ, мы же просимъ только объ одномъ: любите другъ друга».

M-me Мартенъ нашла, что св. Францискъ самый милый изъ святыхъ.

— Всѣ его труды,—продолжалъ Шулетъ,—были уничтожены еще при его жизни. Тѣмъ не менѣе онъ былъ счастливъ, потому что носилъ въ самомъ себѣ источникъ радости и смиренія. Дѣйствительно, это былъ пѣвецъ самого Господа Бога, но онъ сознавалъ, что придетъ какой-нибудь другой бѣдный поэтъ, который возьметъ на себя его миссію и станетъ учить міръ истинной религіи и истинному наслажденію. И такимъ поэтомъ буду я, если только съумѣю совлечь маску съ разума и тщеславія, такъ какъ нравственная красота возникаетъ въ этомъ мірѣ только въ силу той непонятной мудрости, которая исходитъ отъ Бога и напоминаетъ безуміе.

— Я не стану возражать вамъ, m-eur Шулетъ, но сознаюсь, что нѣсколько безпокоюсь о печальной судьбѣ женщинъ въ вашемъ обществѣ. Вѣдь вы ихъ всѣхъ затворите по монастырямъ?

— Признаюсь, онѣ мнѣ очень мѣшаютъ въ моихъ планахъ о будущемъ преобразованіи общества. Страсть, которую онѣ возбуждаютъ—вредна и дурна. Наслажденія, которое они намъ даютъ, порождаетъ

безпокойство и не приводитъ къ счастію. Я совершилъ для нихъ въ моей жизни два или три страшныхъ преступленія, о которыхъ никто ничего не знаетъ. Сомнѣваюсь, сударыня, чтобы я когда-либо пригласилъ васъ въ мою новую Sainte Marie des Anges!

Онъ взялъ со стола свою трубку, ковровый мѣшокъ и свою палку съ ручкой, изображающей человѣческую голову.

— Грѣхи, содѣянные подъ вліяніемъ любви, будутъ подлежать прощенію, ибо только тотъ, кто любитъ, не дѣлаетъ ничего дурного. Но любовь чувственная заключаетъ въ себѣ столько же эгоизма и злобы, сколько и любви. Однажды вечеромъ я былъ охваченъ самыми бурными мечтами только потому, что нашелъ васъ прекрасной, когда вы сидѣли на этомъ диванѣ. Я возвращался тогда изъ кабака, гдѣ слушалъ, какъ поваръ miss Белль прекрасно импровизировалъ тысяча двѣсти стиховъ въ честь весны. Я былъ переполненъ небесной радостью, которую вы отъ меня отняли. Поистинѣ нужно думать, что въ проклятіи Евы заключалась какая-нибудь глубокая истина, такъ какъ подлѣ васъ я сдѣлался сразу мраченъ и гадокъ. На мои уста напрашивались нѣжныя слова, но они говорили неправду. Въ душѣ моей я былъ вашимъ врагомъ и противникомъ—я васъ ненавидѣлъ. А когда вы улыбнулись, я просто хотѣлъ васъ убить!

— Неужели?

— О, это вполнѣ естественное чувство, которое вы должны были внушать не разъ. Обыкновенные люди ощущаютъ его безсознательно, между тѣмъ какъ я, при моемъ живомъ воображеніи, представляю его себѣ всечасно. Я созерцаю свою душу, иногда возвышенную, но часто возмутительную. Если бы вы видѣли ее въ тотъ вечеръ, то навѣрное закричали бы отъ ужаса.

Тереза улыбнулась:

— Прощайте, m-eur Шулетъ, не забудьте привезти мнѣ изображеніе Св. Клары.

Онъ поставилъ свой мѣшокъ на полъ и, поднявъ палецъ, какъ-бы указывая и поучая, сказалъ:

— Я для васъ не опасенъ, но зато тотъ, который васъ полюбитъ и котораго вы тоже полюбите, причинитъ вамъ много горя! Прощайте!

Онъ взялъ свои вещи и вышелъ. Она видѣла, какъ его длинная фигура исчезла за ракитами сада.

Въ серединѣ дня она отправилась въ Санъ-Марко, гдѣ Дешартръ ожидалъ ее. Она хотѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась увидѣть его такъ скоро. Она ощущала страхъ, который, впрочемъ, умѣрялся какимъ-то сладкимъ, незнакомымъ ей чувствомъ. Она не испытывала больше того удивленія, которое охватило ее, когда она въ первый разъ отдалась по

любви. Она волновалась, безпокоилась, но не ощущала ни стыда, ни сожалѣнія. Она дѣйствовала не въ силу своей личной воли, а скорѣе, въ силу какого-то внутренняго велѣнія, которое казалось ей хорошимъ. Она оправдывала себя въ виду своего полнаго безкорыстія и ни на что не надѣялась, такъ какъ ни на что не разсчитывала. Конечно, она поступила нехорошо, отдаваясь человѣку, не будучи свободна, но зато она ничего и не требовала. Быть можетъ, съ его стороны эта любовь, страстная и искренняя, была лишь фантазіей?.. Если-бы онъ ушелъ отъ нея, исчезлъ сразу, она не стала-бы упрекать, не стала-бы сердиться на него. Кто знаетъ, можетъ быть онъ не былъ даже способенъ къ какой-нибудь болѣе серьезной привязанности? Она думала, что онъ любитъ ее, и онъ дѣйствительно любилъ ее въ тотъ часъ. Она не смѣла требовать большаго, такъ какъ неловкость и фальшь ея положенія унижала ея самолюбіе и правдивость и вмѣстѣ съ тѣмъ омрачала ясность ума.

Дешартръ протянулъ руку и помогъ ей выйти изъ экипажа. Прежде, чѣмъ онъ заговорилъ, она замѣтила по его взгляду, что онъ любитъ ее и жаждетъ обладать ею, и тутъ-же почувствовала, что она хотѣла видѣть его именно такимъ.

— Вы! воскликнулъ онъ,—вы... ты!.. Я здѣсь уже съ двѣнадцати часовъ жду васъ, хотя зналъ, что вы не придете сюда такъ рано. Но я могу жить только въ томъ мѣстѣ, гдѣ надѣюсь увидѣть васъ. Это вы!.. Скажите слово, чтобы я чувствовалъ и слышалъ васъ!..

— Значитъ, вы любите меня?

— Вотъ именно теперь я и люблю тебя... Я думалъ, что любилъ васъ, когда вы были еще мечтой, въ которой воплощались мои страстныя желанія. Теперь ты—плоть, куда я вдунулъ свою душу! Неужели правда, что вы моя? Что я сдѣлалъ, чтобы получить такое огромное счастіе, единственное, существующее для меня на свѣтѣ? И всѣ эти люди, населяющія землю, воображаютъ, что живутъ! Я—я одинъ живу! Скажи, что я сдѣлалъ, чтобы получить тебя?

— Все, что требовалось для этого, сдѣлано мною. Я откровенно сознаюсь въ этомъ—во всемъ виновата я одна. Видите ли, мы рѣдко сознаемся, но во всѣхъ такихъ случаяхъ вина лежитъ только на женщинѣ. Поэтому я никогда не стану дѣлать вамъ упрековъ.

Ихъ окружила цѣлая толпа проворныхъ и крикливыхъ нищихъ, проводниковъ, факторовъ, назойливость которыхъ не лишена была, однако, извѣстной граціи, присущей всѣмъ легкомысленнымъ итальянцамъ. Съ обычной зоркостью, они тотчасъ-же признали въ нихъ влюбленныхъ, которые вообще отличаются очень большою расточительностью. Дешартръ бросилъ имъ нѣсколько серебрянныхъ монетъ, послѣ чего они сейчасъ-же вернулись къ своему счастливому бездѣйствію.

Муниципальный сторожъ встрѣтилъ посѣтителей. M-me Мартенъ сожалѣла, что вмѣсто него не увидала монаха. Бѣлое одѣяніе доминиканца казалось такимъ красивымъ подъ сводами монастыря.

Они осмотрѣли кельи, гдѣ Фра Анджелико вмѣстѣ со своимъ братомъ Бенедетто писалъ на известковыхъ стѣнахъ для своихъ собратьевъ-монаховъ картины самаго невиннаго содержанія. Они посѣтили также келью, которую блаженный Анджелико сплошь украсилъ своими произведеніями, и тамъ передъ Мадонной, получающей отъ Бога-Отца подъ свѣтло-голубымъ небомъ вѣнокъ безсмертія, Дешартръ схватилъ Терезу въ свои объятія и поцѣловалъ ее въ губы чуть-ли ни на глазахъ двухъ англичанъ, которые съ бедекеромъ въ рукахъ шествовали по корридорамъ.

Она сказала ему:

— Мы чуть ни пропустили келью св. Антонина.

— Тереза, я страдаю, несмотря на свое счастіе, при мысли, что я не знаю многаго, касающагося васъ. Я страдаю, что вы не живете только для меня, я хотѣлъ-бы всецѣло обладать вами, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ.

Она сдѣлала движеніе плечомъ.

— О, прошедшее!

— Да, прошедшее! Вѣдь это единственная дѣйствительность нашей жизни!

Она подняла на него свои глаза, зрачки которыхъ походили на небеса, гдѣ попеременно бываетъ то солнце, то дождь.

— Скажу вамъ лишь одно: я чувствую, что живу только съ вами.

Возвратившись въ Фіезоле, она нашла у себя лаконическое, но угрожающее письмо отъ Ле-Мениля. Онъ не понималъ причины ея долгаго отсутствія и молчанія и угрожалъ, что если она не напишетъ ему о скоромъ возвращеніи, то пріѣдетъ за ней.

Она прочитала письмо, нисколько не удивленная, но совершенно подавленная при мысли, что случилось все то, что должно было случиться, и что ей не избѣжать того, чего она боялась. Положимъ, она могла успокоить его. Для этого ей стоило только сказать, что она любитъ его, что скоро возвратится въ Парижъ, что онъ долженъ отказаться отъ сумасшедшей мысли пріѣхать къ ней, такъ-какъ во Флоренціи ихъ сейчасъ-же замѣтятъ. Но въ такомъ случаѣ нужно было написать: «я люблю тебя»; нужно было обмануть его ласковыми словами, а этого она сдѣлать не могла. Она только весьма отдаленно намекнула ему объ истинной причинѣ, обвиняла себя въ самыхъ туманныхъ выраженіяхъ, очень неясно говорила о душахъ, унесенныхъ водоворотомъ жизни и о ничтожествѣ человѣка въ вѣчно движущемся океанѣ

событій. Она съ искренней грустью просила его сохранить о ней добрую память въ какомъ-нибудь маленькомъ уголкѣ его души.

Она понесла письмо на почту, на площадь Фіезоле. Среди сумерекъ дѣти играли въ мельницу. Съ вершины холма она глядѣла на изящную лощину, въ серединѣ которой, подобно какой-нибудь драгоцѣнности, помѣщается красавица Флоренція. Необычайное спокойствіе этого вечера заставило ее вздрогнуть. Она бросила письмо въ ящикъ и тутъ только вполнѣ ясно поняла, что она сдѣлала и что послѣдуетъ за этимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тоска.

Разсказъ.

I.

— Никто не приходилъ?—безпокойно спросила Фаня, какъ только старая кухарка открыла ей дверь. Всякій разъ, когда ей нужно было идти къ заказчикамъ, ее мучила мысль, что Александръ Львовичъ придетъ въ ея отсутствіе и, конечно, не станетъ ея дожидаться.

— Посыльный приходилъ. На столѣ у васъ письмо положено,—неохотно отвѣчала старуха.

Не снимая пальто и шапочки, Фаня прошла въ свою комнату, бросила тяжелый пакетъ съ полотномъ на стулъ и стала въ потьмахъ торопливо нащупывать письмо. По формѣ конверта она уже знала, что это то письмо, котораго она ждала. Она отыскала коробку спичекъ и, чтобы не возиться съ лампой, зажгла маленькій оплывшій огарокъ, прилипшій къ стулу у ея постели. Руки съ трепетомъ распечатывали письмо: ей всегда казалось, что она предчувствуетъ что-то особенное. Пламя огарка колебалось и по запискѣ, которую она держала, пригибаясь къ свѣту,—пробѣгали тѣни. Всего страничка, какъ всегда:

«Дорогая Фаня, не огорчайся тѣмъ, что я долженъ сообщить тебѣ,—писалъ Александръ Львовичъ.—Здоровье мое изъ рукъ вонъ плохо, и я рѣшился, по совѣту доктора, провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Крыму у знакомыхъ. Ѣду сегодня же, чтобы не терять времени, и очень горюю, что не удалось повидаться съ тобою, приласкать на прощанье твоего мопсика и поцѣловать тебя въ голову. Будь умницей, не волнуйся и не омрачай своихъ глазъ ненужными слезами. Вѣдь мы друзья навѣки. Пространство ничего не значитъ. Я буду тебѣ писать, а къ лѣту вернусь молодцомъ. И такъ жму твою руку, кланяюсь твоему мопсику и не кланяюсь твоему придирчивому брату. Твой А. Шнейдеръ».

Фаня едва дочитала записку. Кровь бросилась ей въ голову, и въ глазахъ зарябило. Она опустилась на постель, хотѣла прочесть еще разъ, но сердце остановилось въ груди, какъ кусокъ дерева, и руки похолодѣли. Она не сразу представила себѣ, что онъ дѣйствительно уѣзжаетъ, сегодня же, надолго. Ее поразила самая записка, натянутая, какъ будто даже не совсѣмъ правдивая. Горюетъ, что не удалось проститься... Эти слова рѣзали ея душу. Ей казалось, что онъ напряженно улыбался, однимъ угломъ рта, когда писалъ эти слова, какъ всегда улыбался, стараясь сказать ей что-нибудь утѣшительное, особенно пріятное. Поцѣловать ее въ голову...—Ахъ, зачѣмъ онъ это! Вѣдь только потому, что уѣзжаетъ, не простившись, вѣдь только на словахъ. Къ кому онъ ѣдетъ?—вдругъ мелькнуло у нея въ головѣ. Никогда онъ не говорилъ ей о знакомыхъ въ Крыму. Здоровье плохо?.. Нарочно уѣзжаетъ, не простившись, чтобы не видѣть ея горя. Но вѣдь такъ еще тяжелѣе, такъ невозможно! Можетъ быть, уже уѣхалъ... Она уронила руки на край постели.

Маленькій мопсикъ, приставшій къ ней осенью на улицѣ, съ визгомъ вертѣлся у ея ногъ, ожидая привычной ласки, подпрыгивалъ, царапался передними лапками объ его колѣни. Фаня наклонилась къ нему и провела рукою по его круглой головѣ, но торопливо, разсѣянно. Она соображала. Поѣздъ на Москву вечерній. Можетъ быть, еще не уѣхалъ. Можно захватить его на вокзалѣ. И она обрадовалась такъ, какъ если бы можно было совсѣмъ удержать его, не разставаться.

— Пусти, пусти,—сказала она мопсику, быстро встала, довольная, тѣмъ, что не успѣла раздѣться, затушила огарокъ рукою, обжигая пальцы, и пошла къ дверямъ.

Она взяла извощика, не торгуясь, и сейчасъ же стала торопить его. Сани врѣзывались въ глубокій, рыхлый, мартовскій снѣгъ и скреблись о камни мостовой. Фаня смотрѣла въ мелькающія, освѣщенныя окна магазиновъ, не припоминая, гдѣ былъ часовщикъ. Можетъ быть, уже слишкомъ поздно—она не могла отдать себѣ отчета, сколько времени пробыла у себя въ комнатѣ: когда она шла домой, было еще не такъ темно. Улицы были длинныя, извощикъ не торопился, конки обгоняли его... Наконецъ, мелькнули часы въ окнѣ магазина, но Фанѣ показалось, что они показываютъ какой-то невозможный, поздній, ночной часъ. На Невскомъ всѣ спѣшили. Ѣхали какіе-то люди съ чемоданами. Значитъ — можно поспѣть. Но они всѣ обгоняютъ ее. У вокзала было ярко освѣщено. Суетились носильщики. Она выскочила и побѣжала черезъ залу на платформу. Подъ высокою стеклянною крышею вокзала гулко отдавались человѣческіе голоса, грохотъ катящейся телѣжки съ багажемъ. Издали шипѣлъ, выпуская пары, локомотивъ. Фаня запыхалась такъ, какъ будто она бѣжала всю дорогу. Ей стано-

вилось страшно—она боялась внезапно увидѣть его лицо среди чужихъ лицъ, въ толпѣ уѣзжающихъ и провожающихъ. Можетъ быть, онъ уѣзжаетъ не одинъ, можетъ быть, онъ не хотѣлъ, чтобы она видѣла, съ кѣмъ онъ ѣдетъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, не хотѣлъ прощаться съ нею. Чувство неловкости, стѣсненія перешло въ жгучую обиду. Вдругъ она явственно услышала его голосъ—сбоку, у вагона, въ толпѣ провожающихъ. Она вздрогнула и, не поднимая головы, остановилась. Онъ говорилъ съ чужими. Подойти къ нему было всеравно невозможно: разстроить его, смутить при всѣхъ. Она отошла къ стѣнѣ, гдѣ было не такъ свѣтло, и подняла затуманившіеся глаза. Голова у нея кружилась, колѣни едва держали ее. Александръ Львовичъ поднялся уже на площадку вагона и разговаривалъ съ кѣмъ-то, стоявшимъ внизу, держась рукою за горло—какъ бы прикрывая его отъ сырого вѣтра, который пробѣгалъ въ вокзалѣ. Его болѣзненное лицо, съ негустой рыжеватой бородкой, это лицо было для нея ненаглядно-хорошимъ, нельзя было оторваться отъ него. Она глядѣла на его глаза и ждала, что онъ подниметъ ихъ, встрѣтится съ ея взглядомъ. Сердце ея билось легкими, поспѣшными ударами. Она навѣрное почувствовала бы его присутствіе, его взглядъ... Звонокъ неожиданно громко зазвонилъ почти надъ самой головой. Провожающіе зашевелились, кто-то еще влѣзъ на площадку, толкаясь и грубо оттѣсняя Александра Львовича. Раздались прощальныя привѣтствія. Фаня ничего больше не слышала. Поѣздъ уже двинулся. Александръ Львовичъ приподнялъ свою вѣсокую барашковую шапку и подержалъ ее въ воздухѣ, съ серьезнымъ, поблѣднѣвшимъ лицомъ. Фанѣ почудилось, что онъ кланялся ей, что онъ всетаки замѣтилъ ее. Она прошла нѣсколько шаговъ вслѣдъ за поѣздомъ—вся ея душа вытянулась, стараясь удержать его, не оторваться. Свѣтъ померкъ. Александра Львовича уже не было на площадкѣ. Поѣздъ уходилъ.

Она сжала руки и безсмысленно смотрѣла на освѣщенные, мелькающіе вагоны, точно цѣпляясь за нихъ взглядомъ. И когда быстро пробѣжалъ послѣдній вагонъ и передъ глазами открылось пустое пространство потемнѣвшаго вокзала, Фаня сильно вздохнула, точно захлебнувшись, прислонилась спиною къ стѣнѣ и заплакала.

II.

Идя домой, Фаня плохо понимала, что съ ней дѣлается. Она словно нѣсколько оглохла и ей было страшно на суетливыхъ улицахъ: она казалась себѣ маленькой, совсѣмъ одинокой, какъ въ первые дни по переѣздѣ въ Петербургъ, послѣ смерти матери.

Дома она опять спросила, не приходилъ-ли къ ней кто-нибудь, но вдругъ очнулась и поняла, что теперь это было ей все равно. Она даже

не слышала отвѣта кухарки и, пройдя къ себѣ, постояла нѣсколько минутъ въ темнотѣ и стала дрожащими руками зажигать лампу. Ей было трудно дышать и тяжело думать. Она надѣла на лампу красный бумажный абажуръ и невольно посмотрѣла на свои руки. Онѣ были некрасивыя, худыя, темныя, съ неровными исколотыми иглою пальцами. И она точно увидѣла всю себя, такою-же, какъ ея руки — непривлекательною, невзрачною. Ничего въ ней не было красиваго—она себѣ никогда не нравилась, но до прошлаго года почти не думала объ этомъ. Съ тѣхъ поръ она не разъ съ болью останавливалась на этой мысли. Она чувствовала, что ей было-бы легче и веселѣе жить, если-бы она была красивѣе. Иногда, глядя на своихъ заказчицъ, она думала, что если-бы одѣться какъ слѣдуетъ, причесаться какъ-нибудь къ лицу, она стала-бы лучше. Но она боялась, что онъ замѣтитъ это, догадается объ ея стараніи понравиться ему—и осудитъ ее за это. Да и не стоило: всеравно она не могла быть такою, какою хотѣла-бы. Зачѣмъ-же прихорашиваться? Лучше не думать объ этомъ. И она старалась забыть о себѣ, думать только о немъ. Но сегодня она чувствовала себя жалкою, и ей казалось, что она никогда не уйдетъ отъ этихъ ощущеній, какъ не уйдетъ отъ самой себя, пока не умретъ... Какіе это знакомые въ Крыму?

Лампа съ абажуромъ бросала нѣжный алый свѣтъ на бѣлье и раскроенное полотно, лежавшее на столикѣ. Нужно было торопиться съ работою. Она сдѣлала усиліе, чтобы побѣдить усталость, отогнать мучительныя мысли, встала съ сухимъ короткимъ вздохомъ, но сейчасъ-же повернулась къ комоду, выдвинула верхній ящикъ и взяла маленькую пачку писемъ. Это было единственное живое, дорогое, что у нея оставалось, и она вынимала ихъ въ смутной надеждѣ услышать его голосъ, понять то, что осталось непонятнаго, непредвидѣннаго въ его отъѣздѣ. Она всегда знала, что онъ не любитъ, никогда не полюбитъ ее, хотя иногда ей невольно представлялось, что было-бы, если-бы онъ ее полюбилъ. Иногда, среди этихъ мыслей, она со страхомъ и укорами самой себѣ искала въ его письмахъ одного слова, не обычнаго и радостнаго слова. Она останавливалась на какой-нибудь недомолвкѣ, на какомъ-нибудь неловкомъ оборотѣ рѣчи, допуская, что эта неловкость произошла отъ того-же стѣсненія, какое ощущала она, впервые сознавъ свою любовь къ нему. Но нѣтъ, онъ всегда былъ такимъ: его стѣсненіе происходило только отъ того, что она любила его слишкомъ сильно, и онъ старался не обидѣть ее, не дать ей почувствовать, на сколько она къ нему не подходила.

Письма были разложены въ порядкѣ,—какъ она ихъ получала. Всѣ были въ одинаковыхъ, небольшихъ бѣлыхъ конвертахъ, всѣ были короткія, похожія болѣе на дѣловыя записки. Но каждое было по иному дорого ей: каждое было точно снимкомъ его души въ то или другое

время. Она такъ хорошо помнила тѣ настроенія, съ которыми получала и впервые читала ихъ. Въ яркомъ свѣтѣ ея памяти вся ея жизнь послѣдняго года тянулась свѣтлой полосой, съ самой первой встрѣчи. Ахъ эти записки! Ихъ страшно перечитывать, потому что теперь, послѣ того, что произошло, ей казалось, что въ нихъ что-то умираетъ или замираетъ, можетъ быть навсегда. Небольшая пачка словно охолодѣла, отяжелѣла въ ея онѣмѣвшихъ рукахъ... Въ узкой комнатѣ стояла тоскливая тишина. Въ коридорѣ проходила усталымъ старушечьимъ шагомъ кухарка. Изъ-за старыхъ, соломенныхъ ширмъ, которыми была отгорожена кровать, раздавалось сонное похрапыванье мопсика. Фанѣ захотѣлось броситься на постель и заснуть глубокимъ сномъ. Лѣнь было пошевельнуть рукою. Но она вдругъ испугалась, замѣтивъ, что ей лѣнь перечитывать его письма. Она взглянула на знакомый почеркъ верхняго конверта, и лѣнь прошла. Еще острѣе ощутилась боль... Она развернула первое письмо, уже нѣсколько выцвѣтшее. Почеркъ у него былъ не совсѣмъ разборчивый, и тѣмъ завлекательнѣе было перечитывать эти строки, можетъ быть, не вполнѣ вѣрно разобранныя при прежнихъ чтеніяхъ. Это было письмо, полученное ею на слѣдующій день послѣ перваго знакомства, на имянинахъ брата.

Она разливала чай и внимательно слушала споръ его товарищей. Было много студентовъ-медиковъ. Говорили о томъ, свободенъ-ли человѣкъ, и всѣ горячились почему-то, доказывая, что человѣкъ ни въ какомъ смыслѣ не свободенъ. Александръ Львовичъ возражалъ. Фаня не помнила, что онъ говорилъ, но какъ сейчасъ слышитъ она его голосъ, сухой, тихій, видитъ улыбку на его тонкихъ блѣдныхъ губахъ—не то кроткую, не то насмѣшливую, немного въ бокъ. Она глядѣла на него и уже вѣрила ему, и ей неловко было за брата Васю, который совсѣмъ вышелъ изъ себя и злился, отвѣчая Александру Львовичу. Ей хотѣлось какъ-нибудь дать понять ему, что на это не стоитъ обращать вниманія, что Вася всегда такъ горячится. Когда всѣ стали расходиться, братъ какъ-то неожиданно обратилъ вниманіе на нее и сказалъ Александру Львовичу, уже не сердито, а добродушно: «насъ-то ты въ свою вѣру не обратишь, а вотъ сестра моя, пожалуй, рада будетъ у тебя поучиться. Она, бывало, еще когда въ провинціи, въ прогимназіи училась, любила въ эти философіи вдаваться. Кстати, ты ей и книжку выберешь для чтенія, у меня для нея нѣтъ занимательнаго»... Фаня покраснѣла. Какъ благодарна она потомъ была брату за эти слова. Александръ Львовичъ внимательно взглянулъ на нее и обѣщалъ прислать. На слѣдующій день она получила книгу съ запиской,—это было ея первою радостью. И теперь она все забывала, перечитывая эти строки: Посылаю вамъ книжку,—писалъ онъ, не называя ее даже по имени,—какъ обѣщалъ вчера у вашего брата. Если вы любите читать, она доставитъ вамъ

удовольствіе, хотя, какъ увидите, въ ней говорится мало о жизни, а всего больше о смерти. И то, что въ ней говорится о смерти, очень хорошо. Когда я читалъ ее, мнѣ думалось, что именно такія книги полезно читать: онѣ научаютъ видѣть жизнь сквозь мысль о смерти. Извините за туманности. Пишу эти нѣсколько строкъ въ томъ разсужденіи, что при личномъ свиданіи я могъ-бы распространеннѣе объяснить мою точку зрѣнія. При томъ-же мнѣ показалось, что вы можете сочувствовать моимъ мыслямъ». Потомъ онъ пришелъ къ ней, долго и осторожно что-то объяснялъ ей, говорилъ о наукѣ, которую любилъ, а Фаня все время молчала, слушала и удивлялась, что онъ захотѣлъ познакомиться съ нею. У нея не было такихъ знакомыхъ, да она и не ждала ихъ съ тѣхъ поръ, какъ потеряла надежду заниматься чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ бѣлошвейной работы, которой жила покойная мать. Она чувствовала себя простою, неспособною говорить съ умными людьми, и жутко, и радостно казалось ей, что онъ къ ней такъ внимателенъ, такъ простъ съ нею. Она стѣснялась принимать его у себя и смотрѣла съ удивленіемъ и благодарностью въ его близорукіе, сосредоточенные глаза. Одинъ разъ она, долго слушая его, невольно сказала: «я не понимаю, какъ это вы мнѣ все хотите разсказывать?» Онъ улыбнулся своей смущенной улыбкой, однимъ угломъ рта, и сказалъ: «вы не понимаете, что это пріятно, когда кто-нибудь внимательно слушаетъ?» Фаня немножко огорчилась. Она хотѣла, было, сказать, что вѣрно многіе его слушаютъ, но промолчала, опустивъ глаза. Потомъ, приходя къ нему, она узнала, что у него было мало знакомыхъ, а тѣ, которые къ нему приходили, больше спорили съ нимъ, какъ ея братъ, и не любили его. Когда она это поняла, она уже любила его. Она знала по его запискамъ, что онъ понимаетъ это—въ нихъ уже была угловатость, стѣсненность, которая ее тревожила. Ей казалось, что это должно чѣмъ-нибудь разрѣшиться. И это разрѣшилось,—не такъ, какъ она ожидала,—больно. Сегодня она впервые рѣшилась перечесть это письмо: сегодня ей нечего было терять...

Какъ живо встаетъ въ памяти этотъ осенній день, ясный, солнечный. Фаня встрѣтилась съ Александромъ Львовичемъ въ Лѣтнемъ саду. Онъ шелъ по мосткамъ боковой дорожки, на которую медленно слетали и падали большіе, яркіе осенніе листья, покоробленные утренними морозами. На солнцѣ отъ лужаекъ, покрытыхъ упавшею листвою, поднимался теплый запахъ. Фаня рѣдко гуляла и смотрѣла вокругъ себя, но сегодня все ей казалось новымъ. Когда она увидѣла издали Александра Львовича, ей показалось, что случится радость. Онъ приближался, не поднимая головы, и лицо его показалось ей разстроеннымъ. Она робко остановилась, поджидая, чтобы онъ поднялъ глаза. Онъ посмотрѣлъ, но словно не узналъ ее—онъ думалъ о чемъ-то своемъ, и ей захотѣлось уйти, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее замѣтить. Но онъ растерянно улыбнулся и про-

тянулъ ей руку. Она не находила о чемъ заговорить съ нимъ, и онъ самъ сталъ задавать ей какіе-то вопросы, но такіе, скучные, ненужные. Лучше было уйти,—она хотѣла проститься и вдругъ, остановившись, быстро проговорила: «вы сегодня не какъ всегда. Я не знаю, что это съ вами... Все равно, я вижу...» Она сама вызвала его на это письмо,— онъ хотѣлъ сказать ей правду. Какъ трудно было перенести эту правду...

Онъ писалъ, что ему эти дни особенно тяжело: старая любовь, которую нельзя выкинуть изъ сердца, вдругъ ожила въ немъ,—почему именно теперь онъ ей не писалъ, онъ говорилъ, что это должно быть всеравно ей, потому что это любовь безрадостная, хотя навсегда святая для него. Какъ будто ей могло быть всеравно! Она вся покраснѣла, читая это письмо, почувствовала гнѣвную обиду. Зачѣмъ онъ писалъ ей объ этомъ? Чтобы мучить ее?.. Никогда въ жизни не была она въ такомъ состояніи. Она возненавидѣла и себя, и его, и всѣхъ людей. Ей хотѣлось сказать ему это, и она вдругъ побѣжала къ нему, чтобы сказать, что она больше не хочетъ видѣть его. Она вся дрожала, подходя къ двери его комнаты, ей казалось, что она скажетъ ему все сразу: какъ онъ жестокъ, какъ всѣ жестоки къ ней и какъ все скверно и гадко. Онъ открылъ ей дверь и отступилъ въ удивленіи... Лицо у него было такое странное, мягкое, смущенное,—повидимому, онъ лежалъ на постели и только что всталъ. Она остановилась, и ей теперь хотѣлось броситься къ нему и сказать, что она его любитъ. Этотъ внезапный переходъ отъ гнѣва къ умиленію и нѣжности былъ почти блаженнымъ. Онъ подвинулъ ей стулъ, но она продолжала стоять у двери, глядя въ пространство. «Что-же вы не сядете?»—сказалъ онъ тихо. Она закрылась руками и заплакала, зарыдала, почти потеряла сознаніе... Онъ успокаивалъ ее ласково, застѣнчиво, говорилъ ей о своемъ отношеніи къ ней,— она не понимала точно, что именно, она была тогда слишкомъ взволнована, но онъ пригрѣлъ ее, незамѣтно для себя влилъ въ ея душу какое-то особенное спокойствіе, покорность, похожую на свѣтлую рѣшимость. Онъ больше ничего не говорилъ ей о своей любви къ другой женщинѣ, и она ничего не говорила ему о томъ, что чувствовала, но ей было и грустно и легко,—обиды больше не было. Его не любятъ,— но она всегда будетъ любить его. Одинокой она себя больше не чувствовала. Какъ-то само собою вышло, что онъ сталъ говорить ей «ты». Она гордилась этимъ и робко, смѣясь сквозь слезы, отвѣчала ему тѣмъ-же. Въ тотъ вечеръ было такъ хорошо, какъ никогда послѣ.

Послѣ опять бывало тяжело. Ее мучило любопытство, она хотѣла все знать, но ничего не разспрашивала, становилась грустной, и должно быть онъ замѣчалъ это. Нѣсколько разъ она говорила ему, что хочетъ быть ему чѣмъ-нибудь полезной, она просила его сказать, что она можетъ для него сдѣлать,—и ей казалось, что онъ оскорбительно отвер-

гаетъ не только ея услуги, но самую ея любовь, когда онъ отвѣчалъ, что ему ничего не нужно. Это было больно. Зачѣмъ-же тогда любить, страдать? У нея разъ внезапно вырвались эти слова: «зачѣмъ-же тогда любить? если это никому не нужно, безполезно?» Она опять разсердилась, какъ въ тотъ день, когда прочла его признаніе въ любви къ другой. «Зачѣмъ любить, Фаня?—сказалъ онъ.—Любить нужно, чтобы понимать. Развѣ это не самое важное? До конца понимать что-нибудь—это такъ много! Черезъ этотъ одинъ маленькій просвѣтъ все можно лучше видѣть. Надо только умѣть любить—терпѣливо, свободно...» Она взглянула на него съ удивленіемъ. Любить свободно! Она чувствовала себя такой зависимою отъ него. «Мнѣ кажется, сказала она робко, что многое вѣдь не въ нашей волѣ, мы не можемъ не мучиться».—«И мученія бываютъ свободныя. Если я хочу любить, несмотря ни на что, если я не пытаюсь отбросить свою любовь, какъ тягостную для меня, не борюсь съ нею, а беру ея свѣтъ и живу въ немъ, хотя онъ и жжетъ меня, развѣ я не свободенъ? Ахъ, Фаня, я думаю даже, что лучше эта мучительная любовь, чѣмъ всякая другая, свѣтлѣе»... Какъ ясно видитъ она теперь его лицо, когда онъ говорилъ эти слова, закрывъ глаза, сидя у нея въ комнатѣ, у стола, прижавъ одну руку къ лицу. Она хотѣла любить его свободно, не тяготиться своими мученіями. Онъ, можетъ быть, и умѣлъ такъ любить—свободно, свѣтло, иначе онъ не могъ-бы вѣчно заниматься, писать свою диссертацію, вѣчно говорить о книгахъ. Для нея все было слито въ немъ. Часто она даже не имѣла силъ читать тѣ книги, которыя онъ давалъ ей. Она начинала читать, и задумывалась о послѣднемъ свиданіи: то, что она слышала отъ него, всегда было интересно,—она слушала и не могла оторваться. Его мысли входили въ нее. Она дѣйствительно многое начинала понимать черезъ этотъ единственный просвѣтъ,—но только благодаря тому, что онъ говорилъ и объяснялъ ей. Она не могла жить безъ него, и ей нужно было во что-бы-то ни стало выразить свою любовь. Сдѣлать для него что-нибудь своими руками—это была ея мечта. Одинъ разъ она замѣтила, что на немъ старая, потертая на манжетахъ рубашка. «Хотите, я вамъ сошью?»—сказала она, схватившись за эту мысль (она часто говорила ему *вы*, хотя онъ не мѣнялъ своего тона). Онъ поспѣшно отказался. Она огорчилась и обидѣлась. «Мнѣ иногда кажется, какъ-будто вамъ не нравится, что я занимаюсь такой работой: вы никогда со мной объ этомъ ничего не говорите, словно нарочно не замѣчаете!». —«Какой вздоръ, Фаня,—сказалъ онъ.—Моя покойная мать, которой я всѣмъ обязанъ, была старьевщицей въ Вильнѣ, старыя платья продавала». Въ эту ночь ей снилась его мать... Если-бы она была ему родною, онъ не отказывался-бы отъ ея услугъ. Ничего она не могла для него сдѣлать и ей становилось тоскливо, горько. А онъ изъ-за этого тяготился ея любовью.

Нѣтъ, въ послѣднее время все было хорошо, просто. Она не могла ждать ничего ужаснаго. Ни въ чемъ, ни въ одной запискѣ нѣтъ объясненія того, что теперь случилось. Здоровье? Онъ всегда былъ нездоровый, но вѣдь не такъ-же. И зачѣмъ скрывать отъ нея? За что мучить? Не сказать даже, къ кому онъ ѣдетъ? Онъ никогда не говорилъ ей о крымскихъ знакомыхъ. Очевидно, онъ поѣхалъ туда, къ той женщинѣ, которую онъ любилъ. Вотъ почему онъ пишетъ ей въ прощальномъ письмѣ о мопсикѣ. Онъ не могъ понять, что это обидно, что невыносимо читать эти слова—«на прощанье приласкать мопсика». А ее... «поцѣловать въ лобъ»—этотъ поцѣлуй былъ холодный. Лицо его стояло передъ нею. Она видѣла его на площадкѣ вагона, издали освѣщенное фонаремъ. Она не успѣла еще разъ взглянуть на него—онъ уже скрылся. Необходимо было взглянуть на него еще разъ. Кажется— что-то было-бы иначе... Ничего не осталось. Двѣ книги онъ не взялъ отъ нея, записки эти...

Голова у нея кружилась отъ усталости. Все спало, и все казалось сномъ. Она собрала разсыпавшіеся тонкіе сухіе листки записокъ и не выпуская ихъ изъ рукъ, не потушивъ лампы, легла на постель. Глаза ея закрылись. Согрѣвшаяся въ рукахъ крѣпко зажатая связка писемъ смутно ощущалась сквозь тяжелую дремоту. Мѣрно стучали, проносясь мимо, въ темноту, освѣщенные вагоны. Становилось душно, чадно. Лампа, выгорая, потухала. Въ окна глядѣлъ блѣдный томительный разсвѣтъ.

III.

Василій Михайловичъ лѣниво прошелся по комнатѣ, подошелъ къ ручной швейной машинкѣ, нѣсколько разъ осторожно повернулъ ручку, заглядывая на иглу, опускающуюся въ темную скважину, пощупалъ сложенныя на столѣ новыя шуршащія сорочки и сѣлъ.

— Не надоѣстъ это тебѣ? Хоть-бы платья шила, а то бѣлье!— сказалъ онъ, наконецъ, Фанѣ, усѣвшись на стулъ, нога на ногу.—Что ты какая зеленая сегодня?

— Нездоровится сегодня,—неохотно отвѣтила Фаня.—Грудь болитъ. Не то что болитъ, а такъ—какъ-будто ноетъ. Сердца не чувствуешь, а вотъ здѣсь, вверху, точно жилки какія бьются. Скоро такъ. И вздохнуть трудно.

— Изводишь себя,—что-жъ мнѣ тебѣ больше сказать... Ну, а развиватель твой какъ поживаетъ?

— Какой развиватель?—спросила Фаня, сжавъ губы и поблѣднѣвъ, хотя отлично знала, о комъ говоритъ братъ.

— Одинъ вѣдь у тебя развиватель. Господинъ Шнейдеръ, разумѣется. Какъ ихъ здоровье? Поправляются въ Крыму отъ своихъ усиленныхъ занятій?

— Чего-жъ тутъ смѣяться, Вася!—сказала Фаня глухимъ голосомъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на брата.—Если человѣкъ боленъ...

Василій Михайловичъ сдержанно улыбнулся и посмотрѣлъ въ сторону.

— Боже меня упаси,—развѣ я надъ болѣзнью! Я только удивился, какъ это онъ все о своихъ недугахъ молчалъ, и вдругъ оказалось, что надо ужъ въ теплый климатъ перебираться.

— Что-же, ты думаешь, что онъ не правду сказалъ?—спросила Фаня озлобленно и, задумавшись, не слышала, что отвѣчалъ ей братъ. Все равно, насколько онъ боленъ. Если онъ уѣхалъ, значитъ ему было необходимо. Какъ можно знать все, что заставило его уѣхать. Онъ молчаливый, онъ не любитъ говорить о себѣ, о своихъ страданіяхъ, а когда онъ высказался, ему пришлось раскаяться. Она не съумѣла облегчить его, помочь ему высказаться,—не волнуясь, не тяготя своимъ волненіемъ. Съ тѣхъ поръ, онъ ничего о себѣ не говорилъ, а когда одинъ разъ, глядя на его потемнѣвшее лицо съ ввалившимися глазами, она спросила его, не боленъ ли онъ, онъ сказалъ какой-то пустякъ и улыбнулся. Она испугалась, стала приставать къ нему. Онъ вдругъ нахмурился и почти сердито попросилъ ее не говорить о пустякахъ и не давать воли фантазіи... Но она знала, что нельзя было обидѣться на него: она уже видѣла по его глазамъ, что, сказавъ ей рѣзкое слово, онъ самъ мучился и не зналъ, какъ поправить это.

— Пишетъ онъ тебѣ, по крайней мѣрѣ?—разслышала Фаня вопросъ брата.

Ей не хотѣлось отвѣчать. Она знала, что Вася будетъ опять обвинять его, если узнаетъ правду. Онъ не пишетъ. Ахъ, Боже мой,—вѣдь это значитъ, что онъ не можетъ писать, что ему худо. Не все ли равно, боленъ онъ или душа у него болитъ. Вася не понимаетъ, что это еще хуже, когда душа болитъ.

— По глазамъ вижу, что ни одного письма не получила. Оттого и сердце не на мѣстѣ,—проговорилъ Василій Михайловичъ.

— Ахъ, Вася, оставь пожалуйста... Тебѣ и про себя слова нельзя сказать. Ты все только и ждешь, къ чему бы прицѣпиться.

— Я къ тебѣ не прицѣпляюсь. Что это ты! Я о тебѣ же безпокоюсь!—сказалъ Василій Михайловичъ добродушно и нѣсколько обидчиво.—Ты вотъ все защищаешь своего Александра Львовича,—заговорилъ онъ вдругъ опять раздраженно,—а я такъ думаю, что онъ передъ тобою не правъ, ты уже извини меня за правду—грубо неправъ. Сама

говоришь, что даже не пишетъ тебѣ. Подумаешь,—трудно нѣсколько строчекъ написать. Просто неблагодарность.

Фаня откинулась къ спинкѣ стула, провела по своимъ темнымъ, небрежно причесаннымъ, негустымъ волосамъ и прижала руки къ плоской груди, чтобы унять вдругъ забившееся сердце.

— Это гадко, Вася, что ты такъ говоришь,—сказала она дрожащимъ отъ обиды голосомъ.—Онъ... онъ боленъ,—потому не пишетъ. Его знать надо прежде, чѣмъ судить.

Она хотѣла еще что-то прибавить, но только вздохнула, подавляя слезы.

— Ну вотъ, я-то его не знаю!—отвѣчалъ Василій Михайловичъ, не замѣчая ея волненія.—Слава тебѣ Господи, въ гимназіи пять лѣтъ на одной скамьѣ сидѣли. Только въ седьмомъ классѣ онъ меня обогналъ... Всегда былъ такой же эгоистъ, о себѣ думалъ. Книжки читаетъ безъ конца, всю душу вычиталъ, а какъ до жизни дѣло коснется—ни бе, ни ме. Прямо тебѣ скажу,—безъ сердца человѣкъ.

Онъ вдругъ нагнулся къ мопсику, который смирно пріютился у нея на колѣняхъ, и схватилъ его двумя пальцами за морду. Мопсикъ мотнулъ головой и фыркнулъ. Фаня рѣзко отстранилась и уронила его съ колѣнъ.

— Вотъ видишь, какая ты нервная стала! — замѣтилъ Василій Михайловичъ и съ доброй улыбкой покачалъ головой.

— Перестанемъ объ этомъ, Вася... Все равно не сговоримся,— тихо промолвила Фаня.

— Ну пойду, мнѣ вѣдь и самому некогда. Въ Клинику еще надо зайти.

Онъ всталъ, потянулся, взялъ свою потертую форменную фуражку, надвинулъ ее крѣпко на лобъ и пошелъ къ дверямъ. Фаня усталой походкой провожала его до передней.

— Такъ ты себѣ и знай, — проговорилъ онъ вдругъ, когда она помогала ему надѣть пальто. — Я ему не прощу этой небрежности къ тебѣ. Пріѣдетъ, руки ему не подамъ.

Фаня ничего не отвѣтила. Крѣпко сжавъ губы, она продолжала натягивать на него дрожащими руками пальто. Потомъ она тихо простилась съ нимъ за руку и, закрывъ дверь, остановилась въ темной передней. Она не сердилась на брата,—она чувствовала, что онъ по-своему жалѣетъ ее. Но какую обидную неправду онъ говорилъ. Вотъ она, настоящая обида, давящая, жесткая. Онъ не понимаетъ Александра Львовича. Онъ его не любитъ. Нельзя понимать, когда не любишь... И она съ радостью, съ гордостью подумала, что она умѣетъ понимать Александра Львовича, умѣетъ не осуждать, не судить его, какъ всѣ. Ей

захотѣлось сказать ему это... Невозможно сказать. Сколько разъ она хотѣла писать ему—и рвала письма. Узнала адресъ у него на квартирѣ. Но вѣдь онъ самъ не давалъ ей этого адреса, не писалъ ей—значитъ, онъ не хотѣлъ ея писемъ: можетъ быть, хотѣлъ отдохнуть отъ нея, отъ тревожной мысли, что онъ ничѣмъ не можетъ отвѣтить на ея любовь. Онъ не понималъ, что она ничего и не требовала, не ждала отъ него... Онъ не понималъ этого, потому что не любилъ ея. Она съ умиленіемъ подумала, что не осуждаетъ его и за это.

Но, можетъ быть, онъ просто забылъ, что не далъ ей адреса? Можетъ быть, его письмо не дошло?

IV.

Александръ Львовичъ сидѣлъ молча, положивъ руки на колѣни. Сѣрые глаза его были тусклы и неподвижны. «Умоляю васъ, скажите мнѣ, почему вы все молчите. Вы сегодня не похожи на себя, вы точно каменный...»—говорила Фаня, дрожа отъ испуга. «Я охрипъ»—проговорилъ онъ, наконецъ, и взялся за горло. «Вы нездоровы?»—спрашивала Фаня съ тревогою.—«Нѣтъ, я здоровъ. Пальцы отекли».—Онъ вытянулъ впередъ руку и сталъ медленно сгибать и разгибать пальцы. Потомъ онъ потянулся на стулѣ и опять положилъ руки ладонями на колѣни. Фаня не могла припомнить, что было раньше и, главное, она не знала, какъ все это кончится. Казалось ей, что уже очень давно продолжается это томленіе. Она хотѣла пошевелиться, но его неподвижность лишала ее воли. Онъ вдругъ уставился глазами на ея грудь, потомъ наклонился къ ней ближе, такъ что она откинулась назадъ — и двумя пальцами, осторожно вытянутыми, точно онъ ловилъ муху, взялся за ея платье, потянулъ и проговорилъ: «какая хорошенькая бумазея...»

Фаня вся похолодѣла и проснулась. На столѣ горѣла лампа, за стѣною неспѣшно переговаривались.

— Ахъ, Господи! Ахъ, Господи!—сказала Фаня, приподнимая со своей плоской подушки отяжелѣвшую голову и съ трудомъ переводя дыханіе.—Ахъ, Господи!..

Уже нѣсколько дней подъ вечеръ ею овладѣвалъ тяжелый сонъ. Къ ночи она просыпалась и не могла больше заснуть. Ее мучило, что она совсѣмъ не работаетъ. Обѣщанный срокъ заказа приближался, а она все отставала отъ распредѣленной на дни работы. Она поднялась и перешла къ свѣту. Тонкое глянцовитое полотно скомканной грудой лежало на столѣ. Размотавшееся кружево спускалось до полу. Какъ все это надоѣло. Руки онѣмѣли отъ сна и покрылись красными намятыми рубцами. «Какая хорошенькая бумазея!» — вспомнилось ей, — и тоскливо,

гадко стало на душѣ. Даже во снѣ не видится ничего хорошаго,—что-то смутное, тяжелое...

Фаня пришла на кухню, чтобы спросить чаю, но самоваръ давно остылъ. Былъ уже третій часъ ночи. Она слила себѣ изъ чайника холоднаго горькаго чаю, покрѣпче, чтобы работать ночью и, вернувшись, сѣла за машинку. Тонкая ровная строчка выбѣгала изъ подъ проколовъ иглы, по краю бѣлыхъ полотнищъ, въ тактъ мѣрному постукиванію колеса. Причудливая тѣнь скользила по полотну...

Недѣлю тому назадъ она рѣшилась послать письмо Александру Львовичу. Отвѣтъ могъ уже придти. Какъ бы ему ни жилось, онъ не могъ не отвѣтить. Правда, она не съумѣла ничего какъ слѣдуетъ выразить въ этомъ письмѣ. Когда она перечла его, оно показалось ей даже холоднымъ. Сколько времени она готовилась къ нему. Она искала словъ, въ которыхъ можно было бы скромно и небезпокойно для него выразить свою любовь — такъ, чтобы слова казались только дружескими, но чтобы видно было, какъ она страдаетъ, не получая отъ него извѣстій. Невольные упреки срывались съ пера — она ихъ зачеркивала. Она знала, что и теперь онъ долженъ быть правъ: когда ее мучило нетерпѣніе, обида, когда она говорила себѣ, что нельзя такъ мучить ее, она вспоминала его лицо, его глаза—въ тотъ день, когда она пришла къ нему и заплакала. Такой же гнѣвъ накипалъ у нея въ душѣ, но все сразу перемѣнилось, какъ только она увидѣла мягкое, застѣнчивое выраженіе въ его глазахъ. Онъ страдалъ самъ и жалѣлъ ее, и конфузился ея любви. Онъ всегда старался быть къ ней внимательнымъ, онъ дѣлалъ все, что могъ. Иначе, лучше онъ не могъ—и самъ тосковалъ объ этомъ. Его неловкая, угловатая доброта къ ней трогала ее до слезъ. Она не могла вспомнить безъ мучительной жалости, что въ день ея имянинъ онъ принесъ ей пузырекъ духовъ, очень крѣпкихъ, которые ей не нравились: вѣрно, онъ спросилъ самыхъ лучшихъ, и ему дали такихъ въ магазинѣ. Онъ сказалъ: «Хорошіе это духи? Я не знаю». Она стала увѣрять его, что очень хорошіе. Потомъ она каждый день по-долгу вдыхала ихъ крѣпкій, дурманящій запахъ съ болѣзненнымъ наслажденіемъ, пока не начинала кружиться голова... Такъ она и не съумѣла ничего сказать ему въ письмѣ. Ей вдругъ пришла мысль, когда она писала, что онъ покажетъ это письмо той женщинѣ, у которой онъ, навѣрное, теперь живетъ въ Крыму. Она ненавидѣла эту женщину: какъ могла она не любить, не понимать его? И за что же онъ ее любитъ, если она даже неспособна понять его? Эта мысль была ужасна, потому что она сливалась съ другою мыслью, съ упрекомъ ему: какъ можетъ онъ любить женщину, которая недостойна его? Фаня никогда не высказывала ему этого, она хотѣла не думать объ этомъ, чтобы не осуждать его. Она говорила себѣ, что надо отдѣлаться отъ этого, по-

тому что осужденіе не можетъ ужиться съ любовью, нѣжностью и жалостью. Она чувствовала, что осужденія не должно быть, что въ осужденіи — неправда. Она ощущала въ себѣ это осужденіе, какъ что-то жесткое, тупое, тяжелое. Любить надо, чтобы понимать. Она его одного любила, ничего больше во всемъ мірѣ. Вѣрно, Богъ хочетъ, чтобы мы всѣхъ такъ любили и понимали, никого не судили. Можетъ быть, онъ любилъ ту женщину, понималъ ее, и потому не судилъ ее, не находилъ ее недостойной: понялъ и полюбилъ...

Фаня откинулась къ спинкѣ стула. Въ душу ея сошло блаженное успокоеніе: въ ней не было больше тупой, холодной тяжести—она и въ этомъ больше не осуждала его. Глаза ея наполнились слезами, но слезы высохли. Теперь ей особенно необходимо было видѣть его. Она вся тянулась къ нему, видѣла его смутно—и хотѣла видѣть ясно. Невозможно дольше не видѣть его. Нельзя жить, когда думаешь и не видишь. Видѣть надо. Зачѣмъ мы видимъ то, что передъ нами, о чемъ мы не думаемъ, что намъ не нужно, и не видимъ того, что въ нашей душѣ, что мы чувствуемъ? Она чувствовала его образъ въ себѣ, — но какъ только напрягала память, чтобы отчетливо вспомнить его черты, образъ разсѣивался—глаза видѣли только ненужныя надоѣвшія вещи. Вотъ что такое тоска: самого дорогого, самаго нужнаго, понятнаго—нельзя видѣть. Съ ума можно сойти отъ пустоты, отъ тумана...

Фаня встала въ волненіи. Ей пришла съумасшедшая мысль—поѣхать къ нему. Все сдѣлать для этого, все продать,—ну, выпросить у кого-нибудь денегъ—и поѣхать, какъ можно скорѣе. Взглянуть, сказать одно слово, узнать только, что съ нимъ. Чтобы не было этой ужасной тишины, этого гробового молчанія, чтобы ясно представить себѣ... Съ каждой минутой все болѣе крѣпло это рѣшеніе. Пріѣхать и сказать только одно... Спросить: «почему вы не писали, почему ты не писалъ? Я знаю, что ты не могъ, но я не понимала почему... Я вѣрила тебѣ, я всегда вѣрю, что ты не можешь быть виноватъ...» Довольно вспомнить его лицо, его застѣнчивые глаза. Если онъ чего-нибудь не дѣлаетъ, за что его осудили бы другіе, такъ только потому, что онъ не можетъ. Увидѣть его еще разъ, понять, почему онъ молчитъ, почему онъ не можетъ сказать правды. Ахъ, какъ мучительно необходимо знать всю правду. Пріѣхать къ нему и сказать: «я вѣрю тебѣ, но мнѣ необходимо знать всю правду, все знать. Я буду счастлива—только объясни мнѣ все...»

Фаня остановилась у двери, прислонилась къ ней и закрыла лицо руками. На лицѣ ея была улыбка: она представляла себѣ, какъ пріѣдетъ. Она не пойдетъ къ нему, но будетъ ходить гдѣ-нибудь по близости, по дорогѣ, между садами—тамъ теперь тепло, солнце грѣетъ. Она встрѣтитъ его и подойдетъ...

Въ ушахъ у нея слабо звенѣло. Въ комнатѣ было холодно. Фаня открыла глаза и удивилась, увидѣвъ, что за окномъ свѣтало. Видны были сѣрые спящіе дома, мокрыя крыши,—сѣялъ мелкій дождь. Она захотѣла скорѣе взяться за работу, скорѣе исполнить ее: теперь это подвигало ее къ нему. Она взялась за ручку машинки, колесо застучало. Но поминутно на нее находилъ какой-то столбнякъ. Становилось холодно въ груди, въ глазахъ рябило красными пятнами отъ абажура. Нельзя еще было потушить лампу, но отъ окна уже шелъ голубоватый, утренній свѣтъ, и на полотно ложились двойныя тѣни. Изнеможеніе томило тѣло. Фаня встала, чтобы освѣжиться, и подошла къ окну. Она вытянула и согнула пальцы—руки ея показались ей мертвенными, зеленоватыми, съ землистыми морщинками въ суставахъ пальцевъ. Вспомнился вечерній сонъ: «Какая хорошенькая бумазея!» Это такъ не похоже на него. И голосъ былъ не его. Она не могла припомнить, какой у него былъ голосъ въ дѣйствительности: вспоминается, и всетаки нельзя представить себѣ, услышать. Смертельная тоска...

Она застыла, прислушиваясь къ усталымъ, шаркающимъ шагамъ внизу, по тротуару. Хлопнула тяжелая дверь подъѣзда, такъ что стѣны задрожали. Мопсикъ тихонько завылъ во снѣ за ширмами. Кто это—ночью, подъ утро? Фаня прислушивалась. По лѣстницѣ... Звонокъ. Она не двигалась съ мѣста. Никто не отворяетъ—и не надо. Еще звонокъ. Она все не двигалась, притаилась и зачѣмъ-то быстро завернула фитиль лампы. Кухарка со вздохомъ медленно прошла по корридору. Она слышала, какъ сказали въ передней: «телеграмма». У нея стало колотиться сердце. Она на цыпочкахъ прошла за ширмы и, не поднимая ногъ на постель, прильнула лицомъ къ подушкѣ. Дверь скрипнула.

— Афанасія Михайловна! — тихо позвала старуха, и зашла за ширмы.—Афанасія Михайловна!

— А? а? что?—вскрикнула Фаня и, не помня себя, схватилась за телеграмму.

— Росписаться.

— Да, да, сейчасъ.

Она росписывалась, буквы выходили то большія, то маленькія, ни на что не похожія. Она прижалась грудью къ столу, отдала росписку, распечатала. Блѣдныя, карандашныя строки говорили что-то невозможное: «Сегодня пять утра Александръ Львовичъ Шнейдеръ скончался горловой чахотки просилъ извѣстить начатое письмо вамъ перешлю первой возможности Зеленко». Стало страшно свѣтло вокругъ, полъ зашатался... Фаня въ забытьѣ усмѣхнулась перекосившимися, похолодѣвшими губами, погружаясь во мракъ, но сейчасъ же открыла глаза: телеграмма трепетала въ рукахъ. Она перечла: «Сегодня пять утра Александръ Львовичъ Шнейдеръ скончался горловой чахотки начатое письмо вамъ...»

Сегодня пять утра... Что это? Что это?—вскрикнула Фаня, побѣжала, остановилась, тяжело и скоро дыша, повернулась къ окну и опять стала читать: Сегодня пять утра... Нѣтъ... Сегодня, пять утра... Сегодня? Когда? Отъ горловой чахотки? Что это? О, нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ! Кто это пишетъ? Начатое письмо... Какое письмо? Скорѣе, скорѣе...

Она выбѣжала въ корридоръ, споткнулась на порогѣ, схватилась за стѣну и опустилась на полъ.

Л. Гуревичъ.

Основные вопросы крестьянскаго самоуправленія.

I.

Вопросъ о крестьянскихъ сходахъ есть, безспорно, важнѣйшій вопросъ сельскаго общественнаго управленія. Это вытекаетъ изъ свойства и многочисленности тѣхъ предметовъ, которые предоставлены закономъ вѣдѣнію сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Общественные сходы — важнѣйшія учрежденія въ крестьянской средѣ. Рядъ существенныхъ интересовъ, нуждъ и потребностей крестьянъ и мѣстнаго населенія, находится отъ нихъ въ прямой зависимости. Благоустройство въ сельской средѣ разомъ и значительно подвинулось бы впередъ отъ одной правильной организаціи крестьянскихъ общественныхъ сходовъ.

Совершенно ясно, какое начало должно быть примѣнено къ крестьянскому общественному управленію для того, чтобы оно достигало своихъ цѣлей и содѣйствовало удовлетворенію нуждъ мѣстнаго населенія. Рѣчь идетъ о *самоуправленіи*. Послѣднее же, какъ таковое, мыслится не иначе, какъ *самостоятельнымъ*. Извѣстный родъ дѣлъ предоставляется вѣдѣнію самого населенія, организуемаго соотвѣтственнымъ образомъ,—свои собственные интересы предоставляется ему обезпечивать собственными средствами, собственными усиліями, собственными мѣрами. Правительственной власти можетъ принадлежать, затѣмъ, лишь надзоръ,—но надзоръ, поставленный въ строгіе предѣлы закона. Произвольное вмѣшательство власти въ дѣятельность органовъ самоуправляющагося населенія есть отрицаніе самой идеи самоуправленія,—нѣчто ей совершенно противоположное. Неизбѣжный результатъ такого вмѣшательства — полное разстройство самоуправленія, превращеніе его изъ учрежденія благодѣтельнаго, изъ школы, развивающей самодѣятельность, въ обузу для населенія [1]).

[1]) Прекрасно сознавалось все это графомъ П. Д. Киселевымъ, когда онъ предпринималъ знаменитую реформу положенія государственныхъ крестьянъ 1838—1839 гг.—

Итакъ, *самостоятельность* есть необходимое начало устройства и дѣятельности сельскаго общественнаго управленія, какъ и всякаго иного. Но недостаточно, чтобы она была выражена принципіально. Для того, чтобы дать свои благодѣтельные результаты, она необходимо подлежитъ еще обезпеченію всѣми возможными путями и средствами.

Троякаго рода мѣры ведутъ къ послѣдней цѣли, облекаютъ плотью и кровью самоуправленіе. Первая общая мѣра—это народное просвѣщеніе и развитіе въ гражданахъ яснаго сознанія ихъ правъ и обязанностей. Вторая — поднятіе уровня самоуправляющейся организаціи, путемъ введенія въ составъ ея лицъ всѣхъ сословій, званій, классовъ, положеній. Третья мѣра — организація надзора за тѣмъ, чтобы не происходило произвольнаго вмѣшательства чиновниковъ въ дѣятельность органовъ самоуправленія,—спеціальное огражденіе и обезпеченіе самостоятельности послѣднихъ. Наконецъ, четвертая общая мѣра—это точное опредѣленіе правъ и обязанностей самоуправляющагося населенія, его юридическаго положенія, и несомнѣнное, ясное указаніе предметовъ его самостоятельнаго вѣдѣнія и существенныхъ правилъ его дѣятельности. Безъ возможно полнаго и широкаго примѣненія и развитія этихъ общихъ непремѣнныхъ органическихъ мѣръ,—сельское самоуправленіе не можетъ дать того плода, который несетъ въ себѣ, по самой своей идеѣ, сущности, жизненности, необходимости...

Имѣлись-ли и имѣются-ли всѣ такого рода гарантіи для того самоуправленія, которое явилось 19 февраля 1861 г. для освобожденныхъ крестьянъ, а въ послѣдующіе годы распространено было на всѣ прочіе разряды остававшихся всегда свободными сельскихъ обывателей? Въ какомъ положеніи находится крестьянское самоуправленіе по даннымъ недавно обнародованнаго «Свода заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ»? Въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ свойства законодательства отразились на фактахъ самой жизни, приводимыхъ въ «Сводѣ» [1]).

съ *законностію*, какъ ея основою. (По поводу имѣющаго исполниться 14 ноября 1897 г. двадцатипятилѣтія со дня кончины П. Д. Киселева,—замѣтимъ, кстати, о необходимости достойно почтить память этого замѣчательнаго поборника крестьянскаго дѣла, одного изъ первыхъ и энергичнѣйшихъ дѣятелей освобожденія. Лучшимъ же способомъ для этого, выдвигаемымъ самыми обстоятельствами настоящаго времени, въ виду происходящаго пересмотра законовъ о крестьянахъ,—была бы, безъ сомнѣнія, правильная и безпристрастная оцѣнка того, что выполнено П. Д. Киселевымъ въ области крестьянскаго дѣла. А то—неоцѣненный и даже преслѣдуемый при жизни за свои освободительныя идеи—П. Д. Киселевъ и до сихъ поръ не понятъ и остается въ тѣни, полузабытымъ... Хуже того,—до сихъ поръ съ легкимъ сердцемъ повторяются объ его дѣятельности мнѣнія, навѣянныя его врагами, исходящія отъ крѣпостниковъ...).

[1]) Главное значеніе «Свода» состоитъ именно въ содержащемся въ немъ чисто-фактическомъ матеріалѣ,—въ указаніяхъ на существующіе обычаи, порядки и условія крестьянскаго самоуправленія, на его обстановку. Съ этой стороны,—«Сводъ» представляетъ собою первый опытъ до нѣкоторой степени систематическаго мѣстнаго

Къ крайнему сожалѣнію, указанныхъ гарантій для крестьянскаго самоуправленія и не имѣлось, и не имѣется до сихъ поръ, и неблагопріятныя, грустныя данныя, заключающіяся въ «Сводѣ», вытекаютъ изъ цѣлаго ряда органическихъ причинъ, достаточно ясныхъ и подлежавшихъ давно устраненію...

Поголовная безграмотность крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и слабая степень грамотности бывшихъ государственныхъ крестьянъ—не смѣнились до сихъ поръ грамотностью всей крестьянской массы. Средства, ассигнуемыя собственно на народное образованіе,—крайне незначительны. Чуть не большую часть расходовъ по устройству и содержанію начальныхъ школъ,—составляющихъ, несомнѣнно, общегосударственную потребность, — оплачиваютъ сами-же крестьяне, обремененные до крайности различными сборами. Дѣятельность общественныхъ учрежденій также не могла, по различнымъ причинамъ, развернуться съ достаточною широтою въ настоящемъ отношеніи. Далеко не достигнута, такимъ образомъ, и простая всеобщая грамотность. Только нынѣ дѣлаются робкія попытки ко введенію всеобщаго обученія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Весьма слабо обставлено, затѣмъ, дальнѣйшее необходимое развитіе сельскаго населенія. Библіотеки, читальни, воскресныя школы, народныя чтенія и всѣ прочія средства народнаго просвѣщенія существуютъ еще въ весьма ограниченномъ числѣ, встрѣчая различныя препятствія къ своему развитію, столь необходимому. Народная литература оставляетъ желать очень многаго. Да и то, что сдѣлано въ области народнаго просвѣщенія и общедоступной литературы,—сравнительно недавняго происхожденія. Благодаря извѣстному общественному подъему, все это только еще обѣщаетъ блестящій расцвѣтъ въ близкомъ будущемъ. Въ частности-же ничего еще почти не сдѣлано для облегченія

изслѣдованія вопросовъ крестьянскаго самоуправленія. Такой опытъ былъ давно необходимъ, такъ какъ, хотя собранные факты и не представляются ни въ какомъ отношеніи неожиданными, но все же они, какъ таковые, говорятъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе для многихъ, чѣмъ теоретическія разсужденія, чѣмъ отвлеченныя указанія на недостатки законодательства (которые и не могли дать иныхъ результатовъ). Нельзя не пожалѣть, поэтому, что программа, легшая въ основу работъ мѣстныхъ коммисій и совѣщаній, не была направлена въ большей мѣрѣ къ полученію фактическихъ свѣдѣній и не обняла многихъ существеннѣйшихъ сторонъ предмета. Какъ бы то ни было, однако, но эта фактическая часть «Свода», — повторяемъ, имѣетъ значительную цѣну. Гораздо слабѣе вторая, такъ сказать, творческая часть «Свода»,—предположенія, направленныя къ улучшенію существующихъ порядковъ въ сельской средѣ. Эти предположенія не имѣютъ уже, большею частію, никакой цѣны... Да составъ мѣстныхъ уѣздныхъ коммисій и губернскихъ совѣщаній былъ и некомпетентенъ въ настоящемъ отношеніи, и неспособенъ отрѣшиться отъ извѣстной узкости и односторонности воззрѣній и стремленій. Тутъ требовалась бы болѣе широкая государственная точка зрѣнія. Для бюрократическихъ коммисій и совѣщаній нѣкоторые отвѣты казались какъ бы предрѣшенными вопросами,—и они спѣшили отвѣчать на нихъ согласно съ предполагавшимися тогда (въ 1893—1894 гг.) видами правительства .. полагаемъ, однако, значительно измѣнившимися...

крестьянамъ возможности познакомиться точно съ своими правами и обязанностями и съ законами, относящимися до собственнаго управленія. Въ то же время сельское и волостное самоуправленіе остаются чисто сословными, замкнутыми. Лица прочихъ сословій, проживающія въ селеніяхъ и даже такъ близко стоящія къ народу, какъ стоятъ къ нему учителя, не принимаютъ въ мѣстномъ крестьянскомъ управленіи никакого участія ни съ совѣщательнымъ, ни съ рѣшающимъ голосомъ [1]). Всѣ эти лица пользуются дѣятельностію крестьянскихъ учрежденій, но не имѣютъ ни какого вліянія на улучшеніе тѣхъ порядковъ, подъ которыми живутъ и отъ которыхъ зависятъ ихъ собственные существеннѣйшіе интересы,—не несутъ никакой отвѣтственности за дурныя стороны деревенскихъ порядковъ (поскольку онѣ зависятъ отъ людей, а не отъ свойства законовъ) и ничѣмъ не платятся за хорошія. Сельское самоуправленіе не снабжено, слѣдовательно, ни надлежащими силами, ни нужными средствами. Отсюда крайне невысокій уровень состава крестьянскаго самоуправленія... Этимъ же обусловливается особое отношеніе къ нему со стороны органовъ надзора. Именно одно это уже устраняетъ значительную часть преградъ къ произвольному вмѣшательству въ дѣятельность крестьянскаго самоуправленія со стороны властей, надъ нимъ поставленныхъ. Законъ съ нѣкоторыми его преградами становится возможнымъ легко оставлять въ забвеніи. Надзоръ за законностію, огранизующійся въ средѣ самого населенія, ясно сознающаго свои права и обязанности, есть надзоръ самый вѣрный, дѣйствительный, постоянный. Но такого надзора здѣсь нѣтъ. Населеніе совершенно неразвито юридически,—весьма мало освѣдомлено по части дѣйствительныхъ и законныхъ своихъ правъ и обязанностей. Тутъ оно блуждаетъ въ совершенной темнотѣ. Всѣ указанныя условія, и въ частности нынѣшнее внутреннее и внѣшнее состояніе законовъ о крестьянахъ,—приводятъ къ этому неизбѣжно, необходимо, дѣлаютъ это роковымъ... При такихъ же обстоятельствахъ

[1]) Именно нынѣшнею крайнею юридическою отдаленностію отъ крестьянскаго самоуправленія наиболѣе интеллигентныхъ силъ деревни, учительскаго персонала народныхъ училищъ, и объясняется въ значительной степени тотъ фактъ, сообщаемый въ педагогической хроникѣ февральской книжки «Русской Школы» за 1897 г., что просьба, обращенная въ 1894 году обществомъ по устройству народныхъ чтеній въ городѣ Тамбовѣ и въ Тамбовской губерніи къ учителямъ и учительницамъ,—«ходатайствовать передъ сельскими сходами и попечителями школъ объ устройствѣ народныхъ библіотекъ и объ ассигнованіи на ихъ содержаніе небольшаго пособія (25 руб. единовременно и 10 руб. ежегодно)»—почти не имѣла успѣха. Другимъ объясненіемъ настоящаго явленія служитъ вліяніе земскихъ начальниковъ. Они и фактически обособили крестьянскій міръ отъ всякихъ стороннихъ воздѣйствій, подчинивъ его себѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ предполагаетъ и допускаетъ законъ, и уничтоживъ въ значительной степени его собственную самодѣятельность и самостоятельность... Понятно, что реакціонная печать выставляетъ несовмѣстимость всесословной волости съ реформою 12 іюля 1889 г.,—и сторонникамъ преобразованія крестьянскаго общественнаго управленія на началѣ всесословности приходится считаться съ этимъ («Вѣстникъ Европы», май 1897 г., внутреннее обозрѣніе).

завѣдываніе дѣлами сельскаго населенія со стороны ближайшихъ властей, естественнѣйшимъ образомъ, принимаетъ характеръ патріархальный, домашній, обычный. Строгія формы права легко устраняются. Публичный характеръ власти исчезаетъ. Черезъ тридцать шесть лѣтъ и для освобожденныхъ крестьянъ, и для тѣхъ, всегда свободныхъ сельскихъ обывателей, которые вступили въ положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, съ распространеніемъ на нихъ законовъ и учрежденій, созданныхъ для послѣднихъ,—въ лицѣ представителя власти все еще является «баринъ», который пріѣзжаетъ и судитъ такъ, какъ «угодно его милости», безъ всякихъ заранѣе извѣстныхъ, объективныхъ, для всѣхъ и въ томъ числѣ для него самого обязательныхъ основаній... Въ то же время законъ, установивъ на срочно-обязанное состояніе, въ которое, прежде всего, вступали освобожденные крестьяне, извѣстное вмѣшательство въ дѣла ихъ общественнаго управленія со стороны только что принципіально отстраненной патріархальной власти помѣщика (вручивъ именно послѣднему право опеки надъ бывшими «его» крестьянами, право требовать для разсмотрѣнія приговоры сходовъ и при извѣстныхъ, довольно неопредѣленныхъ условіяхъ пріостанавливать ихъ исполненіе, право требовать удаленія изъ общества для ссылки въ Сибирь «вреднаго и опаснаго», по его мнѣнію, крестьянина, право требовать удаленія «неблагонадежныхъ» писарей и пр., и пр.); допустивъ, затѣмъ, извѣстное вмѣшательство въ дѣла крестьянскаго самоуправленія со стороны послѣдовательно учреждавшихся властей, и въ особенности расширивъ его для земскаго начальника, законъ не принялъ никакихъ особыхъ мѣръ къ обезпеченію этого самоуправленія, по крайней мѣрѣ, отъ вмѣшательства, выходящаго за предѣлы, имъ (закономъ) постановленные... Мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ и оставались, и остаются до сихъ поръ въ значительной степени безконтрольными, независимыми отъ закона и власти,—пользуются исключительнымъ положеніемъ, вопреки всякимъ государственнымъ началамъ и основаніямъ и къ огромному вреду для общаго блага и порядка... Самое простѣйшее и необходимое право жалобы, всегда ограниченное, всегда сокращавшееся, было еще болѣе сокращено въ 1889 г. въ отношеніи той самой власти, вмѣшательство которой въ крестьянскія дѣла было тогда особенно расширено... [1]) Какже

---

[1]) Программа вовсе не касалась собственно устройства и полномочій властей и установленій, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами. Да сами эти власти, дававшія отвѣты на вопросы программы, и не могли бы, конечно, дать надлежащее освѣщеніе подобному предмету, какъ слишкомъ близко ихъ касавшемуся. Онѣ, естественно, склонны считать положаніе крестьянъ въ настоящемъ отношеніи не оставляющимъ желать ничего лучшаго... Такимъ образомъ, земскіе начальники во время совѣщаній и засвидѣтельствовали по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ и поводамъ о достигнутомъ ими упорядоченіи различныхъ сторомъ сельской жизни. Они же сами предположили и усиленіе своихъ полномочій въ различныхъ отношеніяхъ... Свидѣтельства и предположенія эти не имѣютъ, безъ сомнѣнія, никакой цѣны. Вопросъ о завѣдываніи и управленіи крестьянскими дѣлами и объ организаціи надзора надъ крестьянскимъ само-

могло крестьянское самоуправленіе идти правильно при однихъ этихъ условіяхъ?..

Между тѣмъ, самая плачевная сторона дѣла состоитъ въ томъ, что всѣ указанныя неблагопріятныя для крестьянскаго самоуправленія условія дѣйствуютъ,—оказывая оттого свое сугубое вліяніе,—на почвѣ крайней общей неопредѣленности юридическаго положенія крестьянъ,—неясности ихъ правъ и обязанностей, какъ наслѣдіе крѣпостныхъ порядковъ, умаленіи ихъ личности, возможности произвольнаго разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, затрогивающихъ существеннѣйшіе ихъ интересы, и— на почвѣ глубокихъ недостатковъ въ самомъ устройствѣ ихъ самоуправленія... [1]) «Сводъ» и иллюстрируетъ послѣднее довольно ярко и многочисленными данными.

II.

Прежде всего, начало законности, столь необходимое, не могло получить до сихъ поръ полнаго примѣненія къ крестьянской средѣ уже по одному тому, что не только въ области частныхъ, но и въ области публичныхъ отношеній предоставлено здѣсь дѣйствовать вмѣсто закона обычаю, большею частію воображаемому, мнимому, различающемуся по мѣстностямъ, неуловимому, ничѣмъ неудостовѣряемому, съ неопредѣленными предѣлами вліянія, безъ точнаго отношенія къ закону,—обычаю, который (коль скоро онъ, дѣйствительно, существуетъ) для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ образовался въ значительной степени при нахожденіи ихъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, а для той части государственныхъ крестьянъ, которая тоже долго жила внѣ закона, для бывшихъ монастырскихъ крестьянъ,—при нахожденіи въ не менѣе тяжкой зависимости отъ монаховъ и монастырскаго начальства... [2]) Этотъ

управленіемъ—важнѣйшій, капитальный вопросъ—остается открытымъ, подлежащимъ особой разработкѣ,—и на новыхъ началахъ, а не на началѣ помѣстно-дворянскомъ, какъ оказавшемся совершенно несостоятельнымъ и несогласнымъ съ крестьянскою свободою и взаимными отношеніями крестьянства и помѣстнаго дворянства въ прошломъ...

[1]) См. нашу книгу «Юридическое положеніе прежнихъ Крестьянъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ статей: Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія. Крестьянская женщина «Вы» и «Ты». Наказаніе безъ суда. Преобразованный волостной судъ. Юридическая безпомощность крестьянъ». Спб. 1897 г.

[2]) Вопросъ объ обычаѣ среди крестьянъ есть, безспорно, нужнѣйшій капитальный, коренной вопросъ. Онъ остается у насъ, однако, невыясненнымъ,—при всемъ видимомъ общественномъ интересѣ къ «обычному праву». Между тѣмъ, безъ правильной оцѣнки значенія закона и обычая для крестьянъ, безъ разрѣшенія этого перваго, основного вопроса,—представлялся бы недостаточно яснымъ путь предстоящей реформы крестьянскаго дѣла. На законѣ или обычаѣ должна она быть основана? Къ счастію, по существу своему, вопросъ этотъ несомнителенъ и на него можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ (оставляющій, однако, желать болѣе подробной формулировки и аргументаціи, по условіямъ полученной имъ постановки въ литературѣ): предстоящая реформа должна стать на путь строгой законности; она должна отказаться отъ воззрѣнія на крестьянскую среду, какъ на особый міръ, отличный отъ всего остальнаго русскаго общества, требующій во всемъ особыхъ юридическихъ

обычай сталъ тою дверью, тѣми широкими воротами, черезъ которыя свободно и безбоязненно входилъ произволъ во всѣ частныя и общественныя отношенія крестьянъ...

Глубоки, далѣе, недостатки устройства крестьянскаго самоуправленія, характеризующіеся тою же внѣзаконностію, шаткостію, неопредѣленностію и, такъ сказать, беззащитностію отъ всевозможныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ произвольныхъ вліяній...

Не опредѣлено, напримѣръ, положеніе селенія, не составляющаго отдѣльнаго сельскаго общества, не придано такому селенію значенія юридическаго лица, права разрѣшать свои собственныя дѣла самостоятельно,—и необходимыя права такого естественнаго, живаго цѣлаго перенесены на единицу, уже отчасти искусственную—сельское общество, состоящее изъ нѣсколькихъ, подчасъ многихъ селеній и деревень... По заключающимся въ «Сводѣ» даннымъ, именно оказывается, что въ одно сельское общество бываетъ соединено иногда «множество селеній» [1])... Селенія же, соединенныя въ одно сельское общество, отстоятъ, мѣстами одно отъ другого въ 30, 40, 50 и даже 80 верстахъ [2])... Легко понять, какое настроеніе все это должно вносить въ сельское самоуправленіе! Сходы въ такихъ случаяхъ «почти никогда не собираются въ законномъ составѣ»,—говоритъ архангельское губернское совѣщаніе [3]). При подобныхъ обстоятельствахъ, естественно, возникновеніе на дѣлѣ, въ дѣйствительности необходимой самостоятельной жизни въ отдѣльныхъ селеніяхъ, въ этихъ подавленныхъ общественныхъ единицахъ, клѣточкахъ, ячейкахъ. Почти всѣ губернскія совѣщанія и свидѣтельствуютъ о существованіи особыхъ частныхъ, селенныхъ, селенскихъ или деревенскихъ сходовъ. Но существованіе такихъ сходовъ—чисто фактическое, внѣзаконное, и—оттого крайне шаткое, неопредѣленное... «Невозможность для сельскаго населенія—замѣчаетъ по этому поводу ярославское совѣщаніе—выяснить себѣ точно порядокъ рѣшенія своихъ общественныхъ дѣлъ и компетенцію каждаго изъ сходовъ, частнаго и общаго, вызывая частые случаи признанія общественныхъ приговоровъ неправильными или незаконными, несмотря на все желаніе членовъ схода исполнить всѣ требованія закона, представляетъ очень важное неудобство, усугубляемое въ дѣйствительной жизни еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во многихъ случаяхъ незаконность такихъ приговоровъ можетъ обнаружиться только по жалобѣ заинтересованныхъ лицъ или спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ ихъ составленія»... [4]).

нормъ; крестьяне должны быть подчинены общимъ законамъ,—и такимъ образомъ, должно быть устранено главное дѣйствующее нынѣ отличіе ихъ отъ остальныхъ гражданъ, мѣшающее сліянію съ послѣдними и совмѣстной общественной культурной работѣ.

[1]) Томъ I: витеб., 8.

[2]) Томъ I: архангел., 1.

[3]) Томъ I. 2.

[4]) Томъ I: 81.

Но если великъ настоящій недостатокъ въ общественномъ устройствѣ крестьянъ, наблюдающійся въ губерніяхъ, гдѣ населеніе распредѣлено между небольшими деревнями и селами, то недостаткомъ еще болѣе подавляющимъ крестьянское самоуправленіе является то, что для большихъ селеній, составляющихъ сельскія общества каждое, отдѣльно не установлено необходимыхъ особенностей въ управленіи. Въ то время, какъ въ законѣ предполагается, что и въ волости населеніе не должно превосходить двухъ тысячъ ревизскихъ душъ, мужскаго пола—на дѣлѣ образованы сельскія общества, далеко превосходящія по численности населенія, и этотъ наибольшій составъ волостей... Такъ, въ Воронежской губерніи, 43% населенія распредѣлены между громадными селами, начиная отъ трехъ тысячъ душъ обоего пола въ каждомъ и кончая Бутурлиновскимъ сельскимъ обществомъ Бобровскаго уѣзда, въ которомъ 10,188 ревиз. душъ, а наличныхъ — болѣе 30 тыс. обоего пола [1]). Въ Пермской губерніи, изъ 844 сельскихъ обществъ, — въ 726 обществахъ считается отъ 300 до 1000 ревиз. душъ, въ 85 — отъ 1 тыс. до 2 тыс. и въ 33—свыше 2 тыс. [2]). Въ Самарской губерніи имѣется до 400 сельскихъ обществъ съ населеніемъ свыше 1 тыс. наличныхъ душъ въ каждомъ, — и не мало такихъ обществъ, въ которыхъ отъ 3 до 15 тыс. [3]). Въ свою очередь, такія огромныя сельскія общества не раздѣлены юридически на части, для болѣе удобнаго самостоятельнаго разрѣшенія своихъ дѣлъ, сообразно совершенно естественному раздѣленію большаго селенія на концы, улицы, посады и пр. Отсюда — сходы съ огромнымъ числомъ членовъ, поставленные въ затруднительное положеніе правильно разрѣшать какіе-либо вопросы... Указывая на чрезмѣрную численность сельскихъ сходовъ Пермской губерніи, мѣстное совѣщаніе и дѣлаетъ подавляющій, но совершенно правильный выводъ: «слѣдовательно, большая половина губерніи поставлена въ такія условія, при которыхъ невозможны ни правильное теченіе общинной жизни и удовлетворительное разрѣшеніе ея потребностей, ни, наконецъ, правильное исполненіе своихъ обязанностей должностными лицами сельскаго управленія...» [4]). «Зимою и осенью — говоритъ нижегородское совѣщаніе — созывъ большихъ сходовъ невозможенъ...» [5]). Такъ точно и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ сельскія общества слишкомъ велики. Созвать сходъ возможно лишь въ теплое время года,—на площади, подъ открытымъ небомъ. Оттого сходы нерѣдко откладываются. Между тѣмъ, дѣла не всегда терпятъ отлагательство. Тогда ужъ члены сходовъ бываютъ вынуждены простаивать на морозѣ, подъ дождемъ, среди вьюги и непогоды... Вся задача ихъ—стоять, присутствовать, такъ сказать, физически, механически, безъ малѣйшей возможности принять участіе въ обсужденіи того

---

1) Томъ I, 11.
2) Томъ I, 32.
3) Томъ I, 166.
4) Томъ I, 32.
5) Томъ I, 332.

или иного вопроса, даже безъ возможности знать, какіе вопросы ставятся. Отсюда понятна крайняя затруднительность собиранія многочисленныхъ сходовъ. Для созыва схода требуется нѣсколько дней. Созванныхъ же на сходъ членовъ не легко удержать... «Одни домохозяева подъѣзжаютъ на сходъ, другіе же стараются незамѣтно уйти со схода»—замѣчаетъ пермское совѣщаніе [1]). Затрудненія, возникающія отсюда, по благодушному замѣчанію подольскаго совѣщанія, — «устраняются на практикѣ тѣмъ, что въ день схода съ утра ставится караулъ на всѣхъ выѣздахъ изъ селенія, и никто не выпускается, пока не окончится обсужденіе всѣхъ дѣлъ на сходѣ и староста или старшина не распуститъ сходъ...» [2]). Между тѣмъ, такъ какъ сходы созываются лишь тогда, когда накопится много дѣлъ, то они нерѣдко затягиваются «далеко за полночь...» Понятно, сколько времени требуется затѣмъ для отобранія нѣсколькихъ сотъ или даже нѣсколькихъ тысячъ подписей подъ нѣсколькими приговорами,—подписей, ничего, очевидно, не выражающихъ и предназначающихся единственно для приданія приговорамъ видимой законной силы, для указанія, что они исходятъ отъ установленнаго числа домохозяевъ...

Въ виду всѣхъ такихъ затрудненій, возникающихъ въ средѣ слишкомъ большихъ обществъ, наблюдается на дѣлѣ, въ жизни образованіе особыхъ самостоятельныхъ общественныхъ единицъ,—«концовъ», «улицъ», «вытей», «сотенъ» и пр. Но внѣзаконное существованіе такихъ единицъ крайне шатко, неопредѣленно, затруднительно...

Тѣ же недостатки замѣчаются въ образованіи волостей. Послѣднія также—то слишкомъ велики, то слишкомъ малы. Слишкомъ большія волости представляютъ крайнія неудобства для управленія — слишкомъ малыя требуютъ большихъ расходовъ и высокаго обложенія населенія мірскими сборами на покрытіе этихъ расходовъ. Въ концѣ концовъ, и въ образованіи волостей, въ распредѣленіи населенія и сельскихъ обществъ между волостями обнаруживаются—и рядъ уклоненій отъ закона, и рядъ практическихъ неудобствъ и затрудненій. Всѣ затрудненія и неудобства, наблюдающіяся относительно слишкомъ большихъ сельскихъ обществъ и указанныя выше, возникаютъ со всею силою для волостей, образуемыхъ изъ одного сельскаго общества и одного селенія подчасъ весьма большого. Здѣсь волостной сходъ замѣняется сельскимъ и вмѣсто двухъ обычныхъ сходовъ — одного общаго, подворнаго, составляющагося изъ всѣхъ домохозяевъ, и другого, образуемаго изъ выборныхъ членовъ — является одинъ большой сходъ изъ представителей отъ всѣхъ дворовъ, вѣдающій всѣ многочисленныя дѣла обоихъ сходовъ на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ [3]).

Н. Дружининъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[1]) Томъ I, 205.

[2]) Томъ I, 335.

[3]) Въ «Сводѣ» не имѣется почти никакихъ данныхъ относительно волостей этого вида. Между тѣмъ, по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, онѣ представляютъ большой интересъ и особо неблагопріятныя условія существованія.

Изнанка покровительственной системы и помѣхи земской дѣятельности.

———

«Пусть же сахарная нормировка заглохнетъ».

I.

Мы взяли эпиграфомъ послѣднюю строку весьма дѣльной передовой статьи «Недѣли» (№ 33—17 авг.), посвященной послѣдовавшему распоряженію о новомъ опредѣленіи размѣра свободнаго выпуска сахара на рынокъ и о предѣльныхъ цѣнахъ его. Мы присоединяемся къ этому вполнѣ разумному желанію «Недѣли». И вотъ почему. Исторія сахарной нормировки представляетъ одинъ изъ болѣе интересныхъ и поучительныхъ примѣровъ того, къ чему приводитъ неумѣренное и неразсчетливое покровительство. Сущность и причины этой неумѣренности и неразсчетливости заключаются, по нашему мнѣнію, въ томъ, что министерство финансовъ недостаточно слѣдило за успѣхами сахарнаго производства и не уменьшало, поэтому, степени покровительства по мѣрѣ того, какъ производство развивалось, устраивало свою продуктивность и приходило къ возможности сокращать издержки производства, благодаря чему продуктъ обходится дешевле прежняго. Таможенныя пошлины при этомъ, повторяемъ, соотвѣтственно не понижались, такъ что барыши сахарозаводчиковъ достигали поистинѣ чудовищныхъ размѣровъ:—60% и 80% дивидента вовсе не считалось рѣдкостью. Получить такой барышъ всякій, конечно, былъ не прочь, и сахарное производство начало притягивать къ себѣ все большее и большее количество капиталовъ, земли и рабочихъ рукъ. Заводы открывались при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ надеждѣ, что пошлина вывезетъ. И дѣйствительно, она долго вывозила. Однако, въ концѣ концовъ, жаждущихъ барышей набралось столько, что покупателей на произведенный имъ продуктъ не хватило. Получилось перепроизводство, взаимная конкурренція заводчиковъ при сборѣ сахара, и въ результатѣ, если вѣрить имъ, такое паденіе цѣнъ, при которомъ работать пришлось въ убытокъ. За симъ, по обыкновенію, раз-

дались вопли о помощи, адресованныя къ правительству, и вотъ передъ нами выросъ «сахарный вопросъ».

Министерство финансовъ не могло не признать отчасти своей вины въ охватившемъ сахарное производство кризисѣ и сочло необходимымъ протянуть сахарозаводчикамъ руку помощи. Были установлены преміи *для вывоза избытка сахара за-границу*. На это дѣло потрачено свыше 6 мил. руб. казенныхъ денегъ, но кризисъ все-таки не былъ устраненъ. Затѣмъ была установлена *нормировка*, т.-е. *насильственное сокращеніе* размѣровъ производства до извѣстной нормы, какая, по разсчетамъ, нужна, чтобы весь продуктъ могъ быть потребленъ на внутреннихъ рынкахъ. Что же оказалось на самомъ дѣлѣ? «Два года тому назадъ—отвѣтимъ словами «Недѣли» (№ 33)—размѣръ потребности населенія опредѣленъ былъ всего въ 25½ милліоновъ пудовъ, а излишнее противъ этой нормы производство отчислялось въ неприкосновенный запасъ. Цѣны были искусственно поддержаны и обнаружили наклонность къ повышенію. Скоро затѣмъ на рынкѣ оказался недостатокъ сахара, и пришлось принимать противъ этого мѣры: норму повысили, а недавно рѣшено было допустить и выпускъ всего неприкосновеннаго запаса. Однако, и этого оказалось мало; теперь послѣдовало новое повышеніе нормы и признано уже, что страна нуждается въ годовомъ потребленіи 31 милліона пудовъ, т.-е. менѣе, чѣмъ въ два года пришлось возвысить норму слишкомъ на 20 процентовъ! Разница вышла очень крупная, но что-же она означаетъ? Конечно, населеніе ростетъ, измѣняются его привычки и потребности, но можетъ-ли все это измѣняться такъ быстро, чтобы спросъ естественно увеличился въ два года на пятую часть всей массы? Очевидно, что и прежде потребность была больше признанной, только смѣло взявшись за ея опредѣленіе, мы оказались вовсе не обладающими для того достаточнымъ знаніемъ нуждъ населенія, т.-е. шли наугадъ, ощупью. Положимъ, такого знанія трудно было требовать, однако, при отсутствіи его, не слѣдовало и браться за подобную задачу. Заводчики жаловались на собственное свое перепроизводство, но если пришлось уже разрѣшить выпускъ *всего* запаса, то не доказываетъ-ли это, что въ дѣйствительности никакого перепроизводства не было; а если при этомъ еще и цѣны росли, перегоняя нормальныя, и чувствовался недостатокъ продукта, то выходитъ, что на самомъ дѣлѣ скорѣе было недопроизводство и заводчики воспользовались большимъ довѣріемъ, чѣмъ на какое имѣли право. Платилось-же за такой избытокъ довѣрія только потребляющее населеніе, ни въ какихъ нормировкахъ неповинное. Для него уменьшали количество продукта и его-же заставляли платить дороже, чѣмъ слѣдовало. Единственный результатъ двухлѣтняго опыта состоялъ въ напрасной переплатѣ производителямъ, т.-е. въ установленіи для нихъ какъ-бы спеціальнаго налога».

Итакъ,—говоритъ «Недѣля» въ заключеніе,—опытъ доказалъ только ненужность искусственныхъ мѣръ въ этомъ дѣлѣ. Если намъ даже ска-

жутъ, что быстрое повышеніе нормъ явилось слѣдствіемъ не искусственности, а дѣйствительной быстроты распространенія потребленія сахара въ народѣ, то это только усилитъ возраженія противъ нормировочной системы, такъ-какъ при подобной быстротѣ сбытъ даже развивающагося производства окажется вполнѣ обезпеченнымъ, слѣдовательно, промышленность еще менѣе нуждается въ казенныхъ подпоркахъ.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ болѣе странную мѣру поддержанія какой-бы то ни было отрасли производства, чѣмъ нормировка, которую выдумали господа сахарозаводчики. Она самымъ легкомысленнымъ образомъ попираетъ всѣ тѣ устои, на которыхъ зиждется всякое процвѣтаніе промышленности. За устраненіемъ конкурренціи иностранной, нормировка устраняетъ и конкурренцію внутреннюю, устанавливая въ области промышленности небывалый до сихъ поръ принципъ — jus primo occupanti. Именно—поставщиками сахара на внутренній рынокъ могутъ являться только существующіе заводы и въ такомъ размѣрѣ, какой они захватятъ въ данный періодъ времени. Но этимъ не исчерпывается изнанка сахарной нормировки. Серьезная сторона ея заключается въ томъ, что она повлекла за собою массу другихъ невыгодныхъ послѣдствій для края: оставила громадное количество рукъ безъ дѣла, отняла заработокъ у крестьянъ, лишила землевладѣльцевъ одной изъ доходнѣйшихъ статей ихъ хозяйства, словомъ отразилась на благосостояніи края неблагопріятно. «Пусть-же сахарная нормировка заглохнетъ».

II.

Если крупная промышленность у насъ никакъ не можетъ основательно привиться и выйти изъ состоянія тепличнаго растенія, ограждаемаго всевозможными мѣрами отъ житейскихъ бурь и непогодъ, то о кустарной промышленности слѣдуетъ сказать какъ разъ обратное, какъ это наглядно подтвердилъ только-что изданный министерствомъ земледѣлія «Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности» въ періодѣ съ 1865 по 1897 г.—именно, что она существуетъ, *несмотря* на полное невниманіе къ ея нуждамъ и отсутствіе почти всякой помощи со стороны. Для крупной промышленности у насъ существуетъ масса техническихъ заведеній, кредитъ, — наконецъ, прямая помощь въ видѣ субсидій,— кустари же предоставлены самимъ себѣ.

На пути исключительно капиталистическаго производства, для Россіи, нужно принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. При капиталистическомъ производствѣ трудъ, т. е. рабочія руки являются такимъ-же составнымъ элементомъ производства, какъ и переработываемый сырой матеріалъ, т. е. цѣна его обусловливается исключительно его стоимостю. Стоимость же труда выражается, въ свою очередь, въ стоимости тѣхъ продуктовъ, которые нужны рабочему для поддержанія своего существованія, что въ общемъ и опредѣлитъ рыночную цѣну труда. Такимъ образомъ, вознагражденіе за трудъ, или такъ называемая заработная плата,

устанавливается совершенно независимо отъ продуктивности этого труда, т. е. стоимости произведенныхъ имъ товаровъ. Въ общемъ она непремѣнно должна быть немного ниже, хотя-бы уже потому, что кромѣ заработной платы предпринимателю изъ произведенныхъ товаровъ нужно покрыть массу другихъ расходовъ—процентовъ на вложенный капиталъ, прибыль и т. п. Въ результатѣ, слѣдовательно, рабочіе получатъ въ видѣ заработной платы только ничтожную долю стоимости тѣхъ товаровъ, которые они произвели. А такъ какъ большинство населенія каждой страны представляетъ изъ себя именно рабочихъ, то, въ концѣ концовъ, покупательныя силы каждой страны при капиталистическомъ производствѣ ниже стоимости производимыхъ ею товаровъ. Такое положеніе дѣлъ вызываетъ собою погоню за внѣшними рынками, кульминаціонную точку которой переживаетъ теперь западная Европа. Безпрерывный же рядъ промышленныхъ кризисовъ, которые наблюдаются теперь тамъ и въ основѣ которыхъ лежитъ излишекъ производства, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что заполученіе этихъ рынковъ съ каждымъ годомъ становится дѣломъ все болѣе и болѣе труднымъ, такъ что врядъ-ли новый конкурентъ на этомъ новомъ поприщѣ можетѣ разсчитывать на побѣду.

Преимущество такого производства, при которомъ предприниматель и работникъ соединяются въ одномъ лицѣ, заключается въ томъ, что здѣсь нѣтъ надобности, для процвѣтанія производства, во внѣшнихъ рынкахъ. Каждый производитель, получая всю стоимость произведеннаго имъ продукта, въ состояніи предъявить спросъ и на другіе товары въ такомъ-же размѣрѣ. Дѣло сводится, такимъ образомъ, къ простому обмѣну продуктовъ между разнаго рода производителями, такъ что внутренній рынокъ обезпечиваетъ сбытъ всему количеству произведенныхъ въ странѣ товаровъ.

Какъ на характерный и почти неустранимый недостатокъ мелкаго производства обыкновенно указываютъ на невозможность при немъ примѣнять въ широкомъ размѣрѣ раздѣленіе труда и употребленіе машинъ. Но этотъ недостатокъ отчасти искупается другимъ преимуществомъ мелкаго производства, лежащимъ также въ особенныхъ условіяхъ экономической жизни Россіи. Въ огромной части ея, какъ извѣстно, климатъ не допускаетъ той почти безпрерывности земледѣльческаго труда, какая наблюдается въ другихъ странахъ. Благодаря этому, нашъ земледѣлецъ, съ одной стороны, долженъ быть всегда, такъ сказать, при мѣстѣ, а съ другой—имѣетъ огромный досугъ въ промежуткѣ сельскохозяйственныхъ работъ. Въ этихъ условіяхъ быта русскаго земледѣльца и кроется причина какъ возникновенія кустарныхъ промысловъ, такъ и возможности ихъ существованія при конкурренціи крупной промышленности со всѣми ея техническими усовершенствованіями. Въ настоящее время, по единогласному заявленію всѣхъ изслѣдователей, кустарь часто получаетъ за то-же количество рабочаго времени меньшую плату, чѣмъ фабричный рабочій. Но выгода его заключается въ томъ, что онъ можетъ получить

эту плату, не уходя «съ своего мѣста», т. е. не бросая хозяйства, которое является для него основнымъ фондомъ. Такимъ образомъ, и невыгоды отъ затруднительности примѣненія всѣхъ технических усовершенствованій даннаго времени могутъ окупаться для кустаря возможностью соединить земледѣліе съ обрабатывающею промышленностью. И кто знаетъ, въ какомъ случаѣ изъ этихъ двухъ общій трудъ всѣхъ производителей будетъ продуктивнѣе, т. е. дастъ большую массу цѣнностей. Наконецъ, есть масса такихъ отраслей промышленности, которыя по своей техникѣ вовсе не требуютъ заводско-фабричной организаціи труда, и въ которыхъ мелкое производство стоитъ въ техническомъ отношеніи на уровнѣ болѣе низкомъ, чѣмъ это было-бы возможно при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, благодаря чему собственно и падаетъ или влачитъ очень жалкое существованіе.

«Новости» (28 августа № 236) совершенно справедливо говорятъ про кустарную промышленность: «Конкурренція фабрики и завода не представляетъ собою главнаго фактора, угнетающаго кустарную промышленность и понижающаго заработокъ кустарей. Въ данномъ отношеніи гораздо болѣе видное мѣсто принадлежитъ ихъ отсталости въ техникѣ производства и тѣхъ огромныхъ накладныхъ расходахъ, которые они несутъ при покупкѣ сырыхъ матеріаловъ и сбытѣ своихъ продуктовъ».

Дѣйствительно, промышленность эта падаетъ потому, что остается при первобытныхъ пріемахъ и орудіяхъ производства, вслѣдствіе чего непроизводительно затрачивается много труда безъ соотвѣтственнаго совершенства работы, и потому кустарнымъ промысламъ трудно конкурировать съ фабриками, которыя вооружены всѣми новѣйшими изобрѣтеніями и усовершенствованіями. На кустарную промышленность стоитъ обратить вниманіе,—она можетъ имѣть будущность. Нельзя собственно сказать, чтобы кустари у насъ не пользовались вниманіемъ, но совершенно справедливо замѣчаютъ «Новости» (ibid.): «такое вниманіе можно назвать скорѣе платоническимъ или академическимъ. Выражается оно преимущественно въ безчисленныхъ «изслѣдованіяхъ», посвященныхъ изученію этой отрасли народнаго труда, и въ весьма горячихъ дебатахъ, которые ведутся какъ въ печати, такъ и въ разныхъ ученыхъ обществахъ по поводу вѣроятной будущей судьбы ея». Конечно, въ производствахъ сложныхъ, требующихъ дорогихъ машинъ и большого основного и оборотнаго капиталовъ, невозможна конкурренція кустарей съ фабриками, но въ производствахъ болѣе простыхъ кустарная промышленность, вооруженная бо́льшимъ, нежели теперь, умѣньемъ и лучшими орудіями производства, можетъ выдержать борьбу. Причина тому—крайняя дешевизна труда, возможная только потому, что это занятіе для крестьянъ, не оставляющихъ хлѣбопашества, есть дѣло второстепенное, такъ какъ они могутъ довольствоваться малою заработною платой. Въ Московской губерніи, гдѣ особенно развита кустарная промышленность, въ большей части случаевъ крестьяне-кустари не только не бросаютъ

земледѣлія, но смотрятъ на него, какъ на главное основаніе своего благосостоянія, и именно въ этихъ округахъ оно идетъ лучше, и скота у нихъ больше. Кустарные промыслы имѣютъ то важное преимущество, что, давая крестьянину заработокъ въ свободное отъ занятія земледѣліемъ время, не отрываетъ его отъ семьи. Лучшіе изъ крестьянъ хорошо сознаютъ нравственный вредъ фабрикъ и, видя упадокъ нѣкоторыхъ отраслей промышленности, со страхомъ говорятъ: «Не будетъ работы, придется посылать дѣтей на фабрики, *а тамъ уже что хорошаго*!»

Итакъ—вопросъ о томъ, какой путь организаціи обрабатывающей промышленности является болѣе выгоднымъ для нашего отечества — путь-ли обособленія ея, или соединенія съ земледѣльческимъ занятіемъ, настолько сложенъ, что пока нѣтъ элементовъ для его разрѣшенія. Отсюда—усиленное покровительство одной организаціи и полное невниманіе къ другой представляется дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, рискованнымъ. Рискованнымъ въ томъ отношеніи, что покровительствуемый и желаемый видъ промышленности можетъ оказаться не имѣющимъ почвы въ условіяхъ жизни и, слѣдовательно, не привиться, а существующій, оставленный безъ вниманія, исчезнетъ. Характерная черта современной финансовой жизни нашего государства — это отсутствіе устойчивости и состоятельнаго плательщика. Усиленно покровительствуемые крупные производители до сихъ поръ не находятся въ такомъ положеніи, чтобы въ нихъ сосредоточить центръ тяжести государственнаго фиска, а мелкіе производители настолько обѣднѣли, что, въ свою очередь, дѣлаются все болѣе и болѣе ненадежнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. При такихъ обстоятельствахъ самая богатая изобрѣтательность органовъ фиска можетъ не дать требуемыхъ результатовъ.

III.

Извѣстно, что, по земскому положенію, земству предоставлены чисто хозяйственныя права. Земство завѣдуетъ капиталами, имуществами и земскими денежными сборами. Оно принимаетъ мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія; оно завѣдываетъ земскими благотворительными заведеніями; опредѣляетъ способы къ прекращенію нищенства; печется о построеніи церквей; управляетъ дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имущества; печется о развитіи мѣстной торговли и промышленности; участвуетъ въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и тюрьмахъ; содѣйствуетъ предупрежденію падежей скота, а также къ охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ истребленія саранчей, сусликами и другими вредными животными и насѣкомыми, участвуетъ въ дѣлахъ почтовой повинности; раскладываетъ государственные денежные сборы, для удовлетворенія земскихъ потребностей; представляетъ высшему правительству свѣдѣнія и заключенія по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи и уѣзда и ходатайствуетъ объ удовлетвореніи ихъ. Наконецъ,

земскія учрежденія имѣютъ право именемъ земства пріобрѣтать и отчуждать всякаго рода имущества, заключать договоры, принимать обязательства, вчинять гражданскіе иски и отвѣтствовать въ гражданскихъ дѣлахъ земства по имущественнымъ дѣламъ его.

Я попрошу читателя обратить вниманіе на формулировку «Положенія» правъ земства. Земства завѣдываютъ, устраиваютъ и содержатъ, принимаютъ мѣры, пекутся, участвуютъ въ попеченіи, содѣйствуютъ къ предупрежденію, назначаютъ, раскладываютъ, взимаютъ и расходуютъ, наконецъ, представляютъ высшему правительству свѣдѣнія и заключенія; управляетъ-же земство только дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ. Въ сущности, земства являются лишь совѣщательными собраніями съ самой ограниченной исполнительной властью, а въ то-же время нравственная отвѣтственность передъ обществомъ падаетъ исключительно на нихъ. Земство отвѣчаетъ за всякое земское неблагоустройство и, будучи хозяиномъ только повидимому, въ сущности является лишь орудіемъ, пружиной, которой управляетъ другой, менѣе видимый хозяинъ. Кажется, земство сдѣлало все, что могло сдѣлать. Оно старалось приспособиться къ новой реформѣ, установить новый порядокъ на прочныхъ основаніяхъ; оно заботилось о народномъ образованіи и здравіи, учреждало сельско-хозяйственныя общества, банки и выставки, составляло проекты о лѣсоразведеніи, заботилось объ улучшеніи рабочаго скота и лошадей, принимало мѣры противъ распространенія чумы, пожаровъ, мѣры для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ, возбуждало многочисленныя ходатайства. Земству помогала печать. Въ 30 лѣтъ своей дѣятельности земство, повидимому, достигло противуположныхъ результатовъ: земли на югѣ Россіи большею частью истощены, порода лошадей и скота вырождается, рабочій скотъ дѣлается безсильнымъ для обработки земли, конокрадство усилилось, лѣса истреблены, появились паразиты, открылись желѣзнодорожныя и другія язвы...

Какая же причина, что при всѣхъ заботахъ земства, результаты получились печальные? Земства отклоняютъ отъ себя всякую отвѣтственность за неудачи, и причины упадка, какъ земскаго хозяйства, такъ и экономическаго хозяйства крестьянъ усматриваютъ въ томъ, что частныя условія, зависящія, повидимому, или даже и дѣйствительно, отъ земства, оказываются совершенно невліятельными предъ давленіемъ главныхъ бытовыхъ условій русской жизни, совершенно независящихъ отъ земства. Что-бы земство ни предпринимало въ предѣлахъ своей земской власти, всѣ его мѣры оказываются безсильными передъ независящими отъ него общими условіями. Напримѣръ, въ «Хозяинѣ» сообщены свѣдѣнія о положеніи важнаго вопроса объ организаціи земской юридической помощи, поднятаго лохвицкимъ уѣзднымъ земствомъ (Полт. губ.).

«Возникъ этотъ вопросъ въ земствѣ—говоритъ почтенный органъ,—при разсмотрѣніи общаго вопроса о нуждахъ хозяйства въ уѣздѣ и былъ рѣшенъ во время послѣдней очередной сессіи (1896 г.). Въ своемъ до-

кладѣ по этому вопросу управа говоритъ слѣдующее: «Полуграмотная масса далеко не въ полной мѣрѣ пользуется благами скораго, справедливаго и милостиваго суда, это — фактъ несомнѣнный и весьма печальный, такъ какъ, помимо нравственнаго вліянія на населеніе, онъ имѣетъ и громадное экономическое значеніе, нарушая правильность и устойчивость коммерческаго и хозяйственнаго оборота. Это послѣднее обстоятельство,—говоритъ управа,—даетъ земству право и въ извѣстной степени обязываетъ его придти населенію на помощь посредствомъ учрежденія юридической консультаціи, гдѣ-бы каждый желающій могъ получить юридическій совѣтъ. Организація земской юридической консультаціи, — полагаетъ управа,—должна въ значительной степени смягчить и ослабить неблагопріятныя стороны существующаго порядка вещей. Земское собраніе постановило докладъ управы въ принципѣ утвердить. Однако, это постановленіе было опротестовано губернаторомъ и затѣмъ отмѣнено губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, какъ выходящее изъ круга дѣлъ, предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ. Въ подтвержденіе основательности своего протеста, губернаторъ сослался на разъясненіе правительствующаго сената отъ 20 мая 1873 г. за № 4551, по которому приглашеніе адвоката для защиты всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ лицъ выходитъ изъ сферы земской компетенціи. Докладывая о протестѣ экстренному уѣздному собранію 1897 года, управа разъяснила, что указанное рѣшеніе сената касается совершенно иной организаціи, нежели та, которая предполагалась ею. Сенатъ въ своемъ рѣшеніи имѣлъ въ виду приглашеніе адвоката для уголовныхъ защитъ, что, дѣйствительно, имѣетъ весьма отдаленное отношеніе къ земскому дѣлу, между тѣмъ, земское собраніе, дѣлая постановленіе объ организаціи юридической консультаціи, имѣло въ виду сферу хозяйственныхъ отношеній и 11 п. 2 ст. пол. о зем. учр., по коему къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій принадлежитъ «воспособленіе всѣми зависящими отъ земства способами мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности». Управа полагаетъ, что какъ земледѣліе, такъ одинаково торговля и промышленность въ сильной степени страдаютъ отъ подпольной адвокатуры и полной юридической безпомощности населенія, почему учрежденіе земской юридической консультаціи, которая явилась-бы на помощь населенію въ столкновеніяхъ чисто-хозяйственнаго свойства, представляется весьма желательнымъ, вполнѣ законнымъ и вполнѣ отвѣчающимъ задачамъ земства—идти навстрѣчу хозяйственнымъ нуждамъ населенія. Земское собраніе вполнѣ присоединилось къ докладу управы. Оно постановило обжаловать рѣшеніе губернскаго присутствія въ правительствующій сенатъ и уполномочило управу болѣе опредѣленно и положительно выяснить въ жалобѣ задачи проектируемой консультаціи».

Вотъ подобныя-то обстоятельства и стоятъ поперекъ земской дѣятельности и мѣшаютъ успѣхамъ земскаго хозяйства. Очевидно, земство недостаточно свободно въ выборѣ средствъ, которыя оно считаетъ необхо-

димыми, чтобы поставить свое хозяйство въ лучшее положеніе и поднять экономическое благосостояніе народа. Должно признать, что 30 лѣтъ опыта даютъ земству полное право явиться вѣрнымъ цѣнителемъ какъ того, что ему содѣйствуетъ и помогаетъ, такъ и того, что ему мѣшаетъ. Тѣмъ не менѣе, приходится констатировать, что хотя положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, повидимому, и неособенно благопріятствуетъ развитію земскаго начала, а слишкомъ ограниченная свобода дѣйствій и слишкомъ строгая зависимость отъ контроля и вмѣшательства губернаторской власти парализуютъ и самую земскую дѣятельность, сила вещей взяла свое, и факты жизни несомнѣнно убѣждаютъ, что земская идея достаточно укрѣпилась въ земскомъ сознаніи и составляетъ уже неотъемлемое пріобрѣтеніе общества. Правда, противники земства утверждаютъ, что мы совсѣмъ не выросли еще до самоуправленія. Выросли-ли мы или не выросли—это вопросъ такой, который одними газетными спорами, при нашихъ условіяхъ жизни, ни доказать, ни опровергнуть нельзя. Но я попросилъ-бы этихъ противниковъ сдѣлать такой опытъ: пускай въ одинъ прекрасный день они, подобно Іисусу Навину, остановятъ солнце и представятъ себѣ Россію съ исчезнувшимъ земскимъ самоуправленіемъ. Существуя болѣе тридцати лѣтъ—худо или хорошо, а всетаки существуя—земское самоуправленіе уже создало извѣстный порядокъ отношеній, создало въ народѣ даже извѣстныя привычки и требованія, которыя удовлетворялись всегда только земствомъ. Тридцать милліоновъ рублей, которые тратитъ земство на свое хозяйство, есть такое нѣчто, которое невозможно вычеркнуть изъ жизни безслѣдно. Конечно, «Московскія Вѣдомости» et tutti quanti могутъ замѣнить земскія управы казенными присутствіями и насадить ихъ чиновниками, но въ такомъ случаѣ мы вернемся къ тому порядку, который существовалъ до земства и, наконецъ, вызвалъ его существованіе. Земство явилось не въ видѣ уступки какимъ-то мечтательнымъ либеральнымъ требованіямъ, а въ силу общественной необходимости. Это простой вопросъ раздѣленія труда и неизбѣжный выходъ изъ того затрудненія, въ которомъ почувствовало себя правительство. Соединить хозяйственное управленіе въ рукахъ земскихъ начальниковъ и исправниковъ теперь фактически невозможно, а еслибъ это и оказалось возможнымъ, то оно имѣло-бы самыя дурныя и даже опасныя послѣдствія. Не уступка либеральнымъ требованіямъ создала освобожденіе крестьянъ, и еслибъ оно не явилось вслѣдствіе внутреннихъ неизбѣжныхъ требованій, то должно было-бы явиться вслѣдствіе международной политической солидарности. У каждаго факта есть своя неустранимая, неизбѣжная логика, и одного опыта крымской войны было достаточно, чтобы запомнить его даже тѣмъ, у кого очень коротка память. Опытъ этотъ показалъ, что ни одно европейское государство не можетъ существовать изолированно и что политическое значеніе каждаго народа зависитъ отъ степени развитія его матеріальныхъ и умственныхъ силъ.

Н. Геренштейнъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Бѣлорусскіе націоналисты.

(изъ жизни провинціальной интеллигенціи).

I.

За послѣднее время въ столичной печати встрѣчаются многочисленныя сужденія и отзывы о провинціи. При всемъ разнорѣчіи и разнообразіи этихъ сужденій, можно однако сказать, что въ общемъ они заключаютъ въ себѣ много весьма лестнаго для провинціальнаго общества,—пожалуй, даже слишкомъ лестнаго, чрезмѣрно преувеличивающаго его достоинства. Рядомъ съ похвалами, вполнѣ заслуженными по адресу провинціальнаго общества и, въ частности, провинціальной интеллигенціи, высказываются лишенные всякаго основанія комплименты, которые очень часто не только не соотвѣтствуютъ, но прямо противорѣчатъ истинному положенію вещей. Завѣдомо несимпатичныя и уродливыя черты въ физіономіи провинціала либо остаются совсѣмъ незамѣченными, либо рисуются въ такомъ прикрашенномъ и переиначенномъ видѣ, что вмѣсто этихъ несимпатичныхъ уродливостей читатель видитъ новыя прелести въ провинціальномъ обществѣ, а интеллигентный обыватель провинціи представляется издали въ образѣ безупречнаго рыцаря, высоко-благороднаго, идеально-нравственнаго. Такіе ни съ чѣмъ несообразные комплименты по адресу провинціальнаго общества недавно были высказаны однимъ изъ толстыхъ петербургскихъ журналовъ. Сравнивая столичную прессу съ провинціальной, журналъ этотъ отдаетъ безусловное предпочтеніе послѣдней, которую онъ ставитъ «несравненно выше по общему нравственному облику, чѣмъ ея старшую столичную сестру». Это свое мнѣніе почтенный журналъ подкрѣпляетъ тѣмъ «фактомъ», что въ провинціи нѣтъ ни одной (?) газеты, въ которой велась-бы систематическая травля инородцевъ и иновѣрцевъ—эта излюбленная тема огромной части столичной прессы. Далѣе въ цитируемой замѣткѣ развивается

та мысль, будто въ провинціальной печати «немыслимы выходки противъ народностей» и преобладаетъ «прогресивное, гуманное, просвѣтительное направленіе» главнымъ образомъ потому, что «общему настроенію провинціальной жизни чужда пока національная, сословная и религіозная нетерпимость» и т. д. въ такомъ-же родѣ.

Какъ это ни огорчительно, но должно сознаться, что весь этотъ хвалебный гимнъ не только—гипербола, а сплошное сочинительство, сплошная выдумка. Повидимому, авторъ замѣтки—человѣкъ крайне благодушный, и, безъ сомнѣнія, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія какъ о самой провинціи, такъ и о провинціальной печати. Вѣдь если-бы онъ хоть сколько-нибудь внимательно слѣдилъ за провинціальными газетами, то въ ихъ числѣ, рядомъ съ честными и дѣльными изданіями, мало въ чемъ уступающими лучшимъ столичнымъ изданіямъ, онъ неизбѣжно встрѣтилъ-бы очень и очень немало самыхъ пошлыхъ газетъ, изъ которыхъ однѣ посвящаютъ свои столбцы свистопляскѣ, и этимъ будятъ низменные инстинкты толпы, другія защищаютъ узкосословные интересы—интересы плутократіи, и наконецъ третьи, рабски подражая нѣкоторымъ изъ своихъ «старшихъ сестеръ», изо-дня въ день занимаются травлей инородцевъ. Что-же касается провинціальной жизни, которой чужда будто-бы національная и религіозная нетерпимость, то и на этотъ счетъ авторъ замѣтки, къ несчастью, жестоко ошибается. Правда, есть у насъ не мало городовъ и захолустьевъ, гдѣ вы, пожалуй, не замѣтите этой нетерпимости, но только въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ ни инородцевъ, ни иновѣрцевъ. Нетерпимость здѣсь не имѣетъ мѣста не потому, чтобы мѣстное общество стояло на такой умственной и нравственной высотѣ, которая не допускаетъ враждебнаго отношенія къ людямъ другихъ народностей, только потому, что они—инородцы, а по той простой причинѣ, что нетерпимость не имѣетъ тутъ случаевъ и поводовъ проявляться. Но стоитъ только заглянуть въ какой-нибудь изъ районовъ съ разнообразнымъ населеніемъ, гдѣ живутъ представители различныхъ національностей,—напримѣръ въ сѣверо-западный край—и вы въ первую-же минуту будете поражены той страшной національной враждой, которой проникнуто мѣстное общество даже въ лицѣ его интеллигентнѣйшихъ представителей. Эта вражда проявляется на каждомъ шагу, начиная съ мелочныхъ, дѣтски-смѣшныхъ выходокъ и кончая болѣе или менѣе важными фактами. За доказательствами не далеко ходить. Возьмите любой уставъ любого дѣйствующаго или проектируемаго общества,—хотя-бы, напримѣръ, потребительскаго, общества «яхтъ-клубъ» и пр.—и вы неизбѣжно наткнетесь на параграфъ, гласящій, что въ члены «общества» принимаюся лишь лица православнаго или въ лучшемъ случаѣ—христіанскаго вѣроисповѣданія. Параграфъ этотъ пускается въ ходъ нерѣдко съ прямымъ ущербомъ для дѣла и часто въ такихъ случаяхъ, когда казалось-бы, національная и религіозная нетерпимость не можетъ имѣть мѣста. Что общаго, напримѣръ, между электрическимъ трамваемъ, о постройкѣ ко-

тораго хлопочетъ городъ, откуда пишется настоящее письмо, и національной ненавистью? А между тѣмъ вы на каждомъ шагу услышите отъ мѣстныхъ интеллигентовъ и изъ устъ власть имѣющихъ такіе остроумные возгласы: «зачѣмъ это торопиться съ трамваемъ? Успѣемъ еще поляковъ и жидовъ катать по городу»!..

Если-бы дѣло ограничивалось только такими пошлыми и курьезными выходками, то я не позволилъ-бы себѣ обращать ваше вниманіе на ненависть мѣстнаго общества къ инородцамъ, потому что, въ концѣ-концовъ, не представляетъ большой важности, будутъ или не будутъ имѣть честь «поляки и жиды» состоять членами «яхтъ-клубовъ» и разныхъ другихъ «обществъ», удастся-ли городу построить трамвай, или-же «полякамъ и жидамъ», а вмѣстѣ съ ними, конечно, и самимъ «патріотамъ» придется разъѣзжать на извощикахъ. Но бѣда въ томъ, что не такіе сравнительно маловажные факты мѣстной общественной жизни, а явленія болѣе крупныя и значительныя сопровождаются тѣми-же позорными человѣко-ненавистническими тенденціями. Бѣда въ томъ, что интеллигентные представители мѣстнаго общества, стремящіеся жить идейной жизнью, заражены тѣми же человѣко-ненавистническими чувствами въ такой степени, что въ нихъ утопаютъ всѣ болѣе симпатичныя чувства, опошляется всякая свѣтлая мысль и всякое благородное стремленіе принимаетъ самыя уродливыя формы... Для нихъ—для той части мѣстной интеллигенціи, о которой теперь идетъ рѣчь, травля инородцевъ—поляковъ и евреевъ, какъ извѣстно, составляющихъ значительную часть населенія сѣверо-западнаго края—является чѣмъ-то вродѣ Аннибаловой клятвы, которая ни на минуту не даетъ имъ (мѣстнымъ интеллигентамъ) покоя, заставляя ихъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, разжигать національную вражду всѣми средствами и въ видѣ устной пропаганды, и путемъ печати: статьями и замѣтками въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», а также изданіемъ отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ. Пропаганда этихъ интеллигентовъ тѣмъ прискорбнѣе, что нѣкоторые изъ нихъ въ прошломъ—и не такъ давно—были очень далеки отъ своихъ теперешнихъ убогихъ идей и стремленій.

Какъ давно ужъ извѣстно, для всякой вздорной мысли, для всякой пустопорожней идеи можно подыскать, при настойчивомъ стараніи, якобы логическія и даже научныя основанія. Наши проповѣдники національной вражды съ особеннымъ рвеніемъ занялись этимъ плодотворнымъ дѣломъ; они всѣми силами стараются «научно» обосновать свои тенденціи и при этомъ черпаютъ «научныя данныя» главнымъ образомъ изъ прошлаго—изъ исторіи того края, той «народности», защитниками которой они выступаютъ, интересы которой они считаютъ себя призванными и нравственно-обязанными оберегать. Этотъ край—употребляя ихъ терминологію—бѣлоруссія, эта народность—бѣлоруссы.

Изученіе бѣлорусской исторіи, бѣлорусскаго нарѣчія, обычаевъ и вѣрованій признано дѣломъ обязательнымъ для каждаго интеллигентнаго

бѣлорусса и въ послѣднее время мѣстная интеллигенція довольно-таки усердно работаетъ въ этомъ направленіи—такъ усердно, что одинъ изъ самыхъ ярыхъ націоналистовъ-бѣлоруссовъ замѣтилъ какъ-то съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія въ одной изъ своихъ брошюрокъ о бѣлорусскомъ нарѣчіи: «мы, наконецъ, начинаемъ нѣсколько интересоваться духовною жизнью своей бѣлорусской массы, появляются сборники народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ; производятся археологическія раскопки; кое-кѣмъ дѣлаются слабыя попытки къ обработкѣ народнаго нарѣчія, изъ любви къ дѣлу и съ цѣлью раскрыть богатства и красоты бѣлорусскаго нарѣчія, и тѣмъ пріохотить наше общество къ изученію народной жизни». Не беремся судить, насколько цѣнны съ фактической стороны и въ научномъ отношеніи археологическія, этнографическія и филологическія изслѣдованія нашихъ бѣлоруссовъ—надо думать, что всѣ эти сборники пѣсенъ и пословицъ, всѣ эти археологическія раскопки, какъ и всякія другія подобныя работы, имѣютъ значеніе и, можетъ быть, даже немаловажное значеніе. Для насъ теперь интересны эти изслѣдованія лишь настолько, насколько они обосновываютъ націоналистическія тенденціи бѣлорусской интеллигенціи и насколько въ нихъ сказываются ея общественно-нравственныя воззрѣнія. Съ этой точки зрѣнія всѣ этнографическія, филологическія, а также—и въ особенности—историческія работы бѣлоруссовъ прежде всего, еще лишній разъ подтверждаютъ справедливость пословицы: «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь».

Изученіе прошлаго Бѣлоруссіи, историческіе факты подтвердили лишь то, что хотѣлось узаконить самимъ авторамъ, т. е. санкціонировали тѣ узко-націоналистическія стремленія и вражду къ инородцамъ (полякамъ и евреямъ, жившимъ и до настоящаго времени въ огромномъ числѣ живущимъ въ предѣлахъ бѣлорусскаго края), которыми еще до этого была заражена бѣлорусская интеллигенція. Потому-ли, что мѣстные историки Бѣлоруссіи—писатели малоопытные и недостаточно искусные, по той-ли причинѣ, что они слишкомъ ужъ горячо преданы своей идеѣ и знаютъ, по выраженію поэта, «одной лишь мысли власть, одну, но пламенную страсть»,—но чуть ни въ каждой написанной ими строкѣ рѣзко выступаетъ крайняя тенденціозность, ничѣмъ не сдерживаемое стремленіе представить факты въ такомъ свѣтѣ и въ такомъ видѣ, чтобы они во что-бы то ни стало говорили въ пользу излюбленной идеи, оправдывали бы симпатіи, антипатіи и вообще profession de foi бѣлорусскихъ націоналистовъ. Въ другомъ мѣстѣ у того-же автора, изъ брошюры котораго выше приведено нѣсколько словъ, встрѣчаются слѣдующія меланхолически-лирическія строки, во всѣхъ смыслахъ очень характерныя для нашихъ доморощенныхъ историковъ: «Бѣлоруссъ какъ-то несчастливъ въ своихъ привязанностяхъ... Онъ искренно любилъ своихъ литовско-русскихъ князей. Они выдали его Польшѣ. Всѣмъ сердцемъ онъ былъ преданъ своей религіи и народности. Вступивъ, послѣ долгой борьбы и колебаній, въ политическую унію, онъ свято соблюдалъ условія договора.

Но поляки отняли у него массу лучшихъ земель, унизили національность, истощили край, отняли политическое разумѣніе, лишили способности правильно понимать и цѣнить своихъ предковъ, свой языкъ, свою прошлую исторію. Бѣлоруссъ всегда былъ храбръ и вѣренъ; воспитанняя въ клерикально-шляхетскихъ тенденціяхъ мѣстная интеллигенція совершенно разучилась уважать и любить свой народъ, его языкъ, обычаи, вѣрованія и преданія» и т. д. въ такомъ-же родѣ. Затѣмъ въ книжкѣ «Очерки по исторіи городовъ Бѣлоруссіи» читатель можетъ найти цѣлый арсеналъ ядовитыхъ стрѣлъ противъ другой, ненавистной бѣлорусскимъ націоналистамъ, народности — противъ евреевъ, которые, по словамъ автора, «получили преобладаніе, благодаря тѣмъ свойствамъ, которымъ они обязаны своему племенному происхожденію и той выработкѣ во время продолжительныхъ скитаній безъ отечества, окончательно отчеканившихъ ихъ нравственную физіономію, заковавшихъ ихъ въ чувствахъ ненависти и презрѣнія къ христіанамъ и въ умѣніи скрывать эту ненависть и презрѣніе, сколько нужно подъ личиною невозмутимаго спокойствія или льстивой угодливости. Довольно развернуть любую страничку изъ исторіи Бѣлоруссіи, чтобы убѣдиться въ этомъ»... Немножко все это не складно и не согласно съ правилами русской грамматики, но не въ этомъ дѣло. Не желая оставаться голословнымъ, авторъ развертываетъ одну за другой «странички изъ исторіи Бѣлоруссіи» съ цѣлью наглядно, фактами доказать читателю, что во всѣхъ злоключеніяхъ, во всѣхъ рѣшительно бѣдахъ и неудачахъ бѣлорусской народности повинны евреи и поляки, что эти зловредные инородцы только и дѣлали, что пакостили благороднымъ, по несчастнымъ бѣлоруссамъ и вдобавокъ еще развращали, сбивали съ пути истины бѣлорусскую интеллигенцію.

Допустите на минуту, что бѣлорусскіе историки правы,—что всѣ злоключенія въ исторической жизни бѣлорусской народности — дѣло рукъ поляковъ и евреевъ. Объясняетъ-ли хоть въ малой степени это обстоятельство ненависть къ названнымъ инородцамъ? Понятны были бы злобствованія противъ поляковъ и евреевъ со стороны нашихъ интеллигентовъ, еслибы они жили не въ концѣ XIX столѣтія, а въ ту именно пору, когда иновѣрцы эти «унижали бѣлорусскую народность», «отнимали у нея политическое разумѣніе», развращали интеллигенцію и пр. Но вѣдь они—современники и свидѣтели теперешняго положенія вещей, когда поляки и евреи окончательно «укрощены». Поляки, въ качествѣ мѣстныхъ помѣщиковъ, не имѣютъ теперь ни возможности и ни малѣйшей охоты заниматься колонизаціей бѣлорусской народности,—они живутъ и дѣйствуютъ точно такъ-же, какъ и помѣщики другихъ національностей: занимаются сельскимъ хозяйствомъ, устраиваютъ разные заводы и при этомъ, какъ водится, стараются сбыть свои продукты по возможности выгоднѣе, а рабочимъ платить какъ можно меньше, и только этимъ исчерпываются отношенія поляковъ къ бѣлоруссамъ.

Что же касается другой ненавистной бѣлорусской интеллигенціи національности—евреевъ, то они,—не говоря уже о томъ, что громадная часть ихъ — чернорабочіе и касаясь только тѣхъ, которые занимаются торговлей въ бѣлорусскомъ краѣ, представляютъ такую жалкую, хронически-голодающую массу, что просто смѣшно и дико подозрѣвать въ ней разрушительные замыслы противъ «національныхъ особенностей» бѣлоруссовъ. Въ людяхъ безпристрастныхъ, не зараженныхъ идіосинкразіей къ этимъ иновѣрцамъ, послѣдніе возбуждаютъ обыкновенно совсѣмъ противоположныя чувства, доказательствомъ чему могутъ служить хотя-бы слѣдующія замѣчанія г. Станюковича, побывавшаго въ такъ называемой чертѣ осѣдлости и имѣвшаго случай близко наблюдать бытъ зловредныхъ евреевъ. «Если-бы, говоритъ онъ, газетные юдофобы, изводящіе «жида», пожили въ какомъ-нибудь городѣ въ чертѣ осѣдлости, они, быть можетъ, поняли-бы, какъ жестока и безсмысленна эта травля евреевъ, какъ народности, и увидѣли-бы, въ какой ужасающей нищетѣ живетъ большинство ихъ, благодаря именно ихъ подневольной скученности». Всего этого наши націоналисты, живущіе въ «чертѣ осѣдлости», не могутъ не знать и не видѣть.

Во всей Европѣ нѣтъ ни одного народа, ни одной націи, ни одного государства, которымъ бы не пришлось терпѣть гнетъ и разнаго рода несправедливости со стороны другого народа, другого государства или, въ свою очередь, не выступать въ роли угнетателя. И если-бы взаимныя отношенія народовъ опредѣлялись только прошлымъ, какъ этого хотятъ наши націоналисты, если-бъ люди были такъ-же злопамятны, какъ бѣлорусскіе интеллигенты, то, конечно, не оставалось-бы во всей Европѣ двухъ народовъ или государствъ не только дружественныхъ, а хотя-бы не враждующихъ другъ съ другомъ. Вездѣ и всюду царила-бы національная ненависть, при чемъ на обязанности такъ называемой интеллигенціи было-бы всѣми средствами разжигать эту ненависть.

Теперешняя франко-русская дружба — не удивленіе должна вызывать въ мѣстныхъ націоналистахъ (откуда молъ вдругъ такая страстная взаимная любовь)? даже не насмѣшку,—они, безъ сомнѣнія, до глубины души возмущены этимъ непонятнымъ для нихъ явленіемъ. Помилуйте, били насъ французы въ двѣнадцатомъ году, участвовали противъ Россіи въ крымскомъ погромѣ, «унижали» русскую національность— и вмѣсто того, чтобы помнить это и при каждомъ удобномъ случаѣ мстить ненавистнымъ французамъ, даже правительство наше вступило съ ними въ дружескія сношенія и употребляетъ всевозможныя мѣры, чтобы вселить въ обществѣ и въ народѣ благожелательныя чувства къ французамъ. «Мы, бѣлорусскіе націоналисты, не таковы, не такъ легкомысленны и безпринципны, мы ни на минуту не забываемъ, что евреи и поляки когда-то наносили вредъ нашей народности—безпристрастное и внимательное изученіе прошлаго показало намъ это—и мы теперь ненавидимъ ихъ всей душой, мы не только считаемъ себя вправѣ травить этихъ инородцевъ,

но даже признаемъ это занятіе своимъ нравственнымъ долгомъ, своей прямой обязанностью, своимъ историческимъ призваніемъ»—говорятъ горделиво наши интеллигенты всѣми своими книжками, брошюрками, изслѣдованіями и всей своей дѣятельностью.

Наши націоналисты глубоко убѣждены въ существованіи отдѣльной бѣлорусской народности. Никто, само собой, не усомнится, что въ духовной физіономіи бѣлоруса имѣются извѣстныя особенности, отличающія его отъ великоруса и малороса. Всякому вѣдь извѣстно, что историческія судьбы Бѣлоруссіи не всегда совпадали съ судьбами другихъ частей Россіи, что Бѣлоруссія въ теченіе многихъ лѣтъ жила своей особой жизнью, во многихъ отношеніяхъ отличной отъ жизни остальной Россіи, результатомъ чего въ бѣлоруссѣ неизбѣжно должны были явиться болѣе или менѣе рѣзкія отличительныя особенности. Но достаточно-ли этихъ особенностей и настолько-ли онѣ рѣзки, чтобы считать бѣлоруссовъ отдѣльной народностью—это, во всякомъ случаѣ вопросъ открытый. Такой, напримѣръ, авторитетный ученый, какъ А. А. Потебня, благоволившій націоналистическимъ стремленіямъ и воззрѣніямъ, даже онъ отрицаетъ у бѣлоруссовъ одинъ изъ существеннѣйшихъ національныхъ признаковъ—языкъ. Легко, стало-быть, можетъ оказаться, что наши интеллигентные бѣлоруссы на пескѣ возводятъ все зданіе бѣлорусскаго націонализма.

Писанія бѣлорусскихъ націоналистовъ заключаютъ въ себѣ особенности, всѣ мельчайшіе признаки самой грубой націоналистической проповѣди. Такое именно впечатлѣніе производитъ брошюрка одного изъ столповъ бѣлорусскаго націоналистическаго движенія «Плачъ бѣлорусской земли». Это—нѣчто въ родѣ манифеста, въ которомъ кратко, но энергично высказывается credo нашихъ націоналистовъ, такъ сказать, экстрактъ ихъ идей и стремленій, высказывается при этомъ въ формѣ столь странной и курьезной, что даже нѣкоторымъ изъ самихъ націоналистовъ она не по вкусу пришлась [1]).

«Плачъ бѣлорусской земли», написанный стихотворной формой, начинается слѣдующими поэтическими строками:

Я въ дремучемъ бѣлорусскомъ лѣсу.
Качаются древнія сосны; шумятъ безжизненные хвои.
Чу... кто-то стонетъ...
Ополячившійся бѣлоруссъ-католикъ!
Вѣковой-ли лѣсъ это стонетъ передъ бурей?
О, нѣтъ, ренегатъ:
Это стонетъ, убивается забытая Бѣлая Русь по
своимъ, забывшимъ ее, дѣтямъ-отщепенцамъ...

[1]) Одинъ изъ петербургскихъ журналовъ, мимоходомъ указавшій на эту брошюру, причисляетъ ее къ декадентскимъ произведеніямъ и находитъ, что она—«горячешный бредъ въ точномъ смыслѣ слова». Такому отзыву не приходится, конечно, удивляться, но нельзя въ то же время не признать его ошибочнымъ. Декадентскаго

Припѣвъ о «ренегатахъ» и «отщепенцахъ» назойливо повторяется на каждой страницѣ—и чѣмъ дальше, тѣмъ страстнѣе и энергичнѣе громитъ ихъ авторъ за то, что они «измѣнили» своей родинѣ—Бѣлоруссіи—и предали ее въ руки злѣйшихъ враговъ ея—поляковъ и евреевъ. «Ренегаты, ренегаты!—вопитъ онъ,—отрекшись отъ своего народа, падаете вы ницъ и въ униженіи клоните нѣкогда гордыя головы передъ чужимъ богомъ—католицизмомъ. О, несмысленные недовѣрки! Вмѣстѣ съ латинскою мшою обречены вы на погибель»... Затѣмъ авторъ на минуту какъ-то смягчается, становится нѣсколько сдержаннѣй и совѣтуетъ «ополячившимся и ожидовѣвшимъ» бѣлоруссамъ, этимъ «ренегатамъ и отщепенцамъ», воротиться «въ лоно матери своей Бѣлой Руси, пока еще не поздно». «Иначе, грозитъ онъ, вмѣстѣ съ наносной польщизной и жидовствомъ, погибнете вы безвозвратно». Но тутъ-же, сообразивъ, вѣроятно, что всѣ совѣты его останутся «безъ послѣдствій», онъ съ пѣной у рта и еще съ большимъ остервенѣніемъ снова начинаетъ проклинать «ренегатовъ» и при этомъ далеко оставляетъ за собой съумасшедшую барыню въ «Грозѣ», которая, стуча своимъ костылемъ, угрожаетъ прохожимъ: «въ огнѣ горѣть будете! Въ котлѣ кипѣть будете!—«Отрекшіеся отъ своей народности, будете отвержены и вы ею,—кричитъ онъ, въ изступленіи.—Безчестно будутъ валяться изринутыя родною землею кости ваши, какъ теперь валяются по костеламъ и каплицамъ кости вашихъ предковъ».

Забудьте о курьезной формѣ и обратите вниманіе только на содержаніе «Плача бѣлорусской земли», особенно на послѣднія изъ приведенныхъ строкъ, изъ которыхъ явствуетъ, что наши націоналисты считаютъ «ренегатами», «измѣнниками» не только нынѣшнихъ интеллигентныхъ бѣлоруссовъ, не вступающихся за «родную народность», но и тѣхъ изъ бѣлоруссовъ, отдаленные предки которыхъ были полонизированы и перешли въ католичество. Надо замѣтить, что не въ одномъ «Плачѣ», но и въ другихъ книжкахъ и брошюрахъ—особенно настойчиво въ вышепомянутыхъ «Очеркахъ изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи»—неоднократно развивается та-же дикая мысль. Стало-быть, она не случайная обмолвка, впопыхахъ высказанная, а органическая часть воззрѣній бѣлорусскихъ націоналистовъ, за которую они уцѣпились обѣими руками и придаютъ столь важное значеніе, что даже усердно занялись геральдическими изысканіями съ цѣлью распознать, отъ кого ведутъ родъ свой «Сапѣги, Слуцкіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Соломорецкіе, Пацы, Тышкевичи, Горскіе, Мосальскіе, Кирдѣи, Забровскіе, Сурины и пр. пр. Въ результатѣ этихъ изысканій оказалось, что всѣ упомянутыя фамиліи и еще безконечное множество другихъ, мнящихъ себя католиками и поляками,—бѣлоруссы, предки которыхъ нѣсколько столѣ-

въ «Плачѣ бѣлорусской земли» ничего нѣтъ: содержаніе его вполнѣ ясно. Вообще, едва-ли стоило и умѣстно было разсматривать эту брошюрку, какъ литературное произведеніе и со стороны ея формы—слишкомъ она для этого ничтожна.

тій тому назадъ были полонизированы, и что поэтому они—всѣ эти «измѣнники и ренегаты»—должны «воротиться въ лоно матери своей Бѣлой Руси», т. е. заняться безсмысленной травлей жидовъ и поляковъ—въ противномъ случаѣ, да будутъ они прокляты!..

Ясно отсюда, что наши оригинальные націоналисты проникнуты тѣмъ убѣжденіемъ, что прежде, чѣмъ заняться общественной дѣятельностью, каждый долженъ досканально узнать, откуда онъ родомъ, къ какой народности принадлежали его отдаленнѣйшіе предки, и обязанъ потомъ работать только и только на пользу этой именно, родной для него народности. Если-же онъ позволитъ себѣ «служить» какому-либо другому народу—тому, напримѣръ, къ которому онъ и ближайшіе его предки принадлежатъ по рожденію, то его дѣятельность, хотя-бы она была очень плодотворна, и вся его жизнь окажется страшнымъ преступленіемъ—его слѣдуетъ тогда «предать анаѳемѣ...»

Наши націоналисты, «любятъ народъ», но «странною любовью». Есть обыкновенная, здоровая любовь, бываетъ, какъ извѣстно, и «ненавидящая», — тутъ нѣтъ ни той, ни другой; у бѣлорусскихъ націоналистовъ любовь къ народу совсѣмъ особаго рода—любовь... равнодушная.

С. Г—чъ.

Духовный міръ Москвы.

Письмо первое.

I.

Если мы пожелаемъ познакомиться съ внутренней жизнью и идеалами какой-нибудь страны или одного изъ ея центровъ, то лучшими источниками, помимо личныхъ наблюденій, должна явиться газета и книга—словомъ духовная пища, по составу которой мы и видимъ чего требуетъ и желаетъ организмъ. Мнѣніе о томъ, что пресса учитъ и руководитъ толпой, едва-ли справедливо. Для этого необходимъ или ужъ очень большой авторитетъ, или продолжительная затрата времени, а съ нимъ и капитала, чтобы перевоспитать общество; на послѣднее въ наши дни найдется мало охотниковъ, а авторитеты не издаютъ ни газетъ, ни журналовъ, предпочитая оставаться или спокойными зрителями происходящаго, или вступая лишь въ число сотрудниковъ. Въ большинствѣ случаевъ газета подлаживается подъ вкусы читающей публики, стараясь этимъ обезпечить себѣ возможно большее количество подписчиковъ. То-же самое замѣчается и въ издательскомъ дѣлѣ. Изданіе какого-нибудь серьезнаго или классическаго писателя считается дѣломъ чуть-ли не геройскимъ, и, во всякомъ случаѣ, убыточнымъ. Сказанное мной нигдѣ такъ ясно не выступаетъ какъ въ Москвѣ. Посмотрите на московскіе газеты, журналы, изданія Никольскаго рынка, расходящіяся сотнями тысячъ и на васъ пахнетъ чѣмъ-то отсталымъ, провинціальнымъ въ худшемъ значеніи этого слова и безъ исключенія грубымъ. Чѣмъ это объяснить? Причина этого, мнѣ кажется, кроется въ низкой степени культуры Москвы. Постепенно обновляющійся и чисто-европейскій видъ города не доказываетъ ничего. Тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда не было ни электрическихъ фонарей, ни конокъ, ни канализаціи, Москва жила гораздо сильнѣе умственно, чѣмъ теперь. Будущему историку Москвы нельзя будетъ не упомянуть объ увлеченіяхъ Гегелемъ, о сборищахъ славянофиловъ на Собачьей площадкѣ, объ Аксаковѣ, Никитѣ Гиляровѣ, Хомяковѣ,

Погодинѣ и другихъ. Я не говорю уже о московскомъ университетѣ того времени, когда въ аудиторіяхъ слышалась талантливая рѣчь Грановскаго, звучали слова Кудрявцева и блестящія импровизаціи Никиты Крылова. Неожиданно перемѣстившійся въ среду купечества центръ тяжести общественной жизни заставилъ его круто перемѣнить свой образъ жизни, и вотъ сытый купеческій конь началъ возить будущаго милліонера въ пансіонъ, за которымъ слѣдовала гимназія, а иногда и университетъ. Купеческія дочки перестали ждать у оконъ Бальзаминова, да и онъ исчезъ, прекрасно понимая, что его время миновало. Старикамъ самимъ сразу захотѣлось сдѣлаться европейцами. Сюртукъ замѣнился фракомъ, борода исчезла, приживалки, странники и свахи изгнаны навсегда въ кухню, въ залѣ загремѣлъ рояль, а хозяинъ дома сдѣлался меценатомъ. Въ гостинной появились художники, сбывающіе свои картины, бритые артисты. Купецъ завелъ картинныя галлереи, началъ издавать книги, которыхъ самъ не читалъ, принимать участіе въ журналахъ. Побывавшіе за-границей разсказывали друзьямъ и пріятелямъ подъ звуки органа Гурьинскаго трактира о грандіозныхъ предпріятіяхъ, процентахъ, оборотахъ капитала, биржевой игрѣ и т. д. Началась строительная горячка, къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ побѣжали рельсовые пути, имена Кокорева и Губонина стали дѣлаться извѣстными и произносились съ уваженіемъ. Видя большія торговыя предпріятія, москвичи сообразили, что собственнымъ капиталомъ не обойдешься, что необходимъ кредитъ. И вотъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, стали выростать банки, одинъ за другимъ, съ названіями все болѣе и болѣе заманчивыми. За небольшіе относительно проценты можно было заложить домъ, товаръ, учесть векселя и пустить полученныя суммы въ оборотъ. Прежній купецъ боялся ямы, выйдя изъ которой онъ не считалъ уже себя въ правѣ показываться среди торговыхъ людей на Ильинкѣ или Никольской, но время перемѣнило и этотъ взглядъ. Ловкіе адвокаты, элегантные и смѣлые, смѣнившіе дѣльцовъ отъ Иверской, вздрагивавшихъ при видѣ хожалаго и жившихъ подлогами, научили какъ объявлять себя несостоятельными, стали доказывать, что суда бояться нечего, такъ какъ судить будетъ свой братъ торговый человѣкъ. Дутыя предпріятія возникали десятками, лопались, но примѣры не дѣйствовали поучительно. Откуда-то выплывали капиталы, смятыя и засаленныя бумажки обмѣнивались на акціи, которыя быстро падали и исчезали. За крахомъ торговыхъ предпріятій начался періодъ банковскихъ хищеній. Наконецъ, все это перебродило и пошло нормальнымъ порядкомъ. Между тѣмъ молодежь кончила курсъ ученія, получила дипломы и вернулась въ родительскіе дома. Ясно, что долженъ былъ произойти расколъ и отцы отдѣлились отъ своихъ дѣтей. Кутаясь въ большія шубы, они толковали между собой о томъ моментѣ, когда блудный сынъ вернется и запроситъ пощады. Но время шло, а ожидаемый моментъ не наступалъ. Сыновья, съѣздивъ и основательно познакомившись съ дѣломъ въ Англіи и Германіи, завели свои порядки. Фабрики

сдѣлались торговыми центрами, основались школы, больницы, начались разговоры о времени и часахъ рабочаго дня, страховали рабочихъ отъ поврежденій и на случай смерти, завязались сношенія съ далекими странами. Московскіе фабриканты открыли себѣ новые рынки на Востокѣ, стремясь подлаживаться къ мѣстнымъ требованіямъ. Рядомъ съ этимъ старые магазины и амбары не могли уже вмѣщать количество продаваемыхъ товаровъ, терявшихъ много при скверномъ освѣщеніи. И въ Москвѣ, на диво толпѣ, начали появляться магазины одинъ эффектнѣе другого, съ тысячными зеркалами, саженными стеклами, въ которыхъ виднѣлись молочные шары электрическаго освѣщенія. Молодецъ, бойкій на словахъ, зазывавшій покупателей, исчезъ, и смѣнился приказчикомъ сродни французскому комми. Покупатели сначала изъ любопытства и съ нѣкоторымъ страхомъ заглядывали въ хоромы, но къ изумленію всѣхъ здѣсь все было дешевле, не запрашивали, выслушивали требованія и исполняли ихъ вѣжливо. Старая Москва покорилась, и отцы пришли на поклонъ къ дѣтямъ, прося принять пайщиками и ихъ. Съ этого дня исчезло московское купечество и смѣнилось коммерческимъ міромъ. Хозяинъ фабрики или торговаго дома сдѣлался невидимъ. Съ ранняго утра ужъ бьется у его подъѣзда рысакъ, который повезетъ его одѣтаго въ лондонскій сюитъ или парижскій костюмъ сначала въ магазинъ, затѣмъ въ бнакъ, къ конкурренту, оптовщику и т. д. Въ двѣнадцать часовъ надо быть въ Славянскомъ базарѣ, пожать руку и за стаканомъ вина перекинуться словечкомъ съ нужными людьми. Оттуда на биржу, гдѣ ожидаютъ новости изъ Петербурга и Европы. Далѣе какое-нибудь засѣданіе, за нимъ слѣдуетъ обѣдъ съ гостями, подаваемый лакеями во фракахъ. Жена одѣвается, конечно, въ Парижѣ и вся залита бриллiантами, гости говорятъ объ итальянской оперѣ, спортѣ и не напиваются. Приживалокъ смѣнилъ артистъ, художникъ, появляющійся къ обѣду и развлекающій общество послѣ него музыкой, монологами или моментальнымъ рисованіемъ портретовъ. На столахъ валяются книжки толстыхъ журналовъ, французскіе романы и т. д. Послѣ обѣда глава семьи направляется или въ клубъ или въ театръ, послѣ чего слѣдуетъ ужинъ гдѣ нибудь за городомъ. Грандіозные кутежи, фигурировавшіе въ разсказахъ покойнаго Горбунова, отошли въ областъ преданій. Дѣло не переходитъ границъ приличій, и утомленный возвращается коммерсантъ домой съ тѣмъ, чтобы завтра начать все это снова. Ясно, что для такой жизни отцовскій домъ съ низкими потолками и лежанками становится неудобенъ. Надо строить новый, и мало этого, еще такой, чтобы на него обращали всѣ вниманіе. Такой домъ и для себя пріятенъ и рекламой дѣлу служитъ. И вдругъ среди особняковъ отживающаго дворянства выростаютъ боярскіе хоромы или бернардинскій монастырь съ высокими башнями. Но получившій образованіе и побывавшій за-границей коммерсантъ всетаки еще не заслуживаетъ названія культурнаго человѣка. Если онъ и пріобрѣлъ нѣкоторую ширину взгляда, то только въ сферѣ своихъ личныхъ дѣлъ, а ни-

какъ не въ смыслѣ общественныхъ обязанностей. Отъ послѣднихъ онъ откупается извѣстнымъ взносомъ, думая, что этимъ и ограничивается его задача. За послѣдніе четыре года изъ числа гласныхъ по журналамъ 74 ни разу не произносили ни одного слова, очевидно нисколько не интересуясь городскими дѣлами. Коммерсантъ начинаетъ говорить только тамъ, гдѣ такъ или иначе затрагивается его имущественный интересъ. Горячіе дебаты на торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ, разъ вопросъ касался системы покровительственныхъ тарифовъ, тяжелымъ гнетомъ ложащейся на потребителей, но доставляющей производителямъ 30—40%, достаточно ясно доказали это. Тамъ московскій коммерсантъ говорилъ страстно и смѣло, будто-бы радѣя о государственной пользѣ. Въ сферѣ другихъ дѣлъ, какъ благотворительность, образованіе, мы не слышимъ отъ коммерсанта живого слова,—онъ вноситъ кушъ и этимъ отступленіемъ оправдывается въ глазахъ всѣхъ. Въ сферѣ удовольствій москвичъ точно также мало культуренъ. Ему нравится все грубое, матеріальное, и любая піеса немного отвлеченнаго содержанія, полная поэтическаго замысла, не будетъ имѣть успѣха въ Москвѣ. Въ смыслѣ общей нравственности коммерсантъ очень покладистъ. Въ свой кружокъ онъ готовъ принять всякаго, лишь-бы только онъ глядѣлъ прилично и представлялъ изъ себя хоть какой-нибудь внѣшній интересъ. Поэтому московскій коммерческій міръ кишитъ всякими проходимцами и авантюристами, играющими здѣсь роль. Правда роль эта часто кончается скандаломъ или уголовщиной, но и на это смотрятъ чрезвычайно снисходительно. Наконецъ, и въ семейной жизни коммерсантъ мало культуренъ. До сихъ поръ въ купеческихъ хоромахъ разыгрываются мрачныя драмы, хорошо маскируемыя, но иногда получающія широкую и печальную огласку, какъ напримѣръ въ Мазуринскомъ дѣлѣ. Титъ Титычъ остался тѣмъ же, только онъ переодѣлся въ англійскій костюмъ и слушаетъ Мазини. Таково коренное населеніе Москвы, съ которымъ связаны всѣ остальные классы. Большинство богатаго купечества выдвинулось изъ приказчичьей среды и потому каждому отмѣривающему аршиномъ матерію позволительно мечтать, что можетъ быть черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ и онъ будетъ богатъ и славенъ. За приказчиками плотной стѣной стоитъ низшій классъ населенія, наполовину только оторванный отъ деревни и продолжающій все еще надѣяться вернуться туда и снова взяться за соху. Первые два класса: коммерсантъ и его приказчикъ читаютъ газету, послѣдній—изданія гг. Сытина, Земскаго, Брилліантова и другихъ. Среди другихъ привычекъ цивилизованнаго человѣка москвичъ пріобрѣлъ привычку «почитать газетку». Мнѣ кажется, нигдѣ такъ не примѣнимо выраженіе Щедрина, что читатель почитываетъ, какъ въ Москвѣ. Теперь естественно будетъ сказать нѣсколько словъ о газетахъ, издаваемыхъ въ Бѣлокаменной и составляющихъ ея ежедневную духовную пищу.

II.

Въ Москвѣ въ настоящее время издается семь газетъ, изъ которыхъ двѣ могутъ быть причислены къ большой прессѣ, остальныя пять составляютъ мелкую или уличную.

Большую прессу представляютъ изъ себя двѣ газеты противоположнаго лагеря: «Московскія Вѣдомости» и «Русскія Вѣдомости». Мы скажемъ о нихъ лишь нѣсколько словъ, такъ какъ онѣ не являются спеціальными московскими изданіями, интересуясь нуждами и дѣлами Бѣлокаменной столько же, сколько и остальной Россіей. Переходъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ руки Грингмута ожидался съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Періодъ Петровскаго слишкомъ ужъ засушилъ ихъ. По выраженію одного московскаго остряка, окно, изъ котораго кричалъ на Страстной бульваръ Катковъ, вдругъ захлопнулось и все стало тихо. Теперь это окно открылось снова и въ него выглянулъ господинъ, плохо загримированный Катковымъ. Въ журнальныхъ кружкахъ Москвы подивились тому горячему отпору, который дала петербургская пресса «Вѣдомостямъ» на ихъ скандально нелѣпую статью о новой присягѣ либеральныхъ редакторовъ. Слишкомъ мало ужъ имѣютъ онѣ вѣса и волноваться не стоитъ, такъ какъ положительно никто ихъ не читаетъ. Это все равно, что обижаться на дерзкое письмо, написавъ которое авторъ спряталъ его въ столъ. На московскую жизнь «Вѣдомости» не имѣютъ никакого вліянія. «Русскія Вѣдомости» интересуются только одной полосой московской жизни, а именно университетомъ, да оно и понятно, такъ какъ почти весь составъ сотрудниковъ состоитъ изъ лицъ, такъ или иначе соприкасающихся съ московскимъ университетомъ. Газета обладаетъ крупными достоинствами и говорить о ней нечего: слишкомъ она извѣстна читающей публикѣ.

Самымъ распространеннымъ органомъ мелкой прессы является «Московскій Листокъ». Газета существуетъ уже пятнадцать лѣтъ и возникла въ самое блестящее время московской журналистики. Аксаковъ кончалъ издавать свой «Парусъ» и приготовлялся послѣ краткаго перерыва къ изданію «Руси», Гиляровъ медленно умиралъ съ «Современными Извѣстіями», Шараповъ проповѣдывалъ единеніе славянъ, когда бывшій репортеръ одной изъ газетъ Н. И. Пастуховъ задумалъ начать издавать «Московскій Листокъ». Нужно сказать, что время было выбрано удачное, такъ какъ большинству населенія читать было нечего. Польскій вопросъ, коварство Англіи, славянофильство—все это было слишкомъ далеко отъ дѣйствительности и недоступно той массѣ, которая интересуется однимъ только скандаломъ. Вотъ именно этому-то скандалу и посвятилъ г. Пастуховъ свою газету и добился блестящихъ результатовъ. Однимъ изъ принциповъ, которымъ онъ пользовался для популяризаціи своего изданія, это безусловная точность воспроизведенія на его столбцахъ улич-

ныхъ происшествій. Если описывается какой-нибудь пожаръ и при этомъ сказано, что на заборѣ сидѣло трое, то это такъ и было: именно сидѣло не двое и не четверо, а трое. Если хомутъ украденъ изъ дворницкой, то можно смѣло поручиться, что не изъ сарая или конюшни, а именно изъ дворницкой. Въ этомъ принципѣ кроется тончайшая психологія толпы. Ничто такъ не обижаетъ, какъ искаженіе въ печати всѣхъ фактовъ, въ которыхъ вы сами такъ или иначе принимаете участіе. Этимъ подрывается довѣріе къ газетѣ. Правдивость въ этомъ отношеніи и создала успѣхъ газеты, такъ какъ въ каждомъ переулкѣ случалось за этотъ періодъ времени какое-нибудь происшествіе, а слѣдовательно въ каждомъ переулкѣ имѣется нѣсколько адептовъ изданій г. Пастухова. Другая причина ея успѣха кроется въ снисходительномъ отношеніи къ общественнымъ слабостямъ. Купцы такъ мило напиваются на столбцахъ «Московскаго Листка» и такъ славно самодурничаютъ и учатъ женъ, что, кажется, иначе и жизнь слагаться не можетъ. Полицейскія происшествія, въ особенности сопровождающіяся пролитіемъ крови, описываются съ удивительными подробностями, при чемъ нерѣдко сопровождаются комическими заглавіями. Такъ мнѣ особенно врѣзались въ памяти два: первое «Неудачный полетъ», который оказывался смертельнымъ паденіемъ рабочаго съ четвертаго этажа, и «Лопатой по рылу»—нанесеніе тяжкой раны въ голову заступомъ.

Я хорошо помню, какъ на страницахъ «Московскаго Листка» печатались похожденія разбойника Чуркина. Увлеченіе кровавыми подвигами этого героя было такъ сильно, что пришлось прибѣгнуть къ административнымъ мѣрамъ и Чуркинъ умеръ гораздо раньше, чѣмъ это задумалъ авторъ. Темнымъ пятномъ газеты является національная нетерпимость. Какое-нибудь происшествіе, жертвой котораго или виновникомъ является еврей или полякъ, отмѣчается всегда особенно, при чемъ еврей превращается въ «жида», а полякъ въ «пана лайдака» или «полячишку». Едва-ли это хорошо со стороны распространеннаго въ значительной степени органа. Я не указываю на мелкіе недостатки, какъ, напримѣръ, весьма грубая реклама или полная безграмотность статей, подписанныхъ «Старый знакомый» или «Не я». Обычное содержаніе номера состоитъ изъ телеграммъ, полицейскихъ происшествій, разсказанныхъ на цѣлой страницѣ, и отдѣльныхъ сценокъ, принаровленныхъ обыкновенно къ злобѣ дня. Говорить о литературныхъ достоинствахъ этого рода произведеній не приходится, такъ какъ они написаны какимъ-то особеннымъ жаргономъ, состоящимъ изъ выраженій: «фордыбачить», «сигануть», «поомонистѣй», «заканифоливай», «насобачивай» и т. д. Но и самая тенденція оскорбительна для нравственнаго чувства читателя, такъ какъ она представляетъ изъ себя одну грязь, при чемъ еще грязь выдуманную.

Вторымъ органомъ мелкой прессы, издающимся безъ предварительной цензуры, является «Русское Слово». Въ Москвѣ его читаютъ мало, но

увѣряютъ, что его читаютъ очень много въ провинціи. Пусть будетъ такъ. Главный недостатокъ газеты состоитъ въ удивительной неряшливости изданія: перепечатокъ масса, при чемъ онѣ не сгруппированы и часто противорѣчатъ одна другой. Затѣмъ въ статьяхъ «Русскаго Слова» замѣчается поразительная узкость взгляда и неискренность. Все, что не принадлежитъ къ такъ называемому консервативному лагерю, «Русскимъ Словомъ» не признается. Неискренность въ журнальныхъ статьяхъ, которыя пишутся скоро и являются какъ бы отзвукомъ на ту или другую злобу дня, чувствуется всегда и, чтобы замаскировать ее, необходимо имѣть большой талантъ. Гг. сотрудники «Русскаго Слова» имъ не обладаютъ. Наконецъ, газета просто-на-просто скучна и, взявъ ее въ руки, невольно вспоминаешь Левина въ Аннѣ Карениной, который, положивъ себѣ кусокъ калача въ ротъ, не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Вліянія на общество «Русское Слово» имѣть не можетъ и существованіе его должно считаться такимъ же анормальнымъ явленіемъ, какъ и успѣхъ «Московскаго Листка». Для чего и для кого издается эта газетка — понять довольно трудно. Наконецъ, есть еще третья газета, которая съ января мѣсяца начала выходить безъ предварительной цензуры — это «Русскій Листокъ». Газета эта напоминаетъ мнѣ ребенка, котораго родители повели на площадь посмотрѣть на балаганнаго дѣда и который, вернувшись домой, старается копировать и его, и уныло шагавшаго около балагана городового. Любуясь балаганнымъ дѣдомъ, ребенокъ насмотрѣлся мимоходомъ еще много другаго, что уже недоступно его дѣтскому разуму, наслушался скверныхъ словъ, перенялъ дурныя манеры и т. д. Появившись на газетномъ рынкѣ, «Русскій Листокъ» хотѣлъ идти по стопамъ «Московскаго Листка» и кланяться улицѣ, но сдѣлать этого не съумѣлъ и началъ кидаться со стороны въ сторону, лихорадочно ища какого-нибудь жгучаго вопроса, на который отозвалось бы московское населеніе и eo ipso стало бы больше его читать. Такимъ образомъ, онъ начиналъ борьбу съ расколомъ, не выяснивъ ничего, бросалъ ее, переходилъ къ вопросу о ссудныхъ кассахъ, шарлатанѣ о Шляттерѣ и т. д. Неудача въ подражаніи «Московскому Листку» и переходъ газеты въ новыя руки заставили «Русскій Листокъ» перемѣнить направленіе. Онъ сталъ ясно и въ большинствѣ случаевъ неудачно копировать тонъ «Московскихъ Вѣдомостей» и, продолжая развивать высказываемыя ими мысли, доходилъ до поразительныхъ абсурдовъ. Такъ, я помню, по рукамъ ходила статья, въ которой авторъ вступалъ въ борьбу съ однимъ изъ «современныхъ фетишей» по его выраженію—народнымъ образованіемъ. «Къ чему ведетъ народное образованіе», съ паѳосомъ восклицалъ авторъ, «когда теперь всѣмъ стало очевидо, что съ его развитіемъ падаетъ нравственность. Въ прежнія времена грамотныхъ совсѣмъ не было, а между тѣмъ сколько было людей высоко нравственныхъ и счастливыхъ». Подобныя статьи — обычное явленіе на столбцахъ «Русскаго Листка». Не имѣя средствъ, газета усиленно перепечатываетъ другіе органы, при чемъ въ

большинствѣ случаевъ пользуется московскими же изданіями, такъ что читатели ея узнаютъ все на сутки позже, какъ будто они живутъ не въ Москвѣ, а гдѣ-нибудь въ Ярославлѣ. Забавны тоже корреспонденціи изъ Петербурга, которыя самымъ фатальнымъ образомъ совпадаютъ со вчерашнимъ «Новымъ Временемъ». Газета скучна и не имѣетъ никакого будущаго, такъ какъ не выработала себѣ опредѣленной физіономіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ большинство ея замѣтокъ имѣютъ характеръ довольно откровенной рекламы.

Таковы три газеты мелкой прессы, издающіяся безъ предварительной цензуры. Читателю ясно, что онѣ не могутъ удовлетворить москвича, желающаго знакомиться съ жизнью родного города не на почвѣ скандала и сплетни. Можно подумать, что жизнь этого милліоннаго города бѣдна темами и все ограничивается разработкой пустяковъ. Вслѣдствіе этого, газеты эти должны потакать низменнымъ инстинктамъ толпы или медленно умирать. Москва жаждетъ не дорогой, дѣльной газеты, но кажется въ будущемъ ея не предвидится, такъ какъ пришлось бы первоначально выдержать весьма серьезную борьбу съ такими обезпеченными газетами, какъ «Московскій Листокъ», который, конечно, будетъ отстаивать свою монополію развращенія Бѣлокаменной всѣми средствами и не уступитъ ее, говоря по-московски, «ни по чемъ».

III.

Самой распространенной изъ подцензурныхъ газетъ считаются «Новости дня». Изданіе это точно такъ же, какъ и предыдущія, мало или вѣрнѣе совсѣмъ не занимается серьозными вопросами, иллюстрируя жизнь исключительно только веселящейся Москвы, и потому черпаетъ весь матеріалъ изъ міра театральнаго и міра спорта. Конечно, было бы странно отрицать значеніе такого фактора общественной жизни, какъ театръ, но съ другой стороны газета мало занимается истиннымъ искусствомъ и предается исключительному восхваленію оперетки и кафе-шантановъ. Частое общеніе съ подобнаго рода заведеніями совершенно невольно вырабатываетъ легкое или точнѣе легкомысленное отношеніе ко всему. Жизнь громаднаго центра, гдѣ сталкиваются не безъ жертвъ милліоны интересовъ отдѣльныхъ личностей, унылымъ шагомъ проходитъ боковыми тропинками, а газета рисуетъ только шоссе, соединяющее лупанаръ съ кабакомъ, но кабакомъ не простымъ, а кабакомъ утонченнымъ, гдѣ подъ хлопанье пробокъ шампанскаго кривляются изъ-за куска хлѣба полуголыя женщины. Въ этомъ кроется первая причина успѣха «Новостей дня». Занесенный съ Запада спортъ получилъ въ Бѣлокаменной широкое развитіе и находится теперь въ рукахъ тѣхъ, кто обладаетъ капиталами, т. е. сдѣлался достояніемъ коммерческаго міра. Та же причина развила въ Москвѣ и скачки. Велосипедъ за послѣднее время

сдѣлался орудіемъ рекламы конкурирующихъ между собой фирмъ, эксплуатирующихъ для своихъ цѣлей людей съ мелкимъ самолюбіемъ, побивающихъ рекорды. Раздувая этихъ побѣдителей и превращая ихъ въ героевъ, газета пріобрѣла этимъ самымъ обширный кругъ читателей, также какъ и въ числѣ любителей лошадинаго спорта, давая имъ указанія на кого играть въ тотализаторѣ и этимъ разжигая свойственную всѣмъ страсть къ азарту и легкой наживѣ. Господа спортсмены и составляютъ второй циклъ читателей и eo ipso вторую причину успѣха газеты. Теперь спрашивается, можетъ ли такая газета имѣть воспитательное значеніе и каковы ея идеалы? На первую часть вопроса отвѣтъ долженъ быть конечно отрицательный, а вторая выражается однимъ словомъ: деньги. Въ нихъ кроется все счастье, при чемъ путь, которымъ они добываются, совершенно безразличенъ и по отношенію къ нимъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, должно быть примѣняемо старое іезуитское правило о цѣли, оправдывающей средства. По своей внѣшности и грамотности «Новости дня» безспорно занимаютъ первое мѣсто.

Разсуждая апріорно, въ Москвѣ должна была имѣть успѣхъ газета, посвятившая свои силы на разработку вопросовъ торговли и промышленности, но такого рода газета, «Курьеръ», никакого значенія не имѣла, довольствуясь жалкими компиляціями или перепечатками безъ указанія источниковъ и представляя изъ себя развѣ только интересъ библіографической рѣдкости.

Наконецъ, въ Москвѣ имѣются еще двѣ газеты, занимающіяся, судя по ихъ объявленіямъ, вопросами «искусства»—это «Театральныя Извѣстія» и «Новости сезона». Если какое-нибудь искусство имъ и доступно, то развѣ только публикаціи и рекламы, но за то совершенно чуждо искусство правильно и грамотно писать по-русски. Въ этомъ отношеніи одна старается перещеголять другую. Стоитъ для этого только заглянуть въ отдѣлъ либретто, гдѣ онѣ разсказываютъ своими словами содержаніе оперъ и піесъ. Недавно я прочелъ, что Джильда любовница Риголетто,—такимъ образомъ бѣдный шутъ обвиняется въ кровосмѣшеніи, а Евгеній Онѣгинъ возлюбленный Татьяны. Вотъ уже дѣйствительно: что имъ Гекуба?.. Перечисленными изданіями исчерпывается все газетное дѣло въ Москвѣ. Я не упомянулъ о спеціальныхъ органахъ, о которыхъ судить не берусь, да и думаю, что занимаясь вопросами науки или хозяйства, они никакого прямого отношенія къ мѣсту изданія не имѣютъ, и если редакціи ихъ и находятся здѣсь, то просто въ силу того, что Москва центральна и богата людьми знающими и учеными. Попробуйте теперь читать всѣ наши московскія газеты изо дня въ день, и вы придете къ самымъ печальнымъ выводамъ. Москва будетъ вамъ рисоваться совсѣмъ не такой, какова она въ дѣйствительности, а между тѣмъ теперь, когда она не сегодня-завтра сдѣлается съ окончаніемъ Сибирской дороги всероссійскимъ торгово-промышленномъ центромъ, необходимо было бы заняться основательнѣйшимъ изученіемъ ея силъ и стремленій.

IV.

Оговариваюсь еще разъ, что я касаюсь исключительно мелкой прессы, и потому постараюсь сдѣлать характеристики журналистовъ такъ сказать «второго разбора». По издавна установившемуся обычаю, въ московскихъ газетахъ ведется хроника повседневной жизни съ намеками на личности, сплетнями и непремѣнно въ веселомъ тонѣ. Починъ этому далъ, если не ошибаюсь, В. Дорошевичъ, продолжающiй работать въ томъ же направленiи въ настоящее время въ «Одесскомъ Листкѣ». Рубрика эта имѣется во всѣхъ газетахъ подъ самыми разнообразными заглавiями: «между прочимъ», «чѣмъ хата богата», «за день» и т. д.

Хроникеромъ «Московскаго Листка» является извѣстный въ Петербургѣ Александръ Соколовъ, пишущiй подъ прежнимъ псевдонимомъ маiора Бревнова. Но что значитъ время: Бревновъ петербургскiй затрогивалъ вопросы, можетъ быть, и неособенно широкiе, но во всякомъ случаѣ живые. Московскiй—довольствуется сплетней и вся его роль сводится исключительно къ изложенiю получаемыхъ имъ писемъ. Правда, письма эти доказываютъ похвальное стремленiе читателей къ гласности и освѣщенiю печатнымъ словомъ темныхъ сторонъ ихъ будничной жизни, но съ другой стороны не всякая правда или обида должны занимать мѣсто на столбцахъ газеты, а только лишь имѣющiя общiй интересъ. Идя такимъ путемъ, мы выйдемъ на скользкую дорогу обличенiя, оставленную еще въ шестидесятыхъ годахъ. Обличенiя эти будутъ изъ ста въ девяносто пяти случаяхъ несправедливы, такъ какъ отъ другой стороны объясненiя не получается на томъ простомъ основанiи, что ее не спрашиваютъ, да и наконецъ на предложенный ей вопросъ она совсѣмъ не считаетъ себя обязанной давать ихъ. Задача публициста гораздо шире: онъ обязанъ освѣщать цѣлые углы темной жизни, а не отдѣльныя квартиры. Маiоръ Бревновъ весьма ясно и точно опредѣляетъ цѣли своей журнальной дѣятельности формулой: бить надо. Предположимъ, что вы даже станете на его точку зрѣнiя (хотя гораздо проще было бы сказать «учить надо»), но и тогда этотъ девизъ не выдерживаетъ критики. Если ужъ рѣшили бить или хлестать обличительнымъ словомъ, то это можно сдѣлать, только выяснивъ предварительно вопросъ—кого. Между тѣмъ на столбцахъ газетъ это положительно невозможно, такъ какъ, за неимѣнiемъ данныхъ, легко впасть въ преувеличенiе. Общiя же замѣчанiя только подрываютъ авторитетъ пишущаго.

Совершенной противоположностью маiору Бревнову является хроникеръ «Новостей дня», Арсенiй Г. Главный недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ хочетъ, чтобы читатели преклонялись передъ его умомъ, ученостью, талантомъ и т. д. Вслѣдствiе этого, онъ «словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой». Ужимки эти наводятъ на читателя скуку и тоску. Темы г. Арсенiя Г. слишкомъ отвлеченны и лишены

почти всегда всякаго практическаго смысла. Заглавія, бьющія на эффектъ, вычурны и въ большинствѣ случаевъ совершенно не соотвѣтствуютъ статьямъ. Лишенный публицистическаго таланта, онъ, однако, всегда держится въ границахъ приличія, что составляетъ большую рѣдкость среди московскихъ журналистовъ. Чѣмъ онъ беретъ, такъ это количествомъ писаній, такъ что ошеломленный этимъ потокомъ словъ читатель или совершенно теряетъ способность оспаривать его, или просто не читаетъ. Среди толпы г. Арсеній Г. популярностью не пользуется, о чемъ мнѣ придется сказать ниже нѣсколько подробнѣе.

Самымъ убогимъ хроникеромъ является нѣкто Н. въ «Русскомъ Листкѣ». Не знаю почему, но когда я читаю статьи названнаго выше журналиста, мнѣ дѣлается отъ души жаль его. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе человѣка далеко не изъ легкихъ. Не угодно-ли ежедневно садиться къ своему столу и отъ такого-то часа до такого дѣлаться юмористомъ и разсматривать критическимъ окомъ всѣ явленія окружающей жизни. Потуги его въ этомъ отношеніи невѣроятны. Мнѣ всегда кажется, что онъ долженъ чувствовать себя въ положеніи человѣка, который ради куска хлѣба сталъ-бы ходить по проволокѣ. Отдавая полную дань его самоотверженію и тяжелому положенію, вы все-таки съ трудомъ моглибы удержаться отъ смѣха при видѣ принимаемыхъ имъ позъ для удержанія равновѣсія. Я сказалъ «ради куска хлѣба», такъ-какъ иначе, какъ нуждой, я не могу себѣ объяснить смѣлости подписываться подъ наборомъ фразъ, ежедневно преподносимыхъ публикѣ подъ видомъ статьи. Желая написать какъ можно больше, нѣкто Н. выработалъ себѣ даже особый стиль, правда довольно оригинальный, но во всякомъ случаѣ мало грамотный. Онъ пишетъ такимъ образомъ:

Завтра бенефисъ артиста Н.
Н. празднуетъ свои именины
Каждый человѣкъ бываетъ именинникомъ.
Н. человѣкъ,
Слѣдовательно онъ именинникъ.
Публика придетъ.
    Отчего?
Потому что она любитъ Н.
Мы всегда говорили объ Н.,
Что онъ талантливый артистъ.
Посмотримъ.
Завтра недалеко.
Поживемъ увидимъ,
А, можетъ, убѣдимся?
    Въ чемъ?
Что именины Н. равны большому сбору.

И все въ этомъ родѣ.

Въ «Русскомъ Словѣ» пишетъ хронику нѣкто г. Шевелевъ. Я никогда не видалъ его, но мнѣ при чтеніи его статей всегда вспоминается анекдотъ, разсказанный покойнымъ Градовскимъ. Какое-то высокопоставленное лицо, проѣзжая на югъ въ тридцатыхъ годахъ около Курска, наткнулось на странную процессію. Впереди въ коляскѣ ѣхалъ, повидимому, богатый баринъ, а за нимъ тащился цѣлый рядъ телѣгъ, изъ которыхъ видны висячія ноги и бьющіяся головы, облеченныя въ дворянскія фуражки. Высокопоставленное лицо заинтересовалось встрѣчнымъ обозомъ и спросило:

— Что это за люди?

Тогда изъ первой телѣги выглянуло какое-то существо, облеченное въ дворянскій мундиръ, и хриплымъ голосомъ гордо отвѣтило:

— Мы не люди, а курскіе дворяне.

Оказалось, что богатый помѣщикъ везъ мелкопомѣстныхъ дворянъ на выборы. Вотъ такимъ-то курскимъ дворяниномъ и рисуется мнѣ г. Шевелевъ. При недостаткѣ таланта, онъ отличается высокомѣрнымъ тономъ и, при неумѣніи достаточно оцѣнить тотъ или другой фактъ, ограничивается отрицаніемъ его. Статьи его проникнуты какой-то напускной развязностью, которой всегда отличаются люди, чувствующіе себя не на мѣстѣ и сконфуженными.

Перечень московскихъ журналистовъ былъ-бы не полонъ, еслибы я не сказалъ еще о двухъ, которые рисуютъ картины московской жизни въ «Новостяхъ» и «Новомъ Времени»: Ракшанинъ и Амфитеатровъ. Первый изъ нихъ, кромѣ того, работаетъ и въ московскихъ газетахъ. Г. Ракшанинъ въ своихъ очеркахъ и снимкахъ, пожалуй, и вѣрно изображалъ-бы Москву, еслибы всякое сужденіе не зиждилось у него на почвѣ личныхъ симпатій и антипатій, дѣлая такимъ образомъ газету ареной, на которой разрѣшаются столкновенія, удачи или неудачи его частной жизни. Насколько это согласно съ задачами и достоинствомъ журналиста, это вопросъ другой. Лица, хорошо знакомыя съ г. Ракшанинымъ и взаимоотношеніями его, могутъ всегда безошибочно угадать, какъ онъ выскажется по данному вопросу. Онъ ловко вывертывается въ затруднительныхъ случаяхъ, заставляя высказываться другое какое-нибудь лицо, и этимъ маневромъ сразу убиваетъ двухъ зайцевъ: создаетъ фельетонъ и дѣлаетъ рекламу полезному человѣчку.

Страстью къ обобщеніямъ и выводамъ, часто весьма поспѣшнымъ, отличается г. Амфитеатровъ. Надо отдать ему справедливость, что Москву онъ знаетъ хорошо и его сужденія о ней иногда довольно вѣрны. Къ сожалѣнію, г. Амфитеатровъ чрезмѣрно субъективенъ. О себѣ онъ любитъ поговорить въ своихъ фельетонахъ, въ особенности, если случай даетъ возможность показать свою извѣстность нетолько въ Россіи, но и за ея предѣлами. Съ какими великими людьми онъ ни друженъ, гдѣ его ни знаютъ! Кажется, въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Болгаріи онъ подробно разсказываетъ, какъ онъ отправился покупать себѣ

крахмальную рубашку и, будучи пораженъ ея цѣной, спросилъ о причинахъ такой дороговизны.

— Помилуйте, Александръ Валентиновичъ и т. д.,—отвѣчалъ приказчикъ.

Разъ въ Софіи даже знаютъ имя и отчество г. Амфитеатрова, то Москвѣ и Богъ велѣлъ. Безспорно, г. Амфитеатровъ не безъ бойкости, не безъ дарованія «писатель», но оттѣнокъ легкомысленнаго хвастовства и фатовства мѣшаетъ значительности и солидности его писаній.

Таковы выдающіеся московскіе журналисты. За ними стоитъ сплошной стѣной цѣлая рать пишущей братьи, конечно совершенно чуждой всякимъ направленіямъ, тенденціямъ и смотрящей на журналистику, какъ на источникъ заработка. Трудно передать весь цинизмъ и грязь этой среды. Положимъ, мелкія сошки всюду жалки, но газетные писатели въ данномъ случаѣ гораздо хуже актеровъ, у которыхъ хоть на одинъ мигъ вспыхнулъ огонекъ любви къ искусству. И чего не приходится переносить, чтобы не быть выгнаннымъ изъ газеты. Одного, у котораго вслѣдствіе природнаго недостатка, одна нога короче другой, издатель заставляетъ безъ сапогъ танцовать вокругъ билліарда, другому кладутъ на лысину кочанъ горячей цвѣтной капусты и т. д.

Солидарности въ московскомъ журнальномъ мірѣ нѣтъ никакой, что чрезвычайно рельефно обрисовалось при обсужденіи вопроса о литературно-артистическомъ клубѣ. Вопросъ былъ поднятъ Арсеніемъ Г. и въ отвѣтъ на его предложеніе онъ получилъ массу оскорбленій, при чемъ не было забыто его національное происхожденіе и его обвинили чуть-ли не въ корыстныхъ цѣляхъ.

А. Осиповъ.

НА ОКРАИНАХЪ.

Закавказье.

Природныя богатства края и земельная неурядица.

Закавказье—одна изъ наиболѣе щедро одаренныхъ природою русскихъ колоній. Какъ велики природныя богатства Закавказья и какую серьезную роль, благодаря этому, оно можетъ и должно играть въ общеимперскомъ балансѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ данныхъ [1]). Въ Закавказьѣ насчитывается свыше двухсотъ минеральныхъ источниковъ, расположенныхъ большею частью въ красивыхъ, здоровыхъ, живописныхъ мѣстностяхъ и на различныхъ высотахъ отъ уровня моря [2]). Нужно замѣтить, что за исключеніемъ боржомскихъ и аббасъ-тумански хъ минеральныхъ источниковъ всѣ остальные очень мало или совсѣмъ не изслѣдованы и посѣщаются только мѣстными жителями. Между тѣмъ, многіе изъ нихъ, судя по произведеннымъ анализамъ, обладаютъ несомнѣнной цѣлебной силой и должны были бы привлекать,—будь они поставлены въ мало-мальски благопріятныя условія относительно жизни,—массу больныхъ.

Въ очень многихъ мѣстахъ Закавказья найдены полезные ископаемые. Такъ, въ 33 мѣстахъ найдено золото. Въ числѣ золотыхъ рудъ

---

[1]) Данныя эти извлечены изъ слѣдующихъ изданій: Вейденбаумъ, «Путеводитель по Кавказу», печ. по распор. главнонач. граждан. частью на Кавказѣ; «Кавказскій календарь», изданіе статистическаго комитета; Меллеръ, «Полезныя ископаемыя и минеральныя воды на Кавказѣ», изданіе управл. горною частью на Кавказѣ.

[2]) Эти источники распадаются на слѣдующія группы: горячихъ сѣрнистыхъ и сѣрно-щелочныхъ свыше 60; холодныхъ сѣрнистыхъ и сѣрно-щелочныхъ болѣе 30; углекислыхъ болѣе 40; углекисло-желѣзистыхъ свыше 20; желѣзистыхъ 5; глауберово-соляныхъ 2; слабо-соленыхъ 2; сѣрнисто-желѣзистыхъ 3; углекисло-щелочныхъ 2; соляно-щелочныхъ 10; известково-желѣзистыхъ 4; известковыхъ 4; горько-соляныхъ 1; горячихъ индифферентныхъ около 25; и, наконецъ, нѣсколько источниковъ съ большимъ содержаніемъ іода и пр. Мѣстъ нахожденія минеральныхъ грязей извѣстно 8.

были замѣчательныя руды, открытыя въ 1799—1805 гг. въ Елизаветпольской губ. по рѣкѣ Акстафа гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, но затѣмъ выклинившіяся и заброшенныя. Серебро-свинцовыя и свинцовыя руды находятся въ 63 мѣстахъ и, въ большинствѣ, очень богаты содержаніемъ свинца, которое колеблется отъ 45% до 80% на пудъ руды. Мѣдныя руды найдены въ 140 м., причемъ содержаніе металла колеблется отъ 5% до 35%. Марганцовыя руды извѣстны въ 35 мѣстахъ, причемъ содержаніе чистаго марганца въ нихъ колеблется отъ 30% до 54%. Желѣзныя руды открыты въ 19 м.; сѣра и сѣрный колчеданъ въ 26 м.; ископаемый уголь въ 60 м.; торфъ въ 16 м.; нефть въ 70 м.; поваренная соль въ 12 м. (также много соляныхъ источниковъ и самоосадочныхъ озеръ); глауберовая соль (мирабелитъ) въ 20 м. Кромѣ перечисленныхъ минеральныхъ рудъ, Закавказье имѣетъ и другіе, безчисленные сорта разныхъ цѣнныхъ ископаемыхъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что дѣйствительное число мѣсторожденій полезныхъ минераловъ и количество цѣлебныхъ источниковъ, въ виду малоизслѣдованности Закавказья, гораздо значительнѣе вышеприведенныхъ цифръ.

Значительная часть Закавказья покрыта вѣковыми лѣсами, въ которыхъ преобладаютъ цѣнныя древесныя породы, годныя какъ строительный и подѣлочный матеріалъ. Моря, омывающія Кавказскій перешеекъ, изобилуютъ цѣнными породами рыбъ. По богатству первое мѣсто между всѣми ватагами Европы занимаютъ куринскіе рыбные промыслы, за которые казна выручаетъ свыше 1.000,000 руб. ежегодной арендной платы. Въ земледѣльческомъ отношеніи Закавказье пригодно для всякихъ культуръ, свойственныхъ и холодному, и умѣренно-теплому климату. Въ зависимости отъ различныхъ мѣстностей, оно производитъ всѣ виды злаковъ, начиная отъ ржи, ячменя и овса и кончая рисомъ. Виноградарство и табаководство можетъ процвѣтать почти повсемѣстно, также какъ и шелководство, къ сожалѣнію, годъ отъ году падающее. Нѣкоторыя мѣстности Закавказья, подходящія по климату къ субъ-тропическимъ странамъ, вполнѣ пригодны для разведенія хлопка, индиго, сахарнаго тростника, масличныхъ, лимонныхъ, апельсинныхъ и чайныхъ плантацій.

Однако, несмотря на свои естественныя богатства, чудный, южный климатъ, удобство сообщеній, Закавказье не только не обогащаетъ русскую торговлю, промышленность и земледѣліе, но ежегодно обременяетъ бюджетъ государственнаго казначейства на нѣсколько милліоновъ рублей. Причины подобнаго печальнаго экономическаго положенія богатаго края кроются не только въ свойственныхъ русскимъ людямъ и капиталамъ инертности, но и въ господствующихъ въ Закавказьѣ неурядицѣ и невѣроятной запутанности въ дѣлахъ частной и казенной поземельной собственности. Главное зло Закавказья, создающее абсолютную невозможность его экономическому прогрессу, это земельныя недоразумѣнія, возникшія вслѣдствіе почти полнаго отсутствія у мѣстныхъ землевладѣльцевъ какихъ-либо опредѣленныхъ юридическихъ данныхъ и документовъ

на право владѣнія принадлежащими имъ сельскими угодьями. Отсутствіе этихъ данныхъ легко объясняется, если мы ознакомимся съ недалекимъ прошлымъ маленькихъ странъ, вошедшихъ въ составъ Закавказья. Такъ, Грузія, присоединенная въ 1801 году, была до такой степени истощена внутренними междоусобицами и многовѣковой борьбой съ окружавшими ее мусульманскими народами, что едва была въ состояніи доставлять за деньги провіантъ для прокормленія 3,000 русскаго отряда. Города, селенія, деревни Грузіи были выжжены, разорены до тла и представляли изъ себя груды развалинъ, а ея жители скрывались въ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ и пещерахъ. Въ мусульманскихъ провинціяхъ, образованныхъ изъ покоренныхъ ханствъ, земля составляла собственность хановъ и находилась въ частномъ пользованіи лишь на правѣ наслѣдственной аренды. Ханъ былъ воленъ отнять ее во всякое время. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, какъ въ Грузіи, такъ и въ ханствахъ никакого твердаго права на земельную собственность не существовало, и эта собственность образовалась уже подъ русскимъ владычествомъ, путемъ захвата туземцами пустующихъ земель, конечно, безъ всякихъ крѣпостныхъ актовъ, плановъ или другихъ документовъ.

Русскимъ правителямъ того времени подобные захваты были даже на руку. Пустующія земли, не представлявшія въ ихъ глазахъ никакой цѣнности, заселялись, на нихъ воздвигались башни, могущія оказывать нѣкоторое противодѣйствіе продолжавшимся набѣгамъ лезгинъ и другихъ хищниковъ. Въ краѣ нарождалось сельское хозяйство, способное отчасти удовлетворять нужды мѣстныхъ рынковъ и русскихъ войскъ. Пользуясь этимъ положеніемъ вещей, туземцы привыкли къ безнаказаннымъ захватамъ, а учрежденіе закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія, выдававшаго ссуды подъ залогъ недвижимостей, окончательно развратило ихъ невѣжественную массу. Было совершенно немыслимо и несвоевременно открывать поземельный кредитъ въ полудикомъ, неумиротворенномъ краѣ, гдѣ въ сущности не существовало ни законности, ни опредѣленной земельной собственности,—и эта ошибка привела къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Нецивилизованные туземцы бросились получать казенныя деньги, которыя, по всей вѣроятности, казались имъ падающими съ неба. Чтобы получить ссуду изъ приказа, не требовалось никакихъ данныхъ вродѣ купчихъ или вводныхъ листовъ, не говоря уже о планахъ. Было достаточно представить свидѣтельство шести «благонадежныхъ» помѣщиковъ, что закладываемое имѣніе принадлежитъ залогодателю на правѣ полной собственности, и ссуда выдавалась. Можно себѣ представить, какія путаницы и злоупотребленія происходили при подобныхъ залогахъ! Такъ какъ каждый изъ «благонадежныхъ», въ свою очередь, закладывалъ свои имѣнія и ему тоже требовались поручители, то понятно, что туземные помѣщики почти никогда не отказывали другъ другу въ подобныхъ услугахъ. Случалось и такъ, что, пользуясь невѣжествомъ или продажностью оцѣнщиковъ, ихъ при-

возили осматривать чужое имѣніе (съ вѣдома его владѣльца), болѣе обширное и лучше устроенное, каковое и принималось въ залогъ подъ видомъ принадлежащаго просителю о ссудѣ. Когда приказу пришлось начать ликвидацію своихъ дѣлъ, то обнаружились самые невѣроятные, непостижимые факты. Покупщики имѣній, проданныхъ приказомъ съ публичныхъ торговъ, тщетно разыскивали ихъ по всему краю, или, въ счастливомъ случаѣ, находили совсѣмъ не похожими на описи приказа. Иногда покупщиковъ встрѣчали съ оружіемъ въ рукахъ и они были принуждены спасаться бѣгствомъ. Вотъ въ какое положеніе было поставлено Закавказье, вслѣдствіе неясныхъ взглядовъ, господствовавшихъ у лицъ, призванныхъ управлять имъ въ тѣ далекія времена.

Неменьшее зло приноситъ и совладѣльчество, сильно развитое у грузинскаго дворянства. Въ настоящее время многіе грузинскіе княжескіе и дворянскіе роды представляютъ изъ себя многочисленныя семейства, населяющія цѣлыя деревни, состоящія изъ 100 — 200 «дымовъ» (какъ ихъ здѣсь называютъ), нераздѣльно владѣющихъ большими земельными участками, пространствомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ. Каждый такой «дымъ» имѣетъ право на извѣстную долю общаго владѣнія, въ зависимости отъ его родственной близости къ общему родоначальнику. Одинъ «дымъ» имѣетъ право на четвертую часть въ общей площади имѣнія, другой на тридцатую часть, третій на девяностую, четвертый на двухсотую и т. д. до самыхъ мельчайшихъ частицъ. Такое совладѣльчество отражается крайне невыгодно на всѣхъ его членахъ. Наиболѣе сильные и вліятельные сородичи обыкновенно захватываютъ себѣ лучшія и гораздо большія угодья, чѣмъ тѣ, на которыя они имѣютъ дѣйствительныя права, а слабые, напримѣръ, вдовы и сироты, принуждены довольствоваться тѣмъ, что имъ дадутъ. Затѣмъ случайное отсутствіе одного, двухъ, трехъ совладѣльцевъ, или ихъ упорство, или просто капризъ, зачастую лишаетъ остальныхъ возможности заключить выгодную для большинства сдѣлку, арендный договоръ и т. д. Наконецъ, при необузданности кавказскихъ нравовъ, споры и столкновенія между сородичами часто оканчиваются вооруженными схватками и вотъ почему въ Закавказьѣ такъ часты случаи родственныхъ убійствъ.

Весьма понятно, что совладѣльчество весьма вредно отражается на экономическомъ ростѣ Закавказья, лишая владѣльцевъ возможности вести какое-либо правильное сельское хозяйство въ своихъ имѣніяхъ, такъ какъ ни одинъ изъ совладѣльцевъ не рискуетъ производить затраты на улучшенія обрабатываемаго имъ участка, не зная напередъ, какіе клочки изъ общей площади имѣнія поступятъ въ его полную собственность послѣ окончательнаго раздѣла. И каждый изъ нихъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, ведетъ самое хищническое хозяйство, зная, что если онъ не успѣетъ продать какого-нибудь клочка лѣса, то этотъ клочекъ будетъ проданъ другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совладѣльчество отнимаетъ возможность у пришлыхъ предпринимателей заняться эксплуатаціей естествен-

ныхъ богатствъ, заключенныхъ въ обширныхъ недвижимыхъ имуществахъ, принадлежащихъ на правахъ общаго владѣнія сотнямъ лицъ. Наученные горькимъ опытомъ прежнихъ лѣтъ, предприниматели положительно отказываются вступать въ сдѣлки съ собственниками подобныхъ имѣній, такъ какъ всегда можно ожидать, что какой-нибудь изъ совладѣльцевъ, умышленно или случайно отсутствовавшій во время совершенія сдѣлки, неожиданно появится со своими претензіями и погубитъ уже начатое дѣло, въ которое вложены капиталы, время и трудъ. При вышеуказанномъ отсутствіи документовъ на недвижимую собственность и недобросовѣстность иныхъ владѣльцевъ, опредѣлить точное число совладѣльцевъ и ихъ права, прямо невозможно не только частному лицу, но и правительственному учрежденію, чѣмъ и объясняются случаи утвержденія старшими нотаріусами неправильныхъ крѣпостныхъ актовъ.

Отъ сосѣдства совладѣльческихъ имѣній сильно страдаютъ и туземцы. Напримѣръ, какой-нибудь крестьянинъ покупаетъ у одного изъ совладѣльцевъ арбу дровъ и съ его квитанціей отправляется въ общій помѣщичій лѣсъ, но тамъ его встрѣчаетъ другой совладѣлецъ, который отбираетъ отъ крестьянина топоръ, иногда задерживаетъ буйволовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что первый совладѣлецъ не имѣлъ права продавать ему лѣсъ. Крестьянину остается уплатить второму совладѣльцу еще разъ за нужный ему товаръ и, съ сердечнымъ трепетомъ, уѣзжать изъ помѣщичьяго лѣса, чтобы не попасться съ нагруженной арбой еще какому-нибудь третьему совладѣльцу.

Что касается громадныхъ казенныхъ угодій, заключающихъ въ своихъ нѣдрахъ неисчислимыя природныя богатства въ видѣ всевозможныхъ полезныхъ ископаемыхъ или годныхъ подъ всякія культуры и хозяйства, то эти угодья почти не изслѣдованы, площадь ихъ не опредѣлена, и они лежатъ втунѣ, принося казнѣ только убытки. Между тѣмъ, при болѣе правильномъ и живомъ хозяйствѣ, казенныя земли несомнѣнно принесли-бы государству большіе ежегодные доходы, обогатили-бы частную предпріимчивость и мѣстное населеніе, и милліоны русскихъ рублей не уходили-бы заграницу на пріобрѣтеніе матеріаловъ, въ изобиліи существующихъ на мѣстѣ. Примѣръ такихъ непроизводительныхъ и поразительно-нехозяйственныхъ затратъ представляетъ городъ Батумъ, куда, для выдѣлки простыхъ деревянныхъ ящиковъ подъ жестянки съ керосиномъ, ежегодно ввозится на два милл. руб. сосноваго и еловаго лѣса изъ Норвегіи, Австріи, даже Канады, тогда какъ въ Кутаисской губерніи, гдѣ расположенъ Батумъ, 50% общей площади земли занято лѣсами!

Чтобы охарактеризовать состояніе частной и казенной земельной собственности въ Закавказьѣ, достаточно привести слова оффиціальнаго «Кавказскаго Календаря» за 1893 годъ, гдѣ описывается экономическое положеніе Кутаисской губерніи: «Пришлые лѣсопромышленники весьма неохотно вступаютъ въ сдѣлки съ мѣстными лѣсовладѣльцами, въ виду отсутствія у послѣднихъ какихъ-бы то не было хозяйственныхъ плановъ,

описей и т. п., а нерѣдко и вообще оформленныхъ данныхъ на право собственности...» «Лѣсопромышленныя предпріятія многихъ капиталистовъ, главнымъ образомъ иностранныхъ, заканчивались пока весьма плачевными послѣдствіями и, можно сказать, что до сихъ поръ неизвѣстны примѣры удачныхъ предпріятій» (стр. 97). «Если лѣсныя площади, принадлежащія казнѣ, не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ ни плановъ, ни хозяйственныхъ описей, то частные лѣса въ этомъ отношеніи находятся еще въ болѣе хаотическомъ положеніи, вслѣдствіе массы фамильныхъ споровъ и вообще отсутствія юридически оформленныхъ правъ на собственность у частныхъ владѣльцевъ» (стр. 99). Прибавимъ отъ себя, что въ подобномъ положеніи находится почти все Закавказье.

Понятно, что, при наличности такихъ условій въ краѣ, невозможно и немыслимо предпринимать какое-нибудь крупное, серьезное дѣло. Въ то-же время безпорядокъ въ дѣлахъ землевладѣнія и землепользованія несомнѣнно пробуждаетъ и поддерживаетъ дурные, хищническіе инстинкты среди невѣжественной массы туземнаго населенія, доказательствомъ чему служатъ слова предсѣдателя правленія Михайловскаго дворянскаго земельнаго банка (въ Кутаисѣ) г. Чикваидзе, высказанныя имъ общему собранію членовъ-заемщиковъ этого банка 28-го мая 1893 г. Г. Чикваидзе упрекнулъ членовъ-заемщиковъ въ томъ, что они мѣшаютъ правильности банковскихъ операцій, *убивая* покупщиковъ, пріобрѣтающихъ съ банковскихъ торговъ продаваемыя сельскія имѣнія. Наконецъ, этотъ безпорядокъ способствуетъ процвѣтанію въ краѣ всевозможныхъ мелкихъ хищниковъ-кулаковъ, въ видѣ кабацкихъ адвокатовъ, берущихся за измышляемыя кляузныя дѣла на скверной грязной почвѣ, и цѣлой стаи мелкихъ промышленниковъ, людей безъ принциповъ и совѣсти, наживающихъ состоянія при помощи эксплуатаціи туземцевъ и окончательно развращающихъ нравы мѣстнаго населенія.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, въ какомъ печальномъ, безвыходномъ положеніи находится въ настоящеее время Закавказье, благодаря, главнымъ образомъ, неправильной, ненормальной постановкѣ такого серьезнаго вопроса, какъ вопросъ о частной земельной собственности. Исключеніе, въ этомъ случаѣ, составляетъ Абхазія (Черноморское побережье), гдѣ этотъ вопросъ былъ избѣгнутъ отобраніемъ (при ея присоединеніи въ составъ имперіи) всѣхъ земель въ государственную собственность, изъ которой впослѣдствіи производились туземцамъ земельные нарѣзы, сообразно положенію и вліянію каждаго изъ нихъ. Конечно, если-бы та-же мѣра была принята въ отношеніи остальныхъ частей Закавказья, то въ настоящее время и тамъ никакихъ аграрныхъ вопросовъ не существовало-бы, но что сдѣлано, да еще такъ давно, того не воротишь и нужно отыскивать другія мѣры для поправленія старыхъ ошибокъ.

Мы не будемъ рекомендовать тѣ или другіе способы для поднятія экономическаго благосостоянія Закавказья, но исходя изъ того, что безъ

упорядоченія мѣстнаго землевладѣнія этотъ богатый край никогда не достигнетъ благоденствія, мы позволимъ себѣ намѣтить нѣкоторыя мѣры для упорядоченія закавказскаго землевладѣнія. Прежде всего необходимо уничтожить фамильное совладѣтельство, какъ крайне вредное явленіе для края,—хотя-бы для этого пришлось прибѣгнуть къ установленію законодательнымъ путемъ обязательнаго выкупа правительствомъ, въ свою собственность, тѣхъ совладѣльческихъ сельскихъ имѣній, которыя не будутъ полюбовно раздѣлены между ихъ настоящими хозяевами втеченіи извѣстнаго срока времени. Необходимо назначить, такимъ-же путемъ, извѣстный періодъ времени для заявленія правъ и претензій на недвижимыя имущества, лицамъ, неимѣющимъ до настоящаго времени законныхъ юридическихъ актовъ на таковыя, по истеченію котораго они окончательно лишаются этихъ правъ, и по мѣрѣ поступленія такихъ заявленій немедленно приступать къ ихъ разбору. Необходимо ускорить генеральное размежеваніе Закавказья, для чего нужно пополнить штаты межевщиковъ и мѣстныхъ судебныхъ инстанцій, разбирающихъ межевыя дѣла, и также назначать подобныя дѣла къ разбору внѣ общаго порядка.

Относительно казенныхъ угодій можно пожелать, чтобы ихъ площадь была, наконецъ, опредѣлена, составлены описи, планы и управленіе ими сосредоточено въ одномъ вѣдомствѣ, а не въ нѣсколькихъ, какъ это практикуется теперь. Точно также необходимо, чтобы казна поощряла частную предпріимчивость путемъ отдачи своихъ, въ настоящее время бездоходныхъ имѣній въ аренду и продавала изъ нихъ участки частнымъ лицамъ, для устройства сельскихъ хозяйствъ. Тогда благосостояніе Закавказья быстро пойдетъ впередъ и оно перестанетъ лежать тяжкимъ бременемъ на государственномъ бюджетѣ Россіи. Но такъ-какъ приведеніе въ ясность всѣхъ этихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ займетъ не мало годовъ, даже при самыхъ сильныхъ энергіи и желаніи со стороны лицъ, которые займутся этимъ, то необходимо приступить къ нимъ какъ можно скорѣе.

Н. Лахвари.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неудовлетворенныя стремленія къ высшему образованію.—Указъ о новомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ.—Крестьянскія переселенія въ послѣднее время.—Жилищный вопросъ въ большихъ городахъ.—Мелководье Волги.—Упорядоченіе тяги судовъ на Маріинской системѣ.

За послѣднія пять-шесть лѣтъ наплывъ абитурьентовъ въ наши высшія техническія заведенія достигъ небывалыхъ размѣровъ. И раньше число желающихъ поступить въ эти заведенія превышало число вакансій, но все-же конкурренція не была такою ожесточенной и за флагомъ оставалось, напримѣръ, въ Петербургѣ, не болѣе тысячи юношей. Къ концу девятидесятыхъ годовъ цифра этихъ «отринутыхъ», передъ которыми грубо захлопнулись двери храмовъ науки, куда они готовились за десять лучшихъ лѣтъ жизни, перешла уже за полторы тысячи, потомъ съ каждымъ годомъ все возростала и настоящей осенью превысила три тысячи, изъ четырехъ тысячъ молодыхъ людей, съ полнымъ успѣхомъ окончившихъ среднія заведенія и имѣвшихъ всѣ права на пріемъ въ высшія безъ экзамена. Принято было, послѣ жестокихъ конкурсныхъ экзаменовъ, менѣе тысячи, просто въ силу физическаго закона непроницаемости, т. е. по неимѣнію мѣста. Самыми модными заведеніями оказались: горный, куда изъ 687 экзаменовавшихся принято только 50 или почти $^1/_{14}$ всего числа, инженеровъ путей сообщенія, куда попало около $^1/_{10}$ экзаменующихся, и технологическій. Даже въ лѣсной институтъ явилось держать втрое больше, чѣмъ было вакансій, чего раньше не бывало, ибо институтъ этотъ привлекалъ менѣе всего въ виду незавидной карьеры, выражающейся въ мѣстѣ помощника лѣсничаго на 25 р. въ мѣсяцъ и съ перспективой въ далекомъ будущемъ получить мѣсто лѣсничаго на $1^1/_2$—2 т. р. и дальше ничего. Должно быть, молодежи пришлось туго, если даже въ этотъ институтъ, куда раньше поступали безъ конкурса, оказался такой наплывъ; въ морское техническое училище, гдѣ кончившіе также поставлены въ незавидное положеніе, держало экзаменъ больше, чѣмъ въ прежніе годы.

При такомъ наплывѣ молодежи, чтобы лучше отсортировать болѣе достойныхъ, установили для конкурсныхъ балловъ небывало высокую норму, такъ что при пятибальной системѣ требовалось въ среднемъ $4^4/_5$—$4^3/_4$, а для евреевъ въ технологическій даже круглое 5. Экзаменаторы придирались больше, рѣзали безъ милосердія, какъ-бы защищаясь отъ натиска какихъ-то враговъ, и не взирая на все это, враги эти—юноши, жаждущіе знанія, не отступали; число получившихъ полный конкурсный баллъ все-таки превысило число вакансій, пришлось или дѣлать выборъ между ними, или принимать сверхъ комплекта. Многіе несчастные юноши ухитрялись сразу держать въ два заведенія, напрягали всѣ свои нервныя силы—одинъ Богъ знаетъ о пережитыхъ ими волненіяхъ и внутреннихъ терзаніяхъ. Не попавъ первый годъ, они держали на другой и третій, доходя до разстройства нервовъ и до полнаго изнеможенія, когда какая-нибудь недостающая дробь вродѣ $^1/_5$—$^1/_8$ балла разбивала всѣ ихъ надежды и ломала всю ихъ жизненную карьеру. Горькую чашу пришлось испить въ особенности кончившимъ реальныя училища; для гимназистовъ, не попавшихъ въ техническія заведенія, оставался свободный ходъ въ университеты. Реальныя училища, о реформѣ которыхъ говорилось еще пятнадцать лѣтъ назадъ, до сихъ поръ остаются какими-то межеумочными недоношенными заведеніями, откуда одинъ ходъ—въ высшія техническія училища. Правда, ихъ съ успѣхомъ можно-бы допускать на естественный и математическій, даже на медицинскій факультеты университетовъ, но объ этомъ еще только начали составлять «предположенія». Въ послѣднее время это стремленіе въ техническія училища явилось очень кстати, совпало съ прогрессирующимъ спросомъ на техниковъ. Но государство, поощряя промышленность и разработку естественныхъ богатствъ, въ то-же время не позаботилось развитіемъ высшаго техническаго образованія, что было-бы вполнѣ логично. За послѣднія четверть вѣка открыто всего два высшихъ техническихъ заведенія: технологическій институтъ въ Харьковѣ и инженерное училище въ Москвѣ. Между тѣмъ техниковъ не хватаетъ, и съ каждымъ годомъ ихъ все больше приходится приглашать изъ-за границы, тогда какъ юристовъ, чиновниковъ, филологовъ, даже агрономовъ и врачей больше, чѣмъ имѣется для нихъ мѣстъ. Техниковъ ищутъ; земства, города, промышленныя предпріятія часто публикуютъ въ газетахъ, приглашая техниковъ, инженеровъ, химиковъ и т. п. на солидныя жалованья.

Неудобство отъ наплыва молодежи обостряется еще тѣмъ, что она стягивается преимущественно въ Петербургѣ, гдѣ сосредоточено большее число высшихъ техническихъ училищъ. Куда идти истощившимъ всѣ усилія попасть въ одно изъ этихъ училищъ? въ чиновники, въ торговыя и другія конторы, въ сидѣльцы при винной монополіи и проч.? Но вѣдь и здѣсь все переполнено; сюда раньше еще нахлынуло немало неудачниковъ, да и легко-ли этимъ ни въ чемъ неповиннымъ юнымъ, изгоямъ

науки, отказаться отъ завѣтныхъ плановъ, отъ намѣченной программы жизни, хоронить свою жизненную карьеру! Очень немногіе изъ нихъ находятъ выходъ, уѣзжая заграницу для поступленія въ тамошнія техническія заведенія, но ясно, что это явленіе во всякомъ случаѣ не нормальное и нежелательное.

Но кромѣ государственныхъ и экономическехъ соображеній, можно еще посмотрѣть на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія нравственной обязанности. Разъ государство, поощряя среднее образованіе, выпустило тысячи реалистовъ и гимназистовъ съ хорошими дипломами,—оно обязано дать имъ возможность доучиться до конца въ высшихъ заведеніяхъ, и всякіе конкурсы представляются, несомнѣнно, болѣзненно-абсурднымъ явленіемъ. Нельзя утверждать, чтобы обязанность эта не сознавалась: лѣтъ пятнадцать назадъ учебное вѣдомство стало изыскивать пути для уменьшенія числа реалистовъ, оставшихся за флагомъ; въ 1886 г. былъ выработанъ планъ преобразованія реальныхъ училищъ въ болѣе законченныя заведенія,—отсюда выходили бы техники прямо на дѣло, не стремясь въ высшія заведенія. Но этотъ планъ былъ сведенъ къ уставу промышленныхъ училищъ, оставшемуся почти безъ примѣненія; между тѣмъ, будь этотъ планъ выполненъ—сотни реалистовъ ушли бы въ промышленныя училища, которыя послужили-бы отводнымъ клапаномъ для излишняго контингента; для болѣе же способныхъ, желающихъ получить высшее образованіе, было время открыть нѣсколько высшихъ училищъ. Но ничего этого не было сдѣлано, время упущено, и теперь нужно больше средствъ на высшія заведенія. Министерство народнаго просвѣщенія не могло не остановиться логически на необходимости открыть нѣсколько новыхъ такихъ заведеній. Но отъ сознанія до осуществленія еще далека пѣсня, особенно у насъ на Руси, гдѣ уходятъ годы на то, что на западѣ дѣлается мѣсяцами, гдѣ усердно соблюдается классическое правило: «festina lente». Подъ гнетомъ неумолчныхъ жалобъ на несправедливыя утѣсненія и урѣзки въ пріемѣ въ высшія техническія заведенія министерство выступило съ сообщеніемъ, что ассигновано 19 т. р. на особую коммиссію изъ спеціалистовъ-архитекторовъ, которая должна разработать проекты нѣкоторыхъ техническихъ заведеній. Затѣмъ, мы узнаемъ, что эта коммиссія, не въ примѣръ другимъ русскимъ коммиссіямъ, принялась за дѣло съ необычной быстротой и уже составила проекты нѣсколькихъ училищъ: Томскаго техническаго института, Казанскаго промышленнаго училища—средняго химическаго и трехъ низшихъ техническихъ по механической, химической и строительной спеціальностямъ, Касимовскаго техническаго, Саратовскаго средняго химико-техническаго, Рыбинскаго низшаго механико-техническаго, С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго и многихъ другихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

Все это хорошо, и устройство этихъ училищъ сократило-бы контингентъ обиженныхъ и обездоленныхъ, но вмѣсто ожидаемаго ассигнованія

нужныхъ на ихъ устройство средствъ, вся распланировка свелась пока къ учрежденію одной должности архитектора при отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства. Обидно было-бы думать, что въ данномъ случаѣ гора родила мышь и весь вопросъ такой огромной важности сойдетъ на нѣтъ. Это было-бы просто невѣроятно. Правда, для разрѣшенія вопроса потребуются немалыя средства, но, во-первыхъ, средства эти вовсе не такъ велики, особенно если припомнить, что находились вдесятеро большія средства на вещи менѣе важныя и гораздо менѣе полезныя; во-вторыхъ для борьбы съ острыми болѣзненными явленіями не слѣдуетъ останавливаться передъ небольшими финансовыми жертвами, тѣмъ болѣе если послѣднія являются высоко-производительными и предупреждаютъ многія неблагопріятныя явленія. Небольшой выходъ, при небольшихъ затратахъ, могъ-бы быть найденъ и теперь путемъ пріема еще нескольхихъ сотенъ молодыхъ людей въ существующія заведенія, гдѣ имѣются еще свободныя помѣщенія для расширеніи мастерскихъ, а въ аудиторіяхъ могутъ и потѣсниться, тѣмъ болѣе, что не всѣ посѣщаютъ лекціи. Въ томъ-же, напримѣръ, технологическомъ институтѣ служащіе и многіе профессора занимаютъ огромныя квартиры; въ немъ же большое помѣщеніе отведено подъ канцелярію попечителя петербургскаго учебнаго округа, которая съ удобствомъ могла бы быть переведена въ зданіе университета, гдѣ она раньше и помѣщалась. Разумѣется, расширеніе техническихъ заведеній гораздо труднѣе, чѣмъ общеобразовательныхъ, и оборудованіе ихъ на лишнее число учениковъ обходится дорого, но все же это дѣло возможное, и очень жаль, что упущенъ лѣтній сезонъ для такого расширенія. Затѣмъ, отпускъ нѣсколькихъ милліоновъ на устройство новыхъ училищъ могъ бы быть сдѣланъ безъ замедленія, особенно при такомъ блестящемъ состояніи нашихъ финансовъ, какимъ оно представляется по отчетамъ подлежащаго вѣдомства. При томъ расходъ на каждаго воспитанника техника, считая и мастерскія, въ десять разъ меньше, чѣмъ на филологовъ, которые обходятся въ среднемъ *по тысячѣ рублей* въ годъ. Если уже такъ заботятся о развитіи коммерческаго образованія, надобность въ которомъ менѣе настоятельна, то тѣмъ болѣе основаній позаботиться о техническомъ и профессіональномъ образованіи. Устройство казенныхъ винныхъ складовъ поглотило большее количество милліоновъ, чѣмъ ихъ потребуется на всѣ проектируемыя техническія училища.

Откладывать дальше этого дѣла нельзя и потому, что все болѣе приходится удовлетворять нужду въ техникахъ приглашеніемъ заграничныхъ или поручать дѣло малосвѣдущимъ людямъ въ ущербъ промышленности и строительнымъ предпріятіямъ. Привлеченіе же иностранныхъ техниковъ только усиливаетъ тотъ захватъ русской промышленности, который съ особой энергіей проявляется въ послѣднее время, особенно въ области горнозаводской, гдѣ стали доминировать иностранныя компаніи. Отсюда ясно, что всякое замедленіе въ открытіи техническихъ училищъ, помимо

опасности отъ накопленіи «лишнихъ» людей, наноситъ государству и промышленнымъ сферамъ потери во много разъ большія, чѣмъ во сколько обошлось-бы самое открытіе училищъ. Самое естественное было бы—въ наступающій зимній періодъ окончательно выработать проекты и ассигновать деньги, а съ весны приступить къ постройкѣ зданій. На первый разъ ожидаютъ открытія высшихъ техническихъ заведеній такіе пункты, какъ Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринославъ, Тифлисъ, Казань, Екатеринбургъ и одинъ изъ сибирскихъ городовъ. Эти восемь заведеній могли бы поглотить болѣе тысячи молодыхъ людей. Но этого, конечно, далеко недостаточно, а потому можно-бы, въ крайнемъ случаѣ съ будущей же осени обратить петербургскій и нѣжинскій филологическіе институты въ техническія заведенія. Буде же окажется почему-либо неудобнымъ преобразовать оба названные филологическіе институты въ технологическіе, то можно съ полнымъ основаніемъ предложить закрытіе и почти пустующихъ филологическихъ факультетовъ хоть въ нѣкототрыхъ университетахъ, при чемъ освободившаяся сумма, около 800 тыс. р. ежегодно, была-бы достаточна на содержаніе трехъ, а то пожалуй и четырехъ высшихъ техническихъ училищъ. Одновременно съ этимъ слѣдуетъ устраивать среднія училища, промышленныя и техническія, съ законченнымъ курсомъ, которые выпускали-бы техниковъ прямо въ жизнь, чему наглядный примѣръ давало Красноуфимское реальное училище, откуда всѣ окончившіе тотчасъ получаютъ дѣло, не стремясь въ высшія заведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ десяти высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ съ удобствомъ могли бы быть упразднены два младшіе приготовительные курса, а вмѣсто того надо расширить старшіе, отчего сразу и весьма значительно увеличится пріемный контингентъ. Пора также разрѣшить, наконецъ, пріемъ реалистовъ на естественный и математическій факультеты (можно, пожалуй, и на медицинскій, гдѣ греческаго не нужно, а полатыни только надо умѣть читать), о чемъ давно идетъ рѣчь и противъ чего нѣтъ ни малѣйшихъ достаточныхъ основаній. Когда все это будетъ совершено—тогда, пожалуй, поглотится весь излишекъ алчущихъ и жаждущихъ техническаго образованія, выбрасываемыхъ нынѣ за бортъ съ такимъ легкимъ сердцемъ. Ускорить это неотложное дѣло не представитъ затрудненій уже потому, что для этого есть большой опытъ, имѣются готовые планы и знающіе техники, могущіе быть преподавателями. Ускореніе дѣла облегчается во многомъ и тѣмъ, что казнѣ приходятъ на помощь мѣстныя общества и промышленныя группы, какъ уже и заявлено въ Кіевѣ, Екатеринбургѣ и др. мѣстахъ. Этотъ подъемъ общественной инициативы уже безспорно указываетъ, насколько вошла въ сознаніе потребность въ расширеніи техническаго образованія. Кромѣ того, надо разсчитывать и на стипендіи, какія дадутъ города, земства, купеческія общества, промышленныя компаніи и др. группы, нуждающіяся въ техникахъ. Словомъ—нѣтъ ни одного основанія къ малѣйшему замедленію, и обычная рутина въ видѣ

тяги къ подготовительныхъ работъ, коммиссій и пр. должна быть отброшена, какъ вредная въ такомъ живомъ дѣлѣ. Надо-же наверстывать потерянное и сейчасъ-же приступить къ тому, что слѣдовало-бы дѣлать десять лѣтъ назадъ и даже ранѣе. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда такъ подавлялось стремленіе къ образованію, особенно къ реальному, могли еще ссылаться, что на него мало спроса, что промышленность слабо развита, но теперь, когда мы выставляемъ на видъ небывалый расцвѣтъ нашей промышленности, когда чуть ни каждый день возникаютъ новыя фабрики и заводы, обстраиваются города, сооружаются тысячи верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ не можетъ и не должно быть мѣсто сомнѣніямъ въ томъ, что реальное образованіе должно быть выдвинуто на первый планъ. Вѣдь ужъ какъ давно пишутъ о необходимости этого и объ ослабленіи классицизма, какъ основы общаго образованія. Давно уже сама жизнь толкаетъ молодежь на путь практическаго знанія, которое могло-бы дать силу для успѣшной борьбы съ посѣтившими насъ съ разныхъ сторонъ экономическими невзгодами, а также для примѣненія точныхъ знаній къ разработкѣ минеральныхъ, лѣсныхъ и др. богатствъ, какъ это усвоила себѣ Сѣверная Америка—страна, съ которою насъ такъ любятъ сравнивать по естественнымъ условіямъ. Удерживать отжившую нѣмецкую культуру съ ея классицизмомъ оказалось, какъ показалъ слишкомъ тридцатилѣтній опытъ, очень вреднымъ и непосильнымъ для такого молодого государства съ непочатыми силами, какимъ обыкновенно представляютъ Россію.

За послѣднее время курсъ нашего злополучнаго кредитнаго рубля поддерживается искусственно на одномъ уровнѣ; хромому дали костыли, и онъ сталъ устойчивѣе, что имѣетъ хорошую сторону для международно-коммерческихъ разсчетовъ. Выпускамъ кредитныхъ билетовъ на воздухъ, безъ обезпеченія, положенъ конецъ, и послѣдніе выпуски были произведены съ полнымъ металлическимъ обезпеченіемъ рубль за рубль, при чемъ равное количество золота было положено въ таинственныя кладовыя государственнаго банка. Затѣмъ, по указу 3 января нынѣшняго года, были выпущены новые «перекрещенные» золотые съ обозначеніемъ на нихъ стоимости въ кредитной валютѣ въ 7½ и 15 р. Хожденіе этихъ золотыхъ наряду съ прежними, на которыхъ начертана дѣйствительная «металлическая» стоимость — 5 и 10 р. — внесло большую путаницу въ наше денежное обращеніе и еще болѣе помѣшало водворенію золота въ массѣ народа, который упорно отрыгаетъ попадающіе въ среду его золотые, какъ слишкомъ крупную единицу. При томъ же, одновременно съ появленіемъ новыхъ выкрещенныхъ золотыхъ гдѣ-то вдали отъ нескромныхъ глазъ стали безъ замедленія, домашнимъ кустарнымъ способомъ, производить фальшивые золотые, которые безграмотнымъ мужикамъ трудно было отличать отъ настоящихъ, сфабрикованныхъ на петербургскомъ монетномъ дворѣ. Это еще болѣе отвращало народъ отъ

золота, которое воспринималось, и то очень неохотно, на периферіи— въ крупныхъ центрахъ, торговцами, подрядчиками и т. п. Тогда стал больше распространять серебряные рубли и для вящшаго ихъ распространенія прекратили печатаніе столь ходкихъ въ народѣ рублевокъ и трешницъ, а также облегчили почтовую пересылку серебра. Всѣ думали, что о новыхъ выпускахъ кредитокъ не можетъ быть и рѣчи. Но человѣкъ располагаетъ такъ, а выходитъ иначе. Потребности государства ростутъ, денегъ нужно съ каждымъ годомъ больше, а изыскивать источники добавочныхъ доходовъ становится все труднѣе, тѣмъ болѣе, что сельское населеніе многихъ внутреннихъ губерній приведено къ обѣдненію и не можетъ выпутаться изъ долговъ. Волей-неволей приходится отступить отъ остроумно, но поспѣшно задуманнаго плана водворенія металлическаго обращенія и вернуться къ тѣмъ же неизмѣннымъ кредиткамъ, для выпуска которыхъ не требуется разработки золотоносныхъ песковъ. Недавно, 29 августа, постановлено, что государственный банкъ можетъ опять выпускать государственные кредитные билеты, но съ тѣмъ, чтобы «сумма золота, обезпечивающаго билеты, была не менѣе половины общей суммы выпущенныхъ (пропущено слово «вновь») въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, когда послѣдняя не превышаетъ 600 милл. рублей». Такимъ образомъ открывается широкая возможность напечатать и выпустить еще кредитокъ на 600 милл., при томъ съ неполнымъ обезпеченіемъ, т.-е. первые 300 милліоновъ будутъ покрыты золотомъ рубль за рубль, а слѣдующіе 300 милл. ничѣмъ не покрыты, что идетъ уже въ разрѣзъ съ усвоенной въ послѣднее время системою выпускать билеты съ полнымъ обезпеченіемъ. Здѣсь нельзя не усмотрѣть уже нѣкотораго отступленія назадъ. Затѣмъ, относительно обезпеченности дальнѣйшихъ выпусковъ сверхъ 600 милл. допущена не совсѣмъ ясная редакція; выражено, что кредитные билеты, «находящіеся въ обращеніи свыше 600 милл. руб., должны быть обезпечены золотомъ по крайней мѣрѣ рубль за рубль», но для многихъ здѣсь будетъ несовсѣмъ понятно—какіе это кредитные билеты разумѣются—только-ли вновь выпущенные сверхъ 600 милл., или же надо считать всю сумму билетовъ, находящихся въ обращеніи. Надо думать, что послѣднее вѣрнѣе, но выражать столь серьезныя вещи слѣдовало бы подробнѣе и яснѣе, не вдаваясь въ несвойственный намъ лаконизмъ.

Вообще, новая мѣра не можетъ не возбуждать нѣкотораго недоумѣнія, что можетъ только больше запутать вопросъ объ упроченіи металлическаго обращенія въ Россіи, тѣмъ болѣе — проектъ пресловутой девальваціи остался незаконченнымъ и полное его осуществленіе, насколько извѣстно, отложено до лучшихъ временъ. Да и металлическое обезпеченіе будетъ дѣйствительнымъ только до тѣхъ поръ, пока золото будетъ удерживаться въ Россіи, а въ этомъ позволительно сомнѣваться, и самые ярые сторонники девальваціи не могутъ ничѣмъ убѣдить, что золото можно удержать отъ ухода въ значительной долѣ заграницу. Ничто также

не гарантируетъ, что впослѣдствіи наше финансовое вѣдомство признаетъ полезнымъ и необходимымъ издать другое постановленіе въ области денежнаго обращенія въ измѣненіе, а частью и въ отмѣну нынѣ существующихъ, и какъ теперь начали отступать отъ прежняго твердаго намѣренія обезпечивать новые бумажные выпуски рубль за рубль и допустили новые значительные выпуски безъ обезпеченія, такъ впослѣдствіи эта необезпеченная доля можетъ быть еще расширена. Это очень вѣроятно и потому, что золота все равно не хватило бы для обращенія страны, ибо часть его должна лежать неподвижно въ видѣ фонда, а часть уйдетъ заграницу по той простой экономической причинѣ, что золото, какъ всякій товаръ, переливается изъ одной страны въ другую, гдѣ на него больше спроса. Вообще говоря, упроченіе денежной системы зависитъ не отъ подобныхъ мѣръ, а ближе всего отъ правильной и устойчивой финансовой и экономической политики. Пока протекціонизмъ, чрезмѣрные акцизы и прямые налоги будутъ вытягивать соки изъ хозяйства, разоряя главную массу производителей и потребителей — до тѣхъ поръ и устойчивость кредитнаго рубля мало поможетъ; выпускать-ли мелкіе золотые въ рубль, бумажки-ли въ золотой валютѣ, т.-е. на рублѣ писать $66^2/_3$ коп. золотомъ—благосостояніе страны отъ этого не поднимется ни на іоту. Правда, золота у насъ, согласно балансу государственнаго банка,— кажется много, но не надо забывать того обстоятельства, что и накопилось-то оно главнымъ образомъ путемъ увеличенія задолженности и налоговъ, отнюдь не выражая благосостоянія страны, которое далеко отстало отъ роста бюджета. Однимъ словомъ, какъ ни поверни — выходитъ, что гораздо лучше обращать вниманіе на болѣе коренные вопросы государственнаго и народнаго хозяйства, чѣмъ плодить мѣры, вселяющія недоумѣніе въ простыхъ смертныхъ.

Переселенія крестьянъ изъ внутреннихъ губерній на привольныя земли Сибири и другихъ окраинъ, возрастая годъ отъ году, дошли въ прошломъ году до кульминаціоннаго пункта; число переселившихся достигло небывалой цифры, перейдя за двѣсти тысячъ. Какъ ни сдерживали эту стихійную волну, она прорывалась сквозь всѣ преграды, и изъ этого огромнаго числа большая часть ушла самовольно безъ проходныхъ свидѣтельствъ, и это въ годъ самыхъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, которыя, по увѣренію министра финансовъ и его услужливыхъ статистиковъ, такъ благодѣтельны для массы крестьянъ. Совпаденіе самаго сильнаго переселенія съ самыми низкими хлѣбными цѣнами жестоко и воочію опровергаетъ эту странную, чтобы не сказать болѣе, теорію. Межеваніе и отводъ участковъ давно отстали отъ спроса, и на нынѣшній годъ отмежевано новыхъ участковъ не болѣе какъ на десять тысячъ семействъ. Да это и понятно: съ возростаніемъ переселеній уменьшался запасъ свободныхъ земель и размежеванныхъ участковъ, приходилось идти все дальше, въ восточную Сибирь, за Енисей, занимать участки

все менѣе удобные, напрягать больше силъ для ихъ разработки, брать съ собою больше денегъ и пр. Такимъ образомъ, переселенія были сами себѣ регуляторомъ и скоро должны были дойти до точки, когда волна ихъ должна была отхлынуть. Въ прошломъ году какъ разъ дошли до этой точки, и въ настоящемъ году число переселенцевъ сразу и сильно сократилось. Процентъ обратныхъ, не нашедшихъ возможности устроиться на новыхъ мѣстахъ дошелъ до небывалыхъ раньше размѣровъ, и огромное ихъ число производило сильное впечатлѣніе на собиравшихся уходить, удерживая многихъ отъ намѣренія переселиться. Неописуемыя бѣдствія обратныхъ переселенцевъ много разъ изображались и въ печати и на картинахъ извѣстныхъ художниковъ; большинство объясняло свое возвращеніе тѣмъ, что но хватило силы взять землю, а заработковъ нѣтъ, что они уходили отъ закона, не хотѣли «заводить Россію на новомъ мѣстѣ», а законъ самъ за ними пришелъ, и въ Сибири оказываются тѣ самые порядки, отъ которыхъ они ушли. Интересно. что нѣкоторые возвращались, услышавъ о всеобщей переписи, послѣ которой будто будутъ нарѣзать землю по восьми десятинъ на душу внутри Россіи. Словомъ, на счетъ обѣтованныхъ привольныхъ странъ Сибири наступило немалое разочарованіе, тѣмъ болѣе, что устраиваться тамъ по хозяйственному становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. По послѣднимъ подворнымъ описямъ въ западно-сибирскихъ районахъ оказалось, что даже въ степныхъ плодородныхъ мѣстностяхъ черезъ 7—8 лѣтъ устраивалось болѣе или менѣе сносно только около половины всего числа переселившихся, остальные же влачили довольно жалкое существованіе въ качествѣ батраковъ. Кромѣ того, за послѣднее время стали строже стѣснять уходъ изъ внутреннихъ губерній: мѣстнымъ начальствомъ внутреннихъ губерній предложено строже слѣдить за желающими переселяться, не выпускать малосильныхъ семей, которымъ, трудно устраиваться на мѣстахъ водворенія; поэтому, стали запрещать выдачу паспортовъ, даже задерживать уходящихъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ; рядомъ съ этимъ и мѣстнымъ начальствомъ въ Сибири предложено пріостановить отводъ земель такимъ пересенцамъ, которые прибудутъ безъ установленнаго свидѣтельства. Упорядочено и ходачество: съ одной стороны въ Сибири запрещено зачислять участки за ходоками, явившимися безъ свидѣтельствъ, съ другой—селеніямъ, желающимъ уйди, рекомендовалось послать раньше ходоковъ, а не вѣрить слухамъ. Такой предварительный осмотръ сибирскихъ земель ходоками сократилъ въ настоящее время циркулированіе вздорныхъ слуховъ, повелъ къ уменьшенію тайной распродажи имущества за безцѣнокъ, вызвалъ болѣе сознательное отношеніе къ переселенію. Наконецъ, подъ вліяніемъ сельскохозяйственнаго кризиса, землевладѣльцы стали дешевле отдавать земли крестьянамъ, что также не могло не влять на пониженіе переселенческой волны; часть которой направилась также въ восточныя и южныя просторныя губерніи самой Европейской Россіи. Но нынѣшній неурожайный годъ

долженъ поставить новые кадры переселенцевъ, и нужно подумать о выходѣ для нихъ. Придется прежде всего усилить дѣятельность крестьянскаго банка, поощряя водвореніе крестьянъ въ пустующихъ владѣльческихъ имѣніяхъ внутреннихъ губерній; такое расширеніе закупокъ для крестьянъ не представитъ затрудненій, ибо деньги банку возвратятся и при томъ несравненно исправнѣе, чѣмъ съ заемщиковъ дворянскаго банка; по поводу этого, конечно, не можетъ быть двухъ мнѣній. Нужны затѣмъ и болѣе общія мѣры—къ поддержанію всего нашего сельскаго хозяйства, находящагося на положеніи пасынка и приносимаго въ жертву промышленному Молоху. Слѣдуетъ поощрять образованіе солидныхъ акціонерныхъ компаній для покупки земель и перепродажи ихъ крестьянамъ въ видахъ устраненія дорогихъ и вредныхъ посредниковъ. Такія общества, снабженныя правомъ выпуска облигацій, могли бы, пріобрѣтая большія пустующія имѣнія, перепродавать ихъ крестьянамъ на выплату участками съ надбавкою 5—6%, а также ссужать на устройство фермерскихъ хозяйствъ. Можно посовѣтовать отдѣльнымъ владѣльцамъ переселять на пустопорожныя земли крестьянъ на арендномъ правѣ или на выкупномъ началѣ съ устройствомъ хуторнаго или фермерскаго хозяйства, чему уже были удачные примѣры; предъявили это землевладѣльцы, и крестьянъ устроили и себѣ имѣли знатную выгоду, поднявъ цѣну имѣнія. Совокупность подобныхъ мѣръ должна, несомнѣнно, ослаблять болѣзненное стремленіе къ переселеніямъ.

На зыбкой поверхности нашей сѣренькой жизни время отъ времени вскакиваютъ пузырьки въ водѣ разныхъ модныхъ вопросовъ, которые обращаютъ на себя вниманіе печати и общества, вызываютъ обращенья къ тѣмъ, кто долженъ и можетъ помочь ихъ благополучному разрѣшенію... Потомъ пузырьки лопаются и все опять затягивается болотной тиной. Однимъ изъ такихъ вопросовъ сталъ теперь вопросъ объ удобныхъ и дешевыхъ жилищахъ, вызванный вздорожаніемъ помѣщеній для средняго обывателя. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о первой важнѣйшей потребности нормальнаго человѣческаго бытія, то надо полагать, что вопросъ этотъ не заглохнетъ и не кончится измором, подобно другимъ. При томъ онъ волнуетъ не однихъ только петербуржцевъ, но одинаково безпокоитъ обывателей и другихъ большихъ городовъ, ростъ которыхъ продолжается, въ родѣ Москвы, Варшавы, Риги, Одессы, Харькова, Екатеринослава и др., гдѣ строительная дѣятельность отстала отъ роста населенія и гдѣ все громче раздаются жалобы на дороговизну и неудобства квартиръ. Населеніе стало размѣщаться тѣснѣе и хуже; часть живетъ въ помѣщеніяхъ, прямо невозможныхъ по ихъ антисанитарнымъ свойствамъ. Достаточно сказать, что въ Петербургѣ 50 тыс. народа или около $^1/_{20}$ всего населенія оказалось живущимъ по послѣдней переписи въ подвалахъ, а въ Москвѣ по переписи же оказалось 52% квартиръ безъ извѣстныхъ необходимыхъ удобствъ—и это въ столицахъ! Чего же

ожидать отъ идиллической провинціи? Въ Петербургѣ сильное за послѣдніе два года поднятіе квартирныхъ цѣнъ и недостатокъ квартиръ для приливающаго вновь населенія повели къ вытѣсненію многихъ коренныхъ жителей къ переселенію въ загородныя мѣста, почти не приспособленныя для зимняго проживанія. Строительная-же дѣятельность въ самомъ городѣ хотя и развивается, но очень слабо, въ виду вздорожанія строительныхъ матеріаловъ на 50—70% (а кирпича вдвое), что объясняется малой ихъ заготовкою за предшествовавшее время строительнаго застоя, а также стачкою, въ которую не замедлили вступить владѣльцы кирпичныхъ заводовъ, плитныхъ ломокъ, лѣсныхъ биржъ и др. Строить стали только немногіе богатые владѣльцы и спекулянты. При дорогой постройкѣ они должны были назначать и дорогія цѣны на помѣщенія, такъ что постройка новыхъ домовъ вовсе не способствовала удешевленію квартиръ. Тоже явленіе замѣчалось и въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ. Это вызвало проекты, встрѣченные сочувственно, домостроительныхъ обществъ на взаимныхъ началахъ, т. е. нѣсколько обывателей вносятъ паи, строятъ сообща домъ и каждый получаетъ въ немъ квартиру въ собственность. По идеѣ это недурно, если, кромѣ того, принять въ расчетъ, что напр. обыватель, платя за квартиру положимъ 800 р. въ годъ, въ 20 лѣтъ переплатитъ 16 тыс. р. или вдвое, чѣмъ стоитъ выстроить его помѣщеніе и въ концѣ-концовъ остается тѣмъ-же пролетаріемъ; между тѣмъ, платя ту-же сумму обществу, считая погашеніе и проценты, онъ менѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ станетъ собственникомъ своего жилища. Но это поквартирное владѣніе, извѣстное на западѣ подъ именемъ эксдивизорскаго домовладѣнія (такіе эксдивизорскіе дома существуютъ и у насъ въ нѣкоторыхъ польско-литовскихъ городахъ), у насъ нуждается еще въ подробной юридической нормировкѣ и, кромѣ того, такое совладѣніе, при пестротѣ участниковъ, представляетъ много неудобствъ въ отношеніи управленія домомъ, правильнаго его содержанія и пр. Притомъ такихъ домовъ можетъ быть выстроено немного. Гораздо лучше, если будутъ устраиваться обыкновенныя акціонерныя общества, которыя, довольствуясь умѣреннымъ коммерческимъ процентомъ, будутъ строить большіе дома съ дешевыми квартирами и особняки для небогатыхъ людей на выплату, какъ это съ неоспоримымъ успѣхомъ практикуется заграницей. Подобныя общества, имѣя свои заготовки матеріаловъ, свои мастерскія и располагая своевременно нанятыми артелями рабочихъ, могли-бы строить дома въ большихъ городахъ раза въ полтора дешевле, чѣмъ теперь, причемъ и на квартиры была-бы назначена соотвѣтственно пониженная плата, а это въ свой чередъ и вообще повліяло-бы на общее пониженіе квартирныхъ цѣнъ, причемъ могъ-бы подняться и общій уровень благоустройства жилищъ. Но подобныя общества еще въ зачаточномъ состояніи; до сихъ поръ кажется дѣйствуетъ только одно—въ Кіевѣ, но въ подлежащее вѣдомство поданы проекты и для другихъ городовъ. Къ сожалѣнью осуществленіе ихъ вмѣсто поощренія неожиданно встрѣ-

чаетъ рядъ затрудненій. Между тѣмъ въ Петербургѣ для такого общества представляется широкое поле дѣйствія для борьбы съ дороговизною помѣщеній.

Вопросъ о домостроительныхъ обществахъ невольно наводитъ и на другія мысли, имѣющія отношеніе уже ко всей Россіи; все ея слишкомъ стомилліонное населеніе заинтересовано въ улучшеніи жилищъ, кромѣ развѣ сѣверныхъ инородцевъ и степныхъ кочевниковъ, жилища которыхъ—разныя юрты, чумы, кибитки и т. п.—приспособлены къ ихъ требованіямъ, хотя и въ нихъ возможны улучшенія. Извѣстно, что наши жилища въ провинціи очень мало улучшились со времени удѣльно-вѣчеваго періода, и многія изъ нихъ ставятъ втупикъ европейскихъ гигіенистовъ, которые могутъ, пожалуй, предположить, что россіяне обладаютъ инымъ анатомическимъ и физіологическимъ строеніемъ, позволяющимъ имъ жить въ избахъ, гдѣ воздуха въ 4—5 разъ меньше нормы, при томъ почти лишеннаго кислорода. Минимумъ потребностей для европейскаго рабочаго и земледѣльца, столь глубокомысленно вычисляемый тамошними учеными, для нашихъ крестьянъ и рабочихъ является недосягаемымъ максимумомъ. Впрочемъ, вопросъ о болѣе раціональныхъ жилищахъ для простого трудового люда—очень обширный, имъ должны заняться дружно и государство и общество.

Къ дѣлу о недобросовѣстномъ обвиненіи.

НОВЫЙ ДОКУМЕНТЪ.

I.

Раньше, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію еще одного, неизвѣстнаго нашимъ читателямъ, безспорнаго документа, прямо относящагося къ злополучному дѣлу О. Н. Поповой съ бывшими сотрудниками журнала «Новое Слово», мы считаемъ необходимымъ отмѣтить, почему не упомянули объ этомъ документѣ раньше, т. е. въ сентябрьской книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Документъ этотъ—«апелляція къ суду общественнаго мнѣнія» г. А. Скабичевскаго, изложенная имъ въ фельетонахъ газеты «Сынъ Отечества» (№№ 197 и 198), отъ 23-го и 24-го іюля текущаго года. Фельетоны г. Скабичевскаго появились въ то время, когда наша статья о «Недобросовѣстномъ обвиненіи» была не только набрана, но и отпечатана въ листахъ, предназначавшихся для августовской книги журнала. Г. Скабичевскій, въ свою очередь, при написаніи «апелляціи» сообразовался лишь съ брошюрой г. Попова, изобилующей важнымъ матеріаломъ для правильнаго освѣщенія дѣла, но не дающей конечныхъ логическихъ выводовъ, которые представляютъ для «общественнаго мнѣнія» несравненно большій интересъ, чѣмъ казуистическія препирательства формальнаго свойства. Такъ какъ статья наша вышла въ свѣтъ позднѣе фельетоновъ г. Скабичевскаго и такъ какъ послѣдніе въ наиболѣе существенныхъ отношеніяхъ подтвердили наши выводы, то мы ожидали, что г. Скабичевскій приведетъ какія-либо дополненія или оговорки, ослабляющія это не предусмотрѣнное имъ совпаденіе, или-же сочтетъ необходимымъ, въ интересахъ правды и безпристрастія, признать основательность нашей аргументаціи,—какъ сдѣлалъ это г. Манассеинъ, засвидѣтельствовавшій въ своемъ «письмѣ», что мы вывели «вполнѣ справедливое» заключеніе изъ словъ г. Попова о *наводящихъ* вопросахъ. Человѣкъ, апеллирующій къ суду общественнаго мнѣнія, принимаетъ тѣмъ самымъ на себя косвенное обязательство прислушиваться

къ органамъ этого мнѣнія, разъ они въ своихъ отзывахъ остаются на почвѣ фактическаго обсужденія. Со стороны г. Скабичевскаго такое отношеніе къ нашему разбору дѣла представлялось намъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что во второмъ своемъ фельетонѣ онъ прямо ссылается на предполагаемое имъ *благопріятное для него* мнѣніе издательницы редактора журнала «Сѣверный Вѣстникъ». Усматривая «бездну нелѣпости» въ нежеланіи г-жи Поповой подлаживаться подъ требованія десятка членовъ редакціи, вмѣсто того, чтобы имѣть дѣло съ однимъ, лично ей знакомымъ редакторомъ, г. Кривенко, г. Скабичевскій пишетъ слѣдующее: «Я не сомнѣваюсь въ томъ, что и г-жа Давыдова, и г-жа Гуревичъ, и г-жа Е. Н. Тихомирова *дружнымъ хоромъ разразятся гомерическимъ хохотомъ*, при представленіи фантастической издательницы, которая боится имѣть дѣло болѣе, чѣмъ съ однимъ сотрудникомъ. Вѣдь, это все равно, (*какъ?*) если-бы вамъ рекомендовали, въ качествѣ отважнаго пловца, господина, *который не въ состояніи окунуть въ воду болѣе одного большого пальца на ногѣ*». Сравненіе г-жи Поповой съ «господиномъ, который и пр.» представлялось г. Скабичевскому столь неотразимо-смѣхотворнымъ, что онъ даже не допустилъ возможности для перечисленныхъ имъ издательницъ воздержаться отъ «гомерическаго хохота». Не очевидно-ли, что, когда такое произвольно навязанное предположеніе оказалось въ корнѣ опровергнутымъ нашею статьею о «недобросовѣстномъ обвиненіи», г. Скабичевскому слѣдовало-бы, по меньшей мѣрѣ, оповѣстить своихъ читателей, что одна изъ названныхъ имъ издательницъ не выказала ни малѣйшаго расположенія предаваться смѣшливости, крайне неумѣстной, неприличной и не оправдываемой неоспоримою серьезностью вопіющаго дѣла объ оклеветаніи г-жи Поповой? Г. Скабичевскій предпочелъ погрузиться въ продолжительное, двухъ-мѣсячное молчаніе, засвидѣтельствовавъ этимъ, что онъ уже исчерпалъ всѣ доводы въ пользу своей «апелляціи». Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что нашимъ выжиданіемъ предоставили вполнѣ достаточный срокъ для *пополненія* соображеній и фактовъ, приводимыхъ въ фельетонахъ г. Скабичевскаго,—буде онъ считаетъ ихъ самъ еще не достаточно полными. Что касается насъ, то мы,—вопреки возраженіямъ, будто матеріалы для сужденія о дѣлѣ г-жи Поповой, разрѣшенномъ въ судѣ чести 12-го мая, все еще недостаточно полны,—увѣрены, что уже обнародованныхъ документовъ болѣе чѣмъ достаточно для разоблаченія истинныхъ побужденій лицъ, самозванно присвоившихъ себѣ право выступать въ защиту яко-бы попраннаго гг. Поповыми «престижа русскихъ писателей». Дѣло г-жи Поповой тѣмъ именно и достопримѣчательно, что, благодаря ему, вскрылись передъ нелицепріятнымъ судомъ общественнаго мнѣнія такія особенности журнальныхъ нравовъ, которыя необходимо держать за «закрытыми дверьми» для того, чтобы не повредить выгодному сбыту фразистой, невѣжественной и, зачастую, просто безграмотной макулатуры, прикрывающейся заманчивыми, «ходкими» ярлыками. Крупное обще-

ственное значеніе возмутительнаго инцидента съ г-жею Поповой еще ждетъ яркаго истолкованія,—которое, несомнѣнно, далеко выступитъ за узкія рамки единичной несправедливости. И если до сихъ поръ лишь немногіе голоса откликнулись на обращеніе безвинно пострадавшаго въ данномъ случаѣ лица къ суду общественнаго мнѣнія, то это свидѣтельствуетъ лишь о настоятельной рѣшимости значительнаго числа дѣятелей, занимающихся публицистическою производительностью, оградить свои «профессіональные интересы», притаившись за предусмотрительно захлопнутою дверью. Русскіе писатели, имена которыхъ у всѣхъ на устахъ, никогда не нуждались для храненія своего «престижа» ни въ какихъ, недоступныхъ для гласности трибуналахъ, ни въ какихъ «домашнихъ» карательныхъ мѣрахъ, примѣняемыхъ для огражденія кружковыхъ интересовъ. Имъ не пришло-бы и въ голову, что «престижъ» ихъ общественнаго служенія находится въ какой-либо зависимости отъ матеріальныхъ разсчетовъ или разногласій съ издателями. Тѣмъ менѣе могли-бы они счесть подобное разногласіе вопросомъ чести. Перенесеніе претензіи гг. Кривенко, Абрамова, Скабичевскаго и др. къ г-жѣ Поповой на совершенно неподходящую къ свойствамъ дѣла принципіальную почву, внесло въ обсужденіе его элементъ лицемѣрія, фальши, претящей здравому смыслу и простому нравственному чувству. Судъ могъ признать журналъ, вопреки формальному праву, принадлежащимъ любой изъ тяжущихся сторонъ, если-бы былъ поставленъ вопросъ о правѣ собственности на изданіе,—но изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, даже въ изложеніи обвинителей, нельзя выжать ни малѣйшаго повода къ осужденію г-жи Поповой за какое-либо нарушеніе писательской или иной чести. Ни престижу русской литературы, ни чести русскихъ писателей не было ни малѣйшаго дѣла до гг. Поповыхъ и до ихъ желанія вернуть убытки, понесенные отъ издательства. И журналисты, которые вовлекли гг. Поповыхъ въ эти убытки, проявили поистинѣ безпримѣрное неуваженіе къ литературѣ и къ престижу ея истинныхъ представителей, осмѣлившись прикрыть ими свое совершенно безцѣльное сутяжничество, объясняемое только ябедническою мстительностью. «Профессіональный» пріемъ— припутывать звонкіе ярлыки и клички ни къ селу, ни къ городу, ради приданія напускной важности своимъ писаніямъ, беззастѣнчиво пущенъ былъ въ ходъ и въ настоящемъ дѣлѣ, хотя типичная его особенность въ томъ именно и состоитъ, что оно, по существу, не имѣетъ ровно ничего общаго ни съ писательскою честью, ни съ литературой.

II.

Въ первомъ-же столбцѣ перваго фельетона г. Скабичевскаго мы наталкиваемся на такой перлъ сутяжническаго крючкотворства, которому позавидовалъ-бы самый завзятый подъячій дореформеннаго времени. Г. Скабичевскій «рекомендуетъ» своимъ читателямъ брошюру г. Попова «какъ *крайнюю безцеремонность*, проявленную г-жею О. Н. Поповою

въ лицѣ ея довѣрителя [1]), г. А. Н. Попова, *относительно закона*, ею-же, г-жею Поповою, установленнаго, въ качествѣ одного изъ членовъ учредителей Союза русскихъ писателей. § 28 устава Союза гласитъ, что постановленія суда чести, существующаго при союзѣ, могутъ быть опубликованы лишь по усмотрѣнію и по согласію комитета союза. *Въ силу этого параграфа*, когда было совершено (?) постановленіе суда чести по дѣлу г-жи Поповой съ ея сотрудниками о продажѣ «Новаго Слова», въ газетахъ *появилось* лишь *краткое сообщеніе резолюціи суда*, печатаніе-же полнаго рѣшенія было отложено до опредѣленія комитета по этому предмету. Г. Поповъ-же взялъ да и напечаталъ *полный текстъ* не только постановленія суда, но и особаго мнѣнія одного изъ его членовъ [2]), напечаталъ *произвольно* и вопреки § 28,—не дожидаясь опредѣленія комитета, и сдѣлалъ онъ это, очевидно, вовсе не вслѣдствіе незнанія или опущенія [3]) изъ виду упомянутаго § устава, а совершенно сознательно и умышленно». Разобравшись въ этой малограмотной тирадѣ,—что представляетъ трудъ не легкій и, во всякомъ случаѣ, нисколько не повышающій пресловутаго «престижа русскихъ писателей»,—мы пришли къ совершенно неожиданному выводу, что нарушеніе параграфа устава Союза русскихъ писателей учредителями является для г. Скабичевскаго и *крайнею безцеремонностью относительно этого закона* (sic!), и явленіемъ, заслуживающимъ какъ-бы одобреніе г. Скабичевскаго. «Крайняя безцеремонность» обнаруживается, когда нарушеніе невыгодно г. Скабичевскому; одобрительное молчаніе служитъ признакомъ желательности для него нарушенія. Дикари разсуждаютъ съ такою-же почти логикой: «хорошо,—если я украду барана; не хорошо,—если у меня украдутъ барана». Г-жа Попова, горько жалующаяся на вовлеченіе ея бывшими сотрудниками въ «Союзъ русскихъ писателей», куда, по ея словамъ, «ей слѣдовало остерегаться вступать», оказывается вдругъ чуть не вершительницей судебъ этого учрежденія которое огласило ее погрѣшившею противъ требованій чести на всю Россію: она установила и она-же самовольно нарушила *законъ*, параграфъ 28-й устава, кровно обидѣвъ этимъ юридическую корректность г. Скаби, чевскаго. Правда, она огласила лишь подлинный текстъ жалобы, поданной *на нее* въ судъ чести, и *обвинительный* противъ нея-же приговоръ этого суда,—но что значатъ эти соображенія, сравнительно съ такимъ вопіющимъ преступленіемъ, какъ нарушеніе *параграфа!* Fiat justicia-pereat mundus! Разъ удалось залучить г-жу Попову въ учредители союза, она должна безпрекословно подчиняться всякому усмотрѣнію казуистовъ, присвоившихъ себѣ привиллегію толкованія устава. Для оглашенія резо-

---

[1]) Г. Поповъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, былъ *довѣреннымъ* г-жи Поповой, дѣйствовалъ по ея уполномочію, какъ *довѣрительницы*.

[2]) Блестяще мотивированное «особое мнѣніе» предсѣдателя суда чести, г. Спасовича, полагавшаго жалобу гг. Абрамова и Скабичевскаго, какъ неосновательную, оставить безъ послѣдствій.

[3]) Подъ «опущеніемъ» г. Скабичевскій, вѣроятно, подразумѣваетъ «упущеніе».

люціи суда чести необходимо опредѣленіе комитета Союза. Опредѣленіе это, какъ свидѣтельствуетъ самъ г. Скабичевскій, еще не состоялось. И вдругъ оказывается, что «въ силу 28-го параграфа», того самаго параграфа, за соблюденіе котораго распинается неукоснительный блюститель законности г. Скабичевскій, *въ газетахъ появилось краткое сообщеніе резолюціи суда!* Появилось, очевидно,—само собой, такъ сказать, безлично, по волѣ стихій, безъ всякаго участія чьей-либо преднамѣренной руки. Комитетъ не разрѣшилъ опубликовать приговоръ, г. Скабичевскій требуетъ строгаго соблюденія канцелярской тайны,—а резолюція все-таки перекочевываетъ изъ архивовъ союза на столбцы всероссійской прессы!.. Можно было-бы предположить, что въ дѣла суда чести вторгся невѣдомый злоумышленникъ, задавшійся цѣлью подвергнуть ехидному испытанію приверженность къ законности г. Скабичевскаго. Г. Скабичевскому слѣдовало-бы, задолго до появленія брошюры г. Попова, возмутиться оглашеніемъ резолюціи суда, хотя-бы и въ видѣ краткаго сообщенія. Но г. Скабичевскій, какъ видно и изъ приведенной нами выше выдержки, не счелъ возможнымъ возмутиться. Невѣдомый злоумышленникъ остался не изобличеннымъ не только въ крайней, но даже и въ самой средней безцеремонности. Мы были-бы лишены всякой возможности сколько-нибудь разъяснить себѣ и нашимъ читателямъ этотъ темный пунктъ, еслибы передъ нами не лежало одно изъ такихъ «краткихъ сообщеній», уже перепечатанное дословно изъ «Казанскаго Телеграфа» въ статьѣ «Недобросовѣстное обвиненіе». Сообщеніе оповѣщаетъ, что издательница «Новаго Слова» обвинялась гг. Скабичевскимъ и Абрамовымъ въ продажѣ этого журнала «безъ окончательныхъ переговоровъ съ главными сотрудниками и безъ ихъ согласія» и что «двое судей признали г-жу Попову виновной, но заслуживающею снисхожденія». Предсѣдатель, г. Спасовичъ,—«остался при особомъ мнѣніи». Въ подлинномъ-же приговорѣ говорится, что судъ «призналъ г-жу Попову нравственно неправою въ томъ, что она продала журналъ «Новое Слово» лицамъ иного, хотя тоже прогрессивнаго направленія, *не исчерпавъ всѣхъ средствъ для продажи журнала своимъ прежнимъ сотрудникамъ*», причемъ неправота ея уменьшается смягчающими ея вину обстоятельствами. Никакого упоминанія объ «окончательныхъ переговорахъ» съ главными сотрудниками и о необходимости заручиться ихъ согласіемъ на продажу непринадлежащаго имъ журнала, о которыхъ говоритъ краткое сообщеніе, въ приговорѣ нѣтъ. Еще недобросовѣстнѣе исказилъ «невѣдомый злоумышленникъ» въ «краткомъ сообщеніи» характеръ и значеніе особаго мнѣнія г. Спасовича. Вмѣсто того, чтобы прямо указать, что г. Спасовичъ призналъ г-жу Попову безусловно правою, а жалобу гг. Абрáмова и Скабичевскаго неосновательной, анонимный составитель пасквильнаго оповѣщенія совершенно затемнилъ это рѣшающее обстоятельство: «двое судей признали Попову виновной, но заслуживающей снисхожденія. Предсѣдатель остался при особомъ мнѣніи». При какомъ мнѣніи? Что г-жа Попова виновна,

но *не заслуживаетъ снисхожденія?* Или что она не виновна?.. Или, наконецъ, что г-жа Попова не только вполнѣ права, но самое обвиненіе недобросовѣстно?..

Послѣ такого сличенія разосланнаго по всей Россіи клеветническаго извѣта на г-жу Попову съ подлиннымъ приговоромъ, оглашеннымъ ею спустя мѣсяцъ въ замалчиваемой прессою брошюрѣ, намъ становится отъ-отчасти понятнымъ, почему г. Скабичевскій не возмутился оглашеніемъ приговора въ видѣ «краткаго сообщенія». Онъ не возмутился, вѣроятно, по той простой причинѣ, что сообщеніе исказило приговоръ до *неузнаваемости*, произвело впечатлѣніе, прямо противоположное производимому подлинникомъ. Слѣдовательно, канцелярская тайна союзнаго архива, столь дорогая чувству строго-формальной корректности г. Скабичевскаго, была въ нѣкоторомъ смыслѣ соблюдена,—хотя и съ крайнимъ ущербомъ для добраго имени г-жи Поповой.

III.

Еще въ первой нашей статьѣ о «Небросовѣстномъ обвиненіи» мы указали, что въ самой жалобѣ гг. Абрамова и Скабичевскаго содержатся весьма откровенныя признанія относительно поползновеній, которыя заставили этихъ господъ и ихъ сотоварищей перейти въ «Новое Слово» изъ другихъ изданій. Ихъ соблазнила надежда сдѣлаться капиталистами, собственниками журнала, основаннаго и поставленнаго на ноги за счетъ денежныхъ средствъ г-жи Поповой. Поэтому они не очень дорожились, взимали съ нея приблизительно средніе гонорары, считая немалою «жертвою» со своей стороны, что не берутъ съ нея гонораровъ непомѣрныхъ. Такимъ образомъ, вовлекая г-жу Попову въ 50-ти тысячный убытокъ, они пріобрѣтали выгодную позицію, въ качествѣ чуть не благодѣтелей ея и, во всякомъ случаѣ, нравственныхъ кредиторовъ. Упорно увѣряя, что г-жа Попова основала журналъ не для г. Кривенко, а для солидарной съ послѣднимъ группы, они распоряжались журналомъ, какъ-бы оказывая личное одолженіе той самой г жѣ Поповой, роль которой должна была закончиться тотчасъ-же послѣ того, какъ журналъ станетъ прибыльнымъ предпріятіемъ. Но журналъ не дожилъ до этого благополучнаго момента; г-жѣ Поповой надоѣло служить предметомъ очевидной эксплоатаціи со стороны будущихъ собственниковъ «Новаго Слова». Она предложила гг. Скабичевскому, Абрамову, Кривенко и пр. взять отъ нея журналъ даромъ и выплачивать себѣ гонорары изъ собственныхъ средствъ. На это «группа» не согласилась, предпочитая отобрать у г-жи Поповой принадлежащій ей журналъ съ того момента, когда онъ начнетъ приносить барыши. Г-жѣ Поповой, продавшей «Новое Слово» г. Семенову, удалось «отвязаться» отъ нелѣпо-невыгодной для нея сдѣлки, въ которую она была вовлечена главарями пресловутой группы. Тогда бывшіе народники «Новаго Слова», недавніе громители марксизма, набросились на случайно

уцѣлѣвшую издательницу со всею яростью разгорѣвшихся и оставшихся неудовлетворенными капиталистическихъ аппетитовъ. До появленія въ печати самообличительныхъ фельетоновъ г. Скабичевскаго, мы вынуждены были возстановлять весьма несложную правду въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ посредствомъ кропотливаго сопоставленія отдѣльныхъ неблаговидныхъ чертъ и подробностей. Г. Скабичевскій упростилъ нашу задачу. Онъ обрисовалъ въ своихъ чистосердечныхъ признаніяхъ картину алчной погони за выгоднымъ предпріятіемъ, превосходящую во всѣхъ отношеніяхъ наши самыя смѣлыя догадки. Въ журналѣ, какъ выяснено г. Поповымъ, г. Скабичевскій получалъ 100 р. ежемѣсячнаго содержанія и по 80 р. съ листа за статьи по библіографіи, т. е. за первый листъ своихъ ежемѣсячныхъ писаній по 180 р., а за остальные листы по 80 р. При такихъ условіяхъ, онъ счелъ возможнымъ предать тисненію слѣдующія жалобы на свою плачевную участь: «издатель сулитъ вамъ *горы золотыя* въ будущемъ, объявляетъ торжественно, что имъ затраченъ капиталъ вовсе не для полученія съ него барышей, а чтобы создать новое общественное дѣло, что поэтому, какъ только капиталъ его будетъ погашенъ приливомъ подписчиковъ, отъ тотчасъ же отъ него (?) отступится, положа въ карманъ лишь свой капиталъ, и вы будете полноправнымъ собственникомъ журнала сообща съ вашими товарищами. Въ ожиданіи-же этихъ будущихъ благъ, вы получаете вдругъ *нищенскую* плату и видите, что *васъ эксплоатируютъ* самымъ безцеремоннымъ образомъ». Гонораръ въ 300 р. ежемѣсячно, считая за 2½ печатныхъ листа [1]), при многотысячныхъ убыткахъ, которымъ подвергается злополучный издатель, г. Скабичевскій, проливающій крокодиловы слезы надъ «бѣднымъ мужичкомъ» въ своихъ малограмотныхъ, шаблонныхъ компилятивныхъ писаніяхъ, откровенно называетъ *нищенскимъ*; неосуществленные-же заманчивые посулы «золотыхъ горъ» вызываютъ въ его воспламененномъ воображеніи представленіе о мнимой эксплуатаціи его «самымъ безцеремоннымъ образомъ». Чтобы не оставить въ умѣ читателя ни тѣни сомнѣнія относительно роли, которую сыграли въ бывшей редакціи «Новаго Слова» фантастическія «золотыя горы», г. Скабическій поясняетъ далѣе свою мысль еще болѣе опредѣленно. Еслибы г-жа Попова приглашала сотрудниковъ безъ такихъ посуловъ,—«я, напримѣръ,— говоритъ г. Скабичевскій,—навѣрное не пошелъ бы, потому что былъ уже въ достаточной мѣрѣ обезпеченъ работою въ нѣсколькихъ изданіяхъ и получалъ *втрое* болѣе, чѣмъ было предложено мнѣ въ «Новомъ Словѣ». Поступиться всѣми этими заработками и всецѣло отдать все свое время и силы «Новому Слову» я только и могъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, нравственное удовлетвореніе работать не съ сотрудниками, на-

[1]) Мы взяли за норму 2½ листа, что составляетъ одну печатную страницу съ небольшимъ въ день, считая такой трудъ вовсе не обременительнымъ для одного изъ главныхъ сотрудниковъ журнала, посвящавшихъ, по его-же показанію, «все свое время и всѣ силы» изданію.

бранными съ борку, да съ сосенки, а въ группѣ писателей, вполнѣ солидарныхъ со мною во всѣхъ убѣжденіяхъ, а съ другой-же—*горы золотыя*, какія *были обѣщаны мнѣ* при вступленіи моемъ въ журналъ». Раньше, когда г. Скабичевскій работалъ съ сотрудниками, набранными, по его словамъ, «съ борку, да съ сосенки», онъ получалъ, въ видѣ компенсаціи, втрое большій гонораръ. Одно «нравственное удовлетвореніе» отдѣлаться отъ столь почтенныхъ компаньоновъ ни въ какомъ случаѣ не могло склонить г. Скабичевскаго на работу при «нищенскомъ» гонорарѣ въ 300 р. за 2½ листа ежемѣсячно, даже при антуражѣ вполнѣ съ нимъ солидарной группы. Только прибавка къ нравственному удовлетворенію обѣщанныхъ ему *золотыхъ горъ* заставила г. Скабичевскаго распроститься съ соратниками, навербованными «съ борку, да съ сосенки». Г. Скабичевскій высказываетъ это съ глубокимъ сознаніемъ основательности своего подсчета, повидимому вполнѣ увѣренный, что такія соображенія убѣдительны для каждаго читателя, сколько-нибудь ознакомленнаго со здравыми торговыми принципами. Кто-же, дескать, согласится сбавить себѣ гонораръ на двѣ трети, ради одного «нравственнаго удовлетворенія»? Каково-же должно быть удивленіе подкупленнаго такою разсчетливостью читателя, когда онъ въ слѣдующихъ-же строкахъ фельетона узнаетъ что г-жа Попова ни въ какихъ посулахъ и обѣщаніяхъ вовсе не повинна? «Приглашалъ меня,—продолжаетъ свою покаянную рѣчь г. Скабичевскій,— г. Кривенко и *лично отъ самой издательницы я никакихъ обѣщаній не слышалъ*». Прельщалъ г. Скабичевскаго «золотыми горами» г. Кривенко, и блескъ этихъ посуловъ такъ ослѣпилъ участниковъ группы, мстительно притянувшей къ суду г-жу Попову за мнимое нарушеніе писательской чести, что, по свидѣтельству г. Скабичевскаго, никто изъ нихъ даже «не переспрашивалъ затѣмъ издательницу, правда-ли это». *Золотыя горы* были обѣщаны, и всѣ сотрудники «Новаго Слова» съ упованіемъ взирали на будущее, когда эти горы сами собой придвинутся къ нимъ, а г-жа Попова бозкорыстно отодвинется отъ нихъ. Немудрено, что сквозь позолоченныя столь радужными надеждами очки, г-жа Попова,—какъ выражается г. Скабическій, — «представлялась не столько издательницею въ *тѣсномъ* и *рутинномъ* смыслѣ этого слова, сколько *меценаткою* (!), пожелавшею *предоставить* группѣ писателей сочувственнаго ей направленія, *поставивши* журналъ на ноги и *выплативъ ей* затраченныя ею деньги, *работать* въ своемъ журналѣ». Восхитившись образомъ сидящей на золотыхъ горахъ воображаемой «меценатки», не имѣющей ничего общаго съ обыкновенною издательницею «въ тѣсномъ и рутинномъ смыслѣ этого слова», г. Скабичевскій счелъ нужнымъ, въ честь ея, ниспровергнуть всѣ законы синтаксиса, также понимаемаго грамотными людьми «въ тѣсномъ и рутинномъ смыслѣ этого слова». Поразительная безграмотность процитированной фразы, представляющей совершенно невѣроятную размазню изъ безсмысленныхъ дѣепричастій, перепутанныхъ мѣстоимѣній и нагроможденныхъ одно на другое неопре-

дѣленныхъ наклоненій, оттѣсняетъ на второй планъ самый смыслъ заключающагося въ ней постыднаго признанія. Мы не будемъ терять ни времени, ни мѣста для повторенія истоптанной, какъ старая калоша, прописной истины, что меценатство и прихлебательство неразлучны. Неумѣніе выражать самыя простыя, хотя и не имѣющія никакого касательства къ писательской чести, мысли, глубокое пренебреженіе къ живому слову со стороны дѣятеля, требующаго «золотыхъ горъ» за служеніе этому самому слову,—вотъ явленіе, передъ прискорбнымъ и знаменательнымъ общественнымъ значеніемъ котораго меркнетъ все дѣло г-жи Поповой. «Вся бѣда въ «Новомъ Словѣ»,—увѣряетъ г. Скабичевскій, — заключалась именно въ томъ, что все въ немъ было опутано сѣтью возмутительной лжи». Увы, въ этой «возмутительной лжи», сквозь сѣть которой,—какъ убѣдились уже, вѣроятно, наши читатели,—довольно явственно просвѣчиваетъ поруганная обвинителями г-жи Поповой безхитростная правда, далеко еще *не вся бѣда*. Несравненно большее бѣдствіе для нашего общественнаго самосознанія представляетъ роковая слѣпота, стадное подчиненіе раздутымъ кружковщиной именамъ и авторитетамъ, свидѣтельствующимъ лишь, какъ плѣсень, о наличности гнилостнаго разложенія. Безграмотные и малограмотные писатели, невѣжественные и тупые критики, лишенные всякаго воодушевленія, ничтожные и недобросовѣстные публицисты не могутъ остановить неизбѣжнаго процесса совершенствованія, — но они могутъ задержать и, въ самомъ дѣлѣ, задерживаютъ умственное развитіе культурныхъ классовъ. Когда такіе люди достигаютъ популярности, когда они дерзаютъ посягать на властное руководительство общественнымъ мнѣніемъ, устанавливать законы искусства и правила чести, тогда въ обществѣ возникаетъ вавилонское смѣшеніе идей и такое шатаніе мыслей, которое ведетъ къ худшей изъ эпидемій,—къ эпидеміи нравственнаго и умственнаго индифферентизма.

IV.

Чтобы исчерпать все самообличительное и покаянное содержаніе фельетоновъ г. Скабическаго, намъ остается указать лишь на его сознаніе въ томъ, что «группа» привлекла г-жу Попову къ судебной отвѣтственности вовсе не ради защиты «престижа русскихъ писателей» или нарушенныхъ ею «четырехъ нравственныхъ основаній» при продажѣ журнала «Новое Слово», а только въ отместку за личныя неудовольствія и за испареніе «золотыхъ горъ» въ область чистой фантазіи. Г. Скабичевскій, подписываясь, вмѣстѣ съ г. Абрамовымъ, подъ заявленіемъ, поданнымъ въ судъ чести союза русскихъ писателей, очевидно, сознательно морочилъ этотъ судъ, приглашая его приступить къ разсмотрѣнію нравственной основательности продажи журнала. Всѣ четыре вопроса, предложенные гг. Скабичевскимъ и Абрамовымъ суду чести, касаются *продажи журнала* и не заключаютъ въ себѣ даже отдаленнаго намека на то, что жалобщикамъ, въ сущности, нужно разрѣшить вовсе не эти, ими

самими поставленные вопросы, а учинить надъ г-дами Поповыми всероссійскую расправу. Сравните четыре вопросныхъ пункта жалобы гг. Скабичевскаго и Абрамова, напечатанные нами дословно въ августовской книгѣ «Сѣвернаго Вѣсника», со слѣдующими завершительными строками фельетоновъ г. Скабичевскаго по этому дѣлу: «Ахъ, сколько во всѣхъ отношеніяхъ гг. издательницы и редактора (т.-е. Поповыхъ) ко всѣмъ сотрудникамъ было возмутительной лжи, оскорбительной третировки, пренебреженія основныхъ правилъ гуманности и чести! [1]) Всего не перескажешь!.. Все это *накапливалось ежедневно* втеченіе полутора года и *довело до суда чести* людей вовсе не ради отстаиванія какихъ-либо имущественныхъ правъ, какъ это полагаетъ въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи г. Спасовичъ, а ради защиты поруганной чести писателей, ничѣмъ не заслужившихъ чтобы надъ ними такъ глумились и издѣвались, какъ это дѣлали г-да Поповы». Смыслъ этихъ словъ ясенъ и безспоренъ: жалобщики воспользовались мнимыми нарушеніями нравственныхъ основаній г-жею Поповой при продажѣ журнала «Новое Слово» лишь, какъ *предлогомъ*, чтобы свести съ нею свои домашніе счеты. Пока журналъ не былъ проданъ, пока подманивали ихъ своимъ блескомъ обѣщанныя г. Кривенко «золотыя горы», они переносили и *возмутительную ложь*, и *оскорбительную третировку*, и *пренебреженіе къ самымъ основнымъ правиламъ гуманности и чести*. Когда-же корыстныя надежды ихъ рухнули, они прибѣгли къ посредству суда чести для вымѣщенія застарѣлыхъ обидъ на добромъ имени своей бывшей «меценатки». Гг. судьи, не подозрѣвая, что жалобщики, въ сущности, глумятся и издѣваются надъ ними, потратили цѣлый мѣсяцъ на разборъ вздорныхъ претензій. Когда-же состоялось постановленіе суда, лишь частью удовлетворившее сутяжническую злобу главарей «группы», одинъ изъ послѣднихъ съ беззастѣнчивымъ цинизмомъ печатно заявилъ, что все это была одна комедія, что вопросъ о нравственномъ правѣ г-жи Поповой продать журналъ нисколько ихъ не интересуетъ и что наиболѣе компетентный изъ судей напрасно потратилъ свое время, знаніе, дарованіе и трудъ на разсмотрѣніе «имущественныхъ правъ» состязующихся... Почему жалобщики не выступили честно и открыто со своимъ истиннымъ намѣреніемъ— наказать г жу Попову и ея мужа за «глумленіе и издѣвательство надъ ними» и защитить *свою* честь, якобы поруганную издательницею и редакторомъ «Новаго Слова»? На этотъ вопросъ могутъ дать отвѣтъ лишь сами жалобщики. Намъ же остается ограничиться постановкою его, ибо наша задача состояла въ томъ чтобы показать нашимъ читателямъ, какая горькая правда проглядываетъ сквозь «сѣть возмутительной лжи», которою, по признанію г. Скабичевскаго, «было все опутано» въ бывшей редакціи журнала «Новое Слово».

К. Льдовъ.

[1]) Г. Скабичевскій, повидимому, хотѣлъ указать на пренебреженіе къ «основнымъ» и пр. Этимологія столь же мало пользуется его благосклонностью, какъ и синтаксисъ.

Г. Карѣевъ объ университетскомъ гонорарѣ.

Въ нынѣшнемъ году министерство народнаго просвѣщенія предложило совѣтамъ университетовъ высказаться по поводу желательныхъ преобразованій въ практикующейся системѣ оплаты труда профессоровъ и приватъ-доцентовъ. Предложеніе это вызвало бурю толковъ и споровъ. На страницахъ періодической печати появился длинный рядъ статей, замѣтокъ, обсуждающихъ данный вопросъ за и противъ, вкривь и вкось. Есть газеты, которыя, придравшись къ случаю, какъ напримѣръ «Народъ», уклоняются отъ темы и отдѣлываются общими словами о реформѣ всей университетской жизни; другія стараются выяснить дѣло, не входя въ отдаленныя соображенія и близко придерживаясь существа задачи.

Министерствомъ вопросъ поставленъ совершенно ясно: нужны-ли вообще преобразованія въ системѣ гонорара и, если нужны, то какія именно. Несмотря на ясную постановку, во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы вопросъ самъ по себѣ не былъ достаточно сложенъ. Прежде всего въ немъ нужно различать двѣ стороны: недостаточность оплаты труда преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній изъ средствъ министерства и несправедливость въ отношеніи распредѣленія частнаго сбора со студентовъ среди тѣхъ-же преподавателей. Относительно перваго сомнѣній быть никакихъ не можетъ: профессорское жалованье превзошло по своимъ минимальнымъ размѣрамъ штаты всевозможныхъ министерствъ и поражаетъ несоотвѣтствіемъ затрачиваемаго труда и способностей по сравненію съ ихъ вознагражденіемъ. По нынѣшнимъ временамъ рѣдкій столоначальникъ въ центральныхъ учрежденіяхъ въ среднемъ и въ общемъ не получаетъ двухъ и болѣе тысячъ въ годъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія университетскаго курса, зачастую съ грѣхомъ пополамъ по второму разряду. Первое профессорское жалованье точно также является въ размѣрѣ двухъ тысячъ. Но чего стоитъ добиться этого сравнительно ничтожнаго содержанія. Чтобы получить доступъ къ профессурѣ, нужно прежде всего чѣмъ-

нибудь зарекомендовать себя еще на школьной скамейкѣ; сюда идутъ медальныя сочиненія, домашнія работы на тему, заданную преподавателемъ, успѣшный ходъ полукурсовыхъ испытаній, затѣмъ окончаніе курса съ дипломомъ первой степени. Ходатайство профессора разсматривается въ факультетѣ и только послѣ указанной процедуры преуспѣвшій оставляется при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.

Обыкновенно такимъ образомъ отличенный молодой человѣкъ чувствуетъ себя на первыхъ порахъ на седьмомъ небѣ. Обыкновенно это бываетъ юноша, ищущій тѣснаго общенія съ наукой по призванію. Онъ не разсчитываетъ на карьеру и деньги; ему даже не нужно особой славы или извѣстности. Русскій магистрантъ (таково имя оставляемыхъ при университетѣ, впрочемъ, уже послѣ выдержанія магистерскаго экзамена) по большей части типъ Берсенева изъ тургеневскаго «Наканунѣ». Есть факультеты, которые оставляютъ при своихъ кафедрахъ только за трудолюбіе и покорность. Съ этими двумя качествами новые магистранты вступаютъ на избранный путь, на которомъ капли крови на шипахъ терній замѣняютъ имъ розы. Счастливцы изъ счастливцевъ пользуются двухлѣтней стипендіей, командировкой заграницу и въ это время имѣютъ возможность при скромныхъ требованіяхъ не помышлять о завтрашнемъ днѣ и отдаваться любимому дѣлу. Прочіе, отрѣшенные отъ жизни, прямо попадаютъ головой въ ея омутъ, выкидывающій одного сильнаго для того, чтобы поглотить тысячи слабыхъ.

Оставленному при университетѣ представляется двойная задача — выдержаніе магистерскаго экзамена, написаніе двухъ диссертацій и если у него нѣтъ собственныхъ средствъ, борьба за существованіе. Жить надо, а между тѣмъ ничто такъ не требуетъ спокойствія и досуга, какъ ученый трудъ. Для магистерскаго экзамена программъ нѣтъ; молодой ученый безъ руля и безъ вѣтрилъ прямо попадаетъ въ открытое и безбрежное море науки. И вотъ начинаются долгіе годы сомнѣній, волненій, сидѣнья въ общественныхъ книгохранилищахъ, ночного труда, работы въ лабораторіяхъ и кабинетахъ. Большинство не выдерживаетъ первой стадіи испытанія и уходитъ на волю. Кстати сказать, процентъ оставляемыхъ при университетѣ и не сдающихъ даже магистерскаго экзамена, по относительной высотѣ, равняется только проценту дѣтской смертности среди крестьянскаго населенія. Значительная часть никогда не дотягиваетъ до написанія первой диссертаціи и на всю жизнь остается въ почетномъ, но ничего не значущемъ, ничего не дающемъ званіи магистрантовъ. Наконецъ, счастливыя исключенія побѣждаютъ всѣ препятствія, пишутъ сперва магистерскую, а потомъ и докторскую диссертацію. Въ это время въ среднемъ ихъ возрастъ приближается къ сорока годамъ и въ перспективѣ успокоеніе, достиженіе возможности безмятежно работать на пользу науки въ «почетной нищетѣ». Это страшное слово—«почетная нищета» выговорило «Новое Время», вообще не за-

трудняющееся подборомъ словъ и выраженій, но въ данномъ случаѣ, въ своей неразборчивости, явившееся выразителемъ неприкрашенной истины. Нечего говорить, что не всякій человѣкъ способенъ въ почетной нищетѣ найти свое призваніе. Правда, какъ мы указывали выше, нѣкоторые факультеты, при оцѣнкѣ личности будущихъ коллегъ, усиленно принимаютъ въ соображеніе покорность, но семья и жизненная нужда заставляютъ магистра и доктора презрѣть завѣты наставниковъ и требовать у общества своей доли земныхъ благъ, эксплуатируя такъ или иначе свое почетное положеніе: они набираютъ себѣ часы чтеній въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ сразу, дѣлаются параллельно учителями гимназій, адвокатствуютъ, литераторствуютъ, размѣниваютъ силы и случайныя дарованія по мелочамъ и пропадаютъ въ итогѣ и для себя и для нѣкогда боготворимой науки. Почетная профессорская нищета въ нѣкоторыхъ областяхъ создала даже особый типъ, такъ сказать, кондотьера преподаванія; эти кондотьеры за лишній оплаченный часъ готовы читать какой угодно предметъ, не взирая на то, входитъ-ли онъ въ ихъ спеціальность, работали-ли они въ его сферѣ, или нѣтъ.

Если въ такомъ положеніи находятся профессора, то можно себѣ представить, что волею судебъ должны представлять собой приватъ-доценты. Ихъ законъ поставилъ въ условія прямо неестественныя. Въ идеѣ приватъ-доцентъ такой-же законный сынъ науки, какъ и профессоръ. Для него въ отношеніи допущенія къ чтенію лекцій существуютъ даже нѣкоторыя льготы: онъ можетъ читать послѣ двухъ пробныхъ лекцій въ факультетѣ и безъ ученой степени; при особомъ вниманіи къ приватъ-доценту, факультетъ имѣетъ право даже поручить ему обязательный курсъ съ вознагражденіемъ въ 1,200 рублей въ годъ, но для этого нужны подчасъ особыя данныя помимо трудолюбія, покорности и дарованій. Въ остальномъ приватъ-доцентъ предоставленъ во всемъ самому себѣ; если онъ читаетъ обязательный курсъ на многолюдномъ факультетѣ и при томъ читаетъ добропорядочно, его вознаграждаетъ гонораръ, въ противномъ случаѣ его удѣлъ и будущность—только почетная нищета. Въ настоящемъ, онъ безправное лицо въ университетской жизни: онъ не имѣетъ ни въ чемъ никакого права голоса, въ повѣркѣ студенческихъ отвѣтовъ его допускаютъ условно «изъ любезности», и имѣется процентъ профессоровъ, ведущихъ упорную глухую борьбу, съ цѣлью вытѣсненія доцентовъ изъ своей среды; работа доцентовъ въ службу засчитывается условно при полученіи профессорскаго мѣста; всякую минуту доцентъ можетъ быть лишенъ права чтенія лекцій «слабымъ маніемъ руки», проводящей черту по его имени въ спискахъ округа.

Учреждая институтъ приватъ-доцентуры законъ далъ ему въ помощь гонораръ и, дѣйствительно, до извѣстной степени оказалъ поддержку новому своему созданію. Въ зависимости отъ дарованій, профессора въ гонорарѣ получили дополненіе къ своему болѣе чѣмъ скудному жалованью, доценты—необходимую охрану ихъ права на вознагражде-

ніе за трудъ. При установленіи приватъ-доцентуры и гонорара имѣлъ-ли законъ въ виду неравенство распредѣленія послѣдняго въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ качествъ преподавателей? Конечно, имѣлъ, это было его цѣлью. Онъ желалъ поощрить однихъ для того, чтобы возбудить соревнованіе другихъ. Институтъ доцентуры развился; среди доцентовъ появились люди съ крупными именами. Значитъ цѣль оказалась достигнутой. И едва немного окрѣпло новое учрежденіе, какъ изъ самой-же университетской среды раздались голоса противъ гонорара и противъ доцентуры. Къ сожалѣнію, между прочимъ, приходится удостовѣрить тотъ фактъ, что голоса эти принадлежатъ не первымъ звѣздамъ научнаго міра и крики протестантовъ припадочны и нестройны. Къ такимъ голосамъ принадлежитъ, среди прочихъ, голосъ проф. Карѣева.

Г. Карѣевъ не печаталъ подъ своимъ именемъ статей по гонорарному вопросу, но въ обществѣ вращается за его подписью крохотная брошюрка подъ заглавіемъ «Какъ поступить съ гонораромъ». Г. Карѣевъ разрѣшилъ вопросъ, поставленный министерствомъ, какъ Александръ Македонскій. Онъ разрубилъ его своей брошюрой. Г. Карѣевъ прямо предлагаетъ уничтожить гонораръ безъ разсужденій. О послѣдствіяхъ, о связи вопроса съ другими сторонами дѣла онъ говорить не хочетъ. Передъ ломкой и безъ того часто ломаемой университетской жизни, передъ полнымъ уничтоженіемъ приватъ-доцентуры онъ не останавливается. Для блага отечества г. Карѣевъ самъ занимаетъ ординатуру въ университетѣ, читаетъ въ лицеѣ, на высшихъ курсахъ, редактируетъ словари, обѣими руками пишетъ статьи, замѣтки, книги, брошюры. Исходная точка г. Карѣева та, что гонораръ, собираемый со студентовъ въ пользу профессоровъ и приватъ-доцентовъ вещь безнравственная въ виду недостаточности тѣхъ классовъ, откуда пополняются студенческіе ряды. «Достойно-ли это великаго государства»,—восклицаетъ по поводу гонорара г. Карѣевъ, очевидно набравшійся патріотизма послѣ франко-русскихъ торжествъ. Онъ думаетъ, что профессорамъ, «во имя нравственнаго достоинства» слѣдовало-бы, «пользуясь запросомъ министерства», отъ такой прибавки жалованья, которая имѣетъ непосредственный свой источникъ въ студенческихъ кошелькахъ, иногда наполняющихся для этого изъ сундуковъ благотворительнаго общества», совершенно отказаться. Но если углублять вопросъ, то достойно-ли великаго государства и нравственнаго достоинства профессоровъ получать жалованье, составляемое главнымъ образомъ изъ тѣхъ грошей, которые несетъ лапотникъ въ уѣздное казначейство безъ надежды когда-нибудь видѣть своего сына нетолько въ высшемъ, но даже въ среднемъ учебномъ заведеніи? Такой вопросъ задавать не стоитъ, а между тѣмъ это только продолженіе тезиса, поставленнаго г. Карѣевымъ... Г. Карѣевъ утверждаетъ, что современная плата за слушанье лекцій въ университетѣ очень высока, и что студенты страдаютъ отъ этого. Совершенно справедливо. Если профессора нуждаются въ прибавкѣ жалованья безъ различія кафедръ и въ гоно-

рарѣ, какъ прибавочной платѣ за особыя качества, то студенты нуждаются въ облегченіи тяготы. Но вѣдь можно, не уничтожая гонорара, понизить его и расширить число лицъ, допускаемыхъ къ чтенію лекцій. Интересы обѣихъ сторонъ отъ такого оборота дѣла нисколько не пострадаютъ.

При такой постановкѣ вопроса отпадаетъ предполагаемая г. Карѣевымъ безнравственность того обстоятельства, что пользующійся трудомъ оплачиваетъ его по своему усмотрѣнію у того, чей трудъ ему болѣе нравится. Но, вдаваясь въ тонкости изслѣдованія нравственности, г. Карѣевъ упустилъ изъ вида нѣчто очень существенное: это именно свободное участіе заинтересованнаго лица въ оцѣнкѣ дарованій своего преподавателя. Напрасно г. Карѣевъ полагаетъ, что студенчество въ нѣкоторомъ родѣ стадо, способное быть подкупленнымъ шумихой фразъ или экзаменаціонной поблажкой. Прежде всего отступленія отъ правилъ со стороны приватъ-доцентовъ (о нихъ, какъ о частныхъ лицахъ, г. Карѣевъ допуститъ вполнѣ свободное сужденіе) могутъ быть всегда устранены надзоромъ со стороны факультета; экзамены-же производятся въ коммисіи, куда доценты допускаются пока на правахъ членовъ. Изъ коммисій государственныхъ ихъ уже даже прямо устранили безъ измѣненій въ системѣ гонорара и такимъ образомъ подорвали доцентуру на двухъ старшихъ курсахъ. Что-же касается несоотвѣтствующей предмету конкурренціи между профессорами и доцентами, то нарушеніе въ данномъ случаѣ интересовъ науки не можетъ имѣть мѣста. Ученый съ громкимъ или даже просто почетнымъ именемъ не боится конкурренціи, если онъ по прежнему стоитъ на высотѣ своего положенія. Нечего говорить, что имя напр. Менделѣева (не по тарифнымъ вопросамъ) или Сергѣевича не требуетъ покровительственныхъ пошлинъ и боится только поддѣлки. Впрочемъ, нечего ходить въ область предположеній,—ни проф. Сергѣевичъ, ни проф. Менделѣевъ не имѣли конкуррентовъ. Но такой нашелся у проф. Мартенса и... умеръ въ безвоздушномъ пространствѣ. Его конкурентный курсъ сперва посѣщали два человѣка, но и тѣ имѣли впослѣдствіи достаточно благоразумія, чтобы скрыться. Если-же конкуррентъ добивается успѣха, то это показываетъ, что въ немъ кроется нѣчто. Такими счастливыми конкуррентами обыкновенно бываютъ изгои, обладающіе сами по себѣ именемъ и ученою репутаціей. Таковы, напр., были П. Ф. Лесгафтъ, А. А. Исаевъ. Если нѣтъ привходящихъ условій, молодой доцентъ можетъ успѣшно конкурировать только съ такимъ-же молодымъ доцентомъ, и въ послѣднемъ случаѣ свободное соревнованіе даетъ возможность факультету сравнивать силы обоихъ состязующихся, не увлекаясь давленіями внѣшняго характера, которыя должны особенно развиться при уничтоженіи гонорарной системы, при отсутствіи университетскаго самоуправленія даже въ такихъ вопросахъ, какъ выборъ преподавателя.

Г. Карѣевъ не пожелалъ принять въ разсчетъ ни одного изъ приведенныхъ соображеній. По его мнѣнію, гонораръ долженъ быть безусловно отмѣненъ. Онъ высказалъ нѣсколько мыслей благороднаго характера и

успокоился. Но, увы! во всѣхъ областяхъ есть запасъ слишкомъ общаго, ходячаго, размѣннаго благородства, которое не возвышаетъ человѣка надъ среднимъ уровнемъ уже потому, что онъ, пользуясь всегда биллономъ, показываетъ отсутствіе крупной монеты. Впрочемъ удивляться брошюрѣ г. Карѣева нечего. Труды названнаго ученаго, какихъ-бы вопросовъ они ни касались, всегда страдали отсутствіемъ творческой, оригинальной мысли. А тогда, когда они, въ погонѣ за оригинальностью, касались, напримѣръ, вопроса объ англійскомъ Habeas Corpus Act (курсъ новой исторіи), то прямо грѣшили не только въ смыслѣ солидности фактическаго содержанія, но и противъ правилъ латинской грамматики. Извѣстная книга г. Карѣева «Основные вопросы философіи исторіи»—не болѣе, какъ арлекинскій костюмъ, сшитый изъ лоскутковъ, обрывковъ мнѣній различныхъ иностранныхъ ученыхъ. Поэтому, повторяемъ, нечего удивляться отсутствію во взглядахъ г. Карѣева оригинальности. Онъ ходитъ по протоптаннымъ дорожкамъ съ шорами на глазахъ. И теперь передъ его взоромъ университетскій уставъ 1863 г. Г. Карѣеву мало критически усмотрѣть хорошія стороны этого устава. Г. Карѣевъ желаетъ видѣть его весь, какъ онъ былъ, безъ поправокъ, безъ измѣненій, согласныхъ съ временемъ. Г. Карѣевъ желаетъ смотрѣть только въ одну сторону, а прочія для него хотя-бы и не существовали.

Кстати будетъ напомнить г. Карѣеву, что общественные вопросы не такъ легко разрѣшаются въ жизни, какъ онъ полагаетъ. Для того, чтобы не заблудиться, нельзя только смотрѣть впередъ на свѣтлую точку. Нужно имѣть свѣтильникъ при себѣ и умѣть держать его такъ, чтобы онъ освѣщалъ дорогу въ обѣ стороны—хотя-бы на нѣсколько шаговъ.

XII международный съѣздъ врачей въ Москвѣ.

Когда на римскомъ конгрессѣ, три года тому назадъ, мѣстомъ слѣдующаго съѣзда избрана была Москва, рѣшеніе это вызвало очень много ожиданій въ западной Европѣ. Для всѣхъ было очевидно, что съѣздъ въ стѣнахъ Москвы долженъ стоять по интересу своему внѣ сравненія съ подобными съѣздами въ любомъ европейскомъ городѣ. Всѣ предчувствовали, что этому съѣзду суждено выйти изъ рамокъ, какія отводятся для медицинскихъ событій, и занять видное мѣсто въ ряду культурно-историческихъ событій, которыя въ послѣднее время такъ рѣшительно сближаютъ Россію съ Западомъ. Конечно, всѣ эти ожиданія имѣли характеръ неясный, неопредѣленный, который совершенно понятенъ, если принять во вниманіе, какъ мало правды знаютъ на Западѣ о Россіи и какъ много нелѣпыхъ представленій о насъ укрѣпилось въ головѣ западно-европейскаго человѣка. Но интересъ къ Россіи сталъ теперь живымъ, дѣйствительнымъ интересомъ, и масса лицъ, имѣющихъ отношеніе къ медицинѣ по профессіи или теоретическимъ занятіямъ, ухватилась за возможность увидать Россію и русскихъ и рѣшилась—не безъ страха, какъ многіе потомъ смущенно сознавались — пріѣхать къ намъ. Иностранцы пріѣхали въ большомъ числѣ, пробыли здѣсь вмѣсто семи дней 2—3 недѣли, нѣкоторые и того больше. Теперь, когда эхо шумныхъ дней затихаетъ, настаетъ время познакомить тѣхъ, кто тамъ не былъ, съ общимъ характеромъ и значеніемъ этого особеннаго съѣзда.

Организація настоящаго, какъ и всякаго другого съѣзда, имѣла своей задачей опредѣленіе извѣстнаго числа спеціальныхъ секцій, общихъ собраній, постановку на очередь нѣсколькихъ наиболѣе важныхъ въ настоящее время вопросовъ практической и теоретической медицины, послѣ чего организаціоннымъ комитетомъ предложено было извѣстнымъ ученымъ высказаться на съѣздѣ по указаннымъ вопросамъ. Общихъ засѣданій было три; участвовали въ нихъ ученые Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Россіи, Америки. Спеціальныхъ секцій 16. Докладовъ заявлено было свыше 800, въ томъ числѣ русскихъ докладовъ было не

много, такъ какъ рѣшено было раньше всего дать мѣсто иностраннымъ докладчикамъ, и лишь остающееся время удѣлить русскимъ врачамъ. Доклады читались на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

Спеціальная оцѣнка матеріала, принесеннаго на съѣздъ врачами всѣхъ странъ свѣта, есть задача медицинской печати. Мы лишь кратко укажемъ здѣсь на наиболѣе важные изъ разбиравшихся вопросовъ чтобы потомъ остановиться на болѣе существенной сторонѣ этого явленія—на его культурномъ значеніи для сближенія Россіи съ западной Европой.

На съѣздъ собралось около 8,000 человѣкъ, иностранцы составляли весьма значительную часть этой цифры

Вся эта «армія спасенія» явилась съ самыми замѣчательными представителями современной медицины во главѣ. Русскія имена извѣстны всѣмъ, изъ иностранцевъ достаточно назвать Вирхова, Ломброзо, Лейдена, Гергардта, Сенатора, Ланнелонга, Шаррена, Питри, Вальдейера, Крафтъ-Эбинга, Эрба, Лаутернъ-Бroutона, Бернгейма и еще много другихъ. Центральной фигурой былъ, конечно, Р. Вирховъ, этотъ удивительный человѣкъ, который уже цѣлыхъ 55 лѣтъ работаетъ въ первыхъ рядахъ, интересуясь одинаково какъ идеями въ области науки, такъ и политической и соціальной жизнью своего народа, къ нуждамъ и требованіямъ котораго онъ стоитъ очень близко. Такой универсальностью и неутомимостью Вирховъ покорилъ себѣ всѣ сердца у себя на родинѣ и далеко за ея предѣлами. Великолѣпную страницу изъ культа великихъ людей представляетъ собою пріемъ, оказанный Вирхову при его появленіи въ первомъ общемъ собраніи. Потрясающій гулъ восторга, уваженія — все, что заключается въ сложномъ чувствѣ обыкновеннаго человѣка къ великому, останется надолго однимъ изъ самыхъ сильныхъ и благородныхъ впечатлѣній съѣзда.

Вирховъ много разъ бывалъ въ Россіи — въ разныхъ ея частяхъ — знаетъ ее, по крайней мѣрѣ, ходъ ея научнаго прогресса и всегда высказывался съ похвалой о работоспособности и настойчивости своихъ русскихъ учениковъ, изъ числа которыхъ вышло не мало профессоровъ.

Далѣе особенно интересовалъ всѣхъ Ломброзо, смѣлый натуралистъ которому наука обязана примѣненіемъ методовъ естествознанія къ одному изъ важнѣйшихъ въ соціальномъ отношеніи вопросовъ права. Ломброзо имѣлъ силу нанести рѣшительный и послѣдній ударъ схоластикѣ въ вопросѣ о преступленіи—и заслуги его въ этой области даютъ ему право на мѣсто въ ряду замѣчательныхъ борцовъ съ застывшими традиціями прежнихъ вѣковъ. Какъ и Вирховъ, онъ далъ работу цѣлой школѣ—работу за и противъ его ученія. Его мнѣнія и впечатлѣнія о Россіи весьма интересны и будутъ имъ обнародованы по возвращеніи въ Италію, равно какъ и впечатлѣнія отъ поѣздки въ Ясную Поляну.

Былъ еще рядъ людей съ очень громкими именами, но въ опредѣленной болѣе или менѣе спеціальной области.

Изъ иностранцевъ больше всего пріѣхало нѣмцевъ, не мало французовъ, много англичанъ и американцевъ, итальянцевъ, изъ другихъ странъ пріѣхало по нѣсколько человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, такой разноязычной толпы Москва не видала съ 1812 года; но теперь это были люди, явившіеся, чтобы сблизиться и подружиться съ русскими, чтобы узнать, правда-ли то, что они привыкли думать о Россіи. Большинство пріѣзжихъ явилось въ Москву уже за недѣлю и раньше начала съѣзда. Многіе до засѣданій побывали въ Нижнемъ-Новгородѣ и др.

7-го августа открылся съѣздъ. Темы, служившія предметомъ докладовъ на общихъ собраніяхъ, почти всѣ имѣли спеціальный характеръ и мало чѣмъ отличались отъ всего, о чемъ говорили въ отдѣльныхъ секціяхъ. Въ послѣднихъ врачи большею частью сообщали результаты своихъ клиническихъ наблюденій или экспериментальныхъ изслѣдованій—все это въ границахъ уже извѣстныхъ путей. Чаще и больше всего служили предметомъ обсужденія: туберкулезъ, сифилисъ, чума и лѣченіе сывороткой, прогрессивный параличъ и спинная сухотка, воспаленія почекъ. Лейденъ опредѣленно высказался за излечимость чахотки, по крайней мѣрѣ въ начальныхъ степеняхъ ея. Онъ подробно остановился на наиболѣе раціональной, по его мнѣнію, въ настоящее время—гигіенически-діэтетической системѣ леченія легочныхъ больныхъ и затѣмъ ознакомилъ слушателей съ пропагандируемой имъ уже нѣсколько лѣтъ идеей о необходимости устраивать для легочныхъ больныхъ большихъ санаторій—на средства частной благотворительности и при поддержкѣ государства. Только въ такихъ санаторіяхъ возможно, во-первыхъ, строгое проведеніе раціональнаго леченія, какъ оно выработалось постепенно въ знаменитой Герберсдорфской лѣчебницѣ (Силезія); во-вторыхъ, охраненіе общества отъ опасности зараженія. При такой постановкѣ вопроса онъ пріобрѣтаетъ большое спеціальное значеніе,—и мы знаемъ, какое сочувствіе нашла себѣ эта мысль въ Россіи еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Уже при покойномъ Государѣ Александрѣ III была выстроена такая лечебница «Халила» въ Финляндіи. Теперь есть и другія санаторіи въ Россіи. Мысль Лейдена была поддержана другими клиницистами, нѣкоторые авторитеты высказались больше всего за климатическое леченіе.

Проф. Крафтъ-Эбингъ сдѣлалъ интересное и яркое обозрѣніе причинъ развитія прогрессивнаго паралича,—страданія, которое, повидимому, все чаще и чаще встрѣчается. Съ наблюдательностью человѣка, близко знакомаго съ дѣйствительностью, охарактеризовалъ онъ условія современной жизни, истощающія мозгъ и дѣлающія его весьма воспріимчивымъ ко всякимъ заболѣваніямъ, какъ только является специфическая причина.

Рѣчь Ломброзо ожидалась съ большимъ любопытствомъ. Его «новѣйшія завоеванія психіатріи» оказались краткимъ обзоромъ уже пройденнаго и извѣстнаго пути. Онъ говорилъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя связали въ послѣднія десятилѣтія психіатрію съ многими областями другихъ наукъ: съ ученіемъ о вырожденіи, съ вопросомъ о преступленіи, о

наслѣдственности и т. д. Проф. Бернгеймъ (Нанси), очень извѣстный своими работами о гипнотизмѣ, создавшій цѣлую школу, сдѣлалъ подробный докладъ по этому вопросу. Это было тѣмъ болѣе интересно, что здѣсь присутствовали многіе изъ его противниковъ, въ свою очередь весьма извѣстныхъ своими трудами.

Проф. Мечниковъ говорилъ о чумѣ и познакомилъ врачей со всѣмъ, что сдѣлано въ послѣдніе годы по этому страшному для всѣхъ вопросу.

Наконецъ, остается упомянуть еще объ одномъ докладѣ, имѣющемъ не столько медицинскій, сколько общественный интересъ. Это рѣчь доктора Жбанкова «Общественная медицина въ Россіи». Авторъ поставилъ себѣ задачей познакомить иностранцевъ съ своеобразнымъ учрежденіемъ, созданіемъ русской почвы, русскихъ отношеній интеллигенціи къ народу. Если и вообще трудъ врача—трудъ тяжелый, грустный, то трудъ земскаго врача есть чистое подвижничество при условіяхъ жизни въ русской деревнѣ, при необходимости не только лечить, но и бороться съ мрачнымъ суевѣріемъ и учить мужика, что лечиться надо. Докторъ Жбанковъ познакомилъ слушателей съ задачами и организаціей земской медицины, «главный принципъ которой: врачебная помощь, вполнѣ доступная для всего населенія, всегда близкая къ деревнѣ, безплатная и безъ принудительныхъ мѣръ относительно населенія. Земская медицина имѣетъ, кромѣ санитарно-медицинскихъ задачъ, огромное культурно-воспитательное значеніе для народа и уже до извѣстной степени выполнила данный ей Пироговымъ завѣтъ: «бороться съ невѣжествомъ народныхъ массъ и видоизмѣнять цѣлое ихъ міросозерцаніе».

Этотъ бѣглый обзоръ главнѣйшихъ докладовъ показываетъ, что медицинское значеніе московскаго съѣзда заключается не въ указаніи новыхъ путей или открытій, а въ систематическомъ просмотрѣ многихъ важныхъ вопросовъ. Но и это очень поучительно, особенно для начинающихъ врачей, которымъ такъ трудно оріентироваться въ чрезвычайно сложной сферѣ медицинскихъ явленій.

Въ многотысячной толпѣ собравшихся врачей своеобразную группу составляли женщины-врачи, числомъ около 100. Это едва-ли не первый случай въ исторіи женскаго медицинскаго образованія, когда женщины-врачи имѣли возможность собраться вмѣстѣ и тѣмъ дали возможность себѣ и тѣмъ, кто интересуется вопросомъ о женскомъ образованіи, оглянуться на пройденный путь. Онъ былъ и остался нелегкимъ. Исторія большинства изъ этихъ женщинъ есть исторія борьбы, упорнаго труда, настойчивости, которыя мужчинѣ создали-бы выдающееся положеніе.

Каждый день, по окончаніи засѣданій, огромная толпа пріѣзжихъ разсыпалась по Москвѣ и ея окрестностямъ, наполняя улицы, музеи, дворцы, больницы, тюрьмы, пріюты. Съ умѣніемъ и привычкой западно-европейцевъ, они все разсматривали, обо всемъ распрашивали, стараясь узнать, понять. Нѣкоторые, даже не молодые люди—преимуще-

ственно нѣмцы—дома подъучились по-русски, находя, что настала необходимость знать этотъ языкъ.

И съ этого момента начинается то большое и теперь еще неизмѣримое по своимъ послѣдствіямъ вліяніе съѣзда, которое далеко оставляетъ за собою его медицинское значеніе. Тысячи людей, которыхъ безъ съѣзда судьба никогда не привела бы въ Россію, теперь были здѣсь, могли все видѣть и сопоставить съ тѣмъ, что они привыкли думать о Россіи. Москва и устроители съѣзда приняли всѣ мѣры, чтобы показать иностранцамъ нѣкоторыя черты дѣйствительной русской жизни, которая для чужихъ является вся огромнымъ музеемъ невиданныхъ вещей и явленій. Вся организація съѣзда и помощь со стороны общественныхъ и частныхъ учрежденій, продолженіе съѣзда въ Петербургѣ, показываютъ, что ознакомленіе чужихъ съ русскими нравами постоянно имѣлось въ виду.

Весьма интересна въ этомъ отношеніи рѣчь, которою проф. Склифасовскій открылъ съѣздъ и привѣтствовалъ гостей. «Съ первыхъ же минутъ вашего пребыванія въ Россіи,—обратился онъ къ иностранцамъ,—вы могли замѣтить, что между Западной Европой и Россіей нѣтъ той китайской стѣны, которая существовала раньше. Славянская раса приняла на себя миссію охранять западно-европейскую умственную жизнь отъ того гибельнаго азіатскаго вліянія, которое задержало наше собственное развитіе. Эта историческая фатальность замедлила единеніе славянскаго міра съ западной культурой». Затѣмъ проф. Склифасовскій въ общихъ чертахъ описалъ путь, которымъ Россія идетъ къ сближенію съ Западомъ.

Московскій и Петербургскій университеты, клиники въ Москвѣ, цѣлый рядъ спеціальныхъ учрежденій для научныхъ и практическихъ занятій заставили такихъ людей, какъ Вальдейеръ и другихъ, сказать: мы пріѣхали посмотрѣть, а можемъ здѣсь кое-чему учиться. Правда, у насъ нѣтъ такой массы обученныхъ работниковъ въ каждой области, какъ на Западѣ, но это дается лишь временемъ и привычкой работать, а не только прекрасными институтами. Не прошли не замѣченными для чужихъ и тѣ особенныя задачи, которыя существуютъ у русскаго врача въ деревнѣ и въ небольшомъ городѣ относительно массы простого населенія. Это, какъ выше было указано, культурно-воспитательная задача, тѣмъ болѣе важная, что у насъ еще такъ мало знаній проникло въ народную массу. Функціи еще не такъ строго распредѣлились у насъ, какъ на Западѣ. Конечно, настоящимъ образомъ иностранцы не могли ознакомиться съ этой стороной нашей жизни, и многія темныя стороны этого вопроса остались для нихъ незамѣченными. Но важно, что начало знакомства сдѣлано. Имена Тургенева, Толстаго, Достоевскаго извѣстны всѣмъ въ Европѣ и завоевали признаніе первокласснаго мѣста за русской литературой. Но въ Москвѣ иностранцевъ ждало нѣчто совѣмъ новое—да и не одниxъ иностранцевъ, но и многихъ русскихъ. Въ галлереѣ Третьяковыхъ хранятся лучшія созданія русскихъ художниковъ. Сколько человѣкъ хо-

дило туда, ожидая встрѣтить собраніе картинъ, какія теперь въ изобиліи можно видѣть всюду. Но вотъ начинается царство, отвоеванное Верещагинымъ. Нѣмцы, французы, англичане, привыкшіе къ реализму своихъ новыхъ художниковъ, говорили, что этотъ реализмъ русской живописи, какъ по темамъ, такъ и по воплощенію, совсѣмъ не идетъ въ сравненіе съ западно-европейскимъ реализмомъ. Особенное вниманіе привлекъ къ себѣ Васнецовъ. Для знакомыхъ съ старой итальянской, испанской и нѣмецкой религіозной живописью здѣсь открывается міръ новыхъ представленій и образовъ. Переходя отъ явленія къ явленію, отъ людей къ учрежденіямъ, иностранцы всюду видѣли во всякомъ случаѣ одно: здѣсь есть, что узнавать. И надо отдать справедливость гостямъ: они явились въ Россію съ искреннимъ доброжелательствомъ, съ серьезными стремленіями и въ свою очередь остались довольны радушнымъ пріемомъ русскихъ людей. Изъ Москвы многіе поѣхали въ Петербургъ, Крымъ, на Кавказъ, всюду знакомясь съ Россіей, всюду осматривая, разспрашивая. Теперь всѣ возвратились домой, и все, что было пережито такъ быстро, такъ напряженно, станетъ медленно превращаться во взгляды, убѣжденія, перейдетъ въ плоть и кровь. Все это разсказано роднымъ, знакомымъ, дѣтямъ и современемъ послужитъ темой для публичныхъ лекцій и интересныхъ книгъ. Этимъ сдѣланъ первый крупный шагъ къ дѣйствительному сближенію съ Западомъ, къ дружественному и серьезному взаимопониманію.

Такъ медицинскій съѣздъ, въ силу особенныхъ условій, пріобрѣтаетъ значеніе крупнаго культурнаго фактора. Такія явленія не преходящи и посѣянное ими медленно, но неизбѣжно ростетъ и укрѣпляется.

Л. Оршанскій.

КРИТИКА.

Русскіе судебные ораторы.

— **Л. Д. Ляховецкій.** Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ.—С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна 2 р.

— **Б. Глинскій.** Русское судебное краснорѣчіе.—С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна 60 коп.

Исторія русскаго краснорѣчія начинается, собственно говоря, съ момента открытія новыхъ судовъ и новыхъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Особенности нашей политической жизни не могли способствовать проявленію и развитію у насъ ораторскихъ талантовъ до освободительной эпохи: просто-на-просто даже негдѣ было говорить. Но затѣмъ и земскія и городскія учрежденія не дали сколько-нибудь замѣчательныхъ ораторовъ,—потому-ли, что исключительно мѣстные интересы, въ границахъ которыхъ разрѣшено вращаться городскому и земскому самоуправленію, не способны вдохновлять ораторовъ для зажиганія сердецъ человѣческихъ, или по другимъ причинамъ,—но, говоря о русскихъ ораторахъ, приходится обратиться исключительно къ области судебнаго краснорѣчія. И нельзя не признать, что, несмотря на сравнительно недавнюю дѣятельность новыхъ судовъ, русское судебное краснорѣчіе имѣетъ уже довольно значительное количество выдающихся представителей. При этомъ не лишенъ интереса тотъ фактъ, что всѣ замѣчательные русскіе судебныя ораторы принадлежатъ почти исключительно къ адвокатурѣ. Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что задачи прокуратуры сами по себѣ не располагаютъ къ вдохновенію: тюрьма, ссылка, каторга—пожалуй, дѣйствительно, такія темы, которыми трудно увлечься самому, а увлечь другихъ красотою непритворнаго ораторскаго порыва, глубиною и силою чувства, говоря во имя суровой Немезиды,—задача весьма затруднительная.

Гг. Ляховецкій и Глинскій, почти одновременно выпустившіе въ свѣтъ свои «труды» подъ приведенными выше заглавіями, проявили несомнѣнно «благіе порывы». Г. Ляховецкій поставилъ себѣ цѣлью «дать

характеристику нашихъ извѣстныхъ судебныхъ ораторовъ», а г. Глинскій, кромѣ того, задумалъ познакомить читателей «съ заслугами адвокатуры передъ русскимъ обществомъ» (стр. 51). Темы занятныя и достойныя вниманія, и можно было предполагать, что, въ особенности г. Ляховецкій, какъ присяжный повѣренный, имѣя въ своемъ запасѣ, между прочимъ, и живыя впечатлѣнія отъ рѣчей его товарищей по сословію, исполнитъ свою задачу, если и не блистательно, то, по крайней мѣрѣ, съ аккуратностью рядового безстрастнаго изслѣдователя. Но г. Ляховецкій не оправдалъ даже этихъ скромныхъ надеждъ. Книга его плоха прежде всего, въ стилистическомъ отношеніи. Любители и собиратели стилистическихъ курьезовъ могутъ найти въ книгѣ г. Ляховецкаго, напр., такіе перлы «Онъ (т. е. Жуковскій) произноситъ свои рѣчи... разговорнымъ языкомъ, въ *которомъ* жесты самой по себѣ комической фигурки (!) удачно дополняютъ и иллюстрируютъ недосказанное». Сдѣлавъ такое изумительное открытіе въ языкѣ г. Жуковскаго (на стр. 112), авторъ (на стр. 163) не менѣе удачно оцѣниваетъ свойство и силу таланта А. Ѳ. Кони, утверждая, что «фразы (?) двигаютъ у него аргументацію впередъ, приближая ее къ естественному концу»... На стр. 273 г. Ляховецкій говоритъ о кн. Урусовѣ, что онъ «бросается (mirabile visi!) на *своего* оппонента со всей силой и страстностью *своего* полемическаго увлеченія, *исполненнаго* и кипящаго негодованія и горячихъ укоровъ», а на стр. 131 тотъ-же г. Ляховецкій, говоря о г. Карабчевскомъ и желая, повидимому, проявить нѣкоторую тонкость обращенія, на свой ладъ искажаетъ извѣстное русское выраженіе и говоритъ: «вамъ начинаетъ казаться, что у оратора *во рту пища*»... Г. Ляховецкій нашелъ, вѣроятно, что съ замѣной «каши»—«пищей» его сравненіе окажется болѣе приличнымъ. Такихъ курьезовъ въ книгѣ г. Ляховецкаго весьма и весьма достаточно, и читателя уже на первыхъ порахъ начинаетъ охватывать сомнѣніе въ способности автора дать хотя-бы сносную характеристику русскихъ ораторовъ.

И сомнѣнія читателя оказываются, къ сожалѣнію, основательными... Г. Ляховецкій предпосылаетъ каждой характеристикѣ біографическій очеркъ. Безспорно, біографическія данныя о каждомъ изъ выдающихся ораторовъ представляютъ интересъ, если они иллюстрируютъ постепенный ростъ ораторскаго таланта даннаго лица, воспроизводятъ наиболѣе выдающіеся моменты его дѣятельности и, вообще, знакомятъ читателя съ духовной личностью оратора, а не съ содержаніемъ его служебнаго формуляра или выписи изъ метрическихъ книгъ. Г. Ляховецкій взглянулъ на дѣло иначе: онъ уподобилъ свой «трудъ» исковому прошенію и приложилъ къ нему копіи метрики и формулярныхъ списковъ русскихъ ораторовъ, попутно освѣжая эти документы нѣкоторыми подробностями, которыя порождаютъ одно недоумѣніе. Возьмите, напр., «біографію» П. Я. Александрова. Сообщивъ, что Александровъ родился въ 1838 году, въ Орловской губерніи, и что «отецъ его былъ священ-

никомъ, мать принадлежала также къ духовному роду», г. Ляховецкій далѣе пытается нарисовать «себѣ условія жизни, которыя создали эту натуру протеста, этого мужественнаго бойца за правду», и рисуетъ ихъ, такъ сказать, въ порядкѣ сокращеннаго производства, пользуясь всѣми драгоцѣнностями своего стилистическаго запаса: «въ дѣтскіе годы, повѣствуетъ авторъ, мальчикъ былъ свидѣтелемъ поруганія человѣческаго достоинства его отца, покорно сносившаго всѣ оскорбленія, сыпавшіяся на его голову. Впечатлѣнія эти глубоко запали въ душу ребенка. Семинарская школа, съ ея обезличивающимъ режимомъ, съ ея чрезмѣрно суровыми требованіями, съ грозными мѣрами наказанія, дала дальнѣйшее направленіе умственной дѣятельности наблюдательнаго мальчика» (стр. 5). И все... Воображенію снисходительнаго читателя предоставляется, «дополнять и иллюстрировать недосказанное», дабы уразумѣть, какимъ путемъ *обезличивающій* режимъ семинарской школы могъ создать мужественнаго бойца за правду, и угадать, какими данными, кромѣ наблюдательности, долженъ былъ обладать, для развитія «натуры протеста», мальчикъ, находившійся подъ двоякимъ вліяніемъ—отца, «покорно сносившаго всѣ оскорбленія, сыпавшіяся на его голову», и обезличивавшей семинаріи. И тѣмъ не менѣе Александрову посчастливилось болѣе, чѣмъ остальнымъ жертвамъ литературныхъ экспериментовъ г. Ляховецкаго—отмѣчены, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя біографическія подробности, освѣщающія извѣстныя особенности духовной личности покойнаго оратора. Остальные были обречены на болѣе печальную участь. Г. Андреевскій, напр., препарированъ г. Ляховецкимъ особенно удачно: указанъ день и годъ его рожденія, отмѣчено, что онъ и братъ его (Михаилъ)—близнецы, приведена краткая выпись изъ формуляра и, наконецъ, повидимому, для ободренія лицъ, не получившихъ кандидатской степени, сообщена подробность великой исторической важности, что г. Андреевскій не былъ удостоенъ степени кандидата «за непредставленіе удовлетворительной диссертаціи» (стр. 44). Съ не меньшей добросовѣстностью понимающаго свое дѣло изслѣдователя г. Ляховецкій заноситъ далѣе на страницы исторіи, что въ бытность В. Д. Спасовича канцелярскимъ чиновникомъ, въ канцеляріи палаты уголовнаго суда «пропалъ одинъ томъ большаго уголовнаго дѣла» и что «за эту пропажу В. Д. Спасовичъ, какъ исправляющій должность секретаря, былъ уволенъ безъ суда, по распоряженію министра юстиціи графа Панина» (стр. 232). Такія подробности, совершенно не идущія къ дѣлу, представляются явно излишними. Нисколько не характеризуя названныхъ ораторовъ, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываютъ на отсутствіе у автора не только умѣнья выбирать надлежащій матеріалъ, но и элементарнаго такта.

Помимо этихъ недостатковъ, книга г. Ляховецкаго богата еще и другими существенными промахами. Кому изъ взявшихся писать объ извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторахъ пришло-бы въ голову не упомянуть о Ѳ. Н. Плевако? Его нѣтъ въ книгѣ г. Ляховецкаго. Но зато

нашлось мѣсто для присяжнаго повѣреннаго Нѣжинскаго, какъ «извѣстнаго оратора». Изъ данныхъ и характеристики почтеннаго изслѣдователя усматривается, что г. Нѣжинскій «въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ извѣстенъ за хорошаго въ С.-Петербургѣ спеціалиста по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ и причинялъ не мало хлопотъ и тяжелыхъ минутъ» скупщикамъ желѣзно-дорожнымъ претензій, что, кромѣ того, онъ пріобрѣлъ репутацію выдающагося спеціалиста и по дѣламъ страховыхъ и пароходныхъ обществъ и что, наконецъ, желая «добиться конечной практической цѣли гражданскаго процесса», онъ добился сперва объявленія своего противника, нѣкоего графа Потоцкаго, несостоятельнымъ должникомъ и хотѣлъ «сдѣлалъ его по закону преступнымъ» (стр. 196)... Эти данныя, по мнѣнію г. Ляховецкаго, даютъ г. Нѣжинскому право быть причисленнымъ къ лику извѣстныхъ судебныхъ ораторовъ. Читатель, разумѣется, можетъ быть иного мнѣнія, не найдя въ книгѣ г. Ляховецкаго никакихъ данныхъ о г. Нѣжинскомъ, какъ объ ораторѣ, и справедливо полагая, что не всякій адвокатъ, умѣющій гладко говорить на судѣ и ловко проводящій дѣла своихъ кліентовъ, тѣмъ самымъ уже превращается въ оратора. Но г. Ляховецкій вообще, повидимому, оцѣниваетъ ораторскія способности съ довольно своеобразной точки зрѣнія. Прочтите, напр., очеркъ, посвященный присяжному повѣренному Холевѣ. Отдавъ должную и—замѣтимъ отъ себя—справедливую дань добросовѣстности, прилежанію и энергіи г. Холевы и заявивъ, что г. Холева «считается прекраснымъ и опытнымъ адвокатомъ по дѣламъ увѣчнымъ (?), нерѣдко выступаетъ по дѣламъ о морскихъ происшествіяхъ (?)», г. Ляховецкій, въ заключеніе, опредѣляетъ ораторскія данныя своего товарища по сословію буквально въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «въ рѣчи г. Холевы нѣтъ блеска и огня; но онъ говоритъ толково, связно, ясно, старательно подбирая доводы въ возможно большемъ количествѣ». И все...

Возвращаясь къ неполнотѣ, которою страдаетъ произведеніе г. Ляховецкаго, нельзя не указать на умолчаніе о такомъ адвокатѣ, какъ П. А. Потѣхинъ. Имя этого выдающагося оратора и адвоката-цивилиста давно уже пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью. Г. Потѣхинъ обладаетъ всѣми данными, необходимыми для замѣчательнаго судебнаго оратора: прекрасный голосъ, умѣніе аргументировать по самымъ сложнымъ и запутаннымъ вопросамъ съ поразительною ясностью, достигающей иногда чисто классической простоты, способность воплощать свою мысль въ красивую, вполнѣ литературную, зачастую художественную форму, подавляющая сила убѣжденія, въ связи съ остроуміемъ и находчивостью, и огромный умъ—всѣ эти данныя, казалось-бы, должны были остановить на г. Потѣхинѣ и вниманіе г. Ляховецкаго, тѣмъ болѣе, что ему вполнѣ достаточными для зачисленія въ ряды извѣстныхъ ораторовъ представляются очень и очень рядовыя способности. Но г. Ляховецкій, очевидно, имѣетъ свою мѣрку, заставляющую его сортировать и оцѣнивать нашихъ ораторовъ отнюдь не по заслугамъ.

Не лишена прелести и характеристика Н. П. Карабчевскаго,—оратора, у котораго нашъ проницательный авторъ открылъ во рту пищу. «Николай Платоновичъ Карабчевскій говоритъ свободно, громко, длинными періодами; рѣчь его мчится быстро и лихо, словно русская тройка; Н. П. Карабчевскій зачастую произноситъ свои рѣчи безъ всякой системы, не отдѣлываетъ своихъ рѣчей съ литературной стороны; языкъ оратора лишенъ силы, яркости, поэтичности; сравненія его банальны и не говорятъ о его художественной наблюдательности; онъ не умѣетъ распоряжаться красками для созданія картины, не умѣетъ мѣтко характеризовать людей; не дается Н. П. Карабчевскому и иронія. которая выходитъ у оратора вымученной и иногда даже непонятной» (стр. 131 и 132). Чѣмъ-же объясняется широкая извѣстность г. Карабчевскаго, какъ оратора?—вправѣ спросить себя всякій. И дѣйствительно, если-бы г. Карабчевскій обладалъ всѣми тѣми недостатками, которые приписываются ему г. Ляховецкимъ,—онъ долженъ былъ-бы быть низведенъ до ранга зауряднаго адвоката, не достойнаго стоять рядомъ даже съ избранникомъ сердца г. Лаховецкаго—г. Нѣжинскимъ. На самомъ-же дѣлѣ, слава г. Карабчевскаго имъ вполнѣ заслужена. Прежде всего, это, во всякомъ случаѣ, сильный ораторъ, о которомъ можно сказать, что онъ грудью отстаиваетъ подсудимыхъ, ввѣрившихъ ему защиту своей чести и свободы. Эта страстность и убѣжденность составляютъ одну изъ главныхъ привлекательныхъ чертъ и несомнѣнное достоинство всѣхъ рѣчей г. Карабчевскаго. И врядъ-ли можно сказать, что такой ораторъ лишенъ ораторской силы. Страстное чувство неминуемо рождаетъ яркое, сильное слово. Г. Ляховецкій приводитъ одно неудачное мѣсто изъ рѣчи г. Карабчевскаго по дѣлу Имшенецкаго,—рѣчи, сравнительно ранней, когда талантъ г. Карабчевскаго еще не окрѣпъ, и совершенно игнорируетъ его недавнія блестящія рѣчи по дѣлу Ольги Палемъ (при первомъ разбирательствѣ) и по дѣлу вотяковъ. Адвокатъ, который имѣетъ въ своемъ формулярѣ хотя-бы только такія двѣ рѣчи, можетъ быть спокоенъ за свою славу выдающагося оратора. Рѣчь по дѣлу Ольги Палемъ, напр., въ свое время напечатанная въ «Юридич. Газетѣ», могла-бы доказать г. Ляховецкому, что Н. П. Карабчевскій умѣетъ говорить, строго придерживаясь глубоко продуманной системы, и мѣтко характеризовать людей (напр., характеристика студента Довнара); рѣчи по этому дѣлу, какъ и по дѣлу вотяковъ, доказали-бы г. Ляховецкому, если-бы онъ съ ними ознакомился, что г. Карабчевскій умѣетъ и «распоряжаться красками для созданія картины», и говорить сильнымъ и яркимъ языкомъ.

Приходится остановиться,—наша рецензія грозитъ перейти очерченные ей предѣлы. Мы можемъ только указать, въ заключеніе, что г. Ляховецкимъ съ неменьшей небрежностью обработаны и всѣ остальныя характеристики. Такой ораторъ, какъ В. Д. Спасовичъ, напр., удостоился всего нѣсколькихъ банальныхъ комплиментовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе посылаются репортерами по адресу разныхъ «знатныхъ иностранцевъ».

Характеристика такого блестящаго юриста и совершенно особеннаго, исключительнаго таланта, какъ А. Я. Пассоверъ, вышла у г. Ляховецкаго очень ничтожною и плоскою. Остроуміе П. Я. Александрова иллюстрировано такими цитатами, которыя способны вызвать въ читателѣ одно жестокое недоумѣніе. Неумѣніе автора пояснить свои положенія соотвѣтствующими выдержками изъ рѣчей приводитъ къ тому, что читателю приходится или вѣрить г. Ляховецкому на слово, или теряться въ догадкахъ и впадать въ недоумѣніе. Г. Ляховецкій раздаетъ направо и налѣво поощрительные отзывы и репримowанды, хвалитъ однихъ, журитъ другихъ, нагромождаетъ эпитеты, впадаетъ въ пустопорожнее многословіе, противорѣча себѣ нерѣдко на протяженіи нѣсколькихъ строкъ, суетливо перебѣгаетъ отъ одного положенія къ другому, снова возвращается къ первому, вертится, словомъ, какъ бѣлка въ колесѣ, придавленный непосильной для него работой — и въ результатѣ получается нестерпимый сумбуръ, оставляющій впечатлѣніе непозволительной неряшливости и вопіющей небрежности работы, состряпанной на скорую руку, по рецепту: «тяпъ да ляпъ, и вышелъ корабль».

Брошюра г. Глинскаго обладаетъ только однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ: она весьма незначительна по объему (106 стр.). Затѣмъ, она можетъ служить рецептомъ для каждаго, кто желалъ-бы написать статью, брошюру или книгу, внося въ нее какъ можно меньше личнаго творчества. Это, оказывается, можно совершить очень просто. Г. Глинскій произвелъ это такимъ образомъ: онъ взялъ нѣсколько хорошихъ, дѣльныхъ замѣчаній у К. К. Арсеньева, примѣшалъ къ нимъ выдержки изъ очерковъ гг. Джаншіева, Спасовича и С. (автора вышедшей въ Москвѣ книги: «Столичная адвокатура») и взболтнулъ всю эту смѣсь нѣсколькими указаніями собственнаго легкомысленнаго производства. Все это сдѣлано съ диллетантскою ловкостью и въ общемъ получилось что-то похожее на книжку о русскомъ судебномъ краснорѣчіи. Читатель, во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ ничего лучшаго, будетъ не особенно разочарованъ, если пробѣжитъ 106 стр. компиляціи г. Глинскаго. Обѣщанныхъ «заслугъ адвокатуры передъ русскимъ обществомъ» мы въ книгѣ г. Глинскаго не нашли.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Я. В. Абрамовъ. — **Ибсенъ и Бьернсонъ, литературная характеристика.** С.-Петербургъ.

Довольно странное понятіе о литературныхъ явленіяхъ имѣетъ г. Абрамовъ. По его мнѣнію, характерной особенностью европейскаго и нашего обществъ является преклоненіе передъ «стариками» и недовольство новыми писателями. Повидимому, г. Абрамовъ не одобряетъ такого отношенія, не потому чтобы новые писатели были непремѣнно талантливѣе стариковъ, а такъ сказать вслѣдствіе особой психологической черты, свойственной нашему времени. Авторъ, кажется, серьезно убѣжденъ, что современный читатель, читая съ удовольствіемъ Чехова, напримѣръ, серьезно обижается, если ему сказать, что талантъ Чехова нисколько не уступаетъ таланту Достоевскаго, или что, какъ художникъ, Гаршинъ стоитъ не ниже Тургенева. «И ужъ конечно,—прибавляетъ онъ, — не дай Богъ никому осмѣлиться поставить Толстого рядомъ съ какимъ-нибудь писателемъ послѣдней четверти вѣка, напр. съ Глѣбомъ Успенскимъ: такого дерзкаго, пожалуй, и камнями закидаютъ...» Г. Абрамовъ, далѣе, серьезно думаетъ, что Коппе, по меньшей мѣрѣ, стоитъ Виктора Гюго, а Мопассанъ нисколько не ниже Жоржъ-Зандъ, и что Золя стоитъ, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо выше Бальзака! Мы, конечно, понимаемъ, что вкусы бываютъ разные и что о вкусахъ не спорятъ: но нельзя же забывать, что литературныя сужденія основываются не на однихъ вкусахъ, а также и на объективной оцѣнкѣ, для которой у насъ есть вѣрная мѣрка. Сказать, напримѣръ, что Коппе стоитъ Виктора Гюго, значитъ сказать несуразность, которая шокируетъ даже здравый смыслъ, не только критическій тактъ и умѣніе оріентироваться въ вопросахъ искусства. Г. Абрамовъ, констатируя эту странность, которая, по его мнѣнію, принадлежитъ нашему времени, а по нашему, — ему лично, говоритъ, что объясненіе этого удивительнаго явленія весьма любопытно, «и нельзя не пожалѣть, что на немъ не остановился до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь судебъ литературы». Прочитавъ эти строки, читатель, конечно, увѣренъ, что г. Абрамовъ сейчасъже и приступитъ къ объясненію этого явленія, но онъ ошибается; онъ только прибавляетъ, что ему некогда этимъ заниматься, и приступаетъ къ дальнѣйшему. Но и въ дальнѣйшемъ оказываются странности. Говоря объ увлеченіи норвежско-датской литературой, г. Абрамовъ утверждаетъ, что Европа съ удивленіемъ узнала о существованіи литературы, въ которой подвизаются титаны! Обыкновенные смертные, конечно, полагаютъ, что въ норвежско-датской литературѣ существуютъ талантливые писатели, въ родѣ Ибсена и Бьернсона, но они до сихъ поръ не имѣютъ понятія о томъ, что это— не просто талантливые люди, о которыхъ можно говорить непремѣнно съ нѣкоторыми оговорками, а титаны, слѣдовательно, нѣчто совершенно необъяснимое и невиданное! И что любопытно, г. Абрамовъ, какъ раньше, такъ и теперь, не объясняетъ, почему Ибсенъ и Бьернсонъ титаны, а только сообщаетъ свое мнѣніе, которое онъ считаетъ настолько безусловнымъ, что и подтверждать его какими-либо доводами не желаетъ.

Что же касается собственно петербургской характеристики «титановъ», то, къ удивленію читателя, послѣ сообщенія столь великихъ истинъ, г. Абрамовъ ограничивается только тѣмъ, что уже давнымъ-давно было сказано и въ Россіи и заграницей объ Ибсенѣ и Бьернсонѣ. Все дѣло сводится къ слѣдующему: Ибсенъ рѣшительно сталъ на сторону личности и требуетъ такой реформы общественнаго строя, при которой выше всего должны быть постав-

лены интересы личности, уничтоженіе въ формахъ общественной жизни всего, что причиняетъ страданія личности, что унижаетъ, стѣсняетъ ее. Бьернсонъ посмотрѣлъ на вопросъ съ другой стороны: такъ какъ общество состоитъ изъ личностей, то и перемѣны въ общественномъ строѣ, — дѣйствительныя, настоящія перемѣны, а не формальныя только,—могутъ послѣдовать лишь послѣ перемѣны въ самихъ личностяхъ, общественныя улучшенія могутъ явиться только результатомъ улучшенія личности, результатомъ умственнаго и нравственнаго преобразованія личности... Вотъ и все, что сообщаетъ намъ г. Абрамовъ. Его интересуютъ только взгляды этихъ писателей, а о художественной сторонѣ ихъ творчества онъ и не заикнется, какъ будто бы по отношенію къ беллетристу и драматургу, характеръ и особенности творчества есть вещь посторонняя и нисколько не нужная. Такимъ образомъ, читатель невольно разочаровывается въ г. Абрамовѣ: несмотря на всѣ его открытія (сомнительнаго свойства), у него, кромѣ банальныхъ упражненій на общественныя темы, ничего не выходитъ.

А. Л. Рожественскій.—**Въ безконечныхъ безднахъ вселенной.** Астрономическая сказка. Москва, 1897.

Въ сущности эта сказка очень мало похожа и даже совсѣмъ не похожа на сказку, а есть болѣе или менѣе отрывочное популярное изложеніе нѣкоторыхъ астрономическихъ свѣдѣній. Въ предисловіи авторъ разсказываетъ, какъ онъ началъ интересоваться астрономіей и какого труда ему стоило осилить эту науку. Приходилось, разумѣется, обращаться къ книгамъ, среди которыхъ трудно оріентироваться, тѣмъ болѣе, что большинство сочиненій, прочитанныхъ авторомъ, представляли для пониманія значительныя трудности, «а потому прежде чѣмъ постичь, хотя бы только весьма поверхностно, всю между собою общую связь небесныхъ явленій, мнѣ пришлось прочесть почти всю ту массу изданій по астрономіи, какая имѣется у насъ въ Россіи». Изъ этого продолжительнаго и труднаго опыта авторъ вывелъ заключеніе, что если бы существовало такое изданіе, которое хотя бы и кратко, но обнимало собой въ должной послѣдовательности весь общій строй механизма вселенной, то тогда каждый новичекъ, прочтя такую книжку, сразу могъ-бы усвоить себѣ представленіе объ этомъ общемъ строѣ вселенной, а затѣмъ, въ существующихъ изданіяхъ могъ бы по своему выбору почерпать болѣе подробныя знанія уже о тѣхъ небесныхъ явленіяхъ, которыя могли бы его всего болѣе заинтересовать. Дѣйствительно, такой книжки, о какой мечтаетъ авторъ, нѣтъ и не можетъ быть, потому что изложить науку въ строгой системѣ, ясно и доказательно, съ тѣмъ чтобы установить единство явленій, изучаемыхъ этой наукой, — нельзя въ популярномъ сочиненіи, да въ особенности еще краткомъ, не искажая самаго характера науки и ея выводовъ. Тѣмъ не менѣе надъ этимъ обстоятельствомъ авторъ, повидимому, не задумался, и написалъ книжку, въ послѣдовательномъ изложеніи, которое, какъ ему казалось, можетъ способствовать, для начинающихъ, установленію понятій о вселенной вообще и объ общей связи этихъ явленій въ частности. Однако, какъ самъ авторъ заявляетъ, онъ не могъ этого сдѣлать строго научно и потому, чтобы не нарушить цѣльности понятій о непрерывной связи явленій, ему пришлось приводить для ихъ объясненія совершенно *свободныя* толкованія, т. е. другими словами произвольныя, или во всякомъ случаѣ гипотетическія. Такимъ образомъ и возникла «сказка»; этимъ словомъ авторъ хотѣлъ только, повидимому, опредѣлить долю тѣхъ произвольныхъ толкованій, къ которымъ онъ принужденъ былъ прибѣгнуть, уклоняясь по необходимости отъ строго научнаго изложенія. Но «сказки», въ обыкновенномъ, художественномъ смыслѣ слова, въ книжкѣ г. Рожественскаго нѣтъ: это не болѣе какъ попытка популярно изложить нѣкоторыя астрономическія представленія, при чемъ авторъ отъ самыхъ общихъ представленій переходитъ къ болѣе конкретнымъ. Весь беллетристическій пріемъ г. Рожественскаго сводится къ постояннымъ обращеніямъ къ читателю, въ родѣ слѣдующаго: «И такъ, читатель, давайте мы съ вами пронесемся подъ луной близко, близко, такъ, чтобы имѣть возможность разглядѣть ея поверхность съ высоты птичьяго полета». Эти постоянныя обращенія къ читателю очень затрудняютъ чтеніе. Да и вообще книжка написана не талантливо.

П. Т. Дегтяревъ.—**По поводу положеній графа Л. Н. Толстого въ его сочиненіяхъ „Въ чемъ моя вѣра“ и „Къ вопросу о свободѣ воли“.** Москва. 1898.

Совершенно не понимаемъ, зачѣмъ г. Дегтяревъ трудился надъ этой тощей книжкой, состоящей всего изъ шестнадцати страницъ. Упомянувъ въ началѣ, что сочиненіе Л. Н. Толстого «Въ чемъ моя вѣра» было прислано автору въ рукописи, вѣроятно, кѣмъ-нибудь изъ почитателей графа, г. Дегтяревъ беретъ случайно и безъ всякой системы или связи нѣкоторыя мнѣнія Л. Н. Толстого и оспариваетъ ихъ. Такъ напримѣръ, увидѣвъ замѣчаніе: «въ Евангеліяхъ разсказано, какъ Христосъ, послѣ посѣщенія удалившагося въ пустыню Іоанна Крестителя, передъ началомъ своей проповѣди, подпалъ искушенію, и какъ Онъ былъ отведенъ дьяволомъ (обманомъ) въ пустыню для искушенія», — увидѣвъ эту фразу, авторъ замѣчаетъ: «Въ этомъ текстѣ и примѣчаніи къ оному графъ ясно выражаетъ, что Христосъ былъ отведенъ

дьяволомъ (обманомъ) въ пустыню. Прочитавъ какъ самый текстъ, такъ и примѣчанія, я считаю необходимымъ во имя истины оградить читателей этого сочиненія графа, чтобы они, читая оное, не впадали въ неправильное понятіе о томъ, какъ именно Христосъ былъ отведенъ въ пустыню дьяволомъ (обманомъ), какъ понимаетъ графъ, или Духомъ, исполненный котораго Іисусъ возвратился изъ Іордана, какъ написано въ евангеліи отъ Луки (гл. IV, ст. 1). Въ этомъ евангельскомъ текстѣ прямо сказано, что Іисусъ, исполненный Духа святаго, поведенъ былъ Духомъ въ пустыню, а не діаволомъ». Авторъ, очевидно, не понялъ мысли Л. Н. Толстого и пустился въ толкованія совершенно излишнія. Въ концѣ книжки г. Дегтяревъ указываетъ на слова Л. Н. Толстого, въ которыхъ предлагается людямъ перестать заботится о дѣлахъ внѣшнихъ и общихъ, въ которыхъ они не свободны, но, прибавляетъ отъ себя авторъ, такъ какъ внѣшнія дѣла имѣютъ свойства добра и зла, то слѣдовательно людямъ нужно перестать заботиться о дѣлахъ внѣшнихъ и общихъ, которыя имѣютъ свойства зла, но о тѣхъ внѣшнихъ и общихъ дѣлахъ, которыя имѣютъ свойства добра, нужно просить людей, чтобы они всю ту энергію, которую они употребляютъ на внѣшнія дѣла, имѣющія злыя свойства, употребили на дѣла, имѣющія добрыя свойства. Съ такой «критикой», очевидно нечего дѣлать.

«Игрушечка», журналъ для дѣтей младшаго возраста.

31 октября исполнится десятилѣтіе изданія дѣтскаго журнала «Игрушечка» подъ редакціей А. Н. Пѣшковой (Толивѣровой). Въ изданіи этомъ, какъ извѣстно, всегда принимали участіе многіе выдающіеся литераторы и художники. Но, не смотря на помощь такихъ сотрудниковъ, много труда вложила въ сложное дѣло веденія журнала и сама издательница, получившая «Игрушечку» изъ рукъ умиравшей Т. П. Пассекъ, основавшей журналъ въ 1880 г. Т. П. Пассекъ *передала* свое изданіе А. Н. Пѣшковой, какъ своей единомышленницѣ; о куплѣ и продажѣ не могло быть и рѣчи. Въ рукахъ А. Н. Пѣшковой, огонекъ, зажженный Т. П. Пассекъ, не только не погасъ, но еще, можно сказать, разгорѣлся болѣе яркимъ пламенемъ. Съ 1897 г. «Игрушечка» даетъ своимъ маленькимъ читателямъ полезную и интересную научную библіотечку въ видѣ преміи. Въ настоящее время вышли три книжечки: Вода, Воздухъ, Огонь. Съ внѣшней стороны изданіе отличается изяществомъ рисунковъ и дешевизной (3 руб. съ доставкой и пересылкой въ Россіи). Что касается содержанія, то оно проникнуто общимъ стремленіемъ внушить любовь къ природѣ и людямъ.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Д. К. Ингрэмъ. **Исторія политической экономіи.** Изд. 2-е. Перев. съ англ. *А. Миклашевскаго.* Москва. 1897. Ц. 1 р. 50 коп.

Книга Ингрэма не представляетъ новинки въ экономической литературѣ: въ подлинникѣ она появилась около десяти лѣтъ тому назадъ и русскій переводъ ея вышелъ первымъ изданіемъ еще въ 1891 г. Съ того времени она обошла чуть ли не всю Европу, появленіе же 2-го русскаго изданія свидѣтельствуетъ о томъ, что она пріобрѣла прочныя симпатіи читателей и у насъ. Поэтому распространяться объ ея достоинствахъ едвали необходимо, тѣмъ болѣе, что (если не считать мало доступнаго и слишкомъ краткаго университетскаго курса проф. А. И. Чупрова) на русскомъ языкѣ это единственное сочиненіе, дающее сколько-нибудь полный систематическій обзоръ историческаго развитія науки о народномъ хозяйствѣ.

Въ своемъ трудѣ, предназначенномъ для широкаго круга читателей, Ингрэмъ выступаетъ не только лѣтописцемъ экономической науки, но и адептомъ новаго направленія ея, исходящаго изъ общихъ методологическихъ началъ позитивизма. Это обстоятельство не особенно выгодно отражается на объектности и безпристрастности оцѣнки несимпатичныхъ автору людей и ученій. Однако, непосредственное изученіе источниковъ и широкое знакомство съ новѣйшей литературой предмета предохраняетъ его, въ большинствѣ случаевъ, отъ слишкомъ одностороннихъ сужденій. Едвали не единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи является его приговоръ надъ Рикардо, котораго онъ считаетъ второстепеннымъ математикомъ и весьма слабымъ экономистомъ. Такого рода оцѣнка, во всякомъ случаѣ, нуждается въ существенной принципіальной поправкѣ, такъ какъ тутъ сказались, несомнѣнно, несовершество его собственнаго «позитивнаго» метода и его антипатія къ абстрактному методу Рикардо.

Въ заключительной главѣ Ингрэмъ даетъ характеристику современнаго состоянія науки и излагаетъ свой собственный взглядъ на ея задачи. Что касается перваго вопроса, то Ингрэмъ видитъ главный недостатокъ науки «стараго типа» въ ея преувеличенно-абстрактномъ характерѣ и въ ея индивидуализмѣ. Онъ требуетъ, чтобы она опиралась прежде всего на наблюденіе и чтобы изученіе явленій экономической жизни сдѣлалось частью соціологіи. Въ предчувствіи коренного экономическаго переворота Ингрэмъ не придаетъ существующему экономическому строю прочнаго значенія. «Мы переживаемъ въ настоящее время переходное положеніе» — говоритъ онъ. Однако, онъ не думаетъ, чтобы

новый общественный строй могъ быть осуществленъ при помощи государства, а считаетъ необходимымъ условіемъ его реализаціи «умственное и нравственное обновленіе». Поэтому онъ придаетъ особую важность развитію сознанія общественныхъ обязанностей во всѣхъ классахъ общества.

Малькольмъ Макъ-Колль. **Султанъ и державы**. Перев. съ англ. Спб. 1897. 351 стр.

Имя Макъ-Колля хорошо извѣстно всякому, кто слѣдилъ за политикой Англіи въ такъ называемомъ восточномъ вопросѣ. Онъ руководится въ своихъ воззрѣніяхъ главнымъ образомъ гуманитарными принципами. Неудивительно, что армянскія звѣрства должны были вызвать въ немъ цѣлую бурю противъ Турціи и султана, этого «преступника на тронѣ», противъ всей политики «скопища злодѣевъ и негодяевъ». Приводимыя въ книгѣ Макъ-Колля свѣдѣнія о положеніи армянъ въ Турціи, заимствованныя главнымъ образомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, дѣйствительно весьма краснорѣчивы и свидѣтельствуютъ о томъ, что армянскія звѣрства были въ гораздо большей степени результатомъ правительственной политики, чѣмъ народнаго фанатизма. Мѣры, которыя предлагаетъ авторъ «для возстановленія спокойствія въ Турецкой имперіи,» носятъ очень радикальный характеръ: онъ полагаетъ, что единственно цѣлесообразнымъ мѣропріятіемъ въ этомъ направленіи было бы учрежденіе европейской опеки надъ султаномъ. По его мнѣнію, къ учрежденію подобной опеки въ настоящее время не встрѣтится непреодолимыхъ препятствій ни со стороны мусульманскаго населенія, ни въ современныхъ политическихъ условіяхъ. Макъ-Колль считаетъ совершенно немыслимымъ, чтобы при разумномъ образѣ дѣйствій вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи повело къ обще-европейской войнѣ и потому и не останавливается въ случаѣ необходимости передъ «отдѣльнымъ дѣйствіемъ» Англіи. Такимъ образомъ, онъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ государственнымъ политическимъ теченіемъ. Критика современной политики Англіи и державъ дополняетъ его положительные взгляды и представляетъ главную притягательную силу всей его книги.

Н. Рожественскій.—**Вѣщіе сны**. С.-Петербургъ. 1897.

Авторъ очень пространно бесѣдуетъ съ нами о вѣщихъ снахъ. Онъ не придаетъ имъ какого-нибудь пророческаго значенія, онъ только утверждаетъ, что христіанину не слѣдуетъ вѣрить безъ разбора каждому сну, какъ пророчеству, не слѣдуетъ руководиться указаніями сновъ въ своей жизни, но ему отнюдь не мѣшаетъ обратить вниманіе на содержаніе своихъ сновидѣній, чтобы лучше узнать свое нравственное состояніе, свои пороки и недостатки. Съ этимъ, конечно, не трудно согласиться, но авторъ прибавляетъ, что на характеръ и содержаніе сновидѣній спящаго могутъ имѣть не менѣе вліянія и высшія духовныя силы, смотря по обстоятельствамъ, то темныя, то свѣтлыя, то демоны, то ангелы. Первые стараются посредствомъ чувственныхъ плотскихъ образовъ пробудить и насадить въ душѣ спящаго грѣховныя мысли и пожеланія, а вторые употребляютъ всѣ мѣры къ тому, оградить спящаго «отъ обстоянія бѣсовскаго». Эти прибавки гораздо менѣе достовѣрны, чѣмъ первыя положенія. Тамъ дѣло касалось болѣе или менѣе правдоподобнаго психологическаго объясненія сновъ, а теперь на сцену являются и высшія духовныя силы, стремящіяся «насадить» въ душѣ спящаго грѣховныя или добродѣтельныя мысли. Такимъ образомъ, второе положеніе уничтожаетъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляетъ первое. Затѣмъ, г. Рождественскій подробно разсказываетъ о множествѣ сновидѣній, извѣстныхъ изъ исторіи и библіи, причемъ постоянно цитируетъ слова священнаго писанія и отцовъ церкви. Заключеніе автора представляется въ слѣдующемъ видѣ: глубокое религіозно-нравственное значеніе вѣщихъ сновъ весьма наглядно открывается уже изъ самого содержанія ихъ. Если бы не было высшаго духовнаго міра, или если-бы человѣкъ не имѣлъ никакого отношенія къ этому міру, и его жизнь ограничивалась-бы лишь его земнымъ существованіемъ, то люди никакъ и никогда, ни во снѣ ни на яву не могли-бы приподнимать таинственную завѣсу пространства и времени и предвосхищать тайны жизни и смерти, значеніе которыхъ превышаетъ естественно силы ограниченнаго человѣческаго разума. Къ сожалѣнію, авторъ не подтверждаетъ своихъ соображеній никакимъ доказательствомъ, въ противоположность тому, что сдѣлалъ, напримѣръ, Альфредъ Мори.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Начало драматическаго сезона: — Горевъ, Комиссаржевская и Малый театръ. — Вольная смерть и самоубійства въ Терновскихъ хуторахъ. — Помѣшательство Конта.

Начало драматическаго сезона:—Горевъ, Комиссаржевская и Малый театръ.

Съ началомъ осенняго сезона петербургская публика привыкла съ давнихъ поръ соединять нѣкоторыя ожиданія какихъ-нибудь новинокъ въ области театра. Какъ извѣстно, столичная казенная сцена давно уже стала предметомъ неудовольствія: таланты все болѣе и болѣе мелѣютъ, драматическій репертуаръ не обновляется никакими серьезными художественными произведеніями. Все тѣ же актеры на старыхъ роляхъ и тѣ же пьесы, всѣмъ давно прискучившія своею безцвѣтностью. Но въ этомъ году на сцену Александринскаго театра переведенъ извѣстный московскій артистъ Ф. П. Горевъ,—и ожиданія театраловъ пріятно оживились. Въ самомъ дѣлѣ, появленіе въ С.-Петербургѣ Горева нельзя не привѣтствовать съ особеннымъ сочувствіемъ. Я давно знаю этого актера, который началъ свою артистическую карьеру или, по крайней мѣрѣ, впервые выдвинулся въ г. Житомірѣ, гдѣ воспоминаніе о немъ до сихъ поръ живо среди мѣстнаго общества. Это актеръ съ крупнымъ драматическимъ талантомъ, актеръ вдохновенія и внезапныхъ подъемовъ. Красивая наружность, съ выразительнымъ римскимъ профилемъ, глаза съ огонькомъ, высокій ростъ, мужественная походка при изящно-выдержанныхъ манерахъ—все это сразу обращаетъ на себя вниманіе. Въ его голосѣ звучатъ пѣвучія ноты, которыя иногда придаютъ его исполненію оттѣнокъ нѣсколько старинной театральности. При незнакомствѣ съ этимъ актеромъ можетъ на минуту показаться, что на сценѣ обыкновенный опытный исполнитель. Но черезъ нѣсколько времени это впечатлѣніе уступаетъ мѣсто другимъ, болѣе глубокимъ впечатлѣніямъ. Артистъ разъигрался, овладѣлъ своимъ положеніемъ и даетъ цѣлый рядъ моментовъ, обличающихъ сильный и яркій талантъ. Это актеръ капризный, какъ капризно вдохновеніе. Но изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами актеровъ на его роли, Горевъ одинъ изъ самыхъ живыхъ, я бы сказалъ—огневыхъ талантовъ. Въ столичной печати у него всегда были свои серьезные цѣнители (упомяну, между прочимъ, Аверкіева), но у такого нервнаго и неподдѣльно искренняго дарованія, какъ Горевъ, должны найтись, ко-

нечно, и легкомысленные хулители. Какъ-бы то ни было, нельзя не отмѣтить единодушнаго сочувствія здѣшней печати его переходу на петербургскую сцену. До сихъ поръ Горевъ не появился еще въ достаточно благодарной для него роли, но его участіе въ двухъ пьесахъ—«Семья» В. Крылова и «Свадьба Кречинскаго»—показало, что публика относится къ нему съ живымъ радушіемъ, а товарищи по сценѣ изо всѣхъ силъ стараются приподнять тонъ своей игры—въ артистическомъ соревнованіи. Это обнаружилось и на первомъ представленіи съ участіемъ Горева и, въ особенности, на представленіи «Свадьбы Кречинскаго». Даровитый Давыдовъ переигрывалъ, доходилъ до буффонства, что, при обычномъ, нѣсколько однообразномъ и неуклюжемъ благодушіи его сценической сатиры, производило раздражающее впечатлѣніе. Но въ третьемъ дѣйствіи исполненіе Давыдова стало почти незамѣтнымъ. Природный талантъ Горева вспыхнулъ и показалъ себя сильно и рельефно. Какъ истинно-художественная натура, Горевъ всегда, даже при исполненіи крайне неблагодарныхъ ролей, создаетъ отчетливый пластическій образъ—законченное и цѣльное представленіе о живомъ человѣкѣ. Онъ можетъ иногда погрѣшить тѣмъ или другимъ мелодраматическимъ жестомъ и допустить нѣкоторую аффектацію въ голосѣ, но въ памяти остается прекрасный гримъ, игра его подвижного и страстнаго лица. Иногда художественный образъ намѣченъ уже при первомъ его появленіи на сцену, какъ это было въ «Семьѣ», когда Горевъ, распахнувъ двери при единодушныхъ привѣтствіяхъ переполненнаго театра, сразу далъ почувствовать особенный темпераментъ и болѣзненный складъ души изображаемаго героя пьесы.

Кромѣ Горева, слѣдуетъ еще отмѣтить, какъ новую сценическую силу Александринскаго театра, г-жу Комиссаржевскую, выступившую въ С.-Петербургѣ въ прошломъ году. Это живое, простое и гибкое дарованіе, которое очаровываетъ иногда почти неуловимыми артистическими средствами. Г-жа Комиссаржевская, можно сказать, не играетъ въ обычномъ смыслѣ этого слова: она живетъ на сценѣ тою жизнью, безъ эффектовъ и кокетливой рисовки, которая опасно соприкасается съ тѣмъ, что уже не можетъ быть названо искусствомъ. Однако, ни въ одной изъ видѣнныхъ мною ролей г-жа Комиссаржевская никогда не нарушала впечатлѣнія утонченной артистичности. Отнять одну черточку въ ея исполненіи—и художественная иллюзія совсѣмъ не возникнетъ, но—и въ этомъ прелесть ея таланта—г-жа Коммиссаржевская умѣетъ создать эту черточку въ своей до тонкости выдержанной и прекрасной игрѣ. При скромности ея внѣшнихъ данныхъ и пріемовъ, она на одинъ шагъ отъ того, чтобы затеряться въ толпѣ незамѣтныхъ исполнителей, но она никогда не сливается съ ними и всегда выдѣляется на сценѣ подъ внимательнымъ и сочувственнымъ взглядомъ всей публики. Она подкупаетъ съ первыхъ словъ своимъ голосомъ—глубокимъ, звонкимъ и чистымъ.

Итакъ, на Александринской сценѣ теперь есть кого смотрѣть. Къ

сожалѣнію, нельзя сказать того-же о частной антрепризѣ «Литературно-артистическаго кружка». Какъ и въ прошедшемъ году, этотъ кружокъ не съумѣлъ привлечь ни одной серьезной артистической силы. Что-то странное и почти постыдное дѣлается на глазахъ петербургской публики. О посредственныхъ актерахъ, игра которыхъ почти не стоитъ вниманія, пишутся въ распространенныхъ петербургскихъ газетахъ хвалебные отзывы, съ щедрыми комплиментами ихъ талантамъ. О представленіяхъ, не имѣвшихъ никакого успѣха, сообщается въ искусственно приподнятыхъ и разогрѣтыхъ выраженіяхъ. При недоумѣніи скромной и порядочной публики, заурядньмъ актрисамъ передаются изъ оркестра роскошныя корзины цвѣтовъ. Что-то странное и неловкое дѣлается въ Маломъ театрѣ, какъ иногда въ балетѣ! Въ сезонѣ обѣщаются многочисленныя издѣлія европейской бульварной феерiи,—все это расфранченное неприличiе на подобiе «Принцессы-Грезы»,—а для любителей реальнаго искусства произведенія такихъ свѣтилъ драматической литературы, какъ Г. К. Градовскій. Что-то непостижимое дѣлается въ этомъ театрѣ, блистающемъ такою расфранченною премьершею, какъ г-жа Яворская.

А. Волынскій.

Вольная смерть и самоубійство въ Терновскихъ хуторахъ.

14 сентября въ университетѣ Св. Владиміра состоялось первое въ текущемъ году засѣданіе историческаго общества «Нестора-лѣтописца», на которомъ профессоръ психіатріи Н. А. Сикорскій прочелъ докладъ «объ эпидемическихъ вольныхъ смертяхъ и смертоубійствахъ въ Терновскихъ хуторахъ близь Тирасполя». Сущность доклада заключается въ выясненіи мотивовъ, вызвавшихъ эти событія, а такъ-какъ они носили характеръ дѣйствій, совершенныхъ подъ вліяніемъ эпидемическаго психоза, то профессоръ Сикорскій отправился на мѣсто происшествія для ознакомленія со средою, въ которой они произошли.

Мѣстность, гдѣ издавна жила семья Ковалевыхъ, производитъ, по словамъ профессора, очень пріятное впечатлѣніе, и раскольничій скитъ' устроенный ими, настолько замаскированъ, что никто не могъ заподозрить его существованіе. Странница Виталія, бывшая въ дѣйствительности возбудителемъ и руководителемъ всего этого движенія, впервые появилась въ скиту уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, но окончательно поселилась тамъ всего лишь за три года до происшедшаго. Будучи очень не глупой и тонкой женщиной, она дипломатически скрывала свое значеніе, дѣлая видъ, что во всемъ подчиняется хозяйкѣ-старухѣ Ковалевой. Довольно видную роль играла также такъ-называемая «Поля младшая», которая, какъ человѣкъ болѣе образованный и начитанный, служила связующимъ звеномъ между скитомъ и внѣшнимъ міромъ. Осенью прошлаго года спокойствіе терновскихъ сектантовъ было нарушено туманными извѣстіями о грядущихъ испытаніяхъ, будто-бы ожидающихъ раскольничій міръ. Узнавъ объ этихъ толкахъ, Виталія стала собирать вокругъ себя

наиболѣе отзывчивыхъ и довѣрчивыхъ членовъ общества и, разсказывая имъ о мукахъ, для нихъ готовящихся, внушала мысль о необходимости «запоститься», какъ объ единственномъ спасеніи. Броженіе, первоначально распространенное только среди женщинъ и дѣтей, охватило мало-по-малу и все населеніе.

Всенародная перепись, возбудившая, по мнѣнію многихъ, это движеніе, была, по словамъ Сикорскаго, лишь поводомъ, послѣдней каплей, вызвавшей проявленіе того, что назрѣло раньше, независимо отъ нея.

Самъ Ѳедоръ Ковалевъ, впослѣдствіи обвиненный въ убійствѣ своихъ товарищей, не принималъ никакого участія во всѣхъ этихъ планахъ и, услышавъ, что жена его говорила о своемъ намѣреніи «уйти вмѣстѣ съ ребенкомъ въ яму», сталъ ее отговаривать, называя это безуміемъ, за что получилъ выговоръ отъ Виталіи. Сестра Виталіи Денисова, вызванная телеграммой наканунѣ роковаго дня, пріѣхала неподготовленной, также какъ и отецъ Поли младшей, а между тѣмъ оба они оказались въ числѣ заживо-похороненныхъ.

Въ ночь съ 22-го на 23-е декабря была замурована Виталіей первая партія въ 10 человѣкъ, въ числѣ которыхъ была и Ковалева съ ребенкомъ. Экстазъ, охватившій добровольныхъ мучениковъ, еще увеличивался торжественностью, съ которой совершена была церемонія. Смерть, наступившая, по мнѣнію докладчика, очень быстро, сопровождалась, повидимому, сильными страданіями, о чемъ можно судить по ихъ позамъ.

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ 26-го декабря, такой-же участи подвергли себя еще 10 человѣкъ. Жена одного изъ закопавшихся, посвященная во всѣ планы, но не послѣдовавшая за мужемъ, нѣсколько разъ бесѣдовала съ профессоромъ Сикорскимъ и онъ пришелъ къ заключенію, что причиной, побудившей ее отказаться отъ участія въ происходившемъ, было состояніе беременности. Нужно замѣтить, что лица второй группы ничего не знали объ участи первой группы и могли догадаться о ихъ смерти лишь по словамъ Ковалева, передавшаго поклоны жены. Страданія и на этотъ разъ были ужасны и смерть послѣдовала скоро, но экстазъ, охватившій этихъ людей, былъ такъ силенъ, что на предложеніе Ковалева выйти, они твердо отвѣтили, что этого не желаютъ. Въ началѣ февраля полиція, привлекая къ отвѣтственности лицъ, не давшихъ свѣдѣній во время переписи, арестовала въ числѣ другихъ Виталію, Полю младшую и трехъ старушекъ монахинь. Попавъ въ тюрьму, эти женщины обрекли себя на голодъ и строго придерживались своего рѣшенія, понуждая къ этому и другихъ, болѣе слабыхъ. Уже во время пребыванія въ тюрьмѣ онѣ обнаруживали ясные признаки ненормальности, которую врачи не могли не замѣтить и которую нужно было лечить. Но вмѣсто того, чтобъ отправить ихъ въ больницу, ихъ выпустили на свободу и отдали подъ надзоръ полиціи. Вернувшись домой совершенно разбитыми физически и нравственно, съ подорваннымъ голодовкой организмомъ, находясь въ постоянномъ страхѣ, вслѣдствіе надзора, они не могли отогнать мысль о смерти, безпрестанно ихъ преслѣдующей. Старушка Ковалева

вначалѣ державшаяся въ сторонѣ, убѣждаемая своимъ полусумасшедшимъ сыномъ, также стала поддаваться этому вліянію и стала горячей послѣдовательницей идеи о добровольной смерти. Толки о заживо-погребенныхъ, распространившіеся среди раскольниковъ послѣ возвращенія изъ тюрьмы, ускорили развязку, и воспользовавшись временной отлучкой полицейскихъ властей, остающіеся сектанты погреблись въ томъ-же погребѣ Ѳомина, гдѣ уже погибла первая партія. Въ числѣ послѣднихъ, принявшихъ добровольную смерть, находилась и Виталія. Виталія, по мнѣнію Сикорскаго, была единственнымъ человѣкомъ, обрекшимъ себя на смерть безъ энтузіазма; чуждая экстазу остальныхъ, она послѣдовала ихъ примѣру, руководясь соображеніями холоднаго разсчета—не видя для себя другого исхода.

Самая печальная роль выпала во всемъ совершившемся на долю Ѳедора Ковалева, единственнаго оставшагося въ живыхъ и обвиненнаго въ сознательномъ преступленіи. Профессоръ Сикорскій, видѣвшій его въ іюлѣ, не нашелъ въ немъ никакихъ признаковъ звѣрства; онъ считаетъ его личностью бездарной и слабохарактерной, легко поддающейся вліянію окружающихъ и ставшей орудіемъ въ рукахъ страстныхъ фанатиковъ. Это глубоко несчастный человѣкъ, настолько подпавшій подъ вліяніе Виталіи, что лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ приходить къ сознанію сдѣланнаго и понимать невозвратимость понесенной имъ утраты. Онъ погубилъ жизнь близкихъ ему людей и свою собственную, не отдавая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ, какъ-бы лишенный воли, и поистинѣ достоинъ глубокаго сожалѣнія.

Психіатрическая точка зрѣнія проф. Сикорскаго, быть можетъ, нѣсколько одностороння, но онъ представляетъ несомнѣнный научный и практическій интересъ.

Помѣшательство Огюста Конта.

Въ статьѣ Georges Dumas въ «Revue de Paris» мы находимъ интересныя данныя о помѣшательствѣ Огюста Конта. Первый приступъ помѣшательства относится къ апрѣлю 1826 г., когда 28-ми лѣтній Контъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ уже пять брошюръ и пріобрѣсть извѣстность, какъ во Франціи такъ и заграницей, изложеніемъ своихъ теорій. Отрицательной философіи XVIII-го вѣка онъ противополагалъ философію положительную, анархическому режиму свободныхъ преній и свободы совѣта, — политическую систему, основанную на особой, новой наукѣ, которой онъ давалъ названіе *соціальной физики*. Къ тому времени онъ формулировалъ уже свой извѣстный законъ о трехъ, неизбѣжно проходимыхъ наукой, стадіяхъ: теологической, метафизической и позитивной, и полагалъ, что настала пора, когда политическая жизнь, покинувъ фазу божественнаго права королевской власти и метафизическую фазу народовластія, должна перейти къ позитивной фазѣ научнаго наблюденія. Брошюры его имѣли не малое распространеніе и встрѣчали радушный

пріемъ такихъ людей, какъ Гумбольдтъ, Гегель, Пуансо, Лабардъ, Гизо и т. д. Но особенно симпатично относились къ Конту Ламенэ и Блэнвиль.

Но вотъ успѣвшій пріобрѣсть извѣстность и славу Контъ вдругъ заболѣваетъ приступомъ остраго умопомѣшательства. Чѣмъ собственно вызванъ былъ этотъ приступъ? Dumas приписываютъ его всецѣло сильному мозговому переутомленію наряду съ не менѣе сильными потрясеніями моральнаго характера.

Мозговое переутомленіе явилось результатомъ крайне напряженной умственной дѣятельности, которой Контъ безпрерывно отдавался втеченіи двухъ мѣсяцевъ: въ январѣ 1826 г. онъ задумалъ прочесть рядъ лекцій съ цѣлью изложить свою систему и уже въ апрѣлѣ того-же года открылъ свой курсъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ продолжалъ сотрудничать въ журналѣ «Producteur». Эта повышенная умственная дѣятельность порождала въ немъ, по его собственному свидѣтельству, сильное нервное возбужденіе. Что же касается моральнаго потрясенія, то причина его лежала въ той тяжелой семейной жизни, которая выпала на долю Огюста Конта. Въ 1825 г. Контъ женился на своей бывшей сожительницѣ Каролинѣ Масэнъ, женщинѣ, имя которой числилось въ полицейскихъ спискахъ. Онъ впослѣдствіи увѣрялъ, что никогда не питалъ къ ней никакого чувства, хотя письма его къ ней, изданныя Литрэ, свидѣтельствуютъ о противномъ. Г-жа Контъ, повидимому, не особенно дорожила его привязанностью и не разъ его покидала. Въ первый разъ она покинула его именно въ мартѣ 1826 г. Самъ Контъ приписываетъ свою болѣзнь отчаянію, вызванному ея отъѣздомъ, вмѣстѣ съ сильнымъ умственнымъ переутомленіемъ. Узнавъ о болѣзни мужа, г-жа Контъ немедленно вернулась къ нему. Она нашла его въ припадкѣ сильнѣйшаго возбужденія и въ припадкѣ такого же возбужденія засталъ его Блэнвиль, котораго Контъ, однако, узналъ. Но при первомъ предложеніи помѣстить его въ лечебницу, Контъ впалъ почти въ бѣшенство, восклицая, что его хотятъ разлучить съ женой, что онъ отлично это знаетъ, что это проказы принца Кириньяка и т. п. Его удалось, тѣмъ не менѣе, отвезти путемъ обмана въ лечебницу Эскироля, призвавшаго въ немъ мегаломана и назначившаго соотвѣтственное лѣченіе. Крайнее возбужденіе Конта, однако, не улеглось. Такъ продолжалось до конца мая. Въ маѣ 1826 г. на сцену вдругъ выступаетъ новая личность, а именно 62-хъ лѣтняя мать Конта, случайно узнавшая о болѣзни сына и увидѣвшая въ ней кару Божью за его неосвященной церковью бракъ. Пріѣхавъ изъ Монпелье въ Парижъ 18-го мая, она немедленно приступаетъ къ заботамъ о спасеніи сына и пытается, съ этой цѣлью, помѣстить его въ завѣдываемую монахинями больницу, увѣренная, что молитвы исцѣлятъ его скорѣе, чѣмъ врачи. Ея попытки, однако, остаются безуспѣшными, вслѣдствіе противодѣйствія Эскироля. Несмотря на примѣняемое къ Конту лѣченіе, положеніе его не улучшается, возбужденіе не проходитъ. Тогда у ро-

дителей Конта возникаетъ мысль перевезти больного въ Монпелье. Эскироль по прежнему высказывается противъ этого, опасаясь, чтобы путешествіе не вызвало ухудшенія въ состояніи Конта, и женѣ Конта съ трудомъ удается добиться согласія его родителей на то, чтобы, по выходѣ изъ лечебницы и еще до поѣздки въ Монпелье, Контъ прожилъ у нея двѣ недѣли. Эскироль высказывается и противъ этого плана, хотя именно эти двѣ, проведенныя съ женой недѣли и излечили Конта. То психическое воздѣйствіе, о которомъ Эскироль говоритъ въ своихъ мемуарахъ, и которое онъ не имѣлъ возможности примѣнить къ Конту, выпало цѣликомъ на долю жены Конта и дало самые благопріятные результаты. 9-го декабря 1826 г. Огюстъ Контъ былъ перевезенъ изъ лечебницы Эскироля въ квартиру, нанятую его женой, и былъ тутъ же на дому обвѣнчанъ съ нею по церковному обряду, несмотря на свое болѣзненное состояніе. Этого удалось достигнуть благодаря хлопотамъ и энергіи его матери съ одной стороны и содѣйствію Ламенэ—съ другой. Любопытно, что во время бракосочетанія—Контъ, возбужденный проповѣдью священника и обрядами, возставалъ противъ церкви и религіи. На своемъ брачномъ свидѣтельствѣ онъ росписался слѣдующимъ образомъ: Брутъ-Бонапартъ-Контъ. Благодаря уходу и заботливости жены Конта, въ точности исполнявшей всѣ указанія Эскироля, состояніе Конта начало мало-по-малу улучшаться и къ половинѣ январѣ 1827 г. острый приступъ прошелъ, оставивъ по себѣ меланхолію, въ припадкѣ которой Контъ, пользуясь отсутствіемъ жены, пытался кинуться въ Сену. Но выздоровленіе его подвигалось настолько быстро впередъ, что къ іюлю 1826 г. онъ былъ въ состояніи предпринять давно обѣщанную родителямъ поѣздку въ Монпелье. Онъ вернулся въ Парижъ въ сентябрѣ 1826 г., вполнѣ выздоровѣвшимъ, и въ январѣ 1829 г., почти три года спустя послѣ остраго приступа, возобновилъ свой прерванный болѣзнью курсъ.

Контъ сохранилъ самое тяжелое воспоминаніе о примѣненномъ къ нему леченіи и былъ не особенно высокаго мнѣнія объ Эскиролѣ, какъ и вообще о психіатріи и психіатрахъ. Интересно, что, выздоровѣвъ окончательно и вполнѣ покончивъ съ прошлымъ, Контъ заинтересовался вопросомъ о безуміи и пытался, въ 9-мъ томѣ *Позитивной политики*, дать ему опредѣленіе. Опредѣленіе безумія вытекаетъ изъ опредѣленія нормальнаго душевнаго состоянія, которое, по мнѣнію Конта, клавшаго въ основу всего біологическій законъ, состоитъ въ способности нашего интеллекта примѣняться, подобно тому, какъ примѣняется всякое живое существо, къ окружающей средѣ, къ внѣшнему порядку вещей, такъ располагать воспоминанія и образы, чтобы система нашихъ мыслей всегда совпадала съ системой внѣшняго міра, а для этого необходимо, чтобы въ каждый моментъ жизни *наши внутренніе образы были слабѣе внѣшнихъ соотвѣтствующихъ имъ впечатлѣній.* Безуміе, такимъ образомъ, является, въ опредѣленіи Конта, нарушеніемъ умственнаго равновѣсія, утратой способности приспособленія.

Нормальный, примѣняющійся интеллектъ одновременно и пассивенъ, и активенъ: пассивенъ поскольку онъ получаетъ впечатлѣнія внѣшняго міра, активенъ—поскольку комбинируетъ и координируетъ ихъ съ внѣшнимъ порядкомъ вещей. Интеллектъ ненормальный будетъ либо слишкомъ пассивнымъ, либо слишкомъ активнымъ въ своемъ *приспособленіи* и сообразно съ этимъ предъ нами будутъ идіоты или безумные.

Въ томъ-же 3-мъ томѣ *Позитивной политики* Контъ допускаетъ мысль, что доведенныя до крайняго напряженія чувства могутъ отражаться пагубнымъ образомъ на нашихъ сужденіяхъ, дѣлая ихъ ошибочными и приближая насъ, такимъ образомъ, къ безумію. Свою теорію безумія Контъ пытался дополнить указаніемъ на то, что различныя стадіи его болѣзни соотвѣтствовали стадіямъ развитія человѣчества. «Втеченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ моей болѣзни, я постепенно перешелъ отъ позитивизма къ фетишизму, остановившись сначала на монетеизмѣ, затѣмъ на политеизмѣ. Втеченіи-же слѣдующихъ пяти мѣсяцевъ моего выздоровленія—медленно переходилъ отъ фетишизма къ политеизму, отъ политеизма къ монотеизму и уже отъ этого послѣдняго къ позитивизму». Такимъ образомъ, душевное разстройство заставляетъ больного проходить черезъ всѣ стадіи развитія человѣческаго разума, причемъ онъ утрачиваетъ раньше всего свои наиболѣе свѣжія пріобрѣтенія, какъ еще не успѣвшія подпасть подъ власть наслѣдственности и привычки. Контъ даже доходитъ до мысли, что человѣкъ, котораго въ наше время мы называемъ безумнымъ, могъ-бы и не считаться такимъ, если-бы жилъ въ такую эпоху человѣческаго развитія, которая болѣе соотвѣтствовала-бы его интеллектуальному развитію.

Надъ всей его теоріей царитъ одна интересная идея. Вмѣстѣ съ Брусэ, Контъ считаетъ безуміе только приподнятымъ нормальнымъ состояніемъ. Всѣ мы бываемъ въ различные періоды нашей жизни честолюбцами, ревнивцами, меланхоликами, всѣ мы носимъ въ себѣ зародыши всякаго рода безумія, всякаго рода маній и, проникая въ сознаніе помѣшаннаго, мы удивляемся, какъ незначительно разстояніе, отдѣляющее его отъ нормальнаго, здравомыслящаго человѣка. Болѣе того, полная приспособляемость нами никогда не достигается. Она вѣчно нарушается нашими предвзятыми идеями, нашими желаніями, мечтами. Безуміе—общее правило; полное душевное равновѣсіе—одно изъ наиболѣе рѣдкихъ исключеній.

Мысли эти, безспорно, теперь общеизвѣстны; мы встрѣчаемъ ихъ у Тэна, у Рибо и у большинства психіатровъ, но если вспомнить, что Контъ выражалъ ихъ въ 1850 г. и что онѣ зародились у него подъ вліяніемъ личнаго опыта, благодаря анализу его собственнаго помѣшательства, мы должны будемъ признать, что онъ съумѣлъ дѣйствительно по-философски воспользоваться тѣмъ острымъ приступомъ 1826 г., въ которомъ его блестящій умъ, казалось, на вѣки погасъ.

Письма о Современной Англіи [1].

II.

Настоящій Парламентъ и послѣднія рабочія движенія.

Шестаго августа закончилась вторая сессія четырнадцатаго парламента королевы Викторіи, замѣчательная тѣмъ, что еще ни разу, за все прошлое столѣтіе, этому старѣйшему изъ представительныхъ собраній не приходилось играть такой жалкой роли, какъ теперь, и давно уже кредитъ его не падалъ столь низко. Въ своемъ настоящемъ составѣ Британскій парламентъ не только является олицетвореніемъ слова *реакція* (на сколько это возможно въ свободной странѣ), въ смыслѣ равнодушія къ вопросамъ общественнаго значенія и преслѣдованія однихъ классовыхъ цѣлей, но и, повидимому, руководствуется, судя по послѣдней сессіи, только двумя принципами,—страха передъ сильнымъ и презрѣнія къ слабому. Недавно одинъ изъ радикальныхъ англійскихъ публицистовъ впалъ въ такое уныніе, подводя итоги послѣдней парламентской сессіи что даже цитируетъ двѣ строчки изъ знаменитаго стихотворенія Вордсворта, написаннаго въ 1802 г., по поводу реакціи, вызванной въ Англіи французской революціей:

«Мильтонъ, ты долженъ бы жить теперь;
Англія нуждается въ тебѣ: она обратилась въ стоячее болото» [1]).

Если признавать историческій ритмъ, то-есть ходъ исторіи въ видѣ послѣдовательнаго ряда волнъ акціи и реакціи, то Англія, судя по характеру ея представительнаго собранія, находится на самомъ днѣ одной изъ такихъ волнъ. Но это далеко не застой, какъ мы увидимъ далѣе, а только временное затишье, передъ новымъ подъемомъ. Для того, чтобы понять настоящее положеніе дѣлъ, ненужно быть особенно глубокимъ политикомъ. Мы уже говорили въ первомъ письмѣ что англійскій парламентъ, въ своемъ настоящемъ составѣ, вовсе не соотвѣтствуетъ тѣмъ

---

[1]) См. «Сѣв. Вѣстн.», августъ, 1897 г. Въ этой статьѣ: вкралась слѣдующая грубая опечатка:—на стр. 79, Втораго Отдѣла, 10 строка сверху напечатано: 1843 г.— слѣдуетъ читать: 1893 г.

[1]) «Milton, Tou should'st be liviny at this hour;
England has need of the; she is a fen of stagnant waters».

новымъ требованіямъ, которыя выросли за послѣднія двадцать пять лѣтъ, что предстоитъ новая групировка партій и что вообще страна стоитъ наканунѣ большого политическаго переворота.

Какъ извѣстно, старая либеральная партія распалась, когда потерпѣлъ пораженіе первый билль Гладстона объ ирландскомъ мѣстномъ управленіи (Home Rule), благодаря отпаденію многихъ изъ ея членовъ, въ числѣ которыхъ были очень крупные дѣятели. Но причиною ихъ отпаденія былъ не одинъ этотъ ненавистный для многихъ Билль. Хотя въ числѣ отдѣлившихся уніонистовъ было нѣсколько радикаловъ, но большинство состояло изъ *умѣренныхъ*, давно уже недовѣрчиво относившихся къ Гладстону и тайно интриговавшихъ противъ него; они давно уже стремились подчинить своему контролю либеральную партію и положить предѣлъ ея радикальнымъ тенденціямъ, въ чемъ отчасти и успѣвали. Но какъ только сдѣлалось яснымъ, что они болѣе не въ состояніи сдерживать этихъ стремленій,—они воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ и примкнули къ своимъ естественнымъ союзникамъ, консерваторамъ. Когда Гладстонъ отказался отъ предводительства партіи, оставшіеся въ ней виги пытались вновь возвратить свое преобладаніе. Но такъ какъ силы ихъ хватало только на то, чтобы парализовать прогрессивныя стремленія радикаловъ, то въ результатѣ они окончательно погубили либеральную партію, что и сказалось на выборахъ 1895 г., давшихъ подавляющее консервативное большинство. При этомъ консерваторы дѣйствовали съ большою энергіею и привлекали на свою сторону всѣхъ, считавшихъ торжество демократіи тожественнымъ съ упраздненіемъ тѣхъ правъ, которыя были несправедливостями по отношенію къ большинству. Съ другой стороны, рабочіе классы, на которыхъ и долженъ былъ опираться радикализмъ,—видя мало практической разницы между либеральнымъ или консервативномъ министерствомъ,—держались въ сторонѣ.

Какова-бы ни была господствующая теперь консервативная партія, она все-же прежде держалась извѣстныхъ принциповъ, которые старалась проводить въ жизнь. Дизраэли первый развратилъ ее и подорвалъ эти принципы, воспитавъ свою партію въ духѣ оппортюнизма, причемъ главною задачею ставилось достиженіе власти:—убѣжденіями, если они мѣшали, можно было и поступиться. Слѣдовавшій за нимъ лордъ Рандольфъ Чöрчилъ былъ Тори, только благодаря случайности рожденія; по убѣжденіямъ-же это былъ радикалъ. Онъ желалъ во что ни стало сдѣлаться первымъ министромъ; достигнуть же этого онъ могъ только при помощи той партіи, къ которой принадлежалъ. Поэтому онъ изобрѣлъ *торійскую демократію*, одновременно съ которой явился и т.-н. «консервативный рабочій». Новое ученіе было основано на союзѣ родовой аристократіи съ аристократіей денежнаго мѣшка. Ставъ во главѣ управленія, эти два господствующихъ класса должны были привлекать сердца рабочихъ случайными подачками отъ своего избытка, въ видѣ крохъ,

падавшихъ съ ихъ обремененныхъ яствами столовъ. Самую выдающуюся фигуру, въ настоящемъ торійскомъ министерствѣ Сольсбюри, безъ сомнѣнія представляетъ бывшій либералъ, министръ колоній Чемберлэнъ, продолжающій ту игру, которая перешла къ нему по наслѣдству отъ двухъ его предшественниковъ. Нужно удивляться талантливости и безграничнымъ ресурсамъ этого человѣка, исполняющаго роль врача при разлагающейся торійской партіи, которую ему приходится поддерживать разными искусственными и, подъ-часъ, весьма непріятными для паціента средствами. Какъ ни антипатиченъ иногда этотъ домашній докторъ, до тонкости изучившій натуру своего больного, для многихъ изъ настоящихъ тори, но имъ волей-неволей приходится подчиняться его предписаніямъ, хотя и съ дурно скрытою гримасою. Сдѣлавшись членомъ и потомъ негласнымъ руководителемъ настоящей торійской партіи, Чемберлэнъ долженъ былъ, при своей дѣятельности, принимать въ соображеніе характеръ ея составныхъ частей. И это онъ исполнилъ блистательно. Благодаря земледѣльческому кризису, господствующему съ 70-хъ годовъ, земельная аристократія была почти раззорена. Подъ видомъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ системѣ распредѣленія земельныхъ налоговъ (Agricultural Rates), онъ подарилъ ей значительную сумму денегъ изъ государственнаго казначейства. Церковь стала могущественной и пожелала руководить просвѣщеніемъ страны,—и послѣднимъ актомъ о добровольныхъ школахъ (Voluntury Schools) ей было предоставлено обученіе дѣтей въ сельскихъ округахъ и даны деньги на это. Золотые спекулянты и аристократическіе директора южно-африканской компаніи также, вѣроятно, довольны результатами работъ парламентской комиссіи, оставившей въ полной неприкосновенности права этой шайки—новаго типа коммерческихъ флибустьеровъ и биржевиковъ *сити*. Среди рабочихъ классовъ, давно уже царило сознаніе, что они должны быть вознаграждаемы за увѣчья, полученныя во время работы на своихъ хозяевъ,—и въ отвѣтъ на это недавно явился актъ о вознагражденіи рабочихъ (Compensation Act), весьма несимпатичный для большинства торіевъ и фабрикантовъ, засѣдающихъ въ парламентѣ, и особенно непріятный для милліонеровъ, владѣльцевъ каменноугольныхъ копей,—въ палатѣ лордовъ, которымъ, однако, пришлось проглотить эту горькую пилюлю. Но, чтобы задобрить ландлордовъ, все еще представляющихъ крупную силу въ торійской партіи, Чемберлэнъ исключилъ земледѣльческихъ рабочихъ изъ сферы примѣненія новаго закона. Такимъ образомъ, и ландлорды, и церковь, и биржевики, и даже часть рабочихъ классовъ были до нѣкоторой степени удовлетворены. Въ заключеніе всего, чтобы отвлечь вниманіе публики отъ щекотливыхъ домашнихъ вопросовъ, Чемберлэнъ пустилъ въ обращеніе довольно туманный планъ грандіозной имперской федераціи, о которомъ было уже говорено въ предъидущемъ письмѣ.

Никогда еще управленіе Англіей не было до такой степени подчинено вліянію большихъ финансистовъ, какъ въ настоящее время. Это

объясняется нѣсколькими причинами. Еще не такъ давно, власть сосредоточивалась здѣсь въ рукахъ земельной аристократіи. Разбогатѣвшій купецъ или фабрикантъ обыкновенно покупалъ большое имѣніе, устраивалъ маіоратъ и вступалъ въ ряды лендлордовъ. Но, съ наступленіемъ земледѣльческаго кризиса, земля упала въ цѣнѣ, и многіе изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, жившихъ до тѣхъ поръ большими феодальными сеньёрами, должны были сократить свои расходы и измѣнить патріархальныя отношенія съ своими арендаторами, которымъ они часто оказывали не малую помощь, — на строго дѣловыя; при чемъ многіе изъ нихъ даже совсѣмъ покинули свои замки. Въ то-же время, сыновья ихъ перестали пользоваться монополіею разныхъ хорошо оплачиваемыхъ правительственныхъ мѣстъ и выгодныхъ церковныхъ пребендъ и приходовъ.

Тѣмъ временемъ, на почвѣ биржевой спекуляціи и учредительства всевозможныхъ акціонерныхъ компаній, банковъ и проч., выросъ цѣлый классъ людей, обладавшихъ почти сказочными богатствами. Въ предыдущемъ письмѣ уже были приведены колоссальныя цифры бумажныхъ цѣнностей, создавшихся за сравнительно немногіе годы и наводнившихъ англійскую биржу, которыя и были объектомъ такихъ спекуляцій и главнымъ источникомъ всѣхъ этихъ богатствъ. Эти люди прежде всего стремились занять положеніе въ такъ называемомъ *обществѣ*, и оно открыло имъ двери своихъ салоновъ. Одни поклонялись имъ просто, какъ золотымъ тельцамъ, другіе — въ надеждѣ поживиться кое-какими подачками. Двѣ политическія партіи соперничали другъ передъ другомъ въ продажѣ имъ титуловъ. И вскорѣ они сдѣлались не только первыми людьми въ обществѣ, но стали дирижировать и политикой страны. Они не были такъ глупы, чтобы покупать громадныя имѣнья и жить ихъ доходами, разыгрывая роль феодальныхъ сеньёровъ. Ихъ мѣсто было въ столицѣ, тѣмъ болѣе, что и поклоненіе имъ не распространялось за ея предѣлы. Здѣсь они устраивали свои лукулловскіе пиры и блестящіе праздники, на которые, при содѣйствіи ихъ вассаловъ изъ прогорѣвшихъ аристократовъ, скоро стали собираться толпы гостей изъ высшаго общества. Эти золотые тельцы иногда вступали въ финансовыя войны между собою и, въ виду своихъ личныхъ интересовъ, оказывали давленіе на политику страны, особенно по внѣшнимъ вопросамъ. Къ великому позору Англіи, за послѣдніе годы, эта биржевая шайка не только стала царить въ обществѣ, но завладѣла многими изъ органовъ столичной печати [1]) (въ провинціи ея вліяніе слабо) и захватила въ свои руки консервативную партію.

Либеральная партія, которой Англія обязана почти всѣми замѣчательными реформами, ознаменовавшими періодъ Викторіи, видимо исчерпала свою программу, и въ своемъ настоящемъ составѣ и при своей настоящей организаціи (или скорѣе отсутствіи организаціи), врядъ-ли въ состояніи вновь отвоевать себѣ то положеніе, которое она занимала

[1]) Какъ напр., «Times», «Standard», «St. Games Gazette», «Pall Mall» и др.

прежде. Великій государственный человѣкъ, стоявшій во главѣ ея болѣе четверти вѣка, удалившись отъ дѣлъ, не оставилъ послѣ себя преемника, который могъ-бы замѣнить его, при новыхъ условіяхъ, выдвинутыхъ жизнью. Въ числѣ членовъ либеральной партіи, особенно среди радикаловъ, составляющихъ теперь въ ней большинство, есть много талантливыхъ людей, но, въ данную минуту, нѣтъ вождя, который могъ-бы вдохнуть въ нее новую жизнь и объединить ея разрозненные элементы, подъ знаменемъ строго опредѣленной программы, отвѣчающей новому духу времени. Но если, какъ высказываются ея лучшіе представители, будущность партіи всецѣло зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ она будетъ представлять требованія рабочаго большинства, то эта программа должна имѣть опредѣленный демократическій характеръ. Конечно, дѣло не можетъ оставаться въ своемъ настоящемъ положеніи, и врядъ-ли существующее правительство, представляющее собою какую-то смѣшанную олигархію аристократовъ и плутократіи, можетъ долго устоять, даже подъ руководствомъ такого искуснаго парламентскаго тактика, какъ Чемберлэнъ. Поэтому, въ виду неизбѣжности близкой перемѣны въ составѣ партій и вообще въ парламентскомъ представительствѣ, обновленной либеральной партіи, или скорѣе ея радикальной секціи, можетъ еще предстоять крупная роль, если она выйдетъ изъ своей инерціи и займетъ надлежащее положеніе по отношенію къ рабочему большинству.

Почти одновременно съ закрытіемъ послѣдней парламентской сессіи окончилась одна замѣчательная борьба между рабочими и хозяиномъ, длившаяся одинадцать мѣсяцевъ и которая должна занять выдающееся мѣсто въ исторіи труда. Борьба эта, завершившаяся полнымъ торжествомъ рабочихъ, происходила между лордомъ Пенриномъ, богатѣйшимъ мѣстнымъ магнатомъ и владѣльцемъ знаменитыхъ аспидныхъ ломокъ въ Сѣверномъ Валисѣ, и его рабочими въ числѣ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, которые съ ихъ семьями составляли населеніе почти въ 10,000 душъ, цѣлаго благоустроеннао городка, съ библейскимъ именемъ Виѳезда (Bethesda), въ горахъ Валиса. Эта стачка, за которой слѣдило съ напряженнымъ вниманіемъ почти все англійское общество, имѣла большое значеніе для англійскаго рабочаго, потому что въ основаніи ея лежалъ принципіальный вопросъ, о правѣ союза или комбинаніи (right of combination рабочихъ, въ видахъ огражденія ихъ интересовъ, которое лордъ Пенринъ, вопреки парламентскому закону и господствующему общественному мнѣнію, упорно не желалъ признавать. Слѣдуетъ сказать, что эти рабочіе, камнетёсы (quarrymen), не принадлежали къ какому-либо изъ существующихъ рабочихъ союзовъ, но имѣли свою собственную организацію, во главѣ которой стоялъ выбранный изъ среды ихъ комитетъ. Въ общемъ они составляли мѣстное населеніе этой части Валиса и ихъ отцы и дѣды занимались уже той работой, требующей извѣстнаго навыка и искусства, которой они добывали свой хлѣбъ. Это кроткое рабочее населеніе отличалось особенною порядочностью и нравственностью; боль-

шинство ихъ было методистами; и маленькій благоустроенный городокъ, или мѣстечко, Виѳезда дѣйствительно соотвѣтствовалъ своему библейскому названію. Владѣлецъ знаменитыхъ аспидныхъ ломокъ, снабжавшихъ Англію необходимымъ матеріаломъ для покрышки кровель, уже впродолженіе многихъ лѣтъ старался подавить всякое проявленіе идеи комбинаціи или коллективнаго дѣйствія между своими рабочими. Въ основаніи дѣла здѣсь былъ положенъ тотъ принципъ, что лордъ Пенринъ есть полновластный хозяинъ во всемъ, что касается его рабочихъ. Сомнѣніе въ правильности такой системы, въ его глазахъ, было уже мятежемъ. Учрежденіе комитета для подачи какихъ-либо коллективныхъ заявленій хозяину было вторженіемъ въ дѣла управленія. Отрицаніе божественнаго права лорда Пенрина,—дѣлать все что онъ захочетъ съ своею собственностью и съ своими служащими,—считалось въ Виѳездѣ чуть не тяжкимъ преступленіемъ. Въ сентябрѣ прошлаго года, рабочіе на ломкѣ подали лорду Пенрину записку, за подписью семидесяти человѣкъ ихъ уполномоченныхъ, въ которой просили его объ устраненіи нѣкоторыхъ тягостей, въ связи съ ихъ работой. Въ отвѣтъ на это заявленіе, онъ тотчасъ-же уволилъ семьдесятъ человѣкъ, ихъ уполномоченныхъ, подписавшихся на запискѣ, что повело за собою немедленную стачку всѣхъ его рабочихъ, въ числѣ болѣе 2,000 человѣкъ, и работа на ломкахъ остановилась. Стачка продолжалась уже нѣсколько недѣль, когда средства рабочихъ, неполучавшихъ поддержки отъ Союзовъ, совершенно изсякли, и они обратились съ просьбою о посредничествѣ къ департаменту торговли (Board of Trade), которому, согласно особаго акта, изданнаго въ 1896 г. парламентомъ (Conciliation Act), предоставлялось право дѣйствовать въ качествѣ посредника для улаженія разныхъ споровъ, возникавшихъ между нанимателями и ихъ рабочими. *Рабочее бюро* департамента торговли приняло горячее участіе въ возникшемъ столкновеніи и предложило владѣльцу устроить конференцію съ рабочими, въ присутствіи своего представителя, для разъясненія спорныхъ вопросовъ и возможнаго улаженія дѣла. Лордъ Пенринъ согласился только на одну часть этого предложенія, а именно,—чтобы рабочіе прислали къ нему депутацію изъ трехъ человѣкъ, между которыми не допускалось ни одного изъ числа исключенныхъ имъ семидесяти, т.-е.—ихъ лучшихъ людей и членовъ комитета,—и чтобы предварительно ему было подано письменное изложеніе ихъ жалобъ; что-же касалось до участія въ переговорахъ, въ качествѣ посредника, представителя рабочаго бюро, то онъ положительно отказывался отъ этого, считая такое участіе «постороннимъ вмѣшательствомъ въ его частныя дѣла». Уступчивость рабочихъ простиралась до того, что они согласились и на такое, совершенно несправедливое, условіе, выговоривъ себѣ только право прислать на предполагавшуюся конференцію своего стенографа и переводчика (рабочій народъ въ Валисѣ говоритъ на особомъ кельтскомъ діалектѣ, сохранившимся здѣсь съ древнихъ временъ). Но, соглашаясь на это, лордъ Пенринъ опять потребовалъ, чтобы

эти лица не были изъ числа семидесяти уволенныхъ рабочихъ. Такъ какъ подходящихъ для этого людей не нашлось среди остальныхъ ихъ товарищей, то на этомъ и окончились всѣ дальнѣйшія попытки къ соглашенію, и завѣдующій рабочимъ бюро, К. Бойль, послалъ въ заключеніе довольно длинной переписки по этому дѣлу весьма характерное письмо лорду Пенрину, которое, въ сокращенномъ видѣ, мы приводимъ ниже:

«Милордъ.—По порученію департамента торговли, имѣю честь извѣстить васъ въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 9-го:

«По вопросу о присутствіи представителя рабочаго бюро на предполагавшейся конференціи между вами и вашими людьми, департаментъ, хотя и не настаиваетъ на этомъ, противу вашего желанія,—но поручилъ мнѣ указать вамъ, что, согласно статей Акта о соглашеніяхъ (Conciliatiom Act), онъ не можетъ признать *частнымъ дѣломъ* разрѣшеніе спорнаго вопроса, касающагося благосостоянія нѣсколькихъ тысячъ людей съ ихъ семьями.

«...Я долженъ также указать вамъ, что рабочіе согласились на поставленное вами условіе, чтобы въ составѣ ихъ депутаціи не было ни одного человѣка изъ числа семидесяти уволенныхъ вами и составлявшихъ ихъ комитетъ,—только послѣ долгихъ убѣжденій... и потому департаментъ торговли будетъ крайне сожалѣть, если начало переговоровъ, всегда представляющее самую трудную часть дѣла при такихъ обстоятельствахъ, будетъ еще далѣе затруднено какими-либо новыми условіями и стѣсненіями...»

Такимъ образомъ, благодаря безпримѣрному самодурству этого представителя торійской аристократіи, не только презрѣвшаго общественное мнѣніе, но и бросившаго вызовъ самому парламенту, всякое соглашеніе между имъ и его рабочими оказалось невозможнымъ. Но, уже съ декабря прошлаго года, въ англійскихъ газетахъ стали появляться сочувственныя статьи по поводу пенринской стачки, и послѣ того нѣкоторыя изъ самыхъ вліятельныхъ радикальныхъ и либеральныхъ органовъ, не находившихся, подобно газетѣ «Times» и др., въ плѣну у плутократіи, отвели ей особый отдѣлъ, подъ рубрикою—«Право Союза» (Right op Combination), и открыли у себя подписку въ пользу Пенринскихъ стачешниковъ. Не только рабочіе союзы, но и значительная часть общества дружно откликнулись на этотъ призывъ, и деньги полились рѣкою; менѣе чѣмъ за восемь мѣсяцевъ, съ конца декабря прошлаго года до половины августа, когда борьба завершилась торжествомъ рабочихъ, было собрано около 206,000 руб. (21,500 фунт.) и подписка продолжала возростать. Многіе изъ рабочихъ союзовъ назначили опредѣленные ежемѣсячные взносы. Подписка среди публики, начиная съ шиллинга, доходила до крупныхъ суммъ въ нѣсколько сотъ фунтовъ. Какъ извѣстно, жители Валиса отличаются своею музыкальностью и любовью къ пѣнью, и между ними распространены хоровыя общества, гдѣ испол-

ные люди, упражняющіеся теперь въ публицистикѣ подъ руководствомъ «ближайшаго сотрудника» Каткова, кажется, не понимаютъ, что можно не восторгаться Катковымъ, можно не одобрять его дѣятельность, можно даже считать ее вредною, не будучи ни клеветникомъ, ни лжецомъ, ни человѣконенавистникомъ. Эти милые «патріоты своего отечества» такъ убѣждены въ своей безусловной правотѣ, такъ увѣрены въ томъ, что только они достойны названія русскихъ людей (это выраженіе всегда подчеркивается ими), что всякій, кто имѣетъ несчастіе не согласиться съ ними, есть врагъ Россіи или, по крайней мѣрѣ, отъ него слѣдуетъ потребовать вторичной присяги на вѣрность. Съ такими людьми, очевидно, разговаривать не приходится. И въ самомъ дѣлѣ, что вы можете сказать, напримѣръ, о графѣ Комаровскомъ, который привѣтствуя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» собраніе передовицъ Каткова (именно «привѣтствуя», а не разбирая), восклицаетъ въ восторженномъ оживленіи: «Посторонитесь! Катковъ идетъ!» а затѣмъ прибавляетъ: «Пусть противники Михаила Никифоровича вспомнятъ могилу Грознаго, а пока пусть посторонятся—Катковъ опять оживаетъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ!» Такъ и будемъ знать, что Михаилъ Никифоровичъ Катковъ есть Иванъ Грозный русской публицистики: вѣдь это говоритъ намъ профессоръ, не предположить-же, что онъ не знаетъ, что говоритъ? Увы, это какой-то болѣзненный бредъ, который, повидимому, заразительно дѣйствуетъ на людей, соприкасающихся съ «Московскими Вѣдомостями».

Повторяемъ, съ такими восторженными почитателями Каткова говорить не приходится и если мы отвѣчаемъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», то не съ тѣмъ, чтобы съ ними бесѣдовать, а съ тѣмъ, чтобы кое-что выяснить въ «вопросѣ о Катковѣ», могущее интересовать нашихъ читателей. «Сѣверный Вѣстникъ» утверждаетъ,—говорятъ «Московскія Вѣдомости», «что никакого вліянія Герцена на русское общество никогда не существовало, и что, слѣдовательно, Каткову не приходилось бороться съ этимъ вліяніемъ». Ничего подобнаго мы ни говорили. Вліяніе Герцена было и Катковъ боролся съ нимъ. Мы только посмѣялись надъ тѣми нелѣпыми преувеличеніями, которыя себѣ позволилъ князь Мещерскій, говоря, что Россія погибала подъ «игомъ» Герцена, и конечно, погибла-бы, еслибъ на выручку ей не явился Катковъ. Князь Мещерскій такъ и назвалъ Каткова—новымъ Давидомъ. Все это, конечно, было-бы грустно, еслибъ не было такъ смѣшно. Точно такъ-же и по поводу проблематической «польской интриги» намъ показалось нелѣпымъ и недостойнымъ серьезнаго человѣка утверждать, что отъ этой «интриги», опять-таки будто-бы грозившей погубить Россію, спасъ ее Катковъ своими передовицами. Этимъ мы выразили лишь сомнѣніе—не только въ томъ, что Катковъ обладалъ такой сверхъестественной мощью, но также и въ томъ, что Россія будто-бы и въ самомъ дѣлѣ погибала, вслѣдствіе статей Герцена въ «Колоколѣ», или вслѣдствіе какой-то «польской интриги», въ которой участвовали будто-бы даже министры (намекъ на графа Ва-

луева у князя Мещерскаго совершенно ясенъ). Неужели этимъ восторженнымъ поклонникамъ Каткова не понятно, что ни достоинство Россіи, ни ея существованіе не могутъ зависѣть отъ разглагольствованій, хотя-бы и «благонамѣренныхъ», какого-нибудь публициста?

Кстати объ «интригѣ». Катковъ всю жизнь и вездѣ видѣлъ интригу. Чуть кто съ нимъ не согласенъ,—уже непремѣнно интриганъ, а поэтому и измѣнникъ. Эта нѣсколько психопатическая черта выступаетъ особенно ярко въ перепискѣ Леонтьева съ Безобразовымъ, напечатанной въ настоящее время въ «Русскомъ Обозрѣніи». Она обратила на себя вниманіе и «Новего Времени», изъ котораго мы заимствуемъ кое-какія цитаты, не имѣя сейчасъ подъ руками «Русскаго Обозрѣнія». Переписка эта очень любопытка. Леонтьевъ, который, какъ извѣстно, былъ только эхомъ,—правда, весьма слабымъ, за то необыкновенно вѣрнымъ,—Каткова, между прочимъ пишетъ по поводу классической реформы преподаванія, приводимой тогда «Московскими Вѣдомостями»: «Уже состоялось опредѣленіе харьковскаго университета, что изъ реальныхъ гимназій долженъ быть открытъ доступъ въ университетъ. Это опредѣленіе недавно напечатано въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Нельзя-ли было-бы такъ устроить, чтобы академія и дерптскій университетъ высказались противъ этого опредѣленія? Московскій университетъ въ этомъ случаѣ поступилъ какъ слѣдуетъ, но еслибы академія и Дерптъ высказались тоже противъ Харькова, то интрига была-бы посрамлена съ эфектомъ, даже если Казань присоединится къ Харькову». Итакъ, Катковъ съ Леонтьевымъ видятъ интригу въ томъ, что харьковскій университетъ гласно высказался противъ классической реформы, за которую ратовали такъ горячо «Московскія Вѣдомости»; но тѣ-же Катковъ и Леонтьевъ не замѣчаютъ, что прося о томъ, «нельзя-ли устроить такъ, чтобы академія и Дерптъ высказались противъ этого опредѣленія?»—они сами подводятъ интрижку, тѣмъ болѣе некрасивую, что она ведется съ задняго двора, путемъ келейныхъ нашептываній. Не харьковскій университетъ интриговалъ, а Катковъ и Леонтьевъ. Въ другомъ мѣстѣ, Леонтьевъ пишетъ: «У насъ есть въ академіи Перевощиковы и т. п. Пожалуй, кто-нибудь понесетъ чепуху, и тогда интрига воспользуется. Академіи можетъ быть повѣрили-бы, если-бы она сказала, что не только она, но и всѣ академіи на свѣтѣ считаютъ этотъ вопросъ безспорнымъ. Но въ какой формѣ можетъ высказать это академія? Повторяю, что пренія испортятъ все дѣло». Тутъ опять-таки мы видимъ, какъ Каткова преслѣдуетъ призракъ интриги, съ которою онъ пытается бороться путемъ контръ-интриги. Необходимо принять во вниманіе, что это пишется Безобразову, который былъ академикомъ, слѣдовательно могъ такъ или иначе оказать давленіе на рѣшенія академіи. Но Леонтьевъ намекаетъ Безобразову, что не слѣдуетъ это дѣлать открыто, потому что «пренія испортятъ все дѣло», а келейно, опять-таки путемъ нашептываній. Не знаемъ, что отвѣчалъ на такое «предложеніе» Безобразовъ, но оно было дѣйствительно некрасиво и отзывалось скверной подпольной интригой.

Говоря о письмахъ Леонтьева «Новое Время» справедливо замѣчаетъ, что «интересъ ихъ только условный и скорѣе отрицательнаго свойства для того, о комъ всю жизнь такъ сердечно заботился Леонтьевъ (т. е. для Каткова). Самъ Леонтьевъ до того обезличился въ этихъ заботахъ, что иначе не говоритъ о себѣ, какъ во множественномъ числѣ, разумѣя всегда вмѣстѣ съ собою и Каткова. Письма относятся къ тому періоду времени, когда «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ» стояли на сторонѣ крайняго фритредерства и задавали протекціонизму «генеральную кампанію», по выраженію Леонтьева, выписывали изъ Бельгіи зауряднаго экономиста Молинари и также самоувѣренно и настоятельно предлагали слѣдовать только его ученію, какъ потомъ съ такимъ-же авторитетомъ требовали подчиненія доводамъ крайняго протекціонизма. Вообще, по части экономическихъ курьезовъ въ прежнемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» можно найти не мало любопытнаго. Чего стоитъ одинъ проектъ проведенія изъ Москвы въ Севастополь конно-желѣзной дороги, на томъ основаніи, что лошадей у насъ много, а лѣсовъ въ средней Россіи мало! Маленькимъ обращикомъ блужданія П. М. Леонтьева въ экономическихъ вопросахъ могутъ служить, напр., слѣдующія строки его письма: «Новая желѣзная дорога изъ Рыбинска въ Балтійскій портъ и способы ея построенія никакъ не заслуживаютъ сочувствія. Тратить общія податныя деньги на то, чтобы искусственно возвышать сѣверъ, это было-бы вопіющимъ дѣломъ. А. Мандельштамъ хочетъ: 1) Высокой гарантіи на половину складочнаго капитала. 2) Сборы другой половины со всего русскаго народа за освобожденіе отъ паспортной системы. 3) Пониженія перевозной платы сырыхъ продуктовъ. Эта плата—для хлѣба 2½ коп. за 100 верстъ съ пуда,—и такъ ужъ очень низка. Понижать ее больше—это значитъ искусственно облегчать сбытъ хлѣба, идущаго на Рыбинскъ. Люди ловкіе, повидимому, убѣждены въ нашей простотѣ, а такъ-же разсчитываютъ на поддержку барона Штиглица, заинтересованнаго будущностью ораніенбаумской дороги».

Но возвратимся къ учебной реформѣ, этой жемчужинѣ всей дѣятельности Каткова. Въ прошломъ обозрѣніи мы не тронули этого вопроса за неимѣніемъ мѣста, но онъ важенъ для характеристики Каткова и мы теперь скажемъ о немъ нѣсколько словъ, пользуясь при этомъ нѣкоторыми разъясненіями г. Розанова, найденными нами въ прекрасной статьѣ, помѣщенной въ «Новомъ Времени». Князь Мещерскій, любезно объяснивъ, что въ шестидесятыхъ годахъ Катковъ и его другъ Леонтьевъ руководили всѣмъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, говоритъ: «меня всегда поражалъ таинственный смыслъ трилогіи, которая представляется при сопоставленіи знаменитыхъ драматическихъ твореній Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя, лучшихъ ихъ твореній, почти единственныхъ: «Недоросль», «Горе отъ ума», «Ревизоръ». Написавъ ихъ, они замолкли, словно исполнивъ свой урокъ, свое призваніе... Рукою ихъ запечатлѣно въ нашей памяти, въ назиданіе современникамъ и потомству, какъ-бы

спасительное предостереженіе отъ новыхъ: Манэ-Факелъ-Фаресъ. «Недоросль» — это правда всѣмъ нашимъ безчисленнымъ и вѣковѣчнымъ Митрофанамъ и Простаковымъ, юнымъ и старымъ, неученымъ и, будто бы, ученымъ, сферъ низменныхъ и высокихъ. «Горе отъ ума»—вѣчное напоминаніе о тупой и закоренѣлой, также всюду у насъ умобоязни или, вѣрнѣе, недовѣрія къ людямъ умственно и нравственно выдающимся; и, наконецъ, какъ неминуемый выводъ, ка́къ прямое послѣдствіе этихъ всякихъ нашихъ грѣховъ—появленіе грознаго «Ревизора»,—не комедіи, а того, который еще и не былъ воплощенъ Гоголемъ, но символически названъ имъ. Ревизоръ, передъ которымъ нѣмѣетъ и замираетъ заурядная жизнь, со всяческими неправдами и беззаконіями,—это строгое напоминаніе дѣла, присяги: громкой—Царю и тайной — совѣсти». Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Розановъ, Россія представляется князю Мещерскому, какъ великій Митрофанъ, котораго предстояло переучить Каткову; послѣ Карамзина, Пушкина, и тутъ-же всуе называемаго Гоголя—онъ все еще Митрофанъ; въ пору Тургенева, Л. Толстого, Гончарова, Островскаго,—да за чѣмъ мы будемъ называть беллетристовъ. Россія, къ школьнымъ задачамъ которой такъ осторожно незадолго передъ этимъ подходилъ Н. И. Пироговъ, кстати уволенный изъ попечителей кіевскаго учебнаго округа, какъ только на министерскій постъ вступилъ гр. Д. Толстой, эта Россія «яко-бы свѣтилъ науки» и «полуграмотныхъ журналистовъ» потому только отрицательно отнеслась къ реформѣ въ ея подробностяхъ, въ ея осуществленіи, что она «не хотѣла учиться», что ей «ученье было трудно». Любопытно, что совершенно то-же самое и почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ (ссылаясь даже на Простакову) пишетъ и г. Грингмутъ въ статьѣ «Заслуги М. Н. Каткова по просвѣщенію Россіи». По этому поводу г. Розановъ пишетъ: «Слава Богу, вся Европа училась, просвѣщалась и рѣшительно мы не помнили, чтобы какую-нибудь гдѣ-нибудь страну инструкторы называли «страной Простакова»: впервые это у насъ случилось. «Angeli — ангелы: пусть эта страна бѣлокурыхъ дѣтей называется Англіей», такъ по записи средневѣковаго хроникера произошло имя Англіи и англичанъ, дано первыми священниками—миссіонерами Рима. Вотъ первое зрительное впечатлѣніе и сейчасъ-же просвѣщеніе. Но вотъ послѣ тысячи лѣтъ существованія къ намъ выходятъ новые инструкторы для переучиванія, и первое, что мы слышали отъ нихъ, есть—«Митрофаны». Еще ученіе не началось, а мы уже оскорблены. Съузимъ поле зрѣнія, пойдемъ въ классную комнату: вотъ передъ нами, конечно, перепуганный и смущенный «Митрофанъ», обдумывающій дѣйствительно-ли его папа—«Скотининъ» и мама «Простакова»: какъ вы думаете, внимательно онъ слушаетъ теперь наставленіе учителя? Слѣдитъ за окончаніями въ extemporale? Не возбужденъ-ли онъ, не ожесточенъ-ли? Въ отвѣтъ не смѣется-ли онъ злобно надъ всѣмъ, что вы ему говорите, и прежде всего,—довольно не безъ основанія,—надъ вашимъ лицомъ, надъ вашей душею, знаніями, усиліями». На эту тему и дольше,

разбирая учебную реформу, проводимую Катковымъ, г. Розановъ написалъ много прекрасныхъ словъ съ истиннымъ знаніемъ дѣла, съ большою чуткостью просвѣщеннаго человѣка, умѣющаго отличать «уставъ», «программу» отъ самаго дѣла, живого и творческаго. По его мнѣнію, педагогическіе статьи Каткова обнаруживаютъ удивительное невниманіе къ Россіи и, между прочимъ, какъ подробность этого невниманія, пренебреженіе къ личности учителя, отсутствіе какого-либо сознанія, что онъ-то и есть центръ и душа школы, единственный ея реальный и значущій творецъ. Между прочимъ, Катковъ требовалъ сокращенія не только словесности, но и исторіи въ преподаваніи. «Основывая учебную систему, — писалъ онъ, — на преподаваніи древнихъ историческихъ языковъ, къ чему-же еще будемъ обременять нашихъ молодыхъ людей, при семигодичномъ курсѣ гимназіи, излишними уроками по части исторіи, какъ отдѣльнаго предмета. Эти излишніе уроки есть такая-же трата времени, какъ и излишніе уроки русской словесности. Эти излишніе уроки будутъ раскрывать для созерцанія учащихся не какой-либо предметъ, а собственную личность преподавателя, которая безъ сомнѣнія не входитъ въ планъ гимназическаго ученія».

Указавъ на эти слова Каткова, г. Розановъ говоритъ: «Вотъ взглядъ на дѣло: въ этихъ мимолетныхъ, необыкновенно значущихъ словахъ, вставленныхъ здѣсь и тамъ, личность учителя особенно усиленно пренебрежена. Работаетъ собственно «программа», работаетъ «уставъ». Мы припоминаемъ и теперь только, какъ общій «планъ реформы», начинаемъ понимать слова, поразившія насъ нѣкогда въ некрологѣ гр. Д. А. Толстого, написанномъ его сотрудникомъ А. И. Георгіевскимъ: «попечители, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, жаловались, что имъ по нѣсколькимъ недѣлямъ приходится жить здѣсь, прежде чѣмъ они были допускаемы къ пріему у министра», въ общемъ, однако, доступнаго, т.-е. что онъ не искалъ, не интересовался спросить, какъ же идетъ «реформа», прививается-ли, благи-ли ея результаты. Было воззрѣніе, очевидно, общее, что всякій занумерованный чиновникъ есть достаточный учитель, ибо его точное дѣло есть «стоять» около программы и «отмѣчать» въ «классномъ журналѣ» «успѣхи», съ которыми ученики вбираютъ ее въ себя; нѣчто въ родѣ учебнаго педеля, какъ есть въ университетѣ «педеля», записывающіе пустыя и не пустыя вѣшалки студентовъ. «Не презирайте малыхъ сихъ», сказано въ Евангеліи; здѣсь они были «презрѣны»; естественно начали «презрѣнно» дѣлать дѣло; «вотъ пунктъ, гдѣ реформа погибла». И хорошо, что погибла. Но что вы скажете объ этомъ «великомъ», «геніальномъ», «незабвенномъ» публицистѣ, который, стоя на стражѣ будто бы русскихъ интересовъ, обнаруживаетъ такое грубое, чисто чиновническое, тупое непониманіе въ дѣлѣ первостепенной важности. И послѣ этого князь Мещерскій удивляется, что на личности Каткова сосредоточились всѣ оттѣнки злобы, зависти, страха и мести. А впрочемъ, это понятно: вѣдь самъ князь Мещерскій, бывшій попечителемъ

московскаго учебнаго округа, былъ добровольною âme damnée Каткова, какъ самъ въ этомъ сознается.—«Смѣялся я внутренно,—говоритъ онъ,—когда до меня доходили отзывы недоброжелателей (старавшихся побольнѣй меня унизить), что попечитель округа — не я, а Павелъ Михайловичъ (Леонтьевъ) или Михаилъ Никифоровичъ (Катковъ). Какая наивность! Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ руководили тогда не московскимъ округомъ, а совмѣстно и согласно съ гр. Толстымъ, признававшимъ истинность ихъ взглядовъ, вообще дѣломъ просвѣщенія. Очень естественно, что стремясь къ одной цѣли, безусловно убѣжденный въ правильности ихъ воззрѣній, зная, что запасъ свѣдѣній ихъ неисчерпаемъ и провѣренъ опытомъ, я строго держался единства направленія съ ними, съ людьми, съ которыми, кромѣ того, связывала меня дружба и уваженіе, возраставшія съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ я съ ними ближе знакомился. Я долженъ сознаться, что я по временамъ и злоупотреблялъ ихъ дружбой, ужъ слишкомъ часто и настойчиво прибѣгалъ къ ихъ отзывамъ и совѣтамъ. И какъ благодушно они къ тому относились, несмотря на то, что я отнималъ у друзей, столь обремененныхъ работою въ эти смутные дни, слишкомъ много золотого времени».

Однако, revenones á nos moutons,—я хочу сказать—къ публицистамъ, упражняющимся подъ руководствомъ «ближайшаго сотрудника» Каткова, и ополчившимся на насъ за наше недостаточно почтительное отношеніе къ Каткову. Наивные они, право, люди. Они обвиняютъ насъ въ томъ, что говоря о Катковѣ, какъ о писателѣ, и находя его языкъ невыразительнымъ, неяркимъ и блѣднымъ, мы не приводимъ цитатъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія. Но такихъ цитатъ и привести нельзя, т.-е. можно и даже въ очень большомъ количествѣ, но если-бы мы ихъ привели, то намъ могли бы возразить, что онѣ ровно ничего не доказываютъ, потому что онѣ искусственно подобраны. Да, цитатъ мы не приводили, но сдѣлали лучше: говоря о другихъ вопросахъ, касающихся Каткова, мы привели чуть-ли не всю его передовую статью, взятую нами для другихъ цѣлей; изъ нея-то и можно видѣть, каковъ языкъ Каткова.

Нашимъ отзывомъ объ «ученіи» Каткова «Московскія Вѣдомости» также не довольны. Мы сказали, что это ученіе высказывалось отчасти давнымъ давно на западѣ и, между прочимъ, Жозефомъ де Местромъ. Но «Московскія Вѣдомости» сомнѣваются въ вѣрности нашей ссылки и упрекаютъ насъ въ этомъ напрасно. Если почтенной редакціи сочиненія де Местра неизвѣстны, то ей, предварительно, слѣдовало бы заглянуть въ нихъ, такъ (въ «Essai sur le principe generateur des institutions humaines») она бы нашла изложеннымъ не все, конечно, ученіе (мы говорили, отчасти), а ту его форму, которая касается обсолютизма въ Римѣ и Византіи. Что-же касается до византійскаго абсолютизма, одухотвореннаго будто-бы христіанствомъ, то объ этомъ предметѣ она найдетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей у Амедэ Тьерри. Относительно того, что, какъ мы утверждали, Россія самостоятельно выработала свою государственную

форму, а не заимствовала ее изъ Византіи, то на этотъ счетъ «Московскія Вѣдомости» найдутъ интересныя подробности въ исторіи Соловьева, съ которой эта редакція, какъ кажется, не знакома. Желая облегчить «Московскимъ Вѣдомостямъ» эту справку, выписываемъ нѣсколько строкъ изъ исторіи Соловьева: «Ни свѣтская, ни духовная власть Восточной Имперіи не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на явленія древней русской жизни, не могли выставить начало, равносильнаго господствовавшимъ въ ней началамъ, которыя потому и развивались свободно и независимо; византійскія государственныя понятія, проводимыя на Руси черезъ духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушенію нѣкоторыхъ формъ жизни, когда эти формы были уже рѣшительно поколеблены вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Безопасная отъ насильственнаго вліянія имперій римско-греческой и римско-германской, древняя Русь была безопасна отъ насильственнаго вліянія и другихъ сосѣднихъ народовъ» (послѣднее изданіе, стр. 269). Въ видѣ поясненія, прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній. Государственныя учрежденія древней Руси въ своихъ общихъ формахъ гораздо раньше того момента, когда Византія могла оказывать на нее вліяніе. Весь строй тогдашней русской государственной жизни имѣетъ совершенно самобытный характеръ и нисколько не понимаетъ Византійскую имперію, съ ея крайнимъ формализмомъ и восточно-азіатскимъ порядкомъ. Съ другой стороны, хотя Русь формально и приняла христіанство изъ Византіи, но христіанскія общины существовали на югѣ (а можетъ быть и на сѣверѣ) гораздо раньше и жили своей самостоятельной жизнію. Только значительно позднѣе русская церковь подпала подъ вліяніе Византіи, но это вліяніе никогда не было ни систематическимъ, ни значительнымъ, и мы видѣли множество попытокъ великихъ князей и царей совершенно освободиться отъ этого вліянія. Гораздо болѣе прочнымъ и плодотворнымъ оказалось вліяніе Запада, начиная съ XVI вѣка, а отъ Петра Великаго Россія окончательно и безповоротно вступаетъ въ русло западно-европейской цивилизаціи. Такимъ образомъ, ни государственныя формы, ни церковное устройство мы ни въ какомъ случаѣ не заимствовали и не могли заимствовать изъ Византіи, такъ что вся теорія Каткова построена на пескѣ и не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ. Только мы это и сказали въ прошломъ обозрѣніи.

Тамъ мы говорили еще и о другихъ взглядахъ Каткова, о томъ, напримѣръ, что русскій человѣкъ вовсе не нуждается въ какихъ-либо правахъ, на томъ-де основаніи, что у него есть обязанности, и о томъ еще, что только въ Россіи возможна вполнѣ независимая печать. Мы старались разъяснить «Московскимъ Вѣдомостямъ» всю вздорность и нелѣпость этихъ взглядовъ, но обо всемъ этомъ газета скромно умолчала, полагая, вѣроятно, что противъ очевидности спорить не всегда удобно. Ради назиданія московскимъ публицистамъ, скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ теоріяхъ Каткова, о которыхъ съ восторгомъ отзывается въ «Рус-

комъ Обозрѣніи» г. Тихомировъ. Такъ, напр., Катковъ считалъ народное представительство величайшей ложью и абсурдомъ. Въ этомъ, допустимъ, есть доля правды, но эта доля принадлежитъ не Каткову, а западно-европейскимъ мыслителямъ. Въ Западной Европѣ это мнѣніе очень распространенное, хотя самыя формы жизни остаются прежними. Карлейль, между прочимъ, очень настойчиво придерживался этого взгляда. Съ такимъ-же скептицизмомъ къ народному представительству относился и Ренанъ въ своихъ политическихъ статьяхъ. Но и въ этомъ скептицизмѣ должна быть мѣра, которой Катковъ не зналъ. Народная воля, выражаемая черезъ представителей, конечно, фикція, но самыя формы народнаго представительства имѣютъ свои хорошія и желательныя стороны, напримѣръ, отвѣтственность министерства передъ лицомъ Государя и парламента, контроль надъ бюджетами пр. Катковъ судилъ народное представительство, такъ сказать, огуломъ, съ чисто формальной стороны, и игралъ, по своей всегдашней привычкѣ, словами, говоря, напримѣръ, что «воля одержавшаго верхъ большинства въ сущности является вовсе не волею народа, а того или другого оратора, подчинившаго своей волѣ большинство слушателей».

Такою же «солидностью» отличается и взглядъ Каткова на прогрессъ и консерватизмъ. На нѣсколькихъ страницахъ, скучно и болтливо Катковъ говорилъ то, что гораздо раньше его, коротко и ясно, сказалъ Маколей. Катковъ признаетъ одновременно и консервативное направленіе и прогрессивное. Всякое улучшеніе, говоритъ Катковъ, происходитъ на основаніи существующаго. «Что можетъ быть предметомъ сознательнаго и разумнаго храненія? Никакъ не отживающія формы, которыя рушатся сами собою. Истиннымъ предметомъ храненія должны быть не формы, а начала, которыя въ нихъ живутъ и даютъ имъ смыслъ». «Истино-охранительное направленіе въ сущности дѣйствуетъ заодно съ истинно-прогрессивнымъ; но у каждаго есть своя опредѣленная функція въ одномъ общемъ дѣлѣ, и въ своихъ частныхъ проявленіяхъ они безпрерывно могутъ расходиться и сталкиваться». Катковъ забываетъ, однако, что въ дѣйствительной жизни не всегда можно ясно видѣть тѣ живительныя начала, которыя должны быть охраняемы; съ другой стороны, и формы, подлежащія прогрессивному измѣненію, очень часто могутъ быть смѣшиваемы съ началами, дающими имъ смыслъ. Еслибы Катковъ разсуждалъ не формально, а подкладывая подъ свои формулы факты, заимствуя ихъ изъ исторіи, то онъ бы скоро убѣдился, что его теорія не выдерживаетъ критики.

Эта теорія прогресса и консерватизма напоминаетъ намъ, какъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Эмиль-де-Жирарденъ,—нѣчто въ родѣ французскаго Каткова, только болѣе блестящаго,—провозгласилъ себя conservateur-progresiste. Эти выходки могли, конечно, французовъ только развеселить, потому что они хорошо знали, что такое г. де-Жирарденъ, и можно-ли къ нему относиться серьезно. Точно такимъ же консерватив-

нымъ прогрессистомъ заявилъ себя и Катковъ, зная очень хорошо, что такими формулами, въ которыхъ нѣтъ никакого содержанія, можно играть сколько угодно. Вообще, нельзя не видѣть самой интимной аналогіи между Жирарденомъ и Катковымъ. Катковъ истинный ученикъ Жирардена; на этомъ отцѣ французской публицистики онъ учился и отъ него воспринялъ всѣ свои публицистическіе пріемы. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите только, какъ далеко идетъ это сродство двухъ публицистовъ, русскаго и французскаго. Жерарденъ провозгласилъ себя conservateur-progresiste, Катковъ считалъ себя консервативнымъ прогрессистомъ, что не мѣшало ему защищать самыя ретроградныя идеи, какъ тотъ же принципъ не мѣшалъ Жирардену поддерживать всякій режимъ, лишь бы онъ былъ ему выгоденъ. Дальше, Жирарденъ въ одно прекрасное утро торжественно провозгласилъ, что необходимо amélio le goauvernement établi sans lui et même malgré lui, т. е. быть plus royaliste que le roi. Не тоже ли самое дѣлалъ и Катковъ, когда настаивалъ на такихъ мѣрахъ, какія правительство считало вредными: и онъ тоже améliorait le gouvernement sans lui et même malgré lui Наконецъ, Жирарденъ заявилъ, что въ въ своей газетѣ онъ будетъ давать une idée par jour. И дѣйствительно, каждый день выступалъ съ новой идеей; предоставляемъ судить читателямъ, каковы должны были быть эти идеи и какъ онѣ были родственны между собою. Катковъ былъ скромнѣе, и не говорилъ, что онъ ежедневно выступаетъ съ новой идеей, но въ дѣйствительности дѣлалъ совершенно тоже самое. Не этимъ ли объясняются его постоянныя противорѣчія, когда сегодня онъ опровергалъ то, что рекомендовалъ вчера? Сегодня былъ progressiste, а вчера—conservateur? Выраженіе Жирардена можно перевести по-русски: чего хочешь, того просишь. Такъ и дѣлалъ Катковъ. Другое выраженіе Жирардена améliorer le gouvernement и пр. удачно переводится поговоркой: совать свой носъ куда не просятъ. Наконецъ, une idée par jour—не препятствуй моему нраву. И все это, къ сожалѣнію, было въ Катковѣ, только не въ столь буйныхъ и экспансивныхъ формахъ, какъ у Жирардена. У русскаго Жирардена было больше внѣшней выдержки, за то французскій Катковъ куда былъ талантливѣе и подвижнѣе. Но оба всю жизнь придерживались изрѣченія Щедрина: «Politique jamais, ура—toujours et puis айда!»

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Нѣсколько словъ о Мицкевичѣ.

Совершенно безполезно въ сотый разъ указывать на болѣе чѣмъ странные нравы нѣкоторой части нашей печати. Однако, считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе на фактъ рѣдкой беззастѣнчивости, на который я наткнулся совершенно случайно. Въ № 7733 «Новаго Времени» было помѣщено письмо изъ Варшавы. Авторъ письма передаетъ содержаніе статьи (напечатанной въ № 251 «Kurjera Warszawskiego») профессора Вержбовскаго о Мицкевичѣ по поводу одного мелкаго и, на первый взглядъ, просто курьезнаго, но въ дѣйствительности весьма интереснаго литературнаго вопроса. Дѣло въ томъ, что въ своихъ мистическихъ сочиненіяхъ (такъ выражается корреспондентъ, профессоръ-же Вержбовскій ссылокъ никакихъ не дѣлаетъ) Мицкевичъ, говоря о какомъ-то будущемъ возстановителѣ Польши, называетъ его «Сорокъ-четыре». Г. Вержбовскій старается рѣшить вопросъ о томъ, кого Мицкевичъ понималъ подъ этимъ страннымъ названіемъ. При этомъ ему пришлось говорить о матери поэта, такъ-какъ будущій возстановитель характеризуется, между прочимъ, какъ рожденный отъ матери-иноземки. Г. Вержбовскій хочетъ доказать, что подъ цифрою 44 Мицкевичъ разумѣлъ самого себя, слѣдовательно,—заключаетъ онъ,—мать поэта была иноземка. Резюмируя статью г. Вержбовскаго, корреспондентъ «Новаго Времени» пишетъ: «Слова Мицкевича о матери-иноплеменницѣ вполнѣ примѣнимы къ его матери, такъ-какъ она была не полька, а крещеная еврейка. Еврейскимъ происхожденіемъ матери Мицкевича, вѣроятно, объясняется его особая симпатія къ евреямъ... Вслѣдствіе такого юдофильства Мицкевича здѣшніе евреи приняли живѣйшее участіе въ дѣлѣ постановки памятника Мицкевичу и сдѣлали крупныя пожертвованія на этотъ памятникъ». Мнѣ неизвѣстно, какія пожертвованія на памятникъ дѣлали варшавскіе евреи, но я долженъ заявить, что относительно матери Мицкевича корреспондентъ сознательно и съ удивительной, даже для нашего времени, беззастѣнчивостью, налгалъ. Г. Вержбовскій, согласно документамъ и истинѣ, говоритъ въ своей статьѣ слѣдующее: «Остается объяснить только два стиха:

Z matki obcej; krew jego dawne bohatery,
A imię jego czterdziésci i cztery.

(Отъ матери-иноземки; его кровь—кровь древнихъ героевъ, а имя ему—сорокъ-четыре). Эти стихи точно такъ-же должны относиться къ Мицкевичу, являясь развитіемъ и пополненіемъ прежнихъ, и я объясняю ихъ слѣдующимъ образомъ. Этотъ мессія (т.-е. Мицкевичъ), который на славѣ долженъ былъ строить громады своей церкви (т.-е. церкви поэзіи), происходилъ отъ древнихъ героевъ, т.-е. литовскихъ Римвидовъ герба Порай, ибо таково было родовое прозвище и таковъ былъ гербъ Мицке-

вичей. Если мы обратимъ вниманіе на различіе, встрѣчающееся въ большинствѣ случаевъ въ названіяхъ польскихъ и литовскихъ, а именно, что польскіе названія кончаются на *ski*, а литовскія на *icz* (ичь) и когда мы вспомнимъ о литовскомъ партикуляризмѣ Мицкевича, то выраженіе «отъ матери-иноземки» станетъ для насъ яснымъ, такъ-какъ мать поэта (Варвара, урожденная Маевская) была полька, а не литовка и, слѣдовательно, формально была иноземка». Все это совершенно согласно со всѣми несомнѣнными и офиціальными документами: мать Мицкевича была, дѣйствительно, чисто польской крови. Но корреспондентъ «Новаго Времени», передавая это мѣсто статьи г. Вержбовскаго, подмѣнилъ слово полька словомъ еврейка. Признаюсь, рѣдкій примѣръ наглой недобросовѣстности. И зачѣмъ все это понадобилось корреспонденту? Какъ-будто поэтическое значеніе Мицкевича какимъ-либо образомъ можетъ измѣниться отъ того, какого происхожденія была его мать? У Некрасова мать была полька, и однако всѣ мы считаемъ его русскимъ и не упрекаемъ его въ полонофильствѣ. Прадѣдъ Пушкина былъ негръ, но это нисколько не мѣшаетъ ему быть величайшимъ русскимъ народнымъ поэтомъ и никому не придетъ въ голову шальная мысль ставить Пушкину въ вину или въ похвалу его негритянское происхожденіе. Мать Жуковскаго была турчанка, Лермонтовъ былъ шотландскаго происхожденія, какъ Грибоѣдовъ польскаго; но развѣ изъ этого слѣдуетъ что-либо?.. Редакціямъ нашихъ газетъ, не слѣдящимъ обыкновенно за польской печатью, слѣдовало-бы съ особенной строгостью выбирать корреспондентовъ въ Царствѣ Польскомъ и довѣрять только людямъ, на добросовѣстность которыхъ можно было-бы разсчитывать...

Что же касается до самаго вопроса о цифрѣ 44, находящейся будто-бы въ какихъ-то мистическихъ сочиненіяхъ Мицкевича (собственно, мистическихъ сочиненій у Мицкевича нѣтъ), то дѣло представляется въ такомъ видѣ: указанное мѣсто находится въ третьей части поэмы «Dziady». Послѣ такъ называемой «импровизаціи» Коприда (героя поэмы, въ которомъ Мицкевичъ, повидимому, олицетворяетъ самого себя), отецъ Петръ (священникъ и духовидецъ) имѣетъ видѣніе. Вотъ его монологъ (невозможно въ прозѣ передать прелести этихъ стиховъ): «Кто же этотъ мужъ?.. Это—намѣстникъ на землѣ. Я его зналъ, когда онъ былъ ребенкомъ, я видѣлъ, какъ онъ росъ душой и тѣломъ. Онъ слѣпъ, но его ведетъ ангелъ. Мужъ страшный... у него три лица и три чела. Надъ его головой развернута, точно балдахинъ, таинственная книга, осѣняющая его лицо. Его подножье—три столицы. Три конца свѣта трепещутъ, когда онъ взываетъ. Я слышу голосъ свыше точно громы. Вотъ намѣстникъ свободы, видимый на землѣ! На славѣ онъ построитъ громады своей церкви! Возвеличенный надъ людьми и надъ царями, онъ стоитъ на трехъ коронахъ, но самъ—безъ короны. А жизнь его—трудъ трудовъ, а званіе его—народъ народовъ; отъ матери—иноземки, его кровь—кровь древнихъ героевъ, а имя ему—сорокъ четыре. Слава! слава! слава!»

Комментаторы поэта съ давнихъ поръ старались объяснить это загадочное мѣсто. Самъ Мицкевичъ никогда не объяснялъ его, несмотря на всѣ разспросы. Высказывались разныя догадки. Одни полагали, что подъ цифрою 44 слѣдуетъ считать князя Адама Чарторижскаго, другіе—извѣстнаго мистика того времени Товьянскаго. Цибульскій обращаетъ вниманіе на то, что въ фамиліи поэта (Mickiewicz) десять буковъ, а въ имени—Адамъ,—четыре, такъ что $4\times10+4=44$. Семенскій думаетъ, что 44 напоминаетъ les rapports quartenaires Сенъ-Мартена. Крышевскій говоритъ, что если 44 показать латинскими значками XLIV, то два послѣдніе знака можно принять за N, и такимъ образомъ получится X. L. N. т.-е. Xiąże Ludwik Napoleon (принцъ Людовикъ Наполеонъ) или Наполеонъ III. Хмѣлевскій видитъ въ 44 аналогію съ апокалипсической цифрой 666; вслѣдствіе случайной ассоціаціи идей, мистически настроенный поэтъ, считавшій творчество проявленіемъ высшихъ сверхчувственныхъ силъ, могъ эту случайную ассоціацію принять за нѣкоторый символъ своей будущей миссіи. Наконецъ, г. Вержбовскій, полагая, что подъ цифрою 44 надо считать самого поэта, указываетъ на два документа, относящіеся къ жизни Мицкевича: на свидѣтельство о дворянствѣ поэта и на дипломъ на степень кандидата философіи, выданный ему виленскимъ университетомъ. Первый документъ помѣченъ № 445, а второй—№ 4,244, или другими словами: первыя двѣ цифры перваго документа и послѣднія двѣ второго образуютъ мистическую цифру 44. Однако и это объясненіе, на мой взглядъ, неудовлетворительно: въ концѣ третьей части «Dziadiw» тотъ же отецъ Петръ, прощаясь съ Копридомъ, въ которомъ Мицкевичъ изобразилъ самого себя, говоритъ ему: «Ты отправишься въ далекій, неизвѣстный тебѣ путь, будешь находиться въ толпѣ богатыхъ, великихъ, мудрыхъ; ищи между ними мужа, который мудрѣе ихъ; ты его узнаешь, когда онъ первый обратится къ тебѣ съ привѣтствіемъ во имя Божье». Изъ этого сопоставленія слѣдуетъ, что этотъ мужъ (44) не можетъ быть Копридомъ, т.-е. Мицкевичемъ. Думаю, что слѣдующее объясненіе имѣетъ за собой нѣкоторое преимущество: нѣмецкій ученый Гетцель, на основаніи кабалистическаго разсчета, утверждаетъ, что имя Наполеонъ соотвѣтствуетъ цифрѣ 42 и означаетъ Антихристъ. Съ другой стороны, тотъ-же Гетцель находитъ, что выраженіе: Napoleon empéreur отвѣчаетъ цифрѣ 666, слѣдовательно, $42=666$. Возможно допустить, что Мицкевичъ, всю жизнь поклонявшійся генію Наполеона, подъ вліяніемъ мистицизма Сведенберга, Сенъ-Мартена, Бэма, Баадера и другихъ, которыхъ усердно изучалъ, облекъ своего героя въ мистическій покровъ, напоминающій цифру Наполеона. На это существуютъ любопытныя указанія, проливающія, по крайней мѣрѣ отчасти, свѣтъ и на самое творчество Мицкевича. Но объ этомъ—какънибудь въ слѣдующій разъ. А пока, примите и пр.

Владиміръ Чуйко.

